This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PS12v 620.5 (1902/4)

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

АПРѢЛЬ. 1902.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1902.

P8lam 620.5 (1902/4)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUN 20 1950

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25-го апрѣля 1902 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

1. **Купріянъ.** Разсказъ *М. Арцыбашева.* Окончаніе . 5— 37
2. **Какъ мы боролись противъ рабства.** Историческіе очерки и личныя воспоминанія *Д. Ф. Кларка.* Переводъ съ англійскаго С. Пасынкова. Окончаніе . . . . . 38— 76
3. **Оборванная переписка.** *Ек. Лѣтковой.* Окончаніе. . 77—121
4. **Станиславъ Пшибышевскій.** *Е. Дегена* . . . . . 122—146
5. **Современные пѣвцы.** Очеркъ. *П. Кожевникова* . . . 147—158
6. **Нерѣшенныя проблемы біологіи.** Развитіе и наслѣдственность. I—III. *В. В. Лункевича.* . . . . . 159—205
7. **„Современный типъ“.** Романъ *К. Ритланда.* Переводъ съ нѣмецкаго З. Журавской. Продолженіе. 206—237
8. **Писатель-гражданинъ.** *С. А. Венгерова.* Окончаніе. 238—264

9. **Нужно ли возрожденіе естественнаго права?** *Н. И. Карѣева* . . . . . 1— 15
10. **Марганцовое царство** *А. Спасо-Кукоцкаго* . . . . 16— 35
11. **Изъ Англіи.** *Діонео* . . . . . 36— 58
12. **Новыя книги:**

М. Горькій. Мѣщане. Сцены въ домѣ Безсѣменова.—И. С. Чехъ. Разсказы.—М. А. Цейнеръ. Семья Цыгановыхъ. Картинки заводской жизни.—Станиславъ Пшибышевскій. Homo sapiens на распутьи.—Гете. Фаустъ. Переводъ А. Мамонтова.—Эдуардъ Дауденъ. Исторія французской литературы.—Юрій Веселовскій. Армянскій поэтъ Сибатъ Шахъ-Азисъ.—А. В. Мезіеръ. Русская словесность съ XI по XIX столѣтія включительно.—Николай Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX столѣтія.—Евгеній Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в.—Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа.—Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ М. Стасюлевича.—Общественная борьба съ тубер-

(См. на оборотъ)

СТРАН.

кулезомъ. Ф. М. Блюменталя.—Г. О. Петерсонъ. Наша пища.—А. Кирхенгеймъ. Вѣчная утопія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . . . 58— 91

13. **Наша текущая жизнь** («Міръ Божій», «Вѣстникъ Европы» и «Русская Мысль» за январь, февраль и мартъ). *В. Г. Подарскаго* . . . . . 92—124

14. **Литература и жизнь**. Еще матеріалы для біографіи Г. И. Успенскаго. *Н. К. Михайловскаго* . . . . 124—146

15. **Хроника внутренней жизни**: I. Памяти Г. И. Успенскаго. II. Продовольственная кампанія и вѣсти изъ неурожайныхъ мѣстностей. По поводу извѣстій о безработицѣ.—III. Смерть В. П. Острогорскаго, Н. К. Шильдера и А. М. Лазаревскаго.—IV. Административныя мѣры относительно печати.—Обязательное постановленіе кутаисскаго губернатора.—Правительственныя сообщенія. *В. А. Мякотина* . . . . . 147—180

16. **Письмо въ редакцію** *Н. Карабчевскаго* . . . . . 180—182

17. **По поводу письма г. Карабчевскаго.** *В. Мякотина* . 183—186

18. **Объявленія**.

Продолжается пріемъ подписки на 1902 годъ

(X-ый ГОДЪ ИЗД.)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой. . . . . 9 р.
Безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ . . . 8 р.
За границу . . . . . 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала—*уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*
Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота, д. Гагарина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается *разсрочка:*

при подпискѣ . . . . **5** р. и къ 1-му іюля. . . . **4** р.

Не приславшимъ доплатъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

Книжные магазины, библіотеки, земскіе склады и потребительныя общества, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только **40** коп. съ каждаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку **отъ книжныхъ магазиновъ, библіотекъ, земскихъ складовъ и потребительныхъ обществъ** не принимается.

Изданія журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

СБОРНИКЪ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО», подъ редакціей **Н. К. Михайловскаго** и **В. Г. Короленко.** Въ двухъ частяхъ. Часть 1-я. БЕЛЛЕТРИСТИКА. Цѣна 2 руб. Часть 2-я. ПУБЛИЦИСТИКА. Цѣна 1 руб.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ц. 80 к.

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЕМЫ. *Третье* изд. Ц. 1 р. 25 к.

— ГИМНАЗИСТЫ. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к..

— СТУДЕНТЫ. Ц. 1 р. 25 к.

С. Я. Елпатьевскій. ОЧЕРКИ СИБИРИ. Изд. *третье.* Ц. 1 р.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 1-ая. Изданіе *девятое.* Ц. 1 р. 50 к.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 2-ая. Изданіе *пятое.* Ц. 1 р. 50 к.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Изданіе *восьмое.* Ц. 75 к.

Н. К. (Н. Е. Кудринъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. Ц. 2 руб.

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. *Т. I.* (*Изданіе второе*): Въ преддверіи. Шелаевскій рудникъ.—*Т. II*: Съ товарищами. Кобылка въ пути. Среди сопокъ. Эпилогъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. Ц. 1 руб.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ. **Удешевленное** изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, *съ портретомъ автора.* Ц. 12 р.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Два тома, по 2 рубля каждый.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.

С. Н. Южаковъ. ДВАЖДЫ ВОКРУГЪ АЗІИ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 руб. Томъ II. Ц. 1 р.

Подписчики **„Русскаго Богатства“,** выписывающіе эти книги, за пересылку не платятъ.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ: *въ* **С.-Петербурѣ** — *контора редакціи, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

въ **Москвѣ**—*отдѣленіе Конторы, Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Шесть томовъ соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 6) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма: 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ-идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ **„Русскаго Богатства“**, вмѣсто 12 р., цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*—товаромъ большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ. Литературныя воспоминанія и современная смута. Два тома, по 2 рубля каждый.

Подписчики «Русскаго Богатства», выписывающіе эти два тома, за пересылку ихъ не платятъ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Баскової ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1900 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

КУПРІЯНЪ.

(Разсказъ).

IX.

Вечеръ былъ темный, вѣтренный и тоскливый.

Купріянъ тихо посвистывалъ и поглядывалъ вверхъ, черезъ огородъ, по рыжимъ пустымъ грядкамъ котораго вилась протоптанная дорожка до воротъ со двора. Отсюда Купріяну была видна крыша избы, темный берестъ подъ нею. Въ щелку плетня мелькалъ огонекъ изъ окна и то исчезалъ, то появлялся опять. Кто-то двигался по избѣ.

„Ужинать собираютъ", сообразилъ Купріянъ и тоскливое чувство безпріютности и одиночества скользнуло у него въ груди.

Ему вдругъ особенно стало обидно, что онъ долженъ ждать Матрену на огородѣ, на вѣтру и дождѣ, а Егоръ Шибаевъ сидитъ на лавкѣ, спокойно ждетъ ужина и во всякое время можетъ сдѣлать съ бабой, что пожелаетъ. Ревность все сильнѣе овладѣвала душой Купріяна. Ему ясно представилось, съ какимъ покорнымъ лицомъ Матрена смотритъ теперь на мужа, готовая безпрекословно подчиниться ему и для побоевъ, и для ласки. И Купріяну дальше стало уже думаться, что она вовсе не такъ боится Егора, а можетъ, и сама не прочь развязаться съ нимъ, Купріяномъ, и опять полюбить мужа, благо тотъ здоровый, красивый, да еще и унтеръ, солдатъ, что всѣмъ бабамъ нравится.

Удушливый спазмъ схватилъ Купріяна за горло.

Лицо у него искривилось въ злую и неестественную усмѣшку. Купріянъ широко разставилъ ноги, уперся спиной въ холодный стволъ осины и, чувствуя, какъ мурашки пробѣгаютъ у него по спинѣ, закрылъ глаза и, самъ того не замѣчая, громко произнесъ:

— Извѣстно—баба... имъ все одно!..

Вѣтеръ шумѣлъ въ верхушкахъ осинъ, и онѣ все больше темнѣли. Дальнія совсѣмъ слились въ одну темную качающуюся массу. Огонекъ въ избѣ сталъ ярче, блисталъ въ щель плетня, какъ звѣздочка, и пересталъ мигать.

— Сѣли,—подумалъ Купріянъ...

Ноги у него ныли, плечи сильно зябли, и весь онъ сталъ дрожать крупной дрожью при каждомъ порывѣ вѣтра. Но онъ все стоялъ и не сводилъ съ огонька широко раскрытыхъ глазъ. Отъ этого глаза у него стали слезиться, и огонекъ двоиться, вытягиваться и пускать острыя золотыя стрѣлочки.

Вдругъ онъ потухъ.

Купріянъ вздрогнулъ.

— Легли,—подумалъ онъ.—Сейчасъ выйдетъ... Анютка сказала, какъ тотъ чортъ угомонится!..

Съ этимъ послѣднимъ словомъ передъ Купріяномъ мелькнула отвратительная картина.

— Онъ, жеребецъ-то, въ солдатахъ сколько времени былъ... ему лестно! А ей все одно!—подумалъ Купріянъ и повелъ плечами, точно они у него заныли.

Чувство ревнивой, холодной злобы двинулось въ немъ и прилило къ головѣ, такъ что на секунду у него потемнѣло въ глазахъ.

И вмѣстѣ съ ревностью и злобой къ Егору Шибаеву, въ душѣ у него стала шевелиться и глубокая ненависть къ Матренѣ, которая уже не казалась ему несчастной.

Купріянъ снялъ шапку и опять надѣлъ, все не мигая глядя на темную теперь избу. Стемнѣло уже настолько, что изба, плетень и берестъ слились въ одну непроницаемую темную массу.

Вдругъ что-то смутно забѣлѣло въ темнотѣ на дорожкѣ, мелькнуло и точно растаяло.

У Купріяна стукнуло въ сердцѣ и онъ весь вытянулся впередъ. Всѣ чувства сразу вылетѣли у него изъ головы и тамъ осталось одно ощущеніе не то радостнаго, не то пугливаго ожиданія.

Бѣлое пятно замаячило ближе и яснѣе и быстро вытянулось въ длинный и тонкій силуэтъ женской фигуры, закутанной съ головой въ большой платокъ.

Матрена, торопливо и не оглядываясь, шла по дорожкѣ. Купріянъ выдвинулся ей на встрѣчу.

— Ты?—спросила она такъ тихо, что Купріянъ еле разслышалъ.

— Я... кому-жъ еще...—сорвавшимся голосомъ отвѣтилъ Купріянъ.

На ней былъ большой платокъ, который она у подбородка

поддерживала спрятанными руками такъ, что видны были только брови и большіе боязливые глаза.

Оба молчали.

Оба чувствовали странную неловкость отъ того, что между ними легло появленіе Егора. Купріянъ притворно равнодушно посвистывалъ, глядя по сторонамъ и заложивъ руки въ карманы; а она въ нерѣшимости неподвижно стояла противъ него и глядѣла изъ-подъ платка пытливо и печально.

— Ишь, теперь совсѣмъ... не то...—мелькало въ головѣ Купріяна.

А Матренѣ было больно, и обидна была ей такая встрѣча, потому что ничѣмъ противъ любовника она себя виноватой не считала.

— Ну, что-жъ... здравствуйте, Купріянъ Васильевичъ,— тихо выговорила она, наконецъ.

— Здравствуйте...—пробормоталъ Купріянъ.

Матрена помолчала. Потомъ пріоткрыла лицо и виновато улыбнулась.

— Что-жъ такъ?—сказала она.

Купріянъ посмотрѣлъ на нее, отчаянно тряхнулъ волосами и обхватилъ ее обѣими руками. Она выпростала свои руки изъ-подъ платка и обняла его. На ней сверхъ юбки была одна рубаха и отъ голой ея груди пахнуло на Купріяна горячимъ и влажнымъ воздухомъ.

Нѣсколько минутъ они стояли такъ молча и тяжело дыша.

По небу гнались разорваннныя облака, съ чуть видными просвѣтами. Вѣтеръ подхватывалъ порывами и приносилъ съ болота долгій стонущій звукъ сухого тростника и звенящіе всплески воды.

— Сядемъ, Купря, — дрожащимъ голосомъ прошептала Матрена.

Недалеко отъ осины уныло чернѣла полуразвалившаяся копна мокраго сѣна. Они прошли туда, путаясь ногами одинъ за другого, и опустились въ прѣлую траву. Вѣтеръ шумѣлъ и шумѣлъ.

— Мнѣ пора, Купря,—шепнула Матрена спустя полчаса.

— Чего тамъ...

— Хватится... боюсь...

Купріянъ сразу остылъ и опять у него, какъ давеча, потемнѣло въ глазахъ.

— Ну, и иди...—рѣзко сказалъ онъ, отодвигаясь отъ нее.

Матрена посмотрѣла на него и не шевелилась.

— Серчаешь?—спросила она.

— Ну, что тамъ серчать... извѣстно—мужъ,—закусивъ губу, пробормоталъ Купріянъ.

— Да развѣ я...

— Да знаемъ мы!—грубо, и самъ не зная что и почему говоритъ, сказалъ Купріянъ.

— Что знаешь?—спросила Матрена, и въ голосѣ у нее послышались слезы и обида.

Купріянъ промолчалъ и глядѣлъ въ сторону.

— Ну, что-жъ ты молчишь, Купря? А, Купря...

— Да... пойди ты къ чорту!—прорвался Купріянъ и всталъ.

Матрена тоже встала и, завернувшись въ платокъ, смотрѣла на него.

Вѣтеръ шумѣлъ.

— За что-жъ ты?—спросила она.

Купріяну хотѣлось сказать ей что нибудь злое и обидное, но онъ не зналъ что и молчалъ.

Матрена тихо протянула изъ-подъ платка руку и взяла его за рукавъ.

Купріянъ грубо вырвался.

— Да ну тебя!.. Всѣ вы... — онъ грубо и скверно выругался.

И тотчасъ ему жаль стало Матрену и зло взяло на себя.

Матрена опустила руку и заплакала.

— Развѣ-жъ я... волей?—спросила она.

Купріяну было скверно, тяжело и стыдно, но ревность заглушала въ немъ всѣ чувства, и потому онъ грубо, зная, что говоритъ неправду, сказалъ:

— Не хотѣла-бы, такъ не пошла-бъ..

Матрена сквозь слезы съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— Какъ же?..

— Да такъ,—упрямо отвѣчалъ Купріянъ,—нечего тутъ... иди!..

— Онъ же мужъ мнѣ, Купря, а развѣ-жъ я...

— Пошла, убирайся!—злобно крикнулъ Купріянъ и поднялъ руку съ сжатымъ кулакомъ.

Матрена пугливо посторонилась и вся сразу съежилась, ставъ и меньше, и тоньше.

— Не бей...—испуганно проговорила она.

Купріяну хотѣлось ее ударить, чтобы дать выходъ жгучему чувству ревности, душившему его.

— Иди...—хрипло проговорилъ онъ, подвигаясь къ ней.

Матрена инстинктивно подняла локоть въ уровень съ лицомъ, но отъ этого движенія Купріяна точно прорвало.

— Паскуда!—прохрипѣлъ онъ и толкнулъ ее.

Матрена коротко и жалобно охнула и пошатнулась. Платокъ слетѣлъ у нея съ головы и длинныя космы волосъ, мигомъ подхваченныя вѣтромъ, упали ей поперекъ лица.

— Грѣхъ вамъ, Купріянъ Васильевичъ,—сказала она, подымая платокъ,—я вамъ... всегда... а тому я не причинна...

И она опять заплакала.

Купріяну стало мучительно стыдно и жалко ее.

— Что тамъ...—пробормоталъ онъ.

Матрена перестала плакать и утерла глаза уголкомъ платка.

— Купря...—умоляюще позвала она.

Но Купріянъ опять вспомнилъ, что все равно все кончено и Егору она не сегодня-завтра должна быть женой, и онъ опять почувствовалъ приливъ ревнивой злобы и безнадежнаго чувства.

— Чего—Купря?... Ступай къ своему жеребцу!..

— Куп...

— Ступай, ступай,—стиснувъ зубы, проговорилъ Купріянъ и съ новымъ приливомъ злобы схватилъ ее за тонкія и худыя плечи, прикрытыя однимъ платкомъ, грубо повернулъ ее и толкнулъ...

Матрена чуть не упала, заплакала и пошла по дорожкѣ.

Купріянъ мрачно смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Она остановилась и обернулась. Купріянъ молчалъ.

— Купріянъ Васильевичъ!—позвала она.

Купріянъ не отвѣчалъ и все блѣднѣлъ.

— Купря!—громче сказала она.

Купріянъ не шевелился.

Она постояла еще. За вѣтромъ не слышно было, звала ли она его опять. Потомъ она пошла вверхъ тихо и нерѣшительно, и ея силуэтъ сталъ сливаться съ темнотой.

— Мотря!—не выдержалъ Купріянъ.

Но она не слышала и исчезла, точно растаяла въ туманѣ.

Вѣтеръ шумѣлъ осинами и яснѣе былъ слышенъ стонъ тростника и всхлипыванія воды. По небу быстро неслись тучи уже сплошной массой, и первыя капли дождя тяжело шлепнулись на мокрыя грядки.

Купріянъ стоялъ, разставивъ ноги, глубоко засунувъ руки въ карманы, и все глядѣлъ на темный силуэтъ избы, забора и качающагося по вѣтру береста. Во дворѣ залаяла собака и замолчала. Дождь все усиливался и тьма вокругъ сгущалась все больше. Дальнія деревья вдругъ сразу утонули въ темнотѣ за пологомъ хлынувшаго дождя. Только ближняя осина была видна, тоскливая и ощипанная, отчаянно мотавшая по вѣтру своими корявыми обломками-вѣтками.

Купріянъ встряхнулся, посмотрѣлъ еще разъ назадъ и пошелъ по огородамъ, увязая въ грязи.

X.

Въ окнѣ избы Ѳедора Гуняваго чуть-чуть мерещился свѣтъ сквозь какія-то тряпки, навѣшанныя на окно.

Купріянъ постучалъ.

Въ избѣ кто-то зашевелился, тѣнь промелькнула въ окнѣ и послышался стукъ отворяемой двери.

— Кто тамъ?—спросилъ изъ сѣней Гунявый.

— Свой,—отвѣтилъ Купріянъ,—отворяй...

— Сичасъ.

Запоръ взвизгнулъ и дверь осѣла назадъ на неровныхъ петляхъ. Купріяна обдало запахомъ прѣлой соломы, куринаго помета и дыма. Куры зашевелились и захлопали гдѣ-то въ темнотѣ. Пѣтухъ сонно и протяжно икнулъ.

Купріянъ прошелъ въ избу. Гунявый, почесывая грудь, посмотрѣлъ на небо, затворилъ дверь и вошелъ за нимъ, зѣвая и крестя ротъ.

— А-ахъ, Господи, Боже мой... Что поздно?

Васька, спавшій на лавкѣ подъ кожухомъ, тревожно поднялъ всклокоченную голову, но, разсмотрѣвъ Купріяна, опять опустилъ ее на кожухъ.

Купріянъ, не спѣша, снялъ картузъ, сапоги и сѣлъ на лавку.

Гунявый тоже присѣлъ у иконъ. Въ однихъ пестрядинныхъ штанахъ, босой, въ сѣрой толстой рубахѣ съ развязаннымъ воротомъ, сквозь который виднѣлась темная волосатая грудь, онъ казался еще длиннѣе и тоще. Онъ почесалъ себѣ грудь и спину, кашлянулъ и понурился.

Васька глядѣлъ изъ-подъ кожуха.

Въ избѣ было темно, грязно и душно. На полатяхъ и на полу подъ кожухами и рогожками спали дѣти Гуняваго, на всѣ лады посвистывая носами. Тараканы бѣгали по стѣнамъ и тѣни ихъ бѣгали за ними. За печкой однообразно свирѣстѣлъ сверчокъ, и слышно было, какъ вѣтеръ рвалъ мокрую солому съ крыши.

Купріянъ сидѣлъ молча.

— Можетъ, ѣсть хочешь?—спросилъ Гунявый.

Купріянъ нехотя качнулъ головой.

— Не...

Гунявый почесалъ грудь корявыми пальцами, подумалъ и нахмурилъ свои нависшія брови.

— Видѣлъ Матрену-то?—пытливо спросилъ Васька, приподнявъ голову.

— Видѣлъ.

— Что-жъ?

— Ничего,—неохотно отвѣтилъ Купріянъ.

— Что такъ?—глухо сквозь усы спросилъ Гунявый.

— Да что...

Купріянъ махнулъ рукой.

— Дѣло ея, бабы-то, плохое! — проговорилъ Гунявый и вздохнулъ, пожевавъ беззубымъ ртомъ.

— Да ужъ, конечно... не медъ!—отозвался Васька.

Купріянъ промолчалъ.

— Эхъ, Купря... Богъ-то видитъ,—пробормоталъ Гунявый.

Купріянъ взглянулъ на него и потупился.

— Я что-жъ...

Васька усмѣхнулся пренебрежительно.

— Что онъ ее силкомъ, что ли, тащилъ? Сама шла...

Гунявый насупился.

— Тоже, чай, калачомъ манить не пришлось... Сама знала, гдѣ сладко!—засмѣялся Васька.

Гунявый вздохнулъ.

— А все Купрѣ—грѣхъ... Потому баба что? Баба дура, а онъ того... бабу въ грѣхъ ввелъ... ему и грѣхъ-то!

Купріянъ потупился еще больше.

— Заладилъ: грѣхъ!—презрительно отозвался Васька.— Знаемъ мы...

— А вотъ и не знаешь...

Васька ехидно засмѣялся.

— Лошадей краденыхъ сбывать, да конокрадовъ укрывать тоже, чай, грѣхъ?..

Гунявый помолчалъ.

— То особь дѣло,—спокойно возразилъ онъ:—лошадь — животная, а то баба...

— Ну и баба тоже особь дѣло,—хихикнулъ Васька.—На то онѣ и созданы, значитъ... Я ихъ знаю... У насъ на фабрикѣ, что дѣвченка ни поступитъ, ужъ я того... Я по этой части ходокъ....

— Эхъ... заводская твоя душа, пропащая!—укоризненно прогудѣлъ сквозь усы Гунявый и, повернувшись къ Купріяну, сказалъ:

— Ты бабу-то брось... Пошалилъ, сатану потѣшилъ — брось! Забьетъ вѣдь Егоръ бабу-то...

— Я что-жъ...—нерѣшительно пробормоталъ Купріянъ.

— Почто-жъ смущаешь бабу?—строго спросилъ Гунявый.

— Да я...

— Испортилъ бабу... солдатку..

Васька захихикалъ.

— Такой ужъ ей предѣлъ положенъ, потому солдатка. Солдаткѣ самъ Богъ велѣлъ...

— Богъ?—презрительно переспросилъ Гунявый:—ты то, заводскій, Бога понимать можешь?

— Ну, чай, и ты не больше моего смыслить въ Богѣ-то!

— Я то смыслю. А вы почто бабъ смущаете... Смутьяны прокляты...

Гунявый закашлялся и умолкъ. Потомъ онъ всталъ и, шаркая босыми ногами, полѣзъ на печь.

Все утихло. Сверчокъ верещалъ, по стѣнамъ съ тихимъ шелестомъ проворно бѣгали тараканы.

Купріянъ долго сидѣлъ у стола, свѣсивъ голову и о чемъ-то думая.

— Васъ... а, Васъ...—позвалъ онъ.

Васька не отвѣчалъ.

— Васька!—громче позвалъ Купріянъ.

— Чего?—сонно отозвался Васька.

— Я того...—смущенно заговорилъ Купріянъ,—говорятъ, господа, ежели мужъ, значитъ, альбо жена...

Купріянъ путался, мучительно подыскивая выраженія.

— Ну?

— Такъ могутъ, значитъ, разводъ... а тамъ опять жениться на комъ хошь...

— Такъ то господа!—отозвался Васька.

— А у мужиковъ нельзя?—спросилъ Купріянъ неувѣреннымъ голосомъ.

— Оно, можетъ, по закону и можно, только, сказываютъ, оченно денегъ много надо...

— Кому?—удивился Купріянъ.

— Кому?.. попамъ, извѣстно!—усмѣхнулся Васька.

— А много?

— Да ужъ у тебя не найдется. Господа и тѣ не всѣ могутъ...

— Значитъ, нельзя?—упавшимъ голосомъ спросилъ Купріянъ.

— Извѣстно.

Съ печи послышался хриплый голосъ Гуняваго:

— Еще чего захотѣлъ!

— А по закону-жъ можно..

— Такъ то по закону!—возразилъ Васька, встряхнувъ головой.

Купріянъ посидѣлъ еще, помолчалъ, потомъ тяжело вздохнулъ и сталъ укладываться на лавку.

Тараканы бѣгали, Гунявый кряхтѣлъ на печи, сверчокъ верещалъ испуганно и однообразно.

Воздухъ въ избѣ становился все гуще и тяжелѣй отъ скученныхъ въ тѣснотѣ людей, животныхъ и отъ мокрой одежды.

XI.

Около волостного правленія стояла тройка почтовыхъ лошадей, потряхивая головами и перезванивая бубенчиками.

Пріѣхали исправникъ и становой ловить конокрадовъ, слухи о нахальныхъ похожденіяхъ которыхъ дошли, черезъ посредство газетъ, до губернатора.

Губернаторъ былъ новый и неопытный человѣкъ, а потому дѣло показалось ему въ такой серьезной формѣ, что онъ взволновался и въ тотъ-же день далъ предписаніе о немедленной поимкѣ конокрадовъ.

Исправникъ, старый служащій на этой должности, великолѣпно зналъ и раньше о кражахъ лошадей и своевременно принималъ мѣры, т. е. дѣлалъ соотвѣтствующія предписанія становымъ, а тѣ препровождали ихъ урядникамъ. Но особенно никто не безпокоился, потому что лошадей крали только крестьянскихъ и это всѣми считалось за обычное и неизбѣжное зло. Уѣздное начальство думало, что всѣ мужики—понемножку конокрады, и потому смотрѣло сквозь пальцы.

И теперь оно, въ лицѣ исправника, становыхъ и урядниковъ, безпокоилось больше о точномъ выполненіи губернаторскаго предписанія, чѣмъ о дѣйствительной поимкѣ конокрадовъ.

Исправникъ сидѣлъ въ волостномъ правленіи и толковалъ со становымъ о томъ, какъ-бы устроить такъ, чтобы перегнать конокрадовъ въ другой уѣздъ и такимъ образомъ сбыть ихъ съ шеи безъ особыхъ хлопотъ. Рѣшено было начать облаву по дерновскому лѣсу, который примыкалъ къ границѣ уѣзда и въ которомъ, какъ донесъ урядникъ, умолчавшій о встрѣчѣ съ Купріяномъ, видѣли обоихъ конокрадовъ.

— Оцѣпимъ мы лѣсъ съ трехъ сторонъ да и выжмемъ ихъ въ Спасскій уѣздъ!—рѣшилъ исправникъ.

Въ предписаніи губернатора былъ еще пунктъ объ открытіи, буде возможно, укрывателей, но объ этомъ исправникъ даже не заговаривалъ, потому что зналъ окончательную невозможность это сдѣлать среди мужиковъ, боявшихся конокрадовъ пуще чорта.

Пока собиралась облава, для которой сгонялись мужики не только дерновскіе, но и двухъ сосѣднихъ селъ, Тарасовки и Рябовки, исправникъ отъ нечего дѣлать курилъ папиросу и разговаривалъ о карточной игрѣ со становымъ приставомъ, тучнымъ и рябымъ человѣкомъ съ большими усами.

Толстый писарь Исаевъ, какъ будто ставшій потоньше,

пыхтя и потѣя, терся возлѣ начальства и поминутно выскакивалъ на крыльцо, высматривая облаву. Урядника не было: онъ ускакалъ со старшиной въ Тарасовку за народомъ, хотя это было излишне и могло сдѣлаться безъ его личнаго присуствія. Но онъ усердствовалъ въ виду присутствія начальства.

Толпа, между тѣмъ, уже собралась у пожарнаго сарая и глухо шумѣла. Дерновскіе мужики всѣ были въ сборѣ. Были раньше прибывшіе рябовскіе мужики, которые и стояли своей толпой, не смѣшиваясь съ дерновскими.

Не смотря на то, что мужики сдерживались, опасаясь прогнѣвить начальство, стонъ стоялъ въ воздухѣ и прерывался иногда хриплой и крикливой бранью, которая, впрочемъ, сейчасъ-же смолкала.

Въ толпѣ царило не то страшное, не то непріятное настроеніе. Хотя всѣ прекрасно понимали, что облава и поимка конокрадовъ необходима и дѣлается для ихъ-же пользы, мужики не сочувствовали этому дѣлу. Съ одной стороны, они боялись краснаго пѣтуха въ видѣ мести конокрадовъ, а съ другой — не вѣрили въ возможность ихъ поимки.

Тотъ самый столяръ Семенъ, который встрѣтилъ Купріяна и говорилъ съ нимъ, потому что былъ выпивши, а потомъ сидѣлъ по распоряженію писаря въ холодной, считалъ своимъ долгомъ вышучивать и облаву, и начальство, въ особенности писаря.

— Какъ-же, изловишь!—ехидно кричалъ онъ высокимъ и рѣзкимъ голосомъ,—чорта съ два! И не такіе ловили, да руки коротки... Нашъ толстопузый-то развѣ изловитъ...

Близь стоящіе засмѣялись. Но высокій и толстый мужикъ, одинъ изъ богатѣевъ села, Ѳедоръ Степановъ, осадилъ Семена.

— Что, пустёха, брешешь,—презрительно сказалъ онъ, стоя бокомъ къ Семену,—народъ сомущаешь... Смотри ты...

Семенъ сконфузился.

— Я что, я ничего, а только, что... чтобы потомъ не плакаться... Поймать не поймаемъ, а только осерчаютъ да еще подпалятъ... Тогда что?—съ торжествомъ закончилъ онъ, уже наступая на Ѳедора Степанова.

— А что-жъ,—презрительно спросилъ Ѳедоръ,—такъ ихъ и оставить? Пусть лошадокъ уводятъ?.. Такъ, что-ли?..

— Семену-то ничего! Онъ не обѣдняетъ,—сказалъ насмѣшливо высокій мужикъ, Касьянъ Рыжій.

Всѣ засмѣялись надъ Семеномъ.

Семенъ обидѣлся и разозлился. Наскакивая на Касьяна Рыжаго, чуть не со слюной у рта, онъ закричалъ:

— Молчалъ-бы ужъ лучше... У самого окромя краденой дуги ничего нѣтъ, а тоже...

— Кто укралъ-то, ты видѣлъ?—угрожающе подвинулся къ нему Рыжій.—Какая дуга?

— А то нѣтъ...

— Нѣтъ, ты скажи: видѣлъ?—лѣзъ на него Рыжій.

Семенъ струсилъ, потому что Касьянъ Рыжій былъ вдвое сильнѣе его, а Семенъ вообще былъ мужикъ хотя задорный, но трусливый.

— Отстань... ты...

— Брось,—презрительно посовѣтовалъ Касьяну Ѳедоръ Степановъ,—пустеха, извѣстно!..

— Нѣтъ, пусть онъ скажетъ,—не унимался Рыжій, налѣзая съ кулаками на окончательно струсившаго Семена.

— Брось, говорю!—повторилъ Ѳедоръ.

Но Семенъ, отретировавшись въ толпу, опять сталъ кричать:

— А по моему такое дѣло: своимъ судомъ, значитъ.

— То есть, какъ?

— Да такъ... чтобы другимъ не повадно, взять да коломъ... во... по башкѣ!

— И, грѣхъ баешь!—отозвался одинъ изъ мужиковъ, начетчикъ и ханжа, Романикъ Никита, тоненькимъ и испуганнымъ голоскомъ.

— А что на нихъ смотрѣть?

— Пустое говоришь...

Но въ толпѣ заговорили сначала не смѣло, а потомъ все громче и возбужденнѣй тѣ мужики, у которыхъ пропали лошади и которые поэтому были злы на конокрадовъ.

— Нѣтъ... что-жъ, онъ дѣло говоритъ... что на нихъ смотрѣть?..

— Въ куль, да въ воду,—мрачно сказалъ одинъ изъ чужихъ тарасовскихъ мужиковъ, высокій и суровый кузнецъ, съ чернымъ корявымъ лицомъ.

— Извѣстно,—загалдѣла толпа:—а то что-же это... никакой возможности... раззоръ!..

— Ну, что, мужики, толкуете?—мягкимъ и соннымъ голосомъ возражалъ послѣдній пропойца и бѣднякъ въ селѣ, Ѳома Болото, босой, огромный и пьяный мужикъ съ пухлой добродушной рожей.

— Такое дѣло выходитъ... Али ждать, покелева всѣхъ лошадей уведутъ?—мрачно спросилъ тарасовскій кузнецъ.

— Зачѣмъ ждать?—добродушно возразилъ пьяненькій Ѳома,—а только бить зачѣмъ? Пущай живутъ...—и онъ махнулъ рукой съ такимъ добрымъ и пьянымъ видомъ, что вокругъ засмѣялись.

За то, чтобы не дѣлать конокрадамъ ничего дурного помимо облавы, стоялъ еще Никита Романикъ, да Мозявый,

который слезливо подмаргивалъ подслѣповатыми глазками, но больше молчалъ. Были и еще такіе, что совѣтовали оставить замыселъ покончить съ конокрадами своимъ судомъ, но большинство кричало, что такъ имъ и надо.

— Собакѣ—собачья и смерть!

Но никто не упоминалъ о предстоящей облавѣ, потому что никто въ нее не вѣрилъ и смотрѣлъ на нее, какъ на пустое дѣло, затѣянное по прихоти начальства.

Между тѣмъ подошли толпою мужики изъ Тарасовки и пріѣхалъ старшина съ урядникомъ. Писарь доложилъ исправнику, что облава готова. Исправникъ, не переставая разговаривать съ приставомъ, надѣлъ шинель и шапку; то-же сдѣлалъ и приставъ, и всѣ вмѣстѣ вышли на крыльцо.

Какъ только ихъ увидѣли, шапки одна за другой быстро исчезли и обнажили сотни рыжихъ, черныхъ, сѣдыхъ, плѣшивыхъ, лохматыхъ и иныхъ головъ. Шумъ быстро затихъ и всѣ съ нѣкоторымъ страхомъ всколыхнулись, надвинулись на волость и стали.

Исправникъ со становымъ сѣли въ бричку, старшина съ урядникомъ въ другую, запряженную парой. Писарь, облачившись въ пальто и большой картузъ на ватѣ, взмостился на бѣговыя дрожки съ его собственной толстой рыжей кобылой, возлѣ которой путался чалый жеребенокъ.

Тройка исправника двинулась, позвякивая колокольчикомъ, за ней тронулись остальныя подводы, а сзади повалила сѣрая масса зипуновъ и лаптей, изрѣдка перемѣшанныхъ огромными сапогами. Многіе изъ мужиковъ такъ и шли безъ шапокъ.

Вся толпа повалила, какъ стадо, размѣшивая густую грязь, по дорогѣ къ лѣсу.

XII.

Въ деревнѣ остались очень немногіе, а въ томъ числѣ пьяный Ѳома Болото, у котораго умерла въ этотъ день жена, и Мозявый, потихоньку улизнувшій по задамъ домой.

Ѳома, пошатываясь, пошелъ къ попу договариваться о похоронахъ, а Мозявый пробрался, все по задамъ, къ хатѣ Ѳедора Гуняваго, который тоже не пошелъ въ облаву и даже не ходилъ на сходку къ волостному правленію.

Онъ сидѣлъ на обрубкѣ дерева, посреди двора и большимъ топоромъ тесалъ подпорки. Увидѣвъ Мозяваго, онъ насупилъ свои густыя брови, воткнулъ топоръ въ бревно и всталъ, заложивъ пальцы за тесемочку, которой былъ подпоясанъ.

— Чево ты?—спросилъ онъ непривѣтливо.

Мозявый заморгалъ слезящимися глазками.

— Я того, значитъ...

— Чево?

— Что какъ теперь мужички рѣшили, такъ я упредить, значитъ.

Гунявый насупился еще больше, подозрительно уставился на Мозяваго и еще суровѣе прогудѣлъ:

— Ты насчетъ чего?

— Что-бы, значитъ, Купріяна... Купрю, то есть, упредить,— пролепеталъ Мозявый, который почему-то боялся Гуняваго и всегда терялся въ его присутствіи.

Гунявый помолчалъ, что-то сообразилъ и сказалъ мягче:

— Мужички, говоришь, рѣшили? Міромъ, что-ли?

— Во-во,—обрадовался ободренный Мозявый.

— Насчетъ Купріяна?

— Его самаго... Чтобы, значитъ, ежели начальство не тово, такъ чтобы самимъ, значитъ.

Гунявый сталъ серьезенъ, насупился и покачалъ головой.

— Ишь ты, вотъ дѣло какое!.. Такъ... А кто? Не Егоръ?

— Не... Семенъ столяръ, опять-же Рыжій и другіе прочіе, которые...

— Такъ, такъ... Упредить надо.

Гунявый помолчалъ, стоя во весь ростъ и заложивъ руки за поясокъ. Мозявый нерѣшительно мялъ шапку и не зналъ уйти ему или оставаться.

— Ушли ужъ?—спросилъ Гунявый.

— Съ часъ времени будетъ.

— То-то, самъ слышалъ, будто стадо пошло,—насмѣшливо прогудѣлъ Гунявый.

— Идемъ, что-ль,—добавилъ онъ и пошелъ, твердо ступая огромнымн лаптями, въ избу. Мозявый засѣменилъ за нимъ, продолжая нещадно мять свою шапку.

Васька и Купріянъ сидѣли въ избѣ на лавкѣ. На столѣ стояла почти полная бутылка водки и вяленая рыба въ деревянной чашкѣ.

Купріянъ былъ скученъ, потому что думалъ о Матренѣ и ему стыдно было своего обращенія съ нею.

— Извѣстно, не своей охотой,—думалъ онъ,—а я вонъ что... ей и такъ горько, а тутъ и я разобидѣлъ! И что оно со мной подѣлалось, точно Богъ умъ отнялъ?

Время отъ времени онъ наливалъ водку въ стаканчикъ толстаго стекла и медленно опрокидывалъ его въ ротъ. И чѣмъ больше пилъ, тѣмъ становился скучнѣе и мрачнѣе.

Васька былъ трезвъ и трусилъ. Онъ не могъ спокойно

усидѣть на мѣстѣ, все прислушивался и судорожно потиралъ худыя колѣни.

Гунявый и Мозявый вошли въ избу, перекрестились на иконы, Мозявый остался у дверей, а Ѳедоръ сѣлъ на лавку, подложивъ подъ себя руки.

— Садись,—мотнулъ онъ головой Мозявому.

Мозявый вздохнулъ, поморгалъ глазками и сѣлъ у самыхъ дверей.

— Слышь, Купря,—заговорилъ Гунявый, точно изъ бочки,—вотъ онъ сказывалъ, что вышло міромъ рѣшеніе, чтобы своимъ судомъ...

Васька позеленѣлъ.

— Какъ такъ?—пролепеталъ онъ.

Купріянъ поднялъ голову.

— Врутъ, собаки,—мрачно и медленно проговорилъ онъ,—я имъ не батька дался... руки коротки.

Гунявый покачалъ головой.

— Ну, братъ, у міра руки длинныя, а ты лучше послушай, что я тебѣ скажу: перевали въ тотъ уѣздъ. Будя тутъ, пошалили и будетъ. А то неравно...

Купріянъ разсердился.

— Что неравно? Не имъ, сиволапымъ, на меня руки наложить. Коли ежели что, я имъ такого огонька подпущу, что ну!..

Мозявый испуганно перекрестился.

— Извѣстно,—поддержалъ, пріободрившись, Васька,—ишь расхрабрились, лапотники! У насъ это живо...

— Молчи, шалый,—презрительно оборвалъ Гунявый.—Ты, Купря, какъ знаешь, а мой совѣтъ: уходи отъ грѣха... неравно!—продолжалъ онъ.

Купріянъ махнулъ рукой.

— Тамъ видно будетъ,—сказалъ онъ.—Водки, дядя, хочешь?—спросилъ онъ у Мозяваго.

Мозявый стыдливо усмѣхнулся, осклабляя желтые корешки зубовъ.

— Пей,—сказалъ Купріянъ,—и я выпью... Гуляю, дядя!

Они выпили. Мозявый, положивъ шапку подъ мышку, осторожно сталъ колупать корявыми пальцами сухую рыбу, а Купріянъ выпилъ еще стаканчикъ и захмѣлѣлъ. Ему хотѣлось пить, чтобы забыть Матрену и утишить чувство ревности и стыда, которое не давало ему покою.

— А нѣтъ-ли, дѣдушка, водки еще?—спросилъ онъ.

— Будетъ тебѣ,—усмѣхнулся Гунявый.

— Гулять хочу... дай водки...

— Нѣту водки и послать некого—всѣ ребята разбѣжались.

Купріянъ помолчалъ, свѣсивъ голову.

— Ну, нѣтъ, такъ нѣтъ... Васька, идемъ за водкой...

Мозявый захихикалъ.

— Право пойдемъ,—настаивалъ Купріянъ,—вотъ и дядя пойдетъ... Пойдешь, дядя?

Мозявый переступилъ съ ноги на ногу.

— Я что-жъ.

— Ну, и ладно... Пойдемъ, Васька...

Васька подумалъ, что если не пойти, то, чего добраго, Купріянъ съпьяна натворитъ и не такихъ глупостей, а если пойти, то можно будетъ потомъ и уговорить его удрать изъ села. Къ тому-же Васька, узнавъ, что облава и начальство ушли, пересталъ трусить и къ нему вернулось все его нахальство.

— Что-жъ, пойдемъ,—осклабился онъ.

Ѳедоръ Гунявый покачалъ головой, но ничего не сказалъ.

XIII.

Около винной лавки сидѣло человѣкъ пять мужиковъ, стариковъ, не годившихся въ облаву. Съ ними былъ и Егоръ Шибаевъ, который постоянно теперь торчалъ у „монопольки“. Дома ему не сидѣлось, на Матрену онъ не могъ смотрѣть безъ злобы и сожалѣнія о своихъ мечтахъ, а видъ маленькаго Федьки приводилъ его въ бѣшенство. Поэтому онъ каждый день за всякій пустякъ билъ жену, а потомъ уходилъ и напивался пьянъ.

Къ облавѣ онъ не примкнулъ, потому что боялся, какъ-бы мужики не стали смѣяться надъ нимъ, что онъ, молъ, пошелъ женинаго хахаля ловить.

Теперь онъ, уже достаточно выпивши, разсказывалъ старикамъ про Питеръ.

— Неужли и царя видалъ?—спрашивалъ его лысенькій скорнякъ Битюговъ, очень любопытный и разговорчивый человѣкъ.

— Вотъ какъ тебя, милый человѣкъ!—съ пьяной важностью отвѣчалъ Егоръ Шибаевъ и только-что хотѣлъ что-то разсказать, какъ къ лавкѣ подошли Купріянъ, Мозявый и Васька.

Купріянъ не зналъ Егора, а Шибаевъ не зналъ Купріяна, такъ что они не обратили другъ на друга никакого вниманія.

За то Васька и Мозявый опѣшили.

— Ишь ты,—подумалъ Васька,—влопались, кажись.

Мозявый струсилъ, сталъ моргать глазами и испуганно оглядываться.

Мужики-же нисколько не удивились, увидѣвъ Купріяна: они такъ и думали, что онъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ его ловитъ начальство. Но никто изъ нихъ не сказалъ ни слова.

— Старичкамъ почтеніе,—весело сказалъ Васька.

Мужики степенно подняли шапки.

— Водочкой балуетесь?—продолжалъ Васька, соображая, что не надо давать имъ времени сказать что-либо Егору.

— Самъ, чай, видишь,—непривѣтливо отвѣтилъ Егоръ Шибаевъ.—Такъ вотъ, братья мои, когда стояли мы на караулѣ во дворцѣ...

— Въ самомъ дворцѣ?—изумился Битюговъ и отъ восхищенія потеръ ладонью свою лысину, вспотѣвшую отъ выпитой водки.

— Въ самомъ,—важно подтвердилъ Егоръ Шибаевъ.

Мозявый дернулъ Купріяна за рукавъ.

— Купря, а Купря...

— Чего тебѣ?

— Пойдемъ...

— Куда? Чего?

Мозявый помялся.

— Егоръ тутъ, — пробормоталъ онъ, трусливо моргая глазками.

Купріянъ поблѣднѣлъ, а потомъ густо покраснѣлъ и впился глазами въ Егора. Губы у него задрожали. Сначала онъ чуть было не бросился на Шибаева и уже сжалъ кулаки, но потомъ сдержался, криво усмѣхнулся и, переваливаясь, подошелъ къ Егору.

— Здравствуйте,—насмѣшливо сказалъ онъ,—любопытно послушать про дворецъ.

Васька почесалъ затылокъ.

— Ну, будетъ каша!—подумалъ онъ.

Мозявый совсѣмъ струсилъ и собрался дать тягу.

— Садись, слушай, коли не шутишь,—важно отвѣтилъ Купріяну Шибаевъ.

Купріяна всего передергивало. Онъ покусывалъ усы и быстро поглядывалъ по сторонамъ.

— Чего шутить,—сказалъ онъ, садясь такъ близко къ Егору, что тотъ долженъ былъ подвинуться,—мы шутить не умѣемъ, это ваше дѣло шутить, солдатское...

Егоръ Шибаевъ недоумѣло посмотрѣлъ на Купріяна.

— Чего городишь?—строго спросилъ онъ.

— Да я такъ,—поглядывая по сторонамъ, сквозь зубы отвѣтилъ Купріянъ,—говорю, вы, солдаты-то, шутники, а мы сѣрые мужики...

— Да ты пьянъ, что-ль?—нахмурившись, замѣтилъ Егоръ Шибаевъ.

— Коли и пьянъ, такъ не на твои деньги, солдатъ!—грубо отвѣтилъ Купріянъ.

Егоръ Шибаевъ посмотрѣлъ на всѣхъ и по ихъ лицамъ замѣтилъ, что дѣло не спроста. Онъ внимательнѣе приглядѣлся къ Купріяну и вспомнилъ его лицо, хотя и не видѣлъ его много лѣтъ.

Онъ побагровѣлъ и глаза у него сдѣлались круглые.

— Ты... чего лѣзешь? — пробормоталъ онъ, сжавъ свои огромные кулаки.

Купріянъ быстро исподлобья посмотрѣлъ на него.

— А того...—задорно отвѣтилъ онъ.

Егоръ Шибаевъ помолчалъ, все болѣе багровѣя.

— Ну, миленькіе, оставь... чего тутъ,—вмѣшался Битюговъ, въ смущеніи потирая лысину.

Васька, съ своей стороны, оттеръ плечами Купріяна.

— Ну, ты, солдатъ, не сердись... лопнешь,—нахально замѣтилъ онъ Егору.

Егоръ взглянулъ на него мутными глазами, однимъ толчкомъ отшвырнулъ его въ сторону и съ поднятыми кулаками бросился на Купріяна.

— Стой... стойте, черти!—закричали мужики.

Купріянъ увернулся отъ удара и вдругъ коротко, но страшно сильно размахнувшись, ударилъ Егора по лицу кулакомъ.

— Эхъ!—злобно крякнулъ Васька.

Егоръ Шибаевъ залился кровью, хлынувшей у него изъ носу, споткнулся и сѣлъ на землю, ударившись плечами о стѣну.

— Не лѣзь!—коротко выговорилъ Купріянъ.

Онъ стоялъ, широко разставивъ ноги и тяжело дыша, и злобно глядѣлъ на Егора.

Егоръ поднялся, шатаясь.

— Ну, постой... — пробормоталъ онъ, утирая пальцами льющуюся изъ носу кровь.

— Вѣдь говорилъ—не лѣзь, солдатъ!—ехидствовалъ Васька со стороны.

Егоръ сжалъ кулаки, но не двинулся съ мѣста.

— Пойдемъ, Купря, вишь, онъ ошалѣлъ съ твоего угощенія... пойдемъ!—приставалъ Васька.

— Ну, ты тоже, Чалка, смотри,—пробормоталъ Битюговъ.

— Чего смотрѣть?—злорадно переспросилъ Васька,—что васъ семеро, а насъ двое... ерои! Это, видно, не во дворцѣ стоять...

Егоръ Шибаевъ порывисто двинулся къ нему, но Купріянъ быстро загородилъ ему дорогу. Съ минуту они бѣшено смотрѣли другъ на друга, потомъ Егоръ отодвинулся, грозя кулакомъ.

— Я тебя, разбойникъ, научу... ты у меня... подожди...

— Что?

— Братцы, — тонкимъ голосомъ обратился Егоръ къ мужикамъ,—что-жъ вы стоите... а ну его!..

Мужики мялись.

— Дубьемъ бы ихъ,—пробурчалъ Битюговъ.

— Молчи, старый хрычъ,—замѣтилъ Васька,—а то мы, за это дубье-то, и сосновыми щепочками твои сараи спалимъ...

— Конокрадъ проклятый...

— Что-жъ вы, братцы!—жалобно воскликнулъ Егоръ.

Мужики угрюмо молчали.

— Пойдемъ, Купря,—издѣвался Васька,—больше отъ нихъ ничего не будетъ... одному носъ расквасилъ и довольно,—всѣ удовлетворились. Пойдемъ!

Купріянъ усмѣхнулся.

— Пойдемъ,—согласился онъ, не спуская глазъ съ Егора.

Они пошли.

— Вотъ ужо будетъ вамъ, разбойники,—крикнулъ имъ вслѣдъ Битюговъ.

— А вамъ ужъ и было!—смѣялся Васька.

Егоръ Шибаевъ погрозилъ имъ кулакомъ.

— Носъ-то утри, солдатъ!—крикнулъ ему Васька.

Они опять вернулись къ Гунявому.

— Надѣлали дѣловъ!—сказалъ Васька, встряхивая волосами.

Гунявый хмуро ихъ выслушалъ, заложивъ руки за поясокъ.

— Такъ,—сказалъ онъ,—вишь, что грѣхъ съ человѣкомъ дѣлаетъ... эхъ!.. Были люди, какъ люди, а теперь нà...

Купріянъ смутился.

— Что ужъ тутъ...

Гунявый помолчалъ.

— Вотъ что, теперь у меня вамъ оставаться нельзя.

— То-то и есть,—сокрушенно вздохнулъ Васька.

— Щей похлебайте, да и айда въ лѣсъ! А то къ вечеру вся облава сюда нагрянетъ. Нажили бѣду...

— И чортъ его дернулъ связаться!—укоризненно проговорилъ Васька.

Они пошли въ избу.

— Анютка тутъ толчется, съ дѣвчонкой моей,—сообщилъ Купріяну Гунявый.

Дѣвочка въ красномъ платкѣ была въ избѣ. Увидѣвъ Купріяна, она подбѣжала къ нему.

— Дяденька Купріянъ, а и что я тебѣ скажу...—звонко заговорила она.

— А что?—обрадовался Купріянъ и покраснѣлъ.

Дѣвчонка поднялась на цыпочки и громко сказала ему на ухо:

— Тетенька Матрена велѣла притить, безпремѣнно велѣла притить.

— Когда?—неровнымъ голосомъ спросилъ Купріянъ.

— Завтра по вечеру... на огородъ... Безпремѣнно велѣла притить.

— Ладно, приду...

— Безпремѣнно,—повторила дѣвченка,—а теперь я уйду.

— Иди.

— Пойду,—и Анютка заскакала изъ избы на одной ножкѣ, а за ней съ крикомъ погналась вся дѣтвора Гуняваго.

Гунявый досталъ изъ печки миску щей и ложки.

— Ѣшьте, да и идите съ Богомъ,—сказалъ онъ.

XIV.

Когда Купріянъ и Васька вышли, уже смеркалось.

Облава еще не воротилась и на улицѣ было пустынно и темно.

На поворотѣ въ сосѣдній проулокъ, Купріянъ и Васька налетѣли на какое-то большое, мягкое тѣло, лежавшее поперекъ дороги. Васька едва не упалъ и схватился за заборъ.

— А чортъ,—выругался онъ.

Потомъ, приглядѣвшись при слабомъ свѣтѣ сумерекъ, ухмыльнулся и сказалъ:

— Ишь, надрызгался.

Купріянъ остановился.

— Кто?

— Ѳома,—весело скаля зубы, объявилъ Васька и зачѣмъ то принялся тормошить пьянаго.

— Брось,—сказалъ Купріянъ.

Пьяный захрипѣлъ и забормоталъ.

— Мы съ нимъ кумовья,—весело пояснилъ Васька и, схвативъ пьянаго за плечо, крикнулъ:

— Кумъ, чортъ, вставай! Шапку потерялъ!..

Пьяный заворочался.

— Вре...—пробормоталъ онъ.

— Смѣшной мужикъ,—замоталъ головой Васька.—Пра, потерялъ... вставай!

Пьяный помолчалъ, соображая.

— И то... встану,—прохрипѣлъ онъ.

Ѳома поднялся на руки, потомъ сталъ на колѣни, покачнулся и съ размаху сѣлъ опять. Васька залился радостнымъ смѣхомъ. Ѳома посмотрѣлъ на него тупо и глупо, потомъ улыбнулся и весело прохрипѣлъ:

— Баба померла!

— Чего?—спросилъ Васька съ недоумѣніемъ.

Ѳома, придерживаясь за заборъ, поднялся на ноги, въ порткахъ и оборванной ситцевой рубахѣ, громадный, всклокоченный и босой, и, покачиваясь во всѣ стороны, повторилъ:

— Баба померла.

— Твоя, что-ль?—спросилъ Купріянъ.

Ѳома засмѣялся.

— Не чужая... Двадцать годовъ жили... Померла.

Всѣ трое замолчали. Васька поглядѣлъ на блѣдное небо, нерѣшительно улыбнулся и посмотрѣлъ на Купріяна.

— Чего померла?—спросилъ Купріянъ.

Ѳома покачнулся, икнулъ и махнулъ рукой.

— Смерть пришла... нутро сожгло!..

— Такъ. А ты чего-жъ надрызгался?

Ѳома вдругъ всхлипнулъ и покачнулся такъ сильно, что ухватился за Купріяна.

— Я, братяга, пьянъ... это ты... того... пьянъ! Потому какъ померла... одинъ я, братъ, таперича!

Ѳома тряхнулъ головой съ неестественно ухарскимъ видомъ.

— Померла... ну я и выпилъ... ты пойми... одинъ, какъ палецъ, ну и...

Ѳома жалостливо улыбнулся, ласково глядя Купріяну въ глаза и сказалъ:

— Чижало!

Купріянъ подумалъ.

— Дохтура отчего не позвалъ?

Ѳома тяжело махнулъ рукой.

— Я звалъ, фершалъ былъ... Да развѣ супротивъ Бога! Купря, другъ, поднеси,—неожиданно присовокупилъ онъ.

— И такъ хорошъ!—отозвался Васька.

— Будетъ,—строго сказалъ Купріянъ и добавилъ: когда померла?

— Вчерась.

— Похоронилъ?

— Н-не... попъ не велѣлъ...

— Почему?

Ѳома сдѣлалъ усиліе, чтобы сообразить.

— А того... Я ему говорю: померла... А онъ, батька, то есть, мнѣ: подожди!

Купріянъ удивился.

— Что ты мелешь, пьяная башка!

— Чего мелю? Ничего не мелю... Попу въ городъ на ярмарку ѣхать, а тутъ я... то есть, старуха! Подожди, говоритъ, пріѣду—тогда.

Васька захихикалъ.

— Ловко! Ай, попъ!.. Подожди... Вышла отъ попа рызолюція, чтобъ не помирала баба, пока попъ съ ярмарки не пріѣдетъ... Ловко!

Купріянъ нахмурился.

— А ты что-жъ?

— Я? Я ничаво... что-жъ я? Попъ, извѣстно, а я сѣрый мужикъ, ну... А потому въ избѣ жуть беретъ, ну, я и того... Ѳома выразительно икнулъ.—А, между прочимъ, духъ отъ нее... чижало...

Купріянъ сумрачно помолчалъ.

— Ну, прощай, кумъ!—сказалъ Васька.

— Ну, и прощай, коли такъ!..—добродушно отвѣтилъ Ѳома, покачиваясь и икая.

Они разошлись. Двое пошли внизъ къ рѣкѣ, а огромная лохматая фигура Ѳомы долго чернѣла на косогорѣ, шатаясь и размахивая руками, на фонѣ блѣдной зеленоватой зари.

— Попъ, извѣстно попъ, а я мужикъ... сѣры-ый...—бормоталъ Ѳома, пока не свалился подъ заборомъ въ жидкую и липкую грязь.

XV.

Купріянъ и Васька, цѣпляясь за мокрыя тонкія вѣтки вербы и скользя по размокшему глинистому скату, спустились къ рѣкѣ.

Вода текла медленно, медленно и отъ нея несло сыростью и холодомъ. Небольшія волны тихо поплескивали подъ ногами и чуть-чуть пѣнились. Прошлогодній тростникъ, обломанный и придавленный половодьемъ, низко стлался надъ темной глубиной и жалобно поскрипывалъ, точно говоря:

— Холодно, братцы...

Тучи нависли совсѣмъ низко и, казалось, вотъ вотъ пойдетъ дождь, медленный, тягучій. На верху берега безнадежно мотались по вѣтру чахлые тоненькіе кустики лозы.

Васька поежился.

— Ишь жуть,—пробормоталъ онъ.

Другого берега не было видно, и казалось, что черная, неумолчно плещущая вода сливается тамъ на серединѣ съ темнымъ и тяжелымъ небомъ.

— Гдѣ ночевать будемъ?

— Да тутъ и заночуемъ,—равнодушно отвѣтилъ Купріянъ.

Васька повелъ плечами.

— Чего?

— Да.... такъ...

Купріянъ насмѣшливо на него поглядѣлъ.

— Ну, пойдемъ къ Ѳедору...

— Сцапаютъ.

— Ну, такъ и болтать нечего.

Купріянъ потопталъ ногами, выбралъ мѣсто посуше и сѣлъ.

Васька почесалъ затылокъ и опустился рядомъ.

Оба молчали, глядя на темную гладь рѣки, и жались другъ къ другу, стараясь защититься отъ вѣтра, порывами гнавшаго волны вдоль берега, порой обдавая ихъ мелкими, какъ пыль, холодными брызгами, сорванными съ верхушекъ волнъ.

Васька скоро началъ дремать, согнувъ спину. Купріянъ долго смотрѣлъ на рѣку пристальнымъ и неподвижнымъ взглядомъ и думалъ о чемъ-то.

Вдругъ онъ пошевелился.

— Попъ-то...

Васька очнулся.

— Чего?

— Говорю, попъ-то...

— Да-а,—протянулъ Васька, опять начиная дремать.

Вѣтеръ рванулъ съ особенной силой, такъ что сухой тростникъ зазвенѣлъ долгимъ, слабымъ и тоскливымъ звономъ.

— Такъ, значитъ, попъ на ярмаркѣ?—сказалъ Купріянъ.

Васька опять поднялъ голову.

— Не иначе такъ... Самъ видѣлъ, утромъ одинъ ѣхалъ.

— На одной, али на парѣ?

— На одной...

Васька сморщился, какъ бы что соображая, и вдругъ прищелкнулъ пальцами.

— Ну, и ловко! Въ самый разъ...

Онъ приподнялся и оскалилъ зубы...

— Идемъ, что ли?—спросилъ Купріянъ.

— Конечное дѣло... другого такого случая—жди!..

Купріянъ всталъ, поправилъ шапку и полѣзъ обратно на скатъ, хватаясь за вѣтки и скользя.

Васька карабкался за нимъ.

— Чортъ знаетъ, какъ это самому не въ домекъ... Ловко...

Они вылѣзли на верхъ и притаились, какъ два голодные волка, высматривая дорогу. Сейчасъ-же за выгономъ начинались плетни и заборы, а за ними чернѣлись и пропадали въ темнотѣ темныя кучи строеній, съ ободранными, голыми остовами крышъ. Ветлы и березы уныло раскачивали надъ ними голыми верхушками, съ долгимъ непрестаннымъ шумомъ.

Тишина была мертвая, только гдѣ-то по ту сторону села однозвучно позвякивалъ колокольчикъ, да далеко, далеко слабо тявкала собака.

Купріянъ и Васька двинулись обратно черезъ выгонъ, зорко осматриваясь по сторонамъ. Прошли мимо огородовъ, мимо избъ съ черными слѣпыми окнами и вышли на площадь, посреди которой слабо бѣлѣла въ темнотѣ церковная ограда.

— А можетъ попъ вернулся? — замѣтилъ вполголоса Васька.

— Нѣтъ... должно, нѣтъ, — возразилъ также тихо Купріянъ:—въ окнахъ свѣтится... должно, къ ночи ждали и теперь еще ждутъ.

Поповскій домъ, бѣлый съ желѣзной крышей, стоялъ рядомъ съ большимъ лавочнымъ амбаромъ. Въ одномъ окнѣ его слабо свѣтилъ огонь и видны были ситцевыя занавѣски на окнѣ и два горшка съ цвѣтами.

Купріянъ и Васька подошли къ воротамъ.

— Собаки есть?—спросилъ Купріянъ

— Должна быть, коли за попомъ не убѣгла..

— Ты стукни...

Васька слабо постучалъ въ заборъ.

Со двора никто не отозвался.

— Должно, нѣтъ,—замѣтилъ Васька и поднялся на лавочку возлѣ воротъ.

— Не видать

— Лѣзь!—шопотомъ сказалъ Купріянъ.

Васька ловко и безшумно поднялся надъ заборомъ, посидѣлъ наверху, чутко прислушиваясь, и легко спрыгнулъ внизъ. Щеколда тихо звякнула и калитка отворилась.

Купріянъ вошелъ во дворъ.

Дворъ былъ большой, поросшій травой и чистый.

Они тихо, крадучись, прошли мимо дома, къ конюшнѣ. Васька попробовалъ рукой.

— На замкѣ!—сообщилъ онъ.

Купріянъ въ свою очередь пощупалъ замокъ, досталъ изъ кармана маленькій ломикъ, заложилъ въ петлю и нажалъ. Замокъ не подался. Купріянъ нажалъ сильнѣе, что-то затрещало, и запоръ со звономъ обрушился внизъ.

— Эхъ, чортъ!..—пробормоталъ Купріянъ.

Васька вздрогнулъ и оглянулся. Оба замерли, повернувшись къ дому. Тамъ было попрежнему темно и тихо; въ крайнемъ окнѣ слабо брезжилъ свѣтъ.

— Дома одинъ старый попъ... батька молодого, заштатный... Онъ, чай, и глухой уже,—совсѣмъ старый!—прошепталъ Васька.

Купріянъ отворилъ дверь. Извнутри пахнуло теплымъ навозомъ и послышалось ласковое пофыркиваніе лошади, невидной въ темнотѣ.

Васька остался у дверей.

Все было тихо. Вѣтеръ слабо и глухо шумѣлъ у церкви въ верхушкахъ липъ. Въ окнѣ у попа мерцалъ огонекъ. Въ конюшнѣ осторожно позвякивала уздечка и лошадь, почуявъ незнакомаго, пугливо фыркала и перебирала ногами по мягкому навозу. Купріянъ точно утонулъ въ темнотѣ.

Васька смотрѣлъ, смотрѣлъ, глаза у него расширились и заслезились отъ напряженія.

— Скоро?—шепнулъ онъ въ темноту.

— Сейчасъ,—тихо донеслось оттуда.

Копыта лошади застучали по деревяннному помосту; темнота точно заколыхалась, и вдругъ изъ нея вынырнула фигура Купріяна, а за нимъ большая голова лошади, пугливо прядущей ушами.

— Гнѣдая,—радостно сказалъ Васька,—эта много лучше той... Недавно купилъ попъ-то, по всему селу хвастался!..

Купріянъ зло ухмыльнулся.

— Такъ ему и надо... Пущай теперь и онъ подождетъ...

— Чего?—съ недоумѣніемъ переспросилъ Васька.

— Лошадку пусть подождетъ... Ѳомкѣ приказалъ ждать-то...

Васька захихикалъ.

— Одначе, куда ее?—спросилъ Купріянъ.

— Къ цыгану... Трофиму... больше некуда.

Купріянъ подумалъ.

— Двигай ты, а у меня тутъ того... дѣло есть.

— Опять насчетъ бабы?

Купріянъ неохотно пробормоталъ что-то.

Васька ухмыльнулся и пожалъ плечами.

— Чудасія!..

— Ну, ладно,—недовольно прервалъ Купріянъ,—сдашь коня Трофиму, дешево не отдавай—конь добрый, а самъ къ ночи на завтра назадъ... безпремѣнно.

— Какъ найду?—спросилъ Васька, схвативъ лошадь за гриву и взваливаясь на нее животомъ.

Лошадь тяжело и покорно вздохнула, пугливо глядя своими кроткими большими глазами.

Купріянъ погладилъ ее по мордѣ.

— Гуняваго спросишь, знать будетъ.

— Ну, ладно... Пущай!

Купріянъ отступилъ. Васька тронулъ лошадь, и она, легко перебирая ногами, двинулась черезъ дворъ къ воротамъ. Купріянъ пошелъ за нею и снизу смотрѣлъ на темный силуэтъ Васьки, отчеливо вырисовывавшійся на небѣ.

— Лошадь добрая,—повторилъ Купріянъ.

Они поровнялись съ крыльцомъ дома.

Дверь на крыльцѣ скрипнула и старческій голосъ, шамкая, спросилъ:

— Это ты, отецъ? Что поздно?

Васька инстинктивно дернулъ лошадь, и она быстро двинулась къ воротамъ; но Купріянъ схватилъ ее за узду и придержалъ.

— Постой,—сказалъ онъ Васькѣ.

Тотъ только удивленно и испуганно на него покосился.

— Ты что-ль, отецъ? — повторилъ съ крыльца старый попъ.

— Я,—громко отвѣтилъ Купріянъ,—счастливо оставаться, батюшка!

Васька опять испуганно тронулъ лошадь, но Купріянъ еще разъ придержалъ ее.

— Ась?—спросилъ съ крыльца попъ.

— Ну, то же самое...—злорадно отвѣтилъ Купріянъ.

— Что ты,—прошепталъ Васька.

— Мое дѣло,—огрызнулся Купріянъ.

Попъ вглядѣлся и понялъ въ чемъ дѣло.

— Разбойники, вы что тутъ дѣлаете?—дрожащимъ голосомъ закричалъ онъ.

— Лошадкой вашей попользовались, батюшка!—притворно ласково отвѣтилъ Купріянъ.

— Ратуйте, ой,—кричалъ попъ тоненькимъ напряженнымъ голосомъ.

— Ну, ты, старый!—угрожающе цыкнулъ Купріянъ.

Васька дернулъ лошадь, она рысью вылетѣла за ворота, и повернувъ вдоль улицы, понеслась вскачь.

Купріянъ не трогался.

— Ты, батюшка, скажи отцу Ивану, что это ему за Ѳомкину бабу,—сипло проговорилъ онъ, подвигаясь къ крыльцу,—пущай тоже подождетъ... лошади-то...

Попъ отступилъ въ сѣни и, захлопывая двери, закричалъ еще громче и напряженнѣй:

— Караулъ... люди... ратуйте!..

Купріянъ вышелъ за ворота, посмотрѣлъ вслѣдъ Васькѣ и побѣжалъ въ противоположную сторону, къ рѣкѣ, слыша за собой голосъ стараго попа и еще чей-то женскій, отчаянно взывавшіе о помощи.

— Ратуйте!—раздавалось въ молчаніи ночи.

По сосѣднимъ дворамъ начали лаять собаки и послышались движенія и голоса.

Купріянъ бѣжалъ по улицѣ.

Возлѣ волостного правленія его вниманіе привлекли лег-

кія позвякиванія бубенчиковъ и освѣщенныя окна. Тамъ сидѣли, вернувшіеся съ проводовъ исправника, старшина, писарь и урядникъ. Они пили водку и засидѣлись. Урядникъ собирался къ утру выѣхать, и у волости стояли уже готовыя лошади, не земскія, а старшинскія, которыя старшина далъ уряднику изъ уваженія и потому, что земскія лошади всѣ были въ разгонѣ.

Ямщикъ ушелъ въ сѣни и лошади стояли у крыльца, понуривъ головы и тихо встряхивая бубенцами.

Купріянъ, увидѣвъ ихъ, на мигъ остановился, быстро влѣзъ въ бричку, собралъ возжи и дернулъ лошадей съ мѣста во весь духъ. Бубенцы дико и нестройно зазвенѣли, телѣга затряслась и затрещала.

Изъ волостного правленія выскочили одинъ за другимъ душъ десять мужиковъ, писарь и урядникъ.

— А-ахъ, ты, Боже мой!—ударилъ объ полы старшина.

— Держи!—завопилъ писарь тоненькимъ голосомъ.

Урядникъ выхватилъ револьверъ.

— Сто-ой, стой!—закричалъ онъ, прицѣлился дрожащими руками и выстрѣлилъ.

Купріянъ только пригнулся и еще шибче погналъ лошадей, стоя въ бричкѣ на колѣняхъ, и, самъ не зная зачѣмъ, только чувствуя какое-то свѣтлое и безшабашное чувство, заливавшее его грудь,—крикнулъ во все горло:

— Ловите Купріяна-а!..

Урядникъ еще разъ выстрѣлилъ.

Отовсюду выскакивали мужики, лаяли собаки, хлопали калитки.

— Держи!—взывалъ старшина, рысью несясь по улицѣ.

Лошади вылетѣли за околицу и пошли забирать къ лѣсу. Купріянъ уже не кричалъ, а только гналъ и нахлестывалъ лошадей.

На селѣ лаяли собаки и крикомъ кричало много голосовъ и мужскихъ, и бабьихъ.

Доскакавъ до лѣсу, Купріянъ остановилъ лошадей, соскочилъ съ брички, подбѣжалъ къ конямъ и снялъ бубенчики. Потомъ опять погналъ, что есть духу, и скоро свернулъ съ дороги въ лѣсъ. Версты за три отъ дороги онъ загналъ въ чащу, остановилъ взмыленныхъ, храпящихъ и шатающихся лошадей и, привязавъ ихъ возжами къ дереву, побѣжалъ прочь отъ нихъ по лѣсу.

— Коли не найдутъ, завтра возьмемъ!—думалъ онъ.

XVI.

Переночевавъ въ ямѣ, полной осыпавшихся листьевъ, Купріянъ цѣлый день сидѣлъ въ лѣсу, у болота, на условленномъ съ Васькой мѣстѣ.

День былъ солнечный и какой-то прозрачный. Солнце свѣтило тихо и не грѣло, а только золотило желтые листья и паутину, длинными нитями протянувшуюся повсюду по травѣ, по опалымъ листьямъ, по деревьямъ. Легкія пряди ея тихо летали въ воздухѣ, и казалось, что весь лѣсъ насквозь протканъ золотыми нитками. Небо было ярко голубое и тоже прозрачное. По временамъ высоко, высоко надъ лѣсомъ слышались какіе-то звуки. Тогда Купріянъ подымалъ голову и видѣлъ чуть-чуть мрѣющую въ голубомъ просторѣ стаю журавлей. Ихъ заунывное курлыканье было единственнымъ звукомъ, который слышалъ Купріянъ.

— Ишь ты,—думалъ Купріянъ,—летятъ... хорошее дѣло! Лети себѣ куда хочешь... ни земли пахать, ни коней красть, ни податей платить... хорошо!

Около полудня надъ болотомъ вышелъ волкъ и, чутко насторожившись, постоялъ по ту сторону просѣки. Купріяну были видны его втянутыя ребра и облѣзлыя ляшки, на которыхъ мотались клочки шерсти. Волкъ постоялъ, понюхалъ и, высоко поджимая свои худыя ноги, поскакалъ въ чащу.

— Нашъ братъ,—усмѣхнулся Купріянъ.—Тоже поймаютъ—спуску не дадутъ... а вся вина, что жрать надо.

Купріяну стало грустно и скучно.

Онъ уже съ тоской поглядывалъ въ ту сторону, откуда долженъ былъ появиться Васька. Но тамъ все такъ же неподвижной стѣной стоялъ лѣсъ, медленно и безшумно роняя кружащіеся листья. Паутина продолжала тянуться золотыми нитями.

Купріянъ то ложился, то вставалъ.

Солнце стало клониться къ западу и по всему лѣсу протянулись косыя стрѣлы его лучей. Надъ болотомъ сталъ мерещиться туманъ.

Наконецъ, Купріянъ не выдержалъ и всталъ.

— Ну его къ чорту!—съ досадой плюнулъ онъ,—этакъ и съ голоду помрешь. Завязъ гдѣ-то, чортъ... жди его теперь.

Онъ помялся еще немного.

— Матрена наказывала къ вечеру придти,—подумалъ онъ, пора и идти... пока доберусь.

Онъ вспомнилъ, какъ до пріѣзда Егора онъ, бывало, вечеромъ пробирался къ Матренѣ въ избу. И ему вдругъ стало

жаль, что ужъ не вернется это время. Потомъ онъ припомнилъ, какъ „жалѣла“ его Матрена, и вспомнилъ, какъ онъ грубо съ ней обошелся въ послѣднюю встрѣчу.

— И что это на меня нашло?.. Развѣ она чѣмъ виновата? Такая ужъ участь наша горькая... А должно въ послѣднее мы съ ней сегодня повстрѣчаемся,—подумалъ Купріянъ,— послѣ вчерашняго мнѣ въ село ни ногой... Старшина своей тройки не забудетъ, да и попъ... Уходить надо! Двинемъ съ Васькой подъ Одестъ. Васька говоритъ, мѣста вольныя. А тамъ когда опять вернусь?.. Можетъ, и не вернусь, а коли и приведется,—забудетъ баба-то.

Купріянъ тряхнулъ головой и покривился.

— Хоть попрощаться-то хорошенько...

Солнце какъ-то вдругъ погасло въ лѣсу и сразу стало холоднѣй и туманъ явственно потянулъ съ болота.

— Не дождаться Васьки,—подумалъ Купріянъ, потоптался въ нерѣшимости и вдругъ быстро и твердо направился по знакомой тропкѣ къ селу.

XVII.

Матрена цѣлый день была сама не своя.

Утромъ къ ней забѣжала солдатка Палашка и, вызвавъ ее на огородъ, чтобы не слыхалъ Егоръ, повѣдала ей съ прикрасами всѣ ночныя событія.

— И такой онъ, Купріянъ—отчаянной жизни человѣкъ,— тараторила Палашка,—самъ скачетъ по улицѣ, самъ и кричитъ: ловите Купріяна! Старшина теперь его живьемъ бы съѣлъ, а попъ чуть, говорятъ, не померъ... Отчаянный!

У Матрены въ сердцѣ такъ сразу и захолонуло.

Первая мысль у нея была послать къ Купріяну, чтобы не приходилъ сегодня. Когда Палашка ушла, она вышла на улицу выглядывать Анютку. Анютка, игравшая съ дѣвченками около церковной ограды, сама увидѣла ее издали и прискакала на одной ножкѣ, болтая локтями.

— Здравствуй, тетка Матрена,—просюсюкала она.

Матрена боязливо оглянулась вдоль по улицѣ.

— Купріяна видѣла?—тихо спросила она.

— Вчерась видѣла.

— Сказала?

— Сказала. Обѣщалъ безпремѣнно... Скажи, говоритъ, приду.

Матрена еще разъ оглянулась по улицѣ.

— Ты-бъ, Анютка, сбѣгала до него. Скажи, чтобъ не приходилъ.

Анютка вытаращила глаза.

— Чтобъ не приходилъ?—переспросила она.

— То то-жъ. Скажи, Матрена говорила, чтобъ не ходилъ, а то мужики очень серчаютъ, такъ чтобы худо ему не было. Скажешь?

— Скажу.

— Ну, бѣги...

— Сичасъ,—просюсюкала дѣвченка и проворно затопала босыми пятками къ избѣ Гуняваго.

Матрена вздохнула, поглядѣла ей вслѣдъ и пошла мѣсить квашню.

Егоръ съ утра ушелъ къ винной лавкѣ, гдѣ онъ теперь былъ постоянно. Маленькій Федька спалъ въ чуланѣ. Матрена мѣсила тѣсто и плакала.

Начала она плакать такъ, сразу, сама не зная отчего. Стало на сердцѣ тяжело и слезы закапали въ тѣсто.

Она боялась за Купріяна и въ то же время жаль было ей не видѣть его. И мысли у нея все были грустныя и безотрадныя.

— Уйдетъ онъ, чай, теперь,—думала Матрена,—нельзя ему тутъ оставаться, а я одна останусь...

Матрена заплакала сильнѣй.

— Ни отъ кого то я ласки не увижу... Егоръ только водку пить да за волосья таскать... Пошла бъ да и утопилась, коли бъ не Федька. Федьку жалко... И ему не жить: забьетъ Егоръ. Вчера какъ толконулъ-то!.. Куупря мой... желанный!—всхлипнула она громко.

Подъ окномъ кто-то осторожно стукнулъ.

Матрена выглянула,

— Нѣту дядиньки Купріяна,—просюсюкала Анютка.

У Матрены опять захолонуло въ сердцѣ.

— Какъ такъ?

— Дѣдушка Ѳедоръ говоритъ, и ночевать не приходилъ. съ вечера ушелъ и не приходилъ.

Матрена молчала.

— А у винной, тетенька, мужики крича-атъ, сообщила дѣвченка,—все дядиньку Купріяна поминаютъ, грозятся...страшно!.. Я мимо бѣгла, такъ послушала... И дядинька Егоръ тамотка...

— Пьяный?—машинально спросила Матрена.

— Не... только сердитый такой, что и-и!..

Матрена опустилась на лавку и потупилась.

— Ну, что жъ, я пойду,—сказала Анютка.—Я, тетенька Матрена, къ лавкѣ сбѣгаю, послушаю... Таково мужики страашно грозятся, у-у!..

— Иди,—прошептала Матрена.

Анютка убѣжала.

Цѣлый день Матрена мѣста себѣ не находила. Иногда она выходила на крыльцо и прислушивалась къ голосамъ мужиковъ, горланившихъ у винной лавки.

Егоръ не приходилъ до вечера.

Къ вечеру Матрена чисто убрала избу, уложила Федьку и, накинувъ на голову большой платокъ, вышла на огородъ.

XVIII.

Купріянъ былъ уже подъ осиной.

Онъ пробрался задами и никого не встрѣтилъ, кромѣ Ѳомы Болото, который, пьяный и лохматый, попался ему на выгонѣ.

Онъ узналъ Купріяна, но ничего не сказалъ и, шатаясь, пошелъ своей дорогой.

Было еще рано и совершенно свѣтло, но свѣтло какимъ-то обманчивымъ свѣтомъ: вблизи было все видно, какъ днемъ, а издали сливалось въ общую массу.

— Здравствуйте, Купріянъ Васильевичъ,—застѣнчиво проговорила Матрена, подходя къ нему.

— Мотря, — тихо отвѣтилъ Купріянъ,—не серчаешь, желанная?

Матрена вспыхнула и расцвѣла.

— Не... не серчаю я...

Купріянъ ее обнялъ.

— Вамъ, Купріянъ Васильевичъ, грѣхъ меня обижать,— заговорила Матрена,—потому я васъ оченно почитаю и всегда...

— Я это понимаю, а только горько мнѣ, что такъ то наше дѣло выходитъ,—отвѣтилъ Купріянъ грустно.

— Вамъ теперь на село ходить нельзя, Купріянъ Васильевичъ... оченно мужики серчаютъ.

— Пущай,—махнулъ рукой Купріянъ,—я ихъ не очень-то боюсь, а что уйти мнѣ отсюда слѣдуетъ, такъ это вѣрно.

Онъ тряхнулъ головой.

На глазахъ у Матрены показались слезы.

— Куда жъ вы уйдете?—спросила она.

— Подъ Одестъ, Васька зоветъ... Да я бы не пошелъ, ежели бы не такая наша доля... чтобы въ разлукѣ.

— Отъ Бога все, Купріянъ Васильевичъ,—со слезами въ голосѣ вздохнула Матрена.

— Да ужъ тамъ... А такъ жить, душа не стерпитъ...

Оба помолчали.

Небо все больше и больше темнѣло и зеленѣло съ одного края.

— Не поминай, значитъ, лихомъ!—сказалъ Купріянъ.

Матрена заплакала.

— Богъ вамъ на помощь, Купріянъ Васильевичъ, а я

васъ всегда... можетъ, когда вспомните, дѣдушкѣ Федору письмо для меня пришлите...

Купріянъ отвернулся.

— Когда жъ вы?..

— Сегодня ночью и двинемся,—неровнымъ голосомъ отвѣтилъ Купріянъ.

У Матрены ноги подкосились. Она присѣла на бугорокъ и сильнѣе заплакала.

— Ну, что жъ ты... Мотря!.. Ты не плачь,—заговорилъ Купріянъ.—Можетъ, еще и свидимся.

— Нѣтъ ужъ,—прошептала Матрена.

Въ это время ворота двора сильно скрипнули.

Матрена и Купріянъ разомъ подняли головы

Отъ дома, по дорожкѣ бѣжалъ Егоръ Шибаевъ съ толстой жердью въ рукахъ.

— Ой, Боже-жъ мой! — вскрикнула Матрена, закрывая лицо руками.

Купріянъ съежился и оглянулся вокругъ.

IXX.

Ѳома, шатаясь и ругаясь, побрелъ съ выгона по селу.

Около винной лавки его окликнулъ Семенъ.

— Эй, Ѳома... шапку пропилъ!—закричалъ онъ.

Ѳома остановился.

— Похоронилъ что-ль старуху?—спросилъ Семенъ.

— Не...—пробормоталъ Ѳома.

Мужики засмѣялись.

— Въ прокъ солить ее хочешь, что ли?—глупо зубоскалилъ Семенъ.

Ѳома тупо улыбался.

— Негодящій мужикъ,—вздохнулъ лысенькій Битюговъ.

— Народъ,—отозвался Егоръ,—у него жена померла, а онъ натрескался... пьянчуга!..

Ѳома вдругъ обидѣлся.

— Ну, ты, солдатъ, — съ пьянымъ задоромъ отозвался онъ,—не на твои деньги пью, такъ тебѣ какое дѣло?..

— Ну, проваливай!—строго возразилъ Егоръ Шибаевъ.

— Чего проваливай,—не унимался Ѳома,—а до моей жены тебѣ дѣла нѣтъ... померла, такъ не твоя печаль... Ты за своей смотри...

Егоръ Шибаевъ всталъ.

— Ну, ну,—угрожающе проговорилъ онъ.

Битюговъ придержалъ его за рукавъ.

— Плюньте вы на него... извѣстно, пьяный человѣкъ болтаетъ, самъ не знаетъ...

— Нѣтъ знаю,—упрямо возразилъ Ѳома.

— Что ты знаешь?—багровѣя и подступая къ нему, прохрипѣлъ Егоръ.

— А то и знаю, что къ твоей бабѣ Купріянъ - конокрадъ пошелъ, и сейчасъ тамъ.

— Что врешь, пьяная голова—вступился Касьянъ Рыжій.

— Ничего не вру... самъ видалъ сейчасъ... на задахъ встрѣтилъ. Прямо къ нему на огородъ поперъ.

Егоръ Шибаевъ посинѣлъ.

— Братцы, — тоненькимъ голоскомъ вдругъ заговорилъ онъ,—подсобите...

Ѳома покачивался и ухмылялся.

— Поди, поди... онъ тебѣ еще носъ раскваситъ,—насмѣшливо бормоталъ онъ.

— А и то, мужики, что-жъ ему спущать то!—поддержалъ Касьянъ Рыжій.

— Переломать ему ребра, чтобъ зналъ, какъ коней уводить...

— Къ начальству приставимъ!..

— Иди что-ль!..

— Вали!..

— Держи его!—закричалъ уже кто-то пьянымъ голосомъ.

Мужики повалили къ избѣ Егора, по дорогѣ выдергивая палки изъ плетней.

— Заходи съ Семенова огорода,—командовалъ Битюговъ.

— Ладно, не учи,—отвѣчали мужики, раздѣляясь на двѣ партіи. Одна часть пошла черезъ дворъ Егора, другая повалила Семеновымъ огородомъ.

Когда Егоръ Шибаевъ увидѣлъ издали Купріяна съ женой, у него потемнѣло въ глазахъ, и онъ рысью побѣжалъ къ нимъ по огороду.

Купріянъ сразу увидѣлъ опасность и оглядѣлся вокругъ.

Егоръ Шибаевъ, тяжело сопя, налетѣлъ на него.

— А...—только мычалъ онъ.

Занимъ бѣжали Битюговъ и Семенъ.

— Держи!—кричали они Егору.

Купріянъ вдругъ бросился навстрѣчу Егору и со всей силы ударилъ его сапогомъ въ животъ...

— О-ой!—закричалъ Егоръ плачущимъ голосомъ, роняя палку и сгибаясь въ три погибели.—Держи-и!..

Битюговъ налетѣлъ на Купріяна, но поскользнулся и упалъ. Семенъ попятился назадъ.

— Бѣги, Купря... ой, Господи!—голосила Матрена.

Купріянъ бросился бѣжать по огороду, прыгая черезъ грядки.

— Эхъ, хоть-бы Васька...—подумалъ онъ.

На перерѣзъ ему бѣжали мужики съ Семенова огорода.

— Упустили... держи!—кричали они.

Купріянъ бѣжалъ изо всѣхъ силъ, слыша, какъ сзади бѣгутъ Битюговъ и Егоръ, оправившійся отъ удара.

— Не догонятъ,—задорно подумалъ Купріянъ.

Но въ это время что-то ударило его по ногамъ и попалось подъ ногу. Купріянъ споткнулся и упалъ, едва успѣвъ подумать:

— Пропалъ!..

— Вотъ такъ... держи!—крикнулъ Касьянъ Рыжій, бросившій ему подъ ноги палку.

Въ ту же минуту Купріянъ вскочилъ на ноги, но сзади на него навалился Егоръ.

Купріянъ хватилъ его локтемъ въ лицо, но страшный ударъ по головѣ сшибъ его самого съ ногъ. У него все закружилось въ глазахъ. Падая, онъ ударился лицомъ о чье-то колѣно, вскочилъ и опять упалъ, вцѣпившись пальцами въ чей-то зипунъ. Удары посыпались на него градомъ. Кто-то со всей силы ударилъ его сапогомъ въ грудь, и что-то горячее хлынуло у него изо рта. Купріянъ закричалъ тоненькимъ голосомъ и, выпустивъ захваченную полу зипуна, всталъ на четверинки, чувствуя, какъ кровь течетъ у него по лицу и заливаетъ глаза.

— Голову разбили...—смутно мелькнуло въ его сознаніи и онъ снова упалъ.

Сквозь ревъ, удары, ругательства и сопѣніе возившихся съ нимъ мужиковъ онъ услышалъ еще голосъ, какъ ему показалось Федора Гуняваго, но на голову ему обрушилась съ страшной силой какая-то гора и земля попала ему въ ротъ.

Надъ нимъ образовалась спутанная куча зипуновъ, лаптей, сапоговъ, поднимающихся и опускающихся кулаковъ.

Федоръ Гунявый, Мозявый, сотскій Шпрунъ и другіе мужики дѣйствительно бѣжали со двора, отъ церкви, услышавъ пронзительный крикъ о помощи Матрены и ревъ пьяныхъ, бѣшеныхъ голосовъ. Имъ удалось растащить мужиковъ, возбужденныхъ, красныхъ и потныхъ, съ оборванными полами и бородами, но Купріянъ лежалъ ничкомъ, подогнувъ голову, и уже не шевелился. Волосы его слиплись отъ крови и грязи.

Мужики, тяжело дыша, смущенные и испуганные, стояли вокругъ.

— Ишь ты,—пробормоталъ недоумѣло Касьянъ Рыжій.

— Ахъ, ты грѣхъ какой!—ударилъ объ полы Битюговъ, оторопѣло разсматривая убитаго.—Какъ же это такъ...

— Звѣри, не люди,—горько пробормоталъ Гунявый.

М. Арцыбашевъ.

Какъ мы боролись противъ рабства.

Историческія очерки и личныя воспоминанія.

Д. Ф. Кларка.

(*Переводъ съ англійскаго С. Пасынкова*).

VI.

Бой становится жарче.

Компромиссъ 1850 г. имѣлъ цѣлью покончить споръ между рабствомъ и свободой навсегда. Но это большая ошибка—воображать, будто между принципами возможенъ компромиссъ. Вполнѣ правильно и возможно устраивать компромиссы между противоположными *интересами*, но не между противоположными *принципами*. Попытки послѣдняго рода равносильны крикамъ: „Миръ! миръ!“ когда нѣтъ мира. Это то же, что—говоря словами писанія—„класть стѣну на негашеной извести, такъ что достаточно лисицѣ пробѣжать по стѣнѣ, чтобы она развалилась“.

Едва устроенъ былъ компромиссъ 1850 г., какъ война словомъ и перомъ и политическая агитація возобновились съ большей яростью, чѣмъ когда-либо. Въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія—съ 1850 по 1860 г.—рабовладѣніе одержало много побѣдъ. Оно выбрало въ президенты Пирса въ 1852 г. и Бюканана въ 1856. Оба были сѣверяне и оба пресмыкались передъ рабовладѣніемъ. Рабовладѣльцы нашли, что южане, вродѣ Захарія Тэйлора, хотя сами владѣли невольниками, далеко не были такъ покорны, какъ сѣверяне типа Пирса и Бюканана.

Рабовладѣльцамъ удалось уничтожить Миссурійскій компромиссъ 1820 года, которымъ полагалась граница между двумя частями союзной территоріи: доступной и недоступной рабовладѣнію. Этимъ Канзасъ и Небраска были открыты невольничеству. Вожакомъ въ проведеніи этой мѣры былъ нѣкто Стивенъ А. Дугласъ, знаменитый демократъ-сѣверянинъ. Онъ основалъ свою кампанію на формулѣ, извѣстной подъ терминомъ „Скваттерскій Суверенитетъ“, по которой поселенцы („скваттеры“), занявшіе

территорію, сами должны были рѣшить, допустить рабовладѣніе, или нѣтъ, когда „территорія“ становилась „штатомъ“. Конгрессу не дозволялось запрещать рабовладѣльцамъ селиться вмѣстѣ со своими рабами гдѣ бы то ни было, пока мѣсто поселенія было подъ управленіемъ территоріальнаго правительства. Предполагалось и ожидалось, конечно, что къ тому времени, какъ придется узаконять конституцію новаго штата, рабство будетъ уже въ штатѣ, и онъ сдѣлается рабовладѣльческимъ по необходимости. Подъ вліяніемъ Стивена А. Дугласа этотъ законъ о „Скваттерскомъ Суверенитетѣ“ былъ быстро проведенъ черезъ конгрессъ, и дѣло это было жертвой Дугласа на алтарѣ его будущаго президентства. Онъ ни больше, ни меньше, какъ предоставилъ рабовладѣнію *всѣ „территоріи“* для обращенія ихъ въ рабовладѣльческіе штаты.

Слѣдующей затѣмъ побѣдой рабовладѣнія было проведеніе въ Канзасѣ Лекомптонской конституціи. Конституція эта была введена миссурійскими рабовладѣльцами, которые отправились въ Канзасъ и завладѣли тамъ избирательными урнами. Вся сила исполнительной власти была, въ президентство Пирса и Бюканана, на ихъ сторонѣ, и рабовладѣльцы пользовались ея поддержкой насколько только могли, чтобы подавить свободу въ Канзасѣ. Исторія канзасской борьбы еще ожидаетъ своего историка. Она полна свѣта и тѣней, героизма и подлости, трагическихъ происшествій и романтическихъ подвиговъ. Какъ Кентукки былъ „землей мрака и крови“ въ болѣе раннія времена, такъ Канзасъ сталъ землей мрака и крови во время столкновенія свободы съ рабствомъ. Борьба шла между до такой степени неравными противниками, что со стороны аболиціонистовъ надежда на какой бы то ни было успѣхъ казалась дѣломъ злобнаго отчаянія. Миссурійскіе рабовладѣльцы, значительно превосходившіе числомъ Канзасское населеніе, наводнили территорію, убивали свободныхъ поселенцевъ, захватили избирательныя урны, избрали рабовладѣльческое законодательное собраніе и составили для штата рабовладѣльческую конституцію. Конгрессъ, бывшій въ рукахъ рабовладѣльцевъ и, одинъ за другимъ, два президента признали эти факты законными и дали военныя силы союза для ихъ поддержки. Вотъ во что выродился „Скваттерскій Сувернитетъ“: ни скваттерамъ, ни переселенцамъ не давали ввести ту конституцію, которой имъ хотѣлось, а конгрессъ отрекся отъ своей власти въ пользу пограничныхъ миссурійскихъ разбойниковъ.

Но канзасскихъ переселенцевъ, стоявшихъ за свободу, не такъ-то легко было обезкуражить. Они знали, что право было на ихъ сторонѣ и рѣшились отстаивать это право. Право это было до такой степени очевидно, что цѣлый рядъ губернаторовъ, избранныхъ и назначенныхъ президентами Пирсомъ и Бюкананомъ съ тѣмъ, чтобы они подавили свободу, отказались отъ своей пред-

взятой политики при видѣ ужасныхъ фактовъ на мѣстѣ и стали въ оппозицію къ несправедливой системѣ рабовладѣльцевъ. Подобно Валааму, они явились въ Канзасъ съ цѣлью—проклинать, а оставшись тамъ, стали благословлять. Такъ оно было, напримѣръ, съ губернаторомъ Ридеромъ, противникомъ запрещенія невольничества въ штатѣ, когда его туда послали въ 1854 г. Онъ объявилъ выборы въ мѣстное законодательное собраніе. Миссурійцы перешли границу, захватили избирательныя урны и выбрали будущихъ законодателей. Это даже и Ридеръ не могъ допустить и онъ кассировалъ выборы. За это Пирсъ отставилъ его, замѣнивъ Шанноном. По пути на мѣсто назначенія Шаннонъ держалъ рѣчь къ миссурійцамъ на ту тему, что онъ — за введеніе рабства въ Канзасѣ. Но видъ жестокихъ преслѣдованій и убійствъ, какимъ подвергались канзасцы, заставилъ и его отказаться отъ предвзятаго взгляда. Онъ, поэтому, тоже получилъ отставку, а на его постъ назначенъ Гири (Geary). Однако, и въ Гири положеніе дѣлъ вызвало такое отвращеніе, что онъ подалъ въ отставку. Губернаторомъ сдѣланъ былъ Робертъ Дж. Уокеръ. Уокеръ былъ въ большихъ фаворахъ у рабовладѣльцевъ; но и онъ подалъ въ отставку, найдя невозможнымъ для себя дѣйствовать, какъ того требовалъ отъ него президентъ Бюкананъ. Между тѣмъ сводолюбивые переселенцы все приливали въ Канзасъ, не смотря на рабовладѣльческую оппозицію, такъ что, наконецъ, число ихъ стало уравновѣшивать число миссурійцевъ, и они въ состояніи были давать послѣднимъ отпоръ, когда дѣло доходило до открытой схватки.

Канзасъ, въ сущности, былъ на военномъ положеніи. Людямъ, осуждающимъ капитана Джона Брауна изъ Оссаватоми за то, что онъ употребилъ насиліе противъ насилія, не слѣдуетъ забывать всѣхъ тѣхъ убійствъ, которыя совершены были рабовладѣльцами среди поселенцевъ изъ свободныхъ штатовъ и совершены безнаказанно. Джонъ Браунъ былъ ветхозавѣтный герой, вѣрившій въ „воздаяніе“ и рѣшившій, что вышеупомянутымъ убійствамъ долженъ быть положенъ конецъ. Онъ сопротивлялся вторженіямъ и билъ вторгавшихся въ открытомъ полѣ. Онъ, равнымъ образомъ, признавалъ справедливымъ убійство убійцъ, т. е. виновныхъ въ хладнокровномъ убійствѣ переселенцевъ изъ свободныхъ штатовъ, но которыхъ законъ и его представители оставляли безнаказанными. Въ этомъ пунктѣ я считаю его неправымъ.

Сѣверяне рѣшили противопоставить рабовладѣльчеству большинство населенія. Общества для помощи переселенцамъ были основаны въ Массачузетсѣ. Эти общества отправляли людей въ Канзасъ съ цѣлью сдѣлать его свободнымъ штатомъ. Одинъ изъ такихъ переселенцевъ основалъ въ іюлѣ 1854 г. Лоуренсъ; другой положилъ начало Топикѣ. Какъ скоро смыслъ этой тактики былъ понятъ, миссурійцы вторгнулись въ Канзасъ и пытались

вытѣснить изъ него свободныхъ поселенцевъ. Во время выборовъ они, какъ мы видѣли, снова и снова наводняли Канзасъ и избрали благопріятнаго рабовладѣльчеству делегата въ конгрессъ: это было сдѣлано по совѣту одного изъ миссурійскихъ сенаторовъ.

Поселенцы изъ противниковъ рабства собрались въ Топикѣ и выработали въ октябрѣ 1855 г. такъ называемую Топикійскую конституцію.

Миссурійцы продолжали вторгаться въ Канзасъ и совершать убійства среди пришлыхъ изъ свободныхъ штатовъ. Нѣкто Барберъ, человѣкъ смирный, былъ застрѣленъ агентомъ по дѣламъ индѣйцевъ Кларкомъ за то, что отказался за нимъ слѣдовать, когда Кларкъ отдалъ такой приказъ. Фактъ былъ общеизвѣстный и, однако, президентъ Пирсъ оставилъ Кларка на службѣ. Миссурійцы хотѣли разрушить Лоуренсъ, но губернаторъ Шаннонъ позволилъ обитателямъ этого поселенія вооружиться и защищаться. Шаннонъ былъ обвиненъ миссурійцами въ аболиціонизмѣ и получилъ отставку. Въ 1856 г. полковникъ Бюфордъ привелъ въ Канзасъ съ юга полкъ съ нескрываемою цѣлью вытѣснить переселенцевъ свободныхъ штатовъ. Президентъ и сенаторъ Дугласъ поддерживали это вторженіе. Въ маѣ миссурійцы напали на городъ Лоуренсъ и гостиница, типографія и другія зданія въ немъ были разрушены. Противный рабовладѣльчеству законодательный персоналъ былъ разогнанъ полковникомъ Сёмнеромъ, офицеромъ арміи Соединенныхъ Штатовъ, согласно приказу изъ Вашингтона. Онъ заявилъ членамъ собранія, что предписанныя ему дѣйствія были противны какъ его чувствамъ, такъ и его желаніямъ, но что онъ принужденъ повиноваться въ виду положительныхъ приказаній президента.

Въ 1857 году конвентъ, избранный миссурійцами, принялъ такъ называемую Ликомптонскую конституцію. Президентъ Пирсъ утверждалъ, что это и есть настоящая Канзасская конституція, хотя отлично зналъ, что она написана людьми, чуждыми штату, и что огромное большинство населенія не желало допустить въ Канзасъ невольничество. Ликомптонская конституція была принята конгрессомъ подъ вліяніемъ Пирса и партіи демократовъ. Но населеніе Канзаса отказалось ее принять. Въ этомъ оно было поддержано населеніемъ Новой Англіи. Основана была лига свободныхъ штатовъ. Она собиралась въ домѣ доктора Самюэля Кабота въ Бостонѣ. Онъ же былъ и ея президентомъ. Эта лига послала канзасцамъ ружья системы Шарпа, чтобы дать имъ возможность защищаться. Джорджъ Л. Стирнсъ (Stearns) также былъ другомъ и пособникомъ Джона Брауна; онъ тоже поддерживалъ дѣло свободы въ Канзасѣ съ большою щедростью. Другая лига была основана подъ главенствомъ миссисъ Каботъ; эта снабжала канзасцевъ платьемъ и пищей, высылаемыми въ Бостонъ изо

всѣхъ мѣстъ Новой Англіи. Эти усилія не мало способствовали окончательному результату, въ силу котораго Канзасъ въ концѣ концовъ сталъ свободнымъ штатомъ.

Девятнадцатаго и двадцатаго мая 1856 года Чарлзъ Сёмнеръ произнесъ въ Сенатѣ свою рѣчь „о преступленіи противъ Канзаса". Въ ней аргументація соединялась съ ядовитымъ языкомъ. Жестокая несправедливость, учиненная правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ по отношенію къ Канзасу, была выставлена Сёмнеромъ безъ прикрасъ и фиговыхъ листковъ. По словамъ поэта Виттіэра, „это была та жестокая и страшная правда, какой требовала острая болѣзнь національнаго кризиса". Рабовладѣльцевъ конгресса эта выставка у позорнаго столба раздражила до сумасшествія, но единственный отвѣтъ, имѣвшійся у нихъ, заключался въ физическомъ насиліи противъ оратора. Престонъ С. Бруксъ изъ Южной Каролины напалъ на Сёмнера по закрытіи сенатскаго засѣданія, когда тотъ писалъ, сидя на своемъ обычномъ мѣстѣ. Поврежденія были настолько тяжки, что прошло цѣлыхъ четыре года, прежде чѣмъ Сёмнеръ могъ снова появиться въ сенатѣ. Во все это время Массачузетсъ оставлялъ его мѣсто не занятымъ и, подобно тому какъ Тацитъ говоритъ объ отсутствіи статуй Брута и Кассія на похоронахъ Юніи—тѣмъ замѣтнѣе онъ былъ, что его тамъ не было. Будь это нападеніе, это отвратительное преступленіе противъ свободы слова въ конгрессѣ дѣломъ отдѣльнаго убійцы, какимъ было, напримѣръ, убійство Линкольна Бузсомъ (Booth), оно не повредило бы такъ интересамъ Юга. Но дѣло въ томъ, что отъ Бузса Югъ отрекся, Бруксаже превознесъ. Большинство сената выразило послѣднему порицаніе, онъ подалъ въ отставку и былъ снова избранъ съ тріумфомъ. Его нападенію на Сёмнера южная пресса апплодировала почти съ единогласнымъ единодушіемъ. Ему дарили трости; его поздравляли государственные люди юга. Тумсъ (Toombs), Джефферсонъ, Дэвисъ, Масонъ выражали полное одобреніе его поступку. Президентъ Бюкананъ характеризовалъ рѣчь Сёмнера, какъ „самую вульгарную тираду ругательствъ, какая когда либо была произнесена въ представительномъ собраніи", о Бруксѣ же выразился, что онъ поступилъ „необдуманно".

Однако, это звѣрское нападеніе на свободу въ лицѣ ея защитника, какъ и всѣ остальныя побѣды рабовладѣльчества, было, въ сущности, его пораженіемъ и несчастіемъ. Многіе, до тѣхъ поръ стоявшіе въ сторонѣ отъ аболиціонистскаго движенія, теперь пришли къ заключенію, что сопротивленіе высокомѣрному беззаконію рабовладѣльцевъ стало необходимостью.

Мистеръ Сёмнеръ какъ то разъ показалъ мнѣ пріобрѣтенный имъ „Album Amicorum", одинъ изъ тѣхъ, какіе употреблялись европейскими учеными временъ возрожденія для занесенія туда автографовъ собратій по наукѣ. Въ альбомѣ, составлявшемъ те-

перь собственность Чарльза Сёмнера, имѣлось, между прочимъ, нѣсколько строкъ, написанныхъ рукою Джона Мильтона. Показывая мнѣ этотъ автографъ, Сёмнеръ сказалъ, что особенно дорожитъ имъ, и вотъ по какому случаю. Однажды, послѣ нанесеннаго ему увѣчья, Сёмнеръ былъ въ чрезвычайно подавленномъ состояніи, подъ вліяніемъ опасенія, что никогда болѣе не въ состояніи будетъ занять свое мѣсто въ сенатѣ. Случайно онъ развернулъ Мильтона и взглядъ его упалъ на сонетъ послѣдняго по поводу собственной слѣпоты. Сёмнеръ прочелъ: „What supports me, dost thow ask?

The conscience, friend, to have lost them, overplied
In liberty's defence, my noble task
Of which all Europe rings from side to side *).

Слѣдующая побѣда рабовладѣльчества одержана была въ 1857 году, когда верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ рѣшилъ устами верховнаго судьи Танэя (Taney), что конгрессъ не имѣлъ права запрещать распространеніе невольничества на „территоріяхъ“ союза, и что цвѣтнокожій, предки котораго были рабами, не могъ быть гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ. Такимъ образомъ, свободный цвѣтнокожій, хотя бы онъ былъ, согласно существовавшимъ въ то время, напримѣръ, въ Массачузетсѣ, законамъ, гражданиномъ *этого штата*, лишался права вчинять иски, или самому быть судимымъ въ *союзныхъ* судахъ. Рѣшеніе это прямо извращало историческіе факты, утверждая, будто бы во время формулированія и установленія конституціи на цвѣтнокожихъ смотрѣли, какъ на существъ низшаго порядка, „не имѣющихъ такихъ правъ, соблюденіе которыхъ было бы обязательно для бѣлыхъ“. Судья Танэй заявилъ, что лица, подписавшія декларацію независимости, разсматривали негровъ *исключительно, какъ собственность*, но отнюдь не какъ *лицъ*. И все это *судья* Танэй писалъ, не смотря на заявленія Джефферсона, Франклина и другихъ лицъ ихъ поколѣнія о несправедливости невольничества цвѣтнокожихъ. Затѣмъ судъ рѣшилъ, что Миссурійскій компромиссъ и всѣ остальные акты конгресса, ограничивавшіе рабовладѣльцевъ въ ихъ стремленіи переводить своихъ невольниковъ на свободную территорію союза, были противны конституціи.

Для насъ, нѣкоторыхъ массачузетцевъ, было не малымъ утѣшеніемъ то обстоятельство, что судья Бенджаминъ Р. Кёртисъ не согласился съ этимъ рѣшеніемъ и въ сущности уничтожилъ всю аргументацію верховнаго судьи рядомъ фактовъ, которые невозможно было отрицать, и логикой, которую нельзя было ума-

*) «Ты спрашиваешь, что поддерживаетъ меня?—Сознаніе, другъ, что я потерялъ ихъ (глаза) отъ непосильнаго напряженія, съ какимъ я защищалъ свободу,—отъ напряженія въ благородномъ дѣлѣ моей жизни, слава котораго звучитъ во всей Европѣ отъ края и до края».

лить. Мы, граждане-товарищи, даже однокашники Кёртиса по школѣ, знавшіе его способности, были благодарны судьбѣ за то, что онъ засѣдалъ въ то время на судебной скамьѣ и могъ, такимъ образомъ, разбить софизмы Танэя и выставить на позорище его невѣжество.

Многое можно было сказать противъ закона о бѣглыхъ невольникахъ, проведеннаго въ 1850 году, какъ часть „компромисса". Согласно конституціи Соединенныхъ Штатовъ „иски, разбираемые по обычному праву, и въ которыхъ споръ идетъ о суммѣ, превышающей двадцать долларовъ, подлежатъ суду присяжныхъ", а также—„никто не можетъ быть лишенъ жизни, свободы, или имущества иначе, какъ надлежащимъ судебнымъ порядкомъ". Между тѣмъ, на основаніи закона о бѣглыхъ невольникахъ, цвѣтнокожій, живущій въ свободномъ штатѣ, какъ свободный человѣкъ, могъ быть схваченъ въ качествѣ невольника и доставленъ на югъ, въ рабство, не видѣвъ въ глаза ни судьи, ни присяжныхъ. Такіе случаи бывали. Нѣкто Адамъ Гибсонъ, цвѣтнокожій, былъ схваченъ въ Пенсильваніи, какъ бѣглый рабъ, и, съ ничѣмъ неоправдываемой поспѣшностью, выданъ коммиссаромъ Соединенныхъ Штатовъ Эдвардомъ Д. Инграмомъ (Ingraham). Гибсона доставили въ Эльктонъ, что въ Мэрилэндѣ, но тамъ его предполагаемый владѣлецъ, Вильямъ Т. Найтъ (Knight), отказался получить его, объясняя, что доставленный Гибсонъ „не тотъ",—и несчастнаго освободили. Въ данномъ случаѣ рабовладѣлецъ оказался гораздо болѣе почтеннымъ человѣкомъ, чѣмъ коммиссаръ союза. Но случай этотъ показываетъ также, какъ легко было цвѣтнокожему потерять свою свободу на основаніи упомянутаго закона. Мистеръ Вебстеръ увѣрялъ насъ, что „совершеніе насилія (на основаніи ложнаго обвиненія въ побѣгѣ) въ подобныхъ случаяхъ невозможно; а черезъ пять мѣсяцевъ послѣ того, какъ это успокоительное увѣреніе было произнесено, совершился вышеупомянутый случай, въ которомъ свободный человѣкъ былъ ложно объявленъ рабомъ и отданъ въ рабство. Со временемъ насильственное обращеніе свободныхъ лицъ въ невольниковъ развилось, благодаря этому закону, въ настоящее ремесло. Судъ постановилъ, что лицо, *заявляющее* право собственности, какъ на раба, на кого-либо, имѣетъ право схватить это лицо и увести его, не имѣя на то постановленія суда. Нѣкто Оливеръ Андерсонъ, цвѣтнокожій, жившій близъ Чилликозси, въ Огайо, былъ схваченъ ночью, октября одиннадцатаго 1859 г. и уведенъ въ Кентукки безъ слѣдствія и суда. Двое огайцевъ, помогавшихъ кентуккійцу украсть Андерсона, были судимы, но оправданы на томъ основаніи, что, согласно судебному рѣшенію по дѣлу Пригга, владѣлецъ (или лицо, заявляющее себя владѣльцемъ) имѣетъ право схватить своего раба, для чего можетъ позвать на помощь любое лицо безъ какого бы то ни было судебнаго разбирательства дѣла.

Во всѣхъ этихъ рѣшеніяхъ напередъ принималось, что лицо, на которое заявлялись права, какъ на невольника, должно быть невольникомъ, а объявляющее себя его собственникомъ—дѣйствительно его владѣлецъ. Это подразумѣвалось и самимъ закономъ о бѣглыхъ невольникахъ. Возможность случая, при которомъ схваченное лицо могло быть свободнымъ человѣкомъ, на которое ложно предъявляются рабовладѣльческія права, спокойно игнорировалась. Американскимъ обществомъ противниковъ рабства (A. Anti-Slavery Society) издана была брошюра подъ заглавіемъ: „Законъ о бѣглыхъ невольникахъ и его жертвы". Въ этой работѣ приведены имена сотенъ цвѣтнокожихъ, уведенныхъ изъ сѣверныхъ штатовъ въ рабство въ теченіе десятилѣтія, слѣдовавшаго за изданіемъ этого закона. При каждомъ имени приведены мѣсто, время и обстоятельства.

Наиболѣе замѣчательными случаями этого рода въ Бостонѣ были дѣла Шадрака (Shadrach) (въ февралѣ 1851), Томаса Симса (въ апрѣлѣ 1851) и Антонія Бёрнса (въ маѣ 1854). Шадрака удалось спасти, Симсъ былъ выданъ по приговору Джоржа Тикнора Кёртиса, Бёрнсъ—по приговору Эдварда Дж. Лоринга. Едва ли какое-либо иное обстоятельство обратило къ аболиціонизму большее число лицъ, чѣмъ эти три случая. Они заставили людей ясно понять и прочувствовать положеніе дѣлъ. Чтобы предупредить освобожденіе Симса силой, судебное зданіе было окружено протянутыми тяжелыми цѣпями, и это казалось естественнымъ символомъ уничтоженія Массачузетса и его законовъ.

Освобожденіе Шадрака повело къ преданію нѣсколькихъ человѣкъ суду за оскорбленіе союзнаго суда. Въ числѣ ихъ былъ нѣкто Люисъ Гейденъ (Lews Hayden), самъ бывшій невольникъ, бѣжавшій въ былое время изъ Кентукки. Я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ нимъ, когда онъ впервые появился въ Бостонѣ. Онъ разсказалъ исторію своего рабства и освобожденія съ амвона въ той церкви, которой я былъ настоятелемъ, и всѣ мы были чрезвычайно тронуты его разсказомъ. Во время освобожденія Шадрака я жилъ въ западной Пенсильваніи и, услыхавъ о преданіи мистера Гейдена суду, я написалъ ему письмо, выражая мое къ нему сочувствіе. Я получилъ слѣдующій характерный отвѣтъ, написанный по просьбѣ Гейдена Джономъ А. Андрю, впослѣдствіи военнымъ губернаторомъ Массачузетса:

„Бостонъ, 5 марта 1857.

„Дорогой другъ,

„Люисъ Гейденъ получилъ вчера вечеромъ нѣсколько строкъ отъ васъ; онъ просилъ меня отвѣтить на нихъ отъ его лица и выразить его благодарность за вашу доброту и сочувствіе. Для него было невыразимымъ утѣшеніемъ то обстоятельство, что вы помните о немъ. Онъ долженъ предстать предъ союзнымъ окружнымъ судомъ въ слѣдующую судебную сессію. Но я не могу

себѣ представить, чтобы онъ, или кто бы то ни было иной могъ быть осужденъ. Бѣднѣйшій цвѣтнокожій безъ труда находитъ денежныхъ за себя поручителей въ самое короткое время. Мнѣ кажется, наступаетъ реакція (т. е. противъ рабовладѣнія)... Освобожденіе Шадрака было благороднымъ дѣломъ, благородно выполненнымъ... Оно было результатомъ внезапнаго порыва, усилій энергіи и энтузіазма одного старика, личнаго друга Шадрака. Этотъ старикъ хорошо зналъ ужасъ Шадрака передъ перспективой воротиться въ неволю; онъ наэлектризовалъ своей упорной страстностью нѣсколькихъ человѣкъ, съ которыми столкнулся, и они рѣшились слѣдовать за нимъ, какова бы ни была грозившая имъ лично опасность, въ его рѣшимости освободить своего друга изъ рукъ закона. Человѣкъ этотъ никогда не будетъ найденъ. Насколько я знаю, всѣ главные участники этого дѣла находятся уже внѣ власти судебнаго преслѣдованія.

„Дай Богъ, чтобы никогда никто не былъ высланъ изъ Массачузетса въ узы рабства. Я ненавижу войну и преданъ миру; при всемъ томъ я бы менѣе сожалѣлъ о смерти ста человѣкъ, успѣшно защищающихъ священныя, естественныя права человѣка и цѣною крови купленную свободу гражданина—и тѣ и другая нынѣ одинаково расколоты надвое этимъ адскимъ закономъ!—чѣмъ о возвращеніи въ рабство единаго бѣглеца.

Другъ вашъ

Джонъ А. Андрю“.

Молитва Андрю не была услышана: и Симсъ и Бёрнсъ были возвращены въ рабство. Но возбужденіе, порожденное этими двумя возвращеніями, создало новыхъ и рѣшительныхъ враговъ такого порядка вещей. Будучи въ западной Пенсильваніи, я читалъ тотъ ужасный, безконечный обвинительный актъ противъ коммиссара, схватившаго Симса, который Теодоръ Паркеръ изливалъ въ громовыхъ, пламенныхъ, увлекательныхъ рѣчахъ каждое воскресенье въ такъ называемой Музыкальной Залѣ. Во время выдачи въ рабство Бёрнса я былъ въ Бостонѣ. Это былъ мрачный день побѣды рабовладѣльчества; но побѣды вродѣ той, какую Георгъ Третій одержалъ при Бенкоръ Гиллѣ *). Съ полной справедливостью приверженцы невольничества могли сказать: „Еще одна такая побѣда и мы погибли!“ Я видѣлъ, какъ на Стэтъ-стритъ и Вашингтонъ-стритъ собирались толпы. Я видѣлъ изъ окна квартиры Джона Андрю трауръ, которымъ были задрапированы конторы адвокатовъ. Я видѣлъ, какъ кавалерія, артиллерія, морская пѣхота и полиція, всего до тысячи человѣкъ, съ заряженными пушками конвоировали на корабль дрожавшаго цвѣтнокожаго

*) Bunker Hill (т. е. холмъ Бёнкера), мѣсто около Бостона, гдѣ 17 іюня 1775 г. произошла первая стычка между англійскими войсками и американскими фермерами; англичане «побѣдили»; но этою «побѣдой» началось ихъ общее пораженіе и конецъ ихъ владычества въ Новой Англіи. *Перев.*

человѣка, и этотъ корабль долженъ былъ его увезти въ неволю. Я слышалъ проклятія—громкія и страстныя—сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ на этихъ солдатъ; я видѣлъ, какъ краска заливала ихъ лица, когда толпа вокругъ ревѣла: „Kidnappers! Kidnappers!“ *) Самаго вздорнаго обстоятельства было достаточно, чтобы произошло столкновеніе, и улицы были залиты кровью.

Между тѣмъ, аболиціонизмъ выигралъ въ теченіе десяти лѣтъ, предшествовавшихъ гражданской войнѣ, цѣлый рядъ побѣдъ какъ моральныхъ, такъ и политическихъ.

Изданіе „Хижины Дяди Тома“ не только наэлектризовало весь міръ, но и пролило яркій свѣтъ на тайны рабовладѣнія на Югѣ.

Въ Конгресъ попадало все болѣе и болѣе защитниковъ свободы. Первоначально Джонъ П. Гэль (Hale) былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершенно одинокъ въ Сенатѣ. Затѣмъ на подмогу ему явился Салмонъ П. Чэзъ (Chase), избранный въ 1849 г. отъ Огайо; въ 1850 къ нимъ присоединился Вильямъ Г. Сюардъ (William H. Seward), избранный въ Нью-Іоркѣ; въ 1851—Чарльзъ Сёмнеръ и 1854—Генри Вильсонъ. Были, и кромѣ этихъ, сильные люди избираемы въ Сенатъ, какъ напримѣръ Бендж. Ф. Уэдъ (Wade) въ 1851. Во время преній по Канзасъ-Небрасскому биллю мистеръ Бэджеръ изъ С.-Каролины обратился къ палатѣ съ слѣдующимъ патетическимъ вопросомъ: „Не жестоко ли это, запретить мнѣ, въ случаѣ если бы я переселился въ Канзасъ, взять съ собой мою старушку-няню (т. е. невольницу)?“ На это мистеръ Уэдъ отвѣтилъ: „Г. сенаторъ совершенно ошибочно понимаетъ наше отношеніе къ вопросу. Мы рѣшительно ничего не имѣемъ противъ его переселенія въ Канзасъ, ни противъ того, чтобы онъ взялъ съ собой старушку няню. Все, на чемъ мы настаиваемъ, это—чтобы ему запрещено было ее продать послѣ того, какъ онъ ее туда возьметъ“.

Въ палатѣ представителей постепенно составилась сильная группа противниковъ рабства. Ихъ предводителемъ былъ Джошуа Р. Гиддингсъ изъ Огайо, человѣкъ безстрашный и до того преданный дѣлу свободы, что онъ никогда не упускалъ случая, такъ сказать, дернуть льва за бороду въ его собственной берлогѣ. Вмѣстѣ съ нимъ работали одно время Джонъ Горамъ Полфрей изъ Массачузетса, Горэсъ Маннъ изъ Иллинойса, братъ умерщвленнаго Ловджойя и другія лица того-же закала.

Тѣмъ временемъ мистеръ Гаррисонъ и его друзья проявляли усиленную дѣятельность, опираясь на мотивы, не имѣющія ни-

---

*) «Kidnapper» значитъ—человѣкъ, занимающійся воровствомъ живыхъ людей, человѣко-похититель; въ русскомъ языкѣ нѣтъ равнозначущаго краткаго термина для этого понятія. По существу же это все равно, какъ если бы солдатамъ кричали: «Воры! Разбойники! Палачи! Продажныя ищейки!»

Перев.

чего общаго съ политикой, а обращаясь просто къ уму и совѣсти человѣка. Съ другой стороны и политическая партія, враждебная невольничеству, постоянно росла. Когда въ 1856 году генералъ Фримонтъ (Fremont) получилъ болѣе милліона голосовъ, фактъ этотъ былъ явнымъ провозвѣстникомъ другого, имѣвшаго мѣсто четыре года спустя, когда Линкольнъ былъ избранъ въ президенты. Югъ отлично понималъ, что съ теченіемъ времени принципъ свободы восторжествуетъ въ дѣлѣ невольничества точно такъ же, какъ онъ восторжествовалъ въ избраніи Линкольна. Это-то и привело рабовладѣльческіе штаты къ рѣшимости расторгнуть союзъ, отдѣлившись отъ него. Много времени потребовалось на то, чтобы убѣдить Сѣверъ въ томъ, что такое рѣшеніе Юга было серьезно. Я помню, какъ Вендель Филлипсъ смѣялся надъ самой мыслью объ отдѣленіи Юга. Это все равно, говорилъ онъ, какъ если бы нищіе, призрѣваемые въ муниципальномъ домѣ для бѣдныхъ, заявили, что они расторгаютъ свой союзъ съ городомъ. Онъ былъ увѣренъ, что со стороны Юга это было не болѣе, какъ похвальба и фырканье, но никакъ не серьезное намѣреніе. Съ другой стороны, рабовладѣльцы думали, что Сѣверъ ни за что не станетъ драться. Они вѣрили, какъ это и высказалъ одинъ изъ ихъ ораторовъ немедленно послѣ организаціи конфедераціи, что черезъ пятьдесятъ дней флагъ послѣдней будетъ развѣваться въ Вашингтонѣ, а затѣмъ немного недѣль пройдетъ, когда онъ будетъ вздернутъ надъ Фанейль-Голломъ въ Бостонѣ.

Оглядываясь въ настоящее время на этотъ актъ отдѣленія, мы ясно видимъ въ немъ подтвержденіе древней пословицы, такъ часто оправданной исторіей: „Кого Богъ захочетъ наказать, то прежде всего отниметъ разумъ“. Со стороны рабовладѣнія было истиннымъ безуміемъ—отказаться отъ всѣхъ своихъ пріобрѣтеній и преимуществъ. Вѣдь управленіе страною было въ его рукахъ. Прежде чѣмъ принять постъ вицепрезидента южной конфедераціи, Александръ Г. Стивенсъ (Stephens) произнесъ въ Конвентѣ штата Георгія рѣчь, въ которой онъ указывалъ, что все было въ рукахъ Юга. Въ его рукахъ было большинство голосовъ въ конгрессѣ, болѣе, чѣмъ пропорціональное участіе въ замѣщеніи постовъ президента, государственныхъ секретарей, судей верховнаго суда и всѣхъ вообще важнѣйшихъ должностей. Отдѣлиться значило кинуть все это въ воду. Югъ имѣлъ на своей сторонѣ демократическую партію. Демократы Сѣвера въ политическомъ отношеніи подчинились рабовладѣнію, но послѣднее подорвало ихъ силу, настаивая на томъ, чтобы федеральное правительство оказывало невольничеству покровительство на территоріяхъ союза. Дугласъ (Douglas) пошелъ въ желаемомъ Югомъ направленіи очень далеко: онъ принялъ и провозгласилъ принципъ „Скваттерскаго Суверенитета“, зву-

чавшій очень демократично, такъ какъ онъ предоставлялъ населенію (бѣлому) самому рѣшать по отношенію къ занимаемой имъ мѣстности, каковы должны быть въ ней учрежденія. Но вожаки Юга потребовали, чтобы онъ повернулся спиной къ своему прошлому, и настаивалъ теперь на томъ, чтобы населеніе той или иной территоріи *не рѣшало* вопроса о характерѣ мѣстныхъ учрежденій, но чтобы этотъ вопросъ рѣшался за него другими,—чтобы мѣстное населеніе *обязано* было допустить у себя невольничество и чтобы федеральное правительство силою поддерживало эту „обязанность". Понятное дѣло, ни Дугласъ, ни его сторонники не могли сдѣлать такого шага. И вотъ теперь, потому что демократическая партія не хотѣла идти рука объ руку съ рабовладѣльцами до крайнихъ предѣловъ ихъ домогательствъ, они готовы были совершенно подорвать ея силу, отдѣлившись отъ Союза.

Чего добивалась республиканская партія?—Чтобы рабство было запрещено на тѣхъ территоріяхъ, на которыхъ оно еще не существовало; не болѣе. Генри Клэй повторялъ много разъ, что ни одинъ футъ земли, доселе свободной отъ невольничества, никогда и впредь, съ его согласія, не дастъ опоры ногѣ раба. Ничего болѣе республиканская партія и не требовала фактомъ избранія Линкольна. Республиканцы заявили, что не считаютъ конгрессъ въ правѣ касаться рабства, какъ учрежденія въ предѣлахъ рабовладѣльческихъ штатовъ. Южане добились проведенія закона о бѣглыхъ рабахъ. Законъ этотъ уже дѣйствовалъ, дѣйствовалъ широко, и верховный совѣтъ объявилъ его согласнымъ съ конституціей. Громадная территорія Техаса была къ ихъ услугамъ для наполненія рабами и имъ было обѣщано выкроить четыре новыхъ штата изъ этой территоріи; штаты эти были бы рабовладѣльческими. Техасъ содержитъ въ себѣ 273,000 квадратныхъ миль, т. е. пространство, равное всей Новой Англіи, плюсъ штаты: Нью-Іоркъ, Пенсильванія, Мэриландъ, Делаваръ, Нью-Джерси и Виргинія. На всемъ этомъ пространствѣ рабовладѣніе могло быть введено и республиканская партія не препятствовала этому. Но постоянные успѣхи сдѣлали рабовладѣльцевъ самоувѣренными; взвинченные спесивымъ презрѣніемъ къ Сѣверу, они воображали сѣверянъ до такой степени мирными и поглощенными погоней за деньгами, до такой степени преданными исключительно торговлѣ и производству, что тѣ никогда не рѣшатся противиться отпаденію Юга; южане твердили, что „хлопокъ—король" и были увѣрены, что могутъ заключить союзы съ иностранными державами, когда бы ни пожелали. И вотъ они рѣшили образовать великое рабовладѣльческое государство. Я полагаю, была и другая причина для отпаденія. Не смотря на постоянныя утвержденія рабовладѣльцевъ, что невольничество вещь справедливая, ихъ внутреннее спокойствіе

постоянно нарушалось тѣмъ, что они были принуждены непрерывно выслушивать доводы аболиціонистовъ. Пока они были связаны съ Сѣверомъ, они не могли вполнѣ избѣгнуть этого. Они и вообразили, что отдѣлившись отъ него, могутъ оставить всѣ эти вещи по ту сторону границы,—что они смогутъ оградить свои уши отъ этихъ назойливыхъ истинъ. Совѣсть ихъ была въ томъ состояніи, которое легко ведетъ къ раздраженію, а имъ хотѣлось покоя

Итакъ, когда въ 1860 году собрался конвентъ демократической партіи, то представители рабовладѣльческихъ штатовъ настаивали на покровительствѣ федеральнаго правительства невольничеству въ территоріяхъ, какъ на *condicio sine qua non.* А такъ какъ Дугласъ не могъ согласиться на такую самоубійственную тактику, то представители рабовладѣльцевъ отдѣлились отъ конвента, въ которомъ располагали большинствомъ голосовъ, и образовали новый, собственный конвентъ, который и объявилъ своимъ кандидатомъ на президентство Брэкенриджа.

Мы уже видѣли, какъ домогательства рабовладѣнія постоянно возрастали. Сперва рабовладѣльцы признавали невольничество зломъ, но считали, что оно будетъ уничтожено постепенно. Этого взгляда держались—Джефферсонъ и отцы американской революціи. Затѣмъ рабовладѣльцы стали говорить, что невольничество должно быть поддерживаемо въ настоящемъ всюду, гдѣ оно существуетъ, но не должно быть распространяемо на „территоріи". Такой взглядъ господствовалъ во времена Дэна. Связанное съ его именемъ постановленіе запрещало рабство во всѣхъ „территоріяхъ" къ сѣверу отъ Огайо. Еще позже рабовладѣльцы потребовали, чтобы „территоріи" были поровну подѣлены между невольничествомъ и свободой. Такое воззрѣніе взяло верхъ въ 1820 году, когда проведенъ былъ миссурійскій компромиссъ. Затѣмъ появилось требованіе, чтобы невольничество не было заранѣе исключаемо ни изъ одной территоріи, но чтобы вопросъ о допущеніи его былъ предоставленъ рѣшенію самого населенія. Таковъ былъ руководящій принципъ во время принятія Канзасъ-Небрасскаго билля подъ предводительствомъ Дугласа. Наконецъ, рабовладѣльцы заявили, что рабство справедливо и согласно съ принципами христіанства; что оно—единое основаніе свободы и республики; что поэтому оно должно быть охраняемо закономъ, и не только въ предѣлахъ рабовладѣльческихъ штатовъ, но и въ любой части Союза.

Когда стало очевидно, что Союзу грозитъ отпаденіе отъ него Юга, то нѣкоторое время полное вѣроятіе было за то, что и на эти послѣднія домогательства рабовладѣльцы получатъ согласіе. Мало того; существовала опасность, что имъ будутъ предложены даже еще большія уступки съ цѣлью побудить ихъ остаться

въ союзѣ, и что общественная совѣсть Сѣвера вполнѣ подчинится требованіямъ рабовладѣнія. Горасъ Грили выражается по этому поводу въ своей „исторіи“ такъ: „люди, возведшіе раболѣпіе въ науку, требовали, чтобы Сѣверъ сдѣлалъ новыя уступки, чтобы онъ не разъ еще сталъ на колѣни въ полномъ униженіи“.

„Нью-Іоркскій Герольдъ“ (N. Y. Herald) заявилъ, что Югъ имѣетъ право отдѣлиться, и что городъ Нью-Іоркъ, штатъ Нью-Джерси и, по всей вѣроятности, Коннектикутъ послѣдуютъ за Югомъ. Нью-Іоркская „Трибуна“ (N. Y. Tribune) говорила, что будетъ противиться всѣмъ принудительнымъ мѣрамъ, направленнымъ къ удержанію Юга въ Союзѣ; ибо право отдѣлиться, хотя и революціонное, тѣмъ не менѣе дѣйствительное право. Подобнаго отношенія къ вопросу держались многіе противники рабства, скорѣе готовые предоставить Югу образовать независимое государство, чѣмъ согласиться на новыя уступки рабовладѣльцамъ. Я самъ выразилъ этотъ взглядъ въ брошюрѣ, изданной около этого времени подъ заглавіемъ: „Secession, Concession, or Self-Possession“ *).

Дѣло въ томъ, что никто въ то время не зналъ, какъ великъ былъ патріотизмъ сѣверянъ. Когда „Нью-Іоркъ Герольдъ“ заявилъ, что городъ Нью-Іоркъ отдѣлится вмѣстѣ съ Югомъ, это предсказаніе отнюдь не казалось невѣроятнымъ. Дѣловой Нью-Іоркъ былъ, дѣйствительно, въ значительной мѣрѣ на сторонѣ Юга. Самый городъ былъ въ рукахъ демократической партіи. Нью-іоркская чернь ненавидѣла негровъ. Оппозиція рабовладѣльчеству едва-едва имѣла точку опоры въ массѣ тамошняго населенія. Грядущія событія—тѣ событія, которыя послѣдовали за нападеніемъ на фортъ Сёмтеръ (Sumter): великое возстаніе Сѣвера, страшная волна патріотическаго самоотверженія, залившая каждый сѣверный городъ и штатъ, и подъ вліяніемъ которой всякая оппозиція должна была умолкнуть, а распаденіе Союза сдѣлалось чѣмъ-то возбуждавшимъ всеобщее отвращеніе—были равно скрыты и отъ друзей, и отъ враговъ. Сторонники рабовладѣнія разсчитывали на легкую побѣду при отсутствіи сопротивленія. Сторонники свободы боялись, что ради предотвращенія распаденія союза Сѣверъ отступится отъ послѣднихъ устоевъ свободы, справедливости и человѣчности.

Если бы Югъ отдѣлился мирно,—если бы онъ не нападалъ

*) Перевести этотъ заголовокъ очень трудно. Secession значитъ «отпаденіе», Concession—уступка; но Self-Possession, въ томъ смыслѣ, какъ слово это здѣсь употреблено, не имѣетъ въ русскомъ языкѣ соотвѣтственнаго существительнаго. Авторъ брошюры хотѣлъ въ своемъ заголовкѣ поставить вопросъ: оставаться-ли Сѣверу хозяиномъ своихъ дѣйствій въ своемъ собственномъ домѣ (Self-Possession) и для этого предоставить Югу отпасть, или остановить отпаденіе уступками, которыя будутъ равносильны самоотреченію? *Перев.*

на наши форты и войска, а просто сталъ бы въ отрицательное положеніе къ Союзу, т. е. отказался бы посылать своихъ представителей въ конгрессъ,—я полагаю, мы со временемъ принуждены были бы согласиться на образованіе изъ него особаго, независимаго государства. Мистеръ Сюардъ (Seward) и его друзья изыскивали пути къ уступкамъ. Вѣра его въ компромиссы была безпредѣльна. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые убѣждены что для дипломатическаго искусства едва-ли есть что-либо невозможное. Человѣкъ, пустившій въ обращеніе выраженіе „непримиримое противорѣчіе", повидимому, забылъ о существованіи такого противорѣчія между принципами,—противорѣчія, которое никакіе политиканы не въ силахъ были уничтожить. Въ 1860 году въ Огайо созванъ былъ большой митингъ для умиротворенія Юга. На этомъ собраніи приняты были резолюціи въ томъ смыслѣ, что всякое оппозиціонное обсужденіе на Сѣверѣ вопроса о рабствѣ должно быть встрѣчаемо общимъ неодобреніемъ,—что невольничество не должно быть исключаемо изъ территорій и что никому не слѣдуетъ вмѣшиваться въ дѣла и учрежденія Юга.

Около того же времени Джоржъ Вильямъ Кёртисъ долженъ былъ лектировать въ Филадельфіи на тему „политика честности"; но ему не дали говорить подъ предлогомъ, что лекція, по всей вѣроятности, вызоветъ уличные безпорядки.

При такихъ-то обстоятельствахъ собрался, въ декабрѣ 1860 г., тридцать шестой конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ. Президентомъ все еще былъ Бюкананъ. Въ своемъ послѣднемъ „посланіи" онъ заявилъ, что нельзя принудить тотъ или иной штатъ оставаться въ Союзѣ, и что онъ, президентъ, не имѣетъ права противиться силою отпаденію рабовладѣльческихъ штатовъ. Согласно конституціи, онъ выбранъ былъ президентомъ для того чтобы наблюдать за точнымъ выполненіемъ законовъ, а онъ отказывался ихъ выполнять на Югѣ. Судья Блэкъ, генеральный атторней Бюканана, толковалъ въ томъ же смыслѣ: онъ утверждалъ, что Соединенные Штаты не въ состояніи были поддержать свое собственное существованіе.

Конгрессъ учредилъ комитетъ для обсужденія вопроса, какъ возможно было умиротворить сепаратистовъ. Но сепаратисты вовсе не хотѣли умиротворенія. Они твердо были убѣждены въ томъ, что спасеніе ихъ заключалось въ отпаденіи и что лишь путемъ распущенія Союза и основанія Южной конфедераціи можно было поддержать систему владѣнія одного человѣка другимъ.

Айверсонъ (Iverson) изъ Георгіи говорилъ: „мы намѣрены отдѣлиться и чтобы конгрессъ ни дѣлалъ, онъ не можетъ предотвратить отпаденія. Никакой войны не будетъ". Онъ сравнивалъ сѣверянъ съ „высѣченной собакой". „Вскорѣ, — говорилъ онъ,—образуется Южная конфедерація и ея правительство ока-

жется самымъ цвѣтущимъ въ мірѣ, способнымъ противиться какой угодно силѣ".

Джонъ Дж. Криттенденъ изъ Кентукки предложилъ цѣлый рядъ резолюцій, которыми онъ, въ сущности, отдавалъ въ руки рабовладѣльцевъ все, чего они когда-либо домогались.

Кларкъ изъ Родъ-Айлэнда предложилъ резолюцію въ томъ смыслѣ, что ни въ компромиссѣ, ни въ уступкахъ не было надобности, ибо конституція въ ея тогдашнемъ видѣ заключала въ себѣ все необходимое и конституція эта должна быть поддержана всѣми средствами.

Въ комитетѣ тринадцати, назначенномъ для выработки мѣръ въ видахъ предупрежденія союзнаго раскола, Сюардъ поставилъ на голосованіе слѣдующую резолюцію: „Никакая поправка, дающая конгрессу власть надъ невольничествомъ въ Штатахъ, не можетъ быть внесена въ конституцію".

Такимъ образомъ, перечитывая исторію тѣхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые протекли съ избранія Линкольна до нападенія на фортъ Сёмтеръ, мы видимъ, что грозившая опасность минуты заключалась въ томъ, что Сѣверъ готовъ былъ, ради сохраненія мира, сдаться рабовладѣнію и назвать свою капитуляцію еще разъ—компромиссомъ.

Нью-Іоркскій губернаторъ Симеръ (Seymour), обращаясь къ громаднѣйшему демократическому конвенту въ Олбэни (Albany), говорилъ: „Весь вопросъ заключается въ томъ: вступимъ-ли мы въ компромиссъ *послѣ войны*, или *не воюя вовсе*".

Въ Вашингтонѣ была созвана мирная конференція. Она приняла цѣлый рядъ резолюцій. Но всѣ онѣ были забаллотированы въ союзномъ сенатѣ.

Компромиссъ 1850 года оказался настолько плохо возведенной стѣной, что она пала сама собою. Теперь предположено было ее подмазать болѣе чистой известью. Это, по словамъ поэта Лоуэля, было попыткой „умаслить грозящее землетрясеніе, предложивъ ему сдобную булочку".

И вотъ началось отпаденіе штатовъ отъ Союза:

Южная Каролина	отпала	20	декабря	1860 года.
Джорджія	»	19	января	1861 года.
Миссиссипи	»	7	»	»
Флорида	»	10	»	»
Луизіана	»	25	»	»
Техасъ	»	1	февраля	»
Сѣверная Каролина	»	21	мая	»
Тенесси	»	26	іюня	»
Виргинія	»	17	апрѣля	»

Кентукки пытался отдѣлиться, но безуспѣшно; Мэрилэндъ и Миссури также остались въ Союзѣ, хотя въ нихъ было огромное число лицъ, вполнѣ симпатизировавшихъ отдѣленію.

Девятаго февраля 1861 г. Джефферсонъ Дэвисъ былъ избранъ въ президенты конфедераціи. Этимъ актомъ было образовано ея правительство.

Не ожидая затѣмъ, пока Сѣверъ предприметъ тотъ или другой шагъ, конфедераты захватили всѣ форты Союза, числомъ тридцать.

Фортъ Молтри (Moultrie) и замокъ Пинкнэй (Castle Pinchney) въ Южной Каролинѣ захвачены были въ декабрѣ 1860 г.

Фортъ Сёмтеръ сдался апрѣля 13-го 1861 г.

Фортъ Пуласки, Маунтъ Джаксонъ и союзный арсеналъ въ Джорджіи были захвачены въ январѣ 1861 г.

Вслѣдъ затѣмъ палъ арсеналъ въ Огёстѣ (Augusta).

Флоридскія адмиралтейства и три форта въ томъ же штатѣ были захвачены въ январѣ 1861 г.

Фортъ Морганъ въ Алабамѣ и арсеналъ въ Маунтъ Вернонѣ также попали въ руки южанъ.

Конфедерація овладѣла, такимъ образомъ, въ южныхъ штатахъ громаднѣйшими запасами оружія, аммуниціи и т. п. Тридцать крѣпостей и три тысячи пушекъ были въ рукахъ южанъ.

Но первый же пушечный выстрѣлъ, раздавшійся въ фортѣ Сёмтерѣ, отразился на Сѣверѣ самымъ необычайнымъ образомъ: никто не ожидалъ такого результата. Мы сами, сѣверяне, еще не знали, какою любовью къ своей странѣ были полны сердца нашего народа. Населеніе же южныхъ штатовъ не имѣло даже отдаленнѣйшаго представленія о томъ, что Сѣверъ станетъ сопротивляться. Но когда нападеніе на фортъ Сёмтеръ стало фактомъ, словно огонь пробѣжалъ по всему Сѣверу, и всѣ партіи соединились въ стремленіи противостать насилію надъ національнымъ флагомъ. Всякіе толки о компромиссѣ съ Югомъ умолкли. Линкольнъ выпустилъ прокламацію, требуя 75,000 солдатъ; но предложеніе услугъ превзошло требованія правительства. Такъ началась междоусобная война. За мѣсяцъ до знаменательнаго пушечнаго выстрѣла въ фортѣ Сёмтерѣ въ Нью-Іоркѣ было не мало такихъ мѣстностей, гдѣ было опасно дѣлать какія бы то ни было заявленія противъ отпаденія отъ союза; на другой день послѣ этого выстрѣла стало опаснымъ—даже въ худшихъ околоткахъ города—сказать хоть слово въ пользу отпаденія.

Кто, пережившій тѣ знаменательные дни, можетъ когда-либо позабыть ихъ? Кто въ состояніи позабыть то страшное возбужденіе, тѣ ожиданія, разочарованія, испытанія, горести, трагедіи, надежды и опасенія, ту борьбу, ту преданность, всѣ тѣ формы великодушныхъ усилій, которыя тогда волновали Сѣверъ? Возможно ли позабыть, разъ переживши эти ощущенія, что значитъ жить жизнью цѣлой націи, беззавѣтно преданной благороднымъ, патріотическимъ цѣлямъ—жить среди мужчинъ и женщинъ, забывающихъ о своихъ частныхъ интересахъ, о погонѣ за благосостояніемъ, обо всемъ, кромѣ спасенія родины?

Были, несомнѣнно, люди, обратившіе самую войну въ дойную корову; были люди полные эгоизма; но не таковъ былъ общій духъ страны. Господствующимъ чувствомъ большинства сѣверянъ было убѣжденіе, что единство Союза должно быть спасено во что бы ни стало и цѣною какихъ угодно жертвъ. „Если",—говорили они,—„разрушится Союзъ, то все погибнетъ. Это будетъ всеобщее разореніе. Все равно, значитъ: надо жертвовать всѣмъ, что у насъ есть, чтобы спасти страну; ибо если мы не сохранимъ государства, то и все, что мы имѣемъ, потеряетъ всякую цѣну". Это всеобщее убѣжденіе было прекрасно выражено судьею Роквудомъ Горомъ (Hoar) въ самомъ началѣ войны: „Я полагаю, населеніе сѣверныхъ штатовъ твердо рѣшилось не уступать;—ни одной лопаты песку, начиная съ южной оконечностей Флориды, и ни одного паралитика-негра, начиная съ рисовыхъ болотъ Южной Каролины!"

VII.

Междоусобная война и ея послѣдствія.

Излагая исторію столкновенія, вызваннаго рабствомъ, я не могъ держаться строго-хронологическаго порядка и предпочелъ подчинить свое изложеніе тѣмъ отдѣльнымъ темамъ, съ которыми имѣлъ дѣло. Мнѣ придется, поэтому, возвратиться теперь къ періоду, предшествовавшему возстанію южныхъ штатовъ, чтобы вникнуть въ нѣкоторыя интересныя данныя того времени.

Необходимо прежде всего остановиться на Авраамѣ Линкольнѣ, человѣкѣ, которому суждено было стать спасителемъ Союза и освободителемъ невольниковъ. Въ новой исторіи нѣтъ другого человѣка, который бы занималъ положеніе, какое занималъ онъ. По своему характеру и опыту Линкольнъ былъ замѣчательно приспособленъ къ великому дѣлу, и вся его предшествовавшая жизнь, казалось, была лишь приготовленіемъ къ нему. Въ тотъ тяжелый періодъ нуженъ былъ человѣкъ благоразумный, но рѣшительный; осторожный, но твердый,—человѣкъ въ высочайшей мѣрѣ благоразумный; нуженъ былъ человѣкъ съ великою совѣстью, но отнюдь не энтузіастъ или фанатикъ. Необходимо было лицо, вокругъ котораго всѣ вѣрные Союзу могли бы сплотиться, иными словами—лицо, противъ котораго не существовало предубѣжденій, и которое не было бы партизаномъ какого-либо крайняго мнѣнія. Сѣверяне были расщеплены на много партій. Новая Англія была рѣшительною противницей рабства и держалась строгаго „республиканства". Штаты средней полосы чувствовали сильную наклонность къ „демократизму" и ненавидѣли аболиціонизмъ. Окраинные штаты были чуть не наканунѣ отпаденія и могли быть удержаны въ Союзѣ лишь твердою, но лас-

ковою рукою. Рядомъ съ послѣдователями Дугласа были послѣдователи Бэлля и Эверетта и виги, предводимые Вебстеромъ; были, наконецъ, вліятельные люди вродѣ Волландигама (Vallandigham), бывшаго президента Пирса и Фернандо Вуда (Wood), симпатіи которыхъ были вполнѣ на сторонѣ бунтовщиковъ. Рѣшительный аболиціонистъ охладилъ бы значительную часть населенія, приверженнаго Союзу, и сдѣлалъ бы ее нейтральною. Старозавѣтный вигъ убилъ бы энтузіазмъ въ ненавидѣвшемъ рабство Сѣверѣ. Въ началѣ войны и долгое время послѣ правительство не предпринимало никакихъ шаговъ къ освобожденію рабовъ. Прокламація генерала Фримонта, провозгласившая въ Миссури освобожденіе невольниковъ, была такъ видоизмѣнена президентомъ, что стала мертвою буквою. Приказъ генерала Гёнтера, объявившій цвѣтнокожихъ свободными на югѣ, былъ отмѣненъ Линкольномъ. Противники рабства были огорчены всѣмъ этимъ, но все же продолжали поддерживать президента. Они знали, что онъ тоже былъ противникомъ этого „учрежденія", и что ходъ событій приведетъ, при его же посредствѣ, къ паденію невольничества. Подобно самому Линкольну, они умѣли „выжидать". Линкольнъ былъ терпѣливъ, полонъ надежды, рѣшителенъ и мудръ. Онъ вышелъ изъ народа и зналъ народъ хорошо. Въ немъ былъ тотъ инстинктъ, связывавшій его съ подобными ему, который одинъ даетъ человѣку способность взвѣшивать общественное настроеніе. Воспитанный въ бѣдности и среди тяжелыхъ обстоятельствъ, онъ не терялъ бодрости, встрѣчая на пути трудности. При сердцѣ нѣжномъ, какъ у женщины, онъ обладалъ трезвымъ, спокойнымъ умомъ. А въ основаніи всего этого лежала „совѣсть, этотъ рѣшительно становящійся на ту или другую сторону поборникъ". Что бы ни случилось—дурное или хорошее—онъ во всякомъ случаѣ готовъ былъ выполнить свой долгъ, и онъ выполнилъ его до конца. Вообще говоря, это былъ человѣкъ съ оттѣнкомъ постоянной грусти, на которомъ чувство отвѣтственности лежало тяжкимъ бременемъ; но его природный юморъ доставлялъ ему нѣкоторое облегченіе.

Одинъ изъ моихъ старыхъ кентуккскихъ друзей, бывшій также однимъ изъ старѣйшихъ друзей Линкольна, сообщилъ мнѣ нѣсколько анекдотовъ, бросающихъ кое-какой свѣтъ на характеръ покойнаго президента. Мнѣ уже приходилось говорить о судьѣ Спидѣ (Speed), кентуккскомъ фермерѣ, который, хотя самъ имѣлъ невольниковъ, но совершенно отрицалъ въ принципѣ невольничество. Его невольники были освобождены послѣ его смерти его дѣтьми. Одинъ изъ его сыновей, Джошуа, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, отправился въ Спрингфильдъ, что въ Иллинойсѣ, и открылъ тамъ деревенскую лавку. Авраамъ Линкольнъ, незадолго передъ тѣмъ открывшій тамъ же адвокатскую контору, зашелъ однажды въ лавку. „Мистеръ Спидъ,—сказалъ онъ,—въ

задней комнатѣ своей конторы я поставилъ кровать, а теперь я хотѣлъ бы обрядить ее — имѣть матрасъ, подушки, фланелевыя одѣяла и простыни. Я не въ состояніи заплатить вамъ за нихъ сейчасъ, но, я полагаю, смогу это сдѣлать въ теченіе слѣдующей судебной сессіи". Спидъ нѣсколько зналъ Линкольна; онъ сказалъ ему цѣну вещей, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавилъ: „Мистеръ Линкольнъ, у меня надъ лавкой большая комната и въ ней большая кровать; если хотите, вы можете поселиться тамъ вмѣстѣ со мною".—„А какъ туда попасть?—спросилъ Линкольнъ и затѣмъ, взойдя по лѣстницѣ, положилъ свои переметныя сумки въ углу комнаты, и, спустившись, заявилъ: „Мистеръ Спидъ, я переѣхалъ".

Они жили въ одной комнатѣ цѣлыхъ пять лѣтъ и стали искренними друзьями. Когда Линкольнъ сталъ президентомъ, онъ выбралъ себѣ въ генеральные атторнеи брата Джошуа Спида, Джемса, превосходнаго юриста и замѣчательно безкорыстнаго человѣка. Безкорыстіе было отличительной чертой всей этой семьи.

Мнѣ пришлось какъ-то провести одно послѣобѣда въ обществѣ Джошуа Спида въ его кентуккскомъ домѣ, и онъ говорилъ мнѣ, что во все время его знакомства съ Линкольномъ, послѣдній былъ искренно преданъ своей профессіи: онъ былъ совѣстливъ, правдивъ, порядоченъ. Онъ держался въ сторонѣ отъ развлеченій, не говоря уже о порокахъ, въ тѣ времена весьма распространенныхъ. Онъ не употреблялъ спиртныхъ напитковъ и былъ воздержанъ во всемъ. Что касается интереса къ юриспруденціи, то вотъ кое-что объ этомъ предметѣ: „Линкольну однажды поручено было дѣло, сущность котораго заключалась въ опредѣленіи границы участка земли въ степи. Въ степи нѣтъ ни деревьевъ, ни камня. Поэтому надсмотрщики за межами имѣли обыкновеніе насыпать, по угламъ участка, небольшіе холмики земли. Но дѣло въ томъ, что степная бѣлка имѣетъ обыкновеніе возводить подобный же холмикъ надъ своей норкой. Вопросъ и шелъ о томъ, былъ ли холмикъ, о которомъ шла рѣчь, дѣломъ надсмотрщика, или бѣлки? Линкольнъ выписалъ изъ Нью-Іорка книги по зоологіи и сталъ по нимъ изучать нравы степной бѣлки. Когда дошло до разбирательства, онъ объяснилъ судьѣ и присяжнымъ, въ чемъ состояла разница между холмикомъ надсмотрщика и холмикомъ бѣлки. Звѣрекъ, заботясь о своей семьѣ, живущей подъ холмикомъ, утаптывалъ верхушку послѣдняго очень тщательно и такъ же тщательно заканчивалъ ее конусомъ, чтобы дать хорошій стокъ дождевой водѣ. Напротивъ, у надсмотрщика не было подобныхъ мотивовъ въ его работѣ и потому естественно было его холмику имѣть усѣченную, или нѣсколько углубленную верхушку.

По окончаніи дѣла судья, который былъ никто иной, какъ будущій политическій соперникъ Линкольна Стивенъ Э. Дугласъ, зашелъ въ его контору и нашелъ молодого адвоката все еще за

естественноисторическими книгами и изученіемъ нравовъ степныхъ звѣрьковъ. Ему не было болѣе практической надобности въ этого рода знаніяхъ; но онъ такъ заинтересовался предметомъ, что продолжалъ изученіе. И судья, и адвокатъ провели сообща цѣлый вечеръ надъ книгами, не подозрѣвая того, что въ будущемъ борьба между ними потрясетъ страну и сдѣлаетъ одного изъ нихъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.

Въ воскресенье утромъ, апрѣля 14-го 1861 года, майоръ Андерсонъ сдалъ фортъ Сѣмтеръ рыцарямъ Южной Каролины. Линкольнъ былъ тогда президентомъ немногимъ болѣе мѣсяца. Пятнадцатаго апрѣля онъ выпустилъ свою прокламацію, въ которой призывалъ подъ знамена семьдесятъ пять тысячъ войска, чтобы поддержать силу закона въ возмутившихся штатахъ. Затѣмъ началась война, окончившаяся черезъ четыре года, девятаго апрѣля 1865 г.; когда Ли сдался на капитуляцію со своей арміей.

Въ началѣ войны все, казалось, было противъ Сѣвера. Всѣ преимущества были на сторонѣ Юга. Южане завладѣли всею аммуниціей и услали всѣ союзныя войска въ самыя дальнія западныя и юго-западныя окраины. У Союза не было ни арміи, ни флота, а государственное казначейство было пусто. Правительству пришлось взять въ займы у Нью-Іоркскихъ банковъ нѣсколько милліоновъ долларовъ, чтобы начать военныя дѣйствія Южане самымъ воспитаніемъ своимъ были пріучены къ употребленію оружія; сѣверяне—наоборотъ. Южане привыкли драться съ оружіемъ въ рукахъ, ибо они жили въ условіяхъ непрерывнаго военнаго положенія; поэтому, какъ это ни было грустно, казалось естественнымъ, что союзныя войска должны были въ первыхъ битвахъ потерпѣть пораженіе. Мрачныя это были времена для приверженцевъ Союза. Съ надеждой глядѣли мы за предѣлы собственной страны, ища сочувствія, но не находили его. Въ виду рѣшительныхъ заявленій Англіи противу рабства, мы надѣялись, что она станетъ на нашу сторону; оказалось, что наиболѣе вліятельные люди были противъ насъ. Аристократія, армія и флотъ, церковь и люди пера—всѣ поддерживали Югъ; на нашей сторонѣ было всего нѣсколько человѣкъ вродѣ Джона Брайта (Bright), Ричарда Кобдена, Голдвина Смита, Дж. Ст. Милля, да рабочій классъ. Направляемые тѣмъ самымъ инстинктомъ—болѣе глубокимъ, чѣмъ разсудокъ, и болѣе всеобъемлющимъ, чѣмъ знаніе—который нѣкогда побуждалъ простой народъ стекаться радостно къ Христу, тогда какъ „мудрые“ и „разсудительные“ люди не хотѣли его слушать, рабочіе на фабрикахъ Ланкашира и вообще труженики промышленности отнеслись холодно къ проявленіямъ общественнаго недружелюбія къ Союзу, хотя ихъ хлѣбъ насущный зависѣлъ отъ хлопка. Они стояли за Сѣверъ до конца, хотя, благодаря своему положенію, многіе изъ нихъ въ концѣ концовъ лишились послѣдняго куска хлѣба.

Мы послали въ Англію, въ качествѣ нашего дипломатическаго представителя, человѣка, какъ бы рожденнаго для этого поста. Это былъ мистеръ Чарльзъ Фрэнсисъ Адамсъ. Подобно своему отцу, онъ былъ человѣкъ спокойный, хладнокровный, осторожный, разумный, весьма рѣшительный и совершенно непоколебимый. Положеніе его, среди этихъ всеобщихъ симпатій по адресу конфедераціи, было очень тяжело, но онъ ни разу не склонилъ головы. Когда лордъ Рёссель *) отказался остановить сооруженіе въ Англіи военныхъ кораблей для конфедераціи, то Адамсъ просто замѣтилъ: „Конечно, ваше сіятельство понимаете, что это равносильно войнѣ.“ Тогда только лордъ Рёссель остановилъ постройку упомянутыхъ судовъ. Тому же Рёсселю принадлежитъ выраженіе: „Джефферсонъ Дэвисъ создалъ націю“. Большинство англичанъ были убѣждены, что Сѣверъ никогда не побѣдитъ Юга. Они называли эту войну порожденіемъ честолюбія сѣверянъ и выражались въ томъ смыслѣ, что Сѣверу слѣдовало предоставить Югу отдѣлиться. Англійской аристократіи, людямъ пера и торговому классу хотѣлось видѣть нашу страну раздѣленною и ослабленною. Они находили, что Соединенные Штаты росли слишкомъ быстро и превращались въ слишкомъ сильное государство; значеніе Союза становилось чрезмѣрнымъ и было-бы отлично, если бы его можно было расщепить на двѣ или три части. За все это Великобританія поплатилась, будучи впослѣдствіи принуждена не только вознаградить за вредъ, который нанесли союзному флоту конфедератскіе крейсеры, построенные съ ея дозволенія, но и признать, что она была не права, выпустивъ эти корабли изъ своихъ портовъ.

Когда поднялся народъ Сѣвера, тогда только сказалось, „какая сила дремлетъ въ рукѣ свободнаго человѣка“. Виги, предводимые людьми вродѣ Вебстера и Клэя, какъ и сѣверные демократы, предводимые своими великими вожаками, пріучены были вѣрить въ необходимость Союза и конституціи. Съ другой стороны, республиканская партія, выросшая подъ вліяніемъ учителей— и политическаго и не политическаго типа—враждебныхъ рабству, пріучена была видѣть величайшую опасность для страны въ невольничествѣ. Отпаденіе Юга ударило по обоимъ этимъ чувствамъ. Оно разрушало національное единство и разрушало его во имя невольничества. Оскорбляя оба эти чувства—приверженность къ государственному единству и отвращеніе къ рабству— Югъ, такимъ образомъ, объединилъ Сѣверъ, который и всталъ, какъ одинъ человѣкъ.

Скоро были съимпровизированы громаднѣйшія арміи. Черезъ пятьдесятъ дней послѣ битвы при Буллъ-Рёнъ (Bull-Run), когда Потомакская армія была, повидимому, деморализована, другая

*) Тогдашній англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ. *Перев.*

армія въ сто тысячъ человѣкъ была создана въ Вашингтонѣ подъ предводительствомъ Макъ-Клеллана, который превратилъ ее въ превосходно дисциплинированную силу. Южные штаты объявлены были въ блокадѣ. За границей блокаду считали невыполнимой; тѣмъ не менѣе южная граница была подъ наблюденіемъ; ее сторожили. Правда, много судовъ ускользало отъ блокады; въ общемъ, однако, она была признана достигавшею цѣли.

До тѣхъ поръ въ Союзѣ не существовало хорошо организованнаго государственнаго кредита. Министру финансовъ Салмону П. Чэзу (Salmon P. Chase) принадлежитъ честь установленія системы національнаго кредита, оказавшейся несомнѣнно—съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени—значительно лучшею, чѣмъ какая либо изъ существовавшихъ до тѣхъ поръ въ Соединенныхъ Штатахъ. Вплоть до того времени уплата по чекамъ банка одного штата производилась банкомъ другого штата, и банки штатовъ (государственные) то и дѣло лопались по всей странѣ. Банки новой системы оказались лучше даже стараго банка Соединеныхъ Штатовъ подъ управленіемъ Николая Биддля (Nicolas Biddle).

Союзные арсеналы вскорѣ принялись за работу, изготовляя тысячи пушекъ и ружей *въ день*.

Вскорѣ также, благодаря предусмотрительности и краснорѣчію Генри В. Бéлловса (H. W. Bellows), стала работать и санитарная коммиссія. Это былъ новый даръ человѣчеству, показывавшій насколько ужасы войны могутъ быть смягчены и ея зло нейтрализовано силою сердечныхъ, щедрыхъ, разумныхъ и постоянныхъ заботъ лицъ, остающихся дома, о тѣхъ, кто были на театрѣ войны. Лучшія женщины страны присоединились къ арміи въ качествѣ сестеръ милосердія. Ихъ можно было найти во всѣхъ госпиталяхъ, на полѣ сраженія, дома—вѣчно за работой, вѣчно стремящимися доставить солдатамъ всевозможныя удобства. Припоминаю одно воскресенье, когда пришло извѣстіе о томъ, что только что окончилась битва, и что значительное количество всякой всячины нужно было для солдатъ. Объявленіе по этому поводу указывало извѣстный адресъ, домъ насупротивъ Тремонтъ-Гауза, въ Бостонѣ, куда вещи должны были направляться. Послѣ полудня того же воскресенья весь троттуаръ былъ уже занятъ ящиками, присланными изъ многихъ окрестныхъ городовъ!

Черезъ два-три года мы уже имѣли самую обширную, наилучше дисциплинированную армію, какую когда-либо видѣлъ свѣтъ, предводимую превосходными офицерами; армію, состоявшую изъ „штыковъ, умѣвшихъ не только драться, но и думать“. Въ началѣ войны сѣверные генералы были неопытны, но стали постепенно мудры и искусны, пока, наконецъ, мы не насчитывали среди нихъ такихъ людей, какъ Грантъ, Шерманъ, Шериданъ, Томасъ, Бёрнсайдъ, Гукеръ и Мидъ.

Между тѣмъ народъ былъ готовъ все отдать, все перенести, все сдѣлать. Всѣ мрачныя предсказанія, дѣлавшіяся на счетъ его, оказались дутыми. Говорилось, напримѣръ, что никакая нація не можетъ вести междоусобную войну и въ то же время оставлять неприкосновенною свободу рѣчи и печати. Мы не тронули ни той, ни другой. Сѣверныя газеты, сочувственныя Югу, продолжали выходить и могли печатать, что только имъ вздумалось. Созывались митинги противъ войны, составлялись собранія для сопротивленія войнѣ и участники тѣхъ и другихъ пользовались полной свободой рѣчи. Увѣряли, когда Мэзонъ и Слайделлъ (Slidell) были захвачены и крикъ радости пронесся по всему Сѣверу, что американцы ни за что не согласятся возвратить ихъ Англіи *). Но когда нація убѣдилась, что подобный шагъ необходимъ, онъ нигдѣ не встрѣтилъ оппозиціи. Дѣло было выполнено молча. Кричали, что свободные выборы президента были невозможны среди такой войны; тѣмъ не менѣе, когда окончился Линкольну его четырехлѣтній срокъ, новые выборы состоялись и были проведены точно также, какъ если бы въ странѣ царствовалъ глубокій миръ.

Говорилось равнымъ образомъ, что нація, тратящая на военныя издержки по два милліона долларовъ въ день, должна скоро обанкротиться. Было время, когда бумажныя деньги страшно упали въ цѣнѣ; тѣмъ не менѣе банкротами мы никогда не были. Мы никогда не отказывались отъ своихъ долговъ. Увѣряли, что если Югъ и будетъ побѣжденъ въ открытомъ полѣ, онъ станетъ продолжать партизанскую войну. На самомъ дѣлѣ война окончилась съ капитуляціей Ли и Джонсона. Увѣряли, что возстановленіе союза невозможно, что южные штаты до того враждебны Сѣверу, что ни за что не возвратятся въ Союзъ. Однако, вскорѣ они добровольно снова заняли свое мѣсто въ федераціи, согласившись видоизмѣнить свои конституціи въ смыслѣ уничтоженія невольничества. Благосостояніе и всеобщее довольство расцвѣли по всей странѣ у всѣхъ на глазахъ. Говорили, что безчисленная армія Сѣвера не

*) Мэзонъ и Слайделлъ были дипломатическими представителями южной конфедераціи въ Англіи. Англійское судно, на которомъ они плыли, было остановлено въ открытомъ морѣ сѣверо-американскимъ крейсеромъ и оба конфедерата арестованы. Съ точки зрѣнія сѣверянъ Мэзонъ и Слайделлъ были, конечно, нарушителями законовъ и конституціи Соединенныхъ Штатовъ, и такъ какъ южная конфедерація не была признана ни одной изъ державъ воюющею стороной, то не имѣла законнаго права дипломатическаго представительства; покровительство же ей со стороны любой нейтральной державы (въ томъ числѣ и Великобританіи) было съ точки зрѣнія международнаго права недопустимо. Но дѣло въ томъ, что всякое судно, находящееся въ извѣстномъ разстояніи отъ чужого берега—а военное судно даже и у самаго такого берега,—считается территоріею той державы, которой принадлежитъ. Вотъ почему арестъ Мэзона и Слайделля былъ незаконенъ и англійское правительство потребовало возвращенія ему обоихъ арестованныхъ. *Перев.*

согласится быть распущенною и подчинить страну военной власти Между тѣмъ, какъ только окончилась война, армія сама собою растаяла; военные люди рады были возвратиться къ частной жизни и къ своимъ прежнимъ занятіямъ. Говорилось, наконецъ, что если освободить негровъ, то они не станутъ работать и перемрутъ; въ настоящее же время выражаемыя опасенія заключаются въ томъ, что негры размножаются слишкомъ быстро и, чего добраго, вытѣснятъ съ Юга бѣлое населеніе.

Это было, положительно, дѣломъ Провидѣнія, что президентомъ нашимъ былъ именно такой человѣкъ, какъ Авраамъ Линкольнъ. Будь на его мѣстѣ личность, болѣе соотвѣтствовавшая желаніямъ аболиціонистовъ и враговъ невольничества, она не объединила бы націю; и ужъ во всякомъ случаѣ такая личность не убѣдила бы окраинные штаты остаться въ Союзѣ. Съ другой стороны, будь на мѣстѣ Линкольна человѣкъ враждебный аболиціонизму, онъ тоже не объединилъ бы націи. Въ Линкольнѣ-же, какимъ онъ былъ, мы имѣли личность, которая сердцемъ и убѣжденіемъ была противъ рабства, но которой цѣль была—спасеніе Союза. „Если“ сказалъ онъ однажды, „Союзъ можетъ быть всего вѣрнѣе спасенъ освобожденіемъ рабовъ, я готовъ освободить ихъ всѣхъ. Если этого спасенія можно всего лучше достигнуть, освободивъ только часть невольниковъ—я готовъ освободить часть. Если же его можно всего успѣшнѣе достичь вовсе не освобождая рабовъ—я не освобожу ни одного“. Онъ не спѣшилъ, но онъ непрерывно двигался впередъ. Онъ зналъ народъ. Умѣть угадать, чего желаетъ народъ, что ему нужно—есть способность, присущая истинно великому государственному человѣку. Вспоминаются мнѣ по этому поводу слова губернатора Андрю объ Андрю Джаксонѣ *). Однажды послѣднему замѣтили, что мѣра, которую онъ хотѣлъ принять, была не демократична. „Я не нуждаюсь ни въ чьихъ объясненіяхъ по вопросу о томъ, что демократично и что недемократично“, вскричалъ Джаксонъ,—„если мнѣ потребуется узнать, что демократично, я спрошу о томъ старика Андрю Джаксона; *онъ* знаетъ, что демократично, даже если бы никто иной не зналъ. Если есть на свѣтѣ демократъ, такъ это, конечно, онъ“.

Линкольнъ былъ несвѣдущъ въ военномъ дѣлѣ, Джефферсонъ Дэвисъ получилъ законченное военное образованіе. Линкольну пришлось вначалѣ безусловно отдаться въ руки Скотта и другихъ генераловъ и дѣйствовать подъ ихъ диктовку. Когда Макъ-Клелланъ долго медлилъ послѣ того, какъ армія была совершенно готова, и затруднялся двинуться впередъ, Линкольнъ сказалъ

---

*) Андрю Джаксонъ (1767—1845) отличился въ войнѣ съ Англіей; въ 1821 году сталъ губернаторомъ Флориды; съ 1823 по 1829 годъ былъ сенаторомъ; съ 1829 по 1837 г.—седьмымъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.
Перев.

одному изъ своихъ друзей: „Хотѣлось бы мнѣ знать, думаетъ-ли Макъ-Клелланъ что либо предпринять. Если *нѣтъ*, то я бы съ удовольствіемъ взялъ у него въ займы армію на недѣлю, или на двѣ“. Интересъ Линкольна ко всему, что касалось войны, былъ огроменъ, и онъ обладалъ талантомъ пользоваться способностями людей, не похожихъ на него самого. Онъ усматривалъ пользу въ самыхъ различныхъ людяхъ; въ Сюардѣ, напримѣръ, типичномъ политикѣ, и въ Сёмнерѣ, ученомъ и мыслителѣ. Оба были большими друзьями президента. Линкольнъ также очень любилъ Стантона, который чуть не во всемъ составлялъ ему оппозицію. Президентъ пользовался всѣми троими для блага націи.

Итакъ, хотя вначалѣ о Линкольнѣ установилось мнѣніе, что онъ слишкомъ медлителенъ и многіе не довѣряли ему, тѣмъ не менѣе любовь и уваженіе націи къ президенту росли, а съ тѣмъ вмѣстѣ росла его сила и власть. Наконецъ, онъ почувствовалъ, что можетъ принимать самостоятельныя рѣшенія по требованіямъ минуты, приходить къ собственнымъ заключеніямъ и дѣйствовать рѣшительно, согласно своимъ взглядамъ. Никто не принималъ къ сердцу тягостей войны болѣе Линкольна. Нѣкоторые изъ нашихъ генераловъ дѣйствовали такъ, точно это было рутинное дѣло и нечего было о немъ много заботиться. Не таковъ былъ Линкольнъ. На немъ эта ужасная борьба тяготѣла страшнымъ бременемъ, которое раздавило бы его, если бы не три вещи. Онъ глубоко вѣрилъ въ справедливость Бога. Онъ былъ въ глубинѣ души глубоко религіозный человѣкъ, хотя безъ всякой религіозной формалистики или ханжества. Равнымъ образомъ, онъ глубоко вѣрилъ въ свободныя учрежденія и не имѣлъ сомнѣнія въ ихъ конечномъ торжествѣ. Наконецъ, онъ обладалъ юморомъ и отзывчивостью, которые часто были для него большой поддержкой въ годину жесточайшаго несчастья. Когда онъ заявилъ своему министерству, что рѣшилъ выпустить прокламацію объ освобожденіи невольниковъ, онъ прибавилъ, что все ждалъ надлежащаго для того времени и что теперь—онъ въ томъ увѣренъ—время это пришло: онъ слѣдилъ за настроеніемъ народа и теперь, онъ убѣжденъ, вся нація готова сдѣлать этотъ шагъ. Затѣмъ онъ прибавилъ такъ тихо, что всего одинъ человѣкъ слышалъ его слова: „Когда Ли былъ вытѣсненъ изъ Мэрилэнда, я далъ обѣтъ Богу моему, что уничтожу рабство“.

Когда армія Макъ-Клеллана была разбита на полуостровѣ, Линкольнъ выразился о себѣ, что не было на свѣтѣ въ живыхъ болѣе неутѣшнаго человѣка, чѣмъ онъ.

Человѣколюбіе Линкольна и его способность сочувствовать были очень велики. Вотъ что, между прочимъ, разсказывалъ мнѣ мистеръ Джэмсъ Спидъ, генеральный атторней. Разъ, когда онъ былъ у президента съ тѣмъ, чтобы переговорить о какомъ-то дѣлѣ, въ кабинетъ вошелъ дежурный офицеръ и сказалъ: „Ваше

высокопревосходительство, у входа стоитъ бѣдная женщина въ слезахъ. Она приходитъ уже второй или третій разъ и все проситъ, не можетъ-ли васъ видѣть". „Пусть войдетъ", отвѣтилъ Линкольнъ. Женщина была впущена и сказала: „Господинъ президентъ, въ арміи три моихъ сына. Я вдова. У меня оставался дома четвертый, но онъ померъ. Не отпустите-ли вы ко мнѣ одного изъ моихъ остальныхъ сыновей, чтобы вести хозяйство на фермѣ и помочь мнѣ содержать себя?"—„Ну, что-жъ,—отвѣтилъ Линкольнъ,—у меня самого трое дѣтей; выходитъ, какъ будто вамъ слѣдуетъ имѣть хоть одного. А гдѣ вашъ сынъ?"—„Ахъ, сэръ, онъ въ арміи подъ Фридериксбёргомъ".—„Какъ его имя и въ какой части онъ?" Узнавъ все что нужно было, президентъ присѣлъ къ столу и написалъ приказъ объ увольненіи молодого человѣка. Старуха призвала на него благословеніе божіе, взяла бумагу и повернулась уходить, когда Линкольнъ остановилъ ее вопросомъ: „Куда же вы отправляетесь?"—„Прямо въ Фридериксбёргъ, сэръ, за сыномъ".—„А какъ же вы надѣетесь пробраться черезъ сторожевую линію пикетовъ, чтобы найти его?"—„Господь поможетъ мнѣ; только бы была у меня ваша бумага".—„Зачѣмъ же,—замѣтилъ Линкольнъ,—утруждать Господа Бога этимъ дѣломъ, когда я самъ могу его выполнить". Съ этими словами онъ снова присѣлъ и написалъ ей пропускъ съ наказомъ—оказать старухѣ необходимую помощь.

Одинъ джентльмэнъ, служившій въ канцеляріи военнаго министра Стантона, говорилъ мнѣ, что въ случаѣ совершенія солдатомъ преступленія, за которое военный судъ приговаривалъ его къ смерти, приговоръ никогда не приводился въ исполненіе прежде, чѣмъ дѣлопроизводство суда не было просмотрѣно и Стантономъ, и Линкольномъ. Въ такихъ случаяхъ, почти неизмѣнно, Линкольнъ былъ за помилованіе, а Стантонъ за исполненіе приговора. Однажды Стантонъ даже замѣтилъ: „Господинъ президентъ, вы воображаете, что, милуя этого человѣка" (который ослушался приказанія, дезертировалъ съ поля сраженія, или совершилъ преступленіе противъ мирнаго гражданина) „вы совершаете актъ человѣколюбія; но это не человѣколюбіе, а жестокость. Помилованіе каждаго подобнаго негодяя поведетъ къ смерти цѣлой сотни честныхъ солдатъ".—„Можетъ быть,—отвѣчалъ Линкольнъ,—но то, что вы говорите, есть только *возможность*; тогда какъ, если я дамъ этого человѣка разстрѣлять, то смерть одного лишняго солдата будетъ несомнѣннымъ фактомъ".

Разсказываютъ, что когда назначеніе новаго главнаго хирурга арміи стало необходимостью, то упросили доктора Бéлловса отправиться въ Вашингтонъ и постараться о назначеніи на этотъ постъ доктора Гаммонда. Бéлловсъ отправился. Онъ засталъ Линкольна подписывающимъ бумаги.

„Говорите,—сказалъ Линкольнъ,—я могу слушать васъ и въ

то же время писать". Бе́лловсъ началъ говорить въ защиту своего предложенія съ свойственной ему энергіей. Линкольнъ продолжалъ подписывать бумаги. Наконецъ, Бе́лловсъ, высказавъ все, что имѣлъ сказать, остановился. „Я ужасно люблю слушать васъ, докторъ; но, мнѣ кажется, Гаммондъ уже назначенъ на этотъ постъ по меньшей мѣрѣ недѣлю тому назадъ".— „Въ самомъ дѣлѣ?" спросилъ Белловсъ. „Да, навѣрно; но мнѣ такъ хотѣлось послушать, какъ вы будете говорить!"

Однажды уличная толпа настоятельно требовала, чтобы Линкольнъ сказалъ ей рѣчь изъ окна отеля, гдѣ онъ стоялъ. Онъ появился въ окнѣ, а рядомъ съ нимъ его жена. Линкольнъ былъ очень высокій мужчина, жена же его была маленькаго роста. „Друзья мои,—обратился Линкольнъ къ толпѣ,—вотъ я, а вотъ миссисъ Линкольнъ; такимъ образомъ передъ вами весь сюжетъ и въ его длинной, и въ короткой версіи". Въ этомъ и состояла вся рѣчь *).

Линкольнъ былъ серьезный, разумный, добрый человѣкъ съ грустными глазами; но этой наклонностью къ шуткѣ онъ не разъ, быть можетъ, былъ обязанъ тѣмъ, что остался жить.

Лучшій портретъ его, когда-либо сдѣланный, принадлежитъ перу Джемса Рёсселя Лоуэля въ его „Commemoration Ode":

«Nature, they say, doth dote,
And cannot make a man,
Save on some worn—out plan,
Kepeatingus byrote.
For him her Old—World moulds aside she threw,
And, choosing sweet clay from the breast
Of the unexhausted west,
With stuff untainted shaped a hero new
Wise, zealous in the strength of God and true.
How beatiful to see
Once more, a shepherd of mankind, iudeed,
Who loved his charge but never loved to lead;
One whose meek flock the people joyed to be...
They knew that outward grace was dust;
They could not chooze, but trust
In that sure-footed mind's unfaltering skill,
And supple-tempered will,
That bent, like perfect steel, to spring again and thrust.
Great captains, with their guns and drums,
Disturb our judgement for the hour;
But at last silence comes;
These all are gone, and standing like a tower,

*) По англійски шутка выходитъ много лучше, такъ какъ по русски невозможно вполнѣ передать игры словъ, употребленныхъ Линкольномъ. Онъ сказалъ: «My friends, here am I, and here is M-rs Lincoln. *That is the long and the short of the whole matter*». Подчеркнутыя слова значатъ «въ этомъ вся подноготная, вся суть предмета» и въ то же время слова «long» и «short» значатъ «долговязый» и «малаго роста». *Прим. пер.*

Our children shall behold his fame—
The kindly, earnest, brave, forseeing man
Sagocious, patient, dreading praise, not blame;
New birth of our new soil—the first American» *).

Въ январѣ 1862 г. федеральныя войска взяли приступомъ фортъ Генри въ Тенесси. Это былъ одинъ изъ первыхъ успѣховъ федералистовъ въ теченіе войны. Въ то же время начали съ большимъ успѣхомъ свои дѣйствія канонирскія лодки, построенныя по заказу Фримонта. Первоначально правительство отказалось принять эти суда; увѣряютъ, что три дня они стояли на Кэрской (Cairo) пристани, не принадлежа *никому*, такъ какъ строители сдали ихъ правительству, правительство же отказалось ихъ принять. Этихъ панцырныхъ канонирскихъ лодокъ было двѣнадцать; подъ начальствомъ флагмана Фута (Foot) онѣ отправились вверхъ по рѣкѣ Тенесси съ цѣлью прорвать линію конфедератовъ. Послѣдніе образовали цѣлую линію постовъ поперекъ всей страны, чтобы не допустить союзную армію пробраться черезъ Кентукки. Союзныя войска были подъ начальствомъ Гранта, тогда какъ судами, какъ сказано, командовалъ Футъ. Двухъ часовъ времени имъ оказалось достаточно, чтобы взять фортъ Генри, а вслѣдъ затѣмъ они аттаковали фортъ Дональдсонъ на рѣкѣ Кёмберлэндѣ. Гарнизонъ, подъ начальствомъ Пиллоу и Флойда достигалъ численностью 20,000 человѣкъ, изъ которыхъ 13,500 сдались Гранту. Эти побѣды сильно подняли самоувѣренность сѣвера и доказали, что нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, изъ нашихъ генераловъ смотрѣли на войну серьезно.

Одною изъ причинъ упадка духа на сѣверѣ было убѣжденіе сѣверянъ—можетъ быть и несправедливое—что иные изъ командовавшихъ союзной арміей не вѣрили въ ея успѣхъ и не сочувствовали дѣлу, за которое сражались. Народъ сѣвера отдавалъ за

*) *Переводъ.* «Говорятъ, природа бредитъ, повторяетъ насъ наизусть и не въ состояніи создать человѣка иначе, какъ по давно истрепанному плану. Но для *нею* она отбросила всѣ шаблоны стараго свѣта и, взявъ чистѣйшую глину изъ груди неистощеннаго запада, вылѣпила изъ незапятнаннаго матеріала новаго героя: мудраго, ревностнаго о Господѣ и вѣрнаго. Какъ прекрасно—видѣть вновь истиннаго пастыря человѣческаго, полнаго любви къ своей паствѣ, но равнодушнаго къ первенству и власти,—пастыря, смиренной паствой котораго народъ такъ любилъ быть... Народъ зналъ, что внѣшнее изящество—прахъ и для него не было выбора: онъ долженъ былъ вѣрить въ незнающее нерѣшимости искусство этого твердо-ступающаго ума и этой чудно-закаленной воли, которая сгибалась, какъ лучшая сталь, для того только, чтобы снова выпрямиться и разить. На время великіе полководцы съ ихъ пушками и барабанами нарушаютъ теченіе нашей оцѣнивающей мысли. Но въ концѣ концовъ наступаетъ тишина. И вотъ—ихъ нѣтъ; его же слава, которую увидятъ и дѣти наши,—слава этого добраго, серьезнаго, мужественнаго, прозорливаго, здравомыслящаго, терпѣливаго человѣка, боявшагося похвалы, но не порицанія,—высится, какъ башня! Онъ—новое порожденіе нашей новой земли,—первый среди американцевъ!»

дѣло единенія и свободы множество жизней и денегъ, и тяжело было ему думать, что нѣкоторые изъ его предводителей смотрятъ на войну не серьезно.

Но справедливы ли были эти подозрѣнія относительно арміи, или нѣтъ—въ рыцарскомъ духѣ, преданности и храбрости *флота* не сомнѣвался никто. Съ какимъ знаніемъ дѣла и спокойнымъ искусствомъ прошелъ союзный флотъ подъ парами мимо фортовъ у Гиттонъ Гэда, заставивъ непріятельскія батареи замолчать, и овладѣлъ морскими островами Джорджіи и Южной Каролины! Какія ощущенія заставилъ всѣхъ пережить отчетъ о проходѣ Фаррагёта между конфедератскими фортами на Миссиссипи, результатомъ котораго явилось взятіе Новаго Орлеана,—о его дерзкомъ входѣ въ Мобайльскую гавань, не смотря на всѣ непріятельскія укрѣпленія, корабли и торпеды!

Новый Орлеанъ былъ защищенъ слѣдующимъ образомъ. По обѣ стороны рѣки было по форту; поперекъ рѣки сдѣлано было загражденіе, укрѣпленное якорями и цѣпями; за этимъ загражденіемъ находилась въ готовности цѣлая пароходная флотилія, да пять кораблей. Всѣ были убѣждены, что при такой защитѣ городъ былъ неприступенъ. Нападеніе на форты было начато флотиліей Портера, состоявшей изъ 21 шхуны, изъ которыхъ на каждой была мортира, стрѣлявшая гранатами въ 200 фунтовъ. Такимъ образомъ адмиралъ Портеръ бомбардировалъ форты Филипъ и Джэксонъ въ теченіе шести дней. Затѣмъ Фаррагётъ, въ ночь на 23 апрѣля 1862, проскочилъ между укрѣпленіями со своею флотиліей въ восемьнадцать судовъ и сломалъ загражденіе. Миновавъ форты, онъ наткнулся на конфедератскія суда. Шестнадцать изъ нихъ аттаковало *Каюгу*; но хотя она получила сорокъ два ядра, все-же она взяла три непріятельскихъ судна. *Варена* загнала три судна на берегъ, потопила четвертое и тогда, сѣвъ на мель сама, потонула. Не болѣе, какъ въ полтора часа не только Фаррагётъ миновалъ непріятельскіе форты, но частью взялъ въ плѣнъ, а частью потопилъ конфедератскую флотилію. Послѣ этого Новый Орлеанъ сдался генералу Бётлеру и союзной арміи.

Сколько душевныхъ волненій возбуждало описаніе боя Мэрримака съ Мониторомъ! Союзный военый корабль Мэрримакъ, захваченный конфедератами въ Норфокѣ (Norfolk), былъ ими обращенъ въ большое панцырное судно. Въ тѣ времена сила панцырныхъ кораблей была еще мало извѣстна. Мэрримакъ былъ первою паровою плавучею батареею, и онъ показалъ, что въ морскихъ военныхъ дѣйствіяхъ появился новый элементъ. Нѣкоторое время носился только слухъ о томъ, что онъ готовится. Восьмого марта 1862 г. онъ появился на рѣкѣ Джэмсѣ. Мэрримакъ плылъ внизъ и казался чернымъ желѣзнымъ ковчегомъ. Подойдя къ союзнымъ судамъ, стоявшимъ въ заливѣ у устья, Мэрримакъ на-

летѣлъ на союзный фрегатъ Кёмберлэндъ, врѣзался въ него своимъ страшнымъ носомъ и, однимъ ударомъ отодравъ цѣлый бокъ противника, послалъ его ко дну со всѣмъ экипажемъ и съ развивавшимся флагомъ.

Затѣмъ Мэрримакъ уничтожилъ въ нѣсколько минутъ союзный фрегатъ Конгрессъ, хотя послѣдній громилъ его залпами изъ своихъ тяжелыхъ баттарей: снаряды отскакивали отъ панцыря Мэрримака, словно градъ отъ домовой крыши. Покончивъ такъ легко съ двумя лучшими военными кораблями Соединенныхъ Штатовъ, броненосецъ конфедератовъ напалъ на третій. Самое сильное изъ союзныхъ военныхъ судовъ, Миннезота, стояло на якорѣ, или на мели, когда Мэрримакъ его аттаковалъ. Съ обѣихъ сторонъ было дано по одному, или по два залпа; но тутъ командиръ броненосца, боясь въ свою очередь посадить его на мель, повернулъ назадъ и возвратился въ Норфокъ.

Цѣлую ночь телеграфъ разносилъ по союзной территоріи ужасную вѣсть. Не было никакого сомнѣнія, что на слѣдующее утро неуязвимый конфедератскій панцырникъ возвратится въ заливъ и покончитъ съ Миннезотой. Что тогда? Почему бы ему не взять фортъ Монро? Почему бы затѣмъ не войти въ любую изъ союзныхъ гаваней и не взять Нью-Іоркъ, или Бостонъ? Куда ни проникала страшная новость, она вызывала самыя отчаянныя опасенія. Между тѣмъ, въ это время уже готова была новая сила, которая должна была положить конецъ страшной карьерѣ Мэрримака.

Мистеръ Эриксонъ, знаменитый механикъ и изобрѣтатель, понялъ, съ прозорливостью генія, ту перемѣну, какая должна произойти въ методахъ веденія морской войны съ введеніемъ панцырныхъ судовъ. На собственный счетъ, лишь съ небольшимъ пособіемъ отъ союзнаго правительства, онъ построилъ небольшое судно, съ едва замѣтною надводною частью, защищенное тяжелою броней и вооруженное вращающеюся башней съ единственной пушкой большого калибра. Это судно, о которомъ мало кто что зналъ, было только что окончено и приведено на буксирѣ къ форту Монро. Разъ или два по пути оно чуть-чуть не погибло, но все же поспѣло на мѣсто во время. Когда на слѣдующее утро Мэрримакъ вновь спустился по рѣкѣ, чтобы докончить дѣло разрушенія союзнаго флота, маленькій Эриксоновъ броненосецъ загородилъ ему дорогу и сталъ посылать одно за другимъ, свои тяжелыя ядра въ каждый изъ открытыхъ пушечныхъ портовъ противника. „Мониторъ“ оказался слишкомъ увертливымъ, чтобы пострадать отъ массивнаго Мэрримака, котораго онъ въ концѣ концовъ и загналъ назадъ въ Норфокъ, откуда конфедератскій броненосецъ никогда болѣе не выходилъ.

Этотъ поединокъ произвелъ полный переворотъ въ характерѣ морскихъ военныхъ дѣйствій всего міра. Деревянные корабли

стали безполезны и Англія, Франція и иныя державы принялись за постройку панцырныхъ судовъ.

Перваго января 1863 года появилась прокламація президента Линкольна, объявлявшая невольниковъ во всѣхъ возставшихъ штатахъ свободными. Это былъ тотъ именно актъ, котораго сѣверяне страстно желали и котораго съ надеждой ожидали, но далеко не были увѣрены, что дождутся его когда-либо. Въ давно прошедшія времена, когда Джонъ Квинси Адамсъ стоялъ за эмансипацію одинъ противъ всего конгресса и когда ему въ лицо кричали, что ни при какихъ обстоятельствахъ правительство Соединенныхъ Штатовъ не имѣетъ права уничтожить рабство, онъ отвѣчалъ: „Я не могу съ этимъ согласиться. Существуютъ обстоятельства, при которыхъ наше правительство можетъ уничтожить невольничество. Если бы въ Соединенныхъ Штатахъ поднято было возстаніе или бунтъ, то по законамъ войны президентъ, или даже любой командующій генералъ былъ бы въ правѣ отмѣнить невольничество". Аболиціонисты, отъ которыхъ не ускользало ничто, касавшееся занимавшаго ихъ предмета, напечатали въ то время брошюру, въ которой эти заявленія Дж. Кв. Адамса о конституціонномъ правѣ уничтоженія рабства во имя войны были цитированы.

Около времени президентской прокламаціи возникъ также планъ—главнымъ образомъ благодаря усиліямъ Массачузеттскаго губернатора Андрю — сформировать нѣсколько цвѣтнокожихъ полковъ.

Джонъ Олбіонъ Андрю (John Albion Andrew) былъ по справедливости прозванъ великимъ *военнымъ* губернаторомъ. Къ нему можно также примѣнить слова, нѣкогда сказанныя о Питтѣ. Какъ Питтъ, онъ былъ „лоцманомъ, умѣвшимъ править въ бурю". Будучи юристомъ въ Бостонѣ и усидчивымъ работникомъ въ своей профессіи, онъ мало кому былъ извѣстенъ со стороны своихъ огромныхъ административныхъ и политическихъ способностей, пока его не выбрали въ губернаторы Массачузеттса въ 1861 году. Онъ былъ противникомъ рабства съ ранней юности и никогда не измѣнялъ этому принципу. Онъ всегда открыто говорилъ и дѣлалъ то, что считалъ справедливымъ, и въ этомъ отношеніи не зналъ страха. Въ то же время онъ былъ разсудителенъ, добръ и полонъ терпимости къ несогласнымъ съ нимъ мнѣніямъ, хотя обладалъ такою силой негодованія, которая, разъ будучи возбуждена, сметала передъ собою все. Онъ былъ однимъ изъ наилучше уравновѣшенныхъ людей, какихъ я когда либо зналъ. Его проницательность граничила съ провидѣніемъ. Его выносливость въ трудѣ была необыкновенна; на службѣ, въ присутственныхъ мѣстахъ, когда, бывало, всѣ его писцы и помощники выбьются изъ силъ, онъ отсылалъ ихъ по домамъ, а самъ продолжалъ работать до поздней ночи. Вліяніе его въ Вашингтонѣ было велико

и онъ его употреблялъ цѣликомъ на то, чтобы побуждать правительство всѣми мѣрами положить конецъ возстанію. Онъ былъ въ неустанныхъ сношеніяхъ съ Линкольномъ, Стантономъ, Сюардомъ, Чэзомъ, губернаторами сѣверныхъ штатовъ и съ сенаторами и представителями отъ Массачузеттса. Перваго января 1861 г., въ самый день своего вступленія въ должность, т. е. за три мѣсяца до нападенія на фортъ Сёмтеръ, онъ разослалъ письма губернаторамъ всѣхъ штатовъ Новой Англіи, увѣряя ихъ, что война на носу, и что они сдѣлаютъ всего лучше, если станутъ къ ней сейчасъ-же готовиться. Самъ онъ привелъ Массачузеттсъ въ состояніе такой готовности, что, какъ только Линкольнъ издалъ, 15 апрѣля, свою прокламацію о началѣ военныхъ дѣйствій, Андрю отдалъ приказъ четыремъ полкамъ выступить въ Вашингтонъ и на слѣдующій день, 16 апрѣля, они уже собрались на общественномъ выгонѣ въ Бостонѣ, при чемъ всѣ роты были въ полномъ составѣ. Шестой полкъ выступилъ въ Вашингтонъ въ тотъ же вечеръ, прошелъ черезъ Балтиморъ, гдѣ нѣсколько человѣкъ изъ его рядовъ были убиты уличной толпой; это былъ первый полкъ достигшій Вашингтона не по частямъ. Въ теченіе войны губернаторъ Андрю не зналъ усталости и не разъ тратилъ свои собственныя деньги на общественныя нужды, когда это оказывалось необходимымъ. Онъ умеръ, оставивъ своей семьѣ въ наслѣдство доброе имя и благородную память. Едва окончилась война, какъ онъ сталъ настаивать на умиротвореніи и возсоединеніи. „Послѣ энергичнаго веденія войны,—сказалъ онъ въ своей прощальной рѣчи,—посвятимъ себя столь же энергичному возстановленію мира“.

Неизмѣнный другъ цвѣтнокожихъ, губернаторъ Андрю неустанно убѣждалъ правительство завести цвѣтнокожія войска. Наконецъ, ему позволили начать ихъ наборъ, и онъ ихъ отослалъ въ дѣйствующую армію, какъ часть силъ, которыя долженъ былъ поставить Массачузетсъ.

Допущеніе цвѣтнокожихъ въ нашу армію было чрезвычайно полезною мѣрой. Мѣра эта была принята послѣ большихъ колебаній, между тѣмъ оказалось, что цвѣтнокожіе дрались превосходно. Храбрость ихъ имѣла, пожалуй, еще болѣе отчаянный характеръ, чѣмъ храбрость бѣлыхъ войскъ, потому что нерѣдко они сражались, такъ сказать, съ веревкой на шеѣ. Они знали, что рабовладѣльцы не пощадятъ ихъ, если захватятъ въ плѣнъ *). При всемъ томъ жалованіе въ цвѣтнокожихъ войскахъ было всего десять долларовъ въ мѣсяцъ, изъ которыхъ три еще приходилось

---

*) Не слѣдуетъ забывать, что въ Соединенныхъ Штатахъ въ то время, какъ и теперь, не существовало принудительной военной службы. Такъ что негры, поступая въ армію, шли на этотъ страшный рискъ вполнѣ добровольно. *Перев.*

отдать за экипировку, такъ что солдату очищалось всего семь долларовъ; между тѣмъ въ бѣлыхъ войскахъ платилось рядовому тринадцать долларовъ при даровой обмундировкѣ. Эта несправедливость приводила губернатора Андрю въ большое негодованіе. Разъ какъ-то онъ показалъ мнѣ письмо, написанное имъ къ сенаторамъ отъ Массачузеттса, въ которомъ онъ побуждалъ ихъ представить конгрессу и президенту о явной несправедливости того факта, что цвѣтнокожія войска не поставлены на одинаковую ногу съ бѣлыми. „Я не успокоюсь", такъ заключалъ онъ, „пока этой несправедливости не будетъ положенъ конецъ. Я и вамъ не дамъ успокоиться, пока ей не будетъ положенъ конецъ. Если же мнѣ суждено умереть, и мой голосъ будетъ что нибудь значить въ другомъ мірѣ, я и тамъ не оставлю этого дѣла, но буду хлопотать объ немъ предъ престоломъ вѣчной справедливости". Я сказалъ мистеру Андрю, что ѣду въ Вашингтонъ, что я готовъ свезти это письмо гг. Сёмнеру и Вильсону, и что я постараюсь повидать генералъ-атторнея. Въ слѣдующее воскресенье я долженъ былъ говорить проповѣдь въ палатѣ представителей. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы описать въ моей проповѣди характеръ и поведеніе цвѣтнокожихъ войскъ. Я разсказалъ, какъ законодательное собраніе Массачузеттса постановило послать въ Южную Каролину деньги этимъ войскамъ въ такомъ количествѣ, чтобы удовлетворить ихъ за все время службы въ полномъ размѣрѣ (т. е. по 13 долларовъ). Дѣло въ томъ, что войска эти упорно отказывались принять плату по десяти долларовъ и нѣкоторое время служили безъ жалованія. Агенты Массачузеттса, привезшіе деньги, объяснили солдатамъ, что ихъ штатъ (Массачузетсъ), считая несправедливымъ, чтобы они получали жалованье въ уменьшенномъ (сравнительно съ бѣлыми войсками) размѣрѣ, прислалъ имъ эти деньги, какъ слѣдующія имъ по праву. Они прибавили, что губернаторъ Андрю очень желаетъ, чтобы черныя войска приняли присланное. Солдаты, посовѣтовавшись между собою, выбрали изъ своей среды представителя, который долженъ былъ отвѣтить на рѣчь агентовъ. Онъ заявилъ, что солдаты вполнѣ цѣнятъ рѣшеніе штата Массачузетсъ и искренно благодарны за него; они благодарятъ также губернатора Андрю и джентельмэновъ, которые потрудились пріѣхать къ нимъ, чтобы привезти деньги; но что они (цвѣтнокожіе солдаты) не считаютъ себя войсками Массачузетса. Они теперь— солдаты Соединенныхъ Штатовъ и потому не могутъ принять предлагаемыхъ имъ денегъ,—не могутъ взять даже тѣхъ десяти долларовъ, которые предлагаетъ имъ правительство, хотя ихъ семьи сильно страдаютъ отъ этого; они не примутъ денегъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ то, что слѣдуетъ имъ получить по справедливости; до тѣхъ же поръ они будутъ исполнять свои воинскія обязанности также точно, какъ если бы они получали

жалованье. Разсказавъ все это, я обратился къ находившимся передо мною членамъ конгресса съ слѣдующими словами: „Будь подобный поступокъ совершенъ греками или римлянами, разсказъ объ немъ былъ бы помѣщенъ во всѣхъ учебникахъ и нашихъ дѣтей научили бы разсматривать все происшествіе, какъ примѣръ героизма. Но такъ какъ это было сдѣлано цвѣтнокожими, то мы не обращаемъ вниманія. Но передъ лицомъ человѣчества и исторіи я бы скорѣе согласился быть однимъ изъ этихъ цвѣтнокожихъ солдатъ, исполняющимъ мужественно свои обязанности и отказывающимся отъ денегъ, пока не будетъ ему оказана справедливость, чѣмъ членомъ конгресса, получающимъ аккуратно свое жалованье, сидящимъ въ покойномъ креслѣ, но не имѣющимъ достаточно храбрости, чтобы провести законъ объ уплатѣ этимъ солдатамъ слѣдующаго имъ по праву“.

Я полагалъ, что члены конгресса будутъ недовольны моими словами. Вмѣсто того послышались сильныя одобренія.

Послѣ неоднократныхъ пораженій Потомакской арміи подъ главнымъ начальствомъ Макъ-Левлана, Попа, Бёрнсайда и Гукера, она, наконецъ, одержала побѣду у Геттисбёрга, 1 іюля 1863 года, подъ командой генерала Мида; а 4 іюля Виксбёргъ сдался генералу Гранту. Этимъ все теченіе Миссисипи до самаго Новаго Орлеана стало открытымъ.

Шестого мая 1864 года генералъ Шерманъ началъ свой „походъ къ морю“. Посредствомъ цѣлаго ряда искусныхъ маневровъ онъ обошелъ армію Джонсона (Johnson), который, по распоряженію Джефферсона Дэвиса, долженъ былъ оставить командованіе. Во главѣ арміи, оперировавшей противъ Шермана, поставленъ былъ Гудъ, считавшійся болѣе боевымъ генераломъ. Но и онъ оказался не въ состояніи остановить Шермана, который послалъ назадъ генерала Томаса (Thomas) съ тѣми войсками, въ которыхъ не нуждался самъ, задержать Гуда. Самъ Шерманъ съ остальными силами прошелъ въ самое сердце Джорджіи, покинувъ свою продовольственную базу, и словно сквозь землю провалился: сѣверяне долго не имѣли рѣшительно никакихъ извѣстій о его движеніяхъ. Онъ пришелъ къ мысли, что сможетъ пройти черезъ Джоржію, хотя такая многочисленная армія никогда, кажется, до того времени не была обращаема въ отдѣльный отрядъ. Онъ былъ увѣренъ, что можетъ продовольствовать свои войска на счетъ непріятельской страны, и достигъ этого. Арміи Шермана предсказывалась гибель; на самомъ же дѣлѣ ея походъ былъ отнюдь не труднымъ, даже привольнымъ, хотя южныя газеты постоянно извѣщали насъ, что мы никогда болѣе ничего не услышимъ о Шерманѣ и его арміи, какъ таковой. Между тѣмъ Шерманъ шелъ впередъ, пока не достигъ моря; тутъ онъ взялъ Саванау (Savannah) и заставилъ Чарлстонъ сдаться. Затѣмъ онъ прошелъ черезъ Южную Каролину и Сѣверную Каролину; тутъ

онъ могъ уже дѣйствовать, передъ Ричмондомъ, въ связи съ Грантомъ.

Наконецъ, Ли, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ великолѣпной борьбы, въ которой онъ выказалъ всѣ качества великаго полководца, будучи совершенно истощенъ, долженъ былъ сдаться. Настойчивость и искусство генерала Гранта увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ. Такъ окончилась эта война гигантовъ.

Послѣ убійства Линкольна наступилъ долгій періодъ перестройки, въ теченіе котораго пришлось рѣшить много трудныхъ задачъ. Южные Штаты были, одинъ за другимъ, снова приняты въ Союзъ на условіи уничтоженія рабства.

Кто, не пережившій лично тѣ дни, сможетъ выразить настроеніе, охватившее страну, когда она возвратила себѣ миръ,—когда самый воздухъ, казалось, насыщенъ былъ радостью, надеждой и довольствомъ?!... Это чувство радости въ виду возвращающагося мира, возстановляемаго союза, конца, положеннаго огромному злу и грозившей націи опасности наполняло всѣ сердца благодарностью къ благому Промыслу. Чувство это особенно хорошо выражено Виттіэромъ въ одномъ изъ его лучшихъ стихотвореній, начинавшемся словами:

«Boom, cannon, boom, to all the hills and waoes!
«Clash out, glad bells, from every rocking steeple!...» *)

Никакія описанія не могутъ, однако, выразить то ощущеніе благодарности и восторга, которое охватило насъ не потому только, что наступилъ миръ, что испытанія наши кончились, но и потому, что этотъ миръ принесъ съ собою свободу и единеніе, потому что страна стала вновь цѣльною, но уже безъ пятна рабовладѣнія. Невольничество болѣе не существовало! Этому страшному злу, этой ужасной опасности положенъ былъ конецъ и самъ Югъ, короткое время спустя, былъ радъ, что она кончилась. Спустя немного лѣтъ послѣ войны я посѣтилъ Морскія Острова Южной Каролины, а также Чарлстонъ и Саванну. Уже тогда всѣ, почти безъ исключенія, признавали, что уничтоженіе рабства было наилучшимъ исходомъ для Южныхъ штатовъ. Хотя эти штаты не мало пострадали изъ-за эмансипаціи, они не пожелали бы возстановленія невольничества. Недавно одинъ бостонецъ передалъ мнѣ свой разговоръ съ двумя внуками Когуна (Calhoun), бывшаго прямымъ олицетвореніемъ теорій, оправдывавшихъ рабство. Мой знакомый спросилъ ихъ, много ли разсудительныхъ людей пожелали бы возстановить рабство? Одинъ отвѣтилъ: „И одинъ изъ ста не пожелаетъ“. Другой сказалъ: „Едва ли одинъ изъ тысячи“.—„Что бы на это сказалъ вашъ

*) «Греми, пушка, греми новость всѣмъ холмамъ и волнамъ!
«Звоните ее, радостные колокола, съ каждой ожившей колокольни!»

дѣдъ?“ замѣтилъ мой пріятель и получилъ въ отвѣтъ: „Если бы дѣдъ былъ въ настоящую минуту еще живъ, онъ сказалъ бы то же самое“.

До междоусобной войны количество собираемаго на всемъ Югѣ хлопка простиралось до четырехъ милліоновъ тюковъ. Въ 1882 г. оно равнялось семи милліонамъ. Это—наилучшее доказательство двухъ фактовъ. Такъ какъ земля въ штатахъ, производящихъ хлопокъ, принадлежитъ, главнымъ образомъ, бѣлымъ, тогда какъ трудъ доставляется цвѣтнокожими, то увеличеніе производства хлопка показываетъ, во-первыхъ, что цвѣтнокожіе работаютъ теперь лучше, чѣмъ когда они были невольниками и, во-вторыхъ, что обѣ расы работаютъ совмѣстно и мирно.

Цвѣтнокожіе чувствуютъ потребность въ образованіи. Они жадно пользуются каждымъ обстоятельствомъ, открывающимъ имъ доступъ въ школу. Школу посѣщаютъ и старый, и малый. Тѣ изъ нихъ, которые уже слишкомъ стары, чтобы самимъ научиться грамотѣ, благодарны за то, что хотя дѣти ихъ могутъ учиться. Помню, одна лэди, бывшая учительницей въ Портъ-Роялѣ, въ Южной Каролинѣ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ былъ занятъ нашими войсками, разсказывала мнѣ, что увидѣла однажды старуху-негритянку на колѣняхъ у школьной стѣны. „Что вы тутъ дѣлаете, матушка?“ спросила учительница. „Сама я стара ужъ, сударыня, чтобы учиться“, отвѣчала та, „но я благодарю Бога милосерднаго за то, что дѣтки мои—они тамъ, въ школѣ—могутъ учиться“.

По послѣдней переписи въ Соединенныхъ Штатахъ считается 4.600,000 цвѣтнокожихъ старше девяти лѣтъ и изъ нихъ 1.400,000 (т. е. около 30%) грамотныхъ *). Среди сенаторовъ Соединен-

*) Все это писано въ 1883 г. Съ тѣхъ поръ обстоятельства, конечно, еще болѣе измѣнились въ пользу негровъ. Въ сентябрѣ 1901 года епископъ-негръ Деррикъ (Derrich), говоря на Лондонской конференціи методистскаго духовенства, привелъ слѣдующія данныя: число чёрныхъ дѣтей въ начальныхъ общественныхъ школахъ Соединенныхъ Штатовъ простирается до двухъ съ половиною милліоновъ; въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ учится 45,000 чернокожихъ молодыхъ людей. Изъ нихъ 30,000 учатся ремесламъ и т. п. труду; 3000 проходятъ курсы—классическихъ или естественныхъ наукъ; 1500 учатся торговому и банковому дѣлу; 30,000 учительствуютъ. Со времени пріобрѣтенія ими правъ гражданства, негры внесли свыше 13 милліоновъ долларовъ на поддержку собственныхъ образовательныхъ учрежденій. Въ послѣдній хлопчатобумажный сезонъ болѣе 11 милліоновъ тюковъ хлопка было взрощено и собрано трудомъ негровъ. Домашняя и личная прислуга въ южныхъ штатахъ также состоитъ изъ негровъ. Это, однако, не значитъ, что они не добиваются самостоятельнаго экономическаго положенія. Накопленіе собственности въ ихъ рукахъ подвигается впередъ быстрыми шагами. Негритянскіе храмы и церковное имущество вообще представляютъ собою сумму въ 40 милліоновъ долларовъ; школьное имущество—15 милліоновъ; стоимость жилыхъ помѣщеній, принадлежащихъ чернокожимъ, равна 450 милліонамъ; они владѣютъ фермами на сумму въ 325 м. и разнымъ лич-

ныхъ Штатовъ было два цвѣтнокожихъ, нѣсколько человѣкъ служили въ различныхъ вѣтвяхъ управленія, а въ мѣстныхъ законодательныхъ собраніяхъ всѣхъ штатовъ цвѣтнокожихъ депутатовъ было даже много. Фредерикъ Дугласъ (Douglass), нѣкогда съ трудомъ избѣжавшій ареста со стороны маршала Соединенныхъ Штатовъ *) въ округѣ Колумбія, съ тѣхъ поръ самъ служилъ въ той же должности въ томъ же округѣ **).

нымъ движимымъ имуществомъ на сумму 165 милл. долларовъ. По мнѣнію епископа Деррика, большую опасность для американскихъ негровъ представляетъ ихъ тяготѣніе къ большимъ городамъ. Пока негръ работаетъ на фермѣ, въ деревнѣ, или мѣстечкѣ, онъ здоровъ и трудолюбивъ. Главная масса покидающихъ югъ для большихъ центровъ фабрично-промышленныхъ штатовъ сохраняетъ и тамъ эти черты; но значительное меньшинство, подъ вліяніемъ невѣрности заработка съ одной стороны и искушеній лихорадочной городской жизни съ другой—вырождается физически и нравственно.

Слова епископа Деррика подтверждаются и другими данными. Въ № 602 прекраснаго Нью-Іоркскаго журнала «The Literary Digest» мы находимъ свидѣтельство, что въ большихъ городахъ, гдѣ негры обитаютъ въ трущобныхъ кварталахъ, смертность между ними почти вдвое выше смертности бѣлыхъ и далеко превышаетъ рождаемость. На этомъ основаніи ставится вопросъ: вымираютъ ли въ штатахъ негры?—но рѣшается *отрицательно*. Общее число негровъ въ союзѣ по послѣдней переписи равняется 8.850,000, т. е. оно удвоилось со временъ эмансипаціи. Вникая въ статистику различныхъ штатовъ, мы убѣждаемся, что въ однихъ черное населеніе убываетъ, въ другихъ растетъ и притомъ—быстрѣе бѣлаго. Эти колебанія объясняются, главнымъ образомъ, передвиженіемъ цвѣтного населенія; въ общемъ же слѣдуетъ принять, что черное населеніе растетъ въ той же пропорціи, какъ и бѣлое.

Переводчикъ.

*) Государственный чиновникъ, въ родѣ русскаго судебнаго пристава, обладающій и нѣкоторыми чисто полицейскими прерогативами. Арестъ, здѣсь упоминаемый, грозилъ Дугласу, конечно, какъ цвѣтнокожему, котораго на основаніи закона о бѣглыхъ хотѣли обратить въ рабство. *Перев.*

**) Съ тѣхъ поръ какъ Кларкомъ написаны эти слова, черная раса проникла еще шире и дальше на всѣ высшіе посты и общественныя положенія. Но это пока отнюдь не изгладило расовой розни между бѣлыми и цвѣтнокожими, особенно на югѣ. «Уважающій себя» южанинъ ни за что не поѣдетъ въ одномъ вагонѣ, не сядетъ за обѣденный столъ вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ негромъ, съ которымъ ведетъ оффиціальныя или дѣловыя сношенія, какъ съ человѣкомъ, занимающимъ, можетъ быть, гораздо болѣе высокое общественное положеніе, чѣмъ онъ самъ. Президентъ Рузвельтъ только что нанесъ, однако, очень чувствительный ударъ этому допотопному отношенію одной расы къ другой, пригласивъ къ обѣду въ Бѣломъ Домѣ, какъ своего личнаго гостя, «привлекательнаго джентльмэна оливковаго цвѣта» (по терминологіи New York Herald'a), Букера Т. Вашингтона (Booker T. Washington). Б. Т. Вашингтонъ пользуется общимъ уваженіемъ, какъ просвѣтитель своей расы. Онъ пользовался—въ предѣлахъ дѣловыхъ общественныхъ отношеній—содѣйствіемъ даже южанъ, такъ какъ, по выраженію одной изъ «демократическихъ» газетъ, «онъ стоялъ за профессіональное образованіе своей расы и предполагалось, что онъ противился ложнымъ идеямъ большинства вожаковъ своей расы», т. е. ихъ домогательству поставить негровъ вполнѣ на равную ногу съ бѣлыми. Теперь и противъ Вашингтона, и въ особенности противъ Рузвельта, который не только сдѣлалъ этого негра своимъ главнымъ руководителемъ въ дѣлѣ назначенія союзныхъ чиновниковъ въ Алабамѣ, но

Поистинѣ мы имѣемъ полное основаніе быть благодарными за то прогрессивное развитіе, которое съ тѣхъ поръ замѣчается по всей территоріи южныхъ штатовъ какъ среди цвѣтнокожихъ, такъ и среди бѣлыхъ.

Хотя фактически рабство было уничтожено прокламаціей Линкольна, однако, юридически оно окончило свое существованіе лишь съ тѣхъ поръ, какъ тринадцатая „поправка" стала составною частью конституціи Соединенныхъ Штатовъ.

„Поправка" эта читается такъ:

„*Статья XIII. Отдѣлъ I.*—Ни невольничество, ни принудительныя работы (involuntary servitude), за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда таковыя опредѣлены въ наказаніе за преступленіе, за которое виновное лицо законно осуждено, не допускается ни въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ, ни въ какомъ бы то ни было иномъ мѣстѣ, на которое распространяется дѣйствіе ихъ законовъ".

Четырнадцатая „поправка" опредѣляетъ, кто называется гражданами, которые состоятъ въ равной мѣрѣ во всѣхъ штатахъ подъ покровительствомъ законовъ.

Пятнадцатая поправка изложена слѣдующимъ образомъ:

Статья XV. Отдѣлъ I.—Ни Соединенные Штаты въ цѣломъ, ни какой бы то ни было штатъ въ отдѣльности не могутъ лишить кого бы то ни было принадлежащаго гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ права голосованія—на основаніи расы, цвѣта кожи, или бытности, въ прежнее время, въ невольничествѣ (previous condition of servitude)".

Прокламація Линкольна была *краеугольнымъ* камнемъ свободы; приведенныя выше „поправки" были камнемъ, *закончившимъ* ея зданіе.

и посадилъ за свой столъ, какъ бѣлаго, возопила вся южная пресса. Фактъ считается настолько серьезнымъ, что, по словамъ одной изъ южныхъ газетъ, президентъ «захлопнулъ дверь передъ бѣлыми Юга, которыя пожелали бы примкнуть къ республиканской партіи». Но «перемелется—мука будетъ». А что расовой вопросъ теперь займетъ на жерновахъ прогресса еще болѣе значительное, а главное—болѣе выгодное мѣсто, чѣмъ до сихъ поръ, въ томъ порукой рѣшительный характеръ и высокое положеніе Рузвельта. Положеніе президента дало ему и большую власть, и большой нравственный престижъ. Лично по натурѣ онъ человѣкъ самостоятельный, можетъ быть даже упрямый, а по убѣжденіямъ и привычкамъ абсолютно лишенъ расовыхъ предубѣжденій, какъ видно изъ слѣдующаго случая. Въ бытность Рузвельта губернаторомъ штата Нью-Іоркъ, негръ Брайамъ (Brigham), баритонъ церкви Св. Георгія, пріѣхалъ въ главный городъ штата Олбени (Albeny) и далъ тамъ концертъ. Послѣ концерта этотъ превосходный пѣвецъ не могъ, однако, найти себѣ пристанища, такъ какъ всѣ отели на отрѣзъ отказались впустить его на ночь, или хотя дать поѣсть. Брайамъ выведенъ былъ изъ затрудненія Рузвельтомъ, который пригласилъ его въ губернаторскій домъ и третировалъ, какъ гостя.

ОБОРВАННАЯ ПЕРЕПИСКА.

XXI.

Петербургъ. 20 января.

Другъ мой!

Вы на опасной дорогѣ... Это отъ одиночества. Оно почти всегда ведетъ къ самоанализу, самоугрызенію и, слѣдовательно, къ отчаянію. Въ одиночествѣ, какъ въ той тишинѣ, о которой вы писали мнѣ: „слышишь себя, свое сердце, свои мысли"... Вотъ почему въ одиночествѣ всегда страшно. Да, именно страшно... Я боюсь одиночества больше всего и бѣгу отъ него. Въ Петербургѣ это очень легко. Злободневная волна бьетъ такъ властно и громко, что заглушаетъ тонкіе переливы вопросовъ совѣсти, сомнѣній и не даетъ прислушиваться къ себѣ...

Пріѣзжайте, пожалуйста, скорѣе сюда. Мы здѣсь вамъ не позволимъ такъ самоуглубляться и вы увидите, какъ черезъ недѣлю—двѣ всѣ эти Насти и Егорки покажутся вамъ просто грустными деталями мужской жизни. Пріѣзжайте скорѣе.

В. Ч.

P. S. Вы могли бы мнѣ оказать большую услугу вашимъ пріѣздомъ—прочесть лекцію въ пользу моей школы; дѣло мое все расширяется, а средствъ мало. Ваша лекція могла бы дать большой сборъ и очень помогла бы намъ. Пріѣзжайте!

XX.

Турьи Горы. 28 января.

Простите, дорогая Варвара Львовна, что не отвѣтилъ вамъ тотчасъ же: не писалось.

Спасибо за приглашеніе, но я не пріѣду, т. е. сейчасъ не пріѣду. Лекціи мнѣ читать нельзя, значитъ полезнымъ вамъ и вашему дѣлу я быть не могу. А удовольствія мой пріѣздъ доставить не можетъ,—въ слишкомъ рѣзкомъ диссонансѣ

мое мрачное и тихое настроеніе съ вашимъ бодрымъ и дѣловымъ... Только тоску наведу на васъ. Вы меня не поймете, я—васъ.

Я рѣшилъ не ѣхать въ Петербургъ до полнаго окончанія работы; теперь срокъ моей добровольной высылки еще отдалился, такъ какъ все это время я не работалъ. А не работалось мнѣ по очень сложнымъ внутреннимъ причинамъ и по одной внѣшней. У Егорушки была очень тяжелая форма тифа и Власьевна буквально вырвала его отъ смерти; но для этого весь домъ былъ поставленъ верхъ дномъ. Докторъ—земскій врачъ не могъ постоянно наблюдать за больнымъ и прислалъ къ намъ фельдшерицу. Она поселилась у насъ, и я отдалъ мои комнаты, такъ какъ онѣ самыя теплыя въ домѣ. Самъ я переселился въ половину бабушки, но работать не могъ.

Власьевна суетилась, бѣгала, молилась. Одна фельдшерица—Евгенія Ивановна—была спокойна и дѣлала свое дѣло увѣренно, аккуратно и почти весело. Она вносила въ домъ успокоеніе и философское отношеніе къ жизни и смерти. Когда пріѣзжалъ докторъ, она вся преображалась и ея вѣра въ него передавалась и намъ, и мы начинали вѣрить, что онъ спасетъ мальчика.

И сколько разъ, сидя у постели этого больного ребенка, слушая его стоны и глядя на страданія этого маленькаго человѣка—я вдругъ вспоминалъ ваши слова: „грустныя детали“... И вы дѣлались для меня такая далекая, такая чужая. Я увѣрялъ себя, что вы хотѣли пошутить, чтобы развеселить меня—но такая шутка не вяжется съ вами—серьезнымъ и чуткимъ человѣкомъ. И мнѣ становилось больно за васъ и за себя... Неужели я совсѣмъ не знаю васъ? Неужели вы не такая, какой я себѣ васъ представляю? Не можетъ этого быть! Не хочу я этому вѣрить.

С. Р.

XXIII.

Петербургъ. 2 февраля.

Да, дорогой Сергѣй Ильичъ, конечно, я не то, что вы представляете себѣ, и вы, конечно, не знаете меня. Я думаю, никто никогда никого не знаетъ. Мы всѣ другъ для друга—загадки. Вы разгадали меня по своему, вы наградили меня тѣми достоинствами, которыя вы искали во мнѣ... Сколько разъ—когда вы говорили мнѣ о моей серьезности и глубинѣ—мнѣ хотѣлось сказать вамъ, что это все не такъ, не такъ и не такъ... Но мнѣ было жаль... не васъ, а себя: такъ радостно видѣть, что кажешься лучше, чѣмъ есть на самомъ

дѣлѣ, такъ страшно снять съ себя маску, такъ жалко разбить иллюзіи... Но это надо сдѣлать. Вы должны видѣть во мнѣ настоящаго, а не созданнаго вами, человѣка. И я скоро пришлю вамъ свой нравственный портретъ во весь ростъ... Разскажу вамъ всю мою жизнь, мою грустную жизнь, разскажу вамъ про себя всю правду. Теперь не могу еще рѣшиться, не могу... Скажу пока только то, что я очень цѣню васъ, что вы очень дороги мнѣ.

В. Ч.

XXIV.

Турьи Горы. 5 февраля.

Моя дорогая! Добрая! Бросьте вы относительно меня всякую улиточную замкнутость, всякое недовѣріе. Пишите совсѣмъ, совсѣмъ по душѣ. Неужели не ясно, что я люблю васъ по настоящему и этимъ заслуживаю хоть простоты, хоть безусловной искренности отношеній? Что это за намеки и недомолвки? За это мы и въ Петербургѣ ссорились постоянно, а въ письмахъ это еще острѣе выходитъ. Какую правду разскажете вы мнѣ про себя? И почему надо „рѣшиться“ разсказать ее. Что это за ужасная правда? Не клевещите вы на себя, а напишите поскорѣе все, какъ есть. Помните, что я каждый день ѣзжу на станцію къ почтовому поѣзду!!. И сколько разъ я проѣду даромъ, раньше, чѣмъ получу большой конвертъ съ большими ясными буквами, которыя мнѣ напоминаютъ большіе ясные глаза. А въ этомъ большомъ конвертѣ, кромѣ большихъ недомолвокъ—ничего. Неужели это хорошо?

Пожалуйста, напишите поскорѣе и побольше.

С. Р.

XXV.

Петербургъ. 10 февраля.

Три раза принималась я писать вамъ, дорогой Сергѣй Ильичъ, и все не могла. Не могу я побѣдить въ себѣ желаніе казаться привлекательнѣе, чище, добрѣе и, вообще, лучше, чѣмъ я въ дѣйствительности. И, пожалуйста, не требуйте отъ меня правды, дайте мнѣ еще пожить въ той лжи, которой я такъ дорожу. Я думаю, что ваша любовь по „настоящему“ не очень мучительна для васъ, и мнѣ жалко убивать ее.

Помните, разъ—одинъ изъ многихъ разовъ—мы говорили съ вами о любви. Я сказала, что никто собственными руками

не убьетъ любовь къ себѣ, что быть любимой — громадное счастье.

Вы тогда замѣтили:

— Это чисто по-женски... Мужчина говоритъ: „я люблю любить“, а женщина—„я люблю быть любимой“...

Я возстала противъ этого и сказала вамъ:

— Въ любви нѣтъ такого дѣленія: чисто по женски или чисто по-мужски... Но я думаю, что скорѣе женщина пойметъ радость любви безъ отвѣта, будетъ жить ею и дорожить самымъ страданіемъ своимъ... Всю свою жизнь отдастъ и ничего не потребуетъ взамѣнъ...

Вы долго молчали и, наконецъ, сказали:

— Какъ вы *его* любите! И какъ счастливы этой любовью...

Мы разстались оба грустные и недовольные другъ другомъ. Помните?

А я опять повторю: быть любимой—громадное счастье.

Особенно если эта любовь не мѣшаетъ ни жить, ни работать, ни заботиться о больныхъ дѣтяхъ, вообще ничѣмъ не нарушаетъ спокойную, дѣловую жизнь. Зачѣмъ же я собственными руками буду разрушать такую любовь?

Это все шутка, мой дорогой, добрый другъ. Мнѣ просто не хочется писать о томъ, о чемъ вы просите писать. Я вѣрю, что вы меня любите и хорошо любите; я дорожу этой любовью и благодарна за нее.

Мнѣ очень тяжело живется все это время. На дняхъ, ко мнѣ пришелъ Викторъ и объявилъ:

— Я ѣду за-границу.

— Зачѣмъ?

— По дѣламъ...

Онъ такъ сказалъ это, что я поняла, что онъ не хочетъ никакихъ объясненій. Я испугалась: не боленъ ли онъ?

— Ты, можетъ быть, скрываешь отъ меня... Ты нездоровъ?

— А зачѣмъ бы мнѣ скрывать отъ тебя?—спросилъ онъ, искренно недоумѣвая.

— Ты боишься огорчить, испугать меня...

— Ну это что-то слишкомъ тонко! — со смѣхомъ отвѣтилъ онъ.

Викторъ сказалъ мнѣ, что ѣдетъ въ Парижъ, а вчера объявилъ одной знакомой, что ѣдетъ въ Италію отдохнуть отъ работы. Это противорѣчіе, какъ ножемъ, рѣзнуло меня. А онъ точно подчеркнулъ свою ложь, точно хотѣлъ этой ложью дать понять мнѣ правду. И я поняла ее...

Когда эта знакомая обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— А вы отчего не поѣдете на солнце, въ тепло?

Я, по привычкѣ, отвѣтила ей какой-то шуткой, но мои слова, мой собственный голосъ показались мнѣ чужими. Я

говорила еще что-то, должно быть, казалась спокойна, но внутри у меня билось и болѣло горе.

За обѣдомъ Вася спросилъ отца:

— Папа! О чемъ ты все думаешь?

Викторъ ничего не отвѣтилъ ему, только поблѣднѣлъ. Мальчикъ повторилъ вопросъ. Викторъ прижалъ его къ себѣ и сталъ нѣжно цѣловать его въ голову, въ щеки, въ глаза. Я чувствовала, что еще секунда и я не выдержу. Вдругъ Викторъ совершенно спокойно сказалъ:

— А ты разскажи, какъ сегодня на конькахъ катался?— Сколько разъ свалился?

Вася оживился, Вовикъ тоже принялъ участіе въ разговорѣ, Mademoiselle разсказала, какъ всѣ на каткѣ любуются на нашихъ дѣтей — и обѣдъ закончился вполнѣ прилично. Только Викторъ все время избѣгалъ смотрѣть на меня, и я не могла проглотить ни куска...

Потомъ я поѣхала на засѣданіе, гдѣ должна была предсѣдательствовать; очень много говорила, отстаивала чужіе интересы, спорила о чужихъ дѣлахъ... И, конечно, никто и не замѣтилъ, что у меня цѣлый адъ въ душѣ...

Вы скажете:—До чего можно изолгаться!

А какъ-же существовать иначе? Научите.

Завтра день нашей свадьбы. Будутъ—какъ всегда—обѣдать друзья и родные. Мужъ просилъ меня не говорить объ его отъѣздѣ. Я, конечно, согласилась.

Ахъ, дорогой мой! Какъ тяжело жить на свѣтѣ.

В. Ч.

XXVI.

Петербургъ, 20 февраля.

Дорогой другъ!

Почему вы молчите? Здоровы-ли? Не случилось-ли чего-нибудь? Вы меня избаловали вашими письмами, и мнѣ грустно безъ нихъ!

Я только что встала съ постели; пролежала съ недѣлю, простудилась—отъ горя, отъ злобы...

Одиннадцатаго февраля мы праздновали десятую годовщину нашей свадьбы. Къ обѣду пріѣхала сестра Виктора—Софья Ивановна съ дочерью Лизой и докторомъ... Вы помните этого доктора—онъ лѣчитъ ее по какой-то неизвѣстной методѣ отъ неизвѣстныхъ болѣзней... Потомъ явились два поклонника Лизы: одинъ—Тарутинъ, котораго вы тоже знаете, помните, длинный брюнетъ, вы еще приняли его за жениха Лизы, другой—Зеймъ, молодой, богатый и глуповатый.

За обѣдомъ Софья Ивановна объявила о счастливомъ

совпаденіи: въ день десятилѣтія такого примѣрнаго супружескаго счастья, какъ счастье Варвары Львовны и Виктора Ивановича—она объявляетъ о томъ, что ея дочь Лиза — невѣста Ивана Эдуардовича Зейма. Всѣ закричали „ура“ и стали чокаться...

Наканунѣ я написала вамъ, что жду отъ васъ отклика: до чего можно изолгаться! И весь обѣдъ вы — съ этой фразой—стояли передо мной. Вѣдь Софья Ивановна знаетъ всю правду о нашемъ супружескомъ счастьѣ, даже преувеличиваетъ многое! А Лиза? Три года держитъ она при себѣ этого Тарутина, а выходитъ за Зейма!

До чего можно изолгаться!

И я задыхалась отъ злобы и желанія крикнуть имъ это. Викторъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ мою руку и ласково сказалъ мнѣ:

— Можно привести сюда мальчиковъ? Пусть они поздравятъ Лизу.

Въ другой разъ онъ не спросилъ бы моего разрѣшенія, прямо велѣлъ бы лакею позвать дѣтей въ столовую, хотя и знаетъ, что я не люблю выводить дѣтей къ гостямъ. Здѣсь онъ, должно быть, понялъ, что дѣлается внутри меня, и рѣшилъ „перебить настроеніе“. Это ему удалось. Дѣти, въ своихъ бѣлыхъ матроскихъ костюмахъ, съ ихъ искренними улыбками — внесли сейчасъ же что-то веселое и умиротворяющее. Смѣхъ, поцѣлуи, шутки стали будто бы искреннѣе и проще... Дѣтскіе голоса заглушили и пошлость Софьи Ивановны, и глупость Зейма, и подлость Тарутина и Лизы.

Но когда послѣ обѣда увели дѣтей, всѣ перешли въ гостиную и началась обычная болтовня, а главное когда мужъ совершенно спокойно заявилъ, что, къ сожалѣнію, долженъ ѣхать на совѣщаніе, но черезъ часа два надѣется вернуться—я опять чуть не крикнула:

— До чего можно изолгаться!

На все это только „чуть“. Или всѣ мы слишкомъ благовоспитаны для искреннихъ порывовъ, или холопски трусливы? Я молчала и презирала себя за это молчанье.

Тарутинъ, болѣе оживленный, чѣмъ когда-либо, сталъ уговаривать ѣхать кататься съ горъ. Вы знаете, какъ я не люблю такихъ развлеченій, но тутъ я первая поддержала Тарутина. Хотѣлось двигаться, шумѣть, не слышать своей злобы.

— А какъ же безъ Виктора? — строго спросила Софья Ивановна.

— Можетъ быть, мы встрѣтимся съ нимъ, — сказала я и едва не прибавила:

„Онъ тамъ со своей дѣвицей кутитъ, вѣроятно!..“

Мы поѣхали въ трехъ тройкахъ. Я сѣла съ Лизой, Тарутинымъ и Зеймомъ. Какъ дурачила жениха Лиза, что говорилъ ему Тарутинъ — противно повторять. Я тосковала чуть не до слезъ. Мнѣ было холодно, а я, когда стали кататься съ горъ, еще сняла шубу и каталась въ одномъ платьѣ.

На другой день у меня было 39 градусовъ и я пролежала недѣлю. Мужъ заходилъ ко мнѣ, садился у постели и молчалъ, точно думалъ о чемъ-то и ждалъ... Я чувствовала, что онъ думаетъ о *той*, и мнѣ казалось, что онъ ждетъ моей смерти.

Когда онъ входилъ въ комнату и внимательно вглядывался въ меня—мнѣ чудилось, что онъ говоритъ:

— Когда же?

И я съ ужасомъ смотрѣла на градусникъ, показывавшій пониженіе температуры. Точно я была виновата передъ кѣмъ-то, что выздоравливаю.

Вчера я встала съ постели, Викторъ былъ искренно веселъ и я расцвѣла.

А вечеромъ онъ объявилъ мнѣ:

— Теперь я могу ѣхать за границу.

Слезы подкатились мнѣ къ горлу, замутили глаза, и я вышла изъ комнаты.

Нѣсколько дней тому назадъ Лиза, сидя у моей постели и передавая мнѣ всѣ новости, сказала мнѣ, точно желая меня утѣшить:

— А знаешь, у той... у Кучинской... туберкулезъ костей... Ее отправляютъ въ Ниццу!

Я поняла, почему Викторъ такъ торопился ѣхать, почему ему такъ тяжела была моя болѣзнь и почему онъ обрадовался моему выздоровленію...

Все это время я ждала письма отъ васъ. А вы замолкли. Отчего? Вы понимаете, какъ мнѣ тяжело, пусто... Напишите же мнѣ поскорѣе.

В. Ч.

XXVII.

26 февраля. Т. Горы.

Вы спрашиваете отчего я молчу? Неужели вы не знаете? Когда я вижу ваши страданія отъ любви къ этому человѣку—я долженъ или лгать, или молчать. Вѣдь говорить правду о мужѣ не полагается. Можно сказать правду про друга, про брата, даже про мать, — это называютъ безтактностью, но не осудятъ за это. Но правду о мужѣ назовутъ подлостью. И я молчу... А передъ глазами вы съ вашей подобострастной любовью... Вы—гордая, свободолюбивая и незави-

симая по натурѣ — раба человѣка, недостойнаго развязать ремень у вашего сапога... Для меня это невыносимо... Вотъ отчего я молчалъ... И вообще какъ-то было нехорошо: солнце свѣтитъ уже по весеннему, снѣгъ осѣлъ и поплотнѣлъ, въ воздухѣ чувствуется ликованіе возрожденія, а на сердцѣ— грусть и тяжесть. Работа не клеится; злюсь на себя, сижу цѣлыми часами за письменнымъ столомъ и смотрю на вашъ портретъ... Иногда злюсь и на васъ и говорю: слушаетъ ложь и не рѣшится закричать: вы лжете! Слушаетъ всякія гнусности и не имѣетъ смѣлости заявить: это подло... Нѣтъ! Если она живетъ съ ними и ихъ интересами, слушаетъ безъ протеста ихъ рѣчи, говоритъ ихъ языкомъ — значитъ смотритъ ихъ глазами!.. И не смѣетъ она осуждать ихъ...

Иногда я думаю: „Только бы она была счастлива! Пусть не видитъ правды, пусть любитъ и въ самой любви находитъ счастье. А я отойду въ сторону и буду доживать въ молчаніи“.

Все это время я думалъ такъ. Оттого и не писалъ, оттого и теперь не могу писать.

С. Р.

XXVIII.

Петербургъ. 5 марта.

Дѣти давно спятъ. Все тихо. Я одна. Страшно и безпросвѣтно темно на душѣ; мысль о смерти не отходитъ отъ меня. А я не хочу смерти, я боюсь ее. Я хочу жить и жить какъ можно полнѣе и дольше; хочу любви, хочу счастья, хочу всякихъ, всякихъ радостей своихъ и чужихъ, хочу видѣть осуществленіе моихъ замысловъ... А для этого нужно жить долго, долго.

Замѣтили вы, мой дорогой другъ, что чѣмъ больше тяжелаго было въ жизни, тѣмъ болѣе человѣкъ цѣпляется за жизнь. Такъ и я. Вы, конечно, подумаете, что̀ было у меня тяжелаго въ жизни. Много, очень много... Я не люблю говорить объ этомъ, но сегодня меня тянетъ бесѣдовать съ вами о себѣ... Очень ужъ тихо кругомъ и я одна... Хочется исповѣдаться, хочется каяться...

Прежде всего—у меня было грустное дѣтство и это всегда даетъ тотъ мрачный строй души, который васъ такъ удивлялъ во мнѣ. Основа моей души—грусть.

Разъ, по поводу моего портрета ребенкомъ, вы сказали:

— Какая вы тутъ жалкая.

Этотъ портретъ былъ сдѣланъ въ тотъ годъ, когда отецъ бросилъ насъ съ мамой! И какъ бросилъ! Привезъ насъ сюда изъ нашего Орловскаго имѣнія—гдѣ мы жили до тѣхъ поръ—

устроилъ намъ квартиру и объявилъ, что здѣсь начнется новая жизнь.

Мама радовалась, какъ ребенокъ. Послѣдніе годы для нея съ деревней было связано слишкомъ много тяжелыхъ впечатлѣній: постоянное отсутствіе отца, какіе-то слухи, что-то неясное и тревожное. Жизнь въ Петербургѣ показалась ей раемъ; она расцвѣла; устраивала новое жилье вмѣстѣ съ отцомъ, постоянно ѣздила куда-то съ нимъ, закупала, хлопотала. Меня сейчасъ же отдали въ гимназію, и я тоже была очень довольна. Мы собирались втроемъ къ обѣду и всѣ и все кругомъ сіяло: и новая посуда, и новая лампа, и мы всѣ были особенно сіяющіе.

Черезъ два мѣсяца отецъ объявилъ, что ему необходимо съѣздить въ имѣніе. Мы проводили его и зажили вдвоемъ... Сначала мы получали письма отъ него и мама мнѣ разсказывала о нихъ, потомъ она выдумывала, что получала ихъ, выдумывала всѣ тѣ нѣжныя слова, которыхъ я такъ нетерпѣливо ждала отъ папы. Я ничего не подозрѣвала и постоянно спрашивала:

— Когда же онъ пріѣдетъ?

Мать отвѣчала неопредѣленно. Но я, опять-таки, ни о чемъ не догадывалась.

И вотъ, когда разъ мама при мнѣ получила письмо отъ отца—я сразу узнала правду и не забуду этой минуты никогда.

Мать стала читать письмо, остановилась и начала перечитывать его снова и вслухъ:

„Мнѣ стало стыдно обманывать тебя, и я рѣшилъ сказать тебѣ всю правду...“

Она такъ зарыдала и такъ неистово-отчаянно повторяла это слово: „правду! правду!“ что я бросилась къ ней, стала цѣловать ее, успокоивать... Я не знала, что дѣлать, какъ утѣшить ее, и начала плакать вмѣстѣ съ нею и сразу поняла, что у меня больше нѣтъ отца. А мать, видя мое горе, видя сочувствіе ея горю, забыла, что я ребенокъ, и прочла мнѣ все письмо отца. Онъ каялся, что давно обманываетъ ее, что у него есть вторая семья и что теперь, когда опредѣлилось наше матеріальное положеніе—онъ, наконецъ, рѣшился сказать всю правду. Онъ писалъ, что продалъ имѣніе и поселился навсегда въ провинціи... Подробности письма, можетъ быть, ускользнули отъ меня, но я поняла главное: папа бросилъ насъ для другой жены, для другихъ дѣтей, и что то глубоко-оскорбительное налетѣло на меня.

Мы, бывало, плакали съ мамой цѣлыми вечерами, пока не засыпали вмѣстѣ съ ней на одной постели. Я считала мать уже не молодой, хотя ей было тогда тридцать два

года. У нея были средства и матеріально мы не бѣдствовали. За то нравственно—бѣдствовали ужасно. Однѣ, въ чужомъ городѣ, безъ родныхъ, безъ друзей, съ постояннымъ горемъ на сердцѣ. Были у насъ знакомые въ Петербургѣ, но мать избѣгала ихъ, не желая говорить объ отцѣ. Когда о немъ спрашивали, она спокойно отвѣчала, что онъ занятъ въ деревнѣ и что скоро пріѣдетъ. И я помню, какъ на вопросъ:

— А папа скоро въ Петербургъ?

Я отвѣчала:

— Ждемъ на дняхъ.

Я безъ уговору съ мамой лгала и, не запинаясь, отвѣчала на другіе вопросы: о здоровьи отца, объ его дѣлахъ.

Такъ прошло года два. Я была уже въ третьемъ классѣ, когда—помню—наша жизнь какъ-то измѣнилась, точно освѣтилась. Мама стала одѣваться наряднѣе, выѣзжала и принимала у себя, у насъ собиралась по вторникамъ, иногда пѣли, иногда играли въ карты. Объ отцѣ уже не спрашивали и не говорили; только въ гимназіи приходилось еще повторять ту же ложь.

Мы такъ сжились вдвоемъ съ матерью, что настроеніе одной—неизбѣжно передавалось и другой. И ея спокойствіе и веселость отразились и на мнѣ, и мнѣ стало спокойно и весело. У насъ завелись и друзья, и милѣе всѣхъ для меня былъ Иванъ Дмитріевичъ Евлашевъ. Когда онъ приходилъ къ намъ—сейчасъ же становилось спокойно. Всѣ заботы, всѣ неурядицы, всѣ житейскія треволненія улаживались имъ шутя и бодро. Когда мама бывала озабочена чѣмъ нибудь я говорила ей:

— Подожди, пріѣдетъ Иванъ Дмитріевичъ...

И мы ничего не рѣшали и не предпринимали безъ совѣта Ивана Дмитріевича. Онъ искалъ намъ дачу, перевозилъ насъ, пріѣзжалъ къ намъ изъ города, заваленный всякими покупками, доставалъ намъ книжки; зимой онъ каталъ насъ, возилъ въ театръ, рекомендовалъ портнихъ, объяснялся съ хозяиномъ дома, распекалъ швейцара... И баловалъ насъ съ мамой безъ конца.

Безъ него въ домѣ было тускло и, главное, страшно. Съ нимъ было намъ обѣимъ весело и покойно.

Такъ прошло опять года два; въ сущности—лучшіе годы моей жизни, потому что послѣ...

Я рѣшила писать вамъ все, поэтому напишу и то, что до сихъ поръ еще никогда не сказала словами никому, даже мужу. Мнѣ было лѣтъ пятнадцать... Я вернулась изъ гимназіи и—какъ всегда—прошла прямо къ мамѣ. Дверь въ ея комнату была отворена, и я, не желая слушать и даже не ожидая никого встрѣтить, вдругъ услыхала:

— Пожалуйста, Маня, безъ нравоученій! Ты знаешь, какъ я не люблю ихъ.

Изъ двери выбѣжалъ Иванъ Дмитріевичъ, красный, раздраженный, не поздоровался со мной и уѣхалъ.

Мама удивилась мнѣ, но спокойно, какъ всегда, поцѣловала меня и стала разспрашивать объ урокахъ. А я вошла къ ней, точно ошпаренная; я очнуться не могла отъ слышанныхъ словъ и языкъ не повиновался мнѣ. Мать приставала ко мнѣ съ шутками и совершенно спокойно сказала:

— Вѣроятно, ты получила двойку...

— Почему?

— Ты сама не своя...

Я ушла къ себѣ и разрыдалась. Моя святая мама, страдалица, такая чистая и недосягаемая, и этотъ красный, толстый Иванъ Дмитріевичъ!.. Какъ онъ кричалъ! И эти слова: „Маня", „ты"—жгли меня какъ огнемъ, я переворачивала ихъ на всѣ лады, чтобы дать имъ какое-нибудь объясненіе и оправданіе.

Маня—имя мамы, такъ звалъ ее отецъ; значитъ Иванъ Дмитріевичъ...

„Ты!" Этого не могло быть... Развѣ послѣ этого мама могла бы такъ спокойно говорить и шутить со мной.

Я убѣждала себя, что мнѣ показалось все это и что я не слыхала ничего, но вдругъ въ ушахъ ясно раздавался хриплый отъ волненія голосъ Ивана Дмитріевича, и меня опять всю обдавало жаромъ и я опять начинала рыдать отъ отчаянія.

Я не могу вамъ опредѣлить, что собственно пережила я въ эти нѣсколько часовъ, но когда, во время обѣда, пріѣхалъ Иванъ Дмитріевичъ—мнѣ хотѣлось броситься и задушить его. А когда мама, между прочимъ, весело сказала:

— Знаете, Иванъ Дмитріевичъ, я пожалѣла сегодня, что вы не актеръ... Какъ вы талантливо представили эту сцену съ Маней... Прекрасно...

Я уже не вѣрила ей. Мало того: я увидала, какъ она умѣетъ безсовѣстно лгать!

Съ этихъ поръ въ нашей жизни точно треснуло что-то. Все повидимому осталось, какъ прежде, а всѣ чувствовали трещину. Когда приходилъ Иванъ Дмитріевичъ—я шла къ себѣ заниматься, или уходила къ подругамъ. У меня началась своя жизнь и это меня мучило. А главное мучило, что я не могла быть искренней съ матерью и не вѣрила ни одному ея слову. Даже если она говорила правду—я старалась найти въ ней ложь. Когда она уѣзжала и говорила мнѣ, что ѣдетъ къ знакомой—я думала: „опять лжетъ! Она ѣдетъ къ Ивану Дмитріевичу".

Мать старалась баловать меня, дѣлала подарки, одѣвала почти богато. И чѣмъ дороже былъ подарокъ, чѣмъ нарядднѣе платье—тѣмъ тяжелѣе было мнѣ. Я подозрѣвала, что за нихъ платитъ Иванъ Дмитріевичъ, и это страшно раздражало меня противъ матери, хотя я любила ее больше всѣхъ и всего въ мірѣ. Я просто возненавидѣла Ивана Дмитріевича, наша жизнь стала адомъ. Мама все время нервничала, и Ивану Дмитріевичу стало скучно съ ней, явилась раздражительность и требовательность—какъ неизбѣжно бываетъ при долголѣтнихъ близкихъ отношеніяхъ. Мать тяготилась этимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ держалась за него обѣими руками.

Я окончила гимназію и не знала куда дѣться отъ лжи, ничего недѣланія и тоски. Мать предложила мнѣ поступить въ рисовальную школу, и я съ радостью ухватилась за это. Въ гимназіи у меня находили способности къ рисованію, но, въ сущности, ихъ не было: каждый, учившійся рисовать, можетъ рисовать такъ, какъ рисовала тогда я. Но мнѣ было такъ тяжело дома, меня такъ тяготили нервная любовь мамы, ея ежеминутныя заботы обо мнѣ, ея приставанья, какъ къ маленькой, и баловство, что я съ радостью ухватилась за мысль о школѣ.

Скоро жизнь въ воображеніи такъ захватила меня, что я съ горемъ возвращалась къ реальной жизни. Увлеченіе искусствомъ, тѣмъ искусствомъ, за которое вы называете меня тайной декаденткой,—сдѣлало для меня правду жизни—мѣщанской, некрасивой, пошлой. И, напримѣръ, правда передвижниковъ съ ихъ горемъ и русской неприглядной дѣйствительностью—выгорѣлая деревня, грязныя, рахитическія дѣти, бродяги и арестанты—стала пугать и раздражать меня. Я не хотѣла знать ее, не хотѣла видѣть ее... зачѣмъ? Я распространила дальше эту боязнь правды, и все что украшаетъ жизнь, скучную и бѣдную жизнь человѣческую—стало мило мнѣ. А одно изъ такихъ украшеній—несомнѣнно ложь. Только, благодаря ей, и можно еще существовать на свѣтѣ, только она одна и спасаетъ еще отъ ужаса жизни.

Къ матери я стала относиться спокойнѣе и добрѣе, я поняла, что она никому не мѣшала своей жизнью во лжи. И я не имѣла никакого права уличать ее. Правда—геройство совсѣмъ непримѣнимое и даже смѣшное въ нашей сѣренькой жизни. Она—врагъ общежитія, врагъ мира въ семьѣ, врагъ всего, за что мы всѣ такъ держимся.

Теперь, когда мнѣ приходится серьезно думать о воспитаніи старшаго сына—я постоянно наталкиваюсь на этотъ вопросъ.

Но я ушла въ сторону. Мнѣ хочется говорить вамъ о себѣ,

о моей жизни. Я въ такомъ покаянномъ настроеніи, точно передъ смертью...

Три года въ школѣ, три года увлеченія искусствомъ прошли бойко и ярко... У меня былъ свой кружокъ и мы исповѣдовали, кажется, искренно, что искусство должно заставлять забывать жизнь... Мы читали, переводили англійскія книги, и я дѣйствительно не замѣчала жизни. Были рядомъ увлеченія: и я увлекалась, и мной увлекались, но все это въ предѣлахъ ухаживанія за приличной барышней.

Въ это время Иванъ Дмитріевичъ переѣхалъ въ Москву и мама осталась одинокой. Но я не жалѣла ее и бросала по прежнему, бросала для школы, для чтенія, для театра... А когда Викторъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе—я, ни минуты не задумываясь, оставила мать навсегда. А вѣдь я любила ее, а къ жениху относилась почти равнодушно.

Да, провѣряя себя теперь, я вижу, что тогда во мнѣ не было любви къ Виктору. Онъ мнѣ нравился, мнѣ было съ нимъ весело и я была очень рада, когда онъ сказалъ мнѣ, что любитъ меня. Рада, но не счастлива!

Мы познакомились съ нимъ у однихъ знакомыхъ, куда оба были приглашены обѣдать. Насъ случайно посадили рядомъ, мы сразу начали болтать весело и непринужденно и уже не разставались ни на минуту, ни въ этотъ вечеръ, ни въ послѣдующіе. Это было на Рождество, а въ февралѣ мы обвѣнчались.

Викторъ говорилъ, что влюбился въ меня сейчасъ же, какъ увидѣлъ, и уже за обѣдомъ рѣшилъ, что я буду его женой. Я ничего не рѣшала, но думаю, что полюбила его гораздо позже, за то и прочнѣе.

Первый годъ супружества прошелъ для меня очень однообразно и скучно. Пришлось много думать о житейскомъ, а я не привыкла къ этому, и въ душѣ считала себя выше всѣхъ жизненныхъ мелочей. Мужъ, насколько могъ, избавлялъ меня отъ нихъ. Онъ былъ заботливъ, предупредителенъ и необыкновенно внимателенъ. Викторъ изъ тѣхъ мужчинъ, которые, любя, не видятъ никого и ничего, кромѣ своей любимой. Обыкновенно это продолжается недолго. Недолго было и у Виктора; но первые полтора года нашего брака онъ не отходилъ отъ меня ни на шагъ, не спускалъ съ меня глазъ и ловилъ всѣ мои желанія. Сначала это раздражало меня, потомъ я привыкла и когда я потеряла это—я увидала, что́ я потеряла. Я, сама того не замѣчая, такъ привязалась къ мужу, что все остальное—и мать, и увлеченіе искусствомъ, и вся моя прошлая жизнь—казались мнѣ „такъ“, между прочимъ, ожиданіемъ чего-то главнаго и единственнаго. У Виктора начались какія-то дѣла, онъ сталъ часто уѣзжать изъ

дому, и я тосковала и въ тоскѣ находила радость любви. Теперь все, все было окрашено этой любовью и жизнь вдругъ приняла новый смыслъ, глубокій и вмѣстѣ съ тѣмъ простой и ясный. Всѣ сомнѣнія, исканія, увлеченія казались нелѣпыми и ненужными. Нужно жить! Вотъ одно, что я знала. А жить — значитъ любить и быть любимой... Я долго вѣрила, что любима. Но за то, когда мнѣ постарались открыть глаза, я чуть съума не сошла. И я еще разъ прокляла правду! До этого мужъ могъ мнѣ говорить все, что ему было угодно, и я вѣрила и была счастлива этой вѣрой... А теперь...

И я отъ ревности, отъ неистовой злобы, кипѣвшей въ душѣ—сдѣлала гадость, ужасную гадость...

Помните, разъ мы сидѣли съ вами вдвоемъ; вы мнѣ говорили о вашей любви, говорили, что любите во мнѣ ясность глазъ, ясность совѣсти, сказали, что я вселяю вамъ полное довѣріе.

— Послѣ той лживости, на какую натолкнулся я въ жизни, сказали вы, для меня отрада встрѣтить такого чистаго человѣка, какъ вы.

Я хотѣла перемѣнить разговоръ и полушутя сказала вамъ:

— Вы меня не знаете... Я лгу и обманываю, какъ всѣ. Только дѣлаю это поискуснѣе, чѣмъ другіе.

Вы поблѣднѣли и замолчали. Потомъ мы заговорили, но уже не обо мнѣ. А уходя вы спросили мена серьезно и просто:

— Вы никогда не измѣняли мужу?

Я возмутилась этимъ вопросомъ и отвѣтила вамъ очень рѣзко. Вы стали просить у меня прощенія, что позволили себѣ такой вопросъ.

— Во всѣхъ насъ сидитъ пошлость... Намъ не понять такой чистоты...

Я молчала.

Я безсовѣстно солгала вамъ тогда.

В. Ч.

XXIX.

Турьи Горы, 8 марта.

Ради Бога докончите ваше письмо. Никакая правда не можетъ быть ужаснѣе подозрѣній и сомнѣній.

С. Р.

XXX.

Петербургъ, 13 марта.

Дорогой Сергѣй Ильичъ!

Послѣднее мое письмо я писала совсѣмъ ненормальная.

Мужъ уѣхалъ въ Вѣну, а телеграфировалъ мнѣ изъ Ниццы, что дѣла случайно закинули его на Ривьеру. Я знаю, что значаетъ это „случайно", знаю, что Кучинскую отправили въ Ниццу, и вы поймете, что дѣлается во мнѣ. Я не спала нѣсколько ночей и въ одну такую ночь написала вамъ... Кажется, я наговорила вамъ много лишняго про маму, про мою бѣдную, покойную маму. И про себя я наговорила глупостей и никогда не прощу себѣ этого. Я была въ такомъ настроеніи, въ какомъ, вѣроятно, бываютъ, когда сводятъ счеты съ жизнью,—хотѣлось всю душу вынуть, всѣ свои раны показать... Такую исповѣдь—можно написать, но посылать ее не нужно. Я послала и теперь, когда отчаяніе умолкло, когда я опять въ маскѣ честной и счастливой жены—я простить себѣ не могу, зачѣмъ послала вамъ то письмо. Вычеркните его изъ вашей памяти, какъ будто его не было, и давайте переписываться попрежнему. Про себя, т. е. про душу свою, про прошлое, про раны—говорить не буду. Лгать вамъ—я не хочу, а говорить правду не могу, не умѣю...

Одна мысль, что я могу потерять такого хорошаго друга, какъ вы, приводитъ меня въ отчаяніе...

14 марта.

У меня нездоровы дѣти: корь.

Болѣзнь не опасная, говорятъ, необходимая, но очень тяжелая и скучная: я отрѣзана отъ всѣхъ знакомыхъ. И театры для меня закрыты: я не считаю себя въ правѣ разносить заразныя болѣзни. И я сижу въ темной комнатѣ у кроватокъ Васи и Вовы съ моими безконечными думами, съ моей одинокой тоской. Одинокой! Говорятъ—если есть дѣти, то женщина не одинока. Но развѣ дѣти когда-нибудь поймутъ мать? А заботы о нихъ? говорятъ уравновѣшенные люди, заботы наполняютъ жизнь и дѣлаютъ ее осмысленной. Какія заботы? Если быть добросовѣстной матерью—значитъ вставать въ семь часовъ утра, сидѣть на корточкахъ, одѣвая дѣтей, ни на минуту не отходить отъ нихъ, говорить съ ними о томъ, что ихъ интересуетъ, и тѣмъ языкомъ, который имъ понятенъ, забыть совсѣмъ себя, свои думы, свою усталость, свои боли. Кто изъ насъ способенъ на это? Я—каюсь—не способна. Вы знаете, какъ я обожаю моихъ мальчиковъ. Но я не кормила ихъ (я была долго больна послѣ обоихъ) и ни одного дня не была ихъ нянькой. Я не могу играть съ ними цѣлый день, не могу сторожить ихъ сонъ весь вечеръ и всю ночь. Если я поиграю съ дѣтьми часъ-два—я совершенно разбита, ложусь и отдыхаю нѣсколько часовъ. Иногда мысль идетъ куда-нибудь отъ того, что я разсказываю имъ, и Вася дергаетъ меня за рукавъ и говоритъ.

— Мама! Проснись.

Няня прекрасно ухаживаетъ за ними, занимаетъ ихъ, а они привязаны ко мнѣ не меньше, чѣмъ къ ней. Я счастлива этимъ и люблю ихъ безконечно...

И всетаки пусто и одиноко... А я боюсь одиночества хуже всего на свѣтѣ... Я должна постоянно заботиться о комъ-нибудь, дѣлать что-нибудь, бороться, добиваться...

Я вспоминаю ваши слова:

— Вы такъ набиваете вашъ день всякими хлопотами, заботами и волненіями о чужихъ дѣлахъ, точно хотите бѣжать отъ себя, отъ своей души, отъ своего я.

Мнѣ не понравилось тогда, что вы сказали. Мнѣ хотѣлось именно отъ васъ поддержки мнѣ, моему дѣлу, моему искреннему желанію не прожить жизнь даромъ, безъ пользы, безъ радости людямъ... Я никогда не забуду, какъ сказала мнѣ одна больная баба:

— Такъ и живемъ мы всѣ безъ послѣдствій...

Въ этихъ смѣшныхъ словахъ — глубокій и мрачный смыслъ...

Вы не разъ повторяли мнѣ:

— Всѣ эти дѣла и засѣданія, и хлопоты нужны вамъ, какъ пьяницѣ водка. Вамъ необходимо забыть себя, уйдти отъ себя и вы набиваете себѣ голову чужими мыслями и чужими словами, чтобы не слыхать своихъ собственныхъ...

Неужели вы правы? Неужели я, чтобы убѣжать отъ своей совѣсти, отъ своего сердца, наполняю жизнь выдуманными обязанностями? Неужели и тутъ когда-нибудь правда встанетъ передо мной и отниметъ отъ меня послѣднее утѣшеніе,—что я живу не даромъ? Неужели?

В. Ч.

PS. Пожалуйста, разорвите и забудьте то мое письмо, гдѣ я писала про мать. Я не имѣла права такъ говорить о ней. Она умерла и унесла съ собою и свой грѣхъ, и свою отвѣтственность.

XXXI.

Петербургъ, 25 марта.

Сергѣй Ильичъ!

Почему вы молчите? Меня мучитъ мысль, что вы больны. Пожалуйста, напишите, что это не такъ.

Пишите мнѣ про себя, про Егорушку, про Власьевну, все, все. Вы вѣдь знаете, что все васъ касающееся близко мнѣ.

Мужъ обѣщалъ вернуться къ двадцатому, но до сихъ поръ его нѣтъ. Послѣднее письмо его было такое мрачное, такъ полно безпомощности и горя, что я не выдержала, послала за племянницей Лизой. Она все знаетъ, много слы

пить и имѣетъ какихъ-то общихъ знакомыхъ съ Кучинской. Я забыла свое самолюбіе и поручила ей узнать, какъ идетъ выздоровленіе этой особы. Вчера я получила отъ нея записку, что m-lle Кучинская безнадежна и едва ли вернется въ Россію.

Неужели и онъ останется за границей? Неужели онъ броситъ меня съ дѣтьми?

Замѣчали вы, что иногда въ семьяхъ повторяются драмы: то, что пережили родители — переживаютъ и дѣти. Можетъ быть, это и не въ однѣхъ драмахъ, а и въ счастьѣ. Но такъ какъ „всѣ счастливыя семьи похожи другъ на друга, а каждая несчастливая семья несчастлива по своему“ — то драмы замѣтнѣе.

Неужели меня ждетъ участь моей матери? Неужели Викторъ не вернется ко мнѣ?

Сергѣй Ильичъ, пишите мнѣ. Я такъ одинока, такъ несчастна.

В. Ч.

XXXII.

Т. Горы, 28 марта.

„Я безсовѣстно солгала вамъ тогда“.

Варвара Львовна! Разъясните мнѣ эту фразу. Я жить не могу, пока не узнаю правду. Я чувствую, что вы клевещете на себя, а мнѣ, чтобы существовать, необходимо, чтобы была на небѣ звѣзда, одна, ясная, свѣтлая и чтобы я могъ съ ней плакать и смѣяться. И вдругъ этой звѣзды нѣтъ, спряталась она куда-то за тучу, и я не живу вотъ уже двѣ недѣли.

Напишите же мнѣ все искренно; ничто не можетъ васъ измѣнить въ моихъ глазахъ, ничто. Да и не могли вы ничего сдѣлать дурного. Только будьте вы со мной правдивы и искренни, какъ я съ вами.

Пока не получу отъ васъ отвѣта — не могу писать вамъ ни о себѣ, ни о чемъ.

С. Р.

XXXIII.

Петербургъ, 1 апрѣля.

Сегодня день лжи и я могла бы солгать вамъ на законномъ основаніи; но я не хочу лгать. Довольно я лгала передъ вами!

Когда вы прямо и довѣрчиво спросили меня: измѣняла ли я мужу? — я солгала вамъ. Помните: мы сидѣли весь вечеръ вдвоемъ, говорили о дружбѣ, о счастьи... Вы сказали о вашей вѣрѣ въ меня... И у меня какъ-то сами собой вырвались тѣ слова, что я лгу, какъ всѣ. Но когда мнѣ

пришлось прямо отвѣчать вамъ на вашъ вопросъ — правда была уже страшна мнѣ, и я солгала...

Да. Я измѣнила мужу. Измѣнила безъ любви, безъ радости, безъ одной секунды счастья... Я лгала мужу, лгала тому человѣку, лгала самой себѣ...

Это было черезъ три года послѣ нашей свадьбы... Я узнала, что мужъ измѣняетъ мнѣ... и рѣшила умереть... Для меня уже ничего не существовало въ жизни; ничего, кромѣ обиды и горя... У мужа былъ другъ, нѣкто М.; онъ зналъ всѣ подробности его „романа", и я заставляла его передавать мнѣ ихъ и испытывала какое-то мучительное удовлетвореніе, что этотъ другъ — предатель... Я не знаю, почему онъ привязался ко мнѣ, не понимаю, какъ онъ полюбилъ меня... Насъ связало что-то тайное и злобное, и когда разъ—послѣ одного его разсказа, я всю душу вынула передъ нимъ и заговорила о смерти—онъ сказалъ мнѣ о свой любви и о рѣшеніи умереть вмѣстѣ со мной. Но мы не умерли...

И пошла ложь ежеминутная, въ мельчайшихъ подробностяхъ фальшивой любви... Что́ это была за мука — мнѣ не выразить вамъ! Сплошная мука, сплошная ложь...

Когда мужъ сказалъ мнѣ при М., что не можетъ больше оставаться въ Петербургѣ, что для него онъ сталъ невыносимъ и что проситъ меня поѣхать съ нимъ за границу — я заплакала отъ радости... Черезъ недѣлю мы уѣхали, а еще черезъ недѣлю узнали о смерти М. Онъ застрѣлился черезъ нѣсколько дней послѣ нашего отъѣзда и никто не знаетъ причины его самоубійства. Викторъ, когда прочелъ о смерти М., заплакалъ... А я... Я и тутъ не выдала себя, какъ ни разу не выдала себя вамъ... Когда вы говорили мнѣ о моей правдивости, о чистотѣ, о вашей вѣрѣ въ меня—правда боролась во мнѣ съ ложью до страданія, и всегда побѣждала ложь... Теперь я не хочу и не могу больше лгать. Дѣлайте съ этой правдой, что хотите, но знайте, что никто никогда не слыхалъ ее отъ меня и не услышитъ этого признанія. Я дѣлаю вамъ его, чтобы заплатить какой-то долгъ.

В. Ч.

XXXIV.

Петербургъ, 2 мая.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я послала вамъ мое безразсудное письмо...

Я измѣнила себѣ, измѣнила лжи, той спасительной лжи при которой только и возможно существовать на свѣтѣ. И что же изъ этого вышло? Потеря самого дорогого мнѣ друг

Почему вы не пишите мнѣ? Почему? Изъ приличія—не отвѣчайте, а только если потянетъ написать.

В. Ч.

XXXV.

Петербургъ, 10 мая.

Сергѣй Ильичъ!

Вы какъ ребенокъ,—захотѣли узнать что внутри у любимой игрушки, разломали ее, посмотрѣли и бросили...

Мнѣ только хотѣлось бы знать: засмѣялись вы надъ обломками, разсердились, или заплакали?

В. Ч.

XXXVI.

Т. Горы, 15 мая.

Дорогая Варвара Львовна!

Вы должны, вы можете простить меня за долгое молчанье... Сердиться на васъ—я не имѣлъ права, а плакать... Не плакалось какъ-то!.. Было внутри что-то очень сложное и мучительное. Конечно, не разъ хотѣлось высказать вамъ это, но на бумагѣ выходило жестко, нелѣпо, зло.

Мнѣ нечего говорить, легко-ли мнѣ досталось ваше „безразсудное“ письмо. Я метался, бросался отъ одного рѣшенія къ другому и ничего не могъ сдѣлать съ собой, чтобы забыть, не думать. Вѣдь докучныя мысли, какъ осы: чѣмъ больше гонишь ихъ, тѣмъ настойчивѣе онѣ жужжатъ около и не даютъ ни во что уйдти, ни чѣмъ заняться, пока не улетятъ. А улетятъ—когда сами захотятъ...

Наконецъ, я рѣшилъ, что надо взять себя въ руки, и уѣхалъ на Волгу. Это мнѣ всегда помогало въ пріисканіи душевнаго равновѣсія. Я поѣхалъ совершенно разбитый. Волга, съ ея однообразной красотой, принесла мнѣ если не успокоеніе, то примиреніе... Вчера я вернулся домой и нашелъ ваши два письмеца.

И опять не перестаю думать о васъ...

16 мая.

Не могъ вамъ писать вчера. Бросилъ перо; пошелъ бродить...

Кругомъ все живетъ и громко кричитъ о своей жизни: птицы, жуки, трава, листья, розовато-бѣлый цвѣтъ яблонь, разлившаяся рѣка, яркое небо — все ликуетъ и властно заявляетъ о своемъ ликованіи, никого не боясь, ни съ чѣмъ не считаясь...

Опять дорожка въ саду меня привела на кладбище, къ

нашимъ могиламъ. Видно, что Власьевна позаботилась о нихъ: плиты расчищены, скамейка починена, кругомъ насажены анютины глазки и маргаритки. Цвѣты на могилахъ производятъ всегда впечатлѣніе примиряющее и радующее. Могила сестры Лели разлѣзлась и дернъ на ней разъѣхался. Власьевна засадила ее густо цвѣтами, и она точно ожила. Я сорвалъ пучекъ анютиныхъ глазокъ и задумался и опять мнѣ вспомнился мой любимый поэтъ:

. . . . . „Живи
Покуда кровь играетъ въ жилахъ,
А станешь стариться, нарви
Цвѣтовъ, растущихъ на могилахъ,
И ими сердце обнови...“

Обновить сердце? Возможно-ли это?

Я сѣлъ около моихъ покойниковъ, одинокій, еще болѣе одинокій, чѣмъ тогда, зимой, когда написалъ вамъ и вы мнѣ отвѣтили полунасмѣшкой надъ моимъ затишьемъ. И только теперь мнѣ стало ясно, какъ я былъ тогда тоже захваченъ ложью... Да, ложью, своей собственной ложью; вѣдь я въ Петербургѣ тоже все время лгалъ, лгалъ словами, поступками, всей своей жизнью лгалъ. А какъ я лгалъ постоянно на вашихъ глазахъ: подавалъ руку вашему мужу, котораго не уважалъ, говорилъ совсѣмъ не то и не такъ, какъ хотѣлъ, какъ долженъ былъ говорить... А какъ терпѣлъ ложь! И все это я сразу почувствовалъ послѣ вашего письма здѣсь, среди могилъ. Онѣ не лгутъ. Вы скажете: „онѣ молчатъ“. Да, но въ этомъ молчаніи великая тайна и правда. И онѣ обязываютъ не лгать. Я помню, вы пріѣхали съ похоронъ какой-то молодой дѣвушки и были поражены, что въ первый разъ увидали ея отца. Вы знали его давно, но знали сановника съ очень опредѣленной манерой говорить, шутить и всегда сохранять извѣстный тонъ старшаго къ младшимъ.

Тутъ вы увидали въ первый разъ, какъ онъ плакалъ, жалобно всхлипывая, какъ ребенокъ.

Я помню, какъ вы тогда говорили:

— Я въ первый разъ увидала его безъ маски...

Здѣсь, среди могилъ, тоже не до масокъ. Всякое притворство кажется тутъ жалкимъ и мелкимъ... Всякая ложь здѣсь кажется преступной...

С. Р.

Что ваши дѣти? Здоровы-ли? Вы совсѣмъ умолкли о нихъ.

XXXVII.

Петербургъ, 20 мая.

Разспросы о дѣтяхъ—вѣрный признакъ, что любви нѣтъ. Влюбленный человѣкъ ненавидитъ дѣтей мужа.

Но я не хочу говорить въ этомъ тонѣ. Вѣдь я искренно желала, чтобы вы разлюбили меня. И добилась этого. Мнѣ только страшно: неужели я потеряла и друга? Неужели? Вы знаете, какъ я одинока и какъ дорожу вашей дружбой... И вы не отнимете ее отъ меня...

Мужъ вернулся изъ-за границы три недѣли тому назадъ, но мысли его тамъ, у постели его больной. Онъ мрачный, грустный и чужой... И это невыносимо-тяжко.

Мы переѣхали на дачу, но я каждый день ѣзжу въ городъ для моей школы. Я рѣшила устроить при ней общежитіе, а это надо организовать лѣтомъ, работы предстоитъ много, работы маленькой, невидной, но очень утомительной и суетливой... Опять некогда задумываться, некогда заглядывать въ ту черную пропасть, которая ждетъ всѣхъ насъ.

Вашъ вопросъ о моихъ ребятишкахъ вызвалъ у меня шутку, но я всетаки съ удовольствіемъ отвѣчу вамъ, что и Вася, и Вова очень поправились послѣ кори, только Вова сталъ еще своенравнѣе прежняго: говоритъ „хочу и буду!“ и не признаетъ никого, кромѣ меня. Вася — молодецъ, здоровый, бойкій мальчишка, велосипедистъ и страстный игрокъ въ lawn-tennis. Онъ цѣлые дни проводитъ на кругу „дѣтскихъ развлеченій“, и я почти не вижу его. Докторъ говоритъ, что всѣ эти игры укрѣпляютъ и развиваютъ физически, и я довольна. Только были бы здоровы,—вотъ пока мое единственное желаніе относительно дѣтей.

Но почему вы вдругъ спросили о нихъ?

В. Ч.

P. S. А что Егорушка? Какъ поправился послѣ тифа?

XXXVIII.

Турьи Горы, 27 мая.

Дорогая Варвара Львовна!

Я спросилъ о дѣтяхъ потому, что не могу отдѣлить васъ отъ нихъ. Мнѣ хотѣлось знать все о васъ,—естественно, что я вспомнилъ и о Васѣ, и о Вовѣ. Я не знаю, отчего это удивило васъ? Неужели я никогда о нихъ не спрашивалъ?

Мой бѣдный Егорушка плохо поправился. У него сдѣлалось осложненіе, и онъ до сихъ поръ не совсѣмъ окрѣпъ.

Худъ онъ и блѣденъ такъ, что больно и страшно смотрѣть. Мы съ Власьевной питаемъ его всѣми средствами, она ухаживаетъ за нимъ, какъ за своимъ ребенкомъ, и я не хочу и думать, что мы не выходимъ его. Я оставилъ его въ домѣ, въ моихъ комнатахъ, а самъ окончательно поселился въ половинѣ бабушки. Кругомъ все то, къ чему я привыкъ съ дѣтства: пузатые шифоньеры краснаго дерева, низкія кресла съ корытообразными спинками, старинные портреты съ громадными глазами и маленькими ртами... Мнѣ очень хорошо работается за высокимъ бюро краснаго дерева съ точеной рѣшеточкой кругомъ верхней доски. Здѣсь я еще дальше отъ всего міра, чѣмъ тамъ, въ кабинетѣ отца, здѣсь—кажется, я могу совершенно уйдти отъ всякой суеты и толчеи; здѣсь я понялъ тѣхъ схимниковъ и отшельниковъ, которые находили смыслъ жизни въ тиши и одиночествѣ. Но вчера...

Вотъ что было вчера. Я открылъ покатую крышку бюро, чтобы положить туда написанные мною листы, и увидалъ, что весь ящикъ заполненъ какими-то записками и письмами. Онѣ брошены туда грудой, спѣшно, какъ никому не нужныя, не дорогія. Мнѣ хотѣлось хоть немного привести ихъ въ порядокъ и я увидалъ, что это листки какихъ-то расшитыхъ тетрадей, отдѣльныя замѣтки и случайныя записи... Почеркъ бабушки... Я смутился и захлопнулъ крышку, но одна „замѣтка“, какъ написано на верху листа,—запала мнѣ въ голову.

„Жизнь для жизни намъ дана“ онъ говоритъ. А посмотрѣть въ окно: дерева стоятъ безъ листьевъ, словно вкопаныя, холодная земля покрыта мертвою листвою и ждетъ чего-то. Чего? Скучно!..“

Нѣтъ ни числа, ни года, но, судя по желтому цвѣту бумаги и блѣдности чернилъ, это написано очень давно... И почеркъ твердый и ясный, какого я уже не помню у бабушки.

Я взглянулъ надъ собой. Надъ самымъ бюро виситъ тотъ портретъ, о которомъ я какъ-то писалъ, что онъ напоминаетъ мнѣ васъ. Тоненькая женщина лѣтъ восемнадцати, очень декольтированная, съ поясомъ подъ пышной бѣлой грудью, съ блестящими черными волосами, зачесанными на уши и собранными на макушкѣ въ видѣ петли, смотрѣла на меня своими широко-раскрытыми глазами и точно спрашивала о чемъ-то... Ротъ, съ полными яркими губами, полуоткрытъ и если смотрѣть долго — точно чуть-чуть улыбается. Я смотрѣлъ и не могъ оторваться... И она, какъ вы, жила, волновалась, ждала и... дождалась... Очевидно, и ее мучило вѣчное: „жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана“? Я смотрѣлъ на ея гладкій бѣлый лобъ, точно такой, какъ у васъ, и мнѣ пришло въ голову: „Зналъ ли кто-нибудь, что кипѣло подъ нимъ, когда

она думала одно, а говорила другое?“ Навѣрное, и она не всегда была правдива... Я смотрѣлъ на ея глаза и почему-то мнѣ читалась въ нихъ ложь...

И я вспомнилъ бабушку—такою, какой я зналъ ее: маленькой старушкой, въ бѣломъ чепцѣ на желтовато-сѣдыхъ волосахъ; мягкій носъ нависъ надъ губами, сморщенными и синеватыми; тусклые глаза въ морщинистыхъ вѣкахъ смотрятъ устало и скорбно.

Что общаго между этой красавицей и сгорбленнымъ существомъ, ворчащимъ и озабоченнымъ всякими житейскими заботами? Она до самого конца дней своихъ была очень бодра и постоянно волновалась... Ея дрожащій голосъ хрипѣлъ то въ дѣвичьей, то на крыльцѣ, куда она призывала на расправу провинившихся, то у себя въ комнатѣ. Мы—маленькіе — привыкли къ ея „разносамъ“, и намъ казалось, что иначе и нельзя. Это — бабушка. Она должна волноваться, если опоздали посолить огурцы и они „пожолкли“, какъ она говорила, должна руководить рубкой капусты и кричать на насъ, если мы таскаемъ „кочерыжки“, должна быть недовольной всѣми, а насъ, дѣтей, баловать и кормить какими-то смоквами и домашними пастилами. На то она бабушка. И мнѣ, кажется, никогда не приходило въ голову, что у нея могла быть иная жизнь, что ее могли волновать иныя чувства.

Позже я зналъ, что ее еще волнуетъ политика, и то больше внѣшняя. Война была для нея занимательнѣе всего на свѣтѣ. Она выросла на разсказахъ о „французѣ“; въ имѣніи ея отца показывали погребъ, гдѣ заморозили троихъ плѣнныхъ, показывали мѣсто, гдѣ французскіе солдаты, переходя рѣку, проваливались въ проруби, выскакивали и замерзали. Бабушка разсказывала все это съ мельчайшими подробностями и вѣрила, что сама это видѣла: такъ въ ея дѣтскомъ мозгу ярко запечатлѣлись эти разсказы.

Затѣмъ она вышла замужъ за военнаго. Во время „Севастополя“ она была уже вдовой, но братъ ея мужа, тотъ, что похороненъ рядомъ съ ней, былъ раненъ въ этой войнѣ и умеръ здѣсь, въ имѣніи, на рукахъ бабушки. Она любила разсказывать не про него, а про ополченіе, и мы, дѣти, привыкли понимать, что ополченецъ—герой, потому что дѣдъ Сергѣй былъ ополченецъ и умеръ за родину. Мы выпросили у бабушки его шапку ополченца — съ мѣднымъ георгіевскимъ крестомъ на околышѣ и съ подобострастнымъ уваженіемъ держали ее у себя въ дѣтской. Потомъ стали, играя, надѣвать ее, а послѣ, черезъ много лѣтъ, я видѣлъ ее на нашемъ подпаскѣ...

Во время франко-прусской войны бабушка не выпускала

газеты изъ рукъ и прочитывала о войнѣ „отъ доски до доски“. Она перепутывала имена, долго думала, что Седанъ французскій полководецъ, и волновалась „за Седана“, ненавидѣла нѣмцевъ и при малѣйшей ихъ неудачѣ радовалась, какъ ребенокъ. Читала она газеты всегда громкимъ шопотомъ, и мы съ Лелей старались ловить движенія ея губъ и слѣдить за ея лицомъ, какъ оно то расплывалось въ улыбку, то дѣлалось грустнымъ и сумрачнымъ. По этимъ признакамъ мы узнавали политическія новости,—на чьей сторонѣ побѣда, и вмѣстѣ съ бабушкой были всецѣло за французовъ.

Въ этотъ же годъ меня увезли изъ Турьихъ Горъ и отдали въ гимназію; я видалъ бабушку только на каникулахъ. Она продолжала баловать меня, какъ ребенка, но ее смущали мои демократическіе взгляды, и она постоянно спорила со мной, хотя—какъ мнѣ было извѣстно—она задолго до освобожденія отпустила своихъ крестьянъ на оброкъ. Когда я разъ напомнилъ ей это, она сказала:

— А всетаки изъ хама не будетъ пана!

Не одобряла она и моего поступленія въ университетъ; она признавала настоящими людьми только военныхъ, хотя въ послѣдніе годы жизни и говаривала:

— Вѣдь это теперь въ военную службу всѣ идутъ: и ужъ, и жаба! Въ наше время не такъ было.

А когда я объявилъ ей, что оставленъ при университетѣ, она поздравила меня грустно и, вздохнувъ, сказала:

— А всетаки не дворянское это дѣло...

Сестру Лелю она тоже не хотѣла отпускать въ гимназію, находила неумѣстнымъ сидѣть ей рядомъ съ поповнами и мѣщанками, но сама Леля настояла на этомъ, да и мать не препятствовала: она не отходила отъ больного отца и ей некогда было заниматься дочерью.

На каникулы мы съ сестрой пріѣзжали вмѣстѣ и бабушка никогда не переставала относиться къ ней, какъ къ маленькой. Леля платила ей тѣмъ же; она никогда не спорила съ ней, жалѣла огорчать ее и скрывала отъ нея многое, чего не скрывала отъ матери, съ которой она была жестка и сурова.

Въ послѣдній разъ я помню бабушку съ Лелей, когда сестрѣ было уже лѣтъ девятнадцать. Странно было видѣть семидесятилѣтнюю сѣдую старуху, ласкающую, какъ безпомощнаго ребенка, эту самостоятельную и непримиримую дѣвушку, и Лелю, разговаривающую съ ней кротко, какъ съ маленькой.

Мы долго скрывали правду объ участи Лели отъ бабушки и говорили ей, что она уѣхала за границу учиться и скоро вернется. Бабушка все ждала ее. Мать была очень

огорчена, но злобно огорчена, она считала себя опозоренной дочерью и не могла простить Лелѣ, что она будто-бы убила отца. Эта злоба помогла ей перенести горе и скрывать его. Но разъ, въ спорѣ со мной, она дошла до крайняго раздраженія и бросила мнѣ:

— И въ кого вы такіе? И ты за сестрой пойдешь...

Бабушка навострила уши, но ничего не спросила.

На другой день она пришла ко мнѣ въ комнату, чего уже никогда не дѣлала, сѣла, помолчала, почмокала губами—какъ всегда при большомъ волненіи—и сказала:

— Сережа! грѣшно обманывать старуху... Скажи мнѣ правду: гдѣ Леля?

Я сказалъ ей.

— Это гдѣ же? за границей?

Я коротко разсказалъ ей всю правду. Она слушала, нахмурившись, и озабоченно качала головой. А когда я окончилъ, она со страннымъ добродушіемъ сказала:

— Съ чѣмъ въ колыбельку—съ тѣмъ и въ могилку... Какъ съ рожденія буянкой была—такъ буянкой и осталась!

Точно она говорила про нашалившаго ребенка, точно не уясняла себѣ всей правды.

И все это съ необыкновенной ясностью вспомнилось мнѣ вчера. Вспомнились и самые послѣдніе годы ея жизни, когда онѣ, вдвоемъ съ мамой, были погружены съ головой въ мелочи жизни, только въ однѣ мелочи... Вспомнилъ я и то, какъ она осталась здѣсь одинокая и сирая, похоронивъ дочь... И я тогда не пріѣхалъ къ ней... Она угасла медленно и спокойно, ни о комъ не вспоминая, не жалѣя о жизни, не ожидая ничего отъ смерти...

Агаѳья Власьевна закрыла ей глаза, похоронила ее и положила по моему распоряженію плиту.

Вотъ конецъ этой жизни, которая якобы для жизни была дана ей. А можетъ быть у нея и была эта жизнь? Вѣдь какъ легко просмотрѣть ее у близкаго человѣка. И чѣмъ ближе—тѣмъ легче просмотрѣть.

Сегодня мнѣ не работалось. Какія-то странныя мысли лѣзли въ голову. Я бросилъ перо и пошелъ на кладбище. Черноглазая красавица, изображенная на портретѣ, не давала мнѣ покоя, и я пошелъ на могилу бабушки, точно я ждалъ найти тамъ какое-то объясненіе...

Тяжелая плита однимъ бокомъ вросла въ землю и плотно придавила то, что было закопано подъ ней...

И вдругъ мнѣ захотѣлось видѣть васъ. Я не могу вамъ объяснить этой психологіи, а вы можете, вы вѣрите въ какое-то мистическое сочетаніе любви и смерти и не разъ говорили мнѣ объ этомъ. И въ *томъ* вашемъ письмѣ у васъ,

можетъ быть, помимо вашего желанія, явилось это сочетаніе: когда вы рѣшили умереть—любовь М. побѣдила васъ...

Я не понимаю этого и ничего не могу объяснить... Но сидя на кладбищѣ—я думалъ о васъ...

Пришелъ и написалъ вотъ это письмо. Я знаю, какъ васъ интересуетъ каждое разумное созданье, какъ въ каждомъ вы видите человѣка, какъ вы рядомъ съ вашими Роденбахами постоянно читаете живыя страницы книги жизни. О себѣ писать не буду, да и достаточно занималъ я васъ собою. „Я“, „я“, „я“—это скучно и—по вашимъ словамъ—первый признакъ дурного воспитанія. Вы имѣете полное основаніе сказать, что я слишкомъ поздно вспомнилъ объ этомъ. Но иногда лучше поздно, чѣмъ никогда, хотя въ большинствѣ случаевъ лучше никогда, чѣмъ поздно.

Что можетъ быть ужаснѣе слова „поздно“?

Вашъ С. Р.

XXXIX.

Петербургъ, 2 іюня.

Нѣтъ, пишите и о себѣ, дорогой другъ. Пишите обо всемъ, что у васъ въ головѣ и на сердцѣ, но только пишите искренно. Какіе могутъ быть между нами вопросы о воспитаніи? Пишите почаще и такъ же много, какъ въ послѣдній разъ.

Неужели вы не приведете въ порядокъ записокъ бабушки? Неужели вамъ не горько не знать души той красавицы, которая смотритъ на васъ вопрошающе, а вы сводите все ея существованіе къ соленью огурцовъ и ворчанью на прислугу?..

Я убѣждена, что каждая женщина—Янусъ. У нея всегда два лица: одно для всѣхъ, другое для себя, и, конечно, гораздо болѣе сложное, чѣмъ первое. Оно видно чаще всего въ дневникѣ, въ письмахъ... А вамъ не хочется знать, чѣмъ жила, чѣмъ волновалась ваша бабушка. Можетъ быть, настоящая ея жизнь была совсѣмъ не та видимая для всѣхъ жизнь, а другая, внутренняя, свидѣтели которой остались на пожелтѣвшихъ клочкахъ бумаги. Лучше сожгите ихъ скорѣе, но не оставляйте ихъ такъ валяться, вѣдь это все клочки женской души, женскаго сердца...

Что же съ Егорушкой? Какое можетъ быть осложненіе послѣ тифа? Отчего вы такъ неохотно отвѣчаете? Вы отдали ему ваши комнаты—значитъ не оттолкнули его отъ себя. Но неужели же этимъ можетъ ограничиться забота о ребенкѣ у такого человѣка, какъ вы? Не вѣрю, не хочу вѣрить.

Мужъ опять уѣхалъ. Получилъ какую-то телеграмму и

сейчасъ же уѣхалъ. И я одна со своими думами, дѣтьми и... дѣломъ. Я цѣлые часы провожу въ городѣ, въ духотѣ и пыли, потому что къ августу вся школа должна быть готова, и постоянно мучусь сомнѣніемъ: нужно-ли кому-нибудь это? Часы, дни, мѣсяцы уходятъ у меня на какое-то грошовое дѣло... Вы говорили, что личная работа всегда грошовая и получаетъ цѣну только, когда вдвинута въ общую работу многихъ. Вотъ и важно чувствовать, что она вдвинута въ эту общую работу... А вѣдь мы всѣ—сами по себѣ... И постоянно убѣждаешься, что никто никому не нуженъ... Исчезнетъ—это мѣсто затянется сейчасъ же, все равно какъ послѣ камня, брошеннаго въ воду:—нѣсколько круговъ, которые торопятся отойти отъ него подальше и—точно не было его... Въ дѣлѣ это еще виднѣе, чѣмъ въ семьѣ. И, когда я думаю объ этомъ, у меня опускаются руки, дѣло мое мнѣ кажется мертвымъ и я сама себѣ кажусь мертвой.

Вы скажете, что я въ такомъ настроеніи оттого, что мужъ уѣхалъ, и я его ревную. Нѣтъ, къ моему горю—нѣтъ... Я уже не ревную его. Нельзя ревновать чужого человѣка, а онъ сталъ совсѣмъ чужой мнѣ. Я не знаю, о чемъ онъ думаетъ, чѣмъ озабоченъ, о чемъ плачетъ? Между нами мало по малу выросла высокая стѣна и эта стѣна ужаснѣе всѣхъ мукъ ревности.

А тутъ еще вы—съ вашей правдой. Я сдѣлала страшное насиліе надъ собой, цинично написала вамъ всю правду и убила что-то мнѣ очень дорогое. И зачѣмъ я измѣнила себѣ, измѣнила лжи? Я чую изъ вашего письма—что вы уже не прежній, я предчувствую, что потеряю васъ... Вы говорите, что я сопоставляю смерть и любовь. Да, — между ними несомнѣнная связь и—когда мы говорили съ вами объ этомъ, я приводила много примѣровъ, какъ убійцы послѣ преступленія бѣгутъ къ своимъ возлюбленнымъ, какая потребность любви у тѣхъ, кто видитъ часто смерть... Но у васъ не то. Ваше воспоминаніе обо мнѣ на кладбищѣ—сознаніе, что „все въ мірѣ тлѣнъ, все въ людяхъ ложь...“

И это такъ.

В. Ч.

XL.

Т. Горы, 7 іюня.

Дорогой мой другъ!

Ваше настроеніе пугаетъ и огорчаетъ меня. Но я вспоминаю, что когда мы познакомились съ вами—вы точно такъ же извѣрились тогда во все, находили себя лишней и топили вашу тоску въ милліонахъ заботъ и всякого рода хлопотъ. Вы просто не находили покоя вашей душѣ. Вы сами не со-

знавали тогда, что вся причина была въ томъ, что вы ревновали мужа, вы страдали, но изъ самолюбія даже себѣ не признавались въ этомъ. Почти въ первый же нашъ разговоръ вы—какъ будто вѣря сами себѣ—говорили мнѣ, что какъ тяжело вамъ жить безъ такого дѣла, которому можно было бы отдать всѣ свои силы, и называли вашу работу грошовой.

Кажется, тогда я и сказалъ вамъ о грошовыхъ дѣлахъ то, что вы приводите въ вашемъ письмѣ. И это—мое убѣжденіе. Нужно работать одному, но для всѣхъ. И съ этимъ не страшно ни разочарованіе, ни неудавшаяся личная жизнь. Нужно идти своей дорогой, свободному и... одинокому. Въ одиночествѣ—свобода и сила. И кто дойдетъ до него сознательно и спокойно—тотъ побѣдитъ.

И я не думаю, какъ думаетъ большинство мужчинъ, что альфа и омега счастья женщины въ любви къ мужчинѣ. Если бы это было такъ—счастье было бы очень достижимо. Нѣтъ. У женщины почти всегда слишкомъ большая душа и ей тѣсно въ ея рамкахъ, и она мечется и расходуется на мелочи и часто презираетъ себя. Въ мужчинѣ почти нѣтъ этой муки презрѣнія.

Въ тотъ вечеръ, когда я получилъ ваше письмо—я почему-то не могъ заниматься. Я долго стоялъ у бюро съ перомъ въ рукахъ, но не работалось. И я почти машинально поднялъ крышку и сталъ перебирать бумаги бабушки. Мнѣ хотѣлось привести ихъ хоть во внѣшній порядокъ... Я сначала старался не читать ихъ. Какое-то безсознательное чувство деликатности мѣшало мнѣ... Жутко было лѣзть въ чужую душу, а письма, дневники, замѣтки, конечно, душа человѣка, похороненная въ нихъ...

Случалось вамъ разбираться въ старыхъ письмахъ? Вѣдь это—могилы, оттого и перечитывать ихъ всегда грустно.

Въ какой-нибудь запискѣ вся душа живого существа, отдающая себя другой душѣ; въ нѣсколькихъ строкахъ—вся жизнь. И любовь, и счастье, и притворство, и злоба, и радость, и горе, и слезы, и улыбки — все то, что составляетъ душу человѣка—все погребено здѣсь... И все это лежитъ гдѣ-нибудь мертвое, пыльное, никому ненужное.

Я все время чувствовалъ это, когда разбирался въ бабушкиныхъ запискахъ. И не могъ оторваться отъ нихъ.

Онѣ написаны неровнымъ, круглымъ почеркомъ и съ множествомъ чернильныхъ пятенъ. Я вспомнилъ, что она до самой смерти писала гусиными перьями и засыпала кляксы пескомъ... Ни года, ни числа нѣтъ ни на одной страницѣ, точно это листки разодранныхъ тетрадей или альбомовъ, и порядокъ ихъ совершенно перепутанъ.

Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, были строки, написанныя совершенно вкось и особенно взволнованнымъ неровнымъ почеркомъ:

„Сегодня Marie объявила, что къ ней присватался капитанъ Ряполовскій. Она отдала ему руку. Безъ моего вѣдома. Вспоминаю, какъ покойникъ-отецъ объявилъ мнѣ: Машенька! Къ обѣду пріѣдетъ твой женихъ, нашъ сосѣдъ Лужинъ. Я сговорился съ нимъ; за тобой пойдетъ сельцо Дмитровка, да триста душъ, да денегъ двадцать тысячъ ассигнаціями. Развѣ я могла перечить ему? А нынче какъ?!“

Потомъ на этой же страницѣ добавлено, но уже мельче и спокойнѣе:

„Спросилъ-ли кто у меня: хочу-ли я замужъ за Ѳедора Иларіоновича? А что можетъ быть страшнѣе для женщины, какъ отдавать себя одному, когда мечтаешь о другомъ?..“

Послѣдняя фраза взволновала меня... Черезъ нѣсколько страницъ я наткнулся на слѣдующее:

„Скончалась Eudoxie Бутылина. Упокой Господи душу ея! Богъ тамъ разсудитъ, можно или нѣтъ любить того, кого любить не должно...“

Моя сгорбленная старушка предстала сразу передо мной со своей страдающей душой и какой-то тайной. Я лихорадочно перебиралъ бумаги и боялся останавливаться на нихъ и останавливался каждую минуту. Хозяйственныя записи перемѣшивались съ изліяніями, слухи съ разными мелкими фактами. Я узналъ, между прочимъ, почему у насъ въ Турьихъ Горахъ два барскихъ дома, точно двѣ отдѣльныхъ усадьбы. Оказывается, что Турьи Горы принадлежали дѣду Ѳедору Иларіоновичу пополамъ съ братомъ. Когда дѣдъ женился, они жили втроемъ, но отношенія братьевъ, очевидно, были очень тяжелыя, потому что у бабушки много записей въ такомъ родѣ:

„Всѣ знаютъ, что Гаральдъ съ норовомъ. Зачѣмъ же Ѳедя приказалъ засѣдлать его подъ Сержа. Хорошо, что погибъ конь, а не сѣдокъ...“

„Сержъ сегодня рѣшилъ мѣсто для новаго дома: по ту сторону погоста, на опушкѣ рощи, а ее раздѣлать въ паркъ...“

„Вчера новоселье... Ѳедя молчаливъ. Сержъ грустенъ... У насъ опустѣло...“

„Сергѣй Илларіоновичъ прислалъ казачка сказать не ждать его къ ужину. Опять Ѳедя!..“

„Сколь различны эти два человѣка! Одинъ чувствителенъ и великодушенъ, другой—грубъ и ничтоженъ. Одинъ любитъ стихи и сочинителей считаетъ отъ Бога, другой го-

воритъ, что всѣ они дармоѣды и пишутъ только любовныя выдумки.“

И, наконецъ, такая замѣтка:

„Лѣвый домъ стоитъ заколоченный. Не несутся оттуда ни звуки цитры, ни пѣсни... Наша дорожка какъ-будто заросла травою... А Ѳедоръ веселый и свиститъ на весь домъ!..“

„Отъ Сержа—ни словца... Гдѣ же онъ?“

На другомъ листкѣ написано очень мелко, такъ, что едва можно прочесть:

„Что бы тамъ ни было—онъ будетъ всегда ближайшій къ моему сердцу.“

„Кто можетъ быть несчастнѣе человѣка неспящаго? Съ самого Ильина дня я глазъ не сомкнула. Какую ролю играетъ мой мужъ?“

„Сегодня на крыльцѣ Ѳедя распекалъ повара Илюшку. Я подошла. Онъ не видалъ. Два раза въ ухо. Пошла кровь Я не стерпѣла, высказала все. Сержъ не допустилъ бы.“

Жалобы на безсоницу повторяются много разъ, иногда прямо:

„Опять не спала всю ночь напролетъ...“ Или: „Не спала. Плакала. Молилась...“

На одной страницѣ неразборчиво написано:

„Мука! мука! Кажется, брошусь при всѣхъ передъ Господомъ и закричу: Прибери Ты меня, несчастную, одинокую!.. Одно мнѣ остается—петля!“

Могъ-ли я подозрѣвать, что бабушка переживала такія страданія? Никогда ни однимъ словомъ она въ концѣ жизни не вспомнила о нихъ!.. Я бросалъ листокъ за листкомъ, жадно прочитывая ихъ. Встрѣчалось очень много стиховъ и прямо отрывочныхъ фразъ: „Я въ величайшемъ безпокойствѣ...“ „Неужели такъ будетъ вѣчно?..“ „Что лучше: тысячи булавочныхъ уколовъ или одинъ ударъ кинжала?..“

Наконецъ, одна страница бросилась мнѣ въ глаза яснымъ, крупнымъ почеркомъ:

„Сергѣй Иларіоновичъ прислалъ письмо, чтобы ждать его. Согласенъ крестить Любочку...“

Люба была вторая дочь бабушки. Она умерла двухъ лѣтъ; бабушка любила разсказывать, какой она была необыкновенный ребенокъ. И ея ясный почеркъ въ послѣдней записи можно было бы объяснить счастьемъ матери. Но дальнѣйшая приписка опять смутила меня.

„Ахъ, зачѣмъ все такъ случилось? Опять одни мученья!“

Больше я не нашелъ листковъ такого формата. Очевидно, часть альбома, отъ котораго они уцѣлѣли, была уничтожена.

Я разобралъ дальше листки по формату. Одна тетрадь въ

четвертушку сѣрой бумаги почти вся сохранилась нетронутою, изъ другой такой же были вырваны страницы и оторванъ весь конецъ. Въ первой тетради почти сплошь записи хозяйственныя: о посѣвахъ, объ умолотѣ, о переводѣ во дворъ какой-нибудь дѣвки или семьи, объ отпускѣ на оброкъ.

Бабушка овдовѣла въ 1849 году и, очевидно, какъ большинство русскихъ вдовъ, сейчасъ же стала „личностью", самостоятельной и дѣятельной, какъ мужчина. И почеркъ сталъ иной: увѣренный и ровный. Я читалъ эти записки, и бабушка опять явилась предо мной въ новомъ свѣтѣ:

„Поваръ Софронъ валяется въ ногахъ, проситъ отдать за него вышивальщицу Таню. Она не желаетъ. Я отказала. Это не при Ѳедорѣ Иларіоновичѣ".

„Никто съ нашего села не хочетъ идти съ барщины на оброкъ. Не понимаютъ или не вѣрятъ? Сегодня сама пойду на сходъ разговаривать съ ними..."

Очень часто записи идутъ не отъ одной бабушки и начинаются словомъ „мы".

„Мы рѣшили отпустить столяра Семена въ Москву... Пусть поработаетъ на волѣ..."

„Мы дали вольную Ильѣ Ерофѣеву съ женою... Довольно натерпѣлся онъ отъ покойника..."

„Вчера вернулся нашъ бѣглый Яшка... Покаялся, что бѣгалъ въ Соловки, говоритъ—душа просила. Мы его простили".

Кто эти „мы"? Я недоумѣвалъ... Очевидно, кто-то руководилъ бабушкой, и всѣ эти оброки и выкупы шли отъ кого-то, кому бабушка довѣряла. Я думалъ, что это какой-нибудь управляющій имѣніемъ, но вдругъ наткнулся на слѣдующее:

„Онъ говоритъ, кто самъ живетъ, долженъ и другимъ жить давать"...

И тутъ же прибавлено:

„С. такъ добръ и великодушенъ, что радъ всѣмъ вольную дать. А моя дочь? Я передъ ней отвѣчать должна..."

Я вспомнилъ тогда, что дѣдъ Сергѣй пріѣхалъ послѣ смерти отца изъ-за границы для раздѣла имѣнія. Никакого раздѣла не произошло, онъ отказался отъ своей части въ пользу моей матери и теперь все цѣликомъ перешло мнѣ. Очевидно, „мы"—это бабушка и beau frère, Сергѣй Иларіоновичъ. Онъ конецъ сороковыхъ годовъ провелъ за границей и должно быть привезъ въ Турьи Горы новые взгляды, новыя убѣжденія. И въ записяхъ бабушки это видно на каждомъ шагу. Мысль о дарованіи свободы крестьянамъ постоянно борется въ ней съ привычками и практическими соображеніями. Рядомъ съ этимъ встрѣчаются и такія фразы:

„Вчера я читала въ старой книжкѣ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ" повѣсть „Трактирная лѣстница" Н. Бестужева. С. взялъ отъ

меня книгу и сталъ читать вслухъ Монтаня, сказавъ: „Вотъ наука житейской мудрости“.

„С. подарилъ мнѣ французскій экземпляръ Монтаня въ роскошномъ переплетѣ...“

(Сколько разъ держалъ я въ рукахъ эту книжку Essais de Montaigne и не зналъ, какъ она попала въ нашу бѣдную библіотеку!).

Потомъ идутъ опять разныя хозяйственныя соображенія, но чѣмъ дальше, тѣмъ чаще они перебиваются другими замѣчаніями:

„Какъ борьба духа съ матеріей истомляетъ человѣка...“

„Его любимые писатели: философъ Емерсонъ и Карлейль. Онъ говоритъ, что они аристократы по возвышенности своего духа и демократы по любви къ человѣчеству, по желанію блага всѣмъ. Какъ увлекательно С. говоритъ объ этомъ...“

Но бабушка, очевидно, не увлекалась этимъ. Она выписываетъ цѣлые страницы изъ Жуковскаго, нѣсколько разъ цитируетъ Монтэня въ плохомъ русскомъ переводѣ, но все это безъ своихъ замѣчаній или дополненій. Гораздо горячѣе она относится къ житейскимъ фактамъ:

„Сегодня ночью выгорѣла Рябовка. С. опять работалъ, какъ левъ, бросался прямо въ огонь, откуда и спасъ Мартыниху съ внукой. Герой!!!“

„Уѣхалъ. Плакалъ много... Онъ мнѣ кумъ и своякъ... Даже помыселъ—большой грѣхъ... Дочь—невѣста... Умолила уѣхать... Одинъ Богъ знаетъ, какъ я...“

На этомъ страница кончается и всѣ дальнѣйшія уничтожены. Я припомнилъ, что дѣдъ Сергѣй нѣсколько разъ пріѣзжалъ изъ-за границы, но, очевидно, бабушка (или кто-нибудь другой) порвала все, что относилось къ этому времени. И я безъ колебанія рѣшилъ, что бабушка...

---

8 іюля.

Не окончилъ это письмо вчера, дорогая Варвара Львовна, потому что ко мнѣ въ комнату вошла Власьевна. Записки бабушки лежали передо мной. Я смутился, точно она поймала меня въ воровствѣ, и, желая скрыть мое смущеніе, сказалъ ей:

— Мнѣ нужно бы освободить этотъ ящикъ, а онъ наполненъ вотъ этими бумажками... Что это такое?

— Это покойница Марья Ивановна передъ смертью своей все читали, да рвали... А это осталось въ столѣ, возлѣ ихъ кровати... Послѣ ихъ смерти кто-то изъ людей все и свалилъ сюда... Кому они нужны?

— Надо ихъ сжечь,—сказалъ я, точно оправдываясь.

— Можно... Да чего тутъ жечь-то? И сотой доли не оста-

лось... Вы бы посмотрѣли, какіе вороха рваной бумаги мы выносили. Какъ ваша маменька Марья Ѳедоровна скончались—бабушка шибко затосковала и все читала письма какія-то, да альбомы, да тетради перебирала... Плакала она надъ ними такъ, какъ только надъ дочерью своей покойной плакала... А потомъ, ужъ какъ имъ умереть,—рвать бумагу стали и приказывали жечь... И все со слезами...

— И вы жгли?

— Вынесешь корзину, поставишь.. Которыя сожгли, которыя ребятишки растаскали... Куда ихъ?

Я оставилъ начатое вамъ письмо и сталъ разспрашивать Агаѳью Власьевну.

Она съ рожденья у насъ въ домѣ и помнитъ даже смерть дѣдушки. Ей было тогда лѣтъ десять, но она ясно помнитъ и его наружность: старую и надутую, какъ говоритъ она, и его болѣзнь, тяжелую для всѣхъ домашнихъ. Дѣдъ лежалъ послѣдніе два года жизни разбитый параличемъ и бабушка была его невольной сдѣлкой. Дочери (моей матери) было тогда тринадцать лѣтъ, и бабушка сдала ее на руки гувернанткѣ, а сама сидѣла около больного мужа и плакала.

— Отъ скуки онѣ плакали, что ли? Не знаю. Думаю: себя жаль было... Молодыя такія, да красивыя... А баринъ-покойникъ все ругался, да плевалъ...

— А гдѣ же дѣдъ Сергѣй былъ въ это время? — спросилъ я.

Власьевна замялась немного, а потомъ, точно нехотя, отвѣтила:

— Маленькая я тогда была... Не понимала ничего. Говорили: братья поссорились между собою, и Сергѣй Иларіоновичъ въ чужія земли уѣхалъ... Очень далеко куда-то... Когда старый баринъ умерли — такъ Сергѣй-то Иларіоновичъ чуть не черезъ годъ доѣхали сюда.

Она опять замолчала. Мнѣ неловко было разспрашивать, а вмѣстѣ съ тѣмъ неудержимо хотѣлось узнать, чѣмъ такъ мучилась бабушка.

— И остался здѣсь навсегда?

— Какое!... Пожили немного и опять уѣхали...

— Почему?

— Говорили, что Ѳедоръ Илларіоновичъ передъ смертью приказали, чтобы не пускать сюда брата... Да вѣдь никто этого не слыхалъ!.. Говорили, что бабушка сами такъ распорядились... Сергѣй Иларіоновичъ ото всего имѣнія отказались, а ихъ же и выгнали...

Вотъ какъ толковалось поведеніе бабушки!

— Онъ, кажется, былъ очень добрый?—опять спросилъ я.

— Да ужъ такой хорошій, такой добрый, что и сказать

нельзя. Какъ пріѣхалъ, сейчасъ всѣхъ своихъ дворовыхъ отпустилъ на волю... Крестьянъ перевелъ на оброкъ; при выкупѣ вездѣ уступалъ пятую часть... За него и сейчасъ молятся здѣсь... И за что такого человѣка погубили!!.

— Кто погубилъ?—рѣшительно спросилъ я.

Власьевна, точно не слыша меня,—продолжала:

— Нашей сестрѣ негодяя надо... Хорошихъ мы не любимъ... Когда онъ передъ войной-то пріѣхалъ сюда, я ужъ совсѣмъ большая была, все понимала... Видѣла, какъ онъ убивался... Не съ радости въ ополченье пошелъ... Ружья въ руки не бралъ никогда и вдругъ на войну! Не съ радости... А какой красавецъ-то былъ!... Вы изволили видѣть портретъ ихъ... Здѣсь онъ гдѣ-то у бабушки заложенъ былъ...

И Власьевна съ дѣланно-равнодушнымъ видомъ выдвинула одинъ изъ многихъ ящичковъ бюро и достала оттуда плоскій футляръ... Власьевна очень ловко нажала пружинку и открыла крышку. На выцвѣтшемъ малиновомъ бархатѣ лежалъ вдѣланный въ овальную бронзовую рамку дагеротипный портретъ. Дѣдъ Сергѣй изображенъ на немъ красавцемъ блондиномъ, съ большими пушистыми усами и ясными, смѣлыми глазами. На немъ черный бархатный пиджакъ и широкій свѣтлый галстухъ, завязанный большимъ бантомъ. Довольно длинные волосы зачесаны назадъ.

— Когда это сдѣлано?—спросилъ я.

— Не знаю-съ,—все съ тѣмъ же дѣланнымъ равнодушіемъ проговорила Власьевна.—Тамъ что-то подписано.

И она вынула портретъ изъ овальнаго углубленія футляра. Подъ нимъ нимъ лежала затрепаная желтая бумажка, сложенная въ нѣсколько разъ и сплюснутая портретомъ. Власьевна точно не видала ее, а указала мнѣ на надпись на обратной сторонѣ дагератипа. По серизовому атласу было написано чернилами: „Годъ 1853. Маія 12-го дня. Переживетъ ли это ничтожное изображеніе нашу дружбу?“

Дагеротипъ выцвѣлъ, поблѣднѣлъ, но изъ рамки смотрятъ все еще живые, полные мысли глаза, и все лицо свѣтится радостью жизни... А что осталось отъ этого лица тамъ, подъ камнемъ у церкви? А дружба? Гдѣ она? Въ чемъ ея слѣды или присутствіе? Я такъ былъ взволнованъ, что захлопнулъ крышку бюро, отпустилъ Агаѳью Власьевну и хотѣлъ пойти побродить... Но мысль о бабушкѣ не давала мнѣ покоя. И я вернулся, вынулъ сложенную бумажку изъ портрета и прочелъ тамъ:

„Я убила тебя... Любила только тебя одного всю жизнь и убила... Грѣхъ было любить и я солгала тебѣ... И теперь не знаю: какой грѣхъ тяжче: преступная любовь или добродѣтель, сгубившая тебя?“

Всю ночь я не спалъ. Жизнь, съ ея быстро несущимися днями и ночами, съ ея мимолетными радостями и печалями, опять показалась мнѣ такой маленькой и вмѣстѣ съ тѣмъ такой загадочной...

С. Р.

XLI.

Петербургъ. 15 іюня.

Я не люблю, когда говорятъ о чьей нибудь любовной исторіи, потому что это всегда имѣетъ характеръ сплетни, осужденія, залѣзанія въ чужую душу, обыска чужого сердца. Въ вашемъ разсказѣ о бабушкѣ ничего этого нѣтъ. Она ушла навсегда и внѣ всякихъ осужденій и сплетенъ. И ея несчастная любовь не выходитъ у меня изъ головы. А главное, меня мучитъ мысль: неужели то, что называютъ „жизнью", т. е. день за днемъ, съ маленькими житейскими заботами и мелочами, можетъ вытравить въ человѣкѣ все, кромѣ думъ о матеріальныхъ благахъ? Нѣтъ, не можетъ быть! Я назвала бы вамъ очень много стариковъ, которые до самой смерти сохраняютъ полетъ мысли и ясность ума, какому могутъ позавидовать и молодые. Я не говорю о Гладстонѣ, о Дарвинѣ, о такихъ великанахъ; нѣтъ, среди окружающихъ меня я могу назвать вамъ много именъ... Неужели это удѣлъ женщины? Гдѣ же та „большая душа", о которой вы говорили? И вы помимо того, что бабушка просто заинтересовала меня, попали мнѣ въ больное мѣсто. Мнѣ постоянно больно видѣть, какъ женщина (въ большинствѣ случаевъ съ помощью мужчины) ограничиваетъ свое существованіе, какъ она, по собственному желанію, низводитъ себя на низкій уровень и тратится на мелочи. Молодыя женщины, а чаще всего дѣвушки, рвутся къ свѣту, къ знанію, къ свободѣ; у нихъ кипятъ идеи, стремленія... У большинства пожилыхъ женщинъ все это исчезло куда-то, матеріальный комфортъ и душевное спокойствіе— вотъ ихъ идеалъ. Идей никакихъ, однѣ домашнія заботы. Я часто увѣряла себя, что это мое заблужденіе или придирки. Я смотрѣла, напримѣръ, на сестру моего мужа, желала въ ней найти что-нибудь, кромѣ хищническихъ инстинктовъ и самого откровеннаго себялюбія. И когда она начинала говорить съ озлобленіемъ „о передовыхъ женщинахъ", о дѣятельницахъ, о томъ, что женщинѣ не нужно ни особеннаго образованія, ни дѣла, а только семья—мнѣ становилось жаль ее; думалось, что навѣрное въ молодости волновало ее что-нибудь повыше того, въ чемъ она живетъ теперь... И я умолкала, а она считала меня побѣжденной.

Очень часто, когда я говорю о томъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ—мнѣ говорятъ:

— Когда мужъ даетъ вамъ большія средства, конечно, о хлѣбѣ заботиться нечего.

Кругомъ меня женщины живутъ только вещами и въ вещахъ, волнуются матеріальными волненіями, радуются только житейскимъ благамъ. И когда я вижу женщину, исповѣдующую другія заповѣди и охраняющую своя святая святыхъ, вижу, какъ она до старости пронесла свои идеи и и не разроняла ихъ по дорогѣ—я примиряюсь и съ жизнью, и со старостью. Вашъ разсказъ о бабушкѣ заставитъ меня еще чаще смотрѣть въ себя, а не на себя. Мнѣ никогда не забыть его. Я вѣрю вамъ, что въ ней и слѣда не осталось ни Монтэня, ни Карлейля—ничего, чѣмъ она волновалась и жила когда-то. Неужели, если прошла любовь—то прошли и лучшія стремленія. Нѣтъ! Такъ невозможно жить.

Изъ вашего письма я уяснила себѣ, что дѣдъ Сергѣй жилъ въ Турьихъ Горахъ нѣсколько лѣтъ и потомъ, послѣ смерти брата, опять пріѣзжалъ нѣсколько разъ. И все время жила любовь ихъ! А бабушка осталась вѣрна покойному и нелюбимому мужу! Теперь бы этому не повѣрили или осмѣяли.

Недавно въ обществѣ одинъ пожилой человѣкъ сказалъ:

— Иногда вѣрность въ женщинѣ просто привычка.

А молодой прибавилъ:

— И дурная привычка... Это жажда спокойной, ватной жизни: признакъ мѣщанской натуры, или духовной и, главное, физіологической нищеты...

— А вы не допускаете вѣрности по убѣжденію, по нравственной чистоплотности?—спросила я.

Всѣ засмѣялись, и женщины и мужчины. И если бы я отдала имъ на судъ послѣднюю записку бабушки, найденную вами подъ портретомъ—я знаю, какой былъ бы приговоръ.

Мужа все нѣтъ, но я не жду его, какъ прежде. И въ этомъ—тоска жизни. И я мечусь и бѣгу отъ этой тоски, но пока плохо справляюсь съ собой.

Иногда я стараюсь увѣрить себя, что ничего не случилось, что мужъ уѣхалъ за границу по дѣлу, что я попрежнему люблю его... И мнѣ на мгновеніе дѣлается радостно жить. Но я сейчасъ же прозрѣваю и опять мнѣ становится тяжко... Правда жизни придавила меня. Но я не сдамся ей. Вы увидите, что она не сломитъ меня.

Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть васъ! Неужели вы не пріѣдете въ Петербургъ? Неужели васъ не тянетъ видѣть вашаго несчастнаго, одинокаго друга?

В. Ч.

XLII.

Т. Горы. 20 іюня.

Милая Варвара Львовна!—Зачѣмъ я пріѣду въ Петербургъ? Я такъ ушелъ отъ вашей жизни, отъ вашихъ волненій и печалей, что мнѣ уже трудно понять васъ, и вамъ было бы тяжело со мной. Я опять сталъ бы говорить вамъ непрошенную правду, и вы опять велѣли бы мнѣ уѣхать. Лучше останемся каждый у себя и будемъ переписываться

У меня никогда не было друга, и я дорожу дружбой съ вами, дорожу тѣмъ, что могу писать вамъ все и обо всемъ, потому что когда пишу вамъ—вы *одна* передо мной, безъ вашей рамки... И вы въ письмахъ становитесь искреннѣе и правдивѣе. Не сердитесь, дорогая, что говорю такъ. Вы не повѣрите, какъ я настрадался отъ сознанія, что вы такъ могли лгать мнѣ. Я стараюсь не думать о *томъ* письмѣ, но иногда оно какъ льдомъ обкладываетъ мнѣ сердце, и вы становитесь мнѣ чужою, почти ненавистною. Иногда я просыпаюсь весь въ слезахъ, потому что вижу во снѣ васъ и вспоминаю про М., про все, что вы пережили, а главное про тѣ два года, которые я бывалъ у васъ.

Иногда я злюсь на себя, злюсь на то, что могъ повѣрить святости петербургской дамы (простите меня!), злюсь, что до сѣдыхъ волосъ не научился понимать людей, злюсь на васъ и увѣряю себя, что такихъ М. было много...

И я бросаю все и иду на мою любимую скамейку на кладбищѣ. Чисто, ясно и тихо кругомъ. Здѣсь, только здѣсь я могу освободиться отъ всѣхъ моихъ внутреннихъ мукъ. Я изучилъ все кладбище и уже не замѣчаю ни именъ, ни надписей. Я знаю, что тамъ, у входа, на покривившемся крестѣ написано:

„О мертвыхъ не грусти! Они оправились отъ боли и свободны“...

У самой церкви, надъ могилой жены священника, на чугунномъ памятникѣ вылиты слѣдующія строки:

„Не вѣчно ничто подъ луною:
Сегодня веселія часъ,
А завтра лежимъ подъ землею
И завтра не вспомнятъ объ насъ“...

А у моихъ ногъ—имена самыхъ мнѣ близкихъ людей Только имена, нѣсколько буквъ, представляющихъ и внѣшность и душу—всего человѣка. Прямо у ногъ—могила моего дѣда—отца моей матери съ надписью: „Подъ симъ камнемъ

покоится прахъ гвардіи полковника и кавалера Ѳедора Иларіоновича Лужина. Род. въ 1802-мъ году, сконч. въ 1849. Житія его было 47 лѣтъ и три мѣсяца". Рядомъ—могила его брата, того дѣда Сергѣя, о которомъ я писалъ вамъ. На плитѣ едва можно прочесть: „Потомственный дворянинъ Сергѣй Иларіоновичъ Лужинъ. Род. въ 1814 г. Сконч. въ 1857 г." А внизу мелкими буквами высѣчено: „И смерть ему едва ли скажетъ, зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ, страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ"...

Могила отца пришлась немного въ сторонѣ: „Илья Дмитріевичъ Ряполовскій. Маіоръ въ отставкѣ. Род. въ 1821 г. Сконч. въ 1882 г." Рядомъ—могилы бабушки и матери, а сбоку полуразлѣзшійся холмикъ, подъ которымъ нашла покой безпокойная Леля...

Всѣ они жили, страдали, боролись... У каждаго изъ нихъ были свои сомнѣнія, муки, слезы... Сколько ихъ пролито—если собрать всѣ вмѣстѣ? Сколько думъ передумано, ночей не проспано, страданій всякихъ и физическихъ, и нравственныхъ выстрадано... И теперь—гдѣ все это? Къ чему? Зачѣмъ?

И опять передо мной ясно встала вся мимолетность бытія... Я и прежде часто думалъ о ней... Но здѣсь эта мысль постоянно со мной и особенно близка она мнѣ, когда я прихожу къ моимъ могиламъ... И какъ прежде—она приводила меня въ отчаяніе, такъ здѣсь она меня успокоиваетъ и освобождаетъ...

Да, здѣсь, на погостѣ, я вдругъ чувствую себя свободнымъ, не тяготитъ ни досада, ни злоба, ни любовь. Все личное уходитъ куда-то вдаль, сидишь и смотришь на себя со стороны, точно чужими глазами. Я могу представить себѣ, напримѣръ, что дѣдъ Сергѣй глядитъ на меня изъ-подъ своего тяжелаго камня и думаетъ:

„Тебѣ сорокъ два года, а развѣ ты живешь? развѣ ты жилъ? Юность ушла на безплодное негодованіе, молодость на неудачную дѣятельность, неудачную любовь... Вся жизнь—сплошная неудача. Точно надо ждать всего извнѣ: удастся—хорошо, не удастся—вся жизнь зачеркнута".

Если бы я разговаривалъ съ дѣдомъ, я, конечно, сказалъ бы ему, что виноватъ не я, а русская дѣйствительность, исторически-сложившіяся обстоятельства и т. д. и т. д. Но такъ какъ я знаю, что онъ меня не услышитъ, то я молчу и слушаю его:

„Я въ восемнадцать лѣтъ окончилъ московскій университетъ, плясалъ на балахъ, читалъ, влюблялся, обожалъ поэзію и преклонялся передъ писателями. Когда мнѣ показали Лермонтова—я чуть не бросился ему въ ноги. А мнѣ

тогда было уже двадцать пять лѣтъ... Всѣ сороковые года прожилъ я за границей, гдѣ жизнь кипѣла ключемъ, жизнь политическая, научная, идейная... И я не бѣжалъ отъ нея, не боялся ея... А потомъ—пріѣздъ на родину, подготовительныя работы къ освобожденію крестьянъ, котораго мнѣ не пришлось дождаться, устройство моихъ крѣпостныхъ, оброки, выкупъ... И поверхъ всего этого: любовь, яркая, чистая, все пронизавшая собой и такая сильная, что побѣдила смерть... Я уѣхалъ на войну, дрался, какъ левъ, искалъ пули; она нашла меня, но умирать я пріѣхалъ сюда и умеръ на милыхъ, любимыхъ рукахъ... Худо-ли, хорошо-ли—но я жилъ. А ты?"

И я смотрю на себя не съ отчаяніемъ, а съ сожалѣніемъ и думаю: Да! Я не жилъ! То, что я собирался дѣлать въ университетѣ и дѣлалъ тайкомъ—не жизнь. Моя короткая дѣятельность, порванная не мной и покорно не продолжаемая дальше—не жизнь. Мое увлеченіе совершенно чуждой мнѣ дѣвушкой и женитьба на ней—не жизнь. И наконецъ, моя „несчастная любовь"—развѣ это жизнь? Я чувствовалъ, что я не милъ и не нуженъ и не ушелъ, а почти два года ждалъ, ни на что не надѣясь, и надоѣдалъ себѣ и другимъ!.. И я готовъ былъ крикнуть дѣду Сергѣю: конечно, для этого не стоило родиться, жить и умереть!.. Но мнѣ вдругъ бросилась въ глаза приписка на его могилѣ: „И смерть ему едва-ли скажетъ, зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ, страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ"...

Исчезъ! Въ концѣ концовъ не все-ли равно какой дорожкой придти къ этому? Я избралъ ту, которую считаю единственно возможной для себя; избралъ ее почти безсознательно и только теперь, когда вы позвали меня—мнѣ стало ясно какъ я ушелъ отъ моей прежней жизни... Еще недавно мнѣ казалось немыслимымъ уйдти отъ всего, что якобы живетъ, хотя я часто чувствовалъ потребность уйдти, встряхнуться и отряхнуть съ себя все, что налипло и осѣло на мнѣ за всю мою прошлую жизнь. Вы теперь знаете ее: сколько ненужнаго, грязнаго, пошлаго и прямо постыднаго. Я ушелъ и уже теперь мнѣ не приладиться къ вамъ, къ вашей петербургской жизни съ ея найзоливыми требованіями и не настоящими людьми.

Только сейчасъ, когда я представилъ себѣ, что могу поѣхать въ Петербургѣ—я увидалъ, какъ я свобденъ въ моемъ одиночествѣ. Безъ него нѣтъ самостоятельности, нѣтъ полнаго освобожденія отъ того сора жизни, который дѣлаетъ человѣческое существованіе такимъ мелкимъ и безплоднымъ... И отказаться отъ этого одиночества я уже не въ силахъ, отдать себя добровольно въ рабство уже не могу и поэтому совершенно искренно говорю вамъ: я не пріѣду! С. Р.

XLIV.

Петербургъ, 1 іюля.

Одиночество! Освобожденіе... И вы говорите это? Я знаю ваше прошлое, знаю, какъ вы пострадали за него, и не могу понять, какъ вы могли уйдти отъ живой жизни, какъ могли найдти свободу въ вашемъ одиночествѣ. Не на необитаемомъ же островѣ вы живете? За вашей спиной, кругомъ васъ кипитъ жизнь, идетъ смертный бой, люди кишатъ, какъ муравьи, и бьются за каждый день существованія. А вы закрываете себѣ глаза и уши и мечтаете объ освобожденіи личности путемъ одиночества. Сила и счастье не въ одиночествѣ, а въ солидарности. Мы и безъ того всѣ фатально обречены на душевное одиночество. Создавать его и дѣлать изъ него культъ—просто грѣхъ. Да еще у насъ!..

Вы скажете, что все это трюизмы, прописная, отжившая мораль... Можетъ быть! Но я не могу смириться съ вашимъ отшельничествомъ, оно злитъ меня. Я знаю, что у васъ большая научная задача, и я преклоняюсь передъ ней. Но, кромѣ вашей науки, вѣдь еще остаетесь вы, съ вашей душой, а вы хотите закопать ее тамъ, рядомъ съ вашими могилами и жить безъ любви, безъ дружбы, безъ того духовнаго общенія, которымъ только и красна жизнь человѣка!

Не сердитесь на меня, но я не могу не говорить вамъ правду, и послѣднее ваше письмо и огорчило, и разсердило меня.

В. Ч.

XLV.

Турьи Горы, 5 іюля.

Сердиться на васъ, дорогая Варвара Львовна? За что? За то, что вы не понимаете меня?! Это такъ естественно! Мы ушли такъ далеко одинъ отъ другого, что видимъ другъ друга, а разсмотрѣть не можемъ, слышимъ, а разслышать нѣтъ возможности... И я уже не понимаю васъ. Вы говорите мнѣ о солидарности, а мнѣ представляется Петербургъ какой-то пустыней, гдѣ людей точно песчинокъ въ пустынѣ и каждая песчинка сама по себѣ... Вы говорите, что за моей спиной люди бьются за каждый день существованія и я не вижу этого, а я вспоминаю, какъ въ подвалѣ дома рядомъ съ вами годами шло истязаніе дѣвочки пьянымъ отцомъ и вы узнали это только изъ судебнаго отчета... Вспоминается мнѣ и еще одинъ случай. Это было въ Парижѣ, весной,

когда я былъ женихомъ... Я завтракалъ съ однимъ знакомымъ французомъ. Подали какой-то соусъ съ шампиньонами.

— Вы знаете откуда это?—спросилъ мой собесѣдникъ.

Я сразу не понялъ его вопроса. Онъ продолжалъ:

— Подъ Парижемъ, на глубинѣ тридцати—тридцати пяти метровъ (это приблизительно два пятиэтажныхъ дома) существуютъ катакомбы, гдѣ съ утра до вечера копошатся сотни сгорбленныхъ людей... Надъ ихъ головами, гдѣ-то, сіяетъ солнце, мчатся экипажи, цвѣтутъ цвѣты, идетъ утонченная игра чувствъ и воображенія, а они въ вѣчной тьмѣ, въ вонючей сырости работаютъ надъ этой гадостью, которую вотъ мы ѣдимъ сейчасъ... Каждое утро изъ глубокихъ колодцевъ поднимаются на блокахъ громадныя корзины съ бѣлыми — comme une neige mousseuse—шампиньонами и мы поѣдаемъ ихъ и даже не знаемъ, откуда они берутся! А тамъ, въ подземельяхъ, зимой страшный жаръ,, сырой удушливый жаръ, а лѣтомъ пронизывающій сырой холодъ... И цѣлое населеніе шампиньонщиковъ съ женами и дѣтьми изъ года въ годъ работаетъ тамъ...

Я помню, какъ его разсказъ, расцвѣченный разными французскими фіоритурами, подѣйствовалъ на меня... Послѣ завтрака я отправился къ невѣстѣ. Она ждала меня, чтобы ѣхать къ модисткѣ за дорожной шляпой, и была особенно нервная... Мой разсказъ совсѣмъ разстроилъ ее, она расплакалась, говорила о возмутительной несправедливости, о жестокости людей, возмущалась всеобщимъ равнодушіемъ... А черезъ часъ, она, кромѣ дорожной шляпки, выбрала еще двѣ и велѣла прислать себѣ, и я поощрялъ ее на это, и мы уже не думали, что дѣлается подъ нашими ногами на глубинѣ въ сорокъ аршинъ...

Я не буду говорить — было ли что-нибудь подобное въ вашей жизни, дорогая Варвара Львовна, но думаю, что и вы могли бы припомнить кругомъ васъ тѣ же противорѣчія и жестокости... Это—жизнь!.. И лучше всего такъ или иначе уйдти отъ нея.

С. Р.

XLVI.

Петербургъ, 9 іюля.

Какъ уйдти, куда уйдти, если эта жизнь хватаетъ васъ за горло и заставляетъ жить... и мучиться ежесекундно?.. Я уже недѣли три не получала ни строчки отъ мужа и не знала, что́ думать, и металась отъ безпокойства изъ стороны въ сторону... Сегодня—письмо, строчки косыя, почеркъ неровный, слова не дописаны... Кучинская умерла на его рукахъ и послѣднія слова ея были: Не бросай мальчика!

Викторъ рѣшилъ посвятить всю жизнь ему, но рядомъ съ этимъ онъ сходитъ съ ума отъ тоски по Витѣ и Вовѣ, умоляетъ простить его, пишетъ, что не достоинъ прощенія, и прибавляетъ, что не переживетъ, если я оттолкну его... Онъ пишетъ мнѣ, „любящей и всепрощающей", а у меня въ сердцѣ клокочутъ злоба и жалость, не нѣжная, а оскорбительная жалость...

И я не знаю, что дѣлать, на что рѣшиться! Это тоже жизнь съ ея жестокостью и противорѣчіями! И надо уйдти отъ нея? Да?

В. Ч.

XLVII.

Петербургъ, 10 іюля.

Сейчасъ получила изъ Нерви такую телеграмму: „Умоляю пріѣзжай съ дѣтьми, спаси меня".

Я выѣзжаю сегодня вечеромъ.

В. Ч.

XLVIII.

Петербургъ, 7 ноября.

Почти четыре мѣсяца я ничего не знаю о васъ, дорогой Сергѣй Ильичъ. Гдѣ вы? Что съ вами? Много хочется разсказать вамъ и страшно прикасаться къ пережитому... А пережито не мало! Теперь все немного улеглось и затихло...

Напишите мнѣ о себѣ и о вашемъ мальчикѣ.

В. Ч.

XLIX.

Турьи Горы, 11 ноября.

Варвара Львовна, дорогая!

Я уже пересталъ ждать письма отъ васъ и вдругъ — большой конвертъ съ яснымъ, крупнымъ почеркомъ. И въ заснувшемъ сердцѣ что-то вдругъ точно заныло...

Да. Четыре мѣсяца я ничего не зналъ о васъ; сначала волновался, потомъ даже тосковалъ и, наконецъ, рѣшилъ, что такъ лучше... Но что же было съ вами? Гдѣ вы были все время? Какъ сложилась ваша жизнь теперь?..

Вы спрашиваете о моемъ мальчикѣ. Онъ въ Москвѣ. Я отправилъ его учиться, самому мнѣ было трудно заниматься съ нимъ. Но я успѣлъ уже привязаться къ нему и первое время послѣ его отъѣзда даже скучалъ безъ него. Потомъ привыкъ. И теперь совсѣмъ одинъ. Да, одинъ! Вотъ мое состояніе духовное и физическое. Но я не жалуюсь.

Найдена свобода, найденъ покой! Только иногда душа заплачетъ о теплѣ, о солнцѣ... Но я гоню это отъ себя...

Что же было пережито вами въ эти четыре мѣсяца? Если не очень больно—пожалуйста, напишите мнѣ.

С. Р.

L.

Петербургъ, 15 ноября.

Когда вначалѣ іюля я написала вамъ, что ѣду въ Нерви—я сама не знала, что́ будетъ дальше. Я знала только, что должна ѣхать и спасти отца моихъ дѣтей.

Я застала его совершенно разбитымъ, и нравственно и физически. Онъ мѣсяца два уже не спалъ, сначала отъ того, что ни на минуту не отходилъ отъ своей больной, потомъ—отъ страшнаго нервнаго разстройства... И онъ, видимо, совсѣмъ не могъ владѣть собой. Первые дни нашего пріѣзда, онъ при дѣтяхъ начиналъ разсказывать мнѣ о своемъ горѣ, о своей любви къ покойной; я уводила мальчиковъ и уходила сама съ ними, куда глаза глядѣли... Онъ упрашивалъ меня оставаться съ нимъ, не бросать его, и я отправляла дѣтей, а сама выслушивала его жалобы и признанія.

Но еще больше страдала я, когда онъ ласкалъ ея сына, Сережу. Вначалѣ я совершенно не могла выносить этого. Когда Викторъ Ивановичъ клалъ свою голову на голову Сережи и говорилъ ему: „Ну что мой миленькій“? какъ бывало говорилъ нашимъ дѣтямъ, моимъ дѣтямъ—я вся блѣднѣла и убѣгала изъ комнаты. И обида, и злоба, и горе разрывали мнѣ сердце въ клочки. Я цѣлый мѣсяцъ работала надъ собой и не могла задавить въ себѣ этихъ чувствъ и не могла простить мужу его жестокости ко мнѣ... Я и мальчика возненавидѣла такъ, что боялась остаться съ нимъ вдвоемъ...

Наконецъ, я дошла до того, что рѣшила забрать моихъ дѣтей и ѣхать въ Россію. Разъ, когда мужъ ушелъ съ Сережей гулять, я собрала дѣтей, уложила вещи и уже велѣла выносить ихъ.

Мужъ вернулся почему-то раньше, чѣмъ обыкновенно, взглянулъ кругомъ, потомъ на меня и сразу все понялъ.

— Ты бросаешь меня?—спросилъ онъ такъ кротко и приниженно, что опять сдѣлался мнѣ жалокъ, только жалокъ.

— Я уѣзжаю съ дѣтьми...

— Почему?

Я не хотѣла ему говорить правду, но она вылетѣла точно сама собой.

— Намъ незачѣмъ быть вмѣстѣ... Мы не любимъ другъ друга.

— Ты меня не любишь?

Онъ спросилъ такъ, точно мысли не могъ допустить, что я разлюбила его. И я съ особеннымъ злорадствомъ сказала:

— Не люблю...

Помню, какъ онъ двинулся ко мнѣ, точно хотѣлъ взять меня за руки, а я отшатнулась отъ него и почти закричала:

— Да! Не люблю! И жизнь съ тобой подъ однимъ кровомъ—не жизнь, а мука! И ничто не сравнится съ этой мукой: ни страданія ревности, ни оскорбленная любовь, ни что!

Онъ опустилъ голову и молчалъ. Я и не ждала отвѣта... Рядомъ въ комнатѣ послышались дѣтскіе голоса, и я хотѣла пойти къ нимъ...

Тутъ произошло что-то совсѣмъ неожиданное: этотъ избалованный человѣкъ, который только позволялъ женщинамъ обожать себя, бросился къ моимъ ногамъ съ мольбой не бросать его... Онъ плакалъ, цѣловалъ мое платье, мои руки и безпомощно всхлипывалъ, повторяя:

— Ты одна можешь спасти меня!..

Я слушала его съ сожалѣніемъ, но безъ волненья... Вбѣжали дѣти, притащили за руку и Сережу, который почему-то упирался и не хотѣлъ идти. Видъ отца, заплаканнаго и обиженнаго, растрогалъ ихъ сейчасъ же, и всѣ они начали его цѣловать, поднимать съ полу и просить меня успокоить его...

Я осталась. И не только осталась, а еще взяла къ себѣ Сережу, этого болѣзненнаго и одинокаго мальчика, и дала обѣщаніе воспитывать его вмѣстѣ съ моими Васей и Вовой.

Три мѣсяца жизни за границей прошли очень тяжко, мы оба точно влачили тяжелую ношу. Мы переѣзжали изъ города въ городъ—будто колодники, прикованные къ одной тачкѣ: онъ думалъ о своей печали, я страдала своимъ горемъ. Онъ не отходилъ отъ меня и это меня раздражало и злило. Я вспоминала, какъ прежде я грустила, когда онъ не бывалъ дома, и какъ его выводила изъ себя моя грусть. Теперь, когда онъ цѣлыми вечерами сидѣлъ около меня—я мучилась мыслью: почему это не прежде, когда я такъ горячо любила его? Почему въ жизни все хорошее приходитъ всегда поздно? И я тосковала и радовалась, если онъ уѣзжалъ куда-нибудь.

Въ Петербургѣ сразу стало легче. Налетѣло такъ много думъ и заботъ не о себѣ, что личное горе заслонилось чужими печалями; стало стыдно носиться со своими страданіями, оплакивать свои несчастья... И дома, и въ школѣ такъ много дѣла, что некогда плакать... Мужъ тоже принялся за работу.

Дѣла наши оказались совершенно разстроенными, и ему

теперь приходится очень много работать, чтобы привести все въ порядокъ. Онъ занятъ съ утра до шести часовъ. Мы встрѣчаемся за обѣдомъ и на видъ все идетъ покойно и прилично... И такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока Викторъ не влюбится въ кого-нибудь и не броситъ меня. Я его никогда не брошу. Чтобы бросить—надо имѣть къ кому уйти; мнѣ не къ кому уйти: я никогда уже никого не полюблю. Я любила только одного человѣка, а теперь во мнѣ нѣтъ любви; есть жалость, есть чувство долга, есть сознаніе, что полезенъ кому-то, можетъ быть, необходимъ... А любви нѣтъ. И въ этомъ—тоска жизни. Но я всетаки не промѣняю ее на ваше одиночество.

Одинъ! Какое это страшное слово!

В. Ч.

LI.

Турьи Горы, 20 ноября 19... г.

Сегодня ровно годъ, какъ я написалъ вамъ отсюда первое письмо... Также кругомъ меня все засыпано снѣгомъ, также пусто и безмолвно кругомъ меня: молчитъ громадный домъ, молчитъ, придавленный тяжелыми хлопьями, садъ, совершенно также, какъ и годъ тому назадъ; кругомъ меня все то же. Но самъ я уже не тотъ. Нѣтъ ни надеждъ, ни ожиданій, ни трепетной тоски. Сняты „съ души оковы, съ сердца муки“ и обрѣтенъ покой! Покой! Это тоже одно изъ страшныхъ словъ для васъ, также какъ и одиночество?

Да! Я одинъ! А вы? Развѣ вы не одна?

С. Р.

Ек. Лѣткова.

Станиславъ Пшибышевскій.

„Я плюю на мочальный вѣкъ кастратовъ, не годный ни на что другое, какъ пережевывать дѣянія древности... Сила его лона изсякла, теперь пивныя дрожжи должны помогать продолженію человѣческаго рода... Они засовываютъ двери отъ здоровой природы пошлыми условностями, у нихъ не хватаетъ духа стаканъ до дна выпить... Нѣтъ! я не въ силахъ объ этомъ думать!—Я долженъ сдавить свое тѣло корсетомъ, зашнуровать свою волю законами. То, что могло бы взмахнуть орлинымъ полетомъ, благодаря закону, ползетъ, какъ улитка. Законъ еще не создалъ ни одного великаго человѣка, гиганты и крайности порождаются свободой“... Такъ благородный разбойникъ Карлъ Моръ, исходя изъ печальныхъ наблюденій надъ современнымъ ему „чернильнымъ вѣкомъ“, смѣло дѣлалъ общій выводъ: человѣкъ имѣетъ право преступать все, что регулируетъ отношенія людей между собою, и стремиться къ величію въ добродѣтели или въ порокѣ,—это уже все равно, лишь бы не оставаться посредственностью.

Сорокъ лѣтъ позднѣе другой, болѣе могучій и привлекательный преступникъ, Манфредъ, снова съ неизъяснимымъ презрѣніемъ отзывается о людяхъ. „Такъ сильна былъ моя любовь къ одиночеству,—говоритъ онъ,—что, если на моемъ пути встрѣчались люди, быть братомъ которыхъ мнѣ непріятно было, я чувствовалъ себя униженнымъ; я становился такимъ же созданіемъ изъ грязи, какъ они“. „Въ юности моей,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—и у меня были земныя иллюзіи и благородные порывы! Мнѣ хотѣлось овладѣть душою людей, быть маякомъ для народовъ... Это время прошло; мои мысли погибли отъ собственной чрезмѣрности... Я не могъ обуздать свою природу; ибо, чтобы повелѣвать, нужно сначала повиноваться, льстить и требовать, подстерегать случаи, разбрасываться, чтобы всюду поспѣть, и привыкнуть измѣнять истинѣ: вотъ какъ достигается господство надъ низкими и трусливыми умами, а таково большинство людей. Я считалъ ниже себя принадлежать къ стаѣ волковъ, хотя бы для того, чтобы управлять ею. Левъ живетъ

одинъ; я подобенъ льву". Здѣсь низкія качества людей не пріурочивается къ какому-нибудь времени, но извѣстно, какія мѣстныя явленія опредѣленной эпохи воспитали разочарованный пессимизмъ Манфреда.

Еще черезъ полстолѣтія новый врагъ толпы мечетъ въ нее еще болѣе жестокіе громы: „ничто иное, какъ именно масса, большинство, проклятое компактное большинство отравляетъ источники нашей духовной жизни и зачумляетъ подъ нами почву... Отвратительная ложь—мнѣніе, будто масса, толпа составляетъ ядро народа, даже тожественна съ народомъ, будто обыкновенный человѣкъ, этотъ нашъ невѣжественный, духовно незрѣлый собратъ имѣетъ такое же право произносить сужденіе, господствовать и управлять, какъ и немногіе благородные и свободные по духу... Это не болѣе, какъ газетная ложь. Толпа только сырой матеріалъ, изъ котораго мы, лучшіе, еще должны создать народъ"...

Раньше Ибсена, Байрона, Шиллера такое же ожесточеніе противъ толпы, ея инстинктовъ и идеаловъ мы можемъ найти у Мольера, у Шекспира и у многихъ другихъ великихъ представителей человѣчества. И кто возьмется утверждать, что они неправы? Легко указать, но трудно во всемъ объемѣ оцѣнить то зло, которое каждый изъ нихъ перенесъ отъ ограниченности, грубости, порочности и деспотизма „компактнаго большинства". Это настолько общеизвѣстно, что даже не стоитъ приводить фактовъ. Но въ этихъ вѣчно повторяющихся обвиненіяхъ есть сторона, на которую какъ-то не обращаютъ вниманія: всякій, кто бросаетъ презрительное слово толпѣ окружающихъ людей, долженъ былъ бы прибавлять: „отъ нихъ же первый есмь азъ". Ибо нѣтъ никого, не исключая и величайшихъ геніевъ, кто бы въ извѣстныхъ случаяхъ не увеличивалъ собою толпы и не долженъ былъ бы въ извѣстной мѣрѣ взять на себя отвѣтственность за ея дурныя качества и неразумные поступки. Про кого можно сказать, что онъ никогда не присоединялъ своего голоса къ несправедливому общественному приговору, не поддавался корыстнымъ или себялюбивымъ инстинктамъ, не кадилъ злой силѣ, не усиливалъ гнета надъ чужою личностью? Пушкинъ, съ такой силой противоставившій поэта толпѣ, въ другомъ мѣстѣ признаетъ, что въ извѣстныхъ условіяхъ „среди дѣтей ничтожныхъ міра быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ". Кромѣ того, не надо вовсе быть геніемъ или поэтомъ, чтобы испытывать на себѣ несправедливый общественный гнетъ. Въ этой презрѣнной, безымянной толпѣ врядъ-ли найдется хоть одинъ „ничтожный міра", который бы не имѣлъ какого-нибудь основанія противополагать себя окружающей его средѣ, не имѣлъ бы права жаловаться на непониманіе его лучшихъ чувствъ и благороднѣйшихъ порывовъ. Такимъ образомъ, нельзя дѣлить человѣчество

на людей толпы и людей, стоящихъ выше толпы. Между самыми высокими индивидуумами и самыми ординарными смертными разница не качественная, а только количественная. Всѣ въ большей или меньшей степени, какъ личности, страдаютъ отъ слѣпого насилія общества, а какъ члены таковаго, заставляютъ страдать другихъ.

Поэтому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда человѣкъ выражаетъ презрѣніе къ низменной толпѣ, отсюда еще нельзя заключать, что онъ стоитъ выше нея. XIX вѣкъ пріучилъ насъ подозрительно относиться къ высокомѣрнымъ позамъ многочисленныхъ подражателей Манфреда, ибо его загадочная мрачность и красивая поза оказались весьма удобными для тѣхъ, кто хотѣлъ замаскировать свое убожество и спекулировать на легковѣріе этой самой толпы. Такое переодѣваніе, всегда корыстное, но невсегда сознательное, особенно часто практиковалось и донынѣ практикуется въ средѣ парижской литературной богемы. Молодые люди, не всегда лишенные таланта, но въ силу историческихъ условій не вовлеченные въ потокъ общественной жизни, расточаютъ свою молодость по бульварамъ, по кабачкамъ, по альковамъ кокотокъ; когда же наступаетъ неизбѣжная реакція, когда тѣло и душа износятся, когда расшатанные нервы сопровождаютъ всѣ привычныя радости болѣзненными ощущеніями, тогда наступаетъ роль философіи: міръ устроенъ самымъ отвратительнымъ образомъ, дьяволъ—или Ариманъ, какъ теперь любятъ говорить—засадилъ его сплошь „цвѣтами зла“, человѣчество есть скопище идіотовъ, надъ которыми возвышается нѣсколько лучезарныхъ геніевъ; послѣдніе въ силу своего одиночества всегда несчастны, но за то они награждены привилегіей свободы отъ всѣхъ обязательствъ по отношенію къ обществу и ко всѣмъ людямъ въ отдѣльности; ихъ „страсти“ и пороки это стихійныя силы, для которыхъ не существуетъ запретовъ и ограниченій. Классическій литературный типъ такого геніальнаго дебошира мы имѣемъ въ Ролла, а въ дѣйствительной жизни, начиная съ Боделера, имя имъ легіонъ.

Съ конца 80-хъ годовъ, отчасти въ подражаніе Парижу, отчасти подъ вліяніемъ Ничше, появилась небольшая кучка спившихся Манфредовъ въ Берлинѣ и въ скандинавскихъ столицахъ. Волна эта дошла и до Петербурга, но уже совсѣмъ въ каррикатурной формѣ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говорятъ, можно было встрѣтить гимназистовъ, которые увлекались стихами г-жи Гиппіусъ и увѣряли, что у нихъ „страшно порочная душа“, откуда, конечно, слѣдовало заключеніе, что они геніальны въ мѣру своей порочности. Но у насъ не нашлось ни одного хоть маломальски талантливаго художника, который бы далъ свое имя этой импортированной порочности душъ. Польской литературѣ въ этомъ отношеніи больше повезло,—у нея есть писатель, сое-

диняющій несомнѣнно недюжинный талантъ съ исковерканнымъ психическимъ и умственнымъ складомъ. Въ сокращенномъ масштабѣ о немъ можно бы было бы сказать то, что аббатъ говоритъ о томъ же Манфредѣ: „Этотъ человѣкъ могъ бы быть благороднымъ существомъ. Каковъ онъ есть,—это хаосъ, достойный удивленія, смѣсь свѣта и тѣни, генія и праха, страстей и возвышенныхъ мыслей“...

Въ Варшавѣ въ настоящее время, быть можетъ, никого изъ польскихъ писателей не называютъ такъ часто, какъ Станислава Пшибышевскаго, одни съ восторгомъ, другіе съ ожесточеніемъ. Его именемъ обозначается цѣлое направленіе, которое выходитъ за предѣлы литературы и становится общественнымъ, ибо требуетъ подчиненія жизни искусству. Объ его личной жизни циркулируютъ самыя невѣроятныя легенды, а онъ не только не старается ихъ разсѣять, но въ своихъ произведеніяхъ даетъ имъ теоретическое оправданіе и такимъ образомъ поддерживаетъ возможность имъ вѣрить. „Художникъ,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ („Na drogach duszy“),—который жалуется, что, разбрасывая сокровища своего духа, пятнаетъ свою душу прикосновеніемъ къ толпѣ, переступилъ священный порогъ, но ошибается. Человѣкъ, не признающій никакихъ законовъ, стоящій выше толпы, выше міра, не можетъ быть запятнанъ“. Проявляющееся здѣсь самомнѣніе могло бы вызвать только улыбку, если бы оно не искало основанія въ отрицаніи всѣхъ нормъ человѣческаго общежитія. Съ этой стороны его произведенія возбуждаютъ нападки не только филистерски-ограниченныхъ моралистовъ, мѣряющихъ все выходящее изъ ряда вонъ традиціоннымъ шаблономъ, но и такихъ писателей, которые принадлежатъ къ наиболѣе передовымъ элементамъ польскаго общества, какъ по своему общественному направленію, такъ и по своимъ литературнымъ вкусамъ. Извѣстный и русскимъ читателямъ видный литераторъ Андрей Немоевскій, котораго нельзя упрекнуть ни въ пансіонскихъ взглядахъ на мораль, ни въ несочувствіи новымъ теченіямъ въ искусствѣ, недавно обратился къ Пшибышевскому *) съ такой жестокой апострофой, какую рѣдко можно встрѣтить въ литературѣ. Это искренній крикъ негодованія и горечи. А. Немоевскій упрекаетъ Пшибышевскаго въ томъ, что, считая порочность истиннымъ признакомъ артистической души, онъ не только не претендовалъ на распространенные скандальные слухи о его личной жизни, но даже самъ заботился объ ихъ усиленіи. „Однажды,—пишетъ онъ,—тебѣ было доказано даже, что ты не совершилъ той гадости, надъ совершеніемъ которой ты сокрушался... И если прежде честью считалось названіе порядочнаго человѣка, теперь пьяница и негодяй стали почетными титулами... Ты опоганилъ все, до чего прикасался. Опога-

*) «Głos», 1902, № 5.

нилъ каждаго юношу, котораго бралъ подъ свою опеку, опоганилъ каждую женщину, къ которой ты приближался, опоганилъ новое литературное направленіе, жрецомъ котораго ты самозванно называлъ себя. Ты опоганилъ достоинство писателя... Ты навязывалъ публикѣ тайны своей частной жизни, а поэтому ты теперь не имѣешь права приказывать людямъ молчать... Въ своихъ манифестахъ ты выбросилъ этику изъ искусства. Нѣтъ, ты хотѣлъ выбросить этику изъ жизни артиста! Твоя литература должна была только служить оправданіемъ твоей жизни. Ты создалъ какъ бы „теорію скандала"... Безсильна и безплодна когорта тѣхъ свихнувшихся людей, которые окружаютъ тобя. Много бляги, много шутовства, много надруганія надъ работой другихъ, а дѣла слишкомъ мало... Новое направленіе—это не они"...

На этотъ горячій протестъ обидѣлись, правда, поклонники Пшибышевскаго, но онъ самъ остался нѣмъ, хотя, вѣроятно, не глухъ.

Мы привели эти инкриминаціи не съ тѣмъ, чтобы разбираться въ подробностяхъ личной жизни разсматриваемаго писателя, не съ тѣмъ также, чтобы оцѣнивать его вліяніе на общественную нравственность,—эти факты лежатъ за предѣлами литературы и не могутъ быть провѣрены литературными средствами,—намъ хотѣлось только показать, что дѣятельность Пшибышевскаго не есть явленіе, черезъ которое, по выраженію Немоевскаго, „можно перейти къ порядку дня" при изученіи современной польской литературы, что она во всякомъ случаѣ вызываетъ интересъ и требуетъ вниманія, такъ какъ серьезно затрогиваетъ общественную психологію. Мы постараемся прослѣдить, подъ какими условіями сложилось это своеобразное явленіе, поскольку, конечно, для этого можно найти матеріалъ въ литературѣ. Часто намъ поневолѣ придется ограничиться догадками, гипотезами и аналогіями.

Разочарованные герои романтизма обыкновенно къ двадцати годамъ уже постигали безсмысленность и тщету жизни, презирали человѣчество и „хладнымъ умомъ" похожи были на старцевъ, истрепанныхъ бурями и какою-то „борьбою". Пшибышевскій тоже еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ дошелъ до презрѣнія къ людямъ, потерялъ вѣру въ общественный прогрессъ, въ общее и даже личное счастье, сохранивъ впрочемъ вѣру въ наслажденіе. Онъ выступилъ на литературное поприще десять лѣтъ тому назадъ, когда ему не было еще и 25 лѣтъ, и сразу опредѣлилъ себя совершенно такимъ, каковъ онъ и въ настоящую минуту. Условія его молодости имѣютъ рѣшающее значеніе для его психическаго склада, и поэтому нельзя не остановиться на нихъ. Онъ родился въ прусской части Польши, недалеко отъ русской границы. „Отецъ мой,—пишетъ онъ самъ въ одной автобіографической замѣткѣ *),—былъ сельскимъ учителемъ, въ неустанной

*) *Dr. Zygmund Leser*, «Neurastenicy w literaturze. Lwów, 1900.

борьбѣ съ нуждой... Мать необыкновенно музыкальная и святая женщина". Отъ нея сынъ унаслѣдовалъ утонченную впечатлительность и настоящій музыкальный талантъ, которому онъ, къ сожалѣнію, не посвятилъ себя. У дѣтей помѣщиковъ, если они росли въ деревнѣ, обыкновенно сохраняются самыя свѣтлыя воспоминанія о просторѣ родныхъ полей, о близости къ природѣ, которая часто надѣляетъ ихъ на всю жизнь запасомъ поэтическихъ впечатлѣній. Крестьянскія дѣти также нерѣдко выносятъ источникъ радости изъ воспоминаній о запахѣ свѣже вспаханной земли, о традиціонномъ, стройномъ укладѣ жизни, о таинственномъ мірѣ народной фантазіи. Для Пшибышевскаго, сына полуинтеллигентнаго пролетарія, связаннаго съ деревней только проклятою необходимостью существовать, дѣтство было только рядомъ диссонансовъ. Къ этому присоединялись, повидимому, нелады между родителями, какъ можно заключить изъ перваго романа Пшибышевскаго, имѣющаго много автобіографическихъ элементовъ („Totenmesse"). Кромѣ того, самая природа его родного угла, бѣдная, однообразная, унылая, народъ, пригнетенный вѣковымъ гнетомъ, обезсиленный духовно, суевѣрный, лишенный энергіи ко всему, кромѣ упорнаго, безкорыстнаго труда надъ родными песками и болотами,—вотъ обстановка, которая съ первыхъ лѣтъ наполняла душу будущаго сверхчеловѣка стихійною тоскою и безнадежностью. Онъ самъ въ одномъ мѣстѣ („Z gleby Kujawskiej") такъ описываетъ свои родимыя мѣста и впечатлѣніе, которое они оставили въ немъ:

... „Вокругъ разстилается отромный просторъ, первобытный, безъ контуровъ, сливающійся на краяхъ черной каймой паровыхъ полей съ синевой неба. Сколько хватаетъ глазъ, гладкая какъ столъ, тихая, но безбрежная меланхолія, которая настраиваетъ душу на мягкій mol и колышетъ ее въ глубокой задумчивости... Что-то безконечно тихое, печальное, какой-то тонъ безнадежной тоски легъ на эту землю. Нѣчто замкнутое въ себѣ,—нѣтъ ничего, что могло бы разорвать сосредоточенное въ себѣ вниманіе, нѣчто, что можно высказать только тихимъ шопотомъ, ибо это все такое тихое, и доброе, и печальное... Какая-то парная, предчувствіемъ и заботой чреватая доля притаилась на распутьяхъ и заглушаетъ смѣхъ и говоръ... Когда съ (озера) Гопла встаютъ водяные пары и разстилаются по лугамъ серебряной мглой, а изъ хатъ торфниковъ плыветъ сквозь это море мглы бѣдный, болѣзненный свѣтъ; когда мгла поднимается и распускается въ моросящемъ дождикѣ—о! это ужъ слишкомъ... Цѣлый свѣтъ становится одною, одною страшною мучительной тоской и отражается въ каждой слезѣ и вмѣстѣ съ ней какъ будто сплываетъ въ какія-то темныя пропасти. Это плачъ безъ стона,—плачешь, а ни одинъ мускулъ лица не обнаруживаетъ, что плачешь. Плачешь длинными нитями прозрачнаго жемчуга въ свое собственное сердце... И

на этой землѣ разсѣялся красивый, крѣпкій народъ со всѣми пороками и добродѣтелями польскаго народа, но все это безмѣрно усилено. Народъ этотъ упорный, одаренный какою-то дикою энергіей, которая скорѣе является только извѣстнымъ фаталистическимъ чувствомъ, что такъ, а не иначе должно быть, обладаетъ прежде всего одной характерной чертой: какою-то дивной меланхоліей. Кажется, эти трясины, болота, эти черные, мокрые торфяники выдыхаютъ изъ себя этотъ ядъ безысходной тоски и меланхоліи, сѣрая грусть частыхъ дождей пронизываетъ душу до дна, а лѣниво ползующія тучи оловяннаго неба сволакиваютъ съ сердца радость и веселье. И въ этомъ дьявольскомъ парникѣ, какъ св. Ансельмъ называетъ меланхолію, буйно разрастаются всевозможные злые инстинкты, угрюмое упорство, упрямая строптивость и дивное влеченіе къ гибели, упадку, уничтоженію"...

Авторъ хотѣлъ здѣсь объяснить характеръ другого писателя, своего земляка, талантливаго поэта Яна Каспровича, но въ сущности, какъ всегда, рисуетъ только собственную психологію—и, надо сказать, очень удачно. Вынесши изъ дому это чувство жуткой тоски и фаталистическую готовность пасть жертвой дурныхъ вліяній и собственныхъ дурныхъ инстинктовъ, онъ не былъ связанъ съ родной почвой тѣми органическими узами родства и любви, которыя даютъ цѣль жизни и поддерживаютъ бодрость. Въ этомъ отношеніи Пшибышевскій дѣлитъ участь очень многихъ соотечественниковъ, изъ тѣхъ, которые обладаютъ сильно развитыми артистическими склонностями. Въ большихъ европейскихъ центрахъ, въ Парижѣ, въ Мюнхенѣ, въ Римѣ, можно найти цѣлыя колоніи польскихъ интеллигентовъ, которыхъ гонятъ изъ родины не какія-нибудь политическія потрясенія, а мелкій провинціальный типъ жизни. Маленькія домашнія столицы, Варшава и особенно удушливо клерикальный Краковъ, слишкомъ тѣсны, чтобы ихъ таланты могли тамъ получить полное развитіе и найти достаточное пониманіе. Правда, здѣсь строжайшимъ образомъ слѣдятъ за послѣднимъ словомъ Европы въ формѣ усовъ и фасонѣ галстуховъ, да и въ области наукъ и искусствъ прилагаютъ старанія, чтобы они процвѣтали не меньше, чѣмъ въ Парижѣ, но тѣмъ хуже. Здѣсь есть академіи наукъ и художествъ, и мантіи академиковъ также пышны, какъ и во всѣхъ другихъ „европейскихъ" академіяхъ. Какъ во всѣхъ провинціальныхъ центрахъ, есть и свои знаменитости, для которыхъ газеты не щадятъ эпитетовъ „нашъ несравненный", „нашъ маститый", „нашъ великій". Есть и меценаты, поощряющіе національное искусство, подъ которымъ подразумѣваются величественные, трогательные или игривые сюжеты и отсутствіе ярко выраженной индивидуальности автора; послѣдняя считается признакомъ „болѣзненности таланта" и не поощряется, пока какой-нибудь нѣмецкій или французскій критикъ не расхвалитъ „интереснаго поляка"; тогда и

этотъ становится „нашимъ всемірно-знаменитымъ“, и то, что прежде называлось нездоровою крайностью, теперь оказывается геніальной смѣлостью *). Есть и пресса, набожная въ вопросахъ религіи, оппортунистическая въ вопросахъ политическихъ, и благотворительная въ вопросахъ соціальныхъ. Всякое независимое слово считается измѣной національнымъ идеаламъ. Есть, конечно, трудящаяся и страдающая масса, но артистическія натуры не имѣютъ возможности, не умѣютъ и не хотятъ найти къ ней доступъ. Остается одинъ путь: бросить родныя палестины, смѣшаться съ интернаціональной богемой, вынести свой талантъ на международный рынокъ и забыть, что есть на свѣтѣ Варшава и Краковъ. Но это не забывается. Связь порвана, отечественныя отношенія вспоминаются только съ язвительною насмѣшкой, но душа болитъ. Нѣмецкіе критики хвалятъ, американцы платятъ крупные куши за картины, но самая животрепещущая, самая интимная часть авторской индивидуальности остается всѣмъ непонятной и чуждой. Въ комъ сильнѣе артистическіе инстинкты, тотъ замыкается въ себѣ, становится нелюдимымъ чудакомъ, мизантропомъ. Такова, напр., полная внутренняго драматизма, судьба умершаго въ прошломъ году въ Римѣ польскаго художника Александра Геримскаго. Въ комъ слабѣе воля, въ комъ сильнѣе запросы наслажденія, тотъ окунается съ головой въ водоворотъ трактирной жизни, упивается похвалами собутыльниковъ и возводитъ въ перлъ созданія свою геніальную безпорядочность. Такимъ кажется намъ случай Пшибышескаго.

Очутившись въ Берлинѣ, онъ сначала хотѣтъ утилизировать свою склонность къ искусству, и принялся изучать архитектуру и исторію искусства: по настоящему въ книгѣ судебъ ему была предназначена карьера музыканта. Но отечественные меценаты, рѣшили иначе и, чтобъ поддержать талантливаго юношу, дали ему медицинскую стипендію. Пять лѣтъ потратилъ онъ на медицинскія штудіи, однако врачемъ не сдѣлался, но за то научился называть вещи своими именами и въ первыхъ же своихъ литературныхъ опытахъ широко воспользовался научной номенклатурой для обозначенія неназываемыхъ обыновенно въ беллетристикѣ явленій. Изъ общественныхъ теченій его, конечно, манили только тѣ, которыя импонировали силой или выдѣлялись яркостью. Поэтому онъ нѣкоторое время колебался между соціалъ-демократіей (даже редактировалъ первый польскій партійный органъ) и крайнимъ индивидуализмомъ, который тогда проникъ въ нѣмецкую литературу подъ вліяніемъ Ничше. Колебанія

*) Въ подтвержденіе своихъ словъ сошлюсь на нѣсколькихъ независимыхъ публицистовъ, Стан. Витеквича («Sztuka i krytyka u nas», Lwów 1999), Феликса Ясенскаго (статьи по вопросамъ искусства въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ), Зенона Пшесмыцкаго (статьи въ журналѣ «Chimera»).

эти, конечно, должны были разрѣшиться въ смыслѣ полнаго торжества индивидуализма. Это направленіе было новѣе, артистичнѣе и къ тому же не налагало никакихъ обязательствъ. Любопытно, что Пшибышевскій сошелся въ Берлинѣ больше всего со шведами Ола Хансономъ и Стриндбергомъ, которые бѣжали сюда также отъ узко-филистерской родины. И Пшибышевскій, и Ола Хансонъ сдѣлались нѣмецкими писателями. Дѣйствительно, что́ польская публика, упоенная Сенкевичемъ, могла бы понять въ погребально-эротическихъ бредовыхъ образахъ алкоголика, которыми Пшибышевскій дебютировлъ въ качествѣ романиста! Можно ручаться чѣмъ угодно, что ни одинъ польскій издатель не согласился бы тогда напечатать такую „болѣзненную“ книжку. Нѣмецкая же кружковая критика, такъ называемаго „желто-зеленаго“ направленія (въ отличіе отъ краснаго), разсыпалась въ восторгахъ передъ „геніальнымъ полякомъ“ и ставила его во главѣ цѣлой школы.

Выработку своего міросозерцанія и характера Пшибышевскій завершилъ въ Христіаніи; его разсказъ о бытѣ норвежской молодежи конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ очень любопытенъ.

„Началась,—говоритъ онъ („Na drogach duszy“),—фанатическая борьба между Біорнсономъ съ одной стороны, который вылилъ свою старческую и никчемную мудрость въ пресловутой брошюрѣ „Полигамія и моногамія“, и цѣлымъ молодымъ поколѣніемъ съ другой стороны... Кружокъ этотъ повелъ отчаянный штурмъ противъ „хорошаго“ общества. Онъ сдернулъ лицемѣрную маску, которою хорошее общество покрывало свои язвы; вещи, о которомъ прежде говорили только на ухо другъ другу, молодежь раскричала по всѣмъ перекресткамъ, а половая потребность взрослыхъ юношей и дѣвушекъ, которые не могли обезпечить себѣ бракомъ удобнаго и относительно здороваго ложа, сдѣлалась главнѣйшимъ предметомъ отчаянныхъ битвъ между старыми и молодыми. Изъ-за границы импортировалось немного уже устарѣлое тамъ оружіе: матеріализмъ, соціализмъ, права женщинъ, упорядоченіе проституціи, половая равноправность для обоихъ половъ. Кричали, дебатировали, принудили „хорошее“ общество вступить въ споръ, обороняться, трепали по газетамъ самые щекотливые вопросы, сидѣли цѣлыми днями по кофейнямъ, издѣвались и смѣялись надъ старыми „предразсудками“,—ну и пили—охъ! пилось тогда очень много... Но вскорѣ наступилъ колоссальный разгромъ... Богема распалась. Женщины испортились подъ вліяніемъ „новой“ морали, проповѣдовавшей „свободную“ любовь, мужчины погибли или вымерли вслѣдствіе чрезмѣрнаго употребленія такъ наз. „горячихъ напитковъ“, а остальные стали „порядочными“. Нѣкоторые облечены должностями бургомистровъ, другіе стали примѣрными мужьями, обремененными многочисленнымъ семействомъ“.

Съ Пшибышевскимъ не произошло ни того, ни другого. Среда, въ которой онъ вращался, наложила на него несмываемую печать, хотя идеи его прямо противоположны тѣмъ, которыя онъ приписываетъ норвежскимъ „нигилистамъ". Вмѣсто матеріализма, соціализма, женскихъ правъ, половой равноправности половъ онъ исповѣдуетъ мистицизмъ, безграничный индивидуализмъ, рабство женщинъ и необходимость для нихъ моноандріи, тогда какъ мужчинамъ моногамія вовсе не ставится въ обязательство. Но за то половыя отношенія интересуютъ его больше всего на свѣтѣ.

Великій индивидуалистъ XVIII вѣка, Фаустъ, колеблется, какъ перевести евангельскія слова: „Вначалѣ было слово". Онъ сынъ философскаго, умозрительнаго вѣка, и потому прежде всего ему приходитъ въ голову идея: „Вначалѣ была мысль". Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принадлежалъ къ поколѣнію, которое мощно потрясало устарѣвшіе устои общественнаго порядка и вѣровало въ предвѣчность своей разрушительной миссіи, поэтому онъ исправляетъ найденную имъ формулу: „Вначалѣ была сила". Однако и это не можетъ его удовлетворить. Разрушеніе было для него не конечной цѣлью, а лишь ступенью, подготовленіемъ къ дальнѣйшему созиданію, а сила не обладаетъ сама по себѣ созидательнымъ свойствомъ. Такимъ образомъ онъ окончательно останавливается на мысли, что „вначалѣ было дѣянье".

Маленькіе, вырождающіеся правнуки Фауста (въ побочной линіи), индивидуалисты конца XIX вѣка, не имѣющіе никакого довѣрія къ „мысли", не чувствующіе въ себѣ никакой, даже разрушительной „силы" и тѣмъ менѣе способные къ творческому „дѣянію", по своему объясняютъ начало всѣхъ началъ. „Вначалѣ былъ полъ. Ничего внѣ его,—все въ немъ",—такъ начинается первое беллетристическое произведеніе Пшибышевскаго, изображающее психологію спившагося дегенеранта, и насколько это вступленіе имѣетъ слабое философское значеніе, настолько оно опредѣлительно для міросозерцанія автора. Онъ неоднократно возвращается къ этой мысли въ другихъ произведеніяхъ, а если и не высказываетъ ее словами, то она слышится, какъ „лейтмотивъ" во всемъ его творчествѣ. Половая дѣятельность въ его представленіи есть причина, цѣль, содержаніе и смыслъ жизни. Все остальное только болѣе или менѣе случайная „надстройка". Слѣдить за логическимъ развитіемъ этой идеи, которая кажется автору „неизмѣримо глубокой", было бы скучно. Мы не имѣемъ въ виду спорить съ Пшибышевскимъ и его героями. Посмотримъ только, въ какіе художественные образы выливается его философія.

Пшибышевскій не натуралистъ. Онъ не любитъ указывать условія мѣста и времени, не описываетъ обстановки, въ которой происходятъ его романы (насколько это слово приложимо къ его произведеніямъ). Нѣкто, гдѣ-то, когда-то пьетъ безъ просыпу у

гроба своей возлюбленной, которую онъ замучилъ своей дегенеративной любовью, составленной изъ сладострастія, ненависти, отвращенія и мучительства. Этотъ нѣкто, этотъ „Я“ излагаетъ идеи своего пьянаго бреда, описываетъ свои психопатическія ощущенія то циническими медицинскими терминами, то изысканными гиперболами и метафорами. Онъ и теперь, къ трупу продолжаетъ чувствовать то же животное влеченіе, соединенное съ ужасомъ, гадливостью и ненавистью. Въ умопомраченіи совершаетъ онъ всевозможныя безумства, зубами терзаетъ мертвое тѣло, и т. п. Въ концѣ концовъ онъ собирается застрѣлиться. Таково фактическое содержаніе „Заупокойной мессы“, которая положила начало двойственной славѣ Пшибышевскаго. Критика удивлялась безстрашному анализу будто бы правдивыхъ душевныхъ состояній. Въ дѣйствительности же, мы имѣемъ здѣсь возвращеніе къ давно прошедшимъ пріемамъ романтизма, который любилъ поражать читателя гигантскими контрастами, добродѣтелями и пороками, свѣтлыми явленіями и ужасами, и все въ размѣрахъ nec plus ultra. Изобрѣсти послѣ нихъ какіе-нибудь новые ужасы очень трудно, и въ данномъ случаѣ мотивъ посмертной половой любви использованъ уже у В. Гюго, конечно, безъ такого психологическаго ковырянія, въ эпизодѣ Казимодо и Эсмеральды.

Несравненно жизненнѣе второй разсказъ Пшибышевскаго „Вигиліи“, который, впрочемъ, также весь построенъ на томъ же мотивѣ животной любви. Это пожалуй лучшее изъ всего, что Пшибышевскій написалъ въ беллетристической формѣ. Здѣсь, дѣйствительно, правдиво изображена раздвоенность неврастеническаго выродка fin de siècle. Какой-то „Я“ замѣчаетъ зарождающуюся страсть между своею возлюбленной и своимъ пріятелемъ. Герой исповѣдуетъ теорію свободной любви, а въ глубинѣ души сохраняетъ первобытные инстинкты самца, который чувствуетъ потребность убить невѣрную самку. Онъ самъ съ напускнымъ цинизмомъ толкаетъ влюбленныхъ другъ къ другу въ объятія, а послѣ глубоко страдаетъ и терзаетъ несчастную женщину. Авторъ, конечно, неосновательно думаетъ, что онъ обнажилъ тутъ вѣчныя, неизмѣнныя отношенія между мужчиной и женщиной, и подмѣтилъ важную черту человѣческой природы: независимость чувствъ и даже поступковъ отъ разсудка, который является не болѣе какъ наблюдателемъ психической жизни. На самомъ дѣлѣ повѣсть Пшибышевскаго имѣетъ болѣе скромное значеніе: это яркая культурная картина, человѣческій документъ извѣстной эпохи, исповѣдь неуравновѣшеннаго поколѣнія, которое цѣликомъ еще погружено въ психическія привычки патріархально-рабовладѣльческаго строя жизни, хотя знаетъ наизусть всѣ страшныя слова, пугающія воображеніе „хорошаго“ общества.

Вслѣдъ за „Вигиліями“ Пшибышевскій написалъ довольно объемистую трилогію романовъ, объединенныхъ личностью героя, демоническаго Фалька. Ни одна женщина не можетъ видѣть его безнаказанно. На пространствѣ трехъ романовъ встрѣчаются четыре женщины, которыя всѣ самоотверженно любятъ его, не смотря на то, что онъ въ большинствѣ случаевъ третируетъ ихъ, какъ нужныя ему для его развлеченія вещи. Начинается съ того, что онъ въ нѣсколько дней съ примитивной грубостью отбиваетъ невѣсту у своего лучшаго друга, который поэтому лишаетъ себя жизни. („За бортъ“, — эта часть трилогіи, первая хронологически, написана послѣдней, отчего получаются различныя противорѣчія и натяжки). Затѣмъ, женившись на этой женщинѣ и даже любя ее по-своему, Фалькъ пріѣзжаетъ на нѣсколько дней къ своей матери въ глухую провинцію съ спеціальною цѣлью соблазнить молоденькую глупенькую провинціалку, которая влюблена въ него чуть не съ дѣтства. Онъ достигаетъ своей цѣли еще болѣе примитивными средствами, съ циническою радостью объявляетъ ей, что онъ женатъ, и соблазненная дѣвушка топится („Попутно“). Возвратившись къ своей женѣ и продолжая ее любить, онъ поддерживаетъ связь съ какой-то швеей, которую онъ знаетъ еще со временъ студенчества, и имѣетъ съ нею ребенка. Одновременно съ этимъ въ него влюбляется дѣвица „съ направленіемъ“, соціалъ-демократка, но, до поры до времени занятый сложнымъ романомъ съ женой и любовницей, онъ не обращаетъ вниманія на любовь этой третьей и даже сторонится ея. Когда же жена бросаетъ его, узнавъ, что онъ ее обманывалъ, то въ заключеніи авторъ позволяетъ предвидѣть, что дѣвица „съ направленіемъ“ займетъ очистившееся мѣсто. („Въ Мальстрёмѣ“).

Какъ видитъ читатель, произведеніе Пшибышевскаго весьма напоминаетъ обычные французскіе романы (roman à intrigue или roman romanesque, какъ теперь говорятъ). Этюдъ съ провинціалкой даже указываетъ на опредѣленный прообразъ: „Le disciple“ Поля Бурже. Спрашивается, при чемъ тутъ „новое искусство“? Типъ бульварнаго донъ-Жуана, кажется, разработанъ уже съ болѣе чѣмъ достаточною полнотой. Всѣ его черты — эгоизмъ, беззастѣнчивость, импонирующая извѣстнымъ женщинамъ дерзость, малодушіе и прямая трусость, когда нужно расплачиваться за совершенныя низости, и никогда не изсякающая жажда новыхъ любовныхъ приключеній,—извѣстны намъ изъ разсказовъ нашихъ бабушекъ о „жестокихъ“ романахъ, которыхъ мы уже не читаемъ. Чтобы выдѣлить своего героя изъ его многочисленной, но весьма нелестной родни, Пшибышевскій надѣляетъ его свойствами „сверхчеловѣка“. Авторъ прилагаетъ видимыя усилія, съ цѣлью внушить читателю, что передъ нимъ не обычный

Гитаристъ и соблазнитель
Деревенскихъ дуръ,
Онъ же тайный похититель
Индюковъ и куръ,

а личность въ высшей степени необыкновенная. Фалькъ не играетъ на гитарѣ, а пишетъ романы и изслѣдованія о новыхъ принципахъ искусства, и мы слышимъ отъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, что его сочиненія поразительны по глубинѣ мысли и оригинальности. Онъ не снисходитъ до того, чтобы красть куръ и носовые платки, но его нравственные принципы позволяютъ ему совершать въ интересахъ своего минутнаго наслажденія всѣ тѣ поступки, которые менѣе возвышенныя натуры считаютъ мерзостями. За кулисами романа онъ играетъ выдающуюся роль въ рядахъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, хотя сильно склоняется къ анархизму. Но въ сущности онъ плюетъ на всѣ общественныя теоріи; онѣ имѣютъ для него цѣну лишь постольку, поскольку онѣ даютъ ему власть надъ людьми и особенно поскольку онѣ помогаютъ ему дурманить головы женщинамъ. Онъ глубоко вѣритъ, что міръ существуетъ съ единственною цѣлью служить его похотямъ, или лучше сказать, онъ ни во что не вѣритъ и поэтому не видитъ причины, почему бы ему слѣдовало противостоять своимъ инстинктамъ. Да это ему кажется и невозможнымъ. Онъ детерминистъ и поэтому думаетъ, что, чему быть, того не миновать; человѣкъ есть орудіе въ рукахъ князя міра сего, Сатаны, который все направляетъ ко злу, безсильное звено въ желѣзной цѣпи прошедшаго и будущаго, а жалкій умъ, сознаніе — не болѣе какъ аппаратъ, регистрирующій и классифицирующій происходящія внѣ его событія, но при этомъ еще плохой, испорченный, фальшиво показывающій аппаратъ. „Представьте себѣ плохо дѣйствующій пульсометръ. Онъ, конечно, будетъ записывать подъемъ и паденіе пульса, но фальшиво, совершенно фальшиво. Изъ этого можно будетъ видѣть, что подъемъ и паденіе происходятъ, но ничего болѣе. Видите-ли, такимъ образомъ мозгъ узнаетъ, что въ душѣ нѣчто происходитъ, но что? — объ этомъ онъ ничего не узнаетъ. Короче сказать, если это сравненіе и хромаетъ и ни въ какомъ случаѣ не претендуетъ на точность, мозгъ обманутъ кругомъ и только послѣ, когда онъ суммируетъ все происшедшее, онъ узнаетъ, что его обманули“. Всѣ злодѣйства производитъ сама природа, но она труслива и лжива, и потому хочетъ свалить на другихъ отвѣтственность, и вотъ она съ утонченною жестокостью снабдила „плохо дѣйствующій мозгъ еще маленькой вещицей, совѣстью, которая тысячелѣтіями дрессировалась для того, чтобы испытывать мученія за грѣхи, совершаемые природой“. Герои Пшибышевскаго всѣми силами стараются отдѣлаться отъ деспотизма природы. Быть можетъ, это имъ и удалось бы, и они чувствовали бы себя спокойными и

счастливыми, если бы ихъ не мучили различные неврозы, алкоголизмъ и т. п. Должно быть, хитрая природа сама ужъ такъ устроила: или люди имѣютъ совѣсть, или они психически больны.

Мы опять-таки разсматриваемъ героевъ Пшибышевскаго не съ нравственной, а исключительно съ художественной стороны. Съ этой точки зрѣнія мы не можемъ повѣрить на слово автору, что они представляютъ изъ себя такія крупныя величины. Мы хотѣли бы фактовъ, а не аттестацій. Чѣмъ они покоряютъ себѣ не только сердца женщинъ, но и умы болѣе сильнаго пола? Пусть они совершаютъ злодѣянія, но пусть ихъ поступки будутъ по крайней мѣрѣ солиднаго калибра. Для того, чтобы лгать заразъ нѣсколькимъ влюбчивымъ женщинамъ, вѣдь не нужно быть Талейраномъ. На протяженіи всѣхъ трехъ романовъ Фалькъ не можетъ ни разу заслужить тюрьмы, а лишь нѣсколько разъ оплеуху, и поэтому онъ несомнѣнно гораздо меньше напоминаетъ Манфреда, чѣмъ тѣхъ гимназистовъ, которые во что бы то ни стало желали быть „страшно порочными". Не можемъ мы признать цѣлесообразными и нѣкоторые пріемы автора, но объ этомъ мы будемъ еще имѣть случай говорить далѣе, здѣсь укажемъ только на то, что для пущаго возвеличенія своего героя авторъ даетъ ему уже слишкомъ ничтожныхъ антагонистовъ. Такъ, когда Фалькъ отбиваетъ невѣсту у своего друга, онъ вступаетъ при ней въ споръ на тему эстетики съ цѣлой компаніей собутыльниковъ, и изъ его противниковъ не находится ни одного, кто бы противопоставилъ какія-нибудь вѣскія возраженія его туманнымъ и безсодержательнымъ монологамъ. Въ другой разъ, когда онъ соблазнялъ свою провинціальную поклонницу, онъ опять при ней разбиваетъ на голову всѣхъ провинціальныхъ мудрецовъ въ спорѣ на тему о нѣмецкой политикѣ по отношенію къ полякамъ. Все, что онъ говоритъ, въ данномъ случаѣ настолько разумно и справедливо, что стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ общимъ характеромъ Фалька. Онъ забываетъ свою „сверхчеловѣческую" теорію, что все къ худшему въ этомъ худшемъ изъ міровъ, игнорируетъ пассивную роль разума и горячо убѣждаетъ нѣмцевъ доводами этого самаго разума, что ихъ собственный интересъ требуетъ болѣе человѣческаго отношенія къ польской окраинѣ. Словомъ, его рѣчь могла бы украсить собою въ качествѣ передовой статьи любую либеральную газету (въ примѣчаніи авторъ приводитъ даже дѣйствительные факты въ подтвержденіе взглядовъ Фалька), но извѣстно, что всякая полемическая передовая статья можетъ породить десятокъ статей противоположнаго направленія, въ которыхъ также не было бы недостатка въ аргументахъ и фактахъ. Между тѣмъ Фалькъ настолько посрамляетъ нѣмецкихъ шовинистовъ, что они ничего не могутъ ему возразить, хотя приходятъ въ ярость отъ злости.

Въ сердцѣ соблазняемой дѣвицы акціи Фалька подымаются, конечно, на сто процентовъ.

Еще болѣе мрачный эгоистъ является героемъ другого романа Пшибышевскаго („Дѣти Сатаны"). Здѣсь фабула уже не ограничивается низостями героя въ любовной сферѣ (въ нихъ впрочемъ тоже недостатка нѣтъ); онъ совершаетъ дѣйствительныя преступленія изъ чистой любви къ преступленію, вообще къ разрушенію. Теорія владычества надъ міромъ Сатаны, встрѣчавшаяся у Пшибышевскаго ранѣе лишь въ видѣ намековъ, здѣсь получаетъ окончательное развитіе. „Много въ томъ правды, — говоритъ Гордонъ (такъ зовутъ героя этого романа) въ обычной у Пшибышевскаго монологической формѣ, — что всѣ мы дѣти Сатаны. Всѣ тѣ, которые, гонимые отчаяніемъ и сомнѣніемъ, чувствуютъ тревогу, всѣ тѣ, совѣсть которыхъ отягчена". Въ другомъ мѣстѣ Гордонъ, котораго его послѣдователи въ моменты возмущенія называютъ Сатаной, опять развиваетъ свою идею. „Всѣ они мои. Тотъ юноша, который умираетъ въ гнилой комнатѣ, снѣдаемый больнымъ отчаяніемъ, что безошибочно долженъ умереть, и переполненный дикой, фанатичной ненавистью ко всему, что его погубило,—*мой*! Тотъ другой, который совершилъ преступленіе и хотѣлъ спастись любовью, а я ему погубилъ ее, — *мой*. Тотъ философъ, которому мысль выгрызла сердце,—*мой*. Та женщина, которая вдругъ начинаетъ любить и чувствуетъ отвращеніе къ собственному прошлому, — *моя*! Каждый, преслѣдуемый страхомъ, каждый, отчаявшійся, что скрежещетъ зубами въ безсильной ярости, каждый, кому грозитъ тюрьма, каждый, кто терпитъ голодъ и униженіе, рабъ и сифилитикъ, блудница и опозоренная дѣвушка, покинутая любовникомъ, арестантъ и воръ, неудачникъ-литераторъ и освистанный актеръ,—всѣ они, всѣ *мои*". Эти разнообразные элементы разрушенія Гордонъ хочетъ соединить подъ своею властью. Но покуда что, ему покорились только четверо: чахоточный гимназистъ, эпилептическій юноша, несчастный въ любви, свихнувшійся рабочій и фанатическій идеологъ анархизма. Самъ Гордонъ не имѣетъ никакихъ личныхъ причинъ для ненависти къ мірозданію. Онъ—доброволецъ анархистъ, ему разрушеніе нравится съ эстетической точки зрѣнія. Онъ не вѣритъ ни въ какой общественный идеалъ, для котораго онъ желалъ бы очистить мѣсто, а просто старается сдѣлать все то зло, какое только можетъ, въ частной и общественной жизни. Въ литературномъ отношеніи это любопытное переживаніе типа тѣхъ театральныхъ демоническихъ злодѣевъ, которые хотѣли

Voir le dernier Romain à son dernier soupir,
Moi seul en être cause et mourir de plaisir.

Но злодѣйство этихъ персонажей въ ложно-классической драмѣ, по крайней мѣрѣ, въ лучшихъ произведеніяхъ, всегда было психологически мотивировано, тогда какъ Пшибышевскій, желая создать чистѣйшій перлъ злодѣйства, приближается и здѣсь къ романтизму, который любилъ воплощать дѣйствительныхъ выходцевъ изъ ада, какъ напр. „дикій охотникъ“ въ „Freischütz'ѣ“, докторъ Дапертутто у Гофмана или Громобой Жуковскаго. „Волчья долина“, ночь, гроза, красный бенгальскій свѣтъ—вотъ обыкновенная инсценировка такихъ представителей зла, и надо сказать, что только въ подобной обстановкѣ они и могутъ производить соотвѣтствующій эффектъ. Читателю или зрителю становится жутко, его морозъ подираетъ по кожѣ, и онъ теряетъ уже чувство дѣйствительности. Но представьте себѣ этакаго демона въ самой пошлой обстановкѣ провинціальнаго городка современной восточной Германіи. Гордонъ—подгородный помѣщикъ, племянникъ бургомистра и душа мѣстнаго общества. Въ городѣ всего 10 тысячъ жителей, во всякій моментъ, конечно, всѣмъ извѣстно, что у кого на обѣдъ готовится, не говоря уже о томъ, кто за кѣмъ ухаживаетъ. А Пшибышевскій хочетъ насъ увѣрить, что красивая дочь мѣстнаго доктора, имѣвшая когда-то приключеніе съ какимъ-то студентомъ, затѣмъ бывшая любовницей Гордона, продолжаетъ пользоваться незапятнанной репутаціей и принята въ „лучшихъ домахъ“. Чахоточный гимназистъ и его сестра, нищенски живущіе въ какой-то полусгнившей лачугѣ на краю города, также бываютъ на собраніяхъ мѣстнаго high life, какъ полноправные члены общества. Но всего этого мало. Удивительнѣе всего то, что разрушительная дѣятельность Гордона никѣмъ не разгадана. Онъ убиваетъ людей, укрываетъ у себя подозрительныхъ личностей, подготовляетъ похищеніе городской кассы, устраиваетъ поджогъ ратуши, единственной въ городѣ фабрики и помѣщичьей усадьбы, всѣ его сотрудники гибнутъ, и всетаки всѣ нити преступленія остаются скрытыми, и Гордонъ выходитъ сухъ изъ воды. Это неправдоподобіе придаетъ какую-то смѣшную черту апостолу Сатаны, Гордону, и разрушаетъ тотъ ореолъ грандіозности, какой авторъ желалъ бы ему придать.

Между Гордономъ и Фалькомъ много общаго. И тотъ, и другой считаютъ своимъ призваніемъ совершать низости, первый обдуманно, планомѣрно, другой только „попутно“. И тотъ, и другой неотразимы для всѣхъ женщинъ, съ которыми они сталкиваются, безъ того, чтобы читатель могъ себѣ объяснить секретъ ихъ обаянія. Впрочемъ, можетъ быть, объ этомъ лучше могутъ судить читательницы. Примѣры изъ литературы и изъ дѣйствительности подтверждаютъ, что женщины часто принимаютъ уродство за своеобразную форму величія души.

Пшибышевскій самъ говоритъ, что въ его произведеніяхъ

мало дѣйствія; главное его вниманіе обращено на изображеніе „душевныхъ состояній“. По характеру своего таланта онъ болѣе всего можетъ быть названъ лирикомъ (неудавшійся музыкантъ). Мы уже указывали, что ему иногда отлично удается воспроизвести мучительную психологію извѣстныхъ родственныхъ ему натуръ (въ „Вигиліяхъ“). Этого, однако, нельзя сказать про разсмотрѣнные только что романы. На большомъ протяженіи его пріемы дѣйствуютъ утомительно своимъ однообразіемъ, повышенностью тона и романтичностью. Его персонажи непрерывно переходятъ изъ состоянія необыкновеннаго психическаго напряженія къ полной апатіи и подавленности. Они не знаютъ середины между этими полюсами. Колебанія эти происходятъ такъ часто, что у автора не хватаетъ выразительныхъ словъ. Эпитеты— страшный, чудовищный, гигантскій, бѣшеный, сверхчеловѣческій, еще, быть можетъ, два-три другихъ, вотъ все, что онъ можетъ придумать для характеристики даннаго момента. Читатель разъ-другой попытается представить себѣ такой размахъ чувства до nec plus ultra, но въ концѣ концовъ перестаетъ воспринимать эти колоссальные размѣры психическихъ волнъ. Пристрастіе къ изображенію подобныхъ рѣдкихъ въ дѣйствительности явленій опять-таки есть остатокъ давно пережитой стадіи литературы. Когда-то никакое чувство не считалось достойнымъ воспроизведенія, если оно не превышало обыденныхъ размѣровъ. Отсюда грохочущая и сверкающая поэзія Виктора Гюго и его школы. Теперь искусство стало скромнѣй и вмѣстѣ интимнѣе. Пристальное наблюденіе открываетъ и въ самыхъ нормальныхъ душевныхъ движеніяхъ столько интереснаго, новаго и разнообразнаго, что вкусъ къ экстатическимъ моментамъ, достовѣрность которыхъ при томъ сомнительна, исчезаетъ все болѣе и болѣе. Кромѣ того Пшибышевскій, хотя и изучалъ медицину, но вѣритъ, что физическое состояніе человѣка зависитъ отъ психики, а не наоборотъ. Когда его дѣйствующія лица чѣмъ-нибудь взволнованы или потрясены, они впадаютъ въ „нервную горячку“, мечутся въ жару, бредятъ и галлюцинируютъ, что не мѣшаетъ имъ на слѣдующее утро ходить по улицамъ и устраивать свои дѣла. Совершенно такія же необыкновенныя явленія наблюдались у блаженной памяти героевъ Эжена Сю и Дюма. Намъ припоминаются воспоминанія какого-то француза о знаменитой пѣвицѣ Малибранъ. Она должна была выступить въ какомъ-то спектаклѣ, а между тѣмъ у нея была ангина: она показала автору мемуаровъ горло,—оно было полно бѣлыхъ налетовъ. Но сила духа восторжествовала надъ физическою невозможностью: Малибранъ пѣла этотъ вечеръ божественнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Пшибышевскій разсказываетъ много анекдотовъ въ такомъ родѣ о своихъ герояхъ.

Отчасти тѣми же недостатками, т. е. чрезмѣрнымъ усиленіемъ

мотивовъ, страдаютъ и тѣ произведенія Пшибышевскаго, которыя можно назвать чисто лирическими. Вездѣ чувствуется отсутствіе ясныхъ очертаній. Авторъ обыкновенно исходитъ отъ картины всѣмъ яснаго душевнаго состоянія, но по мѣрѣ того, какъ разогрѣвается его воображеніе, онъ забирается въ такія дебри, куда читатель отказывается за нимъ слѣдовать. Образы громоздятся на образы. Метафоры разрастаются въ цѣлые эпизоды, интенсивность чувства выходитъ за предѣлы поэтической правды и становится просто бредомъ, ничѣмъ неизмѣримымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ. Область, въ которой вращаются эти произведенія Пшибышевскаго, большею частью все тоже физіологическое влеченіе половъ, при чемъ авторъ считаетъ, что физіологія есть только слѣдствіе стихійнаго предвѣчно установленнаго влеченія душъ. Своеобразная форма Платоновскаго идеализма, объясняемая впрочемъ гораздо ближе вліяніемъ Метерлинка. Любимые мотивы Пшибышевскаго это нервный подъемъ и лихорадка похоти и затѣмъ упадокъ и жалкое отупѣніе послѣ удовлетворенія страсти.

„Мужчина припалъ къ колѣнямъ женщины и обнимаетъ ее со всѣмъ упрямствомъ страсти. Онъ жаждетъ ея, а бѣшеный голодъ тѣла искривилъ ему ротъ болѣзненной судорогой. Слышно его бормотаніе, свистъ сдавленнаго вожделѣніемъ горла, чувствуется дрожаніе чрезмѣрно раздраженныхъ нервовъ и щелканіе зубовъ въ потрясающей лихорадкѣ“... Затѣмъ реакція: „Глаза прикрыты и ввалились, губы обвисли, вся фигура какъ съ креста снята“... Вотъ это настоящіе образцы поэзіи Пшибышевскаго. Они имѣютъ во всякомъ случаѣ достоинство выразительности. Въ другихъ случаяхъ онъ растягиваетъ на много страницъ колебанія нарастающей похоти. Чтобы придать красоты и величественности, онъ изображаетъ какого-то восточнаго царя, къ которому приходитъ какая-то необыкновенная невольница, нѣчто вродѣ Соломона и Суламитки. Ради нея онъ отрекается на вѣки отъ солнца, совершаетъ неслыханныя казни и злодѣянія, но она всетаки уходитъ отъ него, онъ ее разыскиваетъ по всему міру, а она отступаетъ все дальше („Надъ моремъ“). Впрочемъ, почти то же самое тянется опять въ другомъ произведеніи („Въ часъ чуда“ или „Audrogyne“ *), съ тою только разницей, что здѣсь то же самое чувство сладкой тоски и досадной неудовлетворенности испытываетъ какой-то обитатель Алькасара.

При этомъ нужно, однако, сказать, что отдѣльныя страницы, а иногда только строчки написаны, дѣйсввительно, мастерски и доказываютъ, что Пшибышевскій способенъ на нѣчто лучшее, чѣмъ вѣчно разсказывать намъ какой-то любовный бредъ. Это

*) Пшибышевскій имѣетъ странное обыкновеніе переиздавать свои сочиненія подъ различными названіями, ничѣмъ не предупреждая о томъ читателя.

особенно нужно сказать объ его критическихъ очеркахъ, которые въ сущности также представляютъ только стихотворенія въ прозѣ. Но о нихъ поговоримъ въ заключеніе, а теперь намъ нужно остановиться на его драмахъ, написанныхъ уже на польскомъ языкѣ, тогда какъ всѣ прежде упоминавшіяся произведенія появлялись первоначально по-нѣмецки, а затѣмъ уже были переведены самимъ авторомъ на его родной языкъ.

Содержаніе обѣихъ его драмъ, какъ можно было ожидать, опять любовь. Сценическія условія, конечно, ставятъ автору рядъ ограниченій: тѣ положенія, которыя можно изобразить въ повѣствовательной или лирической прозѣ, немыслимы на театральныхъ подмосткахъ. Содержаніе первой драмы въ высшей степени просто („Для счастья"). Герой измѣняетъ своей возлюбленной ради другой женщины, которая въ данномъ случаѣ является всепокоряющей безпощадной силой, какъ Фалькъ и Гордонъ въ романахъ Пшибышевскаго. Покинутая женщина лишаетъ себя жизни и драма кончается тѣмъ, что ея трупъ приносятъ въ домъ къ влюбленной парѣ, которая хотѣла построить свое счастье на гибели другого. Странно видѣть Пшибышевскаго въ роли моралиста. Но, повидимому, драматическое искусство дѣйствуетъ на него, именно, въ такомъ смыслѣ, ибо вторая его драма („Золотое руно") написана на ту же тему: на чужомъ несчастіи нельзя построить свое счастье. Здѣсь эта мораль получаетъ даже специфически буржуазный оттѣнокъ, весьма характерный для такого врага общераспространенныхъ понятій о добрѣ и злѣ. Измѣна супружескому долгу, при какихъ бы то ни было условіяхъ, мстится „до седьмого поколѣнія",—вотъ что здѣсь fabula docet. Положеніе въ этой драмѣ слѣдующее: нѣкій докторъ Рембовскій, мать котораго когда-то измѣнила своему мужу, какъ выясняется впослѣдствіи, имѣлъ связь съ замужней женщиной, но влюбившись въ другую, порвалъ съ ней отношенія и женился. Дѣвушка, которую онъ беретъ, выходитъ за него только par dépit, будучи увѣрена, что кузенъ, въ котораго она влюблена, забылъ ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ она рѣшила твердо исполнять трудную роль жены, равнодушной къ своему мужу. Все это происходитъ до поднятія занавѣса. Съ самого начала дѣйствія мы присутствуемъ при томъ, какъ мужъ всячески отягчаетъ подвижничество жены. Онъ мучитъ ее своею страстностью, ревностью, неврастеническими настроеніями,—словомъ, это обычный герой Пшибышевскаго. Въ домѣ царитъ тяжелая атмосфера пасмурной, непроглядной, безнадежно дождливой осени. Драматическій узелъ завязывается съ появленіемъ кузена Ирены, который оказывается вовсе не разлюбилъ ея, а хотѣлъ только стать знаменитымъ писателемъ, прежде чѣмъ предложить своей возлюбленной руку и сердце. Теперь онъ вовсе не намѣренъ отрекаться отъ своего права первенства на любовь Ирены и убѣждаетъ ее уйти отъ мужа. Средства, кото-

рыми онъ ее соблазняетъ, на нашъ взглядъ мало соблазнительны: онъ сулитъ ей въ самыхъ напыщенныхъ выраженіяхъ безконечный рай любви, какіе-то самоцвѣтные камни, бѣлыхъ павлиновъ (въ нихъ виноватъ, конечно, Метерлинкъ) и т. п. дикія вещи. Но пани Ирена имѣетъ другой вкусъ,—очевидно, она начиталась Пшибышевскаго. При этомъ, однако, она остается честнымъ человѣкомъ. Ее возмущаетъ мысль оставаться съ мужемъ, разъ она любитъ другого. Мужъ же оказывается нечестнымъ человѣкомъ и настаиветъ на своихъ законныхъ правахъ сохранить жену, пока думаетъ, что она ему физически вѣрна. Когда же обнаруживается противное, то онъ, разрушившій семейное счастье своей прежней возлюбленной, изломавшій жизнь Ирены, считаетъ, что она совершила преступленіе относительно его и, не желая вынести своего „позора", застрѣливается, чѣмъ по мнѣнію автора окончательно закрываетъ своей женѣ путь къ счастью.

Надо сказать, что драма эта мѣстами написана очень сильно и производитъ глубокое впечатлѣніе даже въ весьма посредственномъ исполненіи варшавскихъ артистовъ. Но читатель видитъ, что драматическій конфликтъ этой пьесы не можетъ претендовать на новизну. Это все та же истрепанная Александромъ Дюма драма наказаннаго адюльтера. При этомъ достойно вниманія, какъ варшавская газетная критика отнеслась къ содержанію драмы Пшибышевскаго. Женщину, которую мы считаемъ единственно честнымъ персонажемъ всей пьесы, авторъ совсѣмъ не признаетъ таковой. Резонеръ пьесы, рекомендующій себя олицетвореніемъ „совѣсти", т. е. являющійся выразителемъ мнѣній автора, убѣжденъ, что долгъ Ирены былъ бы остаться съ мужемъ и лгать ему, но онъ не вѣритъ, чтобы она исполнила свой долгъ, ибо „женщина прирожденная преступница". Не знаемъ, былъ ли польщенъ Пшибышевскій, когда обнаружилось, что по вопросу о долгѣ жены критика уличной прессы вполнѣ сходится съ нимъ. Поведеніе Ирены было признано настолько предосудительнымъ, что на автора посыпались упреки, будто онъ оклеветалъ польскую женщину, изобразивъ ее такою „безнравственною".

Это трогательное совпаденіе этическихъ принциповъ намъ кажется заслуживающимъ серьезнаго вниманія. Поскребите сверхчеловѣка, вы найдете мѣщанина. Пшибышевскій, который вмѣстѣ съ Карломъ Моромъ такъ презираетъ буржуазное общество за то, что оно не умѣетъ „выпить стаканъ до дна", и все примѣривается „взмахнуть орлинымъ полетомъ" за облака, который вмѣстѣ съ Манфредомъ воображаетъ себя „подобнымъ льву", что „живетъ одинъ", который вмѣстѣ съ Штокманомъ находитъ, что „проклятое компактное большинство отравляетъ источники нашей духовной жизни", который съ такимъ восхищеніемъ изображаетъ, какъ Фалькъ и Гордонъ попираютъ наиболѣе незыблемыя основы человѣческаго общежитія, вдругъ становится такимъ смиреннымъ

адептомъ прописныхъ догматовъ. Таковы эти „жрецы, которые идутъ независимо отъ profanum vulgus, которые приносятъ жертву души, горсточка, въ которой (будто бы) традиція прошлыхъ временъ о святости мышленія и святости искусства живетъ сильнѣе, нежели когда-либо“ („На путяхъ души“).

Посмотримъ, наконецъ, какіе новые принципы искусства несутъ намъ эти „новые пророки, предвѣщающіе вѣчный поворотъ души“. Пшибышевскій старался формулировать свои взгляды на этотъ предметъ въ только что указанной книгѣ, но нельзя сказать, чтобы ему удалось быть послѣдовательнымъ не только въ приложеніи своихъ теорій, но и въ самомъ изложеніи ея. Онъ гордо отрекается отъ всѣхъ „безчисленныхъ формулъ, которыя сочинялись эстетиками, начиная отъ Платона до старческихъ, неотносящихся къ дѣлу разсужденій Толстого“. По основному опредѣленію Пшибышевскаго „искусство есть воспроизведеніе сущности, т. е. души, все равно, проявляется ли она во вселенной, или въ человѣчествѣ, или въ отдѣльномъ индивидуумѣ“.

Hier stock'ich schon! Wer hilft mir weiter fort? Здѣсь, что ни слово, то загадка. Что это за душа можетъ быть у вселенной или у человѣчества? Духъ ли это Гегеля, или міровая душа Пьера Леру, или еще что-нибудь? Но оставимъ это, ибо далѣе идетъ рѣчь исключительно объ индивидуальной душѣ, а съ этимъ понятіемъ значительно легче оперировать.

„Искусство, по нашему пониманію, не знаетъ случайной классификаціи проявленій души на добрыя или злыя, не знаетъ никакихъ принциповъ, ни моральныхъ, ни общественныхъ... Субстратъ нашего искусства существуетъ для насъ исключительно со стороны своей энергіи, совершенно независимо отъ того, добрый ли онъ или злой, красота или гадость, чистота или гармонія, преступленіе или добродѣтель“. Это уже вразумительнѣе. Дѣйствительно, въ искусствѣ важна только творческая сила художника, а его отношенія къ добру и злу на извѣстномъ разстояніи безразличны. Этическія понятія со временъ Гомера очень измѣнились, но художественное значеніе „Иліады“ осталось незыблемымъ. Затѣмъ исторія литературы знаетъ художниковъ, стоящихъ на весьма низкой ступени нравственности, назовемъ, напр. Виллона, Верлена, а человѣчество всетаки умѣетъ найти въ ихъ поэзіи источники красоты и чистой радости. Но принципъ нейтральности искусства относительно добра и зла, низменнаго и возвышеннаго провозгласила литературная школа, которая ненавистна Пшибышевскому до глубины души,—школа натуралистовъ. Въ этомъ отношеніи Пшибышевскому нечего ломиться въ открытую ими дверь. Разница между натуралистами и „новыми творцами“ заключается только въ томъ, что первые воспроизводили предметы, вѣря въ ихъ объективное существованіе, тогда какъ послѣдніе воспроизводятъ только „состоянія своей души“ (здѣсь

авторъ уже забываетъ о душѣ вселенной и человѣчества, и отлично дѣлаетъ). Если ставить искусству исключительно эту задачу, то мы получимъ, конечно, весьма одностороннее искусство, каковымъ и есть искусство „новыхъ творцовъ"; но какъ одинъ изъ видовъ искусства,—отчего же?—пускай художникъ воспроизводитъ состоянія своей души, даже „во всей ея наготѣ", лишь бы эта нагота не была безстыдной позой.

Какъ же воспроизвести состояніе души? Для объясненія этого Пшибышевскій дѣлаетъ экскурсъ въ темную психологію первобытнаго человѣка, когда одновременно зарождались рѣчь, поэзія и музыка. „Когда первобытный человѣкъ творилъ первое слово, то онъ не подражалъ голосамъ природы,—думаетъ авторъ,—не называлъ по просту первымъ попавшимся словомъ какой-нибудь предметъ внѣ его,—но: что-нибудь произвело на душу его могучее впечатлѣніе; первобытное чувство любви, или мести, или страха и удивленія разлилось въ немъ могучей волной, рвалось къ гортани, распирало ему грудь, и вотъ у него въ ушахъ раздался его собственный протяжный крикъ—удивленія, испуга или желанія. Первый человѣкъ не говорилъ своихъ чувствъ, а пѣлъ ихъ". Пшибышевскій выдумываетъ для такого слова, которое непосредственно воспроизводитъ чувство говорящаго, весьма неудачный терминъ „метаслово". Но не въ этомъ дѣло. Здѣсь дѣйствительно вѣрно указанъ одинъ изъ двухъ моментовъ происхожденія языка, но почему-то отрицается другой, совершенно равносильный первому. Языковѣдѣніе можетъ доказать, что слова имѣютъ двоякое происхожденіе: одни были первоначально выраженіемъ непосредственнаго чувства, производимаго какимъ-нибудь явленіемъ, другія стремились несомнѣнно повторить звукъ, сопровождавшій данное явленіе, и вѣроятно дополнялись пояснительнымъ жестомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ человѣкъ былъ понятенъ своимъ собесѣдникамъ. Впослѣдствіи отъ постояннаго повторенія и тѣ, и другія слова отвердѣли, стали символами и смѣшались въ языкѣ, но первымъ путемъ вмѣстѣ съ словами родились лирика и музыка, а вторымъ—эпосъ. Пшибышевскій хочетъ, чтобы всѣ художники были музыкантами и употребляли слова только для выраженія своихъ чувствъ, но натуралисты съ одинаковымъ правомъ требовали, чтобы писатели только изображали внѣ ихъ существующіе предметы. Искусство, какъ и языкъ, состоитъ изъ элементовъ обоихъ родовъ и страдало бы однообразіемъ и односторонностью, если бы спеціализировалось въ томъ или другомъ направленіи. Въ дѣйствительности, лирика, какъ чистое выраженіе аффекта, безъ указанія на вызвавшій его внѣшній источникъ, не можетъ существовать, также какъ нельзя разсказать никакого событія, описать ни одного предмета, даже высказать ни одного самаго простого утвержденія безъ того, чтобы къ разсказу, описанію или утвержденію не примѣшался субъек-

тивный элементъ чувства говорящаго. Это можно провѣрить какъ на собственныхъ произведеніяхъ Пшибышевскаго, такъ и на описаніяхъ его тѣхъ произведеній искусства, которыя ему нравятся.

Кто бы могъ подумать, что Пшибышевскій можетъ быть хорошимъ критикомъ? Онъ, все время прислушивающійся къ своимъ психо-физіологическимъ движеніямъ,—какъ онъ можетъ понимать чужую психологію? Само собою разумѣется, что названіе „критикъ“ плохо подходитъ къ нашему автору. Въ дѣйствительности онъ въ состояніи понять творческую психологію только родственныхъ ему артистовъ, но въ этихъ случаяхъ онъ прекрасно умѣетъ установить психологическія предпосылки разбираемыхъ произведеній и выразить получаемое отъ нихъ впечатлѣніе. Возьмемъ хотя бы одинъ примѣръ. Вотъ напр. его комментаріи картинъ извѣстнаго норвежскаго художника Мунха.

„Тутъ нѣтъ ни одной ясно зарисованной фигуры, все видно, какъ сквозь слой пронизанной солнцемъ пыли, какъ черезъ тоненькія пряди сплывающихся тумановъ въ золотистомъ разсвѣтѣ рождающагося дня. Все кажется поблекшимъ, гдѣ-то вдали, въ далекомъ прошломъ, затертымъ въ памяти, но трепещущимъ чарами чего-то необычнаго, что нѣкогда потрясло всю душу. Тутъ сказались коренные признаки всей индивидуальности Мунха. Когда-то, еще ребенкомъ, пережилъ онъ эту бальную сцену. Онъ стоялъ, можетъ быть, опершись на дверь залы и глядѣлъ равнодушно на этотъ водоворотъ танцующихъ. А теперь—вдругъ, какой-то проблескъ въ его душѣ: вѣдь это уже не обычное круженіе, это ужъ не обыкновенная банальная музыка для танцевъ. Что-то скрывается за этимъ, что-то таинственное, какая-то глубь и грусть всей жизни, какая-то боль и наслажденіе творчества. И вотъ сплылись контуры; линіи танцующихъ начали сливаться; осталось только могучее впечатлѣніе горячей, клубящейся волны сладострастія, что втянула въ свой водоворотъ толпы танцующихъ, впечатлѣніе учащеннаго, желаніемъ напоеннаго дыханія, трепещущаго біенія крови, ритмическаго движенія волнистыхъ платьевъ, впечатлѣніе чувственнаго умопомраченія, тренія и скольженія человѣческихъ тѣлъ.... И во всей этой толпѣ онъ почувствовалъ себя одинокимъ и покинутымъ. Обыденная, столько разъ видѣнная сцена разрастается мало-по-малу, вкореняется все глубже и становится событіемъ, которое уже никогда не забывается“...

Содержаніе и интересъ этой картины несомнѣнно заключается въ передачѣ настроенія художника, но всетаки оно не могло быть передано иначе, какъ при помощи тѣхъ внѣшнихъ явленій, которыми оно было вызвано.

Съ такимъ же тонкимъ пониманіемъ передаетъ Пшибышевскій свое восхищеніе поэзіей Каспровича („Изъ Куявской почвы“). Мы уже цитировали изъ этой прекрасной книжки поэтическое

описаніе грустной родины обоихъ писателей. Также поэтично пересказываетъ онъ лирическія поэмы своего земляка. Въ этомъ и заключается вся его критика, но она вполнѣ достигаетъ цѣли: читатель получаетъ вполнѣ ясное представленіе о разбираемомъ писателѣ, мѣстами, пожалуй, болѣе ясное, чѣмъ изъ чтенія самого Каспровича.

Самымъ блестящимъ, быть можетъ, очеркомъ Пшибышевскаго въ этомъ родѣ является его этюдъ о Шопенѣ, любимомъ музыкантѣ автора. Тутъ онъ вполнѣ въ своей сферѣ. Мы не поручимся, что Пшибышевскій далъ абсолютно правильное и полное словесное выраженіе музыкѣ Шопена, да это и невозможно. Но то, что онъ намъ даетъ, имѣетъ несомнѣнную связь съ этой музыкой, а кромѣ того, хорошо само по себѣ, какъ прекрасное стихотвореніе въ прозѣ. Слишкомъ много пришлось бы выписывать, чтобы дать понятіе объ этой поэзіи. Пшибышевскій и здѣсь, какъ и при разборѣ Каспровича, приводитъ въ связь психологію артиста и его искусство съ характеромъ польской земли, бѣдной, монотонной и красивой какою-то печальной красотою,—печальной во всѣ времена года, даже въ самый расцвѣтъ весны, и съ характеромъ польскаго крестьянина, такого же бѣднаго, смиреннаго и печальнаго.

Страницы, гдѣ Пшибышевскій рисуетъ поэтическими чертами свой народъ и свою землю, безусловно лучшія, какія онъ когда-либо написалъ. Тутъ онъ забываетъ свой эротическій бредъ, свое презрѣніе къ людямъ, свою ненависть къ женщинѣ, свою манію величія. Къ сожалѣнію, такихъ страницъ слишкомъ мало, чтобы искупить всѣ тѣ нелѣпости, которыя отягчаютъ его литературную совѣсть. Не этими прекрасными страницами обусловливается и обаяніе Пшибышевскаго въ извѣстной части польскихъ читателей. Въ немъ чтутъ апостола новаго искусства, который въ своемъ безпощадномъ величіи генія стоитъ „выше жизни, выше міра, владыка владыкъ, не стѣсненный никакимъ закономъ, не ограниченный никакой человѣческой силой“, художника, который не можетъ и не долженъ быть „ни слугой, ни руководителемъ, не принадлежитъ ни народу, ни міру, не служитъ никакой идеѣ, никакому обществу“.

На предыдущихъ страницахъ мы старались выяснить, насколько основательны эти громадныя претензіи. Мы видѣли, что въ большинствѣ случаевъ искусство Пшибышевскаго вовсе не ново, что оно тѣсно примыкаетъ къ давно пережитой европейскимъ искусствомъ эпохѣ, и даже въ возвращеніи назадъ слѣдуетъ по пути, указанному французскими, нѣмецкими и скандинавскими писателями. Если бы кто-нибудь занялся подробнымъ историко-литературнымъ изслѣдованіемъ творчества Пшибышевскаго, то онъ на каждомъ шагу натолкнулся бы на вліяніе Ничше, Гюисманса, Верлена, Метерлинка, Ибсена, Гарборга и многихъ другихъ.

Пшибышевскій увѣряетъ, что „это вещи чисто случайныя и ничего незначущія. Каждый дѣйствительный художникъ совершенно самобытенъ. Онъ приходитъ на свѣтъ съ извѣстнымъ, точно ограниченнымъ запасомъ силъ, и этотъ запасъ долженъ быть выгруженъ. Внѣшнее вліяніе для творческой личности есть только раздражающій импульсъ, при помощи котораго нагроможденный въ душѣ запасъ творческихъ силъ переходитъ изъ подсознательнаго состоянія въ сознательное“. Дѣйствительно, Шекспиру нисколько не вредитъ, что онъ бралъ сюжеты, а иногда и характеры для своихъ трагедій изъ неуклюжихъ англійскихъ и ничтожныхъ итальянскихъ новеллъ, поэмъ и драмъ, ибо за этимъ остается его собственная способность проникать въ человѣческую душу и создавать живыхъ людей тамъ, гдѣ у его предшественниковъ были только манекены съ наклеенными ярлычками. Но „творческой личности“ Пшибышевскаго значительно вредитъ то обстоятельство, что всѣ составныя части его міросозерцанія даны ему его предшественниками или сверстниками, всѣ попытки проникнуть въ глубокія тайны міровой жизни уже съ одинаково малымъ успѣхомъ произведены раньше его въ парижскихъ, берлинскихъ и норвежскихъ кабачкахъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ допущена женская прислуга. На какихъ же „доказательствахъ благородства“ основываетъ онъ свое право на званіе сверхчеловѣка? На „геніальной“ необыденности своего образа жизни, о которомъ съ такой горечью говоритъ А. Немоевскій?

Болѣе четырехсотъ лѣтъ тому назадъ былъ осужденъ на висѣлицу тоже „геніальный“ по образу жизни, но и по поэтическому таланту горемыка Франсуа Виллонъ. Его теперь любятъ вспоминать въ средѣ парижской сверхчеловѣческой богемы. Онъ былъ гораздо скромнѣе своихъ поклонниковъ. „Люди братья, вы, которые живете послѣ насъ,—просилъ онъ въ своей поэтической эпитафіи,—не сохраняйте ожесточенныхъ сердецъ противъ насъ, ибо если вы будете имѣть жалость къ намъ, бѣднымъ, Богъ скорѣе и къ вамъ будетъ милосердъ... Умоляемъ васъ, братья, вы не должны имѣть презрѣнія къ намъ, хотя мы были казнены судомъ. Вѣдь вы знаете, что не всѣ люди обладаютъ благоразуміемъ...“

Если бы современная намъ геніальничающая богема не хвастала своими язвами, а видѣла въ нихъ несчастіе, обусловленное несовершенствами нашего склада жизни, „люди-братья“ не сохраняли бы противъ нихъ „ожесточенныхъ сердецъ“.

Евгеній Дегенъ.

СОВРЕМЕННЫЕ ПѢВЦЫ.

Мы поднимались по широкой деревянной, со сбитыми ступенями, лѣстницѣ „Большого Приволжскаго Трактира“. Издали доносился глухой шумъ голосовъ и чей-то гулкій топотъ.

Мы вошли въ залу. Съ трудомъ пробираясь между столами, мы, наконецъ, отыскали свободныя мѣста, и усѣлись.

Передъ нами въ концѣ залы находилась сцена. Пестрѣли балаганно размалеванныя декораціи. Ярко отсвѣчивала рампа.

Двое мужчинъ въ русскихъ поддевкахъ, плясавшихъ на сценѣ, раскланивались съ публикой. Въ залѣ апплодировали.

— Ну, вотъ вамъ и трактирные пѣсенники, которыхъ вы желали видѣть,—сказалъ мнѣ мой спутникъ, молодой человѣкъ, волжанинъ, уроженецъ и постоянный житель города С.—Любопытно посмотрѣть, какими увеселеніями развлекаютъ простонародную публику..

Я сталъ осматриваться.

Стѣны большой залы были оклеены свѣтлыми обоями съ цвѣточками. Въ простѣнкахъ между окнами, въ которыя съ улицы глядѣла темная ночь, виднѣлись мутныя зеркала въ золоченыхъ рамкахъ.

Съ потолка спускались зажженныя лампы. Пахло спиртомъ, керосиномъ, смазными сапогами. Зала была полна черной и сѣрой публики.

Коренастые мужики, рабочіе съ волжской пристани, въ кумачевыхъ рубахахъ, съ слоями желтой пыли на плечахъ, съ кирпичнаго цвѣта, отъ загара, лицами и шеями, сидѣли за ужиномъ. Передъ ними на столахъ стояли миски со щами, горшки съ кашей; они вытирали деревянныя ложки ломтями чернаго хлѣба, или пили чай, обмакивая въ стаканы большіе куски ситнаго. Ихъ вниманіе было поглощено ѣдой; на-

сыщались они медленно, сосредоточенно, молча и не глядя на сцену.

Другіе столы были заняты городскими мастеровыми, ремесленниками, въ нѣмецкихъ пиджакахъ поверхъ русскихъ рубашекъ. Эти пили чай, пиво и водку, слѣдили за представленіемъ, громко шутили, одобряли или насмѣшничали.

Нѣсколько приказчиковъ въ крахмальныхъ воротникахъ сидѣли поодаль и держались господами.

По сосѣдству съ нами помѣщалась группа заводскихъ рабочихъ, это были люди съ блѣдными лицами, съ усталымъ выраженіемъ въ глазахъ. Они сидѣли, засунувъ руки въ карманы, и молча, угломъ рта, курили папиросы.

Кое-гдѣ виднѣлись личности, одинокія и хмурыя, въ изорванныхъ одеждахъ. Они пили водку и, было видно, напивались быстро, такъ какъ уже приходили пьяными.

Среди посѣтителей было довольно много женщинъ.

Двѣ женщины, пожилая и молодая, въ деревенскихъ платьяхъ, съ платками на головахъ, похожія другъ на друга, смотрѣли вокругъ себя съ испуганнымъ и недоумѣвающимъ любопытствомъ.

За то были и такія женщины, которыя ходили отъ стола къ столу, подсаживались къ мужчинамъ, выпрашивали папиросы.

Между тѣмъ на сценѣ установился хоръ. Человѣкъ 10 хористовъ вытянулись въ рядъ. Они были одѣты въ плисовыя темнозеленныя съ позументомъ безрукавки, голубыя рубашки, широкіе шаровары и высокіе сапоги, иначе сказать, въ такъ называемые „русскіе“ или „боярскіе“ костюмы.

Запѣвало выступилъ впередъ и подошелъ къ рампѣ. Это былъ крѣпко сложенный, средняго роста мужчина съ зачесанными назадъ длинными русыми волосами, съ открытымъ, но мало значительнымъ лицомъ, общимъ обликомъ своимъ почему-то напоминавшій полотера. Онъ принялъ условную позу, закинулъ голову назадъ, встряхнулъ прядями волосъ и началъ:

Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою,
Все въ объятьяхъ ночной тишины...

Голосъ пѣвца съ первой ноты мгновенно взлетѣлъ кверху, зазвенѣлъ и тотчасъ упалъ внизъ, словно захлебнулся въ рѣкѣ, зазвучалъ глухо, какъ изъ-подъ воды; потомъ вынырнулъ вмѣстѣ съ волной, разсыпался переливами, пронесся надъ затихшимъ берегомъ и снова взлетѣлъ кверху, туда, гдѣ свѣтился мѣсяцъ.

Мужчина, похожій на полотера, встряхивалъ волосами,

мечтательно склонялъ голову то вправо, то влѣво и разводилъ руками, подобно декламатору.

Голосъ пѣвца вдругъ зазвучалъ страстнымъ призывомъ:

Ничего мнѣ такъ въ жизни не надо,
Только видѣть тебя, милый мой...

И снова перемѣнился голосъ: онъ утратилъ звучность, перешелъ въ патетическій шопотъ съ придыханіями, стремительнымъ речитативомъ:

Только видѣть тебя, милый мой,
Любоваться твоей красотой.

То былъ голосъ сырой, необработанный, но уже изломанный искусственными пріемами, звучащій то оттѣнками тенора, то баритона, надорванный, но все же пріятный, своеобразно-увлекательный.

Смѣшно, забавно и грустно было смотрѣть на театральную позу пѣвца, на его движенія, намѣренныя, разсчитанныя на эффектъ. Но было ясно, что этотъ артистъ въ „боярскомъ" костюмѣ, со своей затѣйливой, наивно-измышленной театральностью продѣлывалъ все то лучшее, на что считалъ себя способнымъ, и самымъ добросовѣстнымъ образомъ старался послужить публикѣ, дать ей какъ можно больше отъ своего искусства.

Хоръ подхватилъ слова пѣсни:

Ничего мнѣ такъ въ жизни не надо...

Поднялись и словно закачались въ воздухѣ густые, грузные аккорды басовъ и баритоновъ. Зазвучала гармоника. Запѣвало,—вѣроятно, для большей картинности исполненія,—плавно и мѣрно обѣими руками отбивалъ въ воздухѣ тактъ, дирижируя хоромъ.

Публика затихла и слушала.

И слышно было только, какъ шмыгали взадъ и впередъ проворные половые, разносившіе пузатые чайники съ кипяткомъ и шаркавшіе по полу ногами въ грязно-бѣлыхъ безпокойно содрогавшихся панталонахъ.

Я оглядывался на публику и невольно размышлялъ о томъ пѣніи, которое раздавалось со сцены. Было мгновеніе, когда мнѣ почуялось, что надъ всей залой пронеслось дыханіе какой-то скорби, испуга, чего-то щемящаго, хватающаго за сердце.

Пріемы пѣвца были увѣренные, бойкіе, выработанные навыкомъ и опытомъ.

Но,—странно сказать!—въ его пѣснѣ не слышалось ка-

кого-нибудь рѣзко выраженнаго опредѣленнаго чувства. То чувство природы, которое пѣвецъ хотѣлъ вложить въ свою пѣснь, не вызывалось самой пѣснью. То было скорѣе стремленіе возсоздать утраченное чувство природы. Въ пѣснѣ звучали тревога, растерянность, почти недоумѣніе, словно пѣвцу было тѣсно въ этой нескладно-сантиментальной, сомнительнаго происхожденія пѣсенкѣ. И, вслушиваясь въ исполненіе, я невольно думалъ, что грусть, которая звучала въ пѣснѣ, была не чувствомъ, но лишь тоскою по чувству: не то воспоминаніемъ о чемъ-то погибшемъ, не то чаяніемъ чего-то новаго. Да, мнѣ казалось, что то была тоска по настоящему чувству, исканіе иныхъ, истинныхъ вдохновеній и высокихъ чувствъ, и что только *такое* чувство пѣвецъ могъ вкладывать въ эту современную пѣсенку, и именно этой тоскою о чемъ-то бо̀льшемъ и лучшемъ производилъ впечатлѣніе на слушателей.

Наступившая тишина привлекла въ залу хозяйскаго сына. Онъ оказался высокимъ, молодымъ, но уже обрюзгшимъ человѣкомъ, съ мутнымъ взглядомъ заспанныхъ оторопѣлыхъ глазъ. Онъ остановился въ дверяхъ у входа въ сосѣднюю буфетную комнату, оглядѣлъ публику, словно удивился.

Между тѣмъ протяжная пѣсня хора закончилась и тотчасъ перешла въ бойкую плясовую. Запѣвало схватилъ бубенъ. Гармоника проворно заговорила, треугольникъ весело зазвенѣлъ, а бубенъ въ рукахъ запѣвалы гулко завылъ, загудѣлъ, зазвонилъ.

Худенькій мальчикъ въ поддевкѣ выбѣжалъ на середину сцены. Опираясь руками въ бедра, онъ сталъ выдѣлывать ногами мелкіе переборы и стучалъ каблуками о подмостки. Ноги въ сапожкахъ быстро шевелились, но тонкое туловище мальчика казалось совсѣмъ неподвижнымъ, а лицо его было странно покойно, блѣдно, серьезно.

На встрѣчу мальчику двинулся нескладный парень съ лошадинымъ лицомъ и какъ-то нелѣпо засеменилъ, задергалъ ногами. Онъ расправлялъ въ воздухѣ свои длинныя съ широкими ладонями руки или вдругъ упирался однимъ пальцемъ въ бедро: жестъ, выходившій у него особенно смѣшнымъ и наивнымъ.

Затѣмъ бросился впередъ отчаянный плясунъ, черный, какъ жукъ, коротконогій мужчина. Изогнувъ въ колѣняхъ ноги, онъ съ громкимъ топотомъ понесся по сценѣ, потомъ остановился, сдѣлалъ „выходку“, разсыпался дробью, прошелся „чечеткой“, завилъ „веревочку“.

Плясуны сошлись, разошлись, стали въ рядъ, съ коротконогимъ мужчиной по серединѣ, разразились присядкой,

вскочили и окончили бѣшенымъ пируэтомъ, такъ что полы ихъ разстегнутыхъ безрукавокъ взлетѣли кверху.

Зрители зааплодировали, раздались громкіе крики: „браво“ и „бисъ“.

Плясуны кланялись публикѣ. Черный мужчина отдувался, тяжело дышалъ и скалилъ бѣлые зубы. Юноша съ лошадиной физіономіей глядѣлъ идіотски-равнодушно, а плясавшій съ неподвижнымъ корпусомъ мальчикъ имѣлъ все тотъ же видъ, усталый и серьезный.

Послѣ этого хоръ снова началъ пѣть. Исполняли пѣсни все того же современнаго репертуара:

„Зачѣмъ ты, безумная, губишь?..“ „Раздѣлятъ насъ долины, горы...“ „Рука моя писала...“ „Когда розанъ расцвѣтаетъ...“ и проч.

Каждая пѣсня непремѣнно заканчивалась пляской. Запѣвало по прежнему ратовалъ во славу искусства и добросовѣстно старался увлечь публику.

И снова мнѣ чудились въ этихъ пѣсняхъ растерянность и недоумѣніе и „тоска по истинному чувству“, тоска, которой не знаютъ поющія птицы небесныя, которая знакома только человѣку, поставленному въ условія нездоровой жизни. Я вглядывался въ окружавшую насъ обстановку и невольно убѣждался, что именно такая жизнь выпала на долю этого простонароднаго артиста... И снова мнѣ казалось, что лишь это неопредѣленное и смутное чувство, эта тоска по лучшимъ чувствамъ и... лучшему существованію хорошо вкладывается въ эти современныя, кислыя пѣсенки, что лишь оно находило отзывъ, возбуждало волненіе въ этой современной публикѣ.

Впрочемъ, посѣтители слушали съ меньшимъ вниманіемъ. Половые стучали посудой. Хозяйскій сынъ, стоя у притолки, соннымъ и начальственнымъ окомъ окидывалъ залу, чесалъ затылокъ и громко зѣвалъ.

Если въ публикѣ усиливался шумъ, то по лицу запѣвалы пробѣгала тѣнь, и тотчасъ онъ начиналъ напрягать легкія и надрывалъ свой голосъ, вступая въ состязаніе со своими слушателями. Но публика одолѣвала, зала становилась шумнѣй, запѣвало уступалъ и среди говора и стука смиренно тянулъ свои пѣсни.

Наконецъ, сдѣлали антрактъ. Хористы сошли съ подмостковъ и ходили среди публики. Они подсаживались къ знакомымъ гостямъ, курили и пилу водку.

Компанія молодыхъ подмастерьевъ, сидѣвшая неподалеку отъ насъ, подозвала къ себѣ маленькаго плясуна.

Серьезное и блѣдное лицо мальчика было прозрачно, какъ тонкій воскъ. Рукава его пунцовой рубашки спадали съ

узенькихъ покатыхъ плечъ. Водку онъ пилъ равнодушно и серьезно.

Одинъ изъ хористовъ, юноша со смазливымъ, но безсмысленно-дерзкимъ личикомъ подсѣлъ къ своими пріятелямъ мастеровымъ и сталъ потѣшать ихъ разными штуками. Онъ гримасничалъ, морщилъ свой прямой воробьиный носикъ, вскидывая на него роговое пэнснэ съ толстымъ шнуркомъ, и показывалъ фокусъ, который состоялъ въ умѣніи двигать кожей на черепѣ и шевелить ушами. Пріятели съ глупой жадностью, разинувъ рты, глядѣли на его мимику.

Мы приказали половому пригласить къ намъ кого-нибудь изъ артистовъ. Половой быстро небрежно помахалъ въ воздухѣ пальцемъ.

Подошедшій къ намъ хористъ былъ стройный, кудрявый брюнетъ. Его черты были тонки и правильны, онъ походилъ на пѣвца итальянца: но кожа на его лицѣ казалась вялой, и глаза смотрѣли не прямымъ взглядомъ.

Онъ усѣлся и на нашъ вопросъ объ угощеніи просилъ заказать пива. Вслѣдъ за тѣмъ онъ усмѣхнулся и произнесъ:

— Вамъ, господа, небось смѣшно на наше пѣніе?.. Балаганъ чистѣйшій! Не такъ ли-съ? А только вы не подумайте: это дѣло трудное. Не вѣрите? Правду вамъ говорю: дѣло трудное и никакого вниманія не стоющее.

— А вы давно въ хорѣ?—спросили мы.

— Давно-съ... Такъ что, можно сказать, очень мнѣ надоѣла вся эта мура!.. Я собственно портной-съ... Сначала держалъ мастерскую... Ну-съ, а потомъ вышелъ семейственный разладъ: жена въ одну сторону, я въ другую... Ну, я взялъ плюнулъ и поступилъ въ хоры. Да-съ. Утомленіе большое, а толку никакого. У насъ всякій поетъ—на свой страхъ беретъ и начинаетъ съ экспронту. Вонъ въ музыкальной лавкѣ камертонъ 15 лѣтъ продается, а до сихъ поръ не проданъ. Такое ужъ наше безнотное пѣніе... Съ голоса учимся.

— Кто же васъ учитъ?

— Да какъ придется: то Кубаревъ, запѣвало, а то Иволгинъ, антрепренеръ, который на гармоніи играетъ, изволили замѣтить? Онъ у насъ не поетъ, а только показываетъ. У него тоже голосъ былъ, ха-арошенькій голосокъ: и теноръ высокій, и дискантикъ, и баритончикъ, ну, а теперь только такъ, альтишка негодящій...

Послѣ этого нашъ собесѣдникъ сталъ пространно объяснять намъ, что такое хоровое пѣніе и вообще хоръ.

— Главная суть дѣла въ запѣвалѣ,—говорилъ онъ, между прочимъ.—Въ другихъ хорахъ запѣвало онъ же антрепренеръ. Это только у насъ ихъ двое: онъ и съ содержателемъ

заведенія контрактъ подпишетъ, онъ и артистовъ назоветъ, и обучитъ ихъ, и жалованіе имъ платитъ... Въ нынѣшнее время по россійскимъ городамъ заведеній, которыя съ развлеченіями, мало. Опять же и винная монополія притѣсняетъ: заведеній много позакрылось, ну, стало быть, и пѣть негдѣ... На всю Волгу только три-четыре города. Только въ Нижнемъ во время ярмарки свободно допускаются, купцы уважаютъ... Много туда всякихъ хоровъ съѣзжается... Да, что!—совсѣмъ не стоющее дѣло... Скверная наша жизнь, совсѣмъ собачье житье! Можно сказать, ради разврату только живемъ. Ежели у кого былъ голосъ, то отъ такой жизни пропадетъ безпремѣнно... Вотъ какъ у Иволгина... Потому, сказать къ примѣру, развѣ возможно пить и курить бросить легче любовницу бросить...

Въ это время къ нашему столу подошелъ нескладный парень, который плясалъ на сценѣ вмѣстѣ съ мальчикомъ и короткногимъ мужчиной. Онъ озирался вокругъ себя испуганно и подозрительно, словно со всѣхъ сторонъ ждалъ нападенія и обиды. На лицѣ его было выраженіе тупое и пришибленное, какъ у кретина. Онъ остановился и смотрѣлъ косымъ и жаднымъ взглядомъ на пиво, которое пилъ нашъ хористъ.

Послѣдній не выдержалъ и закричалъ:

— Ты чего уставился? Не видалъ что ли?.. Ну, да чортъ съ тобой... Прикажите подать ему водки, онъ у насъ обжора.

Половой принесъ рюмку водки на подносѣ. Юноша — кретинъ поглядѣлъ на насъ съ нѣкоторымъ упрекомъ, однако, выпилъ и только крякнулъ.

Между тѣмъ, итальянецъ вознегодовалъ. Глаза его вспыхнули, губы задрожали. Онъ обратился къ половому и произнесъ сквозь зубы:

— Я тебя научу, братъ, какъ подавать водку: не смѣть приносить безъ закуски!.. Хамъ!..

Малый ухмыльнулся и пошелъ за закуской.

— Вотъ видите ли, какая наша жизнь,—проговорилъ хористъ,—никакого уваженія, точно не люди, холуй и тотъ наровитъ въ глаза наплевать.

Идіотическій юноша кинулъ вслѣдъ половому высокомѣрно презрительный взглядъ и, довольный своимъ торжествомъ, подсѣлъ къ намъ и сейчасъ же сталъ жаловаться на половыхъ, на публику, на товарищей.

— Вона дураки сидятъ,—брюжжалъ онъ,—парнишку малолѣтняго водкой поятъ, а на что ему водка? онъ въ ней скуса не знаетъ... А вонъ энтотъ съ очками мурлы строитъ! Ишь чертей тѣшитъ! Прежде сапожникомъ былъ: хозяинъ его прогналъ, онъ въ хоры пошелъ... Наши ребята всѣ хо-

роши: кого ни возьми, всѣ мошенники, кто портной, кто сапожникъ... Нешто это артисты? А тоже носъ задираютъ, и чуть что, сейчасъ это тебѣ въ морду! Одно слово, интриганы!..

Мы стали разспрашивать хориста-итальянца объ Иволгинѣ и Кубаревѣ.

— Они люди ничего себѣ,—отвѣчалъ онъ,—смирные, тихіе, съ ними дѣла вести можно. Кубаревъ, запѣвало, тотъ очень старается, все хочетъ, чтобы было покрасовитѣй, и поетъ нутромъ, въ немъ тоска есть.. Иволгинъ тоже ничего, человѣкъ разсудительный, только онъ у насъ дохленькій, подкошенный; разумѣется, отъ дрянной нашей жизни. Да вотъ, ежели желаете, я ихъ къ вамъ сейчасъ приведу.

Онъ ушелъ и нѣсколько времени спустя вернулся вмѣстѣ съ запѣвалой и гармонистомъ. Мы познакомились.

Лицо запѣвалы вблизи казалось болѣе выразительнымъ, чѣмъ со сцены. Онъ имѣлъ большіе сѣрые, нѣсколько задумчивые глаза. Говорилъ онъ медленно, съ какой-то спокойной грустью и вдумчивой сдержанностью. Онъ разсказалъ, что весьма любитъ пѣніе и пѣсни, еще мальчикомъ состоялъ въ хорѣ, и своей должностью вполнѣ доволенъ. Огорчался онъ только тѣмъ, что публика не всегда слушаетъ, а вмѣсто того пьетъ и шумитъ. Впрочемъ, онъ старался примириться и съ этимъ обстоятельствомъ.

— Такая ужъ наша должность,—разсуждалъ онъ,—вѣдь только для того и поемъ, чтобы въ трактиръ люди приходили, да подольше сидѣли и побольше пили и ѣли. Вотъ въ кіатрахъ да концертахъ тамъ дѣло другое: тамъ музыка и пѣніе главное.

Иволгинъ, антрепренеръ и гармонистъ, былъ тщедушный, тонкій, нездороваго вида человѣкъ, со свѣтлыми рѣдкими волосами на головѣ и учащенно моргавшими глазками. Гладко выбритое худощавое, но еще молодое лицо его казалось тусклымъ и сѣрымъ, и весь онъ походилъ на какую-то испуганную птичку. Онъ говорилъ много и быстро, беззвучнымъ торопливымъ говоркомъ. И охотно жаловался на тягости своего существованія.

— Съ четырехъ часовъ дня и до часу ночи поемъ,—жаловался онъ,—тридцать пѣсенъ поемъ на хозяина да на гостей, сколько кто закажетъ. У насъ по 30 копѣекъ платятъ за пѣсню. Работы тьма, а все Иволгинъ: Иволгинъ хоры разучивай, Иволгинъ на гармоникѣ играй, и попой, и попляши, коли нужно... Вотъ кабы къ Иволгину прибавить Сорокина, да Воронина, да Галкина, ну тогда другое бы дѣло... А тутъ это самое винище!.. Можно сказать, въ винѣ живемъ, виномъ дышемъ!.. И этакъ каждый день, каждый день. Чистое проклятіе-съ!.. Хозяинъ у насъ озорной, а сынъ хозяйскій за-

булдыга, совсѣмъ непутевый, ни днемъ, ни ночью изъ угара не выходитъ... Онъ у отца состоитъ конторщикомъ, а кассы ему нюхать не даютъ: разоритъ!..

— Впрочемъ, вы не подумайте,—продолжалъ онъ,—я вѣдь въ артисты только такъ пошелъ, потому что голосъ имѣлъ, думалъ выгоду получить и пожить легкой жизнью. А допрежъ того я на фабрикѣ служилъ. Я и ремесла знаю: малярное, токарное... Бакалейную торговлю держалъ, буфетчикомъ служилъ въ дворянскомъ клубѣ и у губернатора... Ей-Богу, что мнѣ хвастаться?—прибавилъ онъ съ гордостью,—я все буфетное дѣло произошелъ! Рекомендаціи имѣю...

Мы спросили Кубарева, можетъ ли хоръ исполнить что-нибудь изъ старыхъ русскихъ пѣсенъ: „Лучинушку", „Не бѣлы-то снѣги", „Какъ на матушкѣ на Невѣ—рѣкѣ".

— Никакъ нѣтъ-съ,—проговорилъ запѣвало,—изъ моды вышли. То есть я то спою, а хоръ не сумѣетъ... Не разучиваемъ.

— Можетъ быть, знаете русскіе романсы на слова Цыганова: „Что ты рано травушка пожелтѣла?" „Красный сарафанъ", „Смолкни пташка-канарейка?"

— „Красный сарафанъ" можемъ,—отвѣтилъ Кубаревъ,—да мы все можемъ, и романсы, и изъ оперъ, что хотите, только для непонимающихъ...

Онъ засмѣялся.

— У насъ теперь пѣсни новыя,—продолжалъ онъ,—нонче пѣсни сочиняются все больше по острогамъ, да по веселымъ заведеніямъ. Фабричныхъ пѣсенъ мало поемъ: тамъ больше куплетцы сочиняютъ ради смѣха съ припѣвцами и разными такими-сякими словечками. Крестьянскихъ пѣсенъ нынѣшнихъ тоже не поемъ: крестьянскую пѣсню завсегда узнать можно: въ нихъ все „цвѣтики-цвѣточки", да „зеленые садочки", да „милому дружочку золото колечко"... Ежели угодно, можно изъ старинныхъ пѣсенъ „Ваньку-Клюшника", или вотъ тоже хорошая: „Ты взойди, солнце красное". Это пѣсня бурлацкая; есть на духовный манеръ, а то можно и съ мужицкимъ напѣвомъ.

Мы заказали ему перечисленныя имъ пѣсни.

Въ это время послышался звонокъ, представленіе возобновилось, и на сценѣ стали показываться различные фигуранты.

Сначала явились двое карликовъ. Они что-то заговорили, пропѣли, проплясали, сошли со сцены и стали обходить публику и собирать на тарелку мѣдные гроши.

Старческія личики этихъ маленькихъ людей вызывали состраданіе, и было тяжело думать, что эти неудавшіеся человѣчки могли служить предметомъ для зрѣлищъ.

Потомъ явился безобразно нагримированный, въ парикѣ изъ мочалы мужчина, наряженный мужикомъ: въ лаптяхъ, онучахъ, нанковыхъ штанахъ и рубахѣ. Этотъ мужикъ почему-то пропѣлъ шансонетку и слова припѣва произносилъ слѣдующимъ образомъ: „говорять, говорять, все неправду говорять.“ Въ публикѣ онъ вызвалъ смѣхъ, потому что куплеты были скабрезные. Затѣмъ показался человѣкъ, ничѣмъ не похожій на еврея, но наряженный жидомъ и желавшій передразнить еврея.

Наконецъ, снова собрался хоръ. Запѣвало и гармонистъ взошли на сцену. Кубаревъ пѣлъ заказанныя нами пѣсни. Особенно удался ему крестьянскій мотивъ въ пѣснѣ: „Ты взойди, солнце красное.“ Въ напѣвѣ не слышалось постороннихъ вліяній, онъ звучалъ широкимъ раздольемъ Волги. Но Кубаревъ пѣлъ спокойно, не увлекаясь, словно эта пѣсня мало говорила душѣ его и словно этотъ „приволжскій“ пѣвецъ давно-давно не видалъ ни настоящаго солнца, ни Волги. Къ тому же голосъ запѣвалы слышался одинъ: хоръ не зналъ мотива. Иволгинъ со своей гармоніей по слуху вторилъ Кубареву, а хористы лишь невнятно подпѣвали. Юноша съ бачками гримасничалъ, надѣвалъ пэнснэ и подмигивалъ со сцены своимъ пріятелямъ, которые, глядя на него, хохотали.

Публика не слушала пѣвцовъ. Вечеръ приближался къ концу, и общее настроеніе становилось все болѣе безпокойнымъ и бурнымъ. Было за полночь. Люди, пришедшіе поужинать и выпить чаю, разошлись по домамъ. Оставались мастеровые и трактирные завсегдатаи, люди сумрачнаго типа. Изъ залы выводили пьяную женщину, которая кричала и бранилась.

На сценѣ появился заключительный номеръ.

Передъ рампой усѣлся мужчина съ огромной кудластой головой на толстой шеѣ, широкоплечій, съ бычачьей мускулатурой. Его ожирѣвшее, обрюзглое лицо имѣло видъ болѣзненный. Бѣлые зрачки рѣзко выдѣлялись, глаза глядѣли неподвижно. Онъ держалъ передъ собою большую гармонію.

Человѣка этого ввела подъ руку на сцену женщина молодая, высокая, въ ярко розовомъ платкѣ. Ея лицо, бѣлое съ крупными чертами, могло казаться красивымъ, но поражало холоднымъ, равнодушно-скучающимъ выраженіемъ.

Она также помѣстилась на сценѣ подлѣ рампы, нѣсколько поодаль; приняла спокойную, независимую позу, положивъ ногу на ногу, и, глядя на публику холоднымъ, рыбьимъ взглядомъ, принялась щелкать подсолнухи.

Другая, пожилая, женщина въ сѣромъ платьѣ съ кружевной наколкой на волосахъ, своимъ видомъ похожая на

даму, играющую танцы на вечерахъ, расположилась передъ небольшимъ устарѣлаго фасона роялемъ.

При видѣ этихъ исполнителей, публика возликовала, послышались крики одобренія.

Мы остановили проходившаго мимо служителя и спросили, что́ все это значитъ. Малый объяснилъ, что мужчина съ гармоніей слѣпой, но больно бойко играетъ на инструментѣ. Гости его очень обожаютъ, поэтому отъ хозяина ему дается большое жалованье. Молодая женщина—это какъ бы его жена, а старуха за роялью, эта просто такъ себѣ, нѣмка-музыкантка.

Женщина въ розовомъ, глядѣвшая со сцены, увидала въ публикѣ знакомаго и стала ему кивать головой.

Слѣпой гармонистъ тотчасъ насторожился, поднялъ кудластую голову, потянулъ въ себя воздухъ, всѣмъ лицомъ своимъ выражая тревогу и злобу, и издалъ губами сиплый звукъ.

Гости захохотали.

— Ревнуетъ!—объяснилъ намъ стоявшій подлѣ насъ половой и тоже засмѣялся.

Въ это время старая дама ударила по разбитымъ клавишамъ,

Гармонистъ тяжело и круто повернулся къ роялю всѣмъ своимъ массивнымъ корпусомъ, свирѣпо замоталъ головой и рванулъ гармонію.

Послышались звуки рѣзкіе, кричащіе. И тотчасъ голова музыканта задергалась въ тактъ музыки и стала вращаться въ конвульсивномъ движеніи то къ одному, то къ другому плечу.

Исполняли какой-то „Царицынскій маршъ“. Но что́ это была за игра! Я никогда не слыхивалъ такого первобытно грубаго, такого напряженно-нервнаго исполненія.

Эти звуки прыгали, скакали, мчались другъ за другомъ, охваченные бѣшенымъ порывомъ, неистовые, озвѣрѣлые. И лицо музыканта было озвѣрѣлое, а все туловище его дергалось въ судорогахъ.

Звуки то пронзительно взвизгивали, то ревѣли ревомъ; гармонія гудѣла, хрипѣла и такъ и ходила ходуномъ между крѣпкими нервными пальцами слѣпого.

Жутко было видѣть, какъ двигалась огромная голова музыканта, словно заведенная, отъ плеча къ плечу, какъ мелькали большіе бѣлки слѣпыхъ глазъ.

Жутко было смотрѣть на громадное, безобразное и болѣзненное тѣло, на этого ужаснаго и жалкаго силача, который казался дикаремъ, человѣкомъ первобытнымъ, живущимъ какой-то глубоко одинокой, темной и грубой жизнью.

Женщина въ розовомъ снова кому-то спокойно кивала головой и подмигивала.

Гармонія взвизгивала, ревѣла. Туловище музыканта содрогалось...

А публика неистовствовала: мастеровые повскакали съ мѣстъ, вскрикивали, свистали, стучали стульями. То былъ настоящій разгулъ, апоѳеозъ пьянаго вечера.

Мой спутникъ, не ожидавшій ничего подобнаго, нервно пожималъ плечами и отворачивался отъ сцены.

— Охота вамъ смотрѣть на такіе ужасы,—обратился онъ ко мнѣ.—На такое искусство требуются не живые люди, а автоматы. Ну, къ чему тутъ эти пѣвцы, да и всѣ эти несчастные и жалкіе артисты? Право, возмутительно!..

Мы поднялись и вышли изъ залы. На улицѣ было темно, только свѣтъ изъ оконъ заведенія падалъ на мостовую, да гдѣ-то далеко свѣтились фонари. Съ Волги доносились свистки пароходовъ. Слышался шумъ ночной работы на сосѣднемъ заводѣ. Попадались темныя фигуры: онѣ шатались, обнимались другъ съ другомъ и падали на мостовую. Раздавались сиплые крики, пьяныя пѣсни.

Мы шли по длинной узкой улицѣ, унося въ душѣ невеселыя воспоминанія. Что-то тѣснилось въ груди, не хотѣлось бесѣдовать.

Мы оба молчали и молча простились другъ съ другомъ.

Петръ Кожевниковъ.

Нерѣшенныя проблемы біологіи.

Развитіе и Наслѣдственность.

I.

Любопытна судьба нѣкоторыхъ понятій, вошедшихъ въ умственный обиходъ мыслящихъ людей и пріобрѣтшихъ неоспоримыя права гражданства въ наукѣ. Развитіе, наслѣдственность, атавизмъ, измѣнчивость, борьба за существованіе, подборъ — все это понятія, не только хорошо знакомыя большинству, но и въ значительной степени заѣзженныя, избитыя. Ими пользуются, какъ готовыми шаблонами мысли, которые принимаются на вѣру, безъ критики и размышленія; ими щедро уснащаютъ рѣчь свою и романисты, и критики, и публицисты, и философы, и представители точнаго знанія; имъ сооружаютъ либо пьедесталы, либо костры—смотря по вкусамъ и симпатіямъ строителей,—ихъ то сопровождаютъ хвалебными гимнами, то предаютъ анаѳемѣ. Но, къ сожалѣнію, такая завидная популярность очень печально отражается на внутренней цѣнности этихъ понятій: они бѣднѣютъ содержаніемъ, обезцвѣчиваются, претворяются въ звукъ пустой, не говорящій ничего ни уму, ни сердцу мыслящаго человѣка. Вотъ почему иной разъ не мѣшаетъ подвергнуть возможно строгому и всестороннему анализу идею, обезцѣненную ходячею молвой; вотъ почему порой приходится еще и еще разъ напоминать о вещахъ, *видимо* всѣмъ хорошо извѣстныхъ. Вѣдь говорятъ же, что простое и понятное оказывается зачастую очень сложнымъ и загадочнымъ, и не напрасно говорятъ. Затасканныя и замученныя до неузнаваемости идеи развитія, наслѣдственности и измѣнчивости относятся къ этой именно категоріи идей.

Много головоломныхъ задачъ предлагаетъ человѣку жизнь, этотъ и доселѣ еще таинственный сфинксъ, и въ ряду этихъ задачъ явленія развитія и наслѣдственности занимаютъ одно изъ самыхъ почтенныхъ мѣстъ. Это—явленія сугубо-сложныя и досадно-загадочныя, не смотря на тѣ видимо простыя и понятныя

формы, въ которыя они облокаются. Съ ними тѣсно связаны многія изъ капитальнѣйшихъ проблемъ біологіи: проблема происхожденія жизни на землѣ, проблема филогенетическаго развитія организмовъ, проблема измѣнчивости и расхожденія признаковъ, проблема генеалогіи живыхъ существъ, ихъ родственныхъ взаимоотношеній и, наконецъ, цѣлый рядъ соціологическихъ проблемъ, поскольку онѣ находятся въ связи съ вопросомъ о развитіи и наслѣдственности психическихъ свойствъ.

И въ самомъ дѣлѣ. Рѣшить безповоротно въ томъ или иномъ смыслѣ вопросъ объ индивидуальномъ развитіи живыхъ существъ (оогенезъ)—это значитъ познать тѣ внутреннія и внѣшнія пружины, подъ вліяніемъ которыхъ одноклѣтный зародышъ, т. е. оплодотворенная яйцевая клѣтка, превращается во взрослый организмъ опредѣленнаго вида. А такое знаніе, навѣрное, позволитъ приподнять хоть край завѣсы, отдѣляющей отъ насъ тѣ далекія перспективы прошлаго, когда мертвое, неорганизованное стало постепенно складываться въ нѣчто организованное, одаренное жизнью. Далѣе, доказавши, напр., что одноклѣтные зародыши всѣхъ видовъ животныхъ и растеній *дѣйствительно* ничѣмъ по существу не разнятся, и узнавши—почему эти сходные зародыши преобразуются въ цѣлый рядъ формъ весьма не сходныхъ какъ по строенію, такъ и по отправленіямъ своимъ, наука о жизни могла бы смѣло говорить о параллелизмѣ между оогенезомъ и филогенезомъ; тутъ ужъ связь между индивидуальнымъ развитіемъ организма (оогенезъ) и его родословной (филогенезъ) станетъ не только остроумной догадкой, но и безспорнымъ научнымъ обобщеніемъ. Тоже самое приходится сказать о связи между развитіемъ и наслѣдственностью, съ одной стороны, и измѣнчивостью и расхожденіемъ признаковъ, съ другой. Нужно прочно установить фактъ воздѣйствія внѣшнихъ и внутреннихъ условій на форму и отправленія развивающагося зародыша, нужно проникнуть въ тайники тѣхъ морфологическихъ и функціональныхъ процессовъ, которые обусловливаютъ возникновеніе однихъ признаковъ и исчезновеніе другихъ на различныхъ ступеняхъ эмбріональнаго развитія,—и тогда проблема измѣнчивости и расхожденія признаковъ будетъ покоиться на прочныхъ научныхъ основаніяхъ. Возьмемъ, наконецъ, вопросъ о развитіи психики. Когда наука опредѣлитъ въ точности тотъ матеріальный субстратъ, который является носителемъ психическихъ свойствъ въ одноклѣтномъ зародышѣ, когда она признаетъ возможность измѣнять свойства этого субстрата и не только установитъ связь между развитіемъ различныхъ частей его и развитіемъ различныхъ психическихъ свойствъ, но и представитъ эту связь въ формѣ непреложныхъ законовъ, тогда основные вопросы психологіи станутъ много понятнѣе, чѣмъ теперь. Мало этого, въ насъ укрѣпится тогда глубокая вѣра въ цѣлесооб-

разность различныхъ воспитательныхъ мѣръ и столь же глубокое недовѣріе къ ученію о всемогуществѣ естественнаго подбора, о непреоборимой силѣ его въ дѣлѣ развитія разума, воли и чувства...

Если все это дѣйствительно такъ, то становится вполнѣ понятнымъ то исключительное вниманіе, которое всегда оказывалось явленіямъ развитія и наслѣдственности и связаннымъ съ ними процессамъ.

Еще въ глубокой древности явленія эти трактовались на различные лады выдающимися умами того времени. Философы, натуралисты и врачи различныхъ вѣковъ и культурныхъ народовъ внесли свою лепту въ обсужденіе этихъ важныхъ проблемъ біологіи. Вторая половина минувшаго XIX столѣтія внесла въ сокровищницу знанія особенно цѣнные вклады по вопросамъ развитія и наслѣдственности. Цѣлый рядъ блестящихъ представителей научной и философской мысли посвятилъ всѣ свои знанія и силы на рѣшеніе этихъ вопросовъ, и въ наслѣдіе XX вѣку достался богатый и крайне разнообразный матеріалъ опытовъ и наблюденій, эмпирическихъ обобщеній, гипотетическихъ и точныхъ построеній, съ которыми необходимо считаться всякому, кому дороги судьбы біологіи. Правда, и факты, и гипотезы, и теоріи эти представляютъ не одинаковую научную цѣнность; правда, теоретики явленій развитія и наслѣдственности даютъ зачастую однимъ и тѣмъ же фактамъ весьма различное освѣщеніе и создаютъ взаимно упраздняющія другъ друга гипотезы; правда, что иной разъ теряешь голову, стараясь разобраться въ томъ хаосѣ противорѣчивыхъ идей и толкованій, которыя пускаются въ ходъ для объясненія однихъ и тѣхъ же научныхъ данныхъ, но все это нисколько не умаляетъ цѣнности тѣхъ истинно научныхъ наблюденій и обобщеній, которыя оставлены намъ въ наслѣдіе XIX столѣтіемъ. И чѣмъ богаче данныя опыта и наблюденія, чѣмъ противорѣчивѣе попытки объяснить ихъ, тѣмъ естественнѣе и сильнѣе должно быть желаніе объединить всю эту хаотическую груду матеріала въ стройное цѣлое и освѣтить ее общею теоретическою мыслью. А потому, врядъ-ли справедливо мнѣніе, напр., профессора Тимирязева, заявляющаго, что „господствующее стремленіе нѣмецкихъ ученыхъ создать общую теорію наслѣдственности едва-ли удачно и едва-ли даже соотвѣтствуетъ дѣйствительной потребности науки“. Это заявленіе тѣмъ болѣе странно, что мы съ давнихъ поръ привыкли думать, что для науки обязательны „общія теоріи“, что таковыя именно и соотвѣтствуютъ „истиннымъ потребностямъ“ ея! И съ какихъ это поръ творчество стало противнымъ духу положительной науки? Точно оно не составляетъ живую душу ея. Точно теоріи, всеохватывающія философскія обобщенія, опирающіяся на данныя точной науки, не являются тою желанною цѣлью, къ которой не-

удержимо рвется научная мысль! Совсѣмъ другое дѣло, когда на пути этихъ стремленій мысль покидаетъ твердую почву фактовъ и наблюденій и уносится въ міръ голыхъ абстракцій, праздныхъ размышленій и фантасмагорій. Но вѣдь для подобныхъ случаевъ къ услугамъ разума и имѣются такія надежныя орудія, какъ анализъ, критика и скепсисъ, которые и сводятъ счеты съ блудными шатаніями мысли. Уважаемый профессоръ правъ, разумѣется, въ своемъ преклоненіи предъ „здравымъ англійскимъ умомъ"—рѣчь идетъ о Дарвинѣ,—который отнесся отрицательно къ „спекулятивнымъ построеніямъ"; но въ то же время онъ тысячу разъ неправъ въ томъ снисходительномъ презрѣніи, съ которымъ онъ относится ко „многимъ нѣмецкимъ натуралистамъ". Говоря, напримѣръ, о пангенезисѣ Дарвина, онъ продолжаетъ: „эти измышленія (т. е. гипотеза пангенезиса) раздули искру, глухо тлѣвшую въ умахъ многихъ нѣмецкихъ натуралистовъ, и въ этомъ, конечно, обнаружился любопытный примѣръ атавизма въ умственной сферѣ. Дѣти и внуки людей, воспитанныхъ на Шеллингахъ и Окенахъ, почуяли что-то родственное въ этихъ безпочвенныхъ умозрѣніяхъ, и вотъ какъ изъ рѣшета посыпались различныя „пластидули" (Геккель), „идіоплазмы" (Негели), „зародышевыя плазмы" (Вейсманъ) и пр. и пр., для того, чтобы черезъ двадцать лѣтъ вернуться къ „зачаткамъ" Дарвина, но подъ болѣе щекочущимъ слухъ названіемъ *пангенъ*" *).

Пусть это, говоря ядовитою рѣчью профессора Тимирязева, „дѣти и внуки людей, воспитанныхъ на Шеллингахъ и Окенахъ", пусть многіе изъ нихъ уклонились въ сторону дѣйствительно безпочвенныхъ умозрѣній, какъ это дальше читатель увидитъ и самъ; но всетаки за ними остается громадная заслуга: они не убоялись трудности лежащей передъ ними задачи, они не сложили рукъ своихъ въ трусливомъ смиреніи предъ „тайною жизни", не склонились раболѣпно предъ голымъ эмпиризмомъ и не отказались отъ возможно широкаго синтеза явленій, ибо это, по ихъ мнѣнію, самозаконнѣйшая „потребность науки". Ошибки, увлеченія и всяческія прегрѣшенія въ сферѣ мысли—удѣлъ всѣхъ выдающихся умовъ: непогрѣшима въ этой области лишь посредственность, ибо ей и грѣшить-то нѣтъ никакихъ поводовъ. Вѣдь даже самъ Дарвинъ, какъ это съ грустью въ сердцѣ констатируетъ нашъ ученый, согрѣшилъ своимъ пангенезисомъ. Видно вопросы все такіе проклятые, что волей неволей согрѣшишь дерзновенной попыткой проникнуть туда, куда, по кодексу всѣхъ благоразумныхъ, входъ *долженъ быть* разъ навсегда воспрещенъ. Но не велика, однако, честь ошибаться, хотя бы и ошибками выдающихся умовъ. У „дѣтей и внуковъ" и т. д. имѣется еще дру-

*) *К. Тимирязевъ.* Нѣкоторыя основныя задачи современнаго естествознанія.

гая, бо́льшая заслуга передъ лицомъ науки. Будучи представителями точнаго знанія, а не метафизиками par excellence, они, конечно, хорошо понимали роль опыта и наблюденія во всякаго рода гипотетическихъ построеніяхъ. И вотъ, чтобы придать силу и вѣсъ своимъ „измышленіямъ", они не только сдѣлали достодолжную расцѣнку и переоцѣнку того фактическаго матеріала, который имѣлся въ наукѣ по интересующему ихъ вопросу, но и сами произвели множество опытовъ и наблюденій. Забѣжавшая далеко впередъ гипотеза служила свѣточемъ при ихъ работѣ: она ихъ вдохновляла, она изощряла въ нихъ на всѣ лады способность къ экспериментамъ и наблюденіямъ, она окрыляла ихъ аналитическія способности при оцѣнкѣ чужихъ опытовъ и наблюденій. И какъ много новаго внесла въ науку эта плодотворная работа, новаго и въ смыслѣ научной техники, и въ смыслѣ непосредственныхъ данныхъ, и въ смыслѣ точныхъ обобщеній. За все это хвала „дѣтямъ и внукамъ людей, воспитанныхъ на Шеллингахъ и Окенахъ"...

Попытка нѣкоторыхъ натуралистовъ освѣтить общей теоріей явленія развитія и наслѣдственности тѣмъ болѣе интересна, что для громаднаго большинства современныхъ ученыхъ и наслѣдственность и развитіе—все еще загадка за семью печатями. Я говорю, разумѣется, не о внѣшнихъ процессахъ, характеризирующихъ эти явленія природы, а объ ихъ сущности. „Изученіе силъ, — говоритъ Оскаръ Гертвигъ, — которыми природа приводитъ въ дѣйствіе процессъ органическаго развитія, подвигается впередъ медленными шагами; и еще долго оно будетъ составлять одну изъ важнѣйшихъ задачъ біологическихъ наукъ" *). „Какія представленія—спрашиваетъ Гертвигъ въ другомъ мѣстѣ,—можемъ мы составить себѣ въ настоящее время о тѣхъ незримыхъ свойствахъ клѣтокъ, благодаря которымъ онѣ становятся зачатками сложнаго организма? Въ какомъ взаимномъ отношеніи находятся зачатокъ и развитое состояніе"? И тутъ же отвѣчаетъ: „Разрѣшеніе этихъ вопросовъ принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ проблемъ ученія о жизни" **). Еще ярче и опредѣленнѣе выражена мысль эта въ слѣдующихъ словахъ того-же Гертвига: „Всякій, кто вдумается глубже въ проблему развитія, долженъ будетъ признать, что мы были заняты, такъ сказать, лишь внѣшней стороной ея. Когда-же вникнешь глубже въ самую сущность процесса развитія, въ образующія его причины и силы, то очутишься передъ цѣлымъ лѣсомъ загадокъ" ***). Таково чистосердечное признаніе зоолога по вопросу объ органическомъ развитіи. Посмотримъ теперь, что го-

*) *Оск. Гертвигъ.* Современные спорные вопросы біологіи. Вып. I. Эпигенезъ или Преформація.

**) *Онъ-же.* Клѣтка и ткани.

***) *Онъ-же.* Aeltere und neuere Entwickelungs-Theorieen.

воритъ по тому же самому поводу ботаникъ Визнеръ, человѣкъ, пользующійся репутаціей выдающагося ученаго. Отмѣтивши громадную важность такого вопроса, какъ вопросъ о происхожденіи разнообразнаго міра живыхъ существъ изъ простѣйшихъ организмовъ, Визнеръ продолжаетъ: „Однако, нечего удивляться тому, что эта великая проблема остается еще не разрѣшенной, такъ какъ болѣе простая, но родственная ей проблема развитія столь разнородныхъ элементарныхъ органовъ растенія или животнаго изъ зачатка для насъ также еще вполнѣ непонятна“ *). По вопросу о наслѣдственности тотъ-же Визнеръ высказывается не менѣе рѣшительно: „Какъ извѣстно,—говоритъ онъ,—ученіе о наслѣдственной передачѣ признаковъ относится къ наиболѣе труднымъ отдѣламъ науки объ организованной природѣ; и до сихъ поръ не дано еще удовлетворительнаго рѣшенія этой великой загадки жизни, не смотря на то, что такіе люди, какъ Г. Спенсеръ, Ч. Дарвинъ, Геккель, Вейсманъ и Негели положили на это всю силу своего великаго ума“ **). Нѣтъ никакой необходимости обременять статью дальнѣйшими выдержками изъ другихъ авторовъ. Достаточно сказать, что всѣ вдумчивые натуралисты нашего времени смотрятъ на проблему развитія и наслѣдственности также, какъ Гертвигъ и Визнеръ. Отсюда и обиліе разнородныхъ толкованій этой проблемы.

Разобраться хоть сколько нибудь въ той грудѣ фактическаго матеріала по вопросу о явленіяхъ развитія и наслѣдственности, который накопился за послѣднее время въ наукѣ о жизни, дать посильную оцѣнку тѣмъ толкамъ и лжетолкованіямъ—особенно лжетолкованіямъ,—которые неразрывно связаны съ данными и обобщеніями въ этой области біологіи, и наконецъ, вскрыть содержаніе господствующихъ въ этой наукѣ понятій о сущности развитія, наслѣдственности и измѣнчивости—вотъ цѣль тѣхъ статей, которыя я имѣю въ виду предложить вниманію читателей. Задача трудная и—надо сказать правду—неблагодарная для автора, но думается, не безъинтересная для читателя, слѣдящаго за судьбами теоретической мысли въ современной біологіи. Прибавлю еще вотъ что. Въ настоящей работѣ рѣчь будетъ идти главнымъ образомъ объ индивидуальномъ развитіи организмовъ и о наслѣдственности морфологическихъ и функціональныхъ признаковъ. Эти два явленія находятся въ такой неразрывной связи, такъ тѣсно переплетаются и такъ незамѣтно переходятъ одно въ другое, что разсматривать ихъ независимо другъ отъ друга рѣшительно невозможно...

Бросимъ же ретроспективный взглядъ на исторію интересую-

---

*) *Визнеръ.* Біологія растеній.

**) *Онъ-же.* Die Elementarstruktur und das Wachsthum der lebenden Substanz.

щаго насъ вопроса и посмотримъ прежде всего, какъ представляли себѣ наслѣдственность и развитіе выдающіеся умы древности: это поможетъ намъ разобраться въ противорѣчивыхъ взглядахъ нынѣшняго времени.

Въ капитальномъ трудѣ извѣстнаго французскаго зоолога Делажа „La structure du protoplasma et les theories sur l'Hérédité et les grands problèmes de la Biologie generale" приведенъ слѣдующій отрывокъ изъ священной книги индусовъ Manava-Dharma-Sastra: „Сѣмя истекаетъ изъ главныхъ, или, по мнѣнію нѣкоторыхъ, изъ всѣхъ частей тѣла; оно содержитъ въ возможности всѣ свойства, передаваемыя органамъ: если въ какой-либо части организма производителей имѣются недочеты, то они должны необходимо перейти на сѣмя, а отъ него передадутся плоду, ибо плодъ происходитъ изъ сѣмени". Трудно представить себѣ что-либо любопытнѣе этихъ строчекъ изъ священной книги индусовъ, строчекъ столь наивныхъ на нашъ просвѣщенный взглядъ; а между тѣмъ, въ нихъ — цѣлое міросозерцаніе, властно царившее надъ умами выдающихся натуралистовъ и врачей сѣдой старины, среднихъ и даже новыхъ вѣковъ; не говорю ужъ о томъ, что иной любитель парадоксальныхъ сближеній не прочь будетъ усмотрѣть въ этомъ отрывкѣ прототипъ дарвиновскаго пангенезиса и сродныхъ съ пангенезисомъ ученій.

Чему же учитъ, въ самомъ дѣлѣ, „священная книга"? Какъ рѣшаетъ она проблемы размноженія, развитія и наслѣдственности? Чрезвычайно просто по формѣ и, какъ увидите дальше, не совсѣмъ безсодержательно по мысли. Всякое новое существо,—говоритъ она,—образуется изъ сѣмени — о сперматозоидахъ тогда, само собою разумѣется, не могло быть и рѣчи. Стало быть, мать со своей стороны ничего рѣшительно не приноситъ для образованія новаго существа: чрево ея служитъ лишь мѣстомъ, предназначеннымъ для принятія сѣмени и развитія изъ него новаго организма. Сѣмя,—говорится въ этой книгѣ дальше, — истекаетъ изъ всѣхъ частей тѣла. Отсюда ужъ дѣлается прямой выводъ, что въ немъ должно быть заложено in potentia все, необходимое для развитія взрослой формы и, такимъ образомъ, проблема развитія теряетъ въ глазахъ просвѣщеннаго индуса свой таинственный смыслъ. Но разъ всѣ части взрослаго организма принимаютъ участіе въ образованіи сѣмени, то и проблема наслѣдственности перестаетъ быть загадочной: все характерное для каждаго органа тѣла, вплоть до недочетовъ его, входитъ, какъ составная часть, въ сѣмя, а отъ сѣмени ужъ передается возникающему изъ него новому существу. Это-ли не рѣшеніе одной изъ величайшихъ загадокъ мірозданія!

Такое же мнѣніе господствовало среди философовъ и врачей Греціи и Рима; однако, большинство изъ нихъ отводило нѣкоторую активную роль и матери въ дѣлѣ образованія плода, хотя

роль эта понималась различно. Обративши вниманіе, напримѣръ, на то, что менструаціи во время беременности прекращаются, одни изъ ученыхъ того времени рѣшили, что менструаціонная кровь въ періодъ беременности идетъ на питаніе плода; по мнѣнію же другихъ, она служитъ матеріаломъ для образованія грубыхъ частей развивающагося плода, между тѣмъ, какъ наиболѣе нѣжныя и, такъ сказать, деликатныя части его создаются изъ сѣменной жидкости. Пиѳагоръ, Эмпедоклъ и Аристотель — вотъ яркіе представители послѣдняго взгляда. По Аристотелю, напримѣръ, тѣло зародыша возникаетъ изъ материнской крови, а душа и стимулъ къ движенію даются сѣменною жидкостью. Кровь матери,—говорилъ онъ,—это—мраморъ, дитя—статуя, а сѣмя—великій скульпторъ, вдохнувшій жизнь и душу въ холодный мраморъ. Несравненно бо̀льшую научную цѣнность, — для того времени, конечно, — представляло ученіе Гиппократа и одного изъ позднѣйшихъ послѣдователей его, Галена. По мысли Гиппократа, всякій плодъ обязанъ своимъ происхожденіемъ двумъ особеннымъ жидкостямъ, играющимъ одинаково важную роль при образованіи новаго живого существа. Одна изъ нихъ, мужское сѣмя, доставляется отцомъ, другая, женское сѣмя, вырабатывается въ организмѣ матери. При процессѣ оплодотворенія обѣ жидкости смѣшиваются и даютъ начало новому существу, которое будетъ походить либо на мать, либо на отца, смотря по тому, кто изъ нихъ доставитъ больше строительнаго матеріала. Тутъ ужъ, какъ видите, проблема наслѣдственности ставится шире, ибо принимаются во вниманіе оба производителя, да при томъ на мужское и женское сѣмя указывается прямо, какъ на матеріальный субстратъ наслѣдственныхъ свойствъ. Любопытно, между прочимъ, и то, какъ „доброе старое время“ рѣшало вопросъ о происхожденіи дѣтей различнаго пола, вопросъ, который и по сіе время остается открытымъ. Для философа Анаксагора, напримѣръ, рѣшеніе этой задачи сводилось къ слѣдующему: сѣмя, идущее изъ правой сѣменной желѣзы, давало мальчиковъ, а изъ лѣвой—дѣвочекъ. Само собою разумѣется, что увѣренность въ справедливости подобныхъ толкованій порождала соотвѣтствующую практику.

Этотъ дѣтскій лепетъ, вполнѣ законный на зарѣ научной мысли, оказался тѣмъ не менѣе настолько сильнымъ, что цѣлые вѣка продержался въ наукѣ. Гипотезы философовъ и натуралистовъ 17-го и 18-го вѣковъ по вопросу о сущности развитія и наслѣдственности, какъ нельзя лучше, подтверждаютъ это. Въ наслѣдство XIX вѣку достались два діаметрально противоположныхъ ученія о развитіи: теорія эволюціи или *предобразованія* и теорія эпигенезиса или *новообразованія*. Наслѣдство было чревато будущимъ и оказалось настолько живучимъ, что минувшій XIX вѣкъ не сумѣлъ, не смотря на всѣ свои старанія, разобраться въ немъ досконально и въ свою очередь передалъ его нынѣшнему XX сто-

лѣтію въ надеждѣ, что по крайней мѣрѣ онъ придетъ къ какому-нибудь опредѣленному выводу относительно цѣнности этого наслѣдства и либо отвергнетъ его, какъ порожденіе эфемернаго знанія, либо отведетъ ему почетное мѣсто среди завоеваній научной мысли. Правда, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія былъ цѣлый періодъ, когда часть этого наслѣдства, а именно теорія предобразованія, оказалась настолько дискредитированной въ глазахъ ученыхъ, что ее рѣшили было окончательно сдать въ архивъ, какъ нѣчто противорѣчащее непосредственнымъ наблюденіямъ и вздорное по существу; но это было, какъ оказалось потомъ, всего лишь кризисомъ: преданный анаѳемѣ и сожженію фениксъ вновь возродился изъ собственнаго пепла.

Какое-жъ это было наслѣдство? Начнемъ съ теоріи предобразованія или, какъ называли ее тогда, эволюціи. Послѣдняго названія я, между прочимъ, не стану вовсе употреблять здѣсь, ибо не желаю вносить смуты въ обычныя представленія читателей. Дѣло въ томъ, что для теоретиковъ естествознанія XVII и XVIII вѣка со словомъ эволюція связывалось представленіе о процессѣ совершенно противоположномъ тому, который мы связываемъ теперь съ этимъ именемъ.—Что̀ такое маленькій, невидимый для невооруженнаго глаза зародышъ живого существа?—спрашивали себя великіе умы XVII и XVIII вѣка, Шарль Бонне, Галлеръ, Левенгукъ, Мальпиги, Сваммердамъ, Спалланцани. Въ чемъ сущность тѣхъ процессовъ, подъ вліяніемъ которыхъ микроскопическіе зародыши или зачатки бабочки, рыбы, лягушки, курицы, собаки и человѣка превращаются во взрослыя формы? И отвѣтъ былъ таковъ. Зародышъ всякаго организма есть миніатюрная копія взрослаго существа; въ зачаткѣ всякаго животнаго имѣются на готовѣ всѣ органы и аппараты взрослой формы; всѣ эти органы и аппараты находятся въ дремлющемъ состояніи; нуженъ лишь импульсъ, чтобы они пробудились къ жизни, и такой импульсъ дается процессомъ оплодотворенія. Этотъ импульсъ вызываетъ къ дѣятельности скрытые органы зародыша; зародышъ начинаетъ питаться, расти насчетъ усваиваемой имъ пищи и, въ концѣ концовъ, изъ невидимаго, микроскопическаго, становится видимымъ, большимъ. Итакъ, развитіе есть, въ сущности, всего лишь ростъ. Ничто во время такого роста не измѣняется въ зародышѣ, кромѣ объема и массы его, ничто въ немъ не образуется вновь, не превращается, не создается: всё, вплоть до мельчайшихъ штриховъ въ организаціи взрослаго существа, уже имѣется въ микроскопическомъ зародышѣ напередъ, все *предобразовано* съ самаго начала. Отсюда и названіе этого ученія—*теорія предобразованія* или *преформація*. „Es giebt keine Werden,—говоритъ знаменитый Галлеръ, — kein Theil im Tierkörper ist vor dem andern gemacht worden, und alle sind zu gleich

erschaffen“ *). „Т. е. ничто не создается вновь, ни одна изъ частей животнаго тѣла не образуется прежде другой, всѣ сотворены одновременно“.

Но, спрашивается, кому принадлежитъ честь быть миніатюрною моделью взрослаго существа,—сперматозоиду или элементарному яйцу? Пока о сперматозоидахъ не было ничего извѣстно, такою моделью считалось яйцо; когда же, въ 1677 г., Левенгукъ съ помощью микроскопа открылъ въ сѣменной жидкости сперматозоидовъ, тогда теоретики того времени разбились на два враждующихъ лагеря. Одни *овисты* (отъ слова ovum—яйцо), со Спалланцани, Галлеромъ и Бонне въ главѣ, продолжали горячо отстаивать права элементарнаго яйца на значеніе истинной модели будущаго организма, а другіе, *сперматисты* (отъ слова sperma—сѣменная жидкость), подъ прикрытіемъ такихъ авторитетовъ, какъ самъ Левенгукъ, Гартсёкеръ и Далемпацій, отдавали предпочтеніе сперматозоиду, отводя яйцу лишь подчиненную роль питательнаго субстрата, на счетъ котораго живетъ зародышъ-живчикъ. Правовѣрный овистъ называлъ яйцо рыбы или лягушки, ничто-же сумняся, маленькою рыбкой или микроскопическимъ лягушёнкомъ, сперматозоиду же приписывалъ значеніе раздражающаго начала, дающаго зародышу толчекъ къ росту. А убѣжденный сперматистъ, вродѣ, напримѣръ, Далемпаціуса, увѣрялъ себя самого и другихъ, что въ сперматозоидѣ человѣка подъ микроскопомъ виденъ настоящій homunculus съ явственно-выраженнымъ туловищемъ, ногами, руками и головой въ капюшонѣ (послѣдній, очевидно, свидѣтельствовалъ о провиденціальной припискѣ къ духовному званію!). Съ такою же очевидностью въ сперматозоидахъ собаки, свиньи, коровы, лошади усматривались микроскопическіе щенята, поросята, телята и жеребята. Вотъ почему сперматисты извѣстны въ наукѣ еще подъ именемъ *анималькулистовъ:* кличка эта производится отъ слова animalculum, что значитъ—маленькое животное. Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что большинство сперматистовъ и овистовъ не настаивали на томъ, что микроскопъ явственно обнаруживаетъ въ яйцахъ и сперматозоидахъ всѣ формы взрослаго организма; они, наоборотъ, указывали на несовершенство нашего органа зрѣнія, на несовершенство микроскопа, на необычайно малые размѣры зародышей и на чрезвычайную прозрачность ихъ составныхъ частей, какъ на причины, не позволяющія намъ разглядѣть истинную структуру живчиковъ и яицъ.

Какъ ни различны, повидимому взгляды овистовъ и анималькулистовъ, но несомнѣнно, что оба эти ученія сходятся въ основномъ взглядѣ на сущность развитія и наслѣдственности. Для

---

*) За неимѣніемъ латинскаго оригинала, цитирую по книжкѣ Оск. Гертвига «Aeltere und neuere Entwickelungs-Theorieen».

нихъ—„es giebt keine Werden“, въ зародышѣ все напередъ предобразовано. Это, собственно говоря, та же тенденція, что и въ священной книгѣ индусовъ, и въ воззрѣніяхъ философовъ и натуралистовъ древности. А разъ это такъ, то загадка развитія и наслѣдственности сама собою упраздняется. Вѣдь органическое развитіе есть прежде всего переходъ отъ простого къ сложному, отъ однороднаго къ связно-разнородному; оно, стало быть, предполагаетъ и *ново*образованіе и *пере*образованіе. Ну, а если въ зародышѣ все напередъ, отъ вѣчности, *пред*образовано, то какое ужъ тутъ можетъ быть развитіе? А коли развитіе одинъ лишь миѳъ, то стало быть, и проблема развитія—праздная выдумка досужихъ фантазеровъ. Совершенно то же самое нужно будетъ сказать и о проблемѣ наслѣдственности. Вѣдь въ ней самымъ загадочнымъ является вопросъ о томъ, какимъ образомъ зародышъ воспринимаетъ и воспроизводитъ характерныя особенности родителей. Но если въ такомъ зародышѣ рѣшительно все характерное для родителя — ну, скажемъ, вплоть до какого-нибудь родимаго пятнышка на кончикѣ носа,—имѣется напередъ, то, очевидно, падаетъ и самая проблема наслѣдственности.

Больнымъ мѣстомъ для теоретиковъ „предобразованія“ былъ собственно другой вопросъ, а именно вопросъ о происхожденіи того миніатюрнаго организма, который путемъ одного лишь роста преобразуется во взрослую форму. Откуда въ самомъ дѣлѣ берутся всѣ эти homunculus'ы и animalculus'ы? Женевскій натуръ-философъ Шарль Бонне далъ на это отвѣтъ, одинаково удовлетворившій и овистовъ и анималькулистовъ. Разсудилъ онъ такъ: животное на самомъ дѣлѣ вовсе не творитъ заново своего потомства; въ тѣлѣ его заложены зародыши всѣхъ будущихъ поколѣній, и *зародыши эти вставлены одинъ въ другой*, словно въ оболочки, изъ которыхъ они послѣдовательно освобождаются по мѣрѣ появленія на свѣтъ каждаго слѣдующаго поколѣнія. Отсюда и беретъ начало такъ называемая „теорія вложенія“ или *инволюція*, та самая теорія, которую, съ легкой руки Блуменбаха, стали потомъ въ насмѣшку называть „ученіемъ о завернутыхъ другъ въ друга зародышахъ“. Ученіе это было къ тому же освящено авторитетомъ Лейбница. Послѣдній, какъ извѣстно, думалъ, что высшая сила, создавшая единымъ актомъ творенія всю вселенную, не сочла нужнымъ повторять себя въ дальнѣйшихъ актахъ и потому разъ навсегда предопредѣлила естественный ходъ вещей. Такъ, создавши первыхъ земныхъ тварей, эта сила дала имъ возможность производить вплоть до скончанія вѣковъ всѣ послѣдующія поколѣнія; и то, что мы называемъ рожденіемъ новыхъ существъ, есть на самомъ дѣлѣ лишь постепенное освобожденіе первоначальныхъ, вставленныхъ другъ въ друга зародышей. И овисты и анималькулисты исчерпали, можно сказать, до абсурда идеи Лейбница и Шарля Бонне. Наиболѣе рьяные изъ овистовъ

взяли на себя даже смѣлость заняться, напримѣръ, такимъ любопытнымъ вычисленіемъ: сколько вложенныхъ другъ въ друга зародышей должна была имѣть наша прародительница Ева, чтобъ этихъ зародышей хватило на всѣхъ имѣющихъ народиться людей; цифра по исчисленію овистовъ доходила до 200,000 милліоновъ. Не уступали своей позиціи, разумѣется, и анималькулисты. По ихъ разсчетамъ въ сперматозоидахъ Адама было завернуто другъ въ друга не меньшее число микроскопическихъ человѣчковъ. Ближайшій потомокъ праотца Адама, по мужской линіи, получилъ по наслѣдству то же число вставленныхъ другъ въ друга зародышей минусъ одинъ,—тотъ самый, который пошелъ на образованіе его самого, и т. д. вплоть до всѣхъ нынѣшнихъ сыновъ Адама, въ сперматозоидахъ которыхъ находятся на готовѣ зачатки всѣхъ, еще имѣющихъ народиться поколѣній...

Почти цѣлое столѣтіе длился ожесточенный споръ между овистами и анималькулистами, пока, наконецъ, великое открытіе Каспара Фридриха Вольфа, въ 1759 году, не выбило ихъ съ прочно занятой ими позиціи и не внесло совершенно новой струи въ исторію занимающаго насъ вопроса. Критикуя ученіе о преформаціи, этотъ замѣчательный ученый основывался главнымъ образомъ на непосредственныхъ наблюденіяхъ, занимавшихъ такое жалкое мѣсто въ умствованіяхъ натуръ-философовъ XVII и XVIII вѣка. Тѣмъ не менѣе и общія соображенія философскаго характера играли въ міровоззрѣніи Вольфа нѣкоторую роль. Онъ не могъ, напримѣръ, примириться съ основною мыслью сторонниковъ теоріи предобразованія, ибо по смыслу этого ученія „всѣ организмы представляютъ чудо“, а тамъ, гдѣ чудо, хотя бы и величаемое первоначальнымъ актомъ творенія, тамъ нѣтъ уже мѣста никакому истинно-научному построенію. Его глубоко печалитъ та жалкая, ничтожная роль, которую теорія предобразованія отводитъ силамъ живой, самоопредѣляющей, автономной природы. „Прежде,—говоритъ онъ съ оттѣнкомъ грустной ироніи,—это была живая природа, производившая безконечныя измѣненія своими собственными силами; теперь-же (т. е. вмѣстѣ съ признаніемъ ученія о предобразованіи и теоріи вставленныхъ другъ въ друга зародышей) она стала чѣмъ-то такимъ, что лишь по виду испытываетъ перемѣны, а на самомъ дѣлѣ остается безъ измѣненій со времени первоначальнаго творенія, и только мало-по-малу истрачивается. Прежде это была природа, которая сама себя разрушала и сама себя созидала, вызывая тѣмъ самымъ безконечныя перемѣны и проявляясь все въ новомъ свѣтѣ; а теперь это—безжизненная масса, отъ которой постепенно отпадаетъ одна часть вслѣдъ за другой, пока весь этотъ хламъ не износится“. Однако, повторяю, не въ этихъ общихъ разсужденіяхъ кроется сила той аргументаціи, которую авторъ сочиненія „Theoria generationis“ выдвинулъ противъ сторонниковъ преформаціи.

Онъ утверждалъ слѣдующее. Ни въ яйцахъ, ни въ сперматозоидахъ нѣтъ даже и слѣдовъ развитого организма; напротивъ, всякій зародышъ въ началѣ состоитъ изъ безформеннаго вещества, которое лишь постепенно, подъ вліяніемъ присущихъ самой природѣ силъ и путемъ цѣлаго ряда превращеній, развивается во взрослую форму съ ясно выраженными органами и аппаратами. Утвержденіе это покоилось на наблюденіяхъ, составившихъ эпоху въ судьбахъ эмбріологіи и, можно сказать, создавшихъ эту науку. Вотъ въ общемъ суть этихъ наблюденій. Изучая происхожденіе различныхъ органовъ растенія, Вольфъ доказалъ, что органы эти мало-по-малу обособляются изъ зачатковаго вещества, которое при этомъ испытываетъ цѣлый рядъ превращеній; затѣмъ, слѣдя за возникновеніемъ пищеварительнаго канала у цыпленка, онъ установилъ, что каналъ этотъ получается изъ простой овальной перепонки, которая постепенно измѣняется, получаетъ много новыхъ добавленій и, наконецъ, образуетъ различныя части пищеварительнаго канала, печень, легкія и пр. Дальнѣйшія работы другихъ ученыхъ и особенно знаменитаго Карла фонъ-Бера окончательно упрочили отрицательное отношеніе къ ученію о преформаціи, и теорія эта отошла, казалось, въ вѣчность; на мѣсто нея въ наукѣ упрочилось другое ученіе о развитіи— *теорія новообразованія или эпигенеза.* Ярче всего эта новая теорія выразилась въ слѣдующихъ словахъ Карла фонъ-Бера: „Живое существо происходитъ изъ одной клѣтки, изъ первичнаго яйца; оно строится посредствомъ этой первичной клѣтки, образующей новыя клѣтки, которыя все болѣе и болѣе отличаются другъ отъ друга и соединяются въ шнурки, въ трубки, въ пластинки, чтобы составить различные органы. Эта строительная работа идетъ, послѣдовательно усложняясь, такъ что формы обособляются по мѣрѣ того, какъ развитіе подвигается впередъ". Такъ была установлена несостоятельность ученія, по которому развитіе отождествлялось съ ростомъ, такъ было положено начало строгому различенію этихъ двухъ процессовъ органической природы: ростъ стали понимать, какъ увеличеніе объема, а органическое развитіе формулировали, какъ постепенный переходъ отъ простого-однороднаго къ сложному-разнородному.

Долгое время эпигенезъ царилъ въ наукѣ, какъ вполнѣ законченная научно-обоснованная теорія. Всѣ новыя изслѣдованія велись подъ знаменемъ этого ученія; наука о развитіи росла и крѣпла. Внѣшняя сторона эмбріональнаго процесса, прагматическая, если можно такъ выразиться, исторія индивидуальнаго развитія организмовъ становилась все понятнѣе и понятнѣе. Цѣлый рядъ блестящихъ эмпирическихъ обобщеній достойно завершалъ зданіе эмбріологической науки. Но по мѣрѣ того, какъ фактическій матеріалъ въ этой области знанія становился богаче и разнообразнѣе, старые, забытые вопросы нѣтъ-нѣтъ да и пробуж-

дались въ скептически настроенныхъ умахъ. Вѣра въ непреложность эпигенеза слабѣла, слава его меркла, обаяніе новизны исчезало, сомнѣнія росли не по днямъ, а по часамъ и вдругъ... мы вновь поклонились тому, что такъ рѣшительно и, казалось, безповоротно прокляли: теорія предобразованія возродилась къ жизни въ болѣе утонченной и совершенной формѣ, подъ болѣе пикантнымъ соусомъ; и старый споръ между преформистами и эпигенетистами опять загорѣлся съ удвоенной энергіей, съ несравненно лучше отточеннымъ оружіемъ въ рукахъ двухъ спорящихъ сторонъ.

Да иначе врядъ-ли и могло случиться. Два предательскихъ вопроса должны были неотвязно преслѣдовать мысль всякаго вдумчиваго сторонника эпигенеза. Во-первыхъ: дѣйствительно ли вмѣстѣ съ процессомъ развитія сложное-разнородное получается изъ простого-однороднаго? И во-вторыхъ: какимъ образомъ свойства родителей сперва переносятся на одноклѣтный зародышъ, а затѣмъ съ точностью воспроизводятся взрослымъ организмомъ, возникающимъ изъ этого зародыша? Нечего и говорить, что ни Vis essentialis Вольфа (направляющая сила), ни Nisus formativus (образовательное стремленіе), введенное въ науку Блуменбахомъ, не могли удовлетворить вопрошающихъ по первому пункту: принимая это чисто словесное толкованіе проблемы развитія, мы въ сущности ничего не объясняемъ; ибо какое-же это объясненіе, если оно говоритъ, что развитіе совершается подъ гнетомъ и подъ контролемъ никому невѣдомой силы, которая направляетъ зародышъ по пути развитія? На проблему-же наслѣдственности теорія эпигенеза и вовсе не давала никакого отвѣта. А между тѣмъ, повторяю, самый ростъ біологическихъ наукъ все настойчивѣй и настойчивѣй выдвигалъ необходимость болѣе глубокой постановки и болѣе содержательнаго рѣшенія этой проблемы. Не забывайте, что какъ разъ въ это время народилось и пустило глубокіе корни ученіе о клѣткѣ. Болѣе или менѣе детальное изученіе морфологическихъ и функціональныхъ особенностей клѣтки и взаимоотношеній между различными составными частями ея, изученіе тѣхъ явленій, которыми сопровождается размноженіе клѣтокъ, изученіе строенія яйца и сперматозоида и, наконецъ, болѣе глубокое знакомство съ процессомъ оплодотворенія и съ тою ролью, которая выпадаетъ въ этомъ процессѣ на долю различныхъ частей сѣменной и яйцевой клѣтки— все это произвело глубокій переворотъ въ нашихъ обычныхъ понятіяхъ о сущности органическаго развитія и явленій наслѣдственности. Волей неволей пришлось допустить, что клѣтка представляетъ собою довольно сложное тѣло, съ весьма загадочнымъ строеніемъ и многочисленными отправленіями, что она есть, собственно говоря, элементарный организмъ, и что въ сперматозоидѣ и сѣменной клѣткѣ какъ-бы напередъ имѣются всѣ, если

не матеріальныя, то, по крайней мѣрѣ, динамическія условія, необходимыя для возникновенія многоклѣтнаго взрослаго организма изъ одноклѣтнаго зародыша. Конечно, сейчасъ нѣтъ мѣста спору между овистами и сперматистами въ духѣ старыхъ школъ, ибо теперь для всякаго ясно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда организмы размножаются половымъ способомъ, и яйцевая клѣтка и сперматозоидъ равно необходимы для воспроизведенія новаго существа: исходнымъ пунктомъ всѣхъ нашихъ разсужденій о развитіи и наслѣдственности оказывается уже не яйцевая и не сѣменная клѣтка въ отдѣльности, а тотъ одноклѣтный зародышъ, который получается послѣ оплодотворенія изъ этихъ двухъ, иногда столь не сходныхъ по виду, половыхъ элементовъ. Но тѣмъ не менѣе, по признанію большинства теперешнихъ біологовъ, „половыя клѣтки должны имѣть многочисленныя скрытыя отъ насъ свойства и признаки, присутствіемъ которыхъ обусловливается возникновеніе конечнаго продукта. Такія скрытыя или латентныя свойства, которыя лишь постепенно обнаруживаются въ процессѣ развитія, называются зачатками; и въ совокупности зачатковъ весь организмъ до извѣстной степени предобразованъ и потенціально данъ“ *).

Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что у васъ имѣются одноклѣтные зародыши трехъ растеній—мухоловки, финиковой пальмы и платана—и зародыши трехъ животныхъ—ежа, жираффы и человѣка. Въ видѣ одноклѣтныхъ зачатковъ зародыши всѣхъ этихъ существъ обнаруживаютъ подъ микроскопомъ удивительное сходство, которое вы не прочь принять даже за полнѣйшее тождество. Но какъ несходны конечные продукты, возникающіе изъ этихъ элементарныхъ организмовъ! Какъ различны строеніе и жизнедѣятельность мухоловки, съ одной стороны, и финиковой пальмы, съ другой. Какъ велика пропасть, отдѣляющая платанъ отъ человѣка! Несомнѣнно, что сходство между одноклѣтными зародышами всѣхъ названныхъ организмовъ чисто внѣшнее и только видимое. Это сходство въ глазахъ натуралиста нашихъ дней имѣетъ не больше значенія, чѣмъ внѣшняя разница между яйцевою клѣткою и сперматозоидомъ одного и того же организма. Какъ въ первомъ случаѣ подъ *видимымъ* сходствомъ кроется глубокое различіе, такъ и во второмъ случаѣ подъ *видимо* несходной оболочкой обнаруживается несомнѣнное сходство въ общихъ свойствахъ. Вотъ почему большинство современныхъ біологовъ такъ охотно подписывается подъ словами Негели, гдѣ онъ говоритъ, что „въ стадіи яйца организмы не менѣе отличаются другъ отъ друга, чѣмъ въ развитомъ состояніи“, и что, напримѣръ, „въ куриномъ яйцѣ видъ содержится въ такой же полнотѣ, какъ и въ самой курицѣ, и куриное яйцо на столько

*) *О. Гертвигъ.* Клѣтка и ткани.

же отличается отъ лягушечьяго, насколько курица отъ лягушки“ *).

Такъ современное естествознаніе въ лицѣ многихъ, если не громаднаго большинства, своихъ представителей вновь пришло къ теоріи предобразованія, временно преданной забвенію во имя теоріи новообразованія. Не нужно упускать изъ виду, конечно, одной существенной разницы между ученіемъ о преформаціи временъ Спалланцани и теперешнимъ. Теперь никто не станетъ утверждать, что въ одноклѣтномъ зародышѣ курицы сидитъ миніатюрный цыпленокъ, и не станетъ отождествлять яйцо лягушки съ крохотнымъ лягушенкомъ; но въ то же время рѣдко кто и рѣшится оспаривать мысль, что одноклѣтный зародышъ курицы настолько же сильно разнится отъ одноклѣтнаго зародыша лягушки, насколько взрослая курица отличается отъ взрослой лягушки. Для цѣлаго ряда выдающихся натуралистовъ нашего времени это—неоспоримая истина, и разногласія между ними сводятся лишь къ вопросу о томъ, какъ представить себѣ эту разницу: является ли она результатомъ недоступнаго нашему взору *морфологическаго* строенія элементарныхъ организмовъ, находится ли въ зависимости отъ *молекулярной* (физико-химической) структуры протоплазмы и ядра въ зародышевыхъ клѣткахъ, или же, наконецъ, сказывается какъ слѣдствіе *несходнаго сочетанія силъ* въ одноклѣтныхъ зародышахъ различныхъ организмовъ? Все это стоитъ подъ большимъ вопросительнымъ знакомъ если не для всѣхъ, то для очень и очень многихъ естествоиспытателей. Но фактъ, повторяю, въ томъ, что эпигенетическая теорія признается недостаточной, и обновленное ученіе о преформаціи завоевываетъ себѣ все большее и большее число сторонниковъ.

Эта современная смута по поводу одной изъ величайшихъ проблемъ біологіи особенно ярко выражена въ приведенныхъ ниже словахъ Вильгельма Ру. Подъ словомъ развитіе,—говоритъ онъ,—сейчасъ понимаются два далеко несходныхъ процесса: во-первыхъ, *дѣйствительное возникновеніе разнообразія изъ однообразія* и, во-вторыхъ, *простое превращеніе невидимаго разнообразія въ видимое.* „Различаемые такимъ образомъ оба вида развитія находятся между собой въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находились прежнія противоположныя ученія эпигенеза и преформаціи **), и которое напоминаетъ намъ тѣ времена, когда единственно возможною задачей было—прослѣдить форменные продукты образовательныхъ процессовъ или, говоря иначе, видимыя превращенія формы. При

*) *Naegeli.* Mechanisch-physiologiche Theorie der Abstammungslehre.

**) Во всей этой цитатѣ слово «эволюція», въ виду упомянутыхъ въ началѣ статьи соображеній, замѣняется словомъ «преформація», что и означаетъ въ переводѣ «предобразованіе» В. Л.

такомъ описательномъ изслѣдованіи развитія формы эпигенезъ, т. е. ученіе о послѣдовательномъ образованіи новыхъ формъ, одержалъ полную побѣду надъ преформаціей, т. е. надъ ученіемъ о простомъ обнаруженіи прежде существовавшаго разнообразія формъ". „Но,—продолжаетъ Ру,—пытаясь проникнуть глубже въ образовательные процессы и доискаться ихъ причины, мы снова наталкиваемся на ту же альтернативу и принуждены разсмотрѣть ее нѣсколько основательнѣе. Если удержать прежнія названія, то эпигенезъ означаетъ не только образованіе разнообразныхъ формъ силами вещества, хотя и простого по формѣ, но, быть можетъ, необыкновенно сложнаго по своему внутреннему строенію,— не только это, но и *образованіе вновь* въ самомъ строгомъ смыслѣ, дѣйствительное умноженіе разнообразія. Преформація же, наоборотъ, есть *простое обнаруженіе предсуществующихъ скрытыхъ различій*. Отсюда ясно, что процессы, которые при формальномъ разсмотрѣніи представляются эпигенезомъ, на самомъ дѣлѣ могутъ быть настоящей преформаціей; и мы должны согласиться, что, при попыткѣ глубже проникнуть въ процессъ развитія, мы снова наталкиваемся на вопросъ: есть ли эмбріональное развитіе эпигенезъ, или преформація? есть ли оно новообразованіе разнообразія или только обнаруженіе скрытаго, раньше невидимаго разнообразія" *)?

Итакъ, мысль человѣческая, испытавшая на протяженіи вѣковъ цѣлый рядъ „преобразованій" и „новообразованій", дважды возвращалась за это время къ одинаковому рѣшенію однѣхъ и тѣхъ же проблемъ. Не предобразована-ли и она съ начала временъ, чего добраго? Вѣдь говоритъ же насмѣшникъ Мефистофель: „У кого

Та мысль—разумная иль глупая—найдется,
Которой бы никто не вѣдалъ до него?»

Вотъ почему я просилъ бы читателя не очень сѣтовать на меня за то длинное историческое введеніе, которое я счелъ нужнымъ предпослать разсмотрѣнію современныхъ гипотезъ и теорій по интересующему насъ вопросу. Кто знаетъ, быть можетъ изъ-подъ широковѣщательныхъ разсужденій, напримѣръ, Вейсмана о „безсмертіи зародышевой плазмы" вдругъ выглянетъ ушко теоріи Шарля Бонне о запеленутыхъ другъ въ друга зародышахъ?

Уже нѣсколько разъ упоминалось здѣсь о томъ, что современныя теоріи наслѣдственности и развитія покоятся на новѣйшихъ научныхъ данныхъ и обобщеніяхъ. Въ высшей степени интересные и сами по себѣ, эти опыты, наблюденія и обобщенія

*) *Wilhelm Roux*. Zur Orientirung über einige Probleme der embrionalen Entwickelung.

должны служить какъ бы prolegomen'ами ко всякой настоящей и будущей теоріи развитія и наслѣдственности. А потому остановимся прежде всего на нихъ, въ надеждѣ, что они не только введутъ насъ въ самый центръ борьбы двухъ борющихся партій, но и помогутъ намъ отнестись съ должною справедливостью ко взглядамъ обѣихъ партій.

II.

Богатъ и разнообразенъ міръ населяющихъ землю существъ тысячью невидимыхъ нитей и незамѣтныхъ переходовъ связаны между собою типичныя проявленія жизни; многообразны и тѣ формы, въ которыхъ сказываются явленія развитія. Будучи тѣсно связано съ размноженіемъ организмовъ, развитіе въ значительной степени опредѣляется формами размноженія. А кому не извѣстно, какъ разнообразно на различныхъ ступеняхъ жизни сказывается эта способность производить себѣ подобныхъ? Подъ властью всесильнаго закона борьбы за существованіе органическій міръ, можно сказать, изощрилъ на тысячу ладовъ присущую ему силу воспроизведенія. Тутъ проявляется она, какъ простое дѣленіе всего матеріальнаго тѣла на двѣ равныя половинки, тамъ, какъ дробленіе его на десятки отдѣльныхъ частей, способныхъ рости и самостоятельно существовать (дѣленіе); въ одномъ случаѣ это всего лишь отщепленіе небольшихъ участковъ отъ тѣла производителей, участковъ, изъ которыхъ каждый превращается въ новый организмъ (почкованіе), въ другомъ—это образованіе особенныхъ зародышей—споръ, изъ которыхъ и возникаетъ молодое поколѣніе; а въ третьемъ—дѣло усложняется тѣмъ, что на сцену выступаютъ особые, спеціально для цѣлей размноженія предназначенные продукты, которые лишь послѣ сліянія способны претвориться въ новый организмъ. И дѣленіе, и почкованіе, и спорообразованіе, и такъ называемое половое размноженіе—особенно послѣднее—опять-таки проявляются весьма разнообразно какъ на различныхъ ступеняхъ организованной природы, такъ и среди формъ, довольно близкихъ по строенію и по отправленіямъ. На общей канвѣ природа-артистъ выводитъ причудливые узоры, отличающіеся не только яркостью красокъ и отчетливостью нѣкоторыхъ фигуръ, но и тонкими, едва уловимыми переливами въ тонахъ и очертаніяхъ. Любая изъ формъ размноженія, оторванная отъ цѣлаго ряда другихъ, близкихъ и далекихъ ей формъ, можетъ показаться чѣмъ-то исключительнымъ; но разсмотрѣнная въ связи съ другими формами воспроизводительной способности организмовъ, она окажется всего лишь звеномъ въ цѣпи аналогичныхъ ей явленій. Непроходимою представляется пропасть между такими способами размноженія,

какъ простое дѣленіе клѣтокъ и, скажемъ, размноженіе млекопитающихъ: высшій типъ полового размноженія съ ярко выраженной дифференціаціей половъ долженъ казаться чѣмъ-то по существу отличнымъ отъ низшаго типа безполаго размноженія. Но между этими крайними членами можно вставить такой полный рядъ незамѣтныхъ переходовъ, что различное якобы по существу окажется несходнымъ лишь по виду. Ну, а такъ какъ, повторяю, развитіе (оогенезъ) находится въ большой зависимости отъ способовъ размноженія, то понятно, что и различные типы развитія должны на самомъ дѣлѣ образовать такую же связную цѣпь переходящихъ другъ въ друга формъ. Это не апріорное допущеніе, а одно изъ важнѣйшихъ обобщеній біологіи. Вотъ почему для натуралиста нашихъ дней вопросъ о происхожденіи взрослаго организма изъ оплодотвореннаго яйца не стоитъ особнякомъ въ ряду другихъ біологическихъ проблемъ. Онъ знаетъ хорошо, что не менѣе загадочны и другія, сродныя съ этимъ фактомъ явленія: почему, напримѣръ, изъ клѣтки, отдѣлившейся отъ материнскаго тѣла въ видѣ *споры*, получается въ концѣ концовъ грибъ или папортникъ? Почему изъ комплекса однородныхъ клѣтокъ, который мы величаемъ почкой, образуется въ конечномъ результатѣ листостебельный побѣгъ, новое растеніе, новый полипъ или новая гидра? Скажу больше. Существуетъ цѣлый циклъ явленій, которыя вполнѣ тождественны съ явленіемъ развитія: они, собственно говоря, то же развитіе только въ иной формѣ. И знаніе этихъ явленій ставитъ проблему развитія на болѣе прочную почву и тѣмъ самымъ приближаетъ насъ къ рѣшенію интересующей насъ задачи. Я имѣю въ виду способность организмовъ возстановлять нарушенныя ткани, регенерацію отдѣльныхъ органовъ у различныхъ животныхъ и растеній, воспроизведеніе цѣлаго изъ отдѣльныхъ участковъ и т. п.

Эта категорія фактовъ занимаетъ въ современной біологіи очень важное мѣсто, а потому будетъ далеко не лишнимъ поближе познакомиться съ ними, тѣмъ болѣе, что всѣ видные теоретики вопроса о развитіи и наслѣдственности черпаютъ обильный матеріалъ изъ этой именно области жизненныхъ явленій.

Когда милліоны разнородныхъ клѣтокъ сложнаго организма становятся жертвами жизненнаго процесса, и когда на смѣну павшимъ являются цѣлыя колонны новыхъ клѣтокъ, тогда передъ нами самый простой, наиболѣе распространенный, но въ то же время и самый нормальный случай регенераціи. Возстановляются-ли слои клѣтокъ эпидермиса у человѣка, линяютъ-ли перья у птицъ или шерсть у млекопитающихъ, сползаетъ-ли „рубашка“ съ тѣла гусеницы или змѣи, замѣняясь тождественнымъ, но совершенно новымъ покровомъ—во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ обыкновенной регенераціей на-

ружныхъ покрововъ. И совершенно тотъ же процессъ имѣетъ мѣсто тогда, когда, напримѣръ, ракъ замѣняетъ свой старый панцырь новымъ, болѣе удобнымъ, или когда олень сбрасываетъ свое великолѣпное украшеніе—вѣтвистые рога, на смѣну которымъ выростаютъ новые, не менѣе великолѣпные, или когда, наконецъ, у человѣка вмѣсто выпавшихъ молочныхъ зубовъ появляются зубы постоянные. Слишкомъ обыкновенные, чтобъ стоило на нихъ долго останавливаться, факты эти представляютъ большой интересъ для пониманія проблемы развитія. Прежде всего несомнѣнно, что и птица, возстановляя выпавшія перья, и ракъ, замѣняя старый панцырь новымъ, въ сущности повторяютъ одинъ изъ моментовъ своего развитія. То же самое должно сказать и объ остальныхъ случаяхъ нормальной регенераціи. Стало быть нормальная регенерація—это повтореніе одной изъ ступеней, чаще всего послѣднихъ, оогенетическаго развитія. Однако, присмотримся внимательнѣе къ только что упомянутымъ явленіямъ.

Что собственно происходитъ, когда отшелушившіяся клѣтки эпидермиса на кожѣ человѣка замѣняются новыми клѣтками этого же типа? Клѣтки ниже лежащаго слоя дѣлятся, *размножаются*, и такимъ образомъ замѣщаютъ отшелушившіеся элементы эпидерміальной ткани. Значитъ, регенерація во всѣхъ подобныхъ случаяхъ есть просто результатъ безполаго размноженія клѣтокъ, входящихъ въ составъ возстановляющейся ткани. Процессъ этотъ по существу тотъ же, что и при образованіи новыхъ недѣлимыхъ у одноклѣтныхъ организмовъ: у бактерій, нѣкоторыхъ грибовъ, у амёбъ, у нѣкоторыхъ инфузорій и т. п. Если это размноженіе одноклѣтныхъ организмовъ и клѣтокъ той или иной ткани сложнаго организма совершается просто путемъ прямого дѣленія ядра и протоплазмы, то тутъ, по настоящему, трудно говорить о развитіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Но вѣдь хорошо извѣстно, что дѣленіе, какъ одноклѣтныхъ организмовъ, такъ и отдѣльныхъ клѣтокъ организма многоклѣтнаго, иногда идетъ чрезвычайно сложно. Въ такихъ случаяхъ—рѣчь идетъ о такъ называемомъ каріо-кинетическомъ дѣленіи клѣтокъ—ядро клѣтки, прежде чѣмъ раздѣлиться на два дочернихъ ядра, испытываетъ цѣлый рядъ весьма своеобразныхъ превращеній; да и самое дѣленіе его представляетъ очень замысловатую процедуру, которая, какъ увидимъ дальше, ведется не спроста, а съ вполнѣ опредѣленной тенденціей въ интересахъ получающагося послѣ такого дѣленія потомства. Вотъ и можно, пожалуй, спросить: не является ли эта *подготовительная* работа внутри клѣтки, собирающейся распасться на двое, чѣмъ-то аналогичнымъ процессу развитія? Не есть-ли это своего рода „внутриклѣточный оогенезъ“. Если это такъ, то связь между размноженіемъ одноклѣтныхъ организмовъ, регенераціей и развитіемъ организмовъ многоклѣтныхъ ста-

новится несомнѣннѣе; если это такъ, то мы можемъ смѣло сказать, что нѣтъ отдѣльныхъ проблемъ развитія, размноженія одноклѣтныхъ существъ и регенераціи тканей, а существуетъ лишь одна общая проблема, рѣшеніе которой обезпечиваетъ всеисчерпывающее пониманіе всѣхъ входящихъ въ нее частныхъ проблемъ. Такъ собственно и стоитъ этотъ вопросъ въ современной біологіи. Впрочемъ, не будемъ забѣгать впередъ, а обратимся лучше къ дальнѣйшему изложенію и анализу занимающихъ насъ сейчасъ явленій.

Регенерація сказывается порою и иначе, какъ явленіе болѣе исключительное, но за то и болѣе типичное, ибо тутъ оно ярче выражено. Это будетъ, такъ сказать, случайная регенерація. Приведу наиболѣе характерные въ этомъ отношеніи факты изъ различныхъ классовъ животныхъ. Вотъ пятилучевая морская звѣзда. Одинъ изъ лучей ея случайно отпадаетъ; но проходитъ нѣкоторое время, и на мѣстѣ оторваннаго луча выростаетъ новый, совершенно такой-же, какъ и прежній. Это—типичный случай той формы регенераціи, о которой у насъ идетъ сейчасъ рѣчь. Вотъ голотурія. По волѣ экспериментатора она лишилась лѣвой половины своего органа дыханія. Однако, дней черезъ 10—12, у нея этотъ недочетъ замѣщается вполнѣ: недостающая половина дыхательнаго органа выростаетъ вновь. Вотъ, наконецъ, улитка, у которой по милости какого-то любителя молюсковъ не стало части головы вмѣстѣ со щупальцами и ротовымъ отверстіемъ. Но пострадавшій не терпитъ отъ этого особаго урона: черезъ нѣсколько дней огрызенная часть головы возстановляется. Подымаясь выше по ступенямъ зоологической лѣстницы, мы почти всюду встрѣчаемся съ подобными явленіями, болѣе или менѣе явственно выраженными. Кто не знаетъ, напримѣръ, что многіе изъ раковъ обладаютъ способностью возстановлять свои конечности и даже клешни, утраченныя въ кровавыхъ схваткахъ съ врагами? Что у многоножекъ и личинокъ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ также выростаютъ вновь утерянныя почему либо ножки и щупальцы? Что, наконецъ у многихъ амфибій регенерація проявляется порою просто замѣчательно? „Спалланцани отрѣзалъ ноги и хвостъ одной и той-же саламандрѣ 7 разъ подъ рядъ, а Бонне даже 8 разъ, и въ каждомъ случаѣ конечности возобновлялись какъ разъ по ампутированной чертѣ, при чемъ не было ничего недостающаго и ничего излишняго. У родственнаго саламандрѣ животнаго, аксолота, была откушена одна конечность, которая воспроизвелась въ ненормальномъ состояніи, но когда ее отрѣзали, то вмѣсто нея выросла вполнѣ развитая конечность.“ *) Эти самые аксолоты а также и тритоны воспроизводятъ вновь не только хвостъ и лапки, но даже жабры и глаза (Делажъ). Среди пресмы-

*) *Дарвинъ*. Пангенезисъ.

кающихся способность реставрировать утраченныя части тѣла наблюдалась лишь у обыкновенныхъ ящерицъ, возстановляющихъ свой хвостъ. У птицъ такого рода регенерація почти не замѣчалась, и едва ли не единственный случай пока описанъ былъ Вейсманомъ: онъ утверждаетъ, что у одного аиста выросла вновь случайно отломанная часть клюва. Но особенно любопытны тѣ случаи регенераціи, которые за послѣднее время наблюдались у нѣкоторыхъ млекопитающихъ, у собаки, кошки, кролика и крысы. Риббертъ, Лотроппъ, Мартинотти, Мейстеръ и другіе экспериментаторы открыли у вышеупомянутыхъ животныхъ способность возстановлять нѣкоторые внутренніе органы изъ сохранившихся въ цѣлости участковъ. Такъ оказалось, что у собаки, кролика и кошки печень иногда возобновляется изъ отрѣзка въ четвертую долю нормальной величины по прошествіи нѣсколькихъ недѣль. Если экстирпировать у собаки поджелудочную желѣзу, оставивши нетронутой лишь небольшую часть ея, то сохранившійся въ цѣлости отрѣзокъ способенъ, по истеченіи опредѣленнаго срока, дополнить недостающую часть. Такъ-же можетъ возстановиться и слюнная желѣза у кролика, даже въ тѣхъ случаямъ, когда экспериментаторъ оставляетъ неповрежденною всего лишь одну шестую долю ея и удаляетъ весь остальной кусокъ. Но что особенно замѣчательно, такъ это наблюдавшаяся у крысъ способность воспроизводить вновь часть *мускуловъ сердца.* (Делажъ). Не мѣшаетъ прибавить, что присущая животнымъ и даже растеніямъ способность заживлять раны (рубцеваніе) относится по существу къ только что разсмотрѣнному типу регенераціи.

Наиболѣе яркимъ, такъ сказать идеальнымъ, проявленіемъ регенераціи нужно считать тѣ случаи, когда не цѣлое возстановляетъ недостающую часть, а, наоборотъ, любой изъ отрѣзковъ цѣлаго возсоздаетъ полностью само цѣлое. Оба живыя царства природы могутъ доставить весьма обильный матеріалъ для иллюстраціи этой дивной способности. Возьмите небольшое растеньице, мохъ, по имени Funaria hygrometrica, искрошите его на мелкіе кусочки и раскидайте ихъ на влажную почву: посѣвъ обязательно взойдетъ—кусочки мха дадутъ новое и довольно многочисленное поколѣніе фунарій. Ту-же исторію можно повторить и съ листомъ бегоніи, разрѣзаннымъ на множество мелкихъ частей: каждый отдѣльный участокъ даетъ почку, способную превратиться въ новый экземпляръ бегоніи. И совершенно такъ же, разрѣзая вѣтвь ивы на мелкіе черенки, не трудно выростить изъ этихъ черенковъ десятки и сотни новыхъ ивъ. Среди животныхъ эта способность особенно сильно выражена у такъ называемыхъ голыхъ полиповъ (актиніи) и у знаменитой прѣсноводной гидры, самое названіе которой свидѣтельствуетъ какъ бы о тенденціи къ безсмертію: какъ отрѣзокъ отъ тѣла актиніи способенъ превратиться въ новую актинію, такъ-же и любой изъ клочковъ гидры не умираетъ, а

преобразуется въ новую гидру, доказывая тѣмъ самымъ, что *онъ обладаетъ свойствами цѣлаго и точно имѣетъ въ запасѣ все, характерное для цѣлаго.* Даже оторванное у гидры щупальце можетъ иной разъ переродиться въ гидру—фактъ любопытный уже по одному тому, что никто еще не видѣлъ, чтобъ, напримѣръ, хвостъ, отрѣзанный у ящерицы, могъ бы превратиться въ новую ящерицу. Между животными, стоящими на сравнительно болѣе высокой ступени развитія, только нѣкоторые виды червей обладаютъ такою же способностью производить цѣлое изъ части; и особенно рѣзко эта тенденція выражена у нѣкоторыхъ плоскихъ червей (планаріи). Если разрѣзать тѣло планаріи поперегъ, то обѣ половинки дополнятъ недостающія имъ части: головной конецъ воспроизведетъ хвостовую часть, а у задняго отрѣзка выростетъ голова. Фактъ этотъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, ибо у другихъ червей, напр. у обыкновеннаго дождевого червя, только головной отрѣзокъ обладаетъ способностью вновь отростить себѣ хвостъ, тогда какъ хвостовая часть вскорѣ погибаетъ. Перечисленныхъ только что типичныхъ примѣровъ воспроизведенія съ насъ достаточно. Развѣ прибавимъ вотъ что: новѣйшія изысканія Бальбіани показываютъ, что въ классѣ простѣйшихъ одноклѣтныхъ животныхъ, напр. у инфузорій, явленія полной регенераціи также имѣютъ мѣсто. Когда Бальбіани дѣлилъ инфузорію на части, то каждый отрѣзокъ ея, *въ которомъ заключалось или все ядро или, по крайней мѣрѣ, часть его,* выросталъ до размѣровъ цѣлаго и становился такимъ образомъ настоящей инфузоріей.

Всѣ эти опыты важны не столько сами по себѣ, сколько по тому значенію, которое они имѣютъ для освѣщенія цѣлаго ряда процессовъ вполнѣ обычныхъ и нормальныхъ какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ. Когда какая-нибудь нитчатая водоросль разсыпается на множество отдѣльныхъ клѣтокъ, изъ которыхъ каждая, *путемъ послѣдовательныхъ дѣленій,* вновь выростаетъ до размѣровъ нитчатой водоросли и пріобрѣтаетъ всѣ характерныя особенности ея, то, спрашивается, что это такое, какъ не регенерація, возстановленіе цѣлаго изъ части? А когда каждый отдѣльный членъ въ колоніи полиповъ дѣлится на двое, и половинки эти вновь становятся цѣлыми полипами,—развѣ мы имѣемъ дѣло опять-таки не съ регенераціей, только не искусственно вызванной волею экспериментатора, а совершенно нормальною?

Другая категорія фактовъ не менѣе укрѣпляетъ насъ въ той мысли, что и растенія и животныя пользуются способностью возстановленія, какъ весьма сподручнымъ средствомъ въ дѣлѣ размноженія. По всему тѣлу любого растенія то тамъ, то здѣсь разбросаны группы клѣточекъ, образующихъ почки, изъ которыхъ развиваются новыя недѣлимыя. И совершенно тоже находимъ мы у многихъ животныхъ,—у кишечно-полостныхъ, у мшанокъ, у асцидій и даже у нѣкоторыхъ червей. Способность полиповъ

размножаться при помощи почекъ общеизвѣстна. Каждая такая почка представляетъ собою комплексъ клѣтокъ, изъ которыхъ и создается цѣлое: въ ней, стало быть, имѣются на лицо всѣ данныя, необходимыя для образованія законченной формы цѣлаго. Такія-же почки могутъ появиться и на любой части тѣла какой-нибудь колоніальной гидромедузы. И замѣчательно, что эти почки развиваются не только на стволикѣ гидромедузы, но временами и на корневыхъ отпрыскахъ ея (на такъ называемыхъ столонахъ), которые обыкновенно несутъ службу органовъ прикрѣпленія для всей колоніи и, слѣдовательно, не предназначены для цѣлей размноженія: фактъ любопытный въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ способность возстановленія сохраняется во всей своей полнотѣ даже въ случаяхъ сравнительно рѣзко выраженной дифференціаціи.

Итакъ, оказывается, что дѣленіе и почкованіе, будучи особыми формами размноженія, на самомъ дѣлѣ покоятся на той же самой способности, которая окрещена въ наукѣ именемъ регенераціи. Это чисто эмпирическое обобщеніе должно дальше найти себѣ теоретическое объясненіе.

Сличимъ теперь всѣ три формы регенераціи и посмотримъ, къ какому общему выводу это насъ приведетъ.

Мы видѣли, что почти всѣ организмы обладаютъ способностью возстановлять ткани, составленныя изъ *однородныхъ* клѣтокъ; мы видѣли затѣмъ, что иногда эта способность идетъ гораздо дальше и проявляется какъ тенденція воспроизводить цѣлую комбинацію *разнородныхъ тканей*, сложенныхъ изъ клѣтокъ весьма несходныхъ по формѣ и по отправленіямъ: на мѣстѣ оторваннаго у улитки щупальца клѣтки вдругъ приходятъ въ дѣятельность, усиленно размножаются, образуютъ небольшой бугорокъ, составленный изъ элементовъ, очень сходныхъ съ эмбріональными клѣтками, и, наконецъ, возсоздаютъ не только щупальце, но и сидящій на верхушкѣ его глазъ, который, какъ извѣстно, состоитъ изъ весьма различныхъ гистологическихъ элементовъ— изъ нервныхъ и пигментныхъ клѣтокъ, изъ линзы, зрительныхъ палочекъ и т. п. И развѣ, глядя на этотъ сложный процессъ, при которомъ животное вновь повторяетъ нѣкоторыя стадіи своего онтогенеза, мы не можемъ сказать словами Оск. Гертвига, что лежащія на мѣстѣ оторваннаго члена клѣтки, „кромѣ особыхъ качествъ, которыя онѣ имѣютъ сообразно съ своимъ первоначальнымъ положеніемъ и отношеніемъ къ цѣлому, *обладаютъ еще свойствами цѣлаго*, благодаря чему и могутъ образовать почку и возстановить утраченныя части тѣла, имѣющія специфическую форму и весьма сложное строеніе?“ *) Мы видѣли,

*) *О. Гертвигъ.* Современныя спорныя проблемы біологіи. Преформація или эпигенезъ?

наконецъ, что у нѣкоторыхъ животныхъ и растеній отрѣзанные отъ тѣла куски могутъ полностью возсоздать весь организмъ со всѣми присущими ему характерными особенностями, и что эта способность сказывается, какъ нѣчто обычное и законное, при размноженіи животныхъ и растеній путемъ дѣленія и почкованія; а потому необходимо признать, что у всѣхъ такихъ организмовъ если и не каждая ихъ клѣтка въ отдѣльности, то, по крайней мѣрѣ, весьма многочисленные комплексы клѣтокъ, разсыпанные по всему тѣлу, „обладаютъ свойствами цѣлаго", содержатъ въ себѣ въ скрытомъ состояніи всѣ характерныя особенности цѣлаго, какъ будто онѣ—не составные элементы различныхъ, рѣзко дифференцированныхъ тканей, а настоящія *зародышевыя клѣтки*. Конечно, это сходство различныхъ гистологическихъ элементовъ съ зародышевыми клѣтками обнаруживается далеко не у всѣхъ организмовъ. Но что-жъ изъ этого? Кто возьметъ на себя право выводить изъ этого факта заключеніе, будто разнородныя клѣтки, напр., высшихъ животныхъ и въ самомъ дѣлѣ не скрываютъ въ себѣ „свойствъ цѣлаго"? Не правильнѣе ли будетъ, въ виду широкаго распространенія явленій регенераціи въ организованной природѣ, предположить, что въ клѣткахъ высшихъ животныхъ свойства цѣлаго не то что вовсе не существуютъ, а дремлютъ подъ спудомъ спеціальныхъ особенностей этихъ клѣтокъ, и сила возсоздавать цѣлое остается безъ примѣненія, потому только, что этимъ клѣткамъ нужно вести на всѣхъ парахъ свою собственную, цеховую работу? „Почему роговыя клѣтки производятъ только роговыя клѣтки, а не зародышей и почки"? спрашивалъ еще знаменитый физіологъ Іоганъ Мюллеръ. „Это,—отвѣчалъ онъ,—можетъ зависѣть отъ того, что эти клѣтки, *хотя и содержатъ силу для воспроизведенія цѣлаго*, но черезъ спеціальное превращеніе ихъ вещества въ рогъ и т. п. испытываютъ такое отягощеніе, оставаясь въ организмѣ, что теряютъ вскорѣ свою воспроизводительную силу и, умирая, сгущиваются, а будучи отдѣлены отъ организма, не могутъ развиться въ цѣлое". (Цитирую по книгѣ Гертвига „Клѣтка и ткани").

Этотъ глубоко содержательный отвѣтъ Іог. Мюллера находитъ себѣ поддержку и въ данныхъ нѣсколько иной категоріи. Можно признать за общее правило, что у животныхъ, обладающихъ вообще способностью возстановлять утраченныя части, эта способность направлена *прежде всего* на возобновленіе тѣхъ органовъ, которые особенно подвержены утратѣ и поврежденіямъ во время всяческихъ житейскихъ передрягъ (Дарвинъ). Стало быть, тамъ, гдѣ въ интересахъ борьбы и подбора клѣтки должны были удержать при себѣ полностью способность регенераціи, тамъ сила ихъ не померкла окончательно, тамъ даже спеціальныя функціи этихъ клѣтокъ не сумѣли заглушить склонности къ возстановленію. Отсюда ужъ можно сдѣлать и другой, болѣе

общій выводъ, а именно: различныя клѣточныя группы высшихъ животныхъ, хотя и содержатъ силу для воспроизведенія цѣлаго, но не пускаютъ ее въ ходъ отчасти потому, что животныя эти пользуются въ борьбѣ за существованіе иными средствами защиты, которыя гарантируютъ имъ цѣлость столь-же успѣшно, какъ и способность воспроизведенія.

Все сказанное здѣсь о частныхъ случаяхъ регенераціи позволяетъ намъ придти къ мысли, которую такъ прекрасно выразилъ еще Спенсеръ въ своихъ „*Основаніяхъ біологіи*". Останавливая вниманіе читателей на такихъ явленіяхъ, какъ воспроизведеніе цѣлыхъ растеній изъ кусочковъ листа бегоніи и новыхъ экземпляровъ гидры изъ отрѣзковъ ея, Спенсеръ продолжаетъ: „Мы не можемъ сказать, чтобы въ каждой части листа бегоніи и въ каждомъ кускѣ тѣла гидры существовала вполнѣ развитая модель цѣлаго организма... Нужно, слѣдовательно, признать, что живыя частицы, составляющія одинъ изъ такихъ кусковъ, имѣютъ врожденную склонность располагаться въ форму организма, отъ котораго они происходятъ... Ясно также, что, объясняя такимъ образомъ воспроизведеніе организма изъ одной какой-либо аморфной его части, мы должны точно также объяснять и воспроизведеніе всякой мелкой части организма остальными частями. Когда вмѣсто своей оторванной клешни ракъ выпускаетъ на томъ же мѣстѣ клѣтчатую массу, которая, разростаясь, принимаетъ форму и строеніе прежней клешни, мы не можемъ не приписать этого результата проявленію силъ, подобныхъ тѣмъ, которыя формуютъ матеріалы, содержащіеся въ кускѣ листа бегоніи, въ молодое растеніе. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, оживотворенныя частицы, составляющія ткани, представляютъ склонность къ особенному расположенію—*все равно, будетъ ли эта склонность обнаруживаться въ воспроизведеніи цѣлой формы или въ пополненіи ея недостатковъ*". (Курсивъ нашъ).

Но явленія регенераціи мы пытались связать съ одной стороны съ явленіями эмбріональнаго развитія, а съ другой—съ такими процессами размноженія, какъ дѣленіе и почкованіе; само-же эмбріональное развитіе несомнѣнно находится въ связи съ различными формами размноженія. Эта идея о внутренней глубокой связи между различными жизненными процессами красною нитью проходитъ черезъ произведенія всѣхъ выдающихся натуралистовъ минувшаго столѣтія. „Между воспроизведеніемъ, путемъ дѣленія, и заживленіемъ самаго малаго поврежденія,—говоритъ Дарвинъ,—можно вставить такой полный рядъ промежуточныхъ ступеней, что нельзя усомниться въ связи между обоими процессами... Различныя формы почкованія, полового размноженія, возстановленія поврежденій и, наконецъ, развитія, всѣ по существу представляютъ результаты одной и той-же способности"... „Такимъ образомъ мы видимъ,—говоритъ онъ въ

другомъ мѣстѣ,—что половое размноженіе дѣйствительно не отличается существенно отъ безполаго, и было уже показано, что безполое размноженіе, способность возстановленія и способность развитія—все это является частями одного и того-же великаго закона". (Пангенезисъ).

Таково научное credo великаго біолога. Остается отмѣтить, что идеи другого великаго натуралиста, на этотъ разъ физіолога, вполнѣ гармонируютъ съ основоположеніями этого credo. „Синтетическій актъ,—говоритъ Клодъ Бернаръ,—которымъ организмъ поддерживаетъ себя, въ сущности своей сходенъ съ тѣмъ актомъ, посредствомъ котораго онъ организуется въ яйцѣ. Этотъ актъ также похожъ на тотъ процессъ, посредствомъ котораго организмъ поправляетъ себя послѣ какого-нибудь пораненія и изувѣченія. Наростаніе, выростаніе вновь, сростаніе, заживленіе представляютъ различные виды одного и того-же явленія организующаго синтеза или органическаго созиданія" *).

Эти идеи вошли въ современную біологію, какъ незыблемые тезисы. Всѣ наиболѣе видные представители этой науки держатся того мнѣнія, что пестрый костюмъ, въ который рядится жизнь, одна лишь видимость, если не для всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, для многихъ ея проявленій, и что единое по существу нерѣдко сказывается какъ многообразное по формѣ.

Опыты, произведенные Де-Фризомъ, Гёбелемъ и главнымъ образомъ Лёбомъ значительно расширили кругъ явленій, характеризуемыхъ общимъ именемъ регенераціи, и тѣмъ самымъ, разумѣется, представили новое доказательство той мысли, которая только что была изложена.

Когда у саламандры на мѣстѣ отрѣзанной ноги выростаетъ нога, а взамѣнъ оторваннаго хвоста образуется опять-таки хвостъ, то человѣкъ, знакомый съ явленіями регенераціи, не увидитъ въ этихъ фактахъ ничего необычайнаго. Но если бы тамъ, гдѣ у саламандры была нога, вдругъ выросъ хвостъ, а на мѣстѣ хвоста объявилась нога, то это повергло бы въ недоумѣніе даже очень наблюдательнаго и свѣдущаго человѣка. Лёбъ окрестилъ такого именно рода факты общимъ именемъ *гетероморфоза* (Де-Фризъ называетъ ихъ въ примѣненіи къ растеніямъ *дихогеніей*). Правда, въ опытахъ Лёба фигурировали въ качествѣ экспериментальнаго матеріала не саламандры, а главнымъ образомъ различныя растенія и лишь нѣкоторые виды кишечно-полостныхъ животныхъ; но это нисколько не умаляетъ значенія самихъ опытовъ и тѣхъ выводовъ, къ которымъ они приводятъ. Гетероморфозъ—явленіе весьма обычное среди растеній. Черенокъ, вырѣзанный изъ ивовой вѣтви, какъ мы уже знаемъ, даетъ корешки, выгоняетъ молодые

---

*) *Клодъ Бернаръ.* Жизненныя явленія, общія животнымъ и растеніямъ. Курсъ общей физіологіи.

побѣги съ листьями, образуетъ цвѣточныя почки, въ которыхъ развиваются половые продукты, словомъ—превращается въ настоящее полное растеніе. И такъ какъ черенокъ можно вырѣзать изъ любого участка вѣтки, то отсюда слѣдуетъ, что каждое мѣсто ея обладаетъ способностью выгонять то корешки, то листостебельные, то, наконецъ, цвѣточные побѣги; тамъ, гдѣ въ одномъ случаѣ получились бы корни, въ другомъ—нарождается цвѣтокъ. Далѣе извѣстно, что корневища картофеля обыкновенно остаются бѣлыми и покрываются клубнями. Если-же снять у картофеля зеленую ботву, то бѣлыя корневища его выгонятъ зеленыя вѣтви, а не клубни. Это и есть гетероморфозъ или дихогенія, т. е. способность организма подъ вліяніемъ различныхъ условій давать *различные органы на одномъ и томъ же мѣстѣ*,—даже такіе органы, которые при нормальныхъ условіяхъ никогда на этомъ мѣстѣ не образуются: ивовая вѣтвь, напримѣръ, при обычныхъ условіяхъ, никогда корней не выгоняетъ. Примѣръ съ ивовой вѣткой—вещь ординарная. Заслуга Лёба тутъ лишь въ томъ, что онъ подчеркнулъ своеобразный характеръ обычнаго съ виду явленія и представилъ его въ совершенно новомъ свѣтѣ. Возьмемъ другой, болѣе демонстративный примѣръ изъ растительнаго-же царства. Какъ извѣстно, изъ споръ папоротника не сразу получается настоящій папоротникъ. Сперва изъ споры развивается плоское слоевище, такъ называемый заростокъ; затѣмъ на заростке появляются, помимо корешковъ, которыми слоевище укрѣпляется въ почвѣ, особенные органы,—антеридіи и архегоніи; въ антеридіяхъ развиваются мужскіе половые элементы, а въ архегоніяхъ—женскіе. И тѣ и другіе, созрѣвши, выходятъ изъ своихъ вмѣстилищъ; женскіе элементы сливаются съ мужскими половыми элементами, и послѣ этого каждый изъ оплодотворенныхъ зародышей развивается въ настоящій папоротникъ. Во всемъ этомъ для насъ важно именно то, что при обыкновенныхъ, нормальныхъ условіяхъ и корешки, и антеридіи, и архегоніи развиваются на *нижней неосвѣщенной сторонѣ заростка*. Однако, экспериментаторъ можетъ при желаніи вызвать образованіе всѣхъ этихъ органовъ не на нижней, а *на верхней сторонѣ слоевища*. Для этого онъ долженъ затѣнить искусственно верхнюю поверхность заростка и сильно освѣтить нижнюю.

Не менѣе любопытенъ экспериментъ съ гидроиднымъ полипомъ Tubularia mesenbryanthemum (животное). У этого колоніальнаго организма различаютъ стебелекъ, корень и головки полиповъ. Срѣжемъ головку и корень животнаго, а стебелекъ воткнемъ въ песокъ того акваріума, въ которомъ жилъ нашъ полипъ; сдѣлаемъ, однако, это такъ, чтобы тотъ конецъ стебелька, на которомъ сидѣла головка, очутился въ пескѣ, а другой конецъ, къ которому прикрѣплялся корень, былъ бы обращенъ кверху. Тогда та часть

стебля, гдѣ раньше торчала головка, выгонитъ корешокъ, а на корневомъ концѣ выростетъ головка полипа.

Приведу еще одинъ примѣръ гетероморфоза, особенно замѣчательный, на мой взглядъ. Объектомъ для эксперимента опять является полипъ, но уже другой (Cerianthus membranaceus). На верхушкѣ тѣла этого полипа, вокругъ ротового отверстія, располагается роскошный вѣнецъ изъ щупалецъ. Сдѣлаемъ на тѣлѣ его сбоку, пониже ротового отверстія разрѣзъ и постараемся, чтобы края сдѣланнаго нами отверстія не срослись. Что-же произойдетъ? Искусственно сдѣланное отверстіе преобразится въ ротовой дискъ—совсѣмъ такой, какъ тотъ, которымъ природа надѣлила полипа; вокругъ этого новоявленнаго рта выростетъ корона щупалецъ, и въ результатѣ у насъ будетъ полипъ-уродъ съ двумя ртами и двумя вѣнцами хватательныхъ органовъ.

Всѣ эти эксперименты—а подобныхъ имъ имѣется не мало—еще разъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что иногда организмъ можетъ образовать на различныхъ участкахъ своего тѣла совсѣмъ не тѣ органы, которымъ, по волѣ судебъ, на этомъ мѣстѣ быть надлежитъ. А всѣ явленія гетероморфоза, вмѣстѣ взятыя, позволяютъ сдѣлать тотъ самый выводъ, который выраженъ у Гертвига слѣдующимъ образомъ: „Клѣтки и ткани, кромѣ тѣхъ качествъ, которыя онѣ обнаруживаютъ согласно со своимъ нормальнымъ положеніемъ въ организмѣ, обладаютъ еще многими другими скрытыми качествами, которыя, пробуждаясь вслѣдствіе внѣшнихъ воздѣйствій, даютъ о себѣ знать образованіемъ органовъ на непривычномъ мѣстѣ. Но такъ какъ, не смотря на новизну мѣста, вновь образованные органы сохраняютъ вполнѣ всѣ свои характерные признаки, то это говоритъ въ пользу того взгляда, что всѣ клѣтки организма содержатъ качества или зачатки для образованія цѣлаго“. Эта удивительная способность клѣтокъ переходитъ изъ одной формы въ другую, это своего рода *превращеніе клѣточныхъ видовъ* было подмѣчено еще Клодъ-Бернаромъ, который окрестилъ всѣ такія явленія общимъ именемъ *клѣточнаго полиморфизма*. Существованіе клѣточнаго полиморфизма должно заставить сильно призадуматься всѣхъ слишкомъ ярыхъ сторонниковъ ученія объ автономіи различныхъ тканей, входящихъ въ составъ многоклѣтнаго организма. Дифференціація клѣтокъ въ тѣлѣ высокоорганизованнаго животнаго—фактъ неоспоримый. Однако, не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этого факта, не слѣдуетъ говорить о какой-то исключительной спеціализаціи тѣхъ или иныхъ клѣточныхъ группъ. Гистологически, т. е. по своимъ внѣшнимъ особенностямъ, клѣтки многоклѣтнаго организма очень несходны. Несходны онѣ и по своимъ *обычнымъ* функціональнымъ особенностямъ. Въ этомъ смыслѣ онѣ, конечно, спеціализированы и исполняютъ въ жизни цѣлаго опредѣленную работу. Но можно-ли утверждать, что ви-

димыя подъ микроскопомъ внѣшнія качества клѣтокъ суть вмѣстѣ съ тѣмъ и *единственныя* ихъ качества? Можно-ли, не опасаясь впасть въ грубое преувеличеніе, сказать, что помимо той работы, которую различныя клѣтки исполняютъ въ организмѣ, онѣ не способны ни на что другое? Факты, какъ мы это видѣли, безусловно опровергаютъ такое поверхностное обобщеніе.

Предлагая вниманію читателя всѣ факты и обобщенія, изложенныя въ этой главѣ, я хотѣлъ бы, чтобы онъ возможно прочнѣе укрѣпился въ слѣдующей мысли: Проблема развитія включаетъ въ себѣ цѣлый рядъ частныхъ проблемъ. Съ ними должна обязательно считаться всякая теорія развитія, претендующая на роль истинно-научной концепціи, и только въ терминахъ этой общей, всеохватывающей теоріи могутъ быть истолкованы такіе, видимо разнородные, но по существу сходные процессы, какъ половое и безполое размноженіе, регенерація, воспроизведеніе цѣлаго изъ части, гетероморфозъ и оогенезъ.

III.

„Весь вопросъ о наслѣдственности удивителенъ,—говоритъ Дарвинъ...—Что можетъ быть изумительнѣе того обстоятельства, что нѣкоторая пустячная особенность, не основнымъ образомъ связанная съ даннымъ видомъ, передается черезъ посредство мужскихъ или женскихъ половыхъ клѣтокъ, настолько мелкихъ, что онѣ не видимы простымъ глазомъ? Затѣмъ, путемъ непрерывныхъ измѣненій, въ теченіе продолжительнаго процесса развитія, испытаннаго въ утробѣ матери или внутри яйца, эта особенность, наконецъ, появляется у потомства, достигшаго зрѣлости или даже полной старости, какъ, напримѣръ, въ случаяхъ нѣкоторыхъ болѣзней! Или, далѣе, можетъ-ли быть что либо болѣе удивительное, нежели хорошо удостовѣренный фактъ, что крошечное яичко хорошей дойной коровы произведетъ самца, одна клѣтка этого послѣдняго, соединившись съ яичкомъ произведетъ самку, а она, достигнувъ зрѣлости, будетъ обладать крупными млечными желѣзами, доставляющими обильное количество молока, и даже молока опредѣленнаго качества“ *).

Здѣсь, въ этихъ словахъ—все содержаніе проблемы наслѣдственности. Едва-ли нужно доказывать отдѣльными фактами существованіе того явленія, которое извѣстно подъ именемъ наслѣдственности: фактовъ такъ много, они такъ разнообразны и настолько хорошо извѣстны всякому, кто не совсѣмъ беззаботенъ по части данныхъ естествознанія, что нѣтъ надобности, разумѣется, перечислять ихъ. Но Дарвинъ, очевидно, имѣетъ въ

*) Дарвинъ. Прирученныя животныя и воздѣлываемыя растенія.

виду явленія наслѣдственности при половомъ размноженіи организмовъ. Да оно и понятно, почему онъ останавливаетъ вниманіе своихъ читателей на этихъ именно явленіяхъ: загадочность того процесса, при помощи котораго дѣти наслѣдуютъ тѣ или иныя характерныя черты родителей, особенно рельефно выступаетъ при половомъ размноженіи. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что наслѣдственность при безполомъ размноженіи животныхъ и растеній—при дѣленіи, почкованіи и спорообразованіи—менѣе загадочна? Думается, что это не совсѣмъ такъ, и вотъ почему.

Положимъ, что мы слѣдимъ за дѣленіемъ какого-нибудь простѣйшаго одноклѣтнаго организма—амёбы, лучистки, корненожки, инфузоріи, одноклѣтной водоросли или грибка. Пока рѣчь идетъ объ унаслѣдованіи *видовыхъ свойствъ*, то тутъ еще можно, съ грѣхомъ пополамъ, признать, что уже самый фактъ дѣленія материнской клѣтки *пополамъ*, на двѣ равныя дочернія клѣтки, въ значительной степени обезпечиваетъ передачу продуктамъ дѣленія всѣхъ существенныхъ признаковъ дѣлящагося организма: половинки, молъ, получаютъ все характерное для цѣлаго, и потому потомство инфузоріи-туфельки состоитъ изъ туфелекъ же, а не изъ инфузорій-бомбардировъ. Но какъ быть съ вопросомъ — кардинальнымъ въ дѣлѣ наслѣдственности!— объ унаслѣдованіи *индивидуальныхъ* особенностей,—ну, такихъ, напримѣръ, какъ неодинаковая величина ротовой щели или небольшія отклоненія въ числѣ, формѣ и расположеніи рѣсничекъ у отдѣльныхъ инфузорій одного и того же вида? Или нужно признать, что индивидуальная измѣнчивость отсутствуетъ у простѣйшихъ одноклѣтныхъ организмовъ? Въ такомъ случаѣ становится совсѣмъ непонятною исторія происхожденія различныхъ видовъ инфузорій, корненожекъ, различныхъ видовъ одноклѣтныхъ водорослей и т. п., ибо несомнѣнно, что индивидуальная измѣнчивость всегда являлась и является исходнымъ пунктомъ для начала того процесса, который извѣстенъ въ наукѣ подъ именемъ расхожденія признаковъ, и который ведетъ къ образованію новыхъ породъ и видовъ. Если же признать у одноклѣтныхъ существъ индивидуальную измѣнчивость и наслѣдственность индивидуальныхъ особенностей, то тогда передъ нами встанетъ во всей своей трудности вопросъ о томъ, какимъ образомъ тончайшіе штрихи въ строеніи какой-нибудь корненожки передаются въ ряды слѣдующихъ поколѣній? Что нужно считать въ тѣлѣ этой корненожки носителемъ наслѣдственныхъ свойствъ? Не является ли роль этого „хранителя завѣтовъ старины“ аналогичной роли яйца и сперматозоида у высшихъ животныхъ?

Еще болѣе ошибочно предполагать, что въ случаяхъ почкованія и спорообразованія рѣшеніе проблемы наслѣдственности

представляетъ меньше трудностей, чѣмъ въ случаѣ полового размноженія. Съ внѣшней, формальной стороны наслѣдственность при почкованіи выглядитъ, пожалуй, проще и понятнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда организмъ вырабатываетъ спеціальные продукты размноженія и возникаетъ изъ одноклѣтнаго зародыша, который и является de facto хранителемъ наслѣдственныхъ свойствъ. Можно, какъ, напримѣръ, это дѣлаетъ Делажъ, сказать, что „почкованіе—не болѣе, какъ въ нѣкоторомъ родѣ продолженіе жизни одной и той же особи", и что, слѣдовательно, при почкованіи проблемы наслѣдственности на самомъ дѣлѣ не существуетъ, ибо тутъ, молъ, „эта загадка сливается съ онтогенезомъ, а не прибавляется къ нему". Но вѣдь ничто не мѣшаетъ назвать и размноженіе при помощи зародышевыхъ клѣтокъ тоже „въ нѣкоторомъ родѣ продолженіемъ жизни одной и той же особи". А развѣ это сколько-нибудь устраняетъ трудности самой проблемы, приближаетъ насъ къ рѣшенію ея? Разумѣется нѣтъ: насколько трудно вскрыть истинный смыслъ того процесса, благодаря которому зародышевая клѣтка развертываетъ въ концѣ концовъ всѣ отличительныя свойства создавшаго ее взрослаго организма, настолько же трудно уразумѣть, почему отдѣльная верхушечная клѣтка или же группа однородныхъ клѣтокъ въ почкѣ возсоздаютъ въ точности всѣ характерныя особенности того растенія или животнаго, на которомъ эта почка развилась. Въ обоихъ случаяхъ проблема наслѣдственности такъ тѣсно сливается съ проблемой развитія, что разъединить ихъ нѣтъ никакой возможности. Что же касается спеціально наслѣдственности при размноженіи почками, то тутъ, надо полагать, задача не упрощена, а всего лишь видоизмѣнена. И въ самомъ дѣлѣ. При половомъ размноженіи все таинственное и непонятное въ дѣлѣ наслѣдственности концентрируется въ зародышевыхъ клѣткахъ, а при почкованіи это загадочное, если можно такъ выразиться, расползается по всему тѣлу того организма, который образуетъ потомство при помощи почекъ: каждая точка въ тѣлѣ такого организма, оказывается, скрываетъ въ себѣ ту самую тенденцію, которая такъ ярко выражена въ половыхъ продуктахъ другихъ организмовъ.

Все сказанное о наслѣдственности при почкованіи можно почти цѣликомъ отнести и къ наслѣдственности при спорообразованіи. Поэтому не стану дальше распространяться на эту тему.

Специфичнымъ въ явленіяхъ наслѣдственности при половомъ размноженіи представляется тотъ фактъ, что здѣсь потомство создается двумя индивидуально несходными производителями: отецъ и мать, при помощи яйца и сперматозоида, передаютъ зародышамъ, а слѣдовательно и потомству, порой весьма различныя свойства. Эти спеціальныя свойства обоихъ производителей могутъ компенсировать—усилить, ослабить или взаимно уничтожить другъ

друга, могутъ переплестись и смѣшаться, могутъ, наконецъ, развиться параллельно. Это, дѣйствительно, весьма характерная особенность, связанная съ половымъ способомъ размноженія, хотя, какъ мы увидимъ послѣ, существуютъ факты, которые и въ этомъ отношеніи сглаживаютъ разницу между наслѣдственностью при половомъ и безполомъ размноженіи.

Не разъ уже дѣлались попытки установить какую-нибудь законность въ передачѣ тѣхъ или иныхъ особенностей при половомъ размноженіи. Мы видѣли, какъ еще въ древности существовала тенденція разграничить такъ или иначе роль родителей въ дѣлѣ наслѣдственности. Да и потомъ эта мысль высказывалась не разъ въ произведеніяхъ различныхъ ученыхъ и философовъ. Вспомнимъ хотя бы Шопенгауера, который думалъ, что интеллектуальныя особенности наслѣдуются потомствомъ отъ матери, а „характеръ" отъ отца, при чемъ подъ словомъ характеръ великій философъ подразумѣвалъ всю область волевыхъ и эмоціональныхъ явленій. Затѣмъ пытались связать наслѣдственную передачу признаковъ съ поломъ дѣтей. Такъ одни утверждали, что дочь всегда походитъ больше на отца, а сынъ на мать; другіе настаивали на діаметрально противоположномъ.

Факты находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣми этими якобы научными обобщеніями, и потому всякій, сколько-нибудь знакомый съ данными въ этой области знанія, охотно подпишется подъ слѣдующими словами Делажа: „Нѣтъ закона сходства между ребенкомъ и его родителями: все возможно, начиная со столь большого различія, когда между родителями и ребенкомъ не будетъ ни одной общей черты, *) и кончая почти полной тождественностью между ребенкомъ и какимъ-нибудь изъ родителей, при возможности всѣхъ промежуточныхъ ступеней смѣшенія признаковъ и сочетанія сходствъ". (La structure du protoplasma et les théories sur l'hérédité).

Но если всѣ попытки формулировать въ видѣ непреложныхъ законовъ связь между признаками производителей и потомства потерпѣли полное фіаско, то нельзя сказать того-же о попыткахъ классифицировать самы явленія наслѣдственности. Классификація, приведенная еще у Дарвина, представляетъ громадный интересъ. Обратимся къ ней.

Прежде всего упомянемъ о тѣхъ фактахъ, которые показываютъ, что не всѣ характерные признаки переходятъ безразлично и къ самкамъ, и къ самцамъ даннаго вида животныхъ: одни изъ признаковъ наслѣдуются въ ряду поколѣній только самцами, другіе—только самками. Оставляя въ сторонѣ нѣкоторые частные случаи такого рода наслѣдственности, отмѣтимъ хотя бы широко

*) Рѣчь идетъ, разумѣется, объ индивидуальномъ, а не расовомъ сходствѣ. В. Л.

распространенный въ животномъ царствѣ фактъ унаслѣдованія „вторичныхъ половыхъ признаковъ". Эти признаки, за очень рѣдкими исключеніями, неуклонно проявляются лишь въ представителяхъ того или иного пола: самцы получаютъ въ наслѣдство отъ родителей признаки, характерные для отцовъ, а самки— признаки, характерные для матерей. Нечего и говорить, что всякая теорія наслѣдственности обязана считаться съ такого рода данными, и ей надлежитъ установить роль яйцевой клѣтки и сперматозоида въ *явленіяхъ наслѣдственности ограниченной поломъ.* Но чтобы объясненіе это не носило характера сбивчивыхъ и голословныхъ мудрствованій въ духѣ старыхъ овистовъ и анималькулистовъ, необходимо помнить слѣдующее: вторичные половые признаки, присущіе одному какому-нибудь полу, при нѣкоторыхъ условіяхъ обнаруживаютъ склонность проявляться очень рельефно у представителей другого пола. Такъ, напримѣръ, хорошо установленъ фактъ, что иногда къ старости курица получаетъ нѣкоторые типичныя особенности пѣтуха и, наоборотъ, охолощенные пѣтухи выглядятъ порою, какъ настоящія курицы.

Далѣе, не менѣе замѣчательны факты, свидѣтельствующіе о томъ, что появленіе нѣкоторыхъ наслѣдственныхъ признаковъ тѣсно связано съ различными ступенями оогенетическаго развитія и съ возрастомъ вполнѣ сформировавшагося организма. Чтобы не утомлять вниманія читателя перечисленіемъ относящихся сюда фактовъ, приведу лишь одинъ, наиболѣе типичный. Существуетъ одна порода голубей. *Первое оперенiе* ихъ смоляно-чернаго цвѣта съ ржаво-красными полосками на крыльяхъ; серповидныя отмѣтины на груди составляютъ характерную особенность этихъ голубей. Вмѣстѣ со второй и третьей линькой эти темныя серповидныя отмѣтины становятся бѣлыми; когда-же голуби линяютъ въ пятый и шестой разъ, то уже *всѣ перья,* выростающія вновь, бываютъ у нихъ бѣлыя, такъ что въ результатѣ, вмѣсто весьма оригинальныхъ голубей темнаго цвѣта, получаются довольно обыкновенные бѣлые голуби. И *эта способность мѣнять окраску въ опредѣленные періоды жизни переходитъ по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе.* Опять-таки приходится поставить на видъ всякой теоріи наслѣдственности необходимость считаться съ такого рода данными.

Однако, особенную трудность для любой теоріи наслѣдственности, претендующей на научность, представляютъ явленія атавизма или реверсіи, т.-е. возврата къ признакамъ болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ. Явленія атавизма Дарвинъ ставилъ въ одинъ рядъ съ тѣми случаями, когда организмы одного пола, вопреки присущей имъ склонности воспроизводить лишь тѣ признаки, которые неразрывно связаны съ ихъ поломъ, обнаруживаютъ вдругъ признаки другого пола. Онъ, какъ извѣстно, утверждаетъ, что „всякій признакъ, порою возобновляющійся, присут-

ствуетъ *въ скрытой формѣ* въ каждомъ поколѣніи,—почти такимъ-же образомъ, какъ у мужскихъ и женскихъ особей вторичные признаки другого пола остаются скрытыми, но способными развиться въ случаѣ пораженія воспроизводительныхъ органовъ". „Это сравненіе вторичныхъ половыхъ признаковъ, скрытыхъ у особей обоего пола, съ другими скрытыми признаками,—продолжаетъ Дарвинъ,—тѣмъ болѣе умѣстно, что извѣстенъ, напр., случай одной курицы, принявшей нѣкоторые изъ мужскихъ признаковъ не своей собственной породы, а отдаленнаго предка. Такимъ образомъ она въ одно и то же время обнаружила скрытые признаки обоего рода". (Пангенезисъ).

Ученіе о скрытыхъ признакахъ можно считать общепринятымъ въ наукѣ. Читатель уже видѣлъ, какъ это ученіе примѣняется для объясненія регенераціи и гетероморфоза. Вѣдь то, что по отношенію къ индивидуальному развитію освящено именемъ клѣточнаго и тканевого полиморфизма, то, что понимается, какъ способность каждой клѣтки организма таить въ себѣ всѣ качества или зачатки для образованія цѣлаго,—въ приложеніи къ развитію филогенетическому выражается словами „скрытые признаки". Здѣсь передъ нами новое доказательство неразрывности такихъ проблемъ, какъ развитіе съ одной стороны и наслѣдственность съ другой, здѣсь тотъ заколдованный кругъ тѣсно переплетающихся и взаимно обусловливающихся причинъ и слѣдствій, въ которомъ такъ тщетно и по сіе еще время бьется мысль біологовъ. „У каждаго живого существа имѣется тьма давно утраченныхъ признаковъ, готовыхъ развиться при надлежащихъ условіяхъ... Но какимъ образомъ объяснить и связать съ другими фактами эту поразительную и весьма распространенную способность, эту способность вызывать вновь къ жизни давно утраченные признаки?" Такъ спрашивалъ Дарвинъ, и нынѣ передъ умственнымъ взоромъ всѣхъ теоретиковъ естествознанія встаетъ все тотъ-же неумолимый вопросъ, все та-же необходимость объединить разрозненныя данныя науки въ стройное цѣлое, представить ихъ въ свѣтѣ общаго толкованія. Вотъ почему даже самъ Дарвинъ, этотъ суровый противникъ какихъ бы то ни было спекуляцій въ области точнаго знанія, рѣшилъ выступить со своею, какъ скромно называлъ онъ, *провизорною гипотезой о пангенезисѣ*...

Переходимъ къ слѣдующей категоріи фактовъ по классификаціи Дарвина, фактовъ, касающихся унаслѣдованія различныхъ признаковъ при *скрещиваніи*.

Потомство, получаемое при скрещиваніи недѣлимыхъ *двухъ* различныхъ *породъ* или *разновидностей* (помѣси), а также и двухъ различныхъ *видовъ* (гибриды), обыкновенно совмѣщаетъ въ себѣ отличительные признаки обоихъ производителей; и такъ какъ здѣсь эти признаки временами бываютъ выражены очень ярко,

во всякомъ случаѣ ярче, чѣмъ у потомства отъ родителей одной и той же породы, то и понятно, что на помѣсяхъ и гибридахъ можно легче прослѣдить характеръ и степень вліянія мужскихъ и женскихъ особей въ дѣлѣ наслѣдственности.

Обыкновенно и помѣси, и гибриды представляютъ по своимъ признакамъ какъ бы нѣчто среднее между произведшими ихъ на свѣтъ родителями. Но это общее правило подвержено большимъ колебаніямъ. При скрещиваніи двухъ *разновидностей* растеній съ различно окрашенными однотонными цвѣтками новыя растенія (помѣсь) даютъ обыкновенно цвѣты пестрые; когда же скрещиваются два различные *вида* растеній—опять-таки съ цвѣтками разной краски,—то у *гибридовъ* цвѣты будутъ уже не пестрые, а одноцвѣтные, но только промежуточной окраски: ну, скажемъ, если у одного растенія цвѣты желтые, а у другого красные, то у гибрида они будутъ оранжевые. Однако, иногда цвѣтокъ гибрида окрашенъ такъ, что цвѣтъ его никоимъ образомъ нельзя воспроизвести путемъ того или иного сочетанія окраски обоихъ производителей. Затѣмъ, вотъ что еще любопытно: помѣси обнаруживаютъ зачастую склонность возвращаться къ признакамъ родителей, такъ что нѣкоторые изъ нихъ постепенно теряютъ характеръ помѣсей и черезъ нѣсколько поколѣній становятся совершенно похожими на мужскихъ или женскихъ представителей тѣхъ чистыхъ породъ, отъ которыхъ они произошли путемъ скрещиванья.

Итакъ, мы видимъ, что скрещиваніе благопріятствуетъ атавизму. Этотъ выводъ подтверждается еще и тѣмъ, что при скрещиваніи нѣкоторыхъ породъ домашнихъ животныхъ и воздѣланныхъ растеній потомство получалось весьма сходное съ дикими предками этихъ породъ. Впрочемъ не эта форма скрещиванья интересуетъ насъ сейчасъ главнымъ образомъ, а другая.

Если къ яблоновому или грушевому дичку привить вѣтку какой-нибудь породы садовой яблони или груши, то на прививкѣ, какъ извѣстно, должны будутъ развиться яблоки и груши соотвѣтствующей породы. Да, *должны*, но не всегда это такъ бываетъ. Иногда дичокъ сообщаетъ благородному прививку кое-что свое собственное, такъ что плоды оказываются нѣсколько измѣненными и по виду, и по размѣру, и по вкусу. Даже цвѣты на прививкѣ испытываютъ иной разъ небольшое измѣненіе въ зависимости отъ вліянія дичка. Какъ, спрашивается, понимать такого рода факты? Не есть-ли это, правда очень слабо выраженная, но за то и очень своеобразная форма наслѣдственности? Нѣсколько фактовъ, болѣе демонстративныхъ, даютъ намъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Если привить „черезъ сближеніе“ вѣтку съ темно-синимъ виноградомъ къ вѣткѣ, дающей зеленый виноградъ, то на соединенныхъ вѣтвяхъ виноградъ будетъ либо пестрый, либо съ пят-

нами синими и зелеными. Когда къ вѣткѣ одной породы розы (Bancsiae) привили вѣтвь съ куста другой породы (Devoniensis), то какъ разъ отъ мѣста прививки выросла новая вѣтвь, на которой распустились цвѣты съ признаками настоящей помѣси. Когда, наконецъ, половинку луковицы одной породы гіацинта приложили къ половинкѣ луковицы другой породы—гіацинты разнились окраской цвѣтовъ,—то половинки срослись и выгнали стрѣлку, на которой сперва завязались бутоны, а потомъ раскрылись и цвѣты: окраска этихъ цвѣтовъ представляла различныя сочетанія окраски обоихъ гіацинтовъ. Все это факты чрезвычайной важности. Однако, едва ли не классическій въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ растеніе Cytisas Adami: говорю „классическій", потому что всѣ теоретики наслѣдственности, начиная съ Дарвина и кончая О. Гертвигомъ, эксплуатировали такъ или иначе этотъ дѣйствительно замѣчательный примѣръ прививочной гибридаціи. Въ чемъ-же, однако, тутъ дѣло? Если на растеніи Cytisus laburnum съ желтыми цвѣтами сдѣлать прививку отъ другого растенія, Cytisus purpureus, съ красными цвѣтами, то получается совершенно новая разновидность съ цвѣтами желтыми, красными и смѣшанными, представляющими различныя комбинаціи красной и желтой окраски. Эта новая разновидность и получила названіе Cytisus Adami, по имени одного простого садовника, который еще въ 1830 году сдѣлалъ впервые и совершенно случайно такого рода прививку. Слѣдуетъ прибавить, что какъ желтые, такъ и красные цвѣты Cytisus Adami плодовиты, а промежуточные—безплодны: изъ сѣмянъ желтыхъ цвѣтовъ выростаютъ новые экземпляры Cytisus laburnum, а сѣмена красныхъ цвѣтовъ даютъ снова Cytisus purpureus. Итакъ Cytisus Adami совмѣщаетъ въ себѣ признаки помѣсей и гибридовъ: онъ частью плодовитъ, какъ плодовиты вообще всевозможныя помѣси, а частью безплоденъ, какъ безплодны большинство гибридовъ.

Что-же можно почерпнуть для пониманія проблемы наслѣдственности изъ всѣхъ этихъ фактовъ?

До сихъ поръ мы, быть можетъ, склонны были думать, что всевозможныя помѣси и гибриды возникаютъ лишь путемъ полового размноженія, благодаря сліянію половыхъ элементовъ двухъ различныхъ разновидностей или видовъ. Теперь мы видимъ, что это можно осуществить и помимо половыхъ элементовъ, путемъ срощенія вѣтвей и сліянія клубней или луковицъ двухъ различныхъ породъ, словомъ, путемъ прививки. Вы помните, я упоминалъ выше, между прочимъ, что существуютъ факты, которые въ значительной степени сглаживаютъ видимую разницу между наслѣдственностью при половомъ и безполомъ размноженіи. Только что описанные случаи скрещиванья путемъ прививокъ представляютъ такого именно рода факты. Считаясь съ ними, нужно признать, что способность передавать по наслѣдству тѣ или иные

признаки не сосредоточивается только въ половыхъ элементахъ: она въ большей или меньшей степени разлита и въ остальныхъ, какъ называютъ ихъ, соматическихъ (отъ слова „soma"—тѣло) клѣткахъ организма; а признавая это, придется отказаться отъ мысли выдѣлять половые элементы, какъ что-то исключительное и *существенно несходное* съ остальными клѣтками тѣла. Не разъ здѣсь уже указывалось на неосновательность такого строгаго разграниченія, и вы видите, что по мѣрѣ того, какъ расширяется кругъ разсматриваемыхъ нами явленій, неосновательное превращается въ нѣчто просто несостоятельное...

Въ проблемѣ наслѣдственности особенно спорнымъ оказывается вопросъ объ унаслѣдованіи пріобрѣтенныхъ свойствъ. Съ этимъ вопросомъ сейчасъ повторяется исторія, подобная той, которая разыгралась въ наукѣ при появленіи ученія Дарвина. Какъ тогда весь ученый міръ разбился на два враждующихъ стана, изъ которыхъ одинъ страстно отстаивалъ теорію происхожденія видовъ, а другой съ такою же страстностью отвергалъ ее, такъ и теперь всѣ натуралисты составляютъ два непримиримыхъ лагеря. Въ одномъ сгрупировались сторонники стараго дарвинизма и ламаркисты со Спенсеромъ во главѣ—Геккель, Гальтонъ, О. Гертвигъ, Нусбаумъ, Ортъ, Эймеръ, Эмери и многіе иные dii minores; въ другомъ, подъ прикрытіемъ неодарвиниста Вейсмана и Пфлюгера, идутъ такія свѣтила, какъ Гисъ, Кёлликеръ, Страсбургеръ и цѣлая серія другихъ ученыхъ чиномъ пониже и мыслью послабѣе. Для первыхъ наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ—неоспоримый фактъ; для вторыхъ она—одна лишь фикція. Для большей наглядности сошлюсь на слова двухъ одинаково популярныхъ современныхъ біологовъ. Въ послѣднемъ капитальномъ трудѣ Вейсмана „Das Keimplasma" имѣется отдѣльная глава подъ названіемъ „Мнимая наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ"—Die vermeintliche Vererbung erworbener Eigenschaften,—и вотъ что говорится здѣсь на первой же страницѣ: „Всѣ соматогенныя (читай—благопріятныя. В. Л.) измѣненія не могутъ передаваться по наслѣдству, и, слѣдовательно, всѣ измѣненія, переходящія изъ поколѣнія въ поколѣніе, исходятъ отъ зародыша и должны покоиться на измѣненіи зародышевыхъ свойствъ; это является неизбѣжнымъ выводомъ изъ теоріи зародышевой плазмы и изъ ученія о детерминантахъ, представляющаго дальнѣйшую переработку этой теоріи" *). Такъ утверждаетъ авторъ ученія о зародышевой плазмѣ и о детерминантахъ; и для васъ ясно, что Вейсманъ ужъ a priori не можетъ признать наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ. Другой натуралистъ, Оскаръ Гертвигъ, не менѣе рѣшительно настаиваетъ на наслѣдственности этихъ свойствъ. „Вмѣстѣ съ Дарвиномъ, Спе-

*) *Das Keimplasma.* Eine Theorie der Vererbung.

нсеромъ, Вирховомъ, Геккелемъ, Герингомъ, Негели (?) и друг., —говоритъ онъ,—мы признаемъ наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ, ихъ способность передаваться зародышу" *).

Трудно представить себѣ что либо болѣе запутанное, чѣмъ этотъ злополучный вопросъ. Путаница эта сказывается какъ въ опредѣленіи того, что слѣдуетъ понимать подъ „пріобрѣтенными свойствами", такъ и въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ фактовъ. Не мѣшаетъ поэтому установить по крайней мѣрѣ *формальную* разницу между *прирожденными* и *благопріобрѣтенными* свойствами организмовъ. Можно-ли тутъ говорить о болѣе глубокой разницѣ, о разницѣ по существу, увидимъ дальше.

Различіе между прирожденными и пріобрѣтенными свойствами обыкновенно устанавливаютъ на слѣдующихъ основаніяхъ: прирожденными считаются всѣ такіе признаки, которые покоятся въ одноклѣтномъ зародышѣ организма; пріобрѣтенными же называются такія свойства, которыя возникаютъ у вполнѣ сформировавшагося организма, въ періодъ его индивидуальнаго существованія, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ причинъ. Остановившись пока на этомъ, повторяю, формальномъ опредѣленіи, постановимъ вновь вопросъ: передаются-ли изъ поколѣнія въ поколѣніе *всякія* свойства, какъ прирожденныя, такъ и благопріобрѣтенныя? Или, быть можетъ, послѣднія умираютъ вмѣстѣ со смертью тѣхъ, кто ими надѣленъ? *Да, умираютъ* говорятъ одни. *Нѣтъ, они такъ же живучи, какъ и прирожденныя признаки,* возражаютъ другіе.

Наука не эквилибристика. Довольствоваться одной „словесностью" при рѣшеніи возникшихъ въ ея владѣніяхъ споровъ она не можетъ. Остается, значитъ, обратиться къ обычному орудію точнаго знанія—къ опыту и наблюденію. Такъ и поступаютъ обѣ спорящія стороны, доставляя весьма обильный матеріалъ и pro, и contra наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ. Разбираться детально въ этомъ лабиринтѣ фактическихъ данныхъ здѣсь не мѣсто. Но нѣкоторые изъ наиболѣе яркихъ фактовъ я все же приведу: они понадобятся намъ при оцѣнкѣ тѣхъ методовъ и обобщеній, которыми пользуются обѣ спорящія стороны, отстаивая свою позицію.

За время своей индивдуальной жизни организмъ можетъ получить какое либо увѣчье или болѣзнь, можетъ развить или недоразвить тотъ или иной изъ органовъ своихъ, благодаря усиленному упражненію или неупражненію его, можетъ, наконецъ, пріобрѣсть какую-нибудь новую особенность, возникшую у него подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій существованія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ будетъ имѣться на лицо благопріобрѣтенный признакъ.

---

*) *O. Hertwig.* Die Zelle und die Gewebe. Zweites Buch. Allgemeine Anatomie und Physiologie der Gewebe.

Нужно, стало быть, воочію прослѣдить на цѣломъ рядѣ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній, сохраняются-ли такіе признаки или нѣтъ.

Если отрѣзать человѣку руку, кошкѣ ногу, собакѣ ухо, а крысѣ хвостъ, то потомки этихъ животныхъ обыкновенно не становятся отъ этого безрукими, безногими, безухими и безхвостыми. Вейсманъ очень усердно занимался отрѣзываніемъ хвостовъ у крысъ многихъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, поколѣній, и всетаки ему не пришлось наблюдать ни одного случая, когда бы крысёнокъ родился безъ хвоста. У нѣкоторыхъ народовъ отрѣзываніе хвостовъ у овецъ и ушей у собакъ вошло въ обычай. Много вѣковъ практиковался у нихъ такой обычай, милліоны овечьихъ хвостовъ и собачьихъ ушей канули въ вѣчность подъ ножемъ этихъ невольныхъ экспериментаторовъ, и все же имъ не удалось вывести безхвостую породу овецъ и безухую породу собакъ. У евреевъ и магометанъ обычай обрѣзанія существуетъ давнымъ давно, и тѣмъ не менѣе при рожденіи каждаго новаго ребенка этотъ обрядъ приходится обязательно совершать, ибо многовѣковое повтореніе одной и той же операціи не оставило видимо никакихъ слѣдовъ *). Всѣ эти факты—сущій кладъ для ученыхъ, отрицающихъ наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ. Да, говоря вообще, можно предположить, что увѣчья не наслѣдственны; но только вообще, ибо на этотъ счетъ имѣются весьма характерныя исключенія, считаться съ которыми, какъ бы это ни было прискорбно для вейсманистовъ, приходится.

Возьмемъ хотя бы занимательную исторію съ отрѣзанными хвостами. Крестьяне въ Эйфелѣ имѣютъ обыкновеніе отрѣзывать кончикъ хвоста всѣмъ безъ исключенія кошкамъ, думая въ простотѣ своей, что у каждой кошки въ кончикѣ хвоста имѣется червякъ, который мѣшаетъ ей охотиться за мышами. И вотъ, оказывается, что среди кошачьяго населенія Эйфеля нерѣдко рождаются котята съ недоразвитыми хвостами. Бонне разсказываетъ про одного крестьянина, который систематически отрубалъ хвосты у своихъ собакъ и въ концѣ концовъ добился того, что у его собакъ стали рождаться щенята съ короткими, нѣсколько атрофированными хвостами. И эта новая особенность сказалась въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ щенятъ подъ рядъ. У такихъ короткохвостыхъ собакъ было въ хвостѣ отъ 8 до 13 позвонковъ вмѣсто нормальныхъ 19 или 20. Дингфельдеръ приводитъ другой, болѣе замѣчательный случай. У собаки съ обыкновеннымъ длиннымъ хвостомъ родились семь щенятъ. Изъ нихъ трое имѣли

---

*) «L'hymen des vierges,—говоритъ Делажъ,—a été réguliérement détruit depuis l'origine de l'espéce humaine chez toutes les femmes, qui ont contribué à la propager. Il ne s'est pas atrophié cependant». (*Delage*. La structure du protoplasma et les théories sur l'héridité).

нормальные хвосты; а изъ остальныхъ щенковъ у троихъ хвосты были укорочены, а у четвертаго онъ и вовсе отсутствовалъ. Шесть мѣсяцевъ спустя, мать этихъ щенятъ произвела на свѣтъ еще девять щенятъ. Тутъ повторилась та же исторія, что и въ первый разъ: четыре щенка имѣли хвосты нормальные, у четырехъ другихъ они были значительно укорочены, а у девятаго хвостъ оказался совсѣмъ атрофированнымъ. Изъ этой партіи щенятъ одна самка была воспитана какимъ-то крестьяниномъ. У нея въ свою очередь появились щенята двухъ видовъ: одни длиннохвостые, другіе короткохвостые. Вы спросите, чѣмъ было вызвано рожденіе короткохвостыхъ и даже вовсе безхвостыхъ щенятъ у *первой* самки? Оказывается, что *у отца этихъ щенятъ хвостъ былъ отрубленъ.* Докторъ Кратцъ указываетъ еще на слѣдующій, чрезвычайно интересный фактъ. Крысы отгрызли хвостъ одному борову, и когда отъ этого борова родились поросята, то всѣ они оказались безхвостыми, не смотря на то, что мать ихъ имѣла вполнѣ нормальный хвостъ. Все это случаи далеко не исключительные; и показываютъ они, что *иногда благопріобрѣтенная животнымъ особенность* (*увѣчье*) *можетъ передаваться потомкамъ— и не только перваго, но и слѣдующихъ поколѣній.* Можно, конечно, умышленно игнорировать подобные факты, можно придумывать для нихъ хитроумныя, но мало вѣроятныя толкованія, можно, наконецъ, считать ихъ просто какой-то случайностью; однако, все это нисколько не умаляетъ истиннаго значенія всѣхъ такихъ фактовъ: они очень краснорѣчиво говорятъ сами за себя, и никакая казуистика не въ силахъ затушевать ихъ подлиннаго смысла, въ особенности если цѣлый рядъ другихъ, аналогичныхъ наблюденій вполнѣ съ ними совпадаетъ. А такихъ наблюденій можно при желаніи подобрать весьма достаточное количество. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ.

Дарвинъ разсказываетъ о двухъ субъектахъ, изъ которыхъ одинъ получилъ какъ-то глубокую рану въ колѣно, а другой— въ щеку. У дѣтей обоихъ имѣлись отъ рожденія вполнѣ аналогичные рубцы на соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Приведенъ у Дарвина и другой любопытный примѣръ. Какой-то солдатъ лишился лѣваго глаза. Пятнадцать лѣтъ спустя послѣ этого онъ женился, и у обѣихъ дочерей его лѣвый глазъ былъ отъ рожденія значительно меньше праваго (микрофтальмія). Декандоль разсказываетъ о слѣдующемъ, еще болѣе интересномъ случаѣ. Въ 1797 году одна дѣвушка была ранена въ голову. На мѣстѣ раны, которая находилась надъ лѣвымъ ухомъ, впослѣдствіи образовался голый, лишенный волосъ шрамъ. Дѣвушка вышла замужъ и родила мальчика, у котораго надъ лѣвымъ же ухомъ небольшой участокъ кожи былъ совершенно лишенъ волосъ. Въ 1836 году сынъ ея въ свою очередь женился; на его дѣтяхъ недочетъ этотъ не сказался; за то у одного изъ внуковъ его имѣлась на головѣ со-

вершенно такая же отмѣтина надъ лѣвымъ ухомъ, какъ и у дѣда. Фактъ этотъ интересенъ для насъ еще въ томъ отношеніи, что тутъ благопріобрѣтенная особенность, какъ видите, проявилась атавистически, черезъ поколѣніе.

Докторъ Массенъ вырѣзалъ у одной пары кроликовъ селезенку. Дѣтеныши этой пары имѣли, какъ оказалось потомъ, селезенку несравненно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ нормальная кроличья селезенка. Въ ряду нѣсколькихъ слѣдующихъ поколѣній эта особенность повторялась, какъ нѣчто обычное: у всѣхъ кроликовъ селезенка была меньше нормальной.

Опыты Массена имѣютъ, конечно, извѣстное значеніе для вопроса о передачѣ пріобрѣтенныхъ особенностей по наслѣдству. Но едва-ли не самыми значительными въ этомъ отношеніи являются опыты извѣстнаго физіолога Броунъ-Секара. Передамъ со словъ Делажа результаты тѣхъ экспериментовъ, которые производилъ Броунъ-Секаръ надъ морскими свинками. „Этотъ физіологъ констатировалъ слѣдующіе факты. Вслѣдствіе перерѣза сѣдалищнаго нерва, задняя лапка теряла чувствительность, и морскія свинки отгрызали себѣ большой палецъ; у родившихся отъ нихъ дѣтенышей не было большого пальца на задней лапкѣ. При перерѣзываніи corpus restiformis, роговица у животныхъ тускнѣетъ, затѣмъ глазъ постепенно уменьшается, атрофируется безъ воспаленія; у потомковъ появляются *измѣненія*, также не сопровождающіяся воспаленіемъ, *порою тождественныя* (тусклость роговицы, всасываніе глаза), *порою аналогичныя* (измѣненіе стекловиднаго тѣла и хрусталика), но никогда не сопровождающіяся воспалительнымъ процессомъ. Какъ слѣдствіе неполнаго надрѣза продолговатаго мозга, наблюдалось выпаденіе глаза у родителей *и тождественное выпаденіе глаза у потомковъ*. Наконецъ, *различныя измѣненія вѣкъ*, происходящія вслѣдствіе поврежденія corpus restiformis или симпатическаго нерва, *также передавались потомкамъ. Эти измѣненія сказались на значительномъ числѣ недѣлимыхъ въ пяти или шести поколѣніяхъ*. Во всѣхъ, весьма многочисленныхъ, опытахъ эти измѣненія обязательно проявлялись, и въ то же время никогда не наблюдалось, чтобы они сказались самопроизвольно“ *).

Тотъ же Броунъ-Секаръ вызывалъ у морскихъ свинокъ искусственно эпилепсію, дѣлая имъ поперечные надрѣзы на спинномъ мозгу. Потомство такихъ, страдающихъ эпилепсіей, морскихъ свинокъ также было подвержено эпилепсіи. Какимъ образомъ нарушеніе въ дѣятельности нервной системы родителей могло передаваться зародышамъ—вопросъ особый; несомнѣнно лишь, что de facto оно передавалось и сопровождалось болѣзненными явле-

*) La structure du protoplasma etc. Delage. Курсивъ во всей выдержкѣ нашъ.

ніями, совершенно тождественными съ тѣми, которыя были искусственно вызваны у родителей.

Передача пріобрѣтенныхъ болѣзненныхъ измѣненій потомству имѣетъ мѣсто и въ растительномъ царствѣ. Укажу на недавнія наблюденія нѣкоторыхъ ботаниковъ. Какъ извѣстно, дѣятельность нѣкоторыхъ паразитовъ вызываетъ на листьяхъ тополей и многихъ другихъ деревьевъ болѣзненные наросты. Оказывается, что подобные же наросты обнаруживаются тогда и у потомства такихъ пораженныхъ деревьевъ, но уже независимо отъ дѣятельности зловредныхъ паразитовъ.

Итакъ, принимая во вниманіе всѣ вышеизложенные факты, мы можемъ сказать, что утвержденіе, будто благопріобрѣтенныя увѣчья и болѣзненныя измѣненія никогда не наслѣдуются потомствомъ, — фактически невѣрно; гораздо правильнѣе будетъ признать, что они *не всегда* наслѣдственны.

Выше было уже упомянуто, что многія изъ индивидуальныхъ измѣненій появляются подъ вліяніемъ окружающей среды, а также благодаря употребленію и неупотребленію различныхъ органовъ. Оба эти фактора измѣнчивости были поставлены на видъ еще Ламаркомъ и Э. Жоффруа Сентъ Илеромъ. Дарвинъ также придавалъ имъ значеніе, хотя и ограничивалъ нѣсколько ихъ роль въ процессѣ расхожденія признаковъ. Спенсеръ, наоборотъ, приписывалъ имъ въ этомъ процессѣ доминирующую роль. Въ настоящее время, благодаря главнымъ образомъ Вейсману, вопросъ этотъ опять сталъ предметомъ горячихъ обсужденій. Спорнымъ собственно является слѣдующее положеніе: можно ли признать наслѣдственными всѣ тѣ особенности, которыя пріобрѣтаются организмомъ подъ гнетомъ среды и благодаря упражненію или неупражненію? Если—да, то правъ Спенсеръ и всѣ *неоламаркисты*, трактующіе о „недостаточности естественнаго подбора“ для пониманія исторіи всего органическаго міра. Если—нѣтъ, то истина на сторонѣ Вейсмана и всѣхъ *неодарвинистовъ*, настаивающихъ на „всемогуществѣ естественнаго подбора“ въ дѣлѣ происхожденія и измѣненія видовъ.

Въ виду исключительной теоретической важности этого вопроса я не считаю возможнымъ разсматривать его мимоходомъ и ограничусь лишь указаніемъ на тѣ чисто логическіе промахи, которые вносятъ большую путаницу въ обсужденіе вопроса о наслѣдственности свойствъ, пріобрѣтенныхъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій и путемъ упражненія и неупражненія тѣхъ или иныхъ органовъ.

Вейсманъ различаетъ во всякомъ организмѣ двоякаго рода признаки и измѣненія: одни онъ называетъ *соматогенными*, другіе—*бластогенными*. Соматогенные признаки образуются путемъ воздѣйствія внѣшнихъ условій на тѣло, а также благодаря упражненію и неупражненію; бластогенные же признаки своимъ проис-

хожденіемъ обязаны всецѣло одноклѣтному зародышу, точнѣе—тѣмъ особенностямъ, которыя принесены въ зародышъ сперматозоидомъ и яйцевою клѣткою. Во всякомъ организмѣ, по Вейсману, нужно, стало быть, различать двѣ совершенно независимыя замкнутыя сферы—зародышевую и соматическую. Всѣ измѣненія, происходящія въ соматической сферѣ, остаются внѣ всякаго вліянія на сферу зародышевую и, слѣдовательно, умираютъ вмѣстѣ со смертью того организма, который ими обладалъ; тогда какъ всѣ измѣненія, происходящія въ зародышевой сферѣ, обязательно сказываются такъ или иначе на потомствѣ; первыя образуютъ пріобрѣтенныя свойства и не наслѣдственны, вторыя же—свойства прирожденныя и, наоборотъ, переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Такъ думаетъ ученикъ Дарвина, Вейсманъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло у самаго Дарвина: это, впрочемъ, уже не первый примѣръ, когда „ученики“ искажаютъ, утрируютъ и доводятъ до абсурда мысли учителя. „Почему,—спрашиваетъ Дарвинъ,—потомство должно испытывать вліяніе отъ дѣйствія новыхъ условій на родителей и почему въ большинствѣ случаевъ необходимо, чтобы такія измѣненія сказались на нѣсколькихъ поколѣніяхъ?“ Въ этомъ вопросѣ видно безусловное признаніе наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ. Правда, Дарвинъ предполагалъ, что большая часть измѣненій, происходящихъ въ организмѣ, зависитъ отъ появленія какихъ-либо новыхъ особенностей въ воспроизводительной системѣ, въ половыхъ элементахъ. Но онъ никогда не утверждалъ, что только такія измѣненія и наслѣдственны. Вотъ почему, обращая вниманіе своихъ читателей на факты, свидѣтельствующіе о наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ, онъ задается вопросомъ, который для Вейсмана и его сторонниковъ не существуетъ, вотъ почему онъ думаетъ, что наука обязана отвѣтить хотя бы приблизительно на слѣдующій вопросъ: „Какимъ же образомъ упражненіе или неупражненіе извѣстныхъ конечностей или мозга способно вліять на небольшое скопленіе воспроизводительныхъ клѣтокъ, находящихся въ удаленной части тѣла, и при томъ такимъ именно способомъ, что существо, развивающееся изъ этихъ клѣтокъ, наслѣдуетъ признаки родителей?“ (Пангенезисъ).

Мысль, что по наслѣдству переходятъ лишь бластогенныя свойства, представляется мнѣ ложною въ корнѣ. Чему учатъ, въ самомъ дѣлѣ, опыты Вейсмана надъ крысами? Какой выводъ можно сдѣлать изъ нихъ? Да только тотъ, что при этихъ опытахъ не наблюдалось наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ, а совсѣмъ не тотъ, что такой наслѣдственности и вовсе не существуетъ. Что сказали бы вы, еслибъ кто-нибудь на основаніи опытовъ Вейсмана сталъ утверждать, что никакой регенераціи вообще не существуетъ, ибо отрѣзанные хвосты у крысъ не вы-

росли вновь? А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы это утвержденіе было болѣе нелогично, чѣмъ выводъ, который дѣлается на основаніи экспериментовъ Вейсмана.

Какъ быть затѣмъ съ наслѣдственностью пріобрѣтенныхъ свойствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда организмъ размножается не при помощи яйцевыхъ клѣтокъ и сперматозоидовъ, а путемъ дѣленія и почкованія! При такомъ способѣ размноженія, какъ извѣстно, каждый участокъ тѣла можетъ послужить исходнымъ пунктомъ для образованія потомка и, стало быть, *обязательно передастъ ему свои соматогенныя особенности.* Выходитъ, значитъ, что соматогенныя свойства, которыя по предвзятой теоріи наслѣдственными быть не могутъ, на самомъ дѣлѣ передаются по наслѣдству. Можно, конечно, предположить, что у организмовъ, размножающихся почками и дѣленіемъ, всѣ свойства бластогенны, т. е. прирожденны; но тогда падаетъ самъ собою тотъ якобы универсальный критерій, которымъ противники наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ пользуются для различенія признаковъ пріобрѣтенныхъ отъ прирожденныхъ: ибо какой же это будетъ прирожденный признакъ, если онъ возникаетъ подъ вліяніемъ внѣшней среды на тѣ самыя группы *соматическихъ* клѣтокъ, изъ которыхъ впослѣдствіи образуется новое поколѣніе! Нужно, стало быть, согласиться, что дѣленіе признаковъ на соматогенные и бластогенные не выдерживаетъ критики въ примѣненіи къ тѣмъ организмамъ, которые размножаются путемъ дѣленія и почкованія. Посмотримъ, однако, много ли выигриваемъ мы вообще для пониманія явленій наслѣдственности, благодаря такому дѣленію.

Положимъ, что у кого-нибудь рождается четырехпалый ребенокъ и что эта особенность повторяется въ нѣсколькихъ слѣдующихъ поколѣніяхъ. Для отрицающихъ наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ четырехпалость въ данномъ случаѣ—признакъ прирожденный. Но, спрашивается, откуда же онъ взялся? Не самопроизвольно же зародился? Нужно предположить одно изъ двухъ: или кто-нибудь изъ предковъ этого ребенка имѣлъ на рукѣ четыре пальца вмѣсто нормальныхъ пяти, такъ что уродство у потомка сказалось атавистически, или же оно явилось въ результатѣ какихъ-то внѣшнихъ вліяній на зародышъ, изъ котораго развился этотъ ребенокъ. Первое объясненіе приведетъ насъ къ сказкѣ „о бѣломъ бычкѣ“, ибо всякій вправѣ задать вопросъ: а откуда взялось четыре пальца у отдаленнаго предка четырехпалаго ребенка? Второе же объясненіе очень сбивается на то, что въ данномъ случаѣ передъ нами благопріобрѣтенная, да къ тому же переходящая по наслѣдству особенность. Вотъ и напрашивается невольно мысль: *да не являются ли всѣ эти пресловутыя „прирожденныя особенности“ въ конечномъ подсчетѣ благопріобрѣтенными?* Такое предположеніе больше походитъ на истину, чѣмъ

теорія, классифицирующая признаки живыхъ существъ по принципу достославнаго Прокуста.

Наконецъ, совершенно непонятно, почему прирожденнымъ свойствамъ дается такая привилегія передъ свойствами пріобрѣтенными, почему одни обрекаются на смерть, а другимъ сулится безсмертіе? Есть ли основаніе допустить, что въ то время, какъ проблема наслѣдственности прирожденныхъ признаковъ можетъ быть ясна какъ Божій день (на иной взглядъ, конечно!), вопросъ о наслѣдственности пріобрѣтенныхъ особенностей преисполненъ всяческихъ трудностей лишь потому, что онъ по существу своему вздоренъ? Вѣдь въ дѣлѣ наслѣдственности загадочнымъ и, слѣдовательно, подлежащимъ объясненію считается слѣдующее: какимъ образомъ всѣ характерныя особенности какого-нибудь организма даннаго отряда, класса, семейства, рода, вида и породы *переносятся на сперматозоидъ и яйцевую клѣтку и затѣмъ фиксируются въ полученномъ изъ нихъ одноклѣтномъ зародышѣ?* Въ такомъ случаѣ ничто не мѣшаетъ намъ предположить, что тотъ самый способъ, которымъ классовые, семейные, родовые и т. п. признаки переносятся на половые элементы и закрѣпляются въ зародышевой клѣткѣ, тотъ же самый, повторяю, способъ властенъ закрѣплять въ зародышѣ и индивидуальныя особенности.

Итакъ, и факты, и нѣкоторыя общія соображенія позволяютъ признать наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ. Теорія же наслѣдственности должна объяснить намъ, какъ совершается передача изъ поколѣнія въ поколѣніе признаковъ не только прирожденныхъ, но и благопріобрѣтенныхъ. Сейчасъ на этомъ спорномъ бранномъ полѣ, усѣянномъ обломками различныхъ опрокинутыхъ гипотезъ, обрывками геніальныхъ мыслей и грудою перемѣшанныхъ фактовъ, борятся представители трехъ различныхъ мнѣній. Одни допускаютъ, что всѣ характерныя особенности организма, какъ прирожденныя, такъ и пріобрѣтенныя, *переправляются прямо въ зародышевыя клѣтки въ видѣ матеріальныхъ зачатковъ* и затѣмъ ужъ сказываются, какъ таковыя, въ потомствѣ, образовавшемся изъ этихъ зародышевыхъ клѣтокъ. Другіе находятъ, что какъ внѣшняя среда, такъ и упражненіе или неупражненіе вліяютъ *одновременно* не только на тотъ или иной органъ, но и на половые продукты живого организма, вызывая въ послѣднихъ соотвѣтствующія измѣненія; такъ что, когда изъ зародышей развивается потомство, то у потомства этого могутъ обнаружиться тѣ же самыя свойства, которыя возникли у родителей за время ихъ индивидуальной жизни. Третьи, наконецъ, представляютъ себѣ этотъ процессъ еще иначе. Они полагаютъ, что факторы измѣнчивости *вліяютъ на общія функціи* организма и производятъ тѣмъ самымъ нѣкоторыя измѣненія въ сперматозоидахъ и яйцевыхъ клѣткахъ; эти-то измѣненія и сказываются въ потомствѣ, какъ

нѣчто тождественное съ пріобрѣтенными свойствами родителей. Кто изъ нихъ ближе къ истинѣ—увидимъ дальше. Теперь же повторимъ еще разъ:

Явленія развитія и наслѣдственности, при всемъ своемъ разнообразіи, скрываютъ въ себѣ одну и ту же загадку. Теоретическая мысль призвана рѣшить ее такъ или иначе; и на вопросъ, поставленный прямо и открыто, необходимо дать полный, всеисчерпывающій отвѣтъ. Таковой брались и берутся дать не только „внуки и дѣти людей, воспитанныхъ на Шеллингахъ и Окенахъ", но и иные, не столь повинные въ чистой спекуляціи, ученые. Бюффонъ, Спенсеръ, Дарвинъ, Гальтонъ, Негели, Геккель, Саксъ, Страсбургеръ, Клодъ Бернаръ, Де-Фризъ, Гааке, Вейсманъ, Вильгельмъ Ру, Гисъ, Визнеръ, Делажъ, О. Гертвигъ, Дришъ, Шабри, Ферфорнъ и др.—вотъ славная плеяда ученыхъ „различнаго воспитанія", задавшихся цѣлью проникнуть въ тайники тѣхъ жизненныхъ явленій, которыя мы именуемъ словами „развитіе и наслѣдственность".

Посмотримъ же, что они намъ даютъ.

В. В. Лункевичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

„СОВРЕМЕННЫЙ ТИПЪ.“

Романъ *Клауса Ритланда.*

Переводъ съ нѣмецкаго З. Журавской.

XI.

На островѣ Воллинъ, въ двухъ-трехъ часахъ пути отъ Мисдроя, лежатъ Нейендорфскія морскія купанья. Собственно говоря, это не что иное, какъ рыбачья деревушка съ одной единственной гостиницей, носящей громкое имя „кургауза“ и окруженной свитой изъ небольшихъ домиковъ, отдающихся внаймы по комнатамъ.

Это тихій, глухой уголокъ, даже не у самого моря, отдѣленный отъ него полосой смѣшаннаго, буковаго и хвойнаго лѣса; а между тѣмъ, лѣтомъ этотъ уголокъ всегда полонъ. Воздухъ здѣсь чудесный, и лѣсъ такъ дивно хорошъ—это идеальное убѣжище для всякаго, кто, не имѣя большихъ денегъ, желаетъ стать здоровымъ, веселымъ и жизнерадостнымъ,—да и для тѣхъ тоже, чьи нервы не выносятъ шумной курзальной музыки и разряженной публики морскихъ купаній.

Въ одно солнечное іюльское утро ассесоръ Ширмеръ на велосипедѣ пріѣхалъ въ это идиллическое мѣстечко. Онъ уже нѣсколько дней гостилъ въ Мисдроѣ, гдѣ у его отца была вилла, и гдѣ мама съ Вѣрой проводили большую часть лѣта.

Срокъ Сашина отпуска уже подходилъ къ концу. Въ іюнѣ онъ провелъ три недѣли въ Парижѣ и нашелъ, что Парижъ—съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ касался ногой асфальта его мостовыхъ—сдѣлался глупъ и скученъ. Все та-же столичная сутолока—дѣла, честолюбіе, погоня за наслажденіями; въ сущности, совершенно все равно, смотрѣть ли на эту сутолоку *Unter den Linden*, на *Ringstrasse* или на *Boulevard des Italiens*. Въ Парижѣ у женщинъ въ общемъ ноги меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, въ ресторанахъ подаютъ

болѣе тонкаго вкуса паштеты и болѣе безсовѣстные счета, чѣмъ въ Берлинѣ — вотъ и вся разница. Вотъ картины въ Салонѣ—это еще стоитъ посмотрѣть.

Саша вернулся домой съ испорченнымъ желудкомъ, новаго фасона цилиндромъ, всѣхъ поражавшимъ въ Штеттинѣ, и двумя картинами, стоившими непозволительно дорого.

Въ виду его упорной нервной безсоницы и благоволенія къ нему начальства, ему дали дополнительный отпускъ. Президентъ былъ теперь къ нему такъ благосклоненъ, что ассесора это даже удручало; „онъ уже питаетъ ко мнѣ авансомъ родственную привязанность“—думалъ молодой человѣкъ, каждый разъ испытывая при этой мысли нѣчто вродѣ нравственной тошноты.

Между тѣмъ, сѣть, сплетенная множествомъ рукъ для него и Марилизы, опутывала его все больше и больше. Онъ не противился этому, даже самъ помогалъ—и въ то же время рвался на свободу. Послѣ бала, закончившаго сезонъ, онъ нѣкоторое время былъ почти влюбленъ въ маленькую Грутенау, ухаживалъ за нею, дурачился; оба семейства со дня на день ждали помолвки, но вдругъ женихъ сыгралъ отбой. Дѣло въ томъ, что хорошенькая генеральская дочка надоѣла Сашѣ, прежде чѣмъ онъ достигъ обладанія.—Зачѣмъ?—спрашивалъ онъ себя.—Что за смыслъ жениться на Марилизѣ? Нашему брату вообще не слѣдуетъ жениться. Точка.—И онъ сталъ хлопотать о переводѣ изъ Штеттина.

Но дома его не оставляли въ покоѣ.

Вотъ и теперь, на дачѣ,—та же исторія.

Въ недалекомъ будущемъ сюда пріѣдетъ гостить Марилиза. Да и вообще, Мисдрой ужасенъ. Все штеттинцы, все добрые знакомые, или такіе, которые должны со временемъ стать добрыми знакомыми. Мама и Вѣра всегда очень искусно пользуются купальнымъ сезономъ, чтобъ заводить знакомства съ высшими себя. Всякій разъ они увозятъ изъ Мисдроя какую-нибудь новую побѣду, новое лестное знакомство на зиму. Та же комедія тщеславія, что и дома, съ той разницей, что здѣсь декораціей служитъ буковый лѣсъ и морскія волны.

Саша, на правахъ нервно-больного, старался держаться по возможности въ сторонѣ.

Сегодня онъ, отправившись кататься на велосипедѣ, счастливо избѣжалъ „чая“ у знакомыхъ дачниковъ, гдѣ собиралась „только молодежь“. Слава Богу!

— Эта здѣшняя тишина—прямо благодѣяніе! — говорилъ онъ себѣ, обозрѣвая окрестность съ веранды.

Ни души, кромѣ двухъ немолодыхъ уже дѣвушекъ,—вѣроятно, учительницъ. Одна вяжетъ крючкомъ, другая читаетъ вслухъ по-англійски. Картина скромнаго лѣтняго *dolce far niente*.

— Впрочемъ, *à la longue*, это должно быть тоскливо,—думалъ ассесоръ немного погодя, посидѣвъ за чашкой кофе и послушавъ монотонное чтеніе,—здѣсь прямо-таки слышишь, какъ ползутъ часы! И кофе, навѣрное, прескверный!

Но кофе, наоборотъ, оказался очень хорошимъ и благодѣтельно подѣйствовалъ на ассесора. Онъ подбодрился и рѣшилъ осмотрѣть окрестности.

Медленно шагалъ онъ по широкой лѣсной дорогѣ, по направленію къ берегу. Привѣтливый берегъ—зеленая опушка лѣса, узкія дюны; направо отъ главной дороги рядъ купальныхъ будокъ, налѣво—такія же будки, на приличномъ разстояніи другъ отъ друга—мужская и женская сторона; все такъ же, какъ и вездѣ на нѣмецкихъ морскихъ купаньяхъ, только въ миніатюрѣ.

Саша шелъ вдоль опушки, озираясь вокругъ. Неужели же здѣсь ни души?

Долго его поиски были напрасны. Куда же, однако, дѣвались всѣ нейендорфскіе дачники?

Ага! вотъ, наконецъ, — дама въ сѣрой суконной юбкѣ и огненно-красной блузкѣ, высокая, статная. Она шла по берегу мимо будокъ, потомъ присѣла на песокъ, какъ разъ у бугра, за которымъ стоялъ Саша, оглядѣлась вокругъ и, очевидно, убѣдившись, что ее никто не увидитъ, сняла съ себя башмаки и чулки; потомъ приподняла юбку и вошла въ воду.

— Ноги красивой формы,—подумалъ наблюдавшій за нею ассесоръ, — только въ лодыжкѣ немного толсты. Интересно знать, молода ли она.

Въ первыя минуты онъ не могъ себѣ этого выяснить, такъ какъ дама все время поворачивалась къ нему спиной. Но ея смѣхъ, — когда она зашла слишкомъ далеко и волна брызнула ей на платье—этотъ звонкій смѣхъ, полный невинной, искренней радости, говорилъ за молодость.

— Господи! вѣдь есть же еще на свѣтѣ такія безобидныя существа!—подумалъ Саша.

Вотъ—вотъ опять набѣжала большая волна и съ головы до ногъ окатила неосторожную; она весело разсмѣялась, повернулась и поспѣшила къ берегу... И вдругъ до нея донесся съ лѣсной опушки взволнованный, радостный окрикъ:

— Фрейлейнъ Мута! фрейлейнъ Ленцъ!

И ассесоръ Ширмеръ, позабывъ о своемъ достоинствѣ корректнаго молодого человѣка fin de siècle, въ нѣсколько прыжковъ, отнюдь не элегантныхъ, сбѣжалъ съ откоса высокаго берега внизъ.

Мута приросла къ мѣсту, словно жена Лота, обращенная въ соляной столбъ.

— Господи!—вскрикнула она, узнавъ его, наконецъ, и съ распростертыми объятіями побѣжала къ нему навстрѣчу.

— Мута! Вотъ радость-то! Откуда вы? Какъ вы попали сюда?

Она смѣялась. — Изъ Мюнхена. Я ужъ не первое лѣто провожу здѣсь. Развѣ я вамъ не разсказывала? Я влюблена въ этотъ берегъ... Но какъ же...—она, краснѣя, смотрѣла на свои босыя ноги, покрывшіяся некрасивой песчаной корой,—погодите минутку, я сейчасъ...

Она укрылась въ свою песочную норку и поправила свой туалетъ.

Саша Ширмеръ испытывалъ такое чувство, какъ будто онъ восемь мѣсяцевъ жилъ, какъ автоматъ, и только теперь проснулся и сдѣлался настоящимъ человѣкомъ.

Онъ радовался, радовался, какъ дуракъ, какъ самый зеленый юнецъ.

— Въ сущности, это очень трогательно, что я такъ счастливъ этой встрѣчей, послѣ того какъ вы такъ меня обидѣли; это доказываетъ мою доброту,—говорилъ онъ, идя рядомъ съ Мутой по берегу.

— Я—васъ—обидѣла? Я бы желала знать, кто кого!

— Не отвѣтить ни строчки на письмо въ аршинъ длиной, на цѣлый томъ дружескихъ изліяній во вкусѣ прошлаго столѣтія...

— Какъ это „не отвѣтить“? Я вамъ сейчасъ же написала такое милое, ласковое...

Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее. — Вы отвѣтили? Ну, значитъ это вина Подбѣльскаго. Или же,—ему вдругъ вспомнилось злорадно улыбающееся личико Вѣры: она всегда лукаво улыбалась, когда онъ спрашивалъ: нѣтъ ли писемъ?—или же со мной сыграли злую шутку.

И только теперь, при воспоминаніи, онъ ясно созналъ, сколькихъ горькихъ часовъ стоила ему эта шутка.

Сомнѣнья нѣтъ, Вѣра на все способна... Но теперь не время сердиться. Теперь жизнь такъ ясно ему улыбается.

Мута шла рядомъ съ нимъ по глубокому песку, крупнымъ твердымъ шагомъ. Какая она славная, эта Мута! Ея глаза свѣтились, бѣлые зубы сверкали, отъ всей ея статной фигуры вѣяло запахомъ лѣса, травъ и здоровой свѣжестью земли.

Она разсказывала о себѣ—какъ она работала въ эти послѣднія три четверти года и какъ она живетъ здѣсь, въ Нейендорфѣ. Прежде она всегда нанимала комнату въ одной рыбачьей семьѣ, но теперь старый рыбакъ умеръ и всѣмъ домомъ правитъ злюка-невѣстка. Для Муты пропало все очарованіе, и она поселилась у докторши Фогельзангъ—какое славное, веселое лѣтнее имя! — а обѣдаетъ въ гостиницѣ.

Впрочемъ, она не одна. Оба ея мюнхенскіе пріятели тоже здѣсь...

— Неужели и тотъ, который даетъ смертоубійственныя пощечины?

Мута звонко расхохоталась.

— Ну разумѣется. Биркхуберъ и кровожадный Фрицхенъ. Вотъ будетъ весело, когда вы познакомитесь съ ними! Вы, конечно, остановились въ кургаузѣ?

— Нѣтъ, въ Мисдроѣ. Но возможно, что я переѣду сюда.

И, когда они прощались на закатѣ солнца, Саша уже твердо рѣшилъ переѣхать.

— Я не въ состояніи дольше выносить здѣшней суеты,— объявилъ онъ въ тотъ же вечеръ своимъ.—Завтра я переселяюсь въ Нейендорфъ ловить камбалу.

— То есть...—въ четвергъ ты, конечно, вернешься?—замѣтила Вѣра съ краснорѣчивой усмѣшкой, — ты знаешь, мы ждемъ гостей.

— Это будетъ зависѣть отъ состоянія моего здоровья.

XII.

— Ну, какъ онъ вамъ нравится?—спрашивала Мута Ленцъ, входя въ свѣтлую комнату о трехъ окнахъ, парадную комнату дачи Фогельзангъ, служившую мастерской и гостиной молодой художницѣ и обоимъ ея коллегамъ.

Одинъ изъ нихъ, Алоизъ Биркхуберъ, стоялъ передъ мольбертомъ и писалъ; это былъ крупный, мускулистый человѣкъ, въ шерстяной фуфайкѣ, съ кудрявыми темнорусыми волосами и головой съ картины Дефрегера.

Другой, Фрицъ Шодель, хорошенькій мальчикъ, свѣтлый блондинъ, съ удивительно молодымъ лицомъ и легкимъ оттѣнкомъ шутовства въ обращеніи, сидѣлъ у окна и старательно чистилъ пятно на своемъ галстухѣ, издали бьющемъ въ глаза яркостью цвѣтовъ, желтымъ съ ярко - зеленымъ узоромъ.

— Мнѣ онъ нравится,—отвѣтилъ Фрицъ Шодель съ замѣтнымъ тюрингенскимъ акцентомъ,—чрезвычайно нравится. У меня вѣдь есть нѣкоторая склонность къ аристократизму, не правда ли? А у этого синьора такой видъ, какъ будто его надо величать по меньшей мѣрѣ „сіятельствомъ“.

— Фрицъ изъ уваженія къ нему даже пытается вывести пятно на своемъ галстухѣ,—проворчалъ себѣ подъ носъ Биркхуберъ,—или ты, пожалуй, опять влюбленъ, повѣса?

По мнѣнію Биркхубера усиленные порывы къ чистотѣ всегда являлись подозрительнымъ признакомъ нарушенія сердечнаго равновѣсія.

— Ну-съ, а вы что скажете о моемъ штеттинскомъ другѣ?— Мута стала передъ мольбертомъ, выжидательно смотря на Биркхубера.

Часъ тому назадъ Саша впервые явился въ это гнѣздышко желаннымъ гостемъ.

Биркхуберъ пожалъ плечами.—Я?—Ничего. Скажите-ка, фрейлейнъ Мута, зачѣмъ онъ собственно пожаловалъ сюда.

Жаркая краска залила ея щеки. — Зачѣмъ? Боже мой! чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Я ужъ вижу, Лоизль, вамъ онъ не совсѣмъ-то по вкусу. Онъ для васъ слишкомъ изященъ.

Кудрявый баварецъ не счелъ нужнымъ отвѣтить и снова углубился въ работу.

— Ну что? каково? — воскликнулъ онъ немного погодя, отойдя отъ мольберта, вызывающимъ тономъ.

Онъ усвоилъ себѣ технику, которую Мута не очень-то одобряла—накладываніе штрихами несмѣшанныхъ красочныхъ тоновъ, при чемъ трудъ смѣшенія и сліянія ихъ въ одно предоставлялся глазу зрителя.—Видите вы передъ собою песокъ на дюнахъ, залитый лучами полуденнаго солнца! видите или нѣтъ?

— Освѣщеніе хорошо передано, — согласилась Мута.—Но теперь прочь палитру. Идемъ кормиться въ кургаузъ.

— Мой туалетъ недологъ,—отозвался Биркхуберъ и спокойно продолжалъ рисовать, между тѣмъ, какъ Мута ушла въ свою коморку, а Шодель прихорашивался передъ зеркаломъ.

Мута долго не возвращалась.

— Однако, сегодня ей понадобилось много времени, чтобы вымыть руки,—проворчалъ Биркхуберъ.

Шодель хихикнулъ.—Ревнуешь, старина? Однако, ты рано началъ!

— Поди ты! не говори пошлостей.

Явилась Мута, очень тщательно одѣтая, почти нарядная, въ воздушной желтой батистовой блузкѣ—и всѣ трое мирно пошли „на кормежку“ въ кургаузъ, до котораго было всего нѣсколько шаговъ.

Саша Ширмеръ стоялъ у дверей столовой.

— Я пропускаю мимо себя стадо, какъ блаженной памяти Полифемъ, — объявилъ онъ, сердечно пожимая руки молодымъ художникамъ, — здѣсь есть чудеснѣйшіе типы туристовъ филистеровъ.

Онъ сѣлъ рядомъ съ Мутой и принялся жестоко критиковать общество, собравшееся за столомъ. Обыкновенно онъ не обращалъ никакого вниманія на своихъ сосѣдей по табль д'оту, но при Мутѣ все доставляло ему удовольствіе.

Скоро онъ замѣтилъ, что конецъ стола, занимаемый художниками, являлся какъ бы духовнымъ центромъ. Въ особенности выдѣлялся Фрицъ Шодель, сыпавшій дешевымъ остроуміемъ направо и налѣво.

Мута тѣмъ временемъ помогала новоприбывшему оріентироваться среди окружающихъ. Вонъ сидитъ вѣчно недовольный учитель, который постоянно бранитъ ѣду, его маленькая болѣзненная жена, вѣчно воюющая со своими четырьмя непослушными, прожорливыми дѣтьми, и супруга сборщика податей съ двумя золотушными дочками, получившими прозвище „образованныхъ дѣвицъ", потому что мамаша ихъ всѣмъ и каждому трубитъ въ уши: „мои Альмочка и Минхенъ не красавицы, но ужъ за то могу сказать: чрезвычайно образованныя дѣвицы! Минхенъ читаетъ только по-итальянски, Альмочка же выучилась въ консерваторіи всему — ну буквально всему — и на фортепьянахъ, и на скрипкѣ, и на віолончели—даже самой премудрости, контрапункту—и то училась"...

Къ счастью, на дачѣ Фогельзангъ не было рояля, и Альмочка могла доводить до отчаянія своихъ сосѣдей только игрою на струнныхъ инструментахъ.

Рядомъ съ Минхенъ сидѣлъ нѣкій господинъ Шютте, мрачный субъектъ съ лицомъ человѣка, страдающаго катарромъ желудка, ни съ кѣмъ не разговаривавшій, читавшій за обѣдомъ газеты и получавшій иногда письма изъ Россіи, вслѣдствіе чего „образованныя дѣвицы" находили его очень интереснымъ. Онѣ только сомнѣвались, нигилистъ ли онъ, или же томится несчастной любовью. Минхенъ склонялась больше въ пользу послѣдняго и дѣлала попытки утѣшить его привѣтлцвыми взглядами и благосклоннымъ пододвиганіемъ солонокъ.

Была здѣсь еще старая актриса—маленькое, жалкое, изсохшее существо, охотно вспоминавшее то время, „когда Вольтеръ и я вмѣстѣ играли въ Бургъ-театрѣ". Теперь она, къ сожалѣнію, играетъ только комическихъ старухъ въ маленькомъ силезскомъ городкѣ.—Она умѣла разсказывать очень забавныя закулисныя исторіи и всѣ ее любили

За главнымъ столомъ посерединѣ преобладали представители высшихъ слоевъ средняго сословія: здѣсь сидѣла пожилая офицерская чета, привѣтливо снисходительная, толстый санитарный врачъ, семейство адвоката изъ Штутгарта, съ хорошенькой дочкой подросткомъ, щеголявшей роскошной русой косой и безпрестанно хихикавшей. А напротивъ ихъ долговязый гимназистъ, влюбленный въ подростка и любившій разыгрывать изъ себя остроумнаго молодого человѣка, въ чемъ ему мѣшало только то обстоятельство, что онъ на-

ходился какъ разъ въ періодѣ перелома голоса, и каждый разъ, какъ ему хотѣлось сказать что-нибудь особенно остроумное, голосъ у него срывался.

Больше всего было за столомъ дѣтворы и пожилыхъ дамъ: малокровныхъ учительницъ, нервныхъ одинокихъ женщинъ, вдовъ, получающихъ скромную пенсію.

— Но самое лучшее еще впереди,—увѣряла Мута.—Вотъ увидите: настоящая красавица!—жена капитана Родекъ. Сегодня воскресенье, значитъ, Родеки будутъ обѣдать въ отелѣ. Они собственно живутъ со своими тремя сорванцами мальчишками въ рыбачьей хижинѣ, своимъ хозяйствомъ, но по праздникамъ... Ну вотъ, смотрите!—когда говорятъ о солнцѣ...

Въ дверяхъ показалась полная бѣлокурая молодая женщина съ сонными глазами, подъ руку съ своимъ молодцоватымъ супругомъ, типомъ армейскаго офицера, который, навѣрное, никогда не дождется генеральскихъ лампасовъ.

— Ну что? Видали вы когда-нибудь такой румянецъ и такіе чудные золотые волосы?—спрашивала Мута, любуясь подходившей красавицей.—Фрея, богиня юности, въ подметки ей не годится!

Саша нашелъ хваленую красоту довольно ординарной. Ослѣпительный цвѣтъ лица—это правда! Но сама Мута съ горящими отъ восхищенія глазами нравилась ему гораздо больше, чѣмъ эта офицерская жена съ ея глупой, флегматической улыбкой. А впрочемъ, ничего, не вредная бабенка. Въ продолженіе всего обѣда она говорила о рыбахъ. Родеки питались теперь исключительно морской рыбой, которую капитанъ собственноручно ловилъ каждое утро и каждое утро счастливая парочка снова и снова восхищалась дешевизной этого превосходнаго питательнаго режима. Балтійское море привлекало ихъ главнымъ образомъ обиліемъ камбалы!

Послѣ обѣда Мута предложила друзьямъ „коллективно вздремнуть“.

Саша находилъ удовольствіе лежать въ сырой травѣ, на жесткихъ корняхъ, предоставляя свое лицо и руки въ распоряженіе комаровъ, клещей и всякихъ мурашекъ, по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ, но ему не хотѣлось перечить Мутѣ.

И они улеглись: оба художника на самомъ дѣлѣ уснули; Мута и Саша только дѣлали видъ, что спятъ. Саша смотрѣлъ сбоку на крупную, вытянутую на травѣ женскую фигуру.—Дивное тѣло! Ради этого можно простить ей широкія скулы и толстый носъ!.. Мута чувствовала, какъ его взглядъ скользитъ по ея фигурѣ, и ей было стыдно... Если бы еще она была красивая, элегантная дама... а то она такая грубая, мужиковатая, въ грубыхъ кожаныхъ башмакахъ—и башмаки то, какъ нарочно, съ заплатами! Можно себѣ представить,

какъ будетъ возмущаться ими этотъ изящный дэнди!.. И она застѣнчиво подобрала ноги подъ юбку и плотнѣе закрыла глаза... Ею вдругъ овладѣло жгучее желаніе быть красивой, обольстительной, нравиться ему—увидать, какъ вспыхнетъ страстью это блѣдное, усталое лицо—вотъ должно быть восторгъ-то!

Когда Алоизъ и Фрицъ возстали отъ сна, облегчившаго имъ пищевареніе, всѣ четверо пошли бродить по деревнѣ, въ поискахъ за „типами". Мута и Биркхуберъ со многими изъ рыбаковъ были уже на дружеской ногѣ, но Фрицъ Шодель никакъ не могъ подыскать надлежащаго тона. Напрасно онъ усердствовалъ, стараясь говорить на померанскомъ нарѣчіи—рыбаки только смѣялись ему въ лицо, бросая на него сострадательно-насмѣшливые взгляды, а одинъ старичекъ даже спросилъ Муту, не по-англійски ли говоритъ молодой баринъ.

Ассесоръ, привыкшій только къ путешествіямъ en grand и моднымъ курортамъ, окунулся въ совершенно новую для него жизнь.

Но эта жизнь ему нравилась.

Эта непринужденность, близость къ природѣ, по утрамъ совмѣстное шатанье по берегу, встрѣчи послѣ купанья на условленномъ мѣстѣ въ лѣсу, чтобы съѣсть захваченный съ собою завтракъ, долгія прогулки пѣшкомъ по окрестностямъ, тихіе часы раздумья и грезъ въ лѣсной тѣни, или на пескѣ дюнъ—все это было ему по душѣ. А по вечерамъ устраивались невинныя маленькія празднества, для которыхъ въ Нейендорфѣ всегда находилась причина. Въ первый же вечеръ ребятишки, подъ руководствомъ Муты, развели на берегу „жертвенный костеръ"—они нѣсколько дней передъ тѣмъ собирали хворостъ и сучья!—и всѣ дачники собрались полюбоваться этой картиной. Гимназистъ съ обрывающимся голосомъ пускалъ шутихи и ракеты; двое пожилыхъ дачниковъ, какъ оказалось, захватили съ собой все нужное для весьма скромнаго крюшона: много сельтерской воды, много кислой лѣсной земляники и немного вина. Но все затмила собой освѣщенная бенгальскимъ огнемъ живая картина—Зигмундъ и Зиглинда, изображаемые Биркхуберомъ и красавицей капитаншей. Картина, разумѣется, была поставлена Мутой, и всѣ остались очень довольны ею, кромѣ златокудрой Зиглинды—Мута заставила ее надѣть такой легкій костюмъ, и ея бѣлоснѣжныя руки такъ долго подвергались вліянію ночного холода, что послѣдствіемъ этого былъ жестокій насморкъ.

— Никогда больше не буду участвовать въ живыхъ картинахъ на открытомъ воздухѣ!—жаловалась на другой день

бѣдняжка, чихая, сморкаясь и поминутно вытирая слезы,— такъ можно простудиться на смерть!

— Ради красоты стоитъ и пострадать,—утѣшала Мута.

Но ея жертва не умѣла смотрѣть на вещи такъ возвышенно.

— Чхи! чхи! Вамъ хорошо говорить!

XIII.

Безотрадные дождливые дни.

Съ утра до ночи все та же сѣрая мокрая завѣса дождя.

Ни одинъ лучъ свѣта не проникаетъ сквозь тяжелыя свинцовыя тучи, и маленькій нейендорфскій кургаузъ со своей скромной свитой меблированныхъ дачъ лежитъ такъ тихо и одиноко среди зеленыхъ лѣсовъ и луговъ, словно дворецъ спящей красавицы. Ни одна душа не смѣетъ показать носа на берегъ. И всѣ въ дурномъ расположеніи духа.

На дачѣ Фогельзангъ царило непріятное оживленіе.

Жена податного инспектора ссорилась въ своей мансардѣ съ младшей дочерью, и обѣ такъ кричали, что ихъ было слышно внизу. Другая образованная дѣвица не переставая играла этюды, и скрипка издавала такіе фальшивые звуки, словно она простудилась въ дурную погоду. Внизу неистовствовали дѣти учителя; у самаго маленькаго болѣлъ животъ, и онъ кричалъ, какъ зарѣзанный, до того, что Фрицъ Шодель съ силой распахнулъ дверь своей комнаты и крикнулъ хозяйкѣ, прибиравшей въ сѣняхъ: „Фрау Фогельзангъ, да подите же вы внизъ и убейте этого ребенка!“ Само собой чадолюбивая мамаша слышала эту просьбу, страшно обидѣлась и послала мужа наверхъ—задать хорошенько молодому чоловѣку за его „безпримѣрную грубость“.

Мута Ленцъ и Биркхуберъ не сошлись мнѣніями въ какомъ-то совершенно безобидномъ техническомъ вопросѣ и по этому поводу весь день говорили другъ другу колкости. А Саша Ширмеръ лежалъ въ кургаузѣ на жесткомъ диванѣ, выкуривая гораздо больше сигаретокъ, чѣмъ то было ему полезно, и размышлялъ о томъ, не уѣхать ли ему завтра же утромъ въ какой-нибудь большой городъ съ асфальтовыми мостовыми и ярко освѣщенными кафэ—напримѣръ, въ Вѣну...

Такъ наступилъ вечеръ.

За обѣдомъ царило то же настроеніе и температура была ниже нуля. Но подъ конецъ ужина Мута поднялась съ мѣста, позвенѣла ложечкой о стаканъ и сказала маленькую юмористическую рѣчь, призывая общество къ совмѣстной борьбѣ противъ общаго врага—сплина.

Это подѣйстововало.

По окончаніи ужина поспѣшили очистить залъ, Алоизъ Биркхуберъ усѣлся за фортепьяно и забарабанилъ шумную польку, гимназистъ натянулъ пару пропотѣвшихъ перчатокъ и пригласилъ хорошенькаго подростка, Фрицъ Шодель—образованную Минхенъ, а учитель—свою маленькую жену, при чемъ оба очень старались попасть въ тактъ и никакъ это имъ не удавалось. Вскорѣ импровизированный балъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Саша Ширмеръ стоялъ въ уголкѣ и съ снисходительной улыбкой смотрѣлъ на танцы, потѣшаясь надъ косолапымъ учителемъ и прыжками гимназиста; онъ находилъ, что въ комнатѣ отвратительно пахнетъ потомъ и сыростью.

Нельзя же отъ него требовать, чтобъ и онъ пустился въ плясъ вслѣдъ за другими.

Праавда—Мута...

Боже мой, надо же ее пригласить хоть на одинъ туръ. Она, навѣрное, отвративельно танцуетъ, эта плотная, тяжеловѣсная Мута!..

Хоть бы она отказала.

Но нѣтъ! Она даже вскрикнула: „Наконецъ-то!“—когда онъ подошелъ къ ней, и поднялась, вся сіяющая.

Какъ разъ передъ тѣмъ Биркхуберъ заигралъ вальсъ.

И они понеслись по ненатертому, неровному полу. Однако, отлично выходитъ, прямо таки отлично! Саша никогда бы не повѣрилъ, чтобы этотъ вальсъ могъ доставить ему такое наслажденіе. Да она великолѣпно танцуетъ—эта рослая Мута — совсѣмъ, совсѣмъ иначе, чѣмъ чинныя штеттинскія дѣвицы, выдрессированныя танцмейстеромъ, и не такъ, какъ дамы свѣта и полусвѣта въ Берлинѣ и Парижѣ—не то, какъ менада, не то, какъ веселая крестьянская дѣвка. Какой подъемъ, увѣренность въ движеніяхъ, неутомимость! Она прямо увлекаетъ за собою кавалера... Какая жажда наслажденія и жизнерадостность въ этомъ сильномъ женскомъ тѣлѣ—жаркая, жгучая жажда жизни, которой тѣсно въ душѣ, которая проситъ шума, движенія до изнеможенія, до полной потери силъ...

Она была неутомима.

Шесть—семь туровъ уже сдѣлали они вокругъ комнаты, а Мутѣ все было мало.

Наконецъ, Саша почувствовалъ, что больше онъ не можетъ, и круто остановился. Дѣвушка смотрѣла ему въ глаза, блаженно улыбаясь и дыша глубоко, полной грудью.

— Какъ хорошо!—Ахъ!..

— Жарко очень!—сказалъ онъ и повелъ свою даму къ открытой двери веранды.

При этомъ онъ слегка прижалъ къ себѣ ея руку. Она не противилаеь и даже сама чуть замѣтнымъ движеніемъ прильнула къ его плечу.

— Потомъ мы еще разокъ протанцуемъ вмѣстѣ,—сказала она.—Это было такъ... такъ...

Въ эту минуту къ ней подошелъ Алоизъ Биркхуберъ. Одна изъ добродушныхъ учительницъ замѣнила его у рояля, и ему тоже хотѣлось повальсировать съ Мутой.

— Вѣдь надо же вамъ сперва хоть немного отдохнуть,— замѣтилъ Саша.

Но она покачала головой.—Отдохнуть? отъ чего?—и положила руку на плечо художника.

— Чудная пара!—сказала старая актриса, стоявшая возлѣ Саши.—Они такъ подходятъ другъ къ другу, словно отлиты изъ одного куска.

Саша кивнулъ головой и нахмурился. Да, они дѣйствительно подходятъ другъ къ другу, эти двое цвѣтущихъ здоровьемъ и силой... Собственно говоря, такая манера танцовать не совсѣмъ то прилична; въ ней есть что-то чувственное... Если они сейчасъ прижмутся другъ къ другу горячей щекой, какъ дѣлаютъ крестьянскіе парни съ своими „душеньками“, я нисколько не удивлюсь,—думалъ Саша.—И, конечно, у обоихъ щеки потныя... Эта мысль была такъ ему непріятна, что онъ поспѣшилъ отойти, когда парочка остановилась возлѣ него.

Но Мута пошла за нимъ,

Пытливо смотрѣла она въ это блѣдное, надменное лицо.

— Знаете, чего бы мнѣ хотѣлось? Мнѣ хотѣлось бы хоть разъ увидать васъ искренно довольнымъ... Неужели вамъ не нравится такъ, какъ сегодня? Нѣтъ?.. Вы только взгляните на эту бѣленькую дѣвчурку,—она указала на подростка, блаженно прыгавшаго съ гимназистомъ,—какъ она сіяетъ!

Саша улыбнулся усталой улыбкой.—Да вѣдь и мнѣ очень весело... И я радуюсь, глядя на васъ. Мута, какъ вы молоды... баснословно молоды.

Она кивнула головой.—Молода и весела!—и почти черезчуръ непренужденно потянулась, заломивъ свои сильныя, круглыя руки. Она была почти красива въ своемъ невинно чувственномъ возбужденіи, а между тѣмъ Сашѣ было какъ то тягостно смотрѣть на нее: онъ испытывалъ что-то вродѣ страха передъ этой стихійной женской силой—страхъ больного передъ слишкомъ громкими звуками ликованія и потоками яркаго солнечнаго свѣта.

— Цибела,—тихо выговорилъ онъ про себя.

— Да, Цибела—богиня изобилія и плодородія.

При этой мысли ему стало какъ-то жутко.

— Вамъ надоѣло смотрѣть на танцы, правда?—спрашивала Мута друга.

— О нѣтъ! Но здѣсь такъ душно...

— Да, это правда.—Мута кивнула головой, нѣсколько огорченная, и предложила играть въ фанты.

Молодежь запротестовала было, но большинство голосовъ высказались за фанты.

— Это превесело,—увѣрялъ Фрицъ Шодель,—только нужно играть въ классическомъ духѣ, какъ во времона Гёте.

— Ахъ, въ классическомъ духѣ!—Матроны одобрительно кивали головами.—Да, господинъ Шодель, устройте что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Это какъ разъ во вкусѣ Минхенъ и Альмочки,—замѣтила супруга податного инспектора.

— Во времена Гёте всѣ фанты выкупались поцѣлуями.

— О!—Нѣтъ, господинъ Шодель, вы ужасный шалунъ!

Всѣ усѣлись въ кружокъ. И, дѣйствительно, было очень весело—хоть и не въ классическомъ духѣ.

Въ особенности отличалось художественное тріо.

— Нѣтъ, это выше моего пониманія! — думалъ Саша.— Удивительное простодушіе! Тратить столько ума и темперамента на такой вздоръ!..

Въ концѣ концовъ эти трое почти что одни поддерживали разговоръ.

Фанты завершились музыкально-драматическимъ отдѣленіемъ.

Биркхуберъ, неуклюжій, молчаливый Биркхуберъ обнаружилъ прямо-таки неистощимый талантъ въ комическихъ танцахъ. Фрицъ Шодель изображалъ характерные типы— еврея приказчика, деревенскую невинность, гвардейскаго поручика; потомъ они вдвоемъ съ Мутой разыграли наполовину разученный, наполовину импровизированный фарсъ, въ которомъ онъ изображалъ берлинскаго нахала, а она веселую жительницу Мюнхена, заставивъ слушателей хохотать до упаду.

И Саша смѣялся. У него кружилась голова отъ этого бьющаго фонтаномъ веселья и фантазіи—но вѣдь эта добровольная выставка талантовъ отодвигала его на второй планъ.

— Ну развѣ это не веселѣе вашихъ чинныхъ свѣтскихъ званыхъ вечеровъ? — спросила Мута, фамильярно потрепавъ его по рукѣ.

Онъ утвердительно кивнулъ головой—но думалъ другое.

Нѣтъ—въ уложившихся, застывшихъ формахъ безопаснѣе жить.

Это предающееся „невинному веселью“ общество художниковъ, въ сущности, предъявляло массу притязаній.

Здѣсь каждый обязанъ дать что-нибудь свое, имъ самимъ созданное, — черпая въ самомъ себѣ, напрягать свой умъ, нервы, силу воли.—Кто ничего не даетъ, тотъ—нуль, тотъ и себѣ и другимъ кажется ничтожествомъ...

Богъ мой, не всегда же есть желаніе что-нибудь давать, быть *чѣмъ нибудь*!

Надменная улыбка во многихъ случаяхъ жизни большое подспорье, но иногда и ея оказывается недостаточно.

На всѣхъ этихъ дурачковъ Саша смотрѣлъ очень и очень свысока, но, когда, наконецъ, уже далеко за полночь, въ домѣ водворилась тишина, — онъ не могъ отдѣлаться отъ чувства пустоты, робости, слабости.

Во снѣ къ нему пришла Мута, привлекла его къ себѣ на грудь и сжала въ горячихъ объятьяхъ. Но это была не милая ласковая женщина, а великанша, съ огромными, тяжелыми членами, дымившимися, какъ сырая земля, пригрѣтая солнцемъ, и руки ея обвились съ такой страшной силой вокругъ его дрожавшаго отъ страха тѣла, что онъ задыхался — задыхался отъ избытка любви и горячей, пылкой жизненной силы...

Это былъ мучительный сонъ.

XIV.

Вѣра Ширмеръ, въ утреннемъ туалетѣ изъ бѣлой фланели, вышитой голубымъ, который ей былъ очень къ лицу, сидѣла на балконѣ своей дачи въ Мисдроѣ. Дача была одна изъ красивѣйшихъ въ цѣломъ курортѣ, во вкусѣ старинныхъ замковъ, изъ краснаго кирпича, напоминавшая шотландскія помѣстья, Вальтеръ Скотта, Вэверлея: въ сущности, подобная дача была не очень-то у мѣста въ курортѣ, но тѣмъ не менѣе производила импонирующее впечатлѣніе. Вѣра сидѣла подъ парусиновымъ сѣрымъ съ краснымъ навѣсомъ, защищавшимъ балконъ отъ солнца, среди цѣлаго лѣса роскошныхъ комнатныхъ растеній, пила утренній чай и читала мѣстную газетку.

Вдругъ она вскочила съ мѣста и даже тихонько вскрикнула отъ радости.

— Вотъ это я называю счастьемъ! —Но только они ли это? Ну разумѣется, сомнѣнья нѣтъ: Штрандъ-Отель, графиня Шлиппенбергъ, Удо графъ Шлиппенбергъ изъ Лаугарда.

Такъ, значитъ, здѣсь, въ Мисдроѣ...

Со времени бала у президента Вѣра встрѣчала бѣднаго влюбленнаго человѣка-лягушку всего раза два, мелькомъ, и всегда въ сопровожденіи строгой мамаши. Тѣмъ не менѣе

она не теряла надежды — на слѣдующую зиму Грутенау собирались дать большой балъ, а передъ тѣмъ устроить любительскій спектакль, и Марилиза объявила, что кузенъ Удо, живой или мертвый, обязательно будетъ принимать въ немъ участіе, на зло своей благочестивой мамашѣ... Вѣра возложила свои надежды на будущую зиму, а пока завела здѣсь, въ Мисдроѣ, совершенно безцѣльный, но очень занятный флиртъ съ молодымъ полякомъ, нѣкимъ паномъ Рочевскимъ, обладателемъ необыкновенно жгучихъ глазъ... Теперь, разумѣется, надо эту маленькую любовь въ антрактѣ поскорѣе положить подъ сукно или, по крайней мѣрѣ, спрятать за кулисы—что будетъ не такъ-то легко, ибо полякъ смѣлъ и съ большими претензіями. Но ради Удо Шлиппенберга стоитъ потрудиться.

Теперь надо быть умницей—и дѣйствовать... Какъ жестока жизнь! Какъ трудно иногда бываетъ бѣдной молодой дѣвушкѣ, даже когда она дочь милліонера, осуществить свою завѣтную мечту!

Съ того момента, какъ Вѣра прочла въ спискѣ пріѣзжихъ дорогое имя, ея мысли — а нерѣдко и ея маленькія ножки—постоянно стремились къ Штрандъ-Отелю. Но лишь на третій день ея старанія увѣнчались успѣхомъ—и то очень жалкимъ: мать и сынъ прошли мимо нея. Поклонъ графини былъ на 10° ниже нуля, а Удо пугливо покосился на нее снизу вверхъ, какъ собака, пойманная съ краденой колбасой.

На слѣдующее утро — такая же холодная встрѣча. Вѣра имѣла бы полное основаніе отказаться отъ своей прекрасной мечты о коронѣ съ девятью зубцами. Но она была не изъ тѣхъ, кто легко сдается.

Въ тотъ же вечеръ разжирѣвшій, дряхлый теноръ съ бывшимъ голосомъ и множествомъ орденовъ давалъ концертъ въ кургаузѣ. Въ числѣ слушательницъ была и графиня Шлиппенбергъ, на этотъ разъ безъ сына, и Вѣра Ширмеръ, съ однимъ знакомымъ семействомъ. Случайно имъ пришлось сидѣть очень близко другъ отъ друга... Но напрасно старалась Вѣра улучить минуту для того, чтобы поздороваться. Каждый разъ какъ Вѣра взглядывала на нее, старая дама чего-то искала глазами на карнизахъ.

Но вотъ дѣвушка замѣтила бѣлую шаль *crêpe de Chine*, соскользнувшую съ плеча графини, сидѣвшей какъ разъ впереди Вѣры, на спинку стула.

Пока теноръ беззвучнымъ голосомъ пѣлъ одну за другой Шумановскія *Lieder*, она тихонько, осторожно тянула, да тянула за свѣсившуюся бахрому—и при началѣ послѣдней пѣсни шаль лежала подъ стуломъ.

Когда концертъ кончился, графиня оглянулась, но, не

увидавъ ничего, должно быть, рѣшила, что оставила шаль дома, и удалилась.

Не прошла она и ста шаговъ, какъ услыхала за собой быстрые шаги и звонкій, прерывающійся отъ быстраго бѣга голосокъ:

— Ахъ, графиня, я что-то нашла подъ вашимъ стуломъ— я такъ бѣжала—я васъ искала у другого входа—не закутать-ли васъ шалью поверхъ ватерпруфа?—сегодня вечеръ такой прохладный...

— Благодарю, благодарю, милая фрейлейнъ...

Графиня была всетаки нѣсколько тронута такой милой заботливостью.

— Ахъ, Боже мой! Гдѣ же мои спутники? — спросила вдругъ Вѣра, какъ испуганная голубка, робко озираясь вокругъ.

— Вы ихъ потеряли? Такъ пойдемте со мной. До Штрандъ-Отеля рукой подать. А тамъ моя горничная проводитъ васъ домой.

— Ахъ, вы слишкомъ добры!

И онѣ пошли рядомъ, разговаривая о томъ, что теноръ потерялъ голосъ, и о музыкѣ вообще.

Графиня объявила, что любитъ ораторіи.

— Ахъ, ораторіи! Это такая небесная музыка! Можетъ-ли быть что-нибудь лучше?

Потомъ онѣ стали хвалить воздухъ и жаловаться на комаровъ; Вѣра похвасталась, что у нея есть отличное средство противъ укусовъ комаровъ, и предложила прислать графинѣ баночку для пробы. Сообщила она также о томъ, что къ нимъ обѣщала пріѣхать погостить Марилиза, и такъ тепло, съ такимъ уваженіемъ говорила обо всемъ семействѣ Грутенау и о неописанномъ счастьѣ, которое ей доставляетъ эта дружба, была такъ мила, скромна, такъ смиренно-предупредительно обращала вниманіе графини на всякую неровность дороги—что графиня становилась все благосклоннѣе.

Жаль, что эта симпатичная молоденькая дѣвушка всего только фрейлейнъ Ширмеръ!

Младшая Краницъ въ сравненіи съ нею такая треска!

Но это ничего не значитъ. Доретта Краницъ всетаки самая подходящая невѣста для Удо. Графиня собственно потому только и пріѣхала въ Мисдрой, что Краницы въ этомъ году рѣшили омывать свои тощія тѣла у здѣшнихъ береговъ. Здѣсь—по безмолвному уговору матерей—дѣти должны были сблизиться между собою...

Нѣтъ, лучше не просить фрейлейнъ Ширмеръ самой занести средство отъ комаровъ...

И, по прибытіи въ Штрандъ-отель, она сейчасъ же по-

слала швейцара за горничной, чтобы Удо какъ-нибудь не пронюхалъ...

Но все же первый шагъ былъ сдѣланъ, осада крѣпости началась, и съ этой минуты хитрый маленькій непріятель непрерывно бомбардировалъ одѣтыя броней высокомѣрія стѣны залпами смиренныхъ и робкихъ услугъ.

Всюду, въ самые различные часы, случай—или нѣчто другое—сводилъ графиню съ милой, симпатичной молодой дѣвушкой. И Вѣра всегда умѣла такъ или иначе угодить старухѣ. Она отыскивала ея корзиночку для янтарей, доставала ей только что вышедшій курсовой листокъ, приносила ей розы изъ сада виллы-Вэверлей, читала ей вслухъ доклады миссіонеровъ на скамеечкахъ въ зеленой тѣни.

Отъ Удо милая дѣвочка держалась вдали. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сопровождалъ свою мать, Вѣра, краснѣя, старалась избѣжать встрѣчи.

Только иногда, въ часы послѣобѣденнаго отдыха старой графини, или рано утромъ, когда она поступала въ распоряженіе массажистки, глухая тропинка въ лѣсу бывала свидѣтельницей долгихъ дружескихъ бесѣдъ...

Въ эти блаженные часы Удо часто вздыхалъ, еще чаще откашливался, больше прежняго таращилъ глаза, такъ что они чуть не выкатывались изъ орбитъ—но до рѣшительнаго, яснаго объясненія въ любви дѣло не доходило.

А она такъ облегчала ему задачу.

Онъ часто приступалъ, но съ первыхъ же словъ сбивался. Когда она смотрѣла на него такъ сладко и нѣжно, онъ каждый разъ терялъ голову—и вмѣсто того, чтобы говорить о любви, заводилъ рѣчь о своей коллекціи чашекъ.

При мысли о Рочевскомъ маленькую плутовку грызла глухая забота. Въ послѣднее время она тщательно избѣгала поляка. Но вѣдь придется же имъ гдѣ-нибудь встрѣтиться.

И они встрѣтились. То было утромъ. Вѣра шла на пристань встрѣчать свою подругу, Марилизу, которая должна была пріѣхать на пароходѣ изъ Лацига.

Графъ Удо тоже ощущалъ потребность поскорѣе увидѣть кузину. Онъ присоединился къ Вѣрѣ и оба мирно шествовали рядомъ.

Вдругъ, на поворотѣ дороги, откуда ни возьмись — Рочевскій!

Вѣра притворилась, что не замѣчаетъ его. Но это не помогло. Отвергнутый поклонникъ, пылая ревностью, послѣдовалъ за обидѣвшей его парочкой. И, по пріѣздѣ Марилизы, въ то время какъ она, съ помощью Удо, разыскивала свой багажъ, полякъ подошелъ къ Вѣрѣ, стоявшей поодаль, и

наскоро устроилъ ей маленькую, но бурную сцену. Она испугалась и, чтобы отдѣлаться отъ него, обѣщала на другой день рано утромъ придти въ садъ, въ уголокъ, хорошо извѣстный обоимъ, и „все объяснить“.

Къ счастью, на другое утро бушевала такая гроза, что уговоръ разстроился самъ собой.

Вѣра почти жалѣла объ этомъ. Полякъ былъ для нея „новымъ жанромъ“, его пламенные взгляды, пылкія рѣчи, порывы любви и отчаянія волновали ея воображеніе...—но нѣтъ, лучше избѣгать его!

Двойная игра можетъ сдѣлаться опасной.

Если она сама какой-нибудь глупостью испортитъ дѣло, теперь, когда обстоятельства сложились такъ благопріятно...—ужасная мысль!

На это еще будетъ время, когда—когда она, въ качествѣ владѣлицы замка, будетъ шуршать шлейфомъ по паркету дѣдовскихъ покоевъ Лаугарда... Можетъ быть, тогда можно будетъ дать Рочевскому мѣсто управляющаго...—Онъ все говоритъ объ имѣніяхъ, которыми онъ управлялъ...

А вѣдь это чудная мысль — воспитанный, приличный управляющій, обожающій красавицу графиню...

XV.

Саша стоялъ въ гостиной Муты—она же и мастерская—и смотрѣлъ въ окно. Онъ зашелъ за пріятельницей, чтобы идти вмѣстѣ купаться. Но аккуратность не принадлежала къ числу добродѣтелей Муты, и у него было достаточно времени, чтобы основательно изучить мирный деревенскій ландшафтъ: огородъ, примыкавшій къ кургаузу, строившіяся новыя деревянныя дачи, утиный прудъ и тропинку, переплетенную древесными корнями.

Его забавляло одно: на дорожкѣ, пугливо прижавшись къ забору, стоялъ мальчикъ, босой и безъ шапки, пряча за спиной кусокъ пирога и недовѣрчиво косясь на шпица, который такъ обидно нагло смотрѣлъ на него и такъ дерзко его обнюхивалъ. Время отъ времени мальчуганъ дѣлалъ движеніе—тогда собачка отскакивала назадъ. Каждый изъ нихъ нѣсколько побаивался другого, но въ тоже время находилъ его въ высокой степени интереснымъ.

Сашѣ вдругъ захотѣлось набросать эту забавную сценку. Онъ схватилъ кусокъ угля, взялъ картонъ, прислоненный къ стѣнѣ, и началъ рисовать густыми рѣзкими штрихами.

Боже, какъ давно онъ не рисовалъ! Ему доставляло почти физическое наслажденіе водить по бумагѣ углемъ.

Онъ такъ ушелъ въ работу, что даже не слыхалъ, какъ отворилась дверь спальни.

— Господинъ ассесоръ!—вскричала вошедшая Мута,—что это вамъ вздумалось испачкать мой чудесный картонъ? — Вѣдь вы же...

Она не договорила. Подойдя къ ассесору, она съ недоумѣніемъ въ лицѣ смотрѣла на „испачканный“ картонъ.

Потомъ, недовѣрчиво, какъ будто ей показывали фокусъ, перевела взглядъ на Сашу.

— Это—вы сдѣлали?

— Ну да.

— Вы можете... Но вѣдь это...

— Я вѣдь вамъ какъ-то говорилъ, что прежде баловался мазюканьемъ разныхъ разностей.

— Конечно,—но кому же могло придти въ голову. Биркхуберъ, Шодель, —позвала она, подойдя къ двери другой спальни,—идите скорѣй сюда!—Что вы на это скажете?— И она показала рисунокъ вошедшимъ художникамъ. Оба молчали.—Вѣдь это же чудесно! Вѣдь это живетъ! Взаимно-недовѣрчивые взгляды и эта рука, спрятанная за спиной— и пухленькая голая ножка—вѣдь это же все нарисовалъ онъ,—этотъ чопорный ассесоръ съ дипломатическими бровями!—Высоко держа картонъ, она отъ радости танцовала вокругъ комнаты.

— Послушайте!—воскликнула она, тряся за плечо ассесора,—да знаете ли вы, что вы такое? Вѣдь вы художникъ— настоящій, прирожденный, милостію божіей художникъ! — И этотъ оселъ изволитъ служить ассесоромъ въ губернской управѣ!..

— Ого! Зачѣмъ же браниться? — засмѣялся онъ въ отвѣтъ.—Ну-съ, разъ я уже отдалъ себя вамъ на судъ, я вамъ признаюсь, что это не первый шедевръ моего производства, попавшійся вамъ на глаза. У васъ уже имѣется „подлинный Саша Ширмеръ“.

— Что-о? У меня?... Да нѣтъ же...

— Мальчикъ на болотѣ—одно изъ безчисленныхъ прежнихъ моихъ прегрѣшеній.

— Послѣ этого меня ничто не удивитъ, — объявила она, снова разсматривая рисунокъ.

Высказались и ея товарищи—не такъ восторженно, какъ Мута, но все же добросовѣстно признавая заслуги художника. Въ самомъ дѣлѣ, у него талантъ, большой талантъ! И при каждомъ лестномъ словѣ Мута торжественно кивала головой.

Наконецъ, ей вспало на мысль взглянуть на часы.

— Батюшки! Купаться-то давно пора! Идемте, коллега Ширмеръ, бросимся въ волны!

Всю дорогу она была очень молчалива. Послѣ купанья всѣ четверо сошлись, какъ обыкновенно, за завтракомъ, на дерновой скамеечкѣ у опушки. Доѣвъ послѣдній бутербродъ, Биркхуберъ и Шодель пошли бродить по окрестностямъ, и Саша съ молодой художницей остались одни.

Мута любила смотрѣть отсюда на лѣвую половину берега, отведенную для купанья дамамъ. Но сегодня ее не могли разсмѣшить ни стыдливо-кокетливые прыжки „образованныхъ дѣвицъ“, ни отчаянная борьба тщедушной учительницы съ ея четырьмя боявшимися воды сорванцами, которые ревѣли, топали ногами и ни за что не хотѣли войти въ воду.

Задумчиво сидѣла она на мягкомъ зеленомъ мху, обхвативъ руками колѣни и сильно подавшись впередъ верхней частью туловища, словно любуясь встававшей передъ нею на лазури горизонта фата-морганой.

— О чемъ вы думаете, Мута? — спросилъ, наконецъ, ассесоръ.

— О васъ,—былъ отвѣтъ.

Она подсѣла къ нему ближе, взяла его за руки, радостно, торжественно посмотрѣла ему въ лицо и сказала:

— Сдѣлайтесь художникомъ, Саша!

Онъ усмѣхнулся.

— Вы такъ охотно готовы принять меня въ цехъ? Но что за мысль! Я, въ мои годы! Да и вообще послѣ столькихъ лѣтъ подготовительной службы, когда уже недалеко до совѣтника, развѣ можно бросить все и начать сначала?

— Почему же нѣтъ? Въ вашемъ положеніи, съ вашими средствами! Вѣдь васъ же не удовлетворяетъ ваша теперешняя жизнь. Какъ часто вы мнѣ говорили, что зеленый столъ вамъ до смерти надоѣлъ, что вы не находите въ себѣ и тѣни честолюбія, что вы ни капельки не дорожите своей карьерой, что монотонность и скука чиновничьей жизни сушитъ вашъ мозгъ и сердце, нагоняетъ на васъ духовную и нравственную спячку... Вы говорите, что вамъ все опротивѣло—работа, семья, окружающіе... Можетъ быть, вы несправедливы... Вы больны, устали, пресыщены. Но все равно, одно несомнѣнно вамъ нехорошо живется въ вашемъ кругу. Такъ уходите Сбросьте старую кожу — начните новую жизнь!.. Все, что нужно для этого, у васъ есть. Я твердо въ этомъ убѣждена. А у меня есть глазъ. Вы можете мнѣ повѣрить. Я сразу! вижу настоящій талантъ, какъ собака, выдресированная для охоты за трюфелями, сразу чутьемъ находитъ грибъ. Вы *можете*, вамъ стоитъ только захотѣть!

— Да, это было бы хорошо,—выговорилъ онъ задумчиво,— вдругъ бы мечта моей юности, завѣтная мечта, давно похороненная, сбылась, стала дѣйствительностью!.. Можетъ быть,

это еще возможно?.. Снова почувствовать себя молодымъ, съ новыми, свѣжими силами пуститься въ плаваніе по невѣдомымъ морямъ; быть можетъ, въ этомъ спасеніе, быть можетъ, сѣрое *ничто* еще способно вспыхнуть пестрой роскошью красокъ?..

Его щеки разгорѣлись, глаза блестѣли. Ея волненіе передалось и ему.

— О, вы даже и не подозрѣваете, сколько счастья даетъ искусство!—воскликнула она съ одушевленіемъ.—Искусство—счастье, уже само по себѣ счастье, даже когда не имѣешь успѣха. Посмотрите на меня, мнѣ вѣдь не легко живется. Нужда, горе, разочарованія... судьба жестоко трепала меня. Но несчастна я не была никогда. Пока солнце пронизываетъ лучемъ листокъ, и онъ становится прозрачнымъ, какъ зеленое стекло, пока море катитъ голубыя волны, вздымая на нихъ сѣдые гребни пѣны, пока въ человѣческомъ лицѣ благородная линія лба, большіе добрые глаза, красиво очерченный ротъ напоминаютъ образъ божества — у меня не пропадетъ охота жить. Смотрѣть и радоваться на то, что видишь—больше вѣдь ничего и не надо.

— Но вѣдь такое счастье доступно и тому, кто не творитъ, каждому тунеядцу, — замѣтилъ Саша.

Она покачала головой.

— Не думаю, чтобы тунеядецъ могъ такъ интенсивно, съ такой радостью наблюдать окружающее, какъ художникъ. Такая способность наслажденія не дается сама собой. Ее надо воспитать. И кто самъ не творитъ, тотъ не можетъ съ такимъ жаромъ углубляться въ тайны творенія.

Она задумчиво смотрѣла вдаль, но глаза у нея были веселые.

А ему казалось, будто тихій ясный свѣтъ льется въ его душу, будто тихій ангелъ снизошелъ къ нему, неся благую вѣсть и спасительную вѣру.

Вотъ гдѣ мудрость, вотъ въ чемъ спасеніе отъ безплодныхъ умствованій, отъ разлагающаго презрѣнія ко всему міру: эта чистая радость бытія, это любовное самоуглубленіе въ каждую подробность видимаго міра, безъ вопросовъ: „зачѣмъ?“ „почему?“ это мирное довольство скромнымъ: такъ оно есть! Дать свободный доступъ въ свою душу этой теплой, глубокой радости, дать ей претвориться въ художественное настроеніе. А затѣмъ творить! Создать новый міръ явленій, оплодотворенный природой, но рожденный тобой самимъ, изъ твоихъ личныхъ ощущеній—вотъ сущность искусства. И это—да, это счастье!..

Они поднялись, наконецъ, и вышли на свою обычную утреннюю прогулку—сначала по песчанымъ тропинкамъ че-

резъ хвойную заросль, струившую смолистый ароматъ, потомъ углубились въ самую чащу великолѣпнаго буковаго лѣса.

Сашѣ казалось, что онъ никогда еще не чувствовалъ такъ живо волшебныхъ чаръ лѣсной тишины.

Съ какимъ достоинствомъ несутъ эти высокіе, гладкіе стволы свои свѣтло-зеленыя короны.

Какъ привѣтно дрожатъ золотые солнечные лучи на изумрудномъ мхѣ.

Но мѣстами листва такъ густа, что не пропускаетъ и солнечныхъ лучей, и тамъ стоитъ таинственный сумракъ, глубокая-глубокая тишь, наполняющая сердце человѣческое блаженнымъ и смутнымъ трепетомъ—суетливый будничный міръ такъ далекъ, ни одинъ звукъ изъ этого міра не нарушаетъ праздничнаго лѣсного безмолвія, вы идете и васъ окутываютъ зеленые ароматные сказочные сны...

Чѣмъ дальше они шли, тѣмъ молчаливѣй становились они оба. У Саши было такое чувство, какъ будто онъ переживаетъ великія минуты.

Возрожденіе къ новой жизни?..

Слова Муты подняли цѣлую бурю въ его душѣ, пробудили въ ней юношески-безумную жажду жизни, жажду счастья.

Какимъ молодымъ онъ еще можетъ чувствовать себя, какъ лихорадочно упиваться надеждой!

А она, пробудившая его отъ долгой спячки, возвратившая ему молодость, шла рядомъ съ нимъ по мягкой лѣсной тропинкѣ, ровнымъ, твердымъ шагомъ, съ непокрытой головой—во время долгихъ прогулокъ она всегда снимала шляпу, не боясь ни дождя, ни зноя—и глаза ея свѣтились теплымъ свѣтомъ, и ровное, глубокое, правильное дыханіе вздымало высокую грудь, и ему казалось, что передъ нимъ сама мать-природа, великая, добрая, расточительно щедрая, безконечно богатая!

Онъ любилъ Муту въ эти мгновенія—смиренно и почтительно.

— Если бы вы знали, что̀ вы для меня!—сказалъ онъ, остановившись и глубоко заглянувъ ей въ глаза,—какъ вы благотворно дѣйствуете на меня. Милая, милая Мута!..

Она вся зардѣлась и смотрѣла на него съ блаженной недовѣрчивой улыбкой, какъ удивленное дитя...

Онъ привлекъ ее къ себѣ и хотѣлъ поцѣловать.

Но она отпрянула назадъ.—Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ!

— Почему нѣтъ?.. Мута, я думалъ, что и вы меня немножко любите?—Онъ не выпускалъ ея руки.

Она кивнула головой.

— Да, очень, очень люблю, но это—нѣтъ; это надо дѣлать только тогда, когда нельзя иначе, когда это—стихійное!

Она быстро пошла впередъ; онъ слѣдовалъ за нею, угрюмый, отрезвленный.

Оба совсѣмъ замолчали.

— Вотъ ужъ не думалъ, — сказалъ онъ, когда они были въ виду кургауза;—что и вы тоже *prude*, что и вы принадлежите къ числу благоразумныхъ, осмотрительныхъ женщинъ!

Мута, улыбаясь, покачала головой и посмотрѣла ему прямо въ глаза.—Вы и теперь этого серьезно не думаете, — возразила она спокойно. — Я слушаюсь только своего чувства. И оно можетъ быть когда-нибудь еще толкнетъ меня на большую глупость. Кто знаетъ? Кто можетъ поручиться за себя? Ужъ, конечно, не я. Но пока чувство еще не захватило меня цѣликомъ, я рада, что это такъ. А играть, знаете ли — это не въ моей натурѣ!

Онъ молчалъ.

На встрѣчу имъ шли художники; Биркхуберъ безъ сюртука. Его коричневое отъ загара, раскраснѣвшееся лицо говорило о долгой прогулкѣ на солнцѣ.

— Въ сущности онъ красивый малый, этотъ Лоизль—великолѣпно сложенъ! — замѣтила Мута, съ удовольствіемъ разглядывая великана съ головой, точно вышедшей изъ картины Дефрегера.

— Да, настоящій стильный сынъ природы,—съ ироническою усмѣшкой согласился Саша,—что-то первобытное. Отъ него до сихъ поръ отдаетъ запахомъ коровника и луга передъ альпійской хижиной, гдѣ онъ увидѣлъ свѣтъ.

— Вы не очень-то! — укорила Мута. — Знаете ли вы, гдѣ стояла моя колыбель?

— Нѣтъ.—Странно, однако, что онъ до сихъ поръ не спросилъ объ этомъ.

— Въ скромной хаткѣ лѣсника. Мать моя сама стирала наша бѣлье. А братъ мой столяръ. Итакъ, будьте осторожны, господинъ ассесоръ, и не вдавайтесь въ аристократизмъ.

Саша сказалъ только:—А!—не зная хорошенько, какъ отнестись къ этому. Ея откровенность стѣсняла его.

И онъ вдругъ замѣтилъ, что у Муты нога съ низкимъ подъемомъ и—плоскіе ногти...

Въ немъ подымалась досада, какъ будто она обманула его.

Но это чувство прошло такъ же скоро, какъ и явилось.

До вечера онъ держался особнякомъ, пошелъ гулять одинъ, а потомъ не могъ дождаться, когда опять увидитъ Муту.

Въ этотъ вечеръ они нѣсколько часовъ просидѣли въ темнотѣ на крошечномъ, чуть живомъ и грозившемъ опасностью жизни балкончикѣ, приклеенномъ къ дачѣ Фогель-

зангъ, говоря о будущемъ—свободномъ, прекрасномъ, обильномъ трудомъ и радостями; о чудной жизни, которую они вмѣстѣ будутъ вести въ Мюнхенѣ, какъ вѣрные товарищи по искусству; о томъ, какъ Саша будетъ учиться, изучать, творить, какъ они будутъ взаимно подбодрять другъ друга, и Мута будетъ самымъ строгимъ его критикомъ! и какъ потомъ настанетъ день, когда міръ узнаетъ, какого генія подарили ему въ лицѣ Саши Ширмера.

Когда Мута въ своихъ мечтахъ дошла до этого пункта, Саша высмѣялъ ее.

— Моя убогая фантазія не способна занестись такъ высоко!

Но, какъ забава, это радовало его.

Мало-по-малу онъ сталъ думать объ этомъ все серьезнѣе и серьезнѣе, и поздно вечеромъ, простившись съ Мутой и возвращаясь кратчайшимъ путемъ черезъ садъ въ кургаузъ, онъ уже мысленно составлялъ прошеніе объ отставкѣ.

XVI.

На красивомъ *„ground"* за дачей, въ духѣ Вальтеръ-Скотта, играли въ теннисъ — Удо и Вѣра, съ одной стороны, Саша Ширмеръ и младшая Краницъ—съ другой. Графиня Шлиппенбергъ, Марилиза и двѣ старшихъ барышни Краницъ наблюдали за играющими.

Утромъ мать и сестра привезли бѣглеца домой, вырвавъ его изъ добровольнаго изгнанія. Надо же имъ было посмотрѣть, что онъ собственно дѣлаетъ въ Нейендорфѣ, и онѣ выѣхали сейчасъ послѣ завтрака.

Еще не доѣхавъ до деревушки, онѣ увидали идиллическую картину. На опушкѣ буковаго лѣса въ укромномъ уголкѣ, въ тѣни, невдалекѣ отъ дороги, лежалъ уже засыпавшій Саша въ очень непритязательномъ туалетѣ, а рядомъ съ нимъ Мута Ленцъ и двое ея пріятелей-художниковъ.

Зоркіе глаза Вѣры еще издали узнали брата. Дамы вышли изъ коляски и захватили его врасплохъ.

Нельзя сказать, что онъ очень обрадовался гостямъ; онъ даже не далъ себѣ труда притвориться. Вся компанія была смущена. Не растерялась одна Мута: она дружески непринужденно поздоровалась съ дамами и разсказала, что они сегодня утромъ, до свѣту, ѣздили ловить рыбу и потому смертельно устали.

Такъ вотъ настоящая причина внезапно явившейся у Саши потребности въ отдыхѣ и тишинѣ: Мута Ленцъ! Вотъ въ чемъ дѣло.

Гостьи потащили его съ собою въ кургаузъ и убѣдили

вернуться въ Мисдрой. Только на одинъ день!.. вѣдь иначе же выйдетъ невѣжливо относительно Марилизы и вообще...

Онъ неохотно уступилъ.

И вотъ, подкрѣпившись сномъ, онъ стоялъ теперь возлѣ краснощекой Доретты Краницъ и любовался искусствомъ графа Удо Шлиппенберга, съ неизмѣнной аккуратностью каждый разъ перебрасывавшаго свой мячъ черезъ цѣль.

Самъ ассесоръ игралъ, разумѣется, безупречно, точно такъ же, какъ онъ безупречно ѣздилъ верхомъ, танцовалъ, фехтовалъ и катался на конькахъ, т. е. не какъ профессіональный артистъ: онъ не питалъ страсти ни къ какому виду спорта, — но настолько хорошо, насколько это требуется въ наше время отъ корректнаго свѣтскаго молодого человѣка.

Марилиза не сводила съ него глазъ, любуясь его спокойной, немного скучающей манерой подхватывать и отбрасывать мячъ.

Теперь она была убѣждена, что любитъ его и будетъ любить до самой смерти, и очень страдала отъ его равнодушія.

Она тѣмъ больше влюблялась въ него, чѣмъ скучнѣе становилось у нихъ въ домѣ, благодаря постояннымъ непріятнымъ извѣстіямъ изъ Пазевалька. Эти Штейны прямо ужасны съ своими вѣчными требованіями денегъ; они постоянно „въ тискахъ". Папа ворчитъ, мама вздыхаетъ—дома стало совсѣмъ нехорошо. Это прямо возмутительно—какъ все зависитъ отъ этихъ проклятыхъ денегъ!—Марилиза прямо не могла больше выносить этого подавленнаго настроенія и страстно желала вырваться изъ атмосферы денежныхъ невзгодъ и заботъ.

— Ай, Удо! ай! ты попалъ мнѣ въ носъ!—закричала она вдругъ. Неудачно брошенный кузеномъ графомъ мячъ полетѣлъ въ сторону зрительницъ и задѣлъ хорошенькій носикъ баронессы.

— О Марилиза, прости!—Перепуганный Удо бросился къ ней, споткнулся объ одинъ изъ воткнутыхъ въ землю колышковъ и, какъ Августъ въ циркѣ, растянулся на землѣ.

Это зрѣлище было до того комично, что Марилиза съ трудомъ удержалась отъ смѣха, а Доретта Краницъ, какъ истая деревенская барышня, и не стала удерживаться: бѣдняжка громко расхохоталась, за что и была наказана уничтожающимъ взглядомъ будущей свекрови. Бѣдный Удо весь побагровѣлъ отъ стыда.

За то Вѣра—добрая душа!—поспѣшила къ нему съ тревогой въ лицѣ:

— Вы не ушиблись, графъ? Ахъ Боже мой, это такъ легко можетъ случиться въ этой глупой игрѣ! Ты помнишь, Саша, какъ ты полетѣлъ прошлымъ лѣтомъ?

Саша напрасно искалъ въ своей памяти воспоминанія о подобной несчастной случайности. Никогда въ жизни не доводилось ему споткнуться, играя въ теннисъ. — Ну, да это ничего не значитъ.

Удо почувствовалъ себя реабилитированнымъ, благодаря этому сравненію.

А мамаша его нашла, что маленькая Ширмеръ очень тактична; глупенькую же Доретту, все еще трясшуюся отъ смѣха, про себя назвала дурой и плохо воспитанной.

Вѣра умѣла разсчитывать—эта маленькая случайность колоссально подвинула ее впередъ.

Надменная графиня впервые серьезно подумала о томъ, не сложится ли жизнь ея бѣднаго Удо гораздо пріятнѣе, если онъ женится на умной, деликатной, скромной и прекрасно выдержанной *demoiselle* Ширмеръ (въ своемъ кругу она никогда не называла дѣвицъ изъ буржуазіи иначе, какъ *demoiselle*), чѣмъ рядомъ съ такою женой, какъ глупая, ребяческая баронесса, готовая выйти за него только потому, что отцовскіе пески грозили очень скоро перейти въ руки ненавистныхъ жидовъ, а другой партіи не представлялось.

— Итакъ, милая моя фрейлейнъ Ширмеръ, я надѣюсь, вы ѣдете завтра съ нами въ Герингсдорфъ? Ваша мама, надѣюсь, ничего не будетъ имѣть противъ того, чтобы я взяла васъ съ Марилизой подъ свою защиту.

Вѣра, благодаря графиню, поцѣловала ея большую толстую руку.

До сихъ поръ шла рѣчь только о томъ, что Марилиза поѣдетъ.

Вѣра торжествовала.

— Ну, гдѣ же твой пылкій полякъ?—спросилъ Саша, когда, по окончаніи партіи, игроки разошлись и онъ на нѣсколько минутъ остался одинъ съ сестрой.—Онъ измѣнилъ тебѣ?

Она усмѣхнулась:—Или наоборотъ.

— Ага! новое увлеченіе.

— Можетъ быть и старое.

— Старое? Но въ такомъ случаѣ я желалъ бы знать...

— Боже мой, Саша, къ чему ты представляешься? Ты, такой наблюдательный... Мнѣ кажется, графъ Шлиппенбергъ и не скрывалъ...

— Какъ?.. Этотъ?—Саша прямо съ испугомъ смотрѣлъ на сестру.—Неужели ты могла бы... могла бы рѣшиться... за этого кретина...

Она улыбнулась.—Тссъ!—don 'turt my *feelings*! — Я люблю его!—и она комически вскинула на него глаза.—Ну что это право, Саша, откуда у тебя такой ужасный романтизмъ? Я

думала, что мы двое, какъ современные люди, лучше понимаемъ другъ друга.

Онъ покачалъ головой.

Что сестра его тщеславна и честолюбива—это для него было не новостью. Но все же онъ считалъ ее чувственной влюбчивой натурой. Правда, она прежде всего добивается положенія...

Но чтобы въ этой погонѣ за титуломъ ухватиться даже за такого нелѣпаго и смѣшного субъекта, не требовать, хоть изъ тщеславія, чтобы не только имя, но и женихъ былъ блестящимъ—это казалось ему невѣроятнымъ. Онъ невольно вспомнилъ красавца ѣздового, маленькаго Бюлова, черноглазаго поляка, и громко расхохотался.

— ...То есть, надо сознаться, что дѣло еще далеко не устроено,—задумчиво добавила Вѣра,—и, можетъ быть, по твоей винѣ.

— По моей винѣ?

— Да, если ты очень скомпрометтируешь себя сомнительнымъ обществомъ, въ которомъ мы застали тебя спящимъ послѣ обѣда, если это дойдетъ до графини, молодымъ людямъ многое позволено, но...

Онъ разсердился.—Ну, знаешь-ли, это сомнительное общество, какъ ты его называешь, вовсе ужъ не такъ сомнительно. Правда, это не салонные шаркуны, но вполнѣ порядочные люди. О фрейлейнъ Ленцъ не можетъ быть и рѣчи. Вы сами всѣ наперерывъ восхищались ею. А ея друзья—да, это совсѣмъ другіе люди, чѣмъ твой полуидіотъ Удо. Они даровитые художники и чудесные люди, настоящія дѣти природы.

— Боже, Боже!—вскричала она, смѣясь.—Этотъ негодующій тонъ проповѣдника! Я точно слышу Муту Ленцъ. Ты уже многому научился, дорогой Саша.

— И, можетъ быть, научусь еще большему. Весьма возможно, что тебѣ еще предстоятъ неожиданности, моя умная сестрица.

— О небеса! Да неужели же эта геніальная художница сдѣлается моей невѣсткой? Ну, тогда мнѣ, пожалуй, лучше ужъ сразу похоронить мои надежды... О, Саша, неужто ты это вправду? Послѣ того, какъ ты подавалъ такія надежды Марилизѣ? О, мужчины! Вѣрность для васъ пустой звукъ!

— За то у женщинъ ея хватитъ на двоихъ.

— Это произведетъ страшную сенсацію, и все семейство Грутенау...

— Успокойся, о помолвкѣ пока еще нѣтъ рѣчи, дѣло идетъ о другомъ, весьма серьезномъ рѣшеніи.

И онъ изложилъ ей свое созрѣвшее за послѣдніе дни

намѣреніе—пожертвовать своей карьерой чиновника и заняться живописью, сначала въ Мюнхенѣ, потомъ, можетъ быть, въ Парижѣ.

Его соблазняло предвкушеніе грозы, которую вызоветъ среди домашнихъ его рѣшеніе. Онъ ждалъ рѣзкихъ возраженій, взрыва негодованія. Ничуть не бывало!

Вѣра спокойно выслушала его и ничего не возразила.

— Ну, что ты скажешь о моемъ замыслѣ?—Она смѣрила его взглядомъ съ головы до ногъ и какъ то странно улыбнулась.—Я ничего не скажу, милый Саша, кромѣ одного: ты самъ себя не знаешь. Прежде чѣмъ рѣшиться на такой отчаянный шагъ, вызвать такую бучу въ семьѣ—вѣдь ты знаешь воззрѣнія папаши и мамаши, прежде чѣмъ рискнуть выставить себя въ смѣшномъ видѣ, подумай хорошенько; время терпитъ. Да, конечно, въ смѣшномъ видѣ. Во-первыхъ, это только причуда, эксцентрическая фантазія. А если тебѣ не повезетъ? Если ты всю жизнь останешься безвѣстнымъ пачкуномъ,—что тогда?.. А, вотъ идетъ Марилиза. Будь же милъ съ нею пока, да?

— Господинъ ассесоръ,—начала Марилиза,—видѣли вы знаменитыхъ орловскихъ рысаковъ, на которыхъ ѣздитъ этотъ еврей изъ Берлина—какъ бишь его?.. Единственный приличный выѣздъ въ Мисдроѣ. Да еще, пожалуй, кровная кобыла англичанина, но у нея покатая спина, хотя Удо и увѣряетъ, что нѣтъ. Удо вѣдь ничего не понимаетъ въ лошадяхъ. Вотъ, смотрите, грумъ какъ разъ ведетъ ее мимо насъ. Ну, что вы скажете?

Саша констатировалъ, что спина покатая. Марилиза осталась очень довольна.

XVII.

— Я думала, вы ужъ никогда не выберетесь оттуда,—сказала Мута Ленцъ, когда Саша, три дня спустя, появился на дачѣ Фогельзангъ. Онъ пробылъ въ Мисдроѣ дольше, чѣмъ предполагалъ. Мама и Вѣра приложили всѣ старанія, чтобъ удержать его дома, но въ концѣ концовъ онъ стосковался по Мутѣ. И вообще, съ своими грезами о новомъ будущемъ онъ былъ теперь такъ далекъ отъ обычныхъ „условій“ своей жизни, что тонъ „хорошаго общества“ казался ему пошлѣе и его развлеченія безсодержательнѣе, чѣмъ когда-либо... А Марилиза—охъ, эта добрая маленькая Марилиза съ ея вѣчнымъ избитымъ жаргономъ спортсменки!..

— Скучали вы безъ меня хоть немножко, фрейлейнъ

Мута?—спрашивалъ онъ, крѣпко сжимая руку молодой художницы.

Она кивнула головой.—Да, очень, первые два дня. Сегодня я уже меньше думала о васъ. Сегодня я такъ чудесно поработала. Подумайте, для меня позируетъ госпожа Родекъ. Это не портретъ. Такъ, что-нибудь фантастическое. У меня есть идея. Мнѣ она самой не совсѣмъ еще ясна. Но я хочу сдѣлать что-нибудь вродѣ лѣсной дріады. Красно-золотистые волосы будутъ свѣтиться на фонѣ густой, таинственной зеленой листвы. О, это будетъ красиво, вы увидите! это будетъ хорошая картина!..

Она перебирала руками свои собственные темные вьющіеся волосы, и глаза ея блестѣли творческимъ вдохновеніемъ.

— Можно посмотрѣть начало?

Но она не позволила.

— Моя модель взяла съ меня слово пока никому не показывать. Ахъ, если бъ только она не была такъ глупа!.. Мнѣ такъ хотѣлось бы, такъ страшно хотѣлось бы написать верхнюю часть туловища нагой—вотъ только до сихъ, до бедеръ. Что же вы думаете, она согласилась? Боже избави! Ни за что на свѣтѣ!

Саша покачалъ головой.

— И это васъ удивляетъ?

— Ну, разумѣется. Съ такимъ чудеснымъ тѣломъ прямо грѣхъ и стыдъ жеманиться. Едва-едва уговорила ее чуточку открыть грудь—только этого и добилась.

Саша засмѣялся.

— Смотрите, какъ бы вамъ не пришлось въ концѣ концовъ и это, для приличія, окутать дымкой газа.

Въ эту минуту вошелъ Биркхуберъ.

— Его все еще нѣтъ?—спросилъ онъ, мимоходомъ поздоровавшись съ ассесоромъ.

— Исчезъ безъ слѣда. Не попадался ли вамъ гдѣ-нибудь Шодель, господинъ ассесоръ? Нѣтъ? Вообразите, исчезъ безслѣдно! Съ ранняго утра никто не видалъ его. Даже обѣдать не приходилъ.

— Чортъ его знаетъ, гдѣ онъ шляется,—ворчалъ Биркхуберъ.

— Вѣдь не украли же его цыгане?—подтрунивалъ Саша.

Но Муту и Биркхубера, повидимому, серьезно тревожило таинственное исчезновеніе товарища.

Мута предложила еще разъ пойти пройтись передъ ужиномъ.

И тутъ-то, идя по улицѣ, ведущей къ рыбачьей деревушкѣ, они неожиданно узрѣли вдали маленькую тощую фи-

гурку Фрица Шоделя,—грязнаго, взъерошеннаго, въ перепачканномъ платьѣ.

— Господи, Фрицль, въ какомъ вы видѣ!—крикнула ему Мута.—Чистыми вы, должно быть, дѣлами занимались! Гдѣ это вы такъ вымазались?

Шодель таинственно улыбнулся.

— Да, вымазался. Ну, господа, я вамъ скажу—мнѣ такъ повезло!..

— Ахъ вы, шалунъ этакій!—снисходительно поддразнилъ его Саша.—Гдѣ же ангелъ души вашей?

— Тамъ.—Шодель указалъ рукой по направленію къ берегу.

— Онъ красивъ?—полюбопытствовала Мута.

Маленькій художникъ захохоталъ во все горло.

— Красивъ? Нѣтъ, это никто бы не рѣшился утверждать. Онъ даже ужасенъ на видъ. Это—утопленникъ!

Общее „бррь!“ ни мало не смутило его, и онъ, блаженно улыбаясь, принялся разсказывать, какъ онъ сегодня во время утренней прогулки нашелъ предметъ своего восхищенія,—прибитый къ берегу волнами мужской трупъ.

— Вы знаете, какъ давно я мечталъ написать утопленника. И вотъ, мой добрый геній какъ нарочно даетъ мнѣ случай!..

Изъ опасенія, какъ бы другіе не сдѣлали той же страшной находки и для него изъ этого не возникли затрудненія, онъ съ большимъ трудомъ перетащилъ тѣло въ сарай, что неподалеку отъ берега, сбѣгалъ домой за „инструментомъ“ и потомъ цѣлый день напряженно писалъ, не чувствуя ни голода, ни жажды, смотрѣлъ, творилъ...

Онъ яркими красками описывалъ всѣ прелести своей безмолвной, отвратительной модели, словно опьянѣвъ отъ ужаса и восхищенія...

— Кровожадный Фрицхенъ, какъ есть, живой! — смѣясь, вскричала Мута,—но теперь, баста! извольте идти переодѣваться къ ужину.

— Неужели надо? Я такъ голоденъ...

— Ну, тогда идите такъ.

Но Саша запротестовалъ.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ всетаки сначала вымылъ руки. На нихъ налипли морскія водоросли и все такое, напоминающее о вашей непріятной добычѣ.

Онъ весь дрожалъ отъ отвращенія.

Фрицъ Шодель исчезъ и явился къ ужину немного запоздавъ, но за то новымъ человѣкомъ.

— А, жареная камбала съ соусомъ ремулядъ!—Онъ обнаружилъ сказочный аппетитъ.

Саша смотрѣлъ, какъ онъ ѣстъ, и ему было и противно, и завидно.

Самого его тошнило при одномъ воспоминаніи—все, исходящее изъ моря, казалось ему противнымъ—онъ не могъ заставить себя даже попробовать лакомаго рыбнаго блюда. При этомъ счастливый Фрицъ никакъ не могъ успокоиться и все повѣрялъ друзьямъ свои наблюденія надъ „нимъ", только вполголоса, такъ какъ онъ былъ не вполнѣ увѣренъ, позволительно ли такъ своевольно распоряжаться неизвѣстными трупами.

Саша чувствовалъ, какъ онъ зеленѣетъ отъ отвращенія.

— Ну, будетъ вамъ уже объ этомъ!—приказала, наконецъ, Мута, замѣтивъ, что творится съ ассесоромъ.

Биркхуберъ покосился въ его сторону и съ обычной своей грубостью кинулъ товарищу:

— Чувствительныя сердца не выносятъ такихъ вещей, коллега Шодель. Вы не умѣете вести себя въ обществѣ воспитанныхъ людей. У нихъ есть нервы.

Мута вспыхнула и разсердилась.

— Или воображеніе живѣе, чѣмъ у нѣкоторыхъ. Грубость нервовъ еще далеко не храбрость.

Художники смолкли.

И у Биркхубера былъ такой несчастный видъ, что Сашѣ стало почти жаль его.

Подъ конецъ ужина будущій художникъ *in spe* сообщилъ пріятельницѣ, что онъ и въ Мисдроѣ не оставался праздным, но набросалъ два-три эскиза мѣломъ.

— О, покажите мнѣ ихъ сейчасъ же.

— Надо будетъ сначала открыть сундукъ: у него замокъ не въ порядкѣ.

— Дайте мнѣ попробовать, у меня есть техническая ловкость. Идемте.—И Мута поднялась.

— Но, какъ же... Вы хотите идти со мною наверхъ?

— Ну, конечно.

И они вмѣстѣ поднялись въ верхній этажъ, въ комнату Саши.

Онъ зажегъ свѣчу. Она стала на колѣни передъ сундукомъ и принялась возиться съ упрямымъ замкомъ.

Онъ стоялъ позади нея, скрестивъ руки, и смотрѣлъ на ея полный смуглый затылокъ.

Какъ красиво лежатъ эти завитки у нея на шеѣ!

— Если бъ она знала, что со мной дѣлается въ эту минуту, интересно знать, продолжала ли бы она такъ же дѣтски-наивно стоять передо мной на колѣняхъ,—думалъ онъ.

— Смотрите, смотрите, сейчасъ откроется!

Онъ наклонился.

— Мута!..—и онъ поцѣловалъ нѣжную, свѣжую шейку.

Она закинула назадъ голову и вопросительно на него смотрѣла, счастливая, радостно смущенная.

Въ это мгновеніе въ дверь постучали и, не дожидаясь обычнаго: „войдите!“, въ комнату вошелъ Биркхуберъ.

— Я добылъ молотокъ и щипцы. Не могу ли я помочь?

И взглядъ его скользилъ по лицамъ ихъ обоихъ съ выраженіемъ такой сдержанной злобы и мучительной душевной боли, что Саша про себя подумалъ:

— Одно слово, одно движеніе—и этотъ молотокъ размозжитъ мою ни въ чемъ неповинную голову. Дѣло начинаетъ принимать драматическій оборотъ.

Онъ ласково-снисходительно поблагодарилъ художника, нарушившаго ихъ tête-à-tête, за доброе намѣреніе, досталъ эскизы и, спустившись внизъ, усѣлся съ Мутой въ маленькой комнаткѣ возлѣ столовой.

Но Мута сегодня была не такъ художественно объективна, какъ обыкновенно, и лишь бѣгло, разсѣянно пересмотрѣла рисунки.

Она сидѣла тихая, задумчивая, смущенная, словно оцѣпенѣвшая.

— Я, право, думаю, что она невинна, какъ ребенокъ,— думалъ Саша,—и что это былъ первый поцѣлуй въ ея жизни... Но Биркхуберъ — при чемъ тутъ онъ? Не было ли раньше?..

— Биркхуберъ любитъ васъ, — началъ онъ безъ всякихъ прелиминарій.

Она кивнула головой.

— Я это замѣтила въ послѣдніе дни.

— Выйти замужъ за человѣка, который чуть не погубилъ себя изъ любви къ умершей, должно быть, сомнительное счастье...

Она удивленно взглянула на него.

— Почему? Меня бы это не испугало. Когда человѣкъ умѣетъ такъ любить, такъ искренно и глубоко, вѣдь, въ сущности, важно только одно: умѣетъ ли человѣкъ искренно любить, не правда ли?..

И она смотрѣла ему въ глаза пристальнымъ, испытующимъ взглядомъ, почти съ мольбою.

— Если бъ и я чувствовала къ нему то же, что онъ ко мнѣ,—продолжала она тихо,—я думаю, я была бы счастлива, но я...

— Но вы?—онъ схватилъ ея руку и наклонился къ ней близко-близко. — Договаривайте же, Мута, что вы хотѣли сказать?

— Ничего. Поздно уже. Мнѣ пора домой. Оставьте меня...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Писатель-гражданинъ *).

(Письма Н. В. Гоголя. Редакція *В. И. Шенрока*. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1901. 4 т.).

(*Окончаніе*).

VI.

Огромное и ярко-опредѣленное впечатлѣніе, произведенное „Ревизоромъ“, кладетъ во всякомъ случаѣ конецъ какимъ бы то ни было разговорамъ о безсознательности творчества во вторую половину литературной дѣятельности Гоголя. Если даже допустить возможность, что Гоголь раньше не вѣдалъ, что творилъ, что какимъ-то образомъ, вся „злость и правда“, которую „цензура не пропуститъ“, дѣйствовали въ немъ стихійно, то уже теперь объ этомъ физически не можетъ быть рѣчи. Потрясающее впечатлѣніе перваго же представленія „Ревизора“ (19 апр. 1836 г.) не оставляло никакихъ сомнѣній ни относительно силы взмаха сатирическаго бича, ни относительно того, противъ чего онъ былъ направленъ. Иные усмотрѣли тутъ только „глупую фарсу“, какъ аттестовалъ пьесу Никитенкѣ графъ Канкринъ („Дневникъ“, т. I, стр. 369). Но большинство поняло, что рѣчь идетъ не только о томъ захолустьѣ, отъ котораго хоть три года скачи, ни до какой границы не доскачешь. Присутствовавшій на представленіи императоръ Николай сказалъ: „всѣмъ досталось, а больше всего мнѣ“. Черезъ 10 дней послѣ перваго представленія Гоголь пишетъ Щепкину: „Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея“ (I, 369).

Это, какъ ему казалось, „общее“ осужденіе на первыхъ порахъ

---

*) «Рус. Бог.», февраль и мартъ.

какъ будто подѣйствовало на Гоголя угнетающимъ образомъ. По разсказу Анненкова, Гоголь прямо изъ театра пріѣхалъ къ своему закадычному другу, поэту Н. Я. Прокоповичу, гдѣ собралось нѣсколько человѣкъ, и все время былъ раздраженъ и разстроенъ до крайности. Когда Прокоповичъ, со словами: „полюбуйтесь на сынка“ поднесъ ему только что вышедшій экземпляръ „Ревизора“, Гоголь швырнулъ книгу на полъ, подошелъ къ столу и, опираясь на него руками, задумчиво сказалъ: „Господи Боже! Ну, если бы одинъ, два ругали, ну и Богъ съ ними, а то всѣ, всѣ“... (Анненковъ, „Воспоминанія и критическіе очерки“, т. I, стр. 193). Письма, относящіяся къ апрѣлю, маю и іюню 1836 года, полны глубокой тоски и Гоголь во „всеобщемъ“ ожесточеніи, вызванномъ „Ревизоромъ“, видитъ угрозу всей своей будущей литературной дѣятельности. „Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ея собственные нравы? Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы: меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны, но жизнь петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея—и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники“ (I, 377).

Наиболѣе яркимъ выраженіемъ угнетеннаго состоянія Гоголя было его бѣгство за границу. Его звали въ Москву, гдѣ его ждала блестящая постановка „Ревизора“ и восторженная любовь московскихъ друзей — Аксаковыхъ, Погодина, Щепкина, но онъ отъ всего отказывается. „Чувствую,—пишетъ онъ Погодину,—что теперь не доставитъ мнѣ Москва спокойствія, а я не хочу пріѣхать въ такомъ тревожномъ состояніи, въ какомъ нахожусь нынѣ. Ѣду за границу, тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ“ (I, 370).

Одновременно съ тоской, письма Гоголя эпохи первой постановки „Ревизора“ полны того, что при первомъ взглядѣ можно было-бы счесть отказомъ отъ болѣе глубокаго толкованія, которое дало великой комедіи начинавшее пробуждаться общественное самосознаніе. Гоголь прилагаетъ не малыя старанія къ тому, чтобы ослабить обобщающіе выводы, возможность которыхъ съ необычайною чуткостью тотчасъ же предугадали Булгаринъ съ братіею. Въ томъ же письмѣ, гдѣ онъ извѣщаетъ Погодина о своемъ рѣшеніи ѣхать за границу, чтобы „размыкать тоску“, онъ говоритъ съ горечью, которая можетъ служить не малою опорою для теоріи безсознательности творчества Гоголя: „что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я

не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ *ложно*, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается. *Частное принимать за общее, случай за правило*" (I, 371). Чрезъ нѣсколько дней онъ опять возвращается къ нападкамъ Булгарина, котораго на этотъ разъ угодничество сдѣлало прозорливымъ критикомъ: „грустно, когда видишь, что *глупѣйшее* мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ: грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него, и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. „Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ"! И кто же говоритъ? Это говорятъ мнѣ люди государственные, люди выслужившіеся, опытные люди, которые должны бы имѣть насколько-нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ *настоящемъ* видѣ" (I, 377).

Было-бы, однако же, очень грубою ошибкою думать, что подавленность, вызванная враждебнымъ отношеніемъ вліятельной части публики, была сколько-нибудь глубока. Вся эта подавленность и тоска были исключительно внѣшнія. Въ глубинѣ души страшный шумъ, возбужденный „Ревизоромъ", при всей своей враждебности, чрезвычайно высоко поднялъ внутреннее самосознаніе Гоголя. Оно было велико и до того. Уже въ самыхъ раннихъ письмахъ своихъ Гоголь не разъ высказываетъ убѣжденіе, что ему предстоитъ что-то очень большое въ жизни. Крупный успѣхъ, выпавшій на его долю почти съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ, укрѣпилъ его въ этой увѣренности и даже сообщилъ его поведенію налетъ надменности. Въ значительной степени извѣстное враждебное чувство, которое къ нему питали даже такіе представители новыхъ литературныхъ началъ, какъ Никитенко, было вызвано тѣмъ, что во всемъ его существѣ сквозило очень уже большое мнѣніе о себѣ. Но теперь самосознаніе Гоголя начинаетъ принимать размѣры совершенно исключительные. Оно выразилось прежде всего въ обычной ему религіозной формѣ. „Нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой" (I, 378), безъ всякихъ оговорокъ говоритъ онъ Погодину въ концѣ письма, гдѣ разсказаны „оскорбленія и непріятности", связанныя съ „Ревизоромъ". А въ чисто литературномъ отношеніи оно сказалось необыкновеннымъ приливомъ творческой увѣренности. Уже въ первомъ письмѣ (къ Жуковскому) изъ-за-границы, отъ 28—16 іюня 1836 г., онъ говоритъ о себѣ: „Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидимыхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. *Львиную силу чувствую въ душѣ своей*". (I, 384).

Въ дальнѣйшихъ письмахъ безграничная увѣренность Гоголя

въ своихъ силахъ все растетъ и растетъ, такъ что въ общемъ всего менѣе можетъ идти рѣчь о подавленности. Совсѣмъ наоборотъ, любители пріурочивать Гоголя къ области психіатріи могутъ въ его развившемся именно послѣ „Ревизора“ необыкновенно высокомъ представленіи о своемъ призваніи найдти весьма благодарный матеріалъ для утвержденія, что имъ овладѣла настоящая манія величія. Но это уже другая сторона вопроса, которой удобнѣе коснуться въ связи съ настроеніемъ Гоголя въ эпоху подготовленія „Переписки съ друзьями“.

Безконечно, однако, важнѣе и характернѣе вызваннаго „Ревизоромъ“ повышеннаго самосознанія Гоголя есть то, что менѣе всего измѣнился послѣ яростныхъ нападеній Булгарина и К° рѣзко-обличительное направленіе Гоголя, съ такою силою сказавшееся въ комедіи. „Мертвыя души“ показываютъ, что крики „зажигатель“, „бунтовщикъ“ оказались совершенно безсильными отклонить Гоголя съ того пути, на который его направляли основныя свойства таланта. Еще съ несравненно бо̀льшею силою ополчается онъ теперь противъ темныхъ сторонъ русской общественной жизни.

Единство направленія и тона „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ глубоко знаменательно. Если вообще всякое долголѣтнее творческое единство свидѣтельствуетъ объ органичности настроенія, о томъ, что оно вытекло изъ цѣльнаго душевнаго склада, то въ данномъ случаѣ оно еще несравненно характернѣе, потому что крики, поднявшіеся по поводу „Ревизора“, заставили Гоголя пристально заняться свойствами своего дарованія. Прямо и опредѣленно объясняетъ онъ Погодину цѣль своей заграничной поѣздки:

„Ѣду разгулять свою тоску, *глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія*“ (I, 378).

И это всего менѣе была фраза. Какъ ни подойти къ заявленію разстроеннаго враждебными криками автора „Ревизора“, нельзя не видѣть въ немъ вполнѣ реальнаго желанія углубиться въ самого себя. При томъ недовѣріи къ искренности Гоголя, которое было даже у лучшихъ друзей его, можно, конечно, скептически отнестись къ высокопарной оболочкѣ рѣшенія „обдумать свои обязанности авторскія“. Но даже при этомъ невысокомъ мнѣніи о Гоголѣ, при убѣжденіи, что онъ будто-бы всегда былъ себѣ на умѣ, никто уже не станетъ спорить, по крайней мѣрѣ, противъ того, что Гоголь стремился тутъ наилучшимъ образомъ устроить свои литературныя дѣла. Даже съ узко-практической точки зрѣнія Гоголю надо было обдумать свои будущія творенія, чтобы опять не натолкнуться на такой пріемъ, какой встрѣтилъ „Ревизоръ“. И если тѣмъ не менѣе Гоголь пошелъ по старому пути, то, значитъ, онъ уже слишкомъ ясно чувствовалъ, что не можетъ онъ свернуть на другой путь. Какъ ни „обдумывалъ“ онъ свои „авторскія обязанности“ и свои „будущія творенія“, а

въ результатѣ явились „Мертвыя души“ съ ихъ сокрушающимъ отрицаніемъ, явилась „Шинель“, гдѣ сдѣланъ еще шагъ впередъ въ томъ же направленіи, потому что тутъ не только разрушена и сметена старая нечисть, но и данъ свѣтлый лозунгъ всей новѣйшей русской литературѣ съ ея борьбой за униженныхъ и оскорбленныхъ.

Но самымъ яркимъ и рѣшающимъ доказательствомъ того, что рѣшеніе „обдумать свои авторскія обязанности“ не есть громкая фраза, сказанная для красоты слога, является „Театральный разъѣздъ“, который начатъ былъ въ годъ постановки „Ревизора“ и появился только въ 1842 г., одновременно съ „Мертвыми душами“. Онъ, значитъ, обдумывался, разрабатывался и, по Гоголевскому обыкновенію, десятки разъ передѣлывался въ то же самое время, когда зрѣла, писалась и тоже на разные лады выправлялась и обсуждалась въ творческомъ настроеніи Гоголя великая „поэма“.

„Театральный разъѣздъ“ не только принадлежитъ къ числу самыхъ подробныхъ анализовъ „Ревизора“, но вмѣстѣ съ тѣмъ является цѣлымъ трактатомъ о задачахъ комедіи вообще и комедіи общественной въ частности. Въ десяткахъ лицъ, проходящихъ предъ читателемъ либо съ какою-нибудь яркой фразой, либо съ подробнымъ изложеніемъ своего міросозерцанія, выражены всѣ мнѣнія и всѣ толки, возбужденные комедіей. Отъ лицъ, на которыхъ она просто никакого впечатлѣнія не произвела и „беззаботныхъ на счетъ литературы“ въ такой степени, что пьеса кажется имъ переводомъ съ французскаго, до тѣхъ, которые настолько прозорливы, что полагаютъ: „за такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ“, Гоголь не оставилъ безъ возраженія и разсмотрѣнія ни одно изъ высказанныхъ въ печати или носившихся въ воздухѣ мнѣній о „Ревизорѣ“. Долголѣтняя работа надъ каждой фразой сдѣлала „Театральный разъѣздъ“ произведеніемъ удивительно сконцентрированнымъ и обдуманнымъ, гдѣ каждая строчка имѣетъ значеніе, гдѣ ни одного слова не сказано спроста.

По этой совершенно изъ ряду вонъ выходящей обстоятельности самоанализа и самокритики, „Театральный разъѣздъ“ не имѣетъ себѣ ничего аналогичнаго въ жизни другихъ литературныхъ корифеевъ. Правда, рѣдко кому изъ творцовъ тѣхъ произведеній, которые, которые ударяли по сердцамъ съ невѣдомою силою, не приходилось въ той или другой формѣ отражать или предупреждать всевозможныя нападенія и недоумѣнія. И Лермонтовъ въ предисловіи къ „Герою нашего времени“ давалъ извѣстнаго рода комментарій къ своему роману, и Тургеневъ въ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ довольно пространно объяснялъ истинный смыслъ „Отцовъ и дѣтей“, и Толстой писалъ „Послѣсловіе къ Крейцеровой Сонатѣ“. Въ западно-европейской литературѣ еще больше примѣровъ такого одновременнаго высту-

пленія художниковъ въ роли не только творцовъ, но и критиковъ и полемистовъ—вспомнимъ хотя бы знаменитое предисловіе Виктора Гюго къ „Кромвелю“. Но кромѣ Шиллеровскихъ „Писемъ о Донъ-Карлосѣ“ нѣтъ, кажется, въ литературѣ ни одного такого поразительно-детальнаго самоанализа, какъ „Театральный разъѣздъ“. И всетаки объ авторѣ его говорятъ, какъ о представителѣ творчества чисто-стихійнаго и безсознательнаго! Да уже просто въ силу того, что Гоголь былъ ужасно и самолюбивъ, и честолюбивъ и вѣчно носился со своею, особою не могъ онъ себя не изучить до величайшей тонкости!

Только этимъ постояннымъ размышленіемъ надъ особенностями своего творчества можно объяснить себѣ, что никто изъ нашихъ писателей не далъ такихъ яркихъ самоопредѣленій, какъ Гоголь. Лучшія формулировки Гоголевскаго творчества созданы имъ же самимъ. Никто, какъ онъ самъ исчерпалъ всю сущность „Мертвыхъ душъ“, закончивъ первую часть великой поэмы глубоко-выстраданными словами о „незримыхъ слезахъ сквозь видимый міру смѣхъ“. Онъ же намъ разсказалъ въ своихъ письмахъ, что не представляетъ себѣ комедіи „безъ правды и злости“, а въ „Театральномъ разъѣздѣ“ разъяснилъ, что среди плутовъ „Ревизора“ есть одно честное лице—авторскій „честный смѣхъ“. Наконецъ, онъ же въ „Шинели“ пояснилъ намъ, что и забитый Акакій Акакіевичъ „братъ нашъ“, и отошли въ глубокомъ размышленіи отъ Акакія Акакіевича потѣшавшіеся надъ нимъ сослуживцы, а читатели поняли, что дана формула безконечной глубины и сказано слово, чреватое огромными литературными и общественно-моральными послѣдствіями.

И всѣ самоопредѣленія Гоголя стали крылатыми. Много сотень статей написано о творчествѣ Гоголя. Но возьмите даже самыя лучшія, самыя блестящія изъ нихъ — ни одна не идетъ дальше и глубже этихъ всѣмъ набившихъ оскомину, вошедшихъ во всѣ учебники, но вѣчно-юныхъ по своей непреложности формулъ. Просмотрите все то, что подписывается подъ Гоголевскими памятниками, бюстами, портретами, прислушайтесь ко всему тому, что говорится при тѣхъ чествованіяхъ Гоголя, когда приходится быть краткимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильнымъ и вы опять-таки не уйдете дальше Гоголевскихъ самоопредѣленій, къ которымъ развѣ еще присоединяются нѣкоторыя варіаціи на эти же самыя, однако, формулы, вродѣ изреченія изъ Іереміи: „Горькимъ смѣхомъ посмѣюся“ и т. д. Такимъ образомъ, якобы безсознательно-творившій писатель получилъ такую власть надъ своими оцѣнками, которую не имѣетъ ни одинъ изъ тѣхъ, къ которымъ теорія безсознательнаго творчества никогда не примѣнялась. Выходитъ, что никто въ такой мѣрѣ не достигъ высшаго проявленія анализирующей мудрости—познать самого себя, какъ именно Гоголь. И достаточно сравнить замѣчательную точность Гоголевскихъ са-

моопредѣленій съ самоопредѣленіями другихъ, не менѣе его великихъ писателей-творцевъ, чтобы оцѣнить ихъ значеніе и понять почему они получали такую власть надъ критикою. Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы Пушкинскій „Памятникъ“, писанный къ тому же за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, когда все литературное поприще было пройдено, когда открывалась широкая перспектива на всю творческую жизнь. И какъ тутъ, всетаки, мало опредѣленно очерчена литературная физіономія великаго поэта. Конечно, вполнѣ оправдались пророчества что не „заростетъ народная тропа“ къ его памятнику, что „душа въ завѣтной лирѣ“ переживетъ его „прахъ и тлѣнья убѣжитъ“, что „слухъ“ о поэтѣ „пройдетъ по всей Руси великой“ и что „назоветъ“ его „всякъ сущій въ ней языкъ“. Но вѣдь это все только опредѣленіе размѣровъ творческаго генія, а никакъ не свойствъ его. Когда же дошло до указанія того, чѣмъ именно будетъ славенъ „въ подлунномъ мірѣ“ поэтъ, получились такіе блѣдные и не характерные контуры, что просто смѣшно и сравнивать съ вылитыми изъ бронзы рѣзкими чертами самоопредѣленій Гоголя.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Кто согласится съ этою странною характеристикою? Люди самаго противоположнаго образа мыслей ее будутъ оспаривать. Ни „мыслящій реалистъ“ Писаревъ, ни его антиподы—эстетики чистой воды не усмотрятъ центра тяжести дѣятельности Пушкина въ возбужденіи „добрыхъ чувствъ“; возславленіе свободы слишкомъ мимолетный эпизодъ въ жизни автора „Клеветникамъ Россіи“; призываніе милости къ падшимъ—это уже скорѣе эпизодъ изъ частной жизни поэта. Словомъ, все не ярко, не характерно. Не удивительно, что это самоопредѣленіе не оказало никакого вліянія на судьбу Пушкина въ критикѣ и потомствѣ. И какъ же не оцѣнить послѣ этого силу и опредѣленность Гоголевскаго самопознанія.

По власти надъ своими будущими оцѣнками, наравнѣ съ Гоголемъ, можно поставить только Некрасова, который, какъ сказалъ про свою музу, что она „муза мести и печали“, такъ тоже навсегда далъ опредѣленіе, дальше котораго не пошла вся послѣдующая критика. Но вѣдь Некрасовъ не только не безсознательный поэтъ, но даже „идейный“, а по мнѣнію иныхъ и „тенденціозный“, т. е. представитель творчества, гдѣ разсудочность граничитъ съ прямою програмностью.

Чтобы покончить съ невѣрнымъ въ корнѣ взглядомъ на безсознательность творчества Гоголя, скажемъ еще нѣсколько словъ объ одной детали, въ которой, повидимому, надо искать главный

источникъ возникновенія этого взгляда. Мы уже знаемъ, что зародился онъ у Бѣлинскаго тотчасъ послѣ появленія реакціонной „Переписки съ друзьями“; поддерживала его позднѣйшая критика тоже въ силу противорѣчія между глубоко пессимистическимъ отношеніемъ Гоголя-художника къ бюрократическому механизму государственнаго уклада нашего, и его теоретической преданностью существующему строю во всей его совокупности.

Но смущаться этимъ противорѣчіемъ и думать, что оно можетъ отнять у Гоголя право называться писателемъ-гражданиномъ—значитъ терять историческую точку зрѣнія. Для насъ, начиная съ конца 40-хъ г.г., когда идеи европейскаго демократизма и жажда общественной иниціативы всецѣло завладѣли лучшими сердцами, со словами „гражданскій“, „гражданственность“, „гражданинъ“ связано понятіе о чемъ-то, скажемъ для удобства, *общественно-самодовлѣющемъ*, о чемъ-то непремѣнно противоположномъ всему власть имущему, о чемъ-то оппозиціонномъ. Но эта безусловно-позднѣйшая точка зрѣнія никоимъ образомъ не должна прилагаться къ жалкому состоянію „общества“, когда его наблюдалъ Гоголь. До сороковыхъ годовъ элементы прогресса всего менѣе заключались въ общественномъ сознаніи. Не будемъ даже уходить въ особенно отдаленную старину, не будемъ придавать значенія тому, какъ „общество“ при Аннѣ Іоанновнѣ оказало рѣшительное противодѣйствіе стремленію верховниковъ удѣлить часть власти представителямъ этого „общества“; не станемъ останавливаться также на томъ, какъ въ эпоху „Наказа“ и расцвѣта просвѣщеннаго абсолютизма „общество“ оказывало рѣшительное сопротивленіе всякому намеку на освобожденіе крестьянъ; наконецъ, отнесемъ къ старинѣ даже то, что великій писатель и литературный реформаторъ Карамзинъ вступилъ въ рѣшительную борьбу съ добровольнымъ желаніемъ Александра I уменьшить свою власть въ пользу „общества“. Ограничимся только ближайшею къ Гоголю эпохою—полосою созданія „Горя отъ ума“. Въ рѣзко-гражданской окраскѣ великой комедіи-сатиры никто не сомнѣвается. Но противъ чего и кого направленъ ея паѳосъ? Исключительно противъ „общества“, въ защиту тѣхъ единичныхъ личностей, стремленія которыхъ шли въ разрѣзъ съ *общественнымъ* застоемъ. Чего-нибудь „протестующаго“ въ позднѣйшемъ смыслѣ въ „Горѣ отъ ума“ нѣтъ и слѣда. И вотъ, гражданственность Гоголя совершенно аналогичнаго характера, въ ней нѣтъ ничего оппозиціоннаго, потому что въ то время надо было еще *бороться съ самимъ обществомъ*, потому что оно, съ одной стороны, состояло изъ казнокрадовъ и торговцевъ правосудіемъ, а съ другой—изъ ихъ закадычныхъ друзей, Добчинскихъ, Бобчинскихъ, Собакевичей и Маниловыхъ. Для Гоголя, слѣдовательно, понятіе объ „обществѣ“ никакъ не могло имѣть того обаянія, которое оно имѣетъ для позднѣйшихъ поколѣній, и не въ немъ онъ искалъ

спасенія Россіи. Чернышевскій весьма тонко и язвительно говорилъ о странной идеѣ, положенной въ основаніе сюжета „Ревизора“, которая уже сама въ себѣ заключаетъ нѣчто аномальное, потому что въ нормально-устроенномъ государственномъ быту есть гласный общественный контроль, исключающій и дѣлающій ненужнымъ посылку тайныхъ ревизоровъ. Но Чернышевскій исходилъ изъ теоріи, изъ того, что должно быть, а Гоголь былъ великій реалистъ, и для него смѣшно было бы и представить себѣ „общественный контроль“, то есть что Добчинскій, Бобчинскій и Растаковскій будутъ контролировать Сквозника-Дмухановскаго и кума Бобчинскаго Тяпкина-Ляпкина. Онъ несомнѣнно ждалъ спасенія и исцѣленія общественныхъ ранъ отъ добраго желанія власти. Но онъ-ли одинъ ждалъ его изъ этого источника? Да возьмемте того же Бѣлинскаго, который такъ напустился на Гоголя за „Переписку“ и возьмемте его даже не въ эпоху созданія „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“, не около 1840 года, когда его прославленіе „разумной дѣйствительности“ было поистинѣ бѣшеное, а въ 1846—48 гг., когда онъ „рассейскую дѣйствительность“ называлъ не иначе какъ „гнусной“, когда онъ уже былъ пламеннымъ соціалистомъ и даже фурьеристомъ. Въ концѣ 1846 года въ Петербургѣ разнеслись крайне-преувеличенные слухи о томъ весьма мирномъ, по существу, Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ, благодаря которому пострадали Костомаровъ, Кулишъ и особенно Шевченко, сосланный солдатомъ въ Оренбургъ. Бѣлинскій отнесся къ нимъ съ полнымъ порицаніемъ, называлъ ихъ „врагами всякаго успѣха“, потому что, какъ Гоголь, ждалъ этого „успѣха“ только отъ доброй воли власти. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Бѣлинскій написалъ Анненкову письмо, съ которымъ читатель можетъ познакомиться по такой распространенной книгѣ, какъ „Эпоха великихъ реформъ“ Джаншіева. Здѣсь онъ съ восторгомъ сообщаетъ о разныхъ намѣчавшихся тогда подготовительныхъ шагахъ къ отмѣнѣ крѣпостного права, предается радостнымъ ожиданіямъ и только одного смертельно боится, чтобы келейно вызванные въ Петербургъ представители основного элемента тогдашняго „общества“ — дворяне своимъ корыстнымъ отношеніемъ къ вопросу не испортили настроенія власти. Такъ если подобнымъ образомъ къ „обществу“ относился соціалистъ и фурьеристъ Бѣлинскій, такъ что же мы, будемъ требовать иного отношенія отъ Гоголя? Надо же, въ самомъ дѣлѣ, всякое явленіе исторической жизни разсматривать въ условіяхъ того времени, къ которому оно относится. Гоголь былъ несомнѣнно представитель теоріи просвѣщеннаго абсолютизма, его идеаломъ былъ благонамѣренный не въ пошломъ смыслѣ „государственный мужъ“, окружающій себя честными чиновниками. Но это не мѣшаетъ ему быть и гражданиномъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы уже выше опредѣляли понятіе

о гражданинѣ, т. е. человѣкомъ упорно, страстно и вполнѣ *независимо* думающемъ о благѣ родины. Подчеркиваемъ *независимо*, потому что въ эпоху когда пошлая „благонамѣренность“ требовала розовыхъ красокъ, когда по всѣмъ вѣдомствамъ безраздѣльно господствовала формула „все обстоитъ благополучно“, Гоголь— (прибавимъ къ числу извѣстныхъ намъ и это новое яркое самоопредѣленіе изъ „Театральнаго разъѣзда“) смѣло обнажалъ „общественныя раны“. Мало того: когда „господинъ В.“ задаетъ вопросъ: „чѣмъ выставлять дурное, зачѣмъ же не выставить хорошее, достойное подражанія“, Гоголь, устами „господина Б.“, не обинуясь, отвѣчаетъ: „Зачѣмъ? Зачѣмъ одинъ отецъ, желая исторгнуть своего сына изъ безпорядочной жизни, не тратилъ словъ и наставленій, а привелъ его въ *лазаретъ*, гдѣ предстали предъ нимъ во всемъ ужасѣ страшные слѣды безпорядочной жизни“. Вотъ значитъ чѣмъ и при томъ вполнѣ сознательно была для Гоголя оффиціальная Россія — лазаретомъ! Это-ли не независимость въ самомъ высшемъ смыслѣ и можно-ли идти дальше въ гражданской рѣзкости діагноза? Не будемъ же ложно понимать въ Гоголѣ то, что шокируетъ позднѣйшую гражданскую щепетильность, и будемъ оцѣнивать высоту его гражданской скорби не по степени нашего разногласія съ нимъ, а по степени того, въ чемъ мы съ нимъ сходимся. Никогда не слѣдуетъ забывать, что въ эпоху „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ еще не было у насъ въ литературѣ даже самого дѣленія на партіи съ различными общественно-политическими лозунгами. Все это возникаетъ только во второй половинѣ 40-хъ годовъ, о чемъ мы сейчасъ и поведемъ рѣчь въ связи съ „Перепискою съ друзьями“.

VII.

Около 60 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилась „Переписка съ друзьями“, и все еще она служитъ предметомъ самыхъ страстныхъ споровъ, все еще она не стала предметомъ спокойнаго, объективнаго анализа. До сихъ поръ ее либо считаютъ „оклеветанной“ и тычутъ намъ ее въ поученіе и руководство, либо безповоротно и безъ всякихъ оговорокъ осуждаютъ, исходя изъ того, увы! далеко еще не изжитаго настроенія, подъ вліяніемъ котораго создалось знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю.

Менѣе всего, конечно, выдерживаетъ какую-бы то ни было критику взглядъ на „Переписку“ какъ на „оклеветанную книгу“— любимый терминъ гг. Матвѣевыхъ, Волынскихъ, Николаевыхъ (Говоруха-Отрокъ) и другихъ защитниковъ того обскурантизма, который даже добродушнаго Сергѣя Аксакова побудилъ считать книгу „вредной“. Думается, что эту квинтъ-эссенцію всяческой

отсталости и „оклеветать“ то трудно, если указывать при этомъ на наиболѣе характерныя мѣста книги. Трудно даже и полемизировать спокойно съ этою „оклеветанною книгою“ и можно только всецѣло слиться съ Бѣлинскимъ, когда онъ, задыхаясь отъ страстнаго негодованія, истерически крикнулъ Гоголю въ своемъ письмѣ: „Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ,—что вы дѣлаете“!

Чтобы не только понять, но вполнѣ оправдать бѣшеную выходку Бѣлинскаго, которая, какъ мы сейчасъ увидимъ, нашла откликъ во всѣхъ мыслящихъ умахъ и бьющихся за благо родины сердцахъ, мы должны вспомнить эпоху появленія гоголевской „Переписки“—начало 1847 года. Годы 1846, 1847 и начало 1848—были временемъ совершенно исключительнымъ по тому необыкновенному приливу радостныхъ ожиданій чего-то безконечно-свѣтлаго, которыя тогда охватили всю Европу. По извѣстному свидѣтельству Щедрина, „изъ Франціи, разумѣется не изъ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а изъ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана, и въ особенности Жоржъ-Зандъ—лилась въ насъ *вѣра въ человѣчество*; оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ не позади, а впереди насъ“.

Какъ намъ пришлось уже разъ сказать въ другомъ мѣстѣ, въ этомъ важномъ историческомъ свидѣтельствѣ драгоцѣнны не только факты, но и общій тонъ. Рѣчь какъ будто идетъ о политико-экономическихъ теоріяхъ, но на самомъ дѣлѣ воспоминанія расшевелили въ суровомъ сатирикѣ только память сердца. Тутъ не „борьба классовъ“, а *человѣчество*, не политическая экономія, а *вѣра* и эта вѣра воспріята не сухо-логически, потому что факты и цифры неотразимы, — она возсіяла. Въ политическую экономію Луи Блана огромнымъ клиномъ врѣзалась романистка Жоржъ Зандъ. Но разъ люди серьезно мечтаютъ о наступленіи „золотого вѣка“, то почему бы романистамъ и не играть первенствующей роли въ исторіи происхожденія этихъ мечтаній.

И вотъ, въ такой-то моментъ почти религіознаго экстаза, появляется книга великаго писателя, которымъ до того всѣ бредили, которымъ клялись въ борьбѣ съ литературнымъ старовѣрствомъ, и эта книга зоветъ даже не въ Византію, а куда-то еще подальше. Авторъ не остался глухъ къ голосу времени, онъ правильно констатируетъ, что „сталъ слышаться повсюду болѣзненный ропотъ неудовлетворенія, голосъ неудовольствія человѣческаго на все, что ни есть на свѣтѣ: на порядокъ вещей, на время, на самого себя“; вполнѣ правильно отмѣчаетъ онъ также, что „всѣмъ, наконецъ, начинаетъ становиться подозрительнымъ то совершенство, на которое возвела насъ наша новѣйшая гражданственность“. Но въ чемъ выходъ? Можно было бы, конечно, причислить просто къ числу курьезовъ то, что, по мнѣнію Го-

голя, „страждущіе и болѣющіе отъ своего европейскаго совершенства“ получатъ исцѣленіе отъ ожидавшагося тогда появленія „Одиссеи“ въ переводѣ Жуковскаго! Но Гоголь не ограничился простымъ упованіемъ, что вмѣстѣ съ „Одиссеей“ „многое изъ временъ патріархальныхъ, съ которымъ есть такое сродство въ русской природѣ, разнесется невидимо по лицу русской земли“. Кромѣ этой „благоухающей поэзіи“, онъ цѣнилъ „Одиссею“ какъ изображеніе борьбы съ „непокорною, жесткою, несклонною къ повиновенію природою“ человѣка и главное средство этой борьбы видѣлъ „въ одномъ только простомъ исполненіи обычаевъ старины и обрядовъ, которые не безъ смысла были установлены древними мудрецами и заповѣданы передаваться въ видѣ святыни отъ отца къ сыну“.

Борьба съ нежеланіемъ человѣка „повиноваться“ дала окраску всей книгѣ и въ ней центръ тяжести того подавляющаго впечатлѣнія, которое она произвела на современниковъ, какъ разъ теперь размечтавшихся пожить немного и на свободѣ. И это разногласіе съ радостно-рвущимся впередъ духомъ времени рѣшило участь книги, въ которой далеко не все, однако, зоветъ назадъ и есть мысли, какъ мы увидимъ дальше, нимало не противорѣчащія самымъ лучшимъ завѣтамъ истинной гражданственности. Но во всякой проповѣди условія момента, когда она произносится, всегда имѣютъ болѣе рѣшающее значеніе, чѣмъ само содержаніе проповѣди и ея слова, взятыя безотносительно. Строго говоря, дурныхъ словъ совсѣмъ и нѣтъ на свѣтѣ. Что, напр., можетъ быть возвышеннѣе проповѣди самоотреченія? Но она превращается въ насмѣшку надъ человѣческимъ достоинствомъ и отвратительное лицемѣріе, когда самоотреченіе рекомендуютъ рабу. Что можетъ быть идеальнѣе самообузданія животныхъ инстинктовъ? Но если вы объ умѣренности начнете говорить голодающему, какое впечатлѣніе должна произвести на него сама по себѣ весьма высокая мораль ваша?

„Переписка“, взятая въ основномъ своемъ впечатлѣніи, въ тонѣ, который дѣлаетъ музыку, и была такою проповѣдью воздержанія голодающему. Все изнемогало отъ безправія и произвола, закрѣпощенный народъ нравственно вырождался отъ сковавшей его по рукамъ и ногамъ неволи, литература стонала отъ болѣзненной подозрительности Красовскихъ и Мусиныхъ-Пушкиныхъ, а тутъ все еще оказывается недостаточно „повиновенія“. „Переписка“ хотѣла отнять даже священное чувство обиды, не позволяла даже стонать отъ той „неправды черной“, которою была полна жизнь того времени даже по свидѣтельству друга Гоголя Хомякова и его самого въ его художественныхъ произведеніяхъ. И вотъ, въ виду такой, будемъ выражаться мягко, крайней неумѣстности, крайней несвоевременности гоголевской проповѣди смиренія, въ виду глубокаго несоотвѣтствія ея съ дѣй-

ствительно назрѣвшей потребностью обновленія, свѣта и движенія впередъ столь смѣшны стремленія разсматривать „Переписку“ саму по себѣ, внѣ времени и пространства. Скажемъ тоже самое, что мы говорили по другому адресу въ предыдущей главѣ: всякое явленіе, чтобы понять его правильно, надо разсматривать въ условіяхъ времени и мѣста. „Клевету“, взведенную на „Переписку“, можно было бы опровергнуть только однимъ путемъ: если бы кто-нибудь указалъ на благотворное *современное* появленію книги воздѣйствіе ея на людей искреннихъ, не заинтересованныхъ своимъ общественнымъ положеніемъ въ томъ смиреніи, которое книга возводила въ главную добродѣтель человѣка. Но именно этого живого голоса эпохи ни одному изъ защитниковъ „Переписки“ не добыть, потому что на всѣхъ, для кого благо родины не было пустымъ звукомъ и обдѣлываніемъ житейскихъ дѣлишекъ, книга произвела болѣзненное впечатлѣніе. Письмо Бѣлинскаго оттого и получило такую потрясающую силу, что его устами говорило сознаніе, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, всего того, что въ Россіи честно мыслило. Это не „партійная“ фраза, это можно доказать нижеприведеннымъ свидѣтельствомъ, достовѣрность котораго никто не рѣшится оспаривать, потому что оно вышло изъ среды, враждебной Бѣлинскому—оно принадлежитъ Ивану Аксакову. Уже самый фактъ небывало-широкаго распространенія письма Бѣлинскаго глубокохарактеренъ и показываетъ, что въ данномъ случаѣ общественное сознаніе было настолько взволновано, что нашло пути проявиться даже при невозможно-тяжелыхъ условіяхъ общественной жизни того времени. Письмо Бѣлинскаго совершенно неожиданно для него стало первымъ политическимъ памфлетомъ въ Россіи. Не имѣя никакого представленія о томъ, что его частный отвѣтъ получитъ такую небывалую огласку, не имѣя и самаго отдаленнаго представленія о томъ, что вырвавшіяся въ пылу гнѣва слова его станутъ лозунгомъ, общественно-политическою программою, Бѣлинскій писалъ письмо со всѣмъ страстнымъ порывомъ своего великаго сердца и далъ полную волю всему тому пламенному негодованію, которое не могло получить и приблизительнаго выраженія въ его печатной полемикѣ съ „Перепискою“. Такимъ образомъ, общественно-политическая отсталость „Переписки“ получила отпоръ въ полной силѣ. Создалась борьба двухъ міросозерцаній, въ которой на сторонѣ Бѣлинскаго были не то что „либералы“, а просто всѣ искренніе и порядочные люди. Вотъ что наблюдалъ еще цѣлыхъ шесть — семь лѣтъ спустя Аксаковъ:

„Много я ѣздилъ по Россіи,—пишетъ онъ,—имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому, жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ

городахъ, *который не зналъ бы наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю*; въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ... Мы *Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ*,—говорятъ мнѣ вездѣ молодые, честные люди въ провинціи. И въ самомъ дѣлѣ,—въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны, взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеалоговъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эмансипаціи и всякаго простора, съ идеями гуманными. Если вамъ *нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя*, который полѣзъ бы на борьбу—ищите таковыхъ въ провинціи между *послѣдователями Бѣлинскаго*".

Т.-е. читателями и поклонниками именно его письма къ Гоголю, потому что сочиненія Бѣлинскаго тогда еще не были собраны и были разбросаны по сотнѣ №№ старыхъ журналовъ.

Это вышедшее изъ враждебнаго лагеря свидѣтельство имѣетъ рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ не только потому, что достовѣрность его нельзя ничѣмъ заподозрѣть, а тѣмъ, что оно выводитъ вопросъ изъ области партійныхъ споровъ и переноситъ его на чисто-житейскую почву. Если бы у новѣйшихъ защитниковъ „Переписки" было столько-же искренняго желанія добиться истины, сколько у Аксакова, они-бы прежде всего признали, что защищать Гоголевскую „Переписку", какъ *явленіе времени*, нѣтъ никакой возможности и, слѣдовательно, не можетъ идти никакой рѣчи о какой-бы то ни было „клеветѣ". Общій тонъ и *практическіе выводы* изъ „Переписки" таковы, что не только „борцы", не только люди съ ярко-окрашеннымъ общественно-политическимъ міросозерцаніемъ, а всѣ въ самомъ простомъ и непосредственномъ смыслѣ слова „честные" люди всецѣло присоединились къ „клеветѣ" Бѣлинскаго.

Но то же самое желаніе истины, къ которому мы сейчасъ апеллировали, должно насъ заставить признать, что и безусловное, незнающее никакихъ оговорокъ осужденіе „Переписки" не будетъ выраженіемъ полной справедливости. Книга ужасна, какъ явленіе русской общественности, какъ призывъ возвращенія вспять въ глубь средневѣковья, къ отжившимъ понятіямъ и пройденнымъ фазисамъ культуры. Но нельзя, однако, забывать и того, что она была и крикомъ глубоко-изстрадавшейся души. А такой источникъ, если не всегда, конечно, спасаетъ отъ фальши, не можетъ же не заключать въ себѣ и примѣси чего-то вѣрнаго. Во всякомъ искреннемъ стремленіи всегда кроется и залогъ достиженія чего-

то хорошаго и нравственно-цѣннаго. Примемъ во вниманіе также, что „Переписку“ защищаютъ не только люди къ истинѣ весьма равнодушные. О ней сказалъ доброе слово и Левъ Толстой. Можно было-бы, конечно, при всемъ преклоненіи предъ Толстымъ, не придавать этому рѣшительно никакого значенія, если бы дѣло шло о чисто-литературномъ произведеніи. Эстетическія сужденія Толстого весьма часто таковы, что только руками разведешь. Изъ его трактата объ искусствѣ мы узнаемъ, что онъ на представленіи „Гамлета“ краснѣлъ за автора и что вообще преклоненіе предъ Шекспиромъ, какъ и предъ Бетховеномъ и Рафаэлемъ, ему кажется предразсудкомъ и даже притворствомъ. Но „Переписка“—произведеніе изъ области морали и тутъ уже дѣло идетъ о психологическомъ чутьѣ, котораго такъ безконечно много у великаго чтеца въ сердцахъ человѣческихъ. Толстой, значитъ, почувствовалъ тутъ что-то родственное. Извѣстно, что когда въ концѣ 70-хъ гг. Толстой вступилъ на стезю проповѣдничества и еще неясно было во что отольются его мистическіе порывы, его даже постоянно сближали съ Гоголемъ. Дальнѣйшее показало, что сближенія и опасенія были напрасны. Но, всетаки, несомнѣнно, что въ самомъ источникѣ, въ этой страстной потребности обоихъ великихъ писателей отъ искусства перейти въ область религіозно-нравственныхъ вопросовъ есть, дѣйствительно, очень много такого, что сближаетъ Толстого съ Гоголемъ. И вотъ почему думается, что тѣ обскурантскіе выводы, къ которымъ Гоголь пришелъ въ результатѣ своихъ думъ и размышленій, тѣ рецепты лѣченія общественныхъ ранъ, которые привели въ содроганіе Бѣлинскаго и его лучшихъ современниковъ, должны быть признаны ошибками ума, слѣдствіемъ того, что, созерцая картину русской жизни изъ своего „прекраснаго далека“, Гоголь потерялъ чутье дѣйствительности, но не ошибками сердца.

При такой постановкѣ, особенное значеніе получаетъ вопросъ объ искренности „Переписки“, для современниковъ ея появленія весьма спорная. Многое содѣйствовало тому, чтобы отнестись подозрительно къ мотивамъ появленія въ свѣтъ книги. Даже на людей одного съ Гоголемъ міросозерцанія отталкивающе подѣйствовало чрезмѣрное обиліе явно преувеличеннаго смиренія. Съ одной стороны, безграничное самобичеваніе, увѣренія вродѣ того, что „мнѣ хотѣлось симъ (письмами) искупить безполезность всего, доселѣ мною напечатаннаго“: „знаю, что моими необдуманными и незрѣлыми сочиненіями нанесъ я огорченіе многимъ“, причисленіе себя къ людямъ, „которые изъ грязи пробрались въ люди“ и т. д. А вмѣстѣ съ тѣмъ помпезное устройство величайшаго шума вокругъ своего имени, возвѣщеніе urbi et orbi, что́ авторъ думалъ прежде, что́ думаетъ теперь, какъ поступалъ прежде, какъ поступаетъ теперь, какъ будетъ поступать впредь и безпрерывный разговоръ о томъ, что онъ-то не

придаетъ никакого значенія себѣ какъ писателю, да вотъ другіе очень его превозносятъ и высоко ставятъ. Предшествовавшее „Перепискѣ“ публичное завѣщаніе при всѣхъ словахъ смиренія и уничиженія, его переполняющаго, есть въ то же время несомнѣнно и выраженіе гордыни безконечной, равной которой никогда ни до того, ни послѣ того въ русской литературѣ не было.

Все это униженіе паче гордости представляетъ собою, однако, интересъ исключительно психологическій. Предъ нами явленіе весьма сложное, потому что по значительной долѣ высказанной о себѣ правды, многое въ самобичеваніи Гоголя нельзя причислить и къ простому ломанію. Когда Гоголь говорилъ о себѣ: „вообще въ обхожденіи моемъ съ людьми всегда было много непріятно-отталкивающаго“, то едва ли ему было особенно легко дѣлать такое признаніе, потому что онъ, дѣйствительно, даже съ самыми близкими и преданными людьми сплошь да рядомъ обращался поистинѣ отвратительно и своекорыстно, и отлично понималъ, что всѣ къ этой его черствости и эгоистической жесткости относились съ большимъ осужденіемъ. Когда онъ, причисляя себя къ людямъ, которые „изъ грязи пробрались въ люди“, бичевалъ свое „мелочное самолюбіе“ и свою „спѣсивость“ то, опять-таки, ему совсѣмъ не легко было въ этомъ признаваться, потому что онъ дѣйствительно былъ и очень мелоченъ въ своемъ самолюбіи и очень спѣсивъ и зналъ, что то и другое отталкиваетъ отъ него людей. Такимъ образомъ, извѣстная доля самобичеванія „Переписки“ была несомнѣнно нравственнымъ подвигомъ, потому что унижала его непомѣрную гордыню и потому, очевидно, вырвалась въ минуту искренняго порыва и желанія освободиться отъ печальныхъ сторонъ своего характера. Скажемъ, кстати, что и великая гордыня Гоголя нѣсколько тяжелѣе у насъ наказывается, чѣмъ она того заслуживаетъ. Почему бы, собственно, Гоголю и не было быть преисполненному сознанія своего значенія, когда друзья и недруги не иначе къ нему относились, какъ къ генію? Почему мы не вмѣняемъ въ вину Пушкину его сознанія, что онъ „памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный“? Почему никто не возмущается молодымъ Лермонтовымъ, когда въ ту пору, когда его не баловало еще общественное признаніе, онъ тѣмъ не менѣе говорилъ о себѣ:

Нѣтъ я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ.

Но, какъ бы то ни было, загадочная смѣсь искренняго и напускного смиренія въ „Перепискѣ“, повторяемъ, имѣетъ интересъ чисто психологическій и общественно-политическихъ выводовъ изъ этого никакихъ не сдѣлаешь.

Гораздо важнѣе вопросъ о томъ, насколько былъ искрененъ Гоголь въ своемъ общественномъ смиреніи, въ отказѣ отъ разрушительнаго смысла своихъ художественныхъ произведеній, въ

томъ, что онъ благоговѣйно преклонялся предъ всею совокупностью дореформеннаго государственнаго быта. Объ этомъ ходили очень опредѣленные толки въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ и о нихъ, не придавая имъ, однако, реальнаго значенія, говоритъ Бѣлинскій въ своемъ письмѣ.

Послѣдовательное чтеніе писемъ, изданныхъ г. Шенрокомъ въ хронологическомъ порядкѣ, должно разсѣять всякія сомнѣнія на этотъ счетъ. Какъ ни относиться къ обскурантски-реакціонному направленію книги Гоголя, но если частная переписка его, начиная съ самаго отъѣзда за границу въ 1836 г., въ теченіе десяти лѣтъ вся проникнута однимъ и тѣмъ же пророчески-мистическимъ тономъ, высказываетъ одни и тѣ же взгляды на вопросы государственности, съ однимъ и тѣмъ же осужденіемъ относится ко всему оппозиціонному, то какъ бы все это ни характеризовать, но нельзя же усомниться въ искренности писавшаго, въ томъ, что просто дѣлясь съ пріятелями своимъ настроеніемъ, онъ могъ при этомъ имѣть какія-то заднія цѣли. Если для многихъ частей книги реальная переписка Гоголя была не больше какъ первымъ очеркомъ темъ, въ печати получившихъ гораздо болѣе широкое развитіе, то какъ разъ значительная часть того, что особенно возмутило современниковъ, взято почти цѣликомъ изъ написанныхъ по самымъ разнообразнымъ поводамъ дѣйствительныхъ писемъ Гоголя. Ограничимся для иллюстраціи тѣмъ, что можетъ быть анализировано съ извѣстною долею непринужденности. Едва ли не къ числу характернѣйшихъ статей „Переписки“ принадлежатъ полторы странички, озаглавленныя „Карамзинъ“. Здѣсь ни много, ни мало доказывается, что Карамзинъ „первый возвѣстилъ торжественно, что писателя не можетъ стѣснить цензура, и если уже онъ наполнился чистѣйшимъ желаніемъ блага въ такой мѣрѣ, что желаніе это, занявши всю его душу, стало его плотью и пищею, тогда никакая цензура для него не строга, и ему вездѣ просторно“. Оно, пожалуй, вполнѣ можно согласиться съ Гоголевскимъ утвержденіемъ. Писательское „желаніе, занявшее всю душу“, въ той или другой формѣ, дѣйствительно такъ или иначе выразится и дойдетъ до читателя, особенно россійскаго, столь искусившагося въ чтеніи между строкъ и символическаго пониманія печатныхъ словъ. Но, очевидно, Гоголь не то хотѣлъ сказать, когда онъ утверждалъ, что „никто, кромѣ Карамзина, не говорилъ такъ смѣло и благородно, не скрывая никакихъ (!) своихъ мнѣній и мыслей, хотя они и не соотвѣтствовали во всемъ тогдашнему правительству, и слышишь невольно что онъ одинъ имѣлъ на то право“. Хотя Карамзинскою „смѣлостью“, выразившеюся въ томъ, что своею запискою о „Древней и Новой Россіи“ онъ пошелъ на борьбу съ либеральными вѣяніями александровской эпохи, во времена Гоголя въ полной мѣрѣ обладалъ даже Булгаринъ, но всетаки, Гоголь полагалъ, что „смѣ-

лость“ Карамзина „даетъ урокъ нашему брату писателю. Какъ смѣшны послѣ этого изъ насъ тѣ, которые утверждаютъ, что въ Россіи нельзя сказать полной правды“. Въ такихъ случаяхъ всегда виноватъ самъ писатель. „Самъ же высказался такъ нелѣпо и грубо“, самъ же „выкажетъ неряшество растрепанной души своей“, а потомъ—чудакъ—„негодуетъ, что отъ него никто не принялъ и не выслушалъ правды! Нѣтъ, имѣй такую чистую, такую благоустроенную душу, какую имѣлъ Карамзинъ, и тогда возвѣщай свою правду: все тебя выслушаетъ, начиная отъ царя до послѣдняго нищаго въ государствѣ, и выслушаетъ съ такою любовью, съ какою не выслушивается ни въ какой странѣ ни парламентскій защитникъ правъ, ни лучшій нынѣшній проповѣдникъ, собирающій вокругъ себя верхушку моднаго общества; и съ такою любовью можетъ выслушать только одна чудная наша Россія, о которой идетъ слухъ, будто она вовсе не любитъ правды“.

Весьма краснорѣчиво коментируетъ увѣренность Гоголя, что очень осуществлялось желаніе „возвѣщать свою правду“, тотъ фактъ, что три статьи, назначенныя для „Переписки“, совсѣмъ не были пропущены цензурою, а большинство появившихся подверглось серьезнѣйшимъ урѣзкамъ. Вопросы государственной жизни были въ то время чѣмъ-то вродѣ „табу“ австралійцевъ, до котораго вообще нельзя было касаться, не только порицая, но даже анализируя ихъ съ извѣстнаго рода самостоятельностью. Поэтому-то и звучали такою дикою ироніею слова Гоголя, что „чудная Россія“ эпохи вычеркиванія изъ поваренныхъ книгъ рецептовъ ставить пироги на „вольный духъ“, отъ всякаго „съ любовью“ все выслушаетъ. И, однако, искренность увѣреній Гоголя не можетъ быть подвергнута ни малѣйшему сомнѣнію, потому что весь этотъ дифирамбъ цѣликомъ взятъ изъ частнаго письма и притомъ очень небольшого, слѣдовательно не изъ тѣхъ, которыя Гоголь долго обдумывалъ и переправлялъ, какъ-бы готовя ихъ для появленія къ печати. Гоголь просто отвѣчалъ закадычному пріятелю Языкову на присылку книги Погодина о Карамзинѣ и по этому поводу, вполнѣ мимоходомъ, предался своимъ удивительнымъ размышленіямъ.

Ограничиваясь, для удобства, этимъ характеристическимъ образчикомъ полной искренности реакціонныхъ тенденцій „Переписки“, прибавимъ еще только, что, собственно говоря, всякія чисто-фактическія доказательства искренности „Переписки“ совсѣмъ и не нужны даже. Будучи, во всякомъ случаѣ, произведеніемъ въ высшей степени яркимъ, являясь, во всякомъ случаѣ, выраженіемъ долголѣтнихъ думъ и размышленій, „Переписка“ уже въ силу одного этого не можетъ быть неискренней. Можно быть неискреннимъ въ одномъ какомъ-нибудь письмѣ, въ одной какой-нибудь статьѣ, но нельзя быть неискреннимъ въ цѣломъ стройномъ міросозерцаніи, нельзя 6—10 лѣтъ упорно и мучительно носиться съ

извѣстными мыслями, имѣя при этомъ въ виду какія-то заднія цѣли. Это психологическій non sens. Да, наконецъ, писательская „искренность“ есть понятіе совсѣмъ особенное. Она, по преимуществу, состоитъ въ глубокомъ интересѣ къ предмету, въ томъ, что писателю страстно, неудержимо хочется вращаться въ опредѣленной умственной сферѣ. „Переписка“ была выраженіемъ настроенія, назрѣвавшаго съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Гоголь въ 1836 году уѣхалъ за границу. Вначалѣ просто преисполненный сознанія своей „львиной силы“, онъ все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ развертывался передъ нимъ сюжетъ „Мертвыхъ душъ“, укрѣплялся въ этомъ сознаніи, пока, наконецъ, при его глубокой религіозности, оно не приняло форму вполнѣ реальнаго убѣжденія въ своемъ избранничествѣ. Въ письмѣ къ другу дѣтства А. С. Данилевскому, Гоголь, давая ему рядъ совѣтовъ и наставленій, такъ-таки прямо и заявляетъ ему: „О, вѣрь словамъ моимъ! Властью высшею облечено отнынѣ мое слово“ (II, 111). Въ томъ же письмѣ Гоголь, буквально какъ библейскій пророкъ, восклицаетъ: „Теперь ты долженъ слушать моего слова, ибо вдвойнѣ властно надъ тобою мое слово и *горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова*“ (II, 110).

Можно какъ угодно отнестись къ этимъ и однороднымъ заявленіямъ, которыя разбросаны во множествѣ въ письмахъ Гоголя, особенно въ письмахъ къ сестрамъ. Можно въ этомъ видѣть, какъ Бѣлинскій, проявленіе mania religiosa, можно отнестись къ этому, какъ къ маніи величія и т. д. Но въ одномъ только никто не станетъ сомнѣваться,—что подобныя заявленія вытекаютъ изъ настроенія необыкновенно цѣльнаго и проникающаго всего человѣка.

Изъ этого-то глубоко-искренняго пророческаго настроенія Гоголя, изъ его проникновеннаго убѣжденія, что онъ призванъ наставлять, поучать, указать истинный путь жизни личной и общественной, и вытекла „Переписка“, въ которой граждански-поучительный характеръ писательской дѣятельности Гоголя достигъ своего апогея. Это была первая русская книга, которая такъ или иначе затрагивала основные вопросы русскаго общественнаго быта, которая, хотя и въ глубоко-реакціонной формѣ, касалась самыхъ жгучихъ сторонъ русской гражданственности и тѣмъ самымъ заставляла общественную мысль работать въ извѣстномъ направленіи, подвергать анализу явленія, мимо которыхъ она до того проходила, просто не замѣчая ихъ. Въ каждомъ литературномъ произведеніи, съ общественной точки зрѣнія, гораздо важнѣе самого содержанія его способность затрагивать въ душѣ читателя извѣстныя струны, потому что основа всякаго прогресса есть, прежде всего, движеніе и страшенъ для общественности только застой. Стоитъ ближе присмотрѣться къ самымъ реакціоннымъ мѣстамъ „Переписки“, чтобы убѣдиться, какъ

пламенно они стремятся внести гражданскія стремленія въ самыя обыденныя, повседневныя отношенія. Возьмемъ даже пресловутую статью „Русскій помѣщикъ“ съ ея апоѳеозомъ крѣпостного права, съ ея прямымъ возведеніемъ закрѣпощенія мужика въ какой-то перлъ созданія. Бѣлинскому, которому при чтеніи только что тогда появившагося „Антона Горемыки“ казалось, что это не Антона, а его самого „отодрали на барской конюшнѣ“, конечно, кровь бросилась въ голову, когда онъ прочелъ гоголевское наставленіе пріятелю собрать своихъ крѣпостныхъ, объяснить имъ, что они „родясь подъ властію, должны покоряться той самой власти, подъ которою родились, потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога“, а главное *„показать это имъ тутъ же въ Евангеліи, чтобы они всѣ это видѣли до единаго“*. По поводу этой кощунственной профанаціи Евангелія Бѣлинскій, конечно, только и могъ сказать Гоголю, что въ моментъ преподанія своихъ совѣтовъ онъ былъ „преисполненъ не истины Христовой, а дьяволова ученія“. Но когда Бѣлинскій тутъ же утверждаетъ, что Гоголь „во имя Христа и церкви учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, учитъ ихъ ругать побольше“, то онъ былъ неправъ. Нѣтъ, Гоголь, совершенно забывъ историческое происхожденіе русскаго крѣпостного права, создалъ дикую утопію помѣщичьей власти, въ силу которой помѣщикъ всего менѣе пріобрѣтатель. По теоріи „Переписки“, помѣщикъ — человѣкъ, отъ Бога поставленный затѣмъ, чтобы блюсти душу своихъ крѣпостныхъ. „Скажи мужикамъ, — наставляетъ Гоголь пріятеля, — что заставляешь ихъ трудиться и работать *вовсе не потому, чтобы нужны были тебѣ деньги на твои удовольствія, и въ доказательство тутъ же сожги предъ ними ассигнаціи*, и сдѣлай такъ, чтобы они видѣли дѣйствительно, что деньги тебѣ нуль; но что потому ты заставляешь ихъ трудиться, что Богомъ повелѣно человѣку трудомъ и пóтомъ снискивать себѣ хлѣбъ, и прочти имъ тутъ же это въ Св. Писаніи, чтобы они это видѣли. Скажи имъ всю правду: *что съ тебя взыщетъ Богъ за послѣдняго негодяя въ селѣ*“. Сообразно съ этимъ Гоголь вмѣняетъ въ обязанность помѣщику обширнѣйшую программу безпрерывнаго и детальнѣйшаго общенія съ крестьянами, о которой въ обычной помѣщичьей жизни того времени никогда и помина не было, конечно. Тотъ владѣлецъ 800 душъ, къ которому обращены совѣты и увѣщеванія Гоголя, долженъ безпрерывно проповѣдывать своимъ „подданнымъ“ и для этого долженъ знать повадку и жизнь каждаго изъ своихъ мужиковъ въ отдѣльности. Когда мужикъ будетъ „уличенъ въ воровствѣ, *лѣности* или пьянствѣ“, помѣщикъ долженъ „ставить его передъ лицомъ Бога, а не передъ своимъ лицомъ“, долженъ показать, что онъ „грѣшитъ противъ Бога“, а не противъ помѣщика, и долженъ

предпринять цѣлый циклъ весьма сложныхъ увѣщаній и укоровъ. Недостаточно упрекать одного только провинившагося: „призови и бабу его, его семью, собери сосѣдей, попрекни бабу, зачѣмъ не отваживала отъ зла своего мужа и не грозила ему страхомъ Божіимъ; попрекни сосѣдей, зачѣмъ допустили, что ихъ же братъ, среди ихъ же, зажилъ собакою и губитъ ни про-что свою душу; докажи имъ, что они дадутъ за то всѣ отвѣтъ Богу. Устрой такъ, чтобы на всѣхъ легла отвѣтственность и чтобы все, что ни окружаетъ человѣка, упрекало бы и не давало бы ему слишкомъ разстегнуться". Но не только съ „лѣнтяями" и пьяницами долженъ возиться гоголевскій помѣщикъ. „А примѣрныхъ мужиковъ, призвавши къ себѣ и, если они старики, посадивши ихъ предъ собою, потолкуй съ ними о томъ, какъ они могутъ наставлять и учить добру другихъ, исполняя такимъ образомъ именно то, что повелѣлъ намъ Богъ". Въ чисто-хозяйственныхъ дѣлахъ „соприкосновеніе помѣщика съ крестьяниномъ" должно быть самое тѣсное, и помѣщикъ долженъ быть „самъ начинателемъ всего и передовымъ во всѣхъ дѣлахъ", долженъ „въ комнатахъ не засиживаться", долженъ почаще самъ принимать дѣятельное участіе въ крестьянскихъ работахъ съ топоромъ или косой въ рукѣ. Усердно долженъ помѣщикъ заботиться о просвѣщеніи народа и его религіозности. Правда, „учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ". „У мужика нѣтъ вовсе для этого времени. Послѣ столькихъ работъ никакая книжонка не полѣзетъ въ голову и, пришедши домой, онъ заснетъ, какъ убитый, богатырскимъ сномъ". Къ тому же „деревенскій священникъ можетъ сказать гораздо больше истинно нужнаго для мужика, нежели всѣ эти книжонки". Но, „если въ комъ истинно уже зародится охота къ грамотѣ, и при томъ вовсе не затѣмъ, чтобы сдѣлаться плутомъ-конторщикомъ, но затѣмъ, чтобы прочесть тѣ книги, въ которыхъ начертанъ Божій законъ человѣку—тогда другое дѣло. *Воспитай его какъ сына* и на него одного употреби все, что употребилъ бы ты на всю школу". Въ религіозномъ воспитаніи крестьянъ гоголевскій помѣщикъ, который вообще является истиннымъ чудомъ природы, соединяя въ себѣ рѣшительно всѣ способности и достоинства, играетъ тоже первенствующую роль, а духовенство тутъ сбоку-припека. Обыкновенно священники поучаютъ свою паству, хотя бы въ составъ этой паствы входили и такіе помѣщики, какъ гоголевскій владѣлецъ 800 душъ. Въ „Перепискѣ" наоборотъ, „*Будь ему* (*священнику*) *наставникомъ*", самымъ серьезнымъ образомъ говоритъ Гоголь своему помѣщику-энциклопедисту, „ты же понялъ такъ хорошо обязанности сельскаго священника". Совершенно забывъ, что у священника могутъ быть и свои собственные интересы и

желаніе проводить время въ собственной семьѣ, Гоголь дѣлаетъ изъ него настоящаго и безсмѣннаго помѣщичьяго адъютанта, который отъ того, что помѣщичья власть есть учрежденіе, назначенное отнюдь не для извлеченія выгодъ, а для спасенія крестьянскихъ душъ, долженъ всецѣло отдать себя въ распоряженіе помѣщика. „Заведи, чтобы священникъ обѣдалъ съ тобою всякій день. Читай съ нимъ вмѣстѣ духовныя книги. *А самое главное,—бери съ собою священника повсюду, гдѣ ни бываешь на работахъ, чтобы сначала онъ былъ при тебѣ въ качествѣ помощника*; чтобы онъ видѣлъ самолично всюду всю продѣлку твою съ мужиками. Къ нему будетъ больше уваженія со стороны мужиковъ, когда они увидятъ, что онъ идетъ съ тобою объ руку". Даже проповѣдывать долженъ священникъ именно то, что укажетъ помѣщикъ. Хотя священникъ кончилъ семинарію и, надо полагать, могъ бы, напримѣръ, и самъ справиться со Златоустомъ, но направляющая рука помѣщика и тутъ должна имѣть главное значеніе. „Возьми Златоуста и читай его вмѣстѣ съ *твоимъ* священникомъ и при томъ съ карандашемъ въ рукѣ, чтобы отмѣчать тутъ же всѣ такія мѣста (краткія и сильныя), а такихъ мѣстъ у Златоуста десятками во всякой проповѣди. И эти мѣста пусть онъ скажетъ народу". Такимъ образомъ, въ общемъ, священникъ простая ширма и дѣло религіознаго наставленія народа всецѣло сосредоточено въ рукахъ помѣщика. За то же и хвала ему воздается за всю совокупность его разносторонней дѣятельности, которая, по глубокому убѣжденію Гоголя, не можетъ не увѣнчаться блистательнѣйшимъ успѣхомъ, ибо „въ которую деревню заглянула только христіанская жизнь, тамъ мужики лопатами гребутъ серебро". „Не служа доселѣ ревностно ни на какомъ поприщѣ, сослужишь ты такую службу въ званіи помѣщика, какой не сослужитъ иной великочиновный человѣкъ. Что ни говори, но поставить 800 подданныхъ, которые всѣ какъ одинъ и могутъ быть примѣромъ всѣмъ окружающимъ своею истинно примѣрною жизнію — это дѣло не бездѣльное и служба истинно-законная и великая".

Можно разно отнестись къ Гоголевской утопіи—со смѣхомъ, съ негодованіемъ, съ недоумѣніемъ. Но забудемте самое содержаніе ея, возьмемте только *схему* отношеній, которыя она устанавливаетъ. Мы должны будемъ согласиться, что тутъ во всякомъ случаѣ не пріобрѣтательство, а попытка внести нравственное содержаніе и серьезныя обязанности въ такую сферу, гдѣ люди того круга, среди котораго вращался Гоголь, ничего кромѣ самыхъ грубыхъ практическихъ цѣлей не преслѣдовали. Чисто-экономическія отношенія превращены въ стройное явленіе гражданской жизни и всякій на какомъ-то общественномъ посту. Гоголевскому помѣщику, или вѣрнѣе настоящему отцу, духовнику и наставнику 800 душъ никто не откажетъ въ званіи истинно-

общественнаго дѣятеля, если онъ послушается Гоголя и свое сладкое житье промѣняетъ на то томительно-скучное существованіе, которое ему навязываетъ „Переписка“.

Гоголевское теократизированіе крѣпостного права могло бы, конечно, еще быть отвратительнымъ лицемѣріемъ какого-нибудь Іудушки Головлева, который въ моментъ, когда въ обществѣ пошли вѣянія, способныя подкопать зданіе помѣщичьяго благополучія, старается напялить благообразную личину на безобразное явленіе. Но въ этомъ отношеніи реакціонеръ и крѣпостникъ Гоголь имѣетъ за собою нѣчто такое, чего не имѣло за собою большинство тѣхъ, которые такъ на него обрушились. Гоголь былъ идеально безкорыстенъ и нравственно свободенъ, создавая свои крѣпостническіе идеалы. Съ переѣзда въ Петербургъ, т. е. съ первыхъ моментовъ своего сознательнаго существованія, Гоголь не пользовался ни единою крѣпостною копѣйкою, ни единой минуты не жилъ на счетъ крестьянъ, которые, увы, обезпечивали благополучное существованіе и автора „Записокъ охотника“, и автора „Антона Горемыки“ и, за исключеніемъ самого Бѣлинскаго, почти всѣхъ его друзей и единомышленниковъ. И вотъ почему вся слащавая маниловщина статьи „Русскій помѣщикъ“, вся эта идилія, въ существѣ гораздо болѣе смѣхотворная, чѣмъ возмутительная, должна быть признана ошибкою ума, но никакъ не сердца. Во всемъ этомъ эпизодѣ только ярко сказалась способность Гоголя ко всякому явленію подходить съ гражданской стороны, вносить весьма своеобразно-выразившіяся, но, всетаки, несомнѣнно общественныя стремленія въ самые затхлые уголки жизни.

Ту же общественность Гоголь хочетъ внести и во всѣ остальныя сферы русской жизни, которыя подвергаетъ анализу въ своей книгѣ. Что можетъ быть заурядднѣе положенія губернаторши? Однако же, въ длинной статьѣ, составившейся изъ реальнаго письма къ его ближайшей пріятельницѣ—знаменитой калужской губернаторшѣ А. О. Смирновой, Гоголь дѣлаетъ этотъ „постъ“ настоящимъ общественнымъ служеніемъ. Гоголевская губернаторша „должна всѣхъ избранныхъ и лучшихъ въ городѣ подвигнуть на дѣятельность общественную“, должна гнать роскошь, должна *„глядѣть на весь городъ, какъ лѣкарь глядитъ на лазаретъ“* и лѣчить общественныя язвы своимъ добрымъ вліяніемъ на дамъ, въ стремленіи которыхъ къ роскоши Гоголь на протяженіи всей своей книги видитъ главный источникъ злоупотребленій чиновниковъ и судей. Забудемъ опять маниловскую патоку, на которой заварена вся эта умилительная программа преобразованія общественнаго строя путемъ добрыхъ начальниковъ, и мы снова получаемъ тотъ же принципъ широкаго пріобщенія всякаго человѣка къ гражданской работѣ.

Еще менѣе, повидимому, имѣетъ что-либо родственнаго съ общественною дѣятельностью представленіе о богатой, знатной

красавицѣ. А между тѣмъ, присмотримся къ душевному портрету такой красивицы, нарисованному въ статьѣ „Женщина въ свѣтѣ". Біографія Гоголя выяснила, что хотя статья и имѣетъ подзаглавіе „Письмо къ...вой", но на самомъ дѣлѣ такого реальнаго письма Гоголь никому не писалъ и въ своей статьѣ онъ, какъ и въ „Русскомъ помѣщикѣ", только воспользовался эпистолярной формой, чтобы начертить свой идеалъ женщины.

Какое же употребленіе дѣлаетъ мнимая ...ва изъ своей молодости и красоты? Она скорбитъ о томъ, что „не можетъ быть кому-нибудь полезной", что „*никакого вліянія на общество имѣть не можетъ*". Но Гоголь съ нею споритъ, онъ указываетъ ей, что разъ „самымъ Богомъ водворено" ей „въ душу стремленіе или жажда добра", разъ „кто заключилъ въ душѣ своей такое *небесное безпокойство о людяхъ*, такую ангельскую тоску о нихъ среди самыхъ развлекательныхъ увеселеній, тотъ много, много можетъ для нихъ сдѣлать; у того повсюду поприще, потому что повсюду люди". „Не убѣгайте же свѣта, среди котораго вамъ назначено быть", умоляетъ Гоголь свою красавицу; ей непремѣнно удастся „обратить на путь нынѣшній свѣтъ": отказъ „ни у кого не посмѣетъ пошевелиться на губахъ, когда однимъ умоляющимъ взоромъ, безъ словъ, вы попросите кого-нибудь изъ насъ, чтобы онъ сдѣлался лучшимъ". Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшими совѣтами и указаніями Гоголя—по обыкновенію они слащаво-приторны. Но оцѣнимте самое главное въ каждомъ нравственномъ совѣтѣ—направленіе, которое онъ даетъ мысли. Пусть намъ укажутъ хотя бы одного изъ современныхъ „Перепискѣ" самыхъ передовыхъ писателей, у котораго зародился бы такой свѣтлый образъ, какъ образъ гоголевской красавицы съ душой, объятой, по удивительному выраженію Гоголя, достойному стать крылатымъ словомъ, „небеснымъ безпокойствомъ о людяхъ". И этотъ образъ создался у Гоголя не мимолетно, онъ вышелъ изъ очень глубокихъ тайниковъ его творческой души, потому что отлился у него тоже и въ художественной формѣ во 2-й части „Мертвыхъ душъ" въ лицѣ Улиньки, которая вся была переполнена такимъ же „небеснымъ безпокойствомъ", не выносила ни малѣйшей несправедливости. Улинька еще мало оцѣнена нашей критикой, но она несомнѣнно является первымъ художественнымъ воплощеніемъ новой русской женщины, съ ея общественными стремленіями и негодованіемъ на неправду, она старшая сестра Тургеневской Елены.

Къ числу самыхъ яркихъ въ общественно-политическомъ отношеніи статей „Переписки" принадлежитъ частью дѣйствительная переписка, частью только изложеніе бесѣдъ съ очень интимнымъ другомъ Гоголя — графомъ Александромъ Петровичемъ Толстымъ, тѣмъ самымъ, въ домѣ котораго онъ впослѣдствіи умеръ. Къ Толстому адресованы всѣ статьи, гдѣ гово-

рится о церкви, о духовенствѣ, о томъ, какъ надо „любить Россію“ и служить ей. Это та часть книги, которая пользуется особенно установившейся репутаціею. Но не мало будетъ удивленъ современный читатель, если, захотѣвъ познакомиться поближе съ почти никѣмъ теперь не читаемой „Перепиской“, заглянетъ и въ тѣ страницы, гдѣ, повидимому, сосредоточенъ весь гоголевскій „клерикализмъ“ и „аскетизмъ“. И окажется тогда, что того, что можно назвать „клерикализмомъ“ въ прямомъ смыслѣ, т. е. предоставленія духовенству руководящей роли въ практической жизни, у Гоголя нѣтъ и слѣда. Человѣкъ глубоко-религіозный, безгранично высоко ставящій церковь какъ руководительницу и наставительницу совѣсти, Гоголь, однако, рѣзко отстраняетъ духовенство отъ прямого и непосредственнаго вмѣшательства въ жизнь. Онъ даже противъ простого общенія духовенства съ паствою внѣ церкви. „Повѣрьте, что если бы стали духовные встрѣчаться съ нами чаще, участвуя въ нашихъ ежедневныхъ собраніяхъ и гульбищахъ или входя въ семейныя дѣла, это было бы нехорошо“. Весьма кстати вспомнивъ тутъ о самыхъ яркихъ и настоящихъ представителяхъ клерикализма—католическихъ патерахъ, съ ихъ вмѣшательствомъ въ семейныя дѣла, Гоголь прибавляетъ: „Духовному предстоитъ много искушеній, гораздо болѣе даже, нежели намъ: какъ разъ завелись бы тѣ интриги въ домахъ, въ которыхъ обвиняютъ римско-католическихъ поповъ“. Гоголь отмежевываетъ представителямъ церкви совершенно опредѣленную область: „у духовенства нашего два законныхъ поприща, на которыхъ они съ нами встрѣчаются: исповѣдь и проповѣдь“. Гдѣ же тутъ хотя бы отдаленная тѣнь дѣйствительнаго клерикализма?

Что касается „аскетизма“, т. е. стремленія углубиться только во внутреннее самоусовершенствованіе и бѣжать отъ дѣлъ міра сего, то трудно найдти болѣе рѣшительное, болѣе энергическое противодѣйствіе такому убѣганію въ пустыню, чѣмъ то, которое даетъ „Переписка“. Въ статьѣ „Нужно любить Россію“ вопросъ поставленъ въ самой непосредственной формѣ. Здѣсь Гоголь борется съ дѣйствительнымъ или воображаемымъ желаніемъ Толстого уйти въ монастырь и разсуждаетъ такъ: „безъ любви къ Богу никому не спастись“, но эту любовь надо имѣть въ себѣ: „*въ монастырѣ ея не найдется*“ тому, кто ею не проникся раньше. Какъ же обрѣсти любовь? „Христосъ принесъ и возвѣстилъ намъ тайну, что въ любви къ братьямъ получаемъ любовь къ Богу. Стоитъ только полюбить ихъ такъ, какъ приказалъ Христосъ, и сама собой выйдетъ въ итогѣ любовь къ Богу самому. *Идите же въ міръ и пріобрѣтите прежде любовь къ братьямъ*“. „Но какъ полюбить братьевъ“? Для этого русскому надо возлюбить Россію, въ которой теперь „болѣзни и страданія накопи-

лись въ такомъ множествѣ". Слышится „вопль всей земли" противъ „безчинствъ и неправды" и въ такое время никто не долженъ отстраняться отъ борьбы со зломъ. „Вы еще не любите Россію: вы умѣете только печалиться да раздражаться слухами обо всемъ дурномъ, что въ ней дѣлается"; „это еще не любовь, далеко вамъ до любви". „Нѣтъ, если вы дѣйствительно полюбите Россію, у васъ пропадетъ тогда сама собою та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многихъ честныхъ и даже умныхъ людей, то есть, будто въ теперешнее время они уже ничего не могутъ сдѣлать для Россіи и будто они ей уже не нужны совсѣмъ; напротивъ, тогда только во всей силѣ вы почувствуете, что любовь всемогуща и что съ нею можно все сдѣлать. Нѣтъ, если вы дѣйствительно полюбите Россію, вы будете рваться служить ей; *не въ губернаторы, но въ капитанъ-исправники пойдете, послѣднее мѣсто, какое ни отыщется въ ней, возьмете, предпочитая одну крупицу дѣятельности на немъ всей вашей нынѣшней бездѣйственной и праздной жизни*".

Предложить бывшему губернатору, чѣмъ Толстой былъ и въ дѣйствительности и въ качествѣ чего фигурируетъ передъ читателями въ „Перепискѣ", было, конечно, очень наивно. Но думается, что отъ чести признать свое тѣсное душевное родство съ этою наивностью не откажется ни одинъ изъ самыхъ завзятыхъ противниковъ „Переписки". Изъ этой „наивности" родилось все, что намъ свято въ русскомъ народолюбіи, изъ нея вышло „кающееся дворянство", вышли всѣ тѣ дорогія намъ позднѣйшія теченія, которыя тоже предпочли „бездѣйственной и праздной жизни" „крупицу дѣятельности" хотя-бы и на „послѣднемъ мѣстѣ" общественной лѣстницы. Въ поразительно-сильной формулѣ Гоголя могла сказаться только мысль, глубоко-захваченная скорбью о родинѣ, вся изнывшая отъ сознанія ранъ, ее разъѣдающихъ, и страстнаго желанія залѣчить ихъ.

Тотъ-же страстный призывъ работать на пользу общую составляетъ главное содержаніе другого адресованнаго Толстому письма—„Нужно проѣздиться по Россіи". Тутъ опять энергическая борьба съ настроеніемъ, изъ жажды подвига рвущимся въ монастырь, и опять „аскетическая" книга Гоголя властно говоритъ кандидату въ монахи: „*монастырь нашъ—Россія*! Облекитеже себя умственно рясой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нея, ступайте подвизаться въ ней".

Если Гоголь отъ людей всякаго званія и положенія требуетъ дѣятельной и самоотверженной работы на пользу общую, то какъ-же онъ смотритъ на собственную задачу свою, въ чемъ полагаетъ сущность и значеніе писательскаго призванія?

Ярко сказалась истинно-гражданская окраска всего духовнаго существа Гоголя и въ его взглядахъ на задачи литературы вообще и поэзіи въ частности. Для него писатель, какъ для

самаго завзятаго „разрушителя эстетики“ 60-хъ гг., только и цѣненъ съ точки зрѣнія той „пользы“, которую онъ приноситъ: „Я писатель, а долгъ писателя не одно доставленіе пріятнаго занятія уму и вкусу; строго взыщется съ него, если отъ сочиненій его не распространится какая-нибудь польза душѣ и не останется отъ него ничего въ поученіе людямъ“.

Благоговѣйный ученикъ и безграничный почитатель Пушкина, Гоголь, однако, совершенно разошелся съ нимъ въ пониманіи задачъ художественной дѣятельности. Несогласенъ онъ съ нимъ ни въ томъ, что художники рождены для звуковъ сладкихъ и молитвъ, ни въ томъ, что не ихъ дѣло „корысть“ и „битвы“. Какъ мы уже знаемъ, Гоголь обязательно требуетъ „пользы“, т. е. „корысти“ по терминологіи Пушкина. А что касается „житейскаго волненья“ и „битвъ“ т. е. отзывчивости на нужды времени и участія въ борьбѣ съ несовершенствами жизни, то всего этого Гоголь требуетъ не только отъ писателя, назначеніе котораго ставилъ такъ необыкновенно высоко,—онъ вмѣняетъ рѣшительно всякому человѣку борьбу со зломъ. „Вспомни“, говоритъ онъ даже человѣку, занимающему „незамѣтную должность“ и имѣющему весьма скромную сферу дѣйствія: „призваны въ міръ мы вовсе не для праздниковъ и пированій—*на битву мы сюда призваны*; какъ добрый воинъ долженъ бросаться изъ насъ всякъ туда, гдѣ пожарче битва“. Звуки-же сладкіе Гоголь отвергаетъ съ энергіею библейскаго пророка:

„Стряхни сонъ съ очей своихъ“, говоритъ онъ лучшему другу своему поэту Языкову, „и порази сонъ другихъ“. И вслѣдъ за этимъ Гоголь даетъ удивительнѣйшую по силѣ и яркости литературную формулу: „На колѣна передъ Богомъ и *проси у него гнѣва и любви*“.

„Гнѣва и любви“! Это сказано за нѣсколько лѣтъ до дорогой намъ формулы: „муза мести и печали“. И если этой музѣ мы присвоили названіе „гражданской“ по преимуществу, то будемте послѣдовательны и по отношенію къ Гоголю. Несомнѣнно „писатель-гражданинъ“ тотъ, кто своими художественными произведеніями подкопалъ все зданіе общественной скверны, а въ произведеніяхъ теоретическихъ всякаго человѣка дѣлаетъ ратоборцемъ за правду и общее благо, хотя и очень своеобразно понятое.

С. Венгеровъ.

Нужно-ли возрожденіе естественнаго права? *).

Памяти Гл. Ив. Успенскаго.

Мнѣ только что—и почти одновременно—пришлось прочитать двѣ „юридическія“ статьи, названія которыхъ приведены въ примѣчаніи, и у меня явилось желаніе подѣлиться своими мыслями по ихъ поводу съ читателями, интересующимися предметомъ, названнымъ въ заголовкѣ. За послѣднее время нѣкоторые представители теоріи права на нашихъ университетскихъ каѳедрахъ, именно, кромѣ автора отмѣченной статьи, профессора Новгородцевъ, Петражицкій и Покровскій (въ Москвѣ, Петербургѣ и Кіевѣ), уже зарекомендовавшіе себя солидными трудами по своей спеціальности, довольно настойчиво заговорили о необходимости воскрешенія или возрожденія естественнаго права, отъ котораго они ожидаютъ важныхъ теоретическихъ и практическихъ результатовъ. Пишущаго эти строки еще самые первые признаки возникновенія этого направленія заинтересовали, между прочимъ, съ той точки зрѣнія, что въ естественномъ правѣ юристовъ онъ всегда видѣлъ не что иное, какъ sui generis соціологическій субъективизмъ, тотъ самый субъективизмъ, изъ-за котораго столько разъ уже въ нашей журналистикѣ возгоралась самая горячая полемика. Правда, въ спорахъ субъективистовъ и объективистовъ, сколько мнѣ помнится, ни разу не задѣвался вопросъ объ „естественномъ правѣ“, которое, какъ понятіе „метафизическое“, было устранено изъ соціологіи еще самимъ основателемъ „положительной“ науки объ обществѣ; правда и то, что и новѣйшимъ защитникамъ естественнаго права осталась, повидимому, совершенно неизвѣстною (или, по крайней мѣрѣ, казалась мало интересною) полемика о субъекти-

---

*) (*В. Гессенъ*. Возрожденіе естественнаго права. «Право», 1902, №№ 10 и 11.—*Максимъ Ковалевскій*. Соціологія и сравнительная исторія права. «Вѣстникъ Воспитанія», 1902, февраль).

визмѣ въ соціологіи, — но это значитъ только одно: какъ мало до сихъ поръ соприкасаются между собою вопросы соціологіи и общей теоріи права. Во всякомъ случаѣ гг. Гессенъ, Новгородцевъ, Петражицкій и Покровскій поднимаютъ вопросъ, который такъ сильно занимаетъ русскихъ соціологовъ уже около четверти вѣка. Будучи самъ „субъективистомъ", я не могъ не сочувствовать новому направленію юридической мысли, которое въ сущности, какъ я постараюсь показать, подняло то же самое знамя. Но... Да, здѣсь именно существуетъ большое *но*. Дѣло въ томъ, что съ понятіемъ и самымъ терминомъ „естественное право" соединено столько весьма опредѣленныхъ представленій, совершенно отжившихъ свое время, что возникаетъ весьма понятное опасеніе, какъ бы съ возрожденіемъ естественнаго права не возродились и давно похороненныя начала философской юриспруденціи. Во всякомъ случаѣ едва-ли попытка воскресить эту доктрину встрѣтитъ сочувствіе среди тѣхъ нашихъ юристовъ, которые въ то же время являются и соціологами. Одинъ изъ нихъ уже и высказался въ неблагопріятномъ для „возрожденія" смыслѣ. Такимъ юристомъ-соціологомъ является у насъ М. М. Ковалевскій, а онъ въ недавней своей статьѣ „Соціологія и сравнительное изученіе права" мимоходомъ коснулся—и коснулся неодобрительно—людей, „оцѣнивающихъ дѣйствующеее законодательство съ метафизической точки зрѣнія абсолютной справедливости и яко-бы прирожденныхъ человѣку такъ называемыхъ естественныхъ правъ". Особенно неодобрительно относится онъ къ тому, что „нѣкоторые современные юристы хотѣли бы воскресить ученіе о jus quod natura omnia animalia docuit (о правѣ, которому природа научила всѣхъ животныхъ"). Теоретически естественное право—метафизика, да и практически, говоритъ цитируемый авторъ, „прогрессъ права не зависитъ отъ все бо́льшаго пропитыванія его метафизическими догмами естественнаго закона, а отъ поступательнаго движенія силы общества". Послѣднія слова являются какъ бы отвѣтомъ на тѣ упованія, которыя мы находимъ въ статьѣ г. Гессена,—и вотъ въ данномъ случаѣ я склоняюсь на сторону защитниковъ естественнаго права.

Припомнимъ, прежде всего, что такое естественное право. Зародышей этого понятія, какъ извѣстно, нужно искать еще въ греческой философіи, у софистовъ, которые впервые противоположили то, что существуетъ въ силу природы вещей (physei), тому, что обязано своимъ происхожденіемъ человѣческому установленію (thesei), потомъ у Аристотеля, тоже различавшаго справедливое отъ природы (physei) и таковое по закону (nomo), наконецъ, у стоиковъ, отъ которыхъ аналогичную идею заимствовали римскіе юристы, создавшіе идею естественнаго права (jus naturale). Уже на первыхъ порахъ основная идея естественнаго права допускала двоякое толкованіе: или совокупности идеальныхъ нормъ,

своего рода неписанныхъ божественныхъ законовъ, съ которыми должны сообразоваться человѣческія установленія (у Сократа, у Платона, отчасти у стоиковъ), или только нѣкоторыхъ чертъ быта или понятій, естественно и необходимо существующихъ у всѣхъ народовъ въ силу ихъ общей человѣческой природы (у Аристотеля, у римскихъ юристовъ), хотя нерѣдко обѣ эти точки зрѣнія сливались воедино. Въ средніе вѣка идею естественнаго права усвоила и католическая церковь, которая придала ей теологическій характеръ, объявивъ, что въ основѣ естественнаго закона лежитъ божественная воля. Отъ такой точки зрѣнія естественное право эманципировалось лишь въ XVII вѣкѣ, благодаря главнымъ образомъ иниціативѣ Гроція. Но особенно въ новомъ, чисто свѣтскомъ пониманіи сдѣлалась эта идея популярною въ XVIII в., которому въ этомъ отношеніи задавала тонъ главнымъ образомъ философія Локка. Читатель знаетъ, какую роль въ исторической жизни сыграло естественное право въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма и французской революціи, но и въ эту эпоху въ понятіи естественнаго права мы всегда можемъ различить двѣ стороны: теоретическую и практическую. Первая, это—представленіе о чемъ-то именно „естественномъ", существующемъ по самой природѣ вещей, всеобщемъ и необходимомъ, лежащемъ въ основѣ дѣйствительныхъ явленій, т. е. идеалистическая или метафизическая концепція реальности, какъ продукта или отраженія нѣкотораго закономѣрнаго порядка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, это „естественное" мыслилось, какъ „разумное", т. е. соотвѣтствующее идеямъ разума, требованіямъ истины и справедливости, и въ этомъ заключалась практическая, собственно говоря — этическая и политическая, въ обоихъ отношеніяхъ, деонтологическая— сторона естественнаго права XVIII в.: требованіе сообразованія съ его принципами дѣйствительной жизни общества. Впрочемъ, и тутъ *элементы идеальной нормы вещей и предполагаемой ихъ общей естественной основы—сливались воедино.*

Посмотримъ теперь, кто похоронилъ естественное право, которое въ настоящее время стараются воскресить.

Однимъ изъ первыхъ былъ Бентамъ. Принципіальный врагъ метафизики, онъ въ знаменитой декларацiи правъ человѣка и гражданина, основанной на идеѣ естественнаго права, видѣлъ только „анархическіе софизмы", да и вообще вся теоретическая сторона разсматриваемой идеи подверглась съ его стороны суровой критикѣ, хотя это не значитъ, что Бентамъ отрицалъ необходимость идеальныхъ нормъ права. И у него были такія нормы, возведенныя къ принципу наибольшаго счастья наибольшаго количества людей, что сдѣлало его теоретикомъ и проповѣдникомъ демократіи. Онъ не только не отрицалъ категоріи должнаго и необходимости реализаціи этого должнаго, но даже прямо говорилъ о законности „деонтологіи", т. е. ученія о должномъ, не

существующемъ еще, но долженствующемъ существовать. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Бентамъ никогда не хоронилъ, какъ нѣчто отжившее, идею естественнаго права, именно право людей на счастье и право ихъ въ соотвѣтствіи съ этимъ осуществлять въ жизни лучшіе порядки. „Метафизикъ“ Руссо и „реалистъ“ Бентамъ *въ этомъ отношеніи* были близки другъ къ другу.

Наоборотъ, историческая школа права, которой приписываютъ главную заслугу—или главную вину, кто какъ смотритъ,—въ умерщвленіи естественнаго права, вооружилась противъ деонтологической его стороны, сохранивъ въ сущности его идеологическую сторону. Вообще люди, недовольные существующими порядками, склонны были понимать естественное право деонтологически, т. е. какъ идеалъ, требующій осуществленія, и наоборотъ, люди, настроенные консервативно, предпочитали понимать его, какъ основу уже существующаго положительнаго права. Въ эпоху просвѣщенія XVIII в. и французской революціи естественное право получило боевой характеръ, историческая же школа была какъ разъ однимъ изъ культурныхъ проявленій консервативной реакціи противъ предыдущаго историческаго движенія. Отвергнувъ идею естественнаго права, какъ требованіе несуществующаго, она объявила, что существующее право есть единственно разумное, такъ какъ въ основѣ его лежитъ народное правосознаніе, но это послѣднее понятіе—такая же „метафизика“, т. е. нѣчто не реальное, какъ и естественное право: вся разница только въ націоналистическомъ характерѣ одного и въ космополитическомъ характерѣ другого, въ объясненіи положительнаго права изъ народнаго духа въ одномъ случаѣ и изъ общечеловѣческой природы (или разума) въ другомъ.

Итакъ, историческая школа хоронила то самое, что Бентамъ одухотворялъ реальнымъ требованіемъ наибольшаго счастья наибольшаго количества людей, и наоборотъ, Бентамъ хоронилъ то, что историческая школа спасала изъ раціоналистической доктрины придавъ прежнему понятію мистическій оттѣнокъ. Значитъ, и два разныхъ естественныхъ права было—онтологическое (скажемъ такъ) и деонтологическое, т. е. уже данное въ наличности существующаго и только еще долженствующее быть осуществленнымъ.

О возрожденіи какого же естественнаго права говорятъ наши юристы? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, посмотримъ, противъ чего протестуетъ г. Гессенъ въ своей статьѣ.

Прежде всего г. Гессенъ протестуетъ противъ идей современнаго нѣмецкаго юриста Бергбома, жалующагося на то, что до сихъ поръ теорія права „заражена естественнымъ правомъ“ съ его „непростительными бреднями“; подъ бреднями же этими онъ разумѣетъ не иное что, какъ „всякое противопоставленіе положительному праву, хотя бы и признаваемому исключительно дѣйствующимъ, правовыхъ идей, правового сознанія или чувства,

идеи справедливости, какъ факторовъ развитія и совершенствованія права". Противъ такого воззрѣнія, дѣйствительно, стоитъ возражать, но выходитъ такъ, что и возраженія критика не могутъ остаться безъ возраженія. Приведенное мнѣніе Бергбома г. Гессенъ находитъ „чрезвычайно любопытнымъ для характеристики позитивизма". Съ послѣднимъ терминомъ соединяется у насъ обыкновенно очень ясное представленіе о враждебномъ метафизикѣ, основанномъ исключительно на положительномъ знаніи философскомъ направленіи, но у г. Гессена здѣсь рѣчь идетъ о нѣмецкой „философіи положительнаго права", по которой право создается лишь борьбою за матеріальныя блага (интересы) матеріальными же средствами (силою) и есть лишь компромиссъ между побѣдителями и побѣжденными, жестокій и несправедливый, какъ всякій компромиссъ послѣ побѣды: поэтому право, собственно говоря, не можетъ быть справедливымъ, и его критика съ какихъ-либо идеальныхъ точекъ зрѣнія выходитъ безцѣльною. По мнѣнію г. Гессена, этотъ „позитивизмъ" сложился изъ софистики (или нравственнаго нигилизма), практицизма, сводящаго всю юриспруденцію къ веденію гражданскихъ исковъ, и утилитаризма, „апостолъ" котораго, Бентамъ, поэтому получаетъ у нашего автора неодобрительную аттестацію мыслителя, думавшаго, что „только реальное право охраняетъ порядокъ и миръ". Бентамъ — вотъ истинный противникъ естественнаго права, а не историческая школа, которая, наоборотъ, сохранила въ себѣ, только въ замаскированномъ видѣ, идею естественнаго права. Другими словами, сопоставляя мнѣнія г. Гессена о Бентамѣ и объ исторической школѣ, мы находимъ, что его сочувствіе *въ данномъ случаѣ* (нарочно подчеркиваю эти слова) на сторонѣ представителей идеалистической онтологіи, а не идеалистической деонтологіи, но правильно-ли еще понимаетъ г. Гессенъ философію Бентама въ ея цѣломъ? Далѣе, въ подстрочномъ примѣчаніи нашъ авторъ замѣчаетъ, что „съ позитивной теоріей права мы встрѣчаемся также въ трудахъ соціологическаго характера", и для примѣра ссылается на *Основы соціологіи* Гумпловича. Что „встрѣчаемся", это—правда, но Гумпловичъ не составляетъ всей соціологіи, въ которой, наоборотъ, „встрѣчается" и иное отношеніе къ праву при полномъ сохраненіи „позитивизма" въ смыслѣ протеста противъ всякой идеологіи, выдающей себя за воспроизведеніе дѣйствительности. Незнакомство съ соціологической литературой—вообще слабое мѣсто нашей юриспруденціи, отражающей на себѣ исключительное вліяніе нѣмецкихъ школъ права, какія бы общія направленія ими ни представлялись. Я боюсь, что о Бентамѣ, о „соціологическихъ трудахъ" и кое о чемъ другомъ, выходящемъ за предѣлы кругозора нѣмецкой правовѣрной или неправовѣрной юриспруденціи, г. Гессенъ говоритъ больше по наслышкѣ. Если бы онъ не игнорировалъ „соціологическіе труды", то не

ограничился бы указаніемъ на то, что въ новѣйшей философіи права выдвигается на первый планъ психологическая его природа, а отмѣтилъ бы цѣлое психологическое направленіе въ соціологіи и къ именамъ юристовъ, стоящихъ на психологической точкѣ зрѣнія, прибавилъ бы цѣлый рядъ именъ соціологовъ, ставившихъ тотъ же самый вопросъ и шире, и общѣе. Онъ, заглянувъ въ ихъ труды, увидѣлъ бы еще, что изъ этого именно лагеря вышелъ первый протестъ противъ экономическаго матеріализма, и критику этого послѣдняго *) сопоставилъ бы съ болѣе почтенными проявленіями „нравственнаго идеализма", чѣмъ... „символизмъ и импрессіонизмъ"! Да, читатель, именно эти два способа исканія новыхъ путей къ нравственному идеализму сопоставляются авторомъ съ критикою экономическаго матеріализма и не только съ нею, но и съ возрожденіемъ естественнаго права. „*Вакханалія матеріализма* (курсивъ нашъ) еще въ полномъ разгарѣ, восклицаетъ г. Гессенъ,—но пресыщенная и разочарованная, человѣческая мысль уже ищетъ невѣдомыхъ новыхъ путей, уже жаждетъ невѣдомой новой правды"!

Какому же естественному праву желаетъ возрожденія г. Гессенъ? Тому ли, которое было похоронено Бентамомъ во имя его нереальности, или тому, которое было убито исторической школой вслѣдствіе его безпокойнаго поведенія въ концѣ XVIII вѣка?

Симпатичную сторону статьи г. Гессена представляетъ ея нравственный идеализмъ. Онъ совершенно вѣрно (съ нашей, по крайней мѣрѣ, точки зрѣнія) понимаетъ прогрессивную роль разсматриваемой идеи, какъ заключающей въ себѣ требованіе реализаціи въ положительномъ правѣ этическаго идеала, основаннаго на идеѣ справедливости, и видитъ истинное назначеніе права не въ охранѣ интересовъ, а въ осуществленіи справедливости. Совершенно вѣрно онъ указываетъ на то, что содержаніе естественнаго права, какъ совокупности требованій, предъявляемыхъ обществомъ или отдѣльными его классами къ законодательству, измѣняется съ теченіемъ времени и, напр., было на Западѣ въ концѣ XVIII в. политическимъ, чтобы въ XIX в. стать соціальнымъ и т. п. Но именно все это симпатичное давнымъ-давно и при томъ безъ всякихъ метафизическихъ пережитковъ, поводъ къ которымъ даетъ самая идея естественнаго права, развивалось въ русской соціологической литературѣ, не смотря на весь ея „позитивизмъ": въ ней наши сторонники возрожденія естественнаго права нашли бы уже въ готовомъ, законченномъ видѣ многое изъ того, что ими только намѣчается, вырабатывается, а именно и о внутренней, психологической подкладкѣ соціальныхъ явленій, къ числу которыхъ отно-

*) Замѣчу еще, что историческій матеріализмъ, какъ особое направленіе, относится къ области соціологіи и исторіологіи, а не политической экономіи, какъ это представляется г. Гессеномъ.

сится и право, и о творческой силѣ человѣческаго духа и роли идеаловъ въ жизни, и о научномъ правѣ оцѣнки дѣйствительности съ точки зрѣнія идеала, и свое естественное право они узнали бы въ томъ соціологическомъ субъективизмѣ, который боролся противъ всего того, что г. Гессенъ, вѣроятно, и разумѣетъ подъ „вакханаліей матеріализма". Можетъ быть, тогда и оцѣнка Бентама вышла бы у г. Гессена нѣсколько иная, теперь же она—плодъ недоразумѣнія. Во всякомъ случаѣ деонтологія Бентама и естественное право г. Гессена не стоятъ въ непримиримомъ противорѣчіи между собою.

Ну, а естественное право, сохранившееся въ замаскированномъ видѣ у юристовъ исторической школы?

Г. Гессенъ находитъ, что историческая школа похоронила естественное право не вообще, а лишь раціоналистическую его форму, создавъ вмѣсто нея новую форму — органическую, и что теперь этой формѣ предстоитъ смѣниться другою, уже окончательною—эволюціонною или историческою. Это—очень удачная историческая конструкція, которой въ общемъ соотвѣтствуетъ и ходъ научной мысли, но только г. Гессенъ не обратилъ вниманія на то, что философія права развивалась не только внутри самой себя, но и въ связи съ другими соціальными науками, и что если подъ правомъ юристы всѣхъ школъ разумѣли приблизительно одно и то же, то о словѣ „естественный" этого не приходится уже сказать. Естественное право (jus naturale) было долгое время въ сущности правомъ природы (jus naturae), т. е. совокупностью ея законовъ. Терминъ возникъ еще въ тѣ блаженныя времена, когда люди смотрѣли на природу иными глазами, нежели мы, т.-е. когда въ природѣ видѣли своего рода существо, когда къ числу ея законовъ причисляли и нравственныя правила, написанныя въ сердцахъ людей, когда у природы считали возможнымъ учиться, какъ слѣдуетъ жить въ обществѣ; это была не та природа, которую изучаетъ современный естествоиспытатель, а какая-то высшая мудрость, и законы такой природы отожествлялись съ законами разума, съ требованіями морали, съ идеальными нормами права. Теперь „природа" и „естественность" значатъ нѣчто иное, и первыми, которые принципіально стали изгонять старое словоупотребленіе изъ общественныхъ наукъ, были позитивисты Контъ, Милль и др. Къ сожалѣнію, позже всего стали понимать различіе между законами въ научномъ смыслѣ и въ смыслѣ юридическомъ юристы, и еще четверть вѣка тому назадъ одному изъ первыхъ русскихъ юристовъ, испытавшему на себѣ вліяніе соціологической мысли, С. А. Муромцеву, пришлось разъяснять, что нельзя смѣшивать понятіе о юридическомъ принципѣ съ понятіемъ о законѣ историческаго образованія или развитія права: отсылаю интересующихся къ его *Очеркамъ общей теоріи гражданскаго права* (I, 85 и слѣд.) и „Опредѣленію и основному раздѣленію права" (стр. 15 и слѣд.). Въ смыслѣ

новаго словоупотребленія подъ естественнымъ правомъ уже никакъ нельзя разумѣть того права, „которому природа научила всѣхъ животныхъ“, потому что, какъ замѣчаетъ въ своихъ возраженіямъ М. М. Ковалевскій, „если природа и научила чему-нибудь живыя существа, то не торжеству права, а силы въ выгодѣ, вытекающей изъ ежечаснаго принесенія другихъ существъ въ жертву потребностямъ самосохраненія“. Теорія Дарвина даетъ намъ совсѣмъ иное представленіе о „законахъ“ природы, чѣмъ то, которое мы находимъ, напр., у физіократовъ, переносившихъ идеи естественнаго права въ экономическую область, или у Адама Смита, вмѣстѣ съ физіократами вѣрившаго въ разумность и гармоничность „естественнаго порядка“. Только недостатокъ вдумчивости позволилъ одному нѣмецкому юристу лѣтъ тридцать тому назадъ такимъ „естественнымъ“ закономъ объяснять происхожденіе и развитіе права *). Нѣтъ, право нужно совсѣмъ изъять изъ вѣдѣнія „природы“ и передать всецѣло во владѣніе человѣческаго общества. Въ научной соціологической терминологіи слово „естественный“ можетъ только противополагаться слову „искусственный“. Съ этой точки зрѣнія естественнымъ можно называть все, что возникаетъ въ культурной жизни спонтанейнымъ образомъ, т.-е., какъ принято говорить, непреднамѣренно, безсознательно, инстинктивно, стихійно, органически и т. п. „Естественная религія“ въ XVIII в. обозначала разумную, философскую религію (деизмъ), въ XIX в. естественными религіями стали называть первобытныя вѣрованія, созданныя коллективнымъ творчествомъ народныхъ массъ. Такъ и естественнымъ правомъ въ наши дни скорѣе всего слѣдовало бы называть не идеальное право, которое носятъ въ своемъ сознаніи передовые люди эпохи, а совокупность обычаевъ, естественно сложившихся на почвѣ реальныхъ общественныхъ отношеній. Конечно, я не настаиваю на томъ, чтобы первобытное и обычное право назывались естественнымъ правомъ; мнѣ хотѣлось только показать, какой пережитокъ заключается въ самомъ терминѣ. Съ другой стороны, ни въ соціологіи, ни въ политической экономіи „естественный“ уже не употребляется въ нормативномъ смыслѣ, а потому и юриспруденція могла бы разстаться съ терминомъ, который заключаетъ въ себѣ чисто раціоналистическое пониманіе природы права. Вѣдь и самъ г. Гессенъ всячески открещивается отъ отожествленія возрождающагося естественнаго права съ раціоналистическимъ, которое признавало такія „метаполитическія“ сущности, какъ человѣческая природа или разумъ.

Совершенно такую же „метаполитическую“ сущность нашъ авторъ видитъ и въ народномъ самосознаніи исторической школы, и

*) *Фикъ*. Теорія Дарвина на юридической почвѣ (рус. пер, въ „Знаніи“ за 1872 г.).

теоретическая постановка въ ней вопроса о правообразованіи его не удовлетворяетъ. Извѣстно, что эта школа понимала право, какъ нѣчто развивающееся само собою, безъ участія человѣческой дѣятельности *). Въ нѣмецкой юриспруденціи ударъ теоріи чисто спонтанейнаго развитія права былъ нанесенъ Іерингомъ, указавшимъ на принципъ борьбы за право. По словамъ самого г. Гессена, Іерингъ формулировалъ основное положеніе истиннаго историзма, но критикъ ставитъ въ вину Іерингу проповѣдь „телеологическаго утилитаризма", который осужденъ имъ въ Бентамѣ. Если, однако, отвлечься отъ содержанія этой телеологіи, то г. Гессенъ опять окажется ближе къ противнику исторической школы, какъ былъ ближе и къ противнику естественнаго права Бентаму. Мистика народнаго правосознанія ему также чужда, какъ и метафизика раціоналистическаго естественнаго права. Какъ бы ни были не по душѣ г. Гессену утилитаристическіе принципы Бентама и Іеринга, и какъ бы ни были справедливы возраженія, которыя можно съ точки зрѣнія менѣе односторонней этической и политической теоріи сдѣлать обоимъ мыслителямъ, г. Гессенъ стоитъ съ ними на одной почвѣ, вѣря вмѣстѣ съ ними въ творческую силу человѣческой личности, т. е. въ то, что люди не напрасно создаютъ свои идеалы, но что эти идеалы могутъ осуществляться въ жизни. Опять и тутъ г. Гессенъ приближается къ воззрѣніямъ русской субъективной соціологіи, которая ранѣе, чѣмъ это произошло во Франціи (Фулье, Тардъ и др.), въ Америкѣ (Лестеръ Уордъ, Гиддингсъ и др.), выступила съ критикой теоріи безличной эволюціи, съ защитою роли личности въ исторіи. При этомъ замѣтимъ еще, что данный вопросъ въ соціологіи ставится полнѣе и шире, ибо съ этой точки зрѣнія въ соціологіи разсматривается не одна только юридическая сторона жизни, которую философія права слишкомъ изолируетъ отъ другихъ сторонъ, но и стороны культурная, экономическая, политическая, а то, что юристы называютъ творчествомъ человѣческаго духа въ области права, берется лишь въ смыслѣ частнаго случая „роли личности въ исторіи". Естественное право въ первой половинѣ термина есть понятіе слишкомъ „метаполитическое", употребляя выраженіе самого г. Гессена, и слишкомъ узко-юридическое во второй своей части. Если въ области юриспруденціи тому, что г. Гессенъ такъ защищаетъ, суждено утвердиться, то это будетъ не возрожденіемъ естественнаго права, а перенесеніемъ въ спеціальную область юриспруденціи того соціальнаго идеализма, котораго никогда не чуждалась субъективная соціологія

---

*) Ср. съ послѣдующимъ нашу статью «Два взгляда на процессъ правообразованія» («Юрид. Вѣстн.», 1889) и стр. 538 — 569 нашей книги «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи».

и въ созданіи котораго, какъ это ни страннымъ покажется почтенному автору, видную роль игралъ и Бентамъ.

Итакъ, я думаю, что рѣчь идетъ не о воскрешеніи естественнаго права, какъ таковаго, а о внесеніи въ философію права соціальнаго идеализма, который уже давно занялъ подобающее ему мѣсто и въ соціологіи, и въ политической экономіи. Вѣдь правовые идеалы вмѣстѣ съ идеалами культурными, экономическими, соціальными, политическими—суть только часть общественныхъ идеаловъ вообще, и выдѣлять ихъ въ особую категорію съ старымъ названіемъ естественнаго права нѣтъ основанія. Правда, г. Гессенъ въ основу естественнаго права кладетъ этическую идею справедливости, которую въ нѣсколькихъ мѣстахъ противополагаетъ идеямъ пользы и силы, но вѣдь идея справедливости одинаково примѣнима и къ экономической, и къ политической сторонамъ жизни, а съ другой стороны, и правовая область не обходится въ свою очередь безъ принциповъ пользы и силы. Пора понять, что нравственность связана не съ однимъ только правомъ, и что этическія соображенія должны приниматься въ разсчетъ и въ экономическихъ, и въ политическихъ наукахъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, ясно, какъ день, что естественное право, возрожденія котораго желаетъ г. Гессенъ, въ сущности есть не что иное, какъ нѣсколько суженное пониманіе соціальной этики, которая въ XIX вѣкѣ пришла на смѣну старой этикѣ, бывшей всегда слишкомъ индивидуалистичной. Вѣдь и старое естественное право, вращавшееся со временъ римскихъ юристовъ въ понятіяхъ, главнымъ образомъ, гражданскаго права, въ этомъ отношеніи не можетъ насъ удовлетворить въ настоящую эпоху постановки политическихъ и соціальныхъ вопросовъ. И это устраненіе изъ юриспруденціи односторонняго индивидуализма цивилистики возможно только на соціологической почвѣ. Прибавлю, что только на этой почвѣ можно правильно размежевать категоріи силы, пользы и справедливости, безъ ужаса передъ утилитаризмомъ, какъ бы неудовлетворителенъ онъ ни былъ въ смыслѣ теоріи генезиса нравственности. Опять и опять напомню, что и въ этомъ отношеніи новѣйшіе реформаторы юриспруденціи нашли бы немало полезныхъ для себя указаній въ соціологической литературѣ. Не клиномъ же свѣтъ сошелся на нѣмецкой юриспруденціи съ ея спорами о предметахъ, получавшихъ очень часто болѣе широкую постановку въ соціологической литературѣ другихъ націй.

Свое естественное право г. Гессенъ называетъ эволюціоннымъ или историческимъ. Основное положеніе истиннаго историзма онъ видитъ въ формулѣ: „въ исторіи нѣтъ ничего готоваго; исторія все создаетъ“, а эволюціонизмъ опредѣляетъ, какъ признаніе текучести содержанія естественнаго права. Поэтому онъ принимаетъ опредѣленіе Іеллинека, по которому „естественное право есть совокупность требованій, предъ-

являемыхъ *измѣнившимся съ теченіемъ времени обществомъ* или отдѣльными его классами къ правотворческой власти". Другими словами, это — творчество идеаловъ, по моему мнѣнію, предъявленіе идеала правотворческой власти для его реализаціи вовсе не есть необходимое условіе того, чтобы идеалъ мыслился отдѣльнымъ лицомъ или цѣлою группою, какъ ихъ право (пусть даже естественное право), еще не осуществленное. Другое дѣло, совпадаетъ ли данное правосознаніе съ даннымъ правопорядкомъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ предметомъ юриспруденціи является главнымъ образомъ объективный правопорядокъ, субъективное же правосознаніе никакъ не можетъ быть исключительнымъ предметомъ науки права: это больше предметъ психологіи, культурной исторіи, этики. „Существованіе нормъ внутренняго интуитивнаго правоубѣжденія" не резонъ для того, чтобы изымать его изъ вѣдѣнія соціальной этики въ исключительное завѣдываніе юристовъ подъ ярлыкомъ естественнаго права, когда такое же естественное право можетъ быть и предметомъ государствовѣда, и политико-эконома, и соціолога, разъ они изучаютъ каждый свою область не только съ исторической или теоретической, но и этической точки зрѣнія. Самый процессъ творчества идеаловъ есть предметъ изученія исторіи или соціологіи, и отъ него, конечно, какъ отъ предмета изученія, интереснаго и для юриста, нужно отличать творчество юристами ихъ собственныхъ идеаловъ, созданіе ими того идеальнаго естественнаго права, о которомъ говоритъ г. Гессенъ. Думаю, что названіе историческаго или эволюціоннаго естественнаго права можетъ относиться къ нему лишь въ качествѣ предмета изученія, и потому заключаетъ въ себѣ лишь извѣстное (не-раціоналистическое и не-мистическое) его пониманіе, но г. Гессенъ желаетъ, чтобы юристы и сами творили это право или, по крайней мѣрѣ, оцѣнивали съ его точки зрѣнія положительное право, и въ такомъ случаѣ я совсѣмъ не понимаю, почему ихъ естественное право будетъ историческимъ и эволюціоннымъ. Процессъ творчества идеальныхъ нормъ въ сущности будетъ одинъ и тотъ же, будемъ ли мы объяснять его божественнымъ озареніемъ, врожденными идеями разума, проявленіемъ въ индивидуальной душѣ національнаго правосознанія или вліяніемъ исторической эволюціи. Этотъ процессъ можетъ быть изучаемъ только психологіей, и при томъ не индивидуальной психологіей стариннаго времени, а той коллективной психологіей, которая все болѣе и болѣе завоевываетъ почву подъ ногами. Боюсь, что и въ данномъ случаѣ новая юридическая психологія, по крайней мѣрѣ, въ пониманіи г. Гессена нѣсколько отстаетъ отъ общаго соціологическаго движенія. Слишкомъ уже несоціологична мысль, считаемая г. Гессеномъ за „безусловно вѣрную", что „право есть психологическое, внутренне-человѣческое явленіе", тогда какъ

на самомъ дѣлѣ это можетъ быть сказано только о правосознаніи, къ области котораго относится и естественное право, отнюдь не о правопорядкѣ, который вмѣстѣ съ государствомъ и народнымъ хозяйствомъ есть уже соціологическое, внѣ индивидуальныхъ сознаній, но въ самой общественной жизни существующее явленіе.

Такъ именно и смотритъ на право соціологія. Истинный историзмъ и эволюціонизмъ, которымъ сочувствуетъ г. Гессенъ, яснѣе и полнѣе всего представлены въ современной соціологіи, которая все болѣе и болѣе проникается психологизмомъ, но въ то же время имѣетъ своимъ предметомъ внѣшнія формы человѣческаго общежитія — экономическія, юридическія (право) и политическія — въ ихъ взаимодѣйствіи между собою и съ духовною культурою, содержащеюся въ индивидуальныхъ сознаніяхъ. Естественное право въ пониманіи г. Гессена есть, главнымъ образомъ, ученіе о томъ, *что должно* быть осуществлено въ правовой жизни общества, но вѣдь нужно еще знать, *какъ* это должное *можетъ* быть осуществлено. Это вопросъ не о цѣли, къ которой слѣдуетъ стремиться, а о способахъ ея достиженія и объ условіяхъ, среди которыхъ приходится этого добиваться. Успѣшное воздѣйствіе на жизнь требуетъ знанія законовъ, управляющихъ ея явленіями, и реальной среды, подлежащей нашему воздѣйствію. Тутъ одна юриспруденція даже съ своимъ естественнымъ правомъ ничего не подѣлаетъ, ибо юридическія трансформаціи совершаются въ зависимости отъ перемѣнъ соціальныхъ, экономическихъ, политическихъ и культурныхъ и подчинены извѣстной закономѣрности, постигнуть которую стремится соціологія: одна „политика права“ безъ содѣйствія исторіи и статистики, политической экономіи и соціологіи мало что можетъ сдѣлать.

Но, быть можетъ, вообще достаточно одной соціологіи для осуществленія тѣхъ задачъ, которыя ставитъ себѣ возрождаемое естественное право? Задаваясь такимъ вопросомъ, я имѣю въ виду нашъ соціологическій споръ о субъективизмѣ и объективизмѣ, о которомъ невольно вспоминаешь, знакомясь съ полемикою сторонниковъ естественнаго права противъ юридическихъ „позитивистовъ“. Дѣло въ сущности идетъ о задачахъ науки: должна-ли она только изучать общественныя явленія и законы, ими управляющіе, или ей надлежитъ и вырабатывать нормы должнаго? Въ этомъ вѣдь и весь споръ объективистовъ и субъективистовъ. Тѣ изъ нашихъ юристовъ, которые наиболѣе испытали на себѣ и отразили въ своихъ трудахъ вліяніе соціологическаго мышленія, усвоили себѣ — я думаю, въ видѣ реакціи противъ мистическихъ и метафизическихъ построеній должнаго — объективистическую точку зрѣнія на задачу науки, какъ на изученіе явленій и ихъ законовъ. Такова, между прочимъ, и точка зрѣнія М. М. Ковалевскаго, съ которымъ въ данномъ случаѣ мы принадлежимъ къ

разнымъ лагерямъ. Въ своей недавней статьѣ „Соціологія и сравнительная исторія права“ онъ далъ новое доказательство своей принадлежности къ объективистическому лагерю, устраняющему изъ соціологіи этицизмъ, какъ нѣчто совершенно излишнее и замѣняющееся съ большимъ удобствомъ однимъ историзмомъ. Онъ соглашается съ тѣмъ, что „юридическія науки должны внушать реформы, необходимыя въ дѣйствующемъ законодательствѣ для приведенія его въ соотвѣтствіе съ состояніемъ и прогрессомъ цивилизаціи“, и признаетъ основательнымъ упрекъ, дѣлаемый нѣмецкимъ юристамъ въ „равнодушіи къ важнѣйшей своей миссіи, заключающейся въ обязанности содѣйствовать своими трудами развитію новыхъ формъ права“; но онъ объясняетъ это явленіе не отсутствіемъ въ нихъ соціально-этическаго идеализма, а тѣмъ, что они „недостаточно изучали исторію права“. Естественное право, какъ чисто метафизическая доктрина, не можетъ, по мнѣнію юриста-соціолога, берущаго его въ раціоналистическомъ пониманіи, быть критеріемъ положительнаго права, что, однако, въ переводѣ на другой языкъ равносильно отрицанію оцѣнки дѣйствующаго законодательства съ этической точки зрѣнія уваженія къ достоинству человѣческой личности, къ „правамъ человѣка и гражданина“, и онъ ищетъ этого критерія исключительно въ исторіи права, т. е. въ наукѣ, изучающей развитіе права въ его закономѣрности. „Одна только исторія права,—говоритъ онъ,—въ состояніи разрѣшить вопросъ, въ какой мѣрѣ данное право составляетъ продуктъ постепеннаго наслоенія предшествующихъ юридическихъ формацій, только она можетъ показать, какіе элементы этого права еще находятся въ соотвѣтствіи или перестали уже отвѣчать требованіямъ жизни. А это значитъ, что безъ помощи исторіи невозможно раскрыть тѣ несовершенства законодательства, которыя цѣликомъ вытекаютъ изъ того факта, что жизнь постоянно опережаетъ собою юридическое творчество“. Практическое значеніе исторіи права въ этихъ словахъ очерчено вѣрно, и менѣе всего я склоненъ умалять роль историческаго знанія и въ области соціологической теоріи, и въ области практической дѣятельности, осуществляющей общественныя цѣли, но все это касается „предшествующихъ юридическихъ формацій“, „требованія же жизни“ для насъ суть совокупность требованій отдѣльныхъ людей или цѣлыхъ общественныхъ классовъ, которыя мы не только регистрируемъ, но и оцѣниваемъ, и оцѣниваемъ при томъ не только съ точки зрѣнія ихъ сбыточности или несбыточности, т. е. согласія или несогласія съ соціологическими законами, но и съ точки зрѣнія справедливости. И, кромѣ того, мы хорошо знаемъ, что между „жизнью“ и „юридическимъ творчествомъ“ существуетъ не только то отношеніе, о которомъ говоритъ авторъ. Юридическое творчество, выражающееся въ законодательствѣ, конечно, не поспѣваетъ за развитіемъ жизни, но и

сама жизнь всегда отстаетъ отъ юридическаго творчества, которое создаетъ въ видѣ идеальныхъ нормъ естественнаго права положительное право будущаго. Впрочемъ, нашъ юристъ-соціологъ думаетъ, что и творчества-то никакого нѣтъ, а есть только „видоизмѣненіе и приспособленіе“ въ смыслѣ удачнаго вывода изъ массы накопленнаго опыта и наблюденій, какъ будто, кромѣ такихъ индукцій, умъ человѣческій неспособенъ къ логической дедукціи, приводящей къ новымъ принципіальнымъ слѣдствіямъ ихъ данныхъ въ сознаніи идей. Мы глубоко несогласны съ авторомъ разсматриваемой статьи, будто „пропитываніе“ права этическими принципами (= „метафизическими догмами естественнаго закона“) не играетъ роли въ прогрессѣ права, и думаемъ, наоборотъ, вмѣстѣ съ г. Гессеномъ, что „истинный историзмъ неопровержимо свидѣтельствуетъ о необходимомъ наростаніи значенія и силы естественнаго права“, и что „чѣмъ выше культурный уровень народа, тѣмъ могущественнѣе творческая сила его правовыхъ идеаловъ“. Г. Ковалевскій противополагаетъ этому „пропитыванію“ права этикой „поступательное движеніе силы общества“, которое, конечно, и создаетъ данныя „требованія жизни“, но вѣдь однимъ изъ факторовъ поступательнаго движенія общества является развитіе въ немъ самосознанія не только въ смыслѣ знанія, чѣмъ оно, общество, есть, но и чѣмъ оно должно быть, а высшее свое выраженіе требованія жизни находятъ именно въ творчествѣ идеальныхъ правовыхъ нормъ.

Въ концѣ-концовъ мнѣ думается, что соціологи, не разлучающіе науку съ этикой, не могутъ не привѣтствовать „возрожденія естественнаго права“, но именно въ качествѣ соціологовъ, думающихъ прежде всего о *научномъ* изученіи общаго, какъ выразился Огюстъ Контъ, *consensus'а* общественныхъ явленій, они едва-ли согласятся съ тѣмъ, чтобы возвращеніе юриспруденціи къ творчеству идеальныхъ нормъ непремѣнно нужно было связывать съ воскрешеніемъ вполнѣ дискредитировавшей себя въ научномъ смыслѣ идеи и чтобы это творчество идеальныхъ нормъ было исключительно юридическимъ, а не соціальнымъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. То идеальное право, необходимость котораго проповѣдуютъ реформаторы юриспруденціи, не можетъ называться ни естественнымъ, ни даже правомъ, поскольку оно не есть еще одною изъ объективно наблюдаемыхъ формъ правовыхъ отношеній общества и поскольку слово „естественный“ уже утратило свой прежній смыслъ. Но, съ другой стороны, мнѣ кажутся неправыми и соціологи, закрывающіе глаза на тѣ глубокія измѣненія въ направленіи научнаго реализма, которыя внесены возродителями естественнаго права въ его пониманіе. Никто изъ нихъ не думаетъ воскрешать естественное право въ качествѣ теоріи правообразованія, держась исключительно пониманія его, какъ „нѣкоторой критической инстанціи, оцѣнивающей настоящее

и подготовляющей будущее“ *), и, разумѣется, роль такой инстанціи не можетъ взять на себя исторія права. Согласятся, я думаю, реформаторы юриспруденціи и съ тѣмъ, что сравнительно-историческое изученіе права есть единственно вѣрная дорога къ научной теоріи правообразованія, и что въ этомъ отношеніи естественному праву никогда уже не подняться изъ гроба но вмѣстѣ съ тѣмъ я очень не хотѣлъ бы, чтобы *вся* соціологія въ ихъ сознаніи свелась на одну сравнительную юриспруденцію, хотя бы уже по одному тому, что вся она въ общемъ слишкомъ мало до сихъ поръ психологична и требуетъ поэтому большихъ дополненій. Нуженъ болѣе полный и всесторонній соціологическій синтезъ, въ которомъ найдется мѣсто и для Бентама, и для Іеринга, и для Гумпловича, слишкомъ, къ сожалѣнію, часто отожествляемаго съ соціологіей вообще, и для экономическаго матеріализма, одностороннее увлеченіе которымъ у насъ въ недавнее время, конечно, менѣе всего было вакханаліей.

Это—тема, къ которой стоитъ еще вернуться.

Н. Карѣевъ.

Марганцовое царство.

— Станція Шаропань! Пересадка въ Чіатуры!—кричалъ кондукторъ, проходя поѣздомъ.—Господинъ, вамъ вставать,—наклонился онъ ко мнѣ. Я очнулся отъ дремоты. Было часовъ двѣнадцать ночи. Поѣздъ, подходя къ станціи, замедлялъ ходъ. Я собралъ вещи и вышелъ на тормазъ. Станціи не было замѣтно, но поѣздъ остановился.

— Носильщикъ! — крикнулъ я въ темноту ночи. Никто не шелъ.—Носильщикъ!—повторилъ я.

— Здѣсь нѣтъ носильщиковъ,—сказалъ мнѣ мужчина съ нерусскимъ акцентомъ.

Забравъ вещи, я сошелъ на платформу. Ночь была унылая. Моросилъ дождь. Станція, которой я сначала не замѣтилъ, находилась внизу насыпи. Я вошелъ въ помѣщеніе, какъ мнѣ показалось, третьяго класса. Квадратная комната, съ грязнымъ каменнымъ поломъ, была полна народу.

---

*) П. Новгородцевъ. Естественное право (Рус. Энц. Слов. Брокгауза—Ефрона, полутомъ 48).

На мой вопросъ, гдѣ здѣсь буфетъ, мнѣ отвѣтили, что буфета на этой станціи нѣтъ; я попросилъ указать мнѣ залъ 2 класса, но такого тоже не оказалось. Дѣлать было нечего. Я оглянулся, чтобы сѣсть; всѣ скамьи были заняты; на полу, вповалку лежалъ и сидѣлъ народъ; многіе спали; поѣзда въ Чіатуры приходилось ждать три часа. На единственномъ стулѣ, посереди комнаты, сидѣлъ старый грузинскій священникъ съ длиннымъ посохомъ въ рукахъ и, казалось, тоже дремалъ. Я поставилъ, гдѣ стоялъ, свой чемоданъ на полъ и сѣлъ на него. Было томительно скучно; время, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, текло медленно; страшно клонило ко сну, но заснуть на чемоданѣ не было никакой возможности. Нѣсколько разъ я вставалъ и выходилъ наружу. Ночь была все такая же промозглая; сверху не переставалъ сѣять дождь. Мокрыя доски платформы блестѣли при свѣтѣ фонарей. Унылыя фигуры двухъ-трехъ ночныхъ дежурныхъ въ дождевыхъ кожанахъ молча бродили по платформѣ.

Наконецъ, раздался первый звонокъ, и вскорѣ я былъ въ заднемъ вагонѣ чіатурскаго поѣзда. Злой и усталый, я растянулся на лавкѣ, ни мало не заботясь о томъ, что занялъ нѣсколько мѣстъ, и не замедлилъ заснуть. Проснулся я, однако, скоро, вѣроятно отъ того, что вагонъ немилосердно трясло и качало. Если бы я не зналъ навѣрное, что сижу въ поѣздѣ, который везетъ меня въ Чіатуры, на мѣсто частной службы, то спросонокъ могъ бы подумать, что нахожусь въ конкѣ, настолько вагонъ по размѣрамъ и обстановкѣ походилъ на коночный; вдоль стѣнъ шли деревянныя, ничѣмъ не обитыя и не раздѣленныя на мѣста лавки; пассажиры, сидѣвшія на нихъ, дремали въ неловкихъ позахъ или негромко разговаривали на незнакомомъ мнѣ, гортанномъ языкѣ. Рядомъ со мной какой-то грузинскій князь разсказывалъ по-русски, какъ онъ вчера игралъ въ винтъ. Здѣсь всѣ, казалось, были знакомы другъ съ другомъ. Когда я поднялся и сѣлъ, разговоръ на минуту смолкъ, и всѣ посмотрѣли на меня; какъ новый человѣкъ, я, очевидно, привлекалъ на себя вниманіе чіатурцевъ.

— Къ намъ изволите ѣхать?—обратился ко мнѣ блондинъ въ щегольской бѣлой черкескѣ.

— Да, въ Чіатуры.

— По марганцовому дѣлу?

— Отчего вы такъ думаете?—спросилъ я.

— Да, въ Чіатурахъ только тѣ и живутъ, кто марганцемъ промышляетъ.

— Да... я ѣду въ контору К. къ управляющему У.

— А! знаемъ; хорошій господинъ, очень хорошій. Онъ тоже недавно въ Чіатуры пріѣхалъ, еще, пожалуй, году нѣтъ.

— И что же, хорошо у него идетъ дѣло?

— Да, какъ вамъ сказать? Теперь ничего, налаживается, а сначала его таки подковали.

— Какъ подковали?—удивился я.

— Да такъ!—засмѣялся грузинъ,—на первыхъ порахъ провели его нѣсколько разъ; у насъ такой народъ... пальца въ ротъ не клади. Ну, теперь ученъ сталъ...

— А вы сами,—продолжалъ онъ,—компаніономъ въ дѣлѣ состоите?

— Нѣтъ, компаніономъ не состою... я ѣду только на время, ознакомиться съ этимъ дѣломъ.

— Скучать у насъ будете.

— Отчего такъ?

— Да такое у насъ мѣсто: марганецъ, марганецъ, и кромѣ него ничего, грязь... развлеченій никакихъ. Да вотъ, поживете, увидите.

Мнѣ не хотѣлось разговаривать, и я сталъ смотрѣть въ окно. Поѣздъ ползъ по самому берегу извилистой горной рѣчки, въ точности слѣдуя ея указаніямъ; нерѣдко онъ изгибался во французское S. Съ другой стороны онъ почти терся о стѣны скалъ, въ которыхъ было продѣлано узкое полотно дороги. Наступило утро; дождь пересталъ, но погода была хмурая. Поѣздъ шелъ тихо; казалось, не будетъ конца тридцати восьми верстамъ, отдѣляющимъ Шаропань отъ Чіатуръ.

Но вотъ, проѣхали небольшой тоннель. На минуту въ вагонѣ стало темно и запахло сыростью. Вскорѣ паровозъ далъ долгій свистокъ: подъѣзжали къ Чіатурамъ. Ущелье, которымъ все время шелъ поѣздъ, здѣсь нѣсколько расширялось и было окружено со всѣхъ сторонъ высокими, крутыми горами. Ландшафтъ поражалъ своею мрачностью; казалось, что поѣздъ въѣзжалъ въ какую-то дыру; земля и постройки были черны; черны были самыя горы, почти голыя, мѣстами только покрытыя кустарникомъ.

Поѣздъ остановился у маленькаго, повидимому когда-то бѣлаго, но теперь грязно-сѣраго вокзала; почти рядомъ съ рельсами тянулись на далекое разстояніе, уходя въ глубь мѣстечка, громадныя груды чернаго марганца.

Мнѣ нужно было попасть прямо на квартиру къ У. и я спросилъ одного изъ пассажировъ, какъ туда пройти.

— Да они должны быть теперь тутъ, на своихъ вѣсахъ, — отвѣтилъ мнѣ тотъ.—Вонъ ихъ вѣсы,—указалъ онъ въ сторону, да пойдемте, я васъ провожу.

Мы пошли, и черезъ нѣсколько шаговъ я увидѣлъ группу людей, стоявшую около одной изъ грудъ марганца.

— А вонъ, и самъ г. У. — сказалъ мой провожатый,—вонъ, гдѣ люди стоятъ...

Въ это время отъ того мѣста, гдѣ стояла кучка людей, отдѣлился высокій, плотный человѣкъ и развалистой походкой пошелъ мнѣ на встрѣчу.

— Господинъ К? — вопросительно обратился онъ ко мнѣ.

— Да, а вы—господинъ У?

— Я самый.

Мы поздоровались.

— Въ самый разгаръ дѣла къ намъ попадаете; посмотрите, какая кутерьма идетъ!—Онъ указалъ на вѣсы, къ которымъ въ это время подошла большая партія ословъ, навьюченныхъ марганцемъ; около нихъ суетились и кричали какіе-то черные и оборванные люди.

— Это, видите ли, наша платформа,—пояснилъ мнѣ управляющій,—и сейчасъ у насъ идетъ горячая пріемка руды. Однако, что же мы стоимъ; пожалуйте ко мнѣ, я живу тутъ не далеко. Бурденъ!—крикнулъ онъ человѣку въ черкескѣ и папахѣ, — возьми вещи.

Черезъ полчаса мы уже сидѣли за самоваромъ, и я слушалъ разсказы управляющаго про марганцовое царство.

На слѣдующій день У. предложилъ мнѣ осмотрѣть рудники. Послѣ чая намъ подали лошадей подъ высокими кавказскими сѣдлами, и мы отправились.

Спустившись съ горы, мы въѣхали на главную и единственную чіатурскую улицу; она состоитъ сплошь изъ грязныхъ лавокъ, еще болѣе грязныхъ духановъ и множества кузницъ, въ которыхъ идетъ горячая работа ковки вьючныхъ лошадей.

Выѣхавъ за Чіатуры, мы повернули на лѣво, въ боковое ущелье и сразу очутились среди невообразимой толчеи: вся дорога была запружена вьючными животными; движеніе разбивалось на два встрѣчныхъ теченія: одна густая волна лошадей и ословъ направлялась изъ рудниковъ къ Чіатурамъ, неся на спинахъ полные вьюки марганца; другая, съ порожними вьюками, текла обратно изъ Чіатуръ въ рудники за новымъ грузомъ. Лошади шли быстро, высоко поднявъ голову и эластично покачиваясь на бабкахъ ногъ отъ давившей ихъ спину тяжести. Маленькіе ослы, тѣсно скучившись, шли партіями; рѣже попадались скрипучія арбы; ихъ везли быки или буйволы; эти громадныя темно-сѣрыя животныя, похожія на какихъ-то допотпыхъ чудовищъ, съ мохнатой шерстью и широкими костями, двигались медленно, неспѣша шагая толстыми, какъ бревна, ногами и опустивъ къ землѣ рогатую голову. Среди всей этой массы животныхъ приходилось ѣхать шагомъ и лавируя; стукнувшись колѣномъ разъ-другой о вьюки, я убѣдился, что они тверды, какъ желѣзо.

Въ воздухѣ висѣла густая пыль, поднятая копытами. Солнце жгло. Топотъ, скрипъ арбъ, ревъ ословъ и крики погонщиковъ сливались въ шумъ и гомонъ. Вмѣсто русскаго понуканія постоянно слышались непривычные для моего слуха возгласы:

„аччь, аччь“, и характерный гортанный звукъ, которымъ персы погоняютъ ословъ.

Я ѣхалъ среди этого шумнаго потока людей и животныхъ и напряженно наблюдалъ новую для меня и своеобразную жизнь; мнѣ казалось, что я попалъ въ мѣсто большой работы, гдѣ сконцентрировано громадное количество энергіи; эта энергія и кипучая жизнь были разлиты кругомъ и выражали степень крайняго напряженія.

Дорога шла по дну глубокаго ущелья, по обоимъ склонамъ котораго расположена большая часть рудниковъ; иногда она поднималась вверхъ и лѣпилась, какъ карнизъ, вдоль почти отвѣсныхъ стѣнъ горъ. По мѣрѣ того какъ мы удалялись отъ Чіатуръ, движеніе рѣдѣло, разбиваясь по боковымъ дорогамъ, которыя вели къ отдѣльнымъ рудникамъ. Но вотъ, мы переѣхали ручей, свернули съ главной дороги въ сторону и стали круто подниматься въ гору; здѣсь было совсѣмъ просторно; изрѣдка попадались отдѣльныя партіи, шедшія съ рудниковъ въ Чіатуры.

Наши лошади карабкались на кручу, тяжело дыша и опустивъ внизъ головы; встрѣчныя лошади спускались тихо и осторожно, садясь на зады и поддерживая поднятой шеей напиравшіе вьюки. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ глуше доносился до насъ шумъ толпы; обернувшись назадъ, можно было видѣть внизу черную ленту главной дороги, кишѣвшую движеніемъ. Съ трудомъ достигли мы вершины подъема—и очутились какъ будто въ иномъ царствѣ: кругомъ разстилался мирный и прелестный ландшафтъ. Глазъ отдыхалъ, бродя по широкому горизонту, на которомъ отчетливо вырѣзывалась снѣжная линія горъ; ея идеальная чистота поражала красотой послѣ грязи и черныхъ красокъ внизу. Здѣсь было тихо и спокойно, какъ вездѣ, гдѣ господствуетъ природа. Въ грудь вливался чистый горный воздухъ; тяжелая марганцовая пыль осталась внизу. Невдалекѣ виднѣлась деревушка и зеленѣли разбитые вокругъ нея виноградники.

На рудникѣ, куда мы скоро пріѣхали, было мертво и пусто; работы были временно прекращены, и кромѣ сторожа здѣсь никого не было. На расчищенной площадкѣ лежалъ выработанный и сложенный въ кубы марганецъ. Мы сошли съ сѣделъ и направились осматривать главную штольню; въ ней было прохладно, сыро и темно. Сторожъ шелъ впереди и освѣщалъ путь лампой. Штольня велась образцово, и У. не безъ удовольствія замѣтилъ мнѣ, что такихъ въ Чіатурахъ немного; всюду видна была забота о безопасности рабочихъ; толстые дубовые столбы облегали стѣны и подпирали потолокъ. Дойдя до забоя, сторожъ освѣтилъ его, и я увидѣлъ мощные пласты марганца, залегавшіе въ толщѣ известняка.

Осмотрѣвъ рудникъ, мы сѣли на лошадей и направились обратно, спѣша къ обѣду. Кавказскія лошади осторожно и умѣло

спустили насъ по крутому склону внизъ въ ущелье; мы снова очутились среди шума и движенія и черезъ полчаса, съ трудомъ обгоняя на узкой дорогѣ вьючныя партіи животныхъ, доѣхали до Чіатуръ. Дома, съ наслажденіемъ умывшись и освободившись такимъ образомъ отъ непріятнаго ощущенія грязи, я вышелъ на террасу; домъ стоялъ на краю Чіатуръ, на высокой горѣ, и съ террасы все мѣстечко видно было какъ на ладони. Сюда глухо доносился шумъ рабочаго дня; крики, мычаніе, скрипъ, топотъ, свистки и пыхтѣнье паровозовъ—все сливалось вмѣстѣ и ничто не было слышно отдѣльно. Нѣсколько оглушенный массой новыхъ впечатлѣній, я пока только вбиралъ ихъ въ себя и не анализировалъ; атмосфера труда, разлитая кругомъ, дѣйствовала заразительно и вызывала желаніе присоединиться къ общей работѣ.

Чіатуры, какъ крупный промышленный центръ, стали извѣстны недавно; еще лѣтъ десять тому назадъ грузинскіе крестьяне спокойно сѣяли на ихъ мѣстѣ кукурузу и разводили виноградники; громадныя минеральныя богатства лежали въ землѣ, и никто не обращалъ особеннаго вниманія на эти дикія мѣста.

Въ настоящее время Чіатуры не боятся соперниковъ въ добываніи марганца. Мѣстечко лежитъ въ центрѣ громаднаго бассейна мощныхъ залежей марганцовой руды прекраснаго качества, и нигдѣ не добывается такого большого количества ея, какъ здѣсь; но способъ эксплуатаціи поражаетъ всякаго, кто съ нимъ знакомится, своей примитивностью и грубостью. Рѣдкій рудникъ разрабатывается правильно, такъ какъ рѣдкій предприниматель знаетъ горное дѣло. Техники и горные инженеры встрѣчаются пока здѣсь въ видѣ исключеній. Штольни ведутся очень часто несогласно съ залеганіемъ породы, при крайне небрежномъ крѣпленіи. „Сойдетъ, авось не задавитъ“. Таковы соображенія, руководящія очень многими марганцепромышленниками. „Авось“, конечно, не всегда оправдываетъ надежды, но сами предприниматели остаются цѣлы.

Все дѣло распадается на двѣ главныя операціи. Сырую руду выбиваютъ въ штольняхъ и грубо очищаютъ чеками отъ приставшихъ постороннихъ породъ,—этимъ исчерпываются всѣ горныя работы. Съ рудниковъ руду перевозятъ въ Чіатуры и грузятъ на платформы. Въ этой то перевозкѣ и лежитъ центръ тяжести всего дѣла. Она представляетъ настолько большія трудности, что на нее затрачивается главная масса расходуемаго въ Чіатурахъ труда. Вокругъ Чіатуръ горы смыкаются кольцомъ, круты и перерѣзаны ущельями; дороги тяжелы для движенія и не вездѣ безопасны. На чіатурскихъ платформахъ лежатъ десятки милліоновъ пудовъ марганца; день и ночь поѣзда отвозятъ его въ портовые города Поти и Батумъ; но груды не убываютъ, а растутъ, и если подумать, что вся эта масса свозится на спинахъ

лошадей и ословъ, то можно составить себѣ приблизительное понятіе о подобной работѣ.

До сихъ поръ почти не дѣлалось попытокъ замѣнить этотъ варварскій способъ перевозки болѣе совершеннымъ. Одна французская фирма, пользуясь отвѣсомъ горы, устроила трубу, по которой руду спускаютъ внизъ; но это чуть ли не единственный примѣръ, при томъ мало помогающій дѣлу. Положеніе вещей могло бы въ корнѣ измѣниться отъ прокладки рельсовыхъ путей вдоль главной артеріи, по которой направляется движеніе и по обѣимъ сторонамъ которой расположены почти всѣ рудники.

Это дѣло ждетъ предпріимчивыхъ людей и крупныхъ капиталовъ, а пока перевозка марганца замучиваетъ цѣлую армію чалвадаръ и стираетъ до живого мяса спины тысячамъ животныхъ. До тѣхъ поръ, пока машины не замѣнятъ лошадей, ословъ и быковъ, Чіатуры останутся огромными конюшнями, содержащимися въ безобразномъ видѣ, и будутъ оказывать радушное гостепріимство всевозможнымъ эпидеміямъ.

Не смотря на первобытность пріемовъ, которые употребляютъ марганцепромышленники, дѣло у нихъ идетъ и приноситъ крупные барыши; это надо объяснять, съ одной стороны, большимъ спросомъ на марганецъ за границей, а съ другой—тѣмъ, что для перевозки руды къ услугамъ марганцепромышленниковъ всегда готово сколько угодно персовъ и татаръ; коренное грузинское населеніе брезгаетъ этой работой, какъ слишкомъ грязной, а на чалвадаръ смотритъ съ глубокимъ сознаніемъ своего превосходства. Такимъ образомъ, возчики являются въ Чіатурахъ чернорабочими, низшимъ классомъ, несущимъ на себѣ главную тяжесть работъ.

Представьте себѣ человѣка совершенно чернаго отъ марганца и грязи; марганцовая пыль въѣлась въ поры его кожи настолько прочно, что отмывается лишь съ трудомъ; такимъ образомъ, въ рядъ марганцовыхъ соединеній можно включить и живую разновидность, названіе которой—„чалвадаръ“.

О чалвадарахъ должны бы, казалось, больше всѣхъ знать тѣ, на кого они работаютъ, т. е. гг. марганцепромышленники; дѣйствительно, они обращаютъ нѣкоторое вниманіе на лошадей и ословъ, а слѣдовательно, и на чалвадаръ, такъ какъ въ ихъ глазахъ эти послѣдніе точно такое же орудіе перевозки, какъ и первые; такова „упрощенная“ точка зрѣнія марганцепромышленниковъ.

Жизнь чалвадара слагается изъ весьма несложныхъ элементовъ. Его спеціальность,—перевозка руды,—требуетъ очень мало ума и знаній и очень много выносливости.

Около четырехъ часовъ утра чалвадаръ начинаетъ свой рабочій день, взваливаетъ вьюки на спины животнымъ и отправляется въ горы на рудники. Съ нагруженными вьюками онъ спускается

пѣшкомъ въ Чіатуры; изъ Чіатуръ опять на рудники, и такъ цѣлый день.

Движеніе, однообразное, какъ качаніе маятника, притупляетъ въ немъ всякій проблескъ мысли; способность чувствовать и воспринимать впечатлѣнія внѣшняго міра подавлена въ немъ ощущеніемъ физической усталости. Солнце накаляетъ атмосферу и жжетъ людей. Пыль и жаръ сушатъ слизистую оболочку во рту, и когда чалвадаръ своими гортаннымн криками погоняетъ ословъ, получается такое впечатлѣніе, будто у него сильно болитъ горло. Отъ той же пыли,—ужаснаго бича чіатурцевъ,—почти у всѣхъ чалвадаръ бѣлки глазъ воспалены, и ихъ краснота рѣзко выдѣляется на черномъ фонѣ кожи. На лицѣ, съ запекшимися губами и размазаннымъ пóтомъ марганцемъ, лежитъ тупое и напряженное выраженіе; часто оно говоритъ о крайнемъ физическомъ изнуреніи или о болѣзни: различить трудно.

Между крайними классами чіатурскаго міра,—марганцепромышленниками, представителями капитала, и возчиками—не существуетъ никакихъ непосредственныхъ сношеній. Связующимъ звеномъ между ними является классъ подрядчиковъ; марганцепромышленники входятъ въ сдѣлки только съ ними и совершенно отстраняютъ отъ себя всякое попеченіе о жизни низшаго рабочаго населенія; они только тогда начинаютъ волноваться и вспоминать о его существованіи, когда временами масса возчиковъ отливаетъ изъ Чіатуръ, перекочевывая въ другія мѣста; тогда перевозка становится дороже, и марганцепромышленники заводятъ рѣчи на свою любимую тему, о трудности положенія.

— Помилуйте!—вопіютъ они,—вѣдь мы поставлены въ совершенно исключительныя условія работы; никакія политико-экономическія теоріи тутъ не примѣнимы, такъ какъ здѣсь все совершается какъ разъ наоборотъ: здѣсь не рабочіе зависятъ отъ насъ, а мы отъ рабочихъ! Сегодня есть возчики,—работа идетъ, а завтра имъ вздумается уйти,—и хоть на себѣ вези руду!

Однако, до сихъ поръ возчикамъ не вздумалось уйти, и марганцепромышленники не возили руду на себѣ. Очевидно, въ Чіатурахъ, какъ и вездѣ, царитъ желѣзный законъ капитала и гонитъ рабочихъ къ марганцепромышленникамъ, какъ бабочекъ къ огню.

Кажется, нигдѣ, какъ здѣсь, несправедливость и насиліе не облекаются въ такія голыя и беззастѣнчивыя формы: чалвадаръ не способенъ къ протесту въ силу своей крайней забитости и дикости. Плеть и палка имѣютъ здѣсь широкое примѣненіе: колотятъ лошадей, ословъ и... людей, такъ какъ чалвадары люди, вопреки мнѣнію чіатурскаго „общества“.

Нерѣдко, издали, съ террасы дома, мнѣ приходилось быть безсильнымъ зрителемъ избіенія: жертвой неизмѣнно являлся возчикъ, палачемъ—подрядчикъ. Бывало, придешь домой усталый, смоешь съ себя ненавистную марганцовую пыль и сядешь пить

чай или читать газету съ намѣреніемъ отдохнуть и позабыть на время о марганцовомъ царствѣ со всѣми его прелестями. Вдругъ слышишь отчаянные крики; смотришь въ ту сторону и видишь безобразную сцену: подрядчикъ колотитъ возчика,—зрѣлище настолько обыкновенное, что многіе безучастно проходятъ мимо. Иногда, однако, истязаніе продолжается такъ долго, что обращаютъ на него вниманіе. Въ такихъ случаяхъ колотившій спасается бѣгствомъ, а его жертву, избитую часто до потери сознанія, переносятъ въ сторонку: пусть, молъ, отлежится.

Правда, есть въ Чіатурахъ полиція, есть нѣсколько десятковъ „стражниковъ", пѣшихъ и конныхъ. Бываетъ, хотя рѣдко, что возчикъ пытается искать у нихъ защиты, но толку изъ этого не получается никакого. Мнѣ однажды пришлось въ этомъ весьма наглядно убѣдиться.

Какъ-то разъ мнѣ понадобилось навести справку въ полицейскомъ участкѣ. Въ сопровожденіи служащаго, чеченца Бурдена я, не спѣша, поднимался по тропинкѣ въ гору, на которой, въ сторонѣ отъ Чіатуръ, находился участокъ. Недалеко отъ него насъ опередила группа людей, сразу обратившая на себя мое вниманіе.

Впереди шелъ стражникъ, за нимъ грузинъ, очевидно подрядчикъ, съ сумрачнымъ и непріятнымъ лицомъ, до самыхъ глазъ заросшимъ черной бородой. Позади шли два чалвадара; взглянувъ на нихъ, я вздрогнулъ: у обоихъ все лицо и голова были залиты кровью; ручьи ея, смѣшиваясь съ марганцемъ, покрывавшимъ ихъ лица, были грязнаго, темно-краснаго цвѣта.

Я вошелъ въ помѣщеніе участка вмѣстѣ съ этой группой.

За столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ и заваленнымъ отнятыми у грузинъ кинжалами,—результатъ производившагося въ Чіатурахъ разоруженія,—сидѣлъ письмоводитель, молодой, красивый грузинъ, съ бѣлыми выхоленными руками. Мелькомъ взглянувъ на пришедшихъ, онъ обратился сначала ко мнѣ. Я навелъ нужную справку, но медлилъ уходить, желая узнать, чѣмъ кончится дѣло. Къ сожалѣнію, весь разговоръ происходилъ по-грузински, и я долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи Бурдена, чтобы понять его смыслъ.

Во все время объясненія обвиняемый подрядчикъ стоялъ совершенно спокойно; не давая себѣ труда говорить, онъ только на все отрицательно моталъ головой.

Чалвадары находились, видимо, въ большомъ затрудненіи, такъ какъ отъ нихъ требовали объясненія, значитъ нѣкоторой работы мысли, несравненно болѣе трудной для нихъ, чѣмъ возка марганца. Имъ помогалъ стражникъ. Чалвадары, указывая на свои окровавленныя лица и на подрядчика, говорили, что это онъ избилъ ихъ. Подрядчикъ отрицательно моталъ головой. Письмоводитель, съ лица котораго все время не сходило выраженіе скуки

и апатіи, почти не глядѣлъ на тѣхъ, съ кѣмъ говорилъ, и въ концѣ концовъ объявилъ возчикамъ, что если они хотятъ дѣлу ходъ, то должны представить свидѣтелей.

Такимъ образомъ, избитымъ, вмѣсто больницы, куда бы им слѣдовало немедленно отправить, предлагали спуститься внизъ въ Чіатуры, въ этотъ пыльный адъ съ 35° жары, и, среди тысячъ другихъ возчиковъ, отыскать свидѣтеля Абдула, убѣдить его бросить работу и идти давать показанія въ участокъ.

Я вышелъ, не дожидаясь исхода дѣла: онъ былъ ясенъ.

Для людей привилегированныхъ трудно понять безъ большого усилія ума, какіе стимулы даютъ силу жить человѣку съ долей чалвадара. Въ его жизни нѣтъ,—не говорю о красотѣ,—нѣтъ намека на удобство, нѣтъ покоя, а есть одна нищета, грязь и изнуреніе; и если бы онъ умѣлъ смотрѣть впередъ, то не увидѣлъ бы передъ собой никакого просвѣта.

При такой судьбѣ низшаго рабочаго населенія Чіатуръ, а главное, при томъ отношеніи къ нему болѣе сильныхъ классовъ, которое характеризуется двумя словами: эксплуатація и презрѣніе,—понятны и несудимы становятся крайнее невѣжество и дикость его нравовъ. Драка и убійство, — двѣ вещи, безъ которыхъ трудно было бы представить Чіатуры. Сколько разъ, бывало, ложишься спать и уже начинаешь забываться сномъ, какъ вдругъ пробуждаешься отъ звука выстрѣла или дикаго крика, какъ будто кого-то рѣжутъ. Затѣмъ, нарушенное безмолвіе ночи возстановляется, но тишина кажется жуткой... Эти отзвуки ночныхъ драмъ говорили мнѣ, что черныя ночи, нависающія надъ марганцовымъ царствомъ послѣ знойнаго дня, тревожны и не даютъ полнаго отдыха измученному чіатурскому люду. Нездоровый организмъ не можетъ, очевидно, спать здоровымъ сномъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Чіатурами завладѣлъ „чумазый“, мѣстечко это стало неузнаваемо; было бы положительно мудрено загрязнить его въ большей степени, чѣмъ это сдѣлали гг. марганцепромышленники. Широко пользуясь для своего обогащенія рудоносной землей и народомъ, который для нихъ за грошъ гнетъ спину, они взамѣнъ производятъ милліоны пудовъ марганца — для Европы и кучи грязи — для Чіатуръ. Правда, самый родъ дѣла,—добыча марганцовой руды,—таковъ, что грязь, вѣрнѣе пыль, при немъ неизбѣжна. Пыль сплошь покрыла мѣстность, уничтожила почти всякую растительность и наложила на все кругомъ тяжелый, мрачный отпечатокъ. Противъ подобнаго врага марганцепромышленники безсильны, и, конечно, никто не упрекнетъ ихъ въ этомъ. Но одна пыль была бы съ полгоря. Въ Чіатурахъ есть гораздо болѣе вредныя и возмутительныя вещи.

Одна изъ замѣчательныхъ особенностей Чіатуръ заключается

въ томъ, что въ нихъ больше скота, чѣмъ людей, и потому больше конюшенъ, чѣмъ всякихъ другихъ построекъ. Если бы эти конюшни были выстроены не въ чертѣ Чіатуръ, а въ окрестностяхъ или хотя бы на окраинахъ, если бы онѣ были просторны и содержались въ чистотѣ и порядкѣ, то не было бы причины особенно жаловаться на нихъ; но въ томъ и бѣда, что чіатурскія конюшни не только не удовлетворяютъ ни одному изъ этихъ условій, но, наоборотъ, представляютъ изъ себя что-то безобразное; всѣ онѣ сколочены на живую руку изъ тонкаго теса, набиты биткомъ животными и завалены навозомъ. Навозъ, котораго въ Чіатурахъ чуть ли не столько же, сколько марганца, не умѣщаясь въ конюшняхъ, лежитъ въ кучахъ возлѣ нихъ; его здѣсь никогда не вывозятъ и иногда только жгутъ въ кострахъ; вечеромъ среди массы маленькихъ огоньковъ, которыми расцвѣчаются Чіатуры, часто можно видѣть тамъ и сямъ большое пламя такихъ костровъ... Для марганцепромышленниковъ и подрядчиковъ, конечно, не тайна, что подобныя конюшни пагубны для здоровья населенія, и тѣмъ не менѣе они пальцемъ не двигаютъ, чтобы уничтожить эти заразныя гнѣзда и замѣнить ихъ постройками, хотя бы сколько-нибудь сносными въ санитарномъ отношеніи; приходится только удивляться, какъ имъ самимъ не тошно отъ той ужасной грязи, среди которой имъ же приходится жить и работать.

Оригинальность Чіатуръ не исчерпывается, однако, однѣми конюшнями; другая особенность ихъ заключается въ томъ, что въ нихъ осламъ и лошадямъ отдано рѣшительное предпочтеніе передъ возчиками: въ самомъ дѣлѣ, для первыхъ, правда очень скверныя, но все же есть помѣщенія, а для вторыхъ совсѣмъ нѣтъ никакихъ. Марганцепромышленники и подрядчики, будучи послѣдовательны въ своихъ взглядахъ на чалвадаръ, предоставляютъ имъ спать вмѣстѣ со скотомъ въ конюшняхъ на навозѣ. Не удивительно послѣ этого, что отъ чалвадара плохо пахнетъ, и напрасно гг. марганцепромышленники выражаютъ свое неудовольствіе по поводу этого: „Вѣдь, отъ него за десять шаговъ несетъ!—говорятъ они съ гримасой отвращенія,—пустишь въ контору на пять минутъ, такъ потомъ цѣлый часъ комнату провѣтривать надо“. Но вѣдь не кто другой, какъ сами же промышленники создали марганцовое царство такимъ вонючимъ. Однихъ себя имъ и слѣдуетъ за это винить. У марганцепромышленниковъ, впрочемъ, хватитъ духу не согласиться съ этимъ; они готовы умыть руки во всѣхъ этихъ безобразіяхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что ни конюшни, ни скотъ, ни бытъ чалвадаръ совершенно не входятъ въ кругъ ихъ вѣдѣнія; со всѣмъ этимъ имѣютъ дѣло исключительно подрядчики, на нихъ и должна падать вся отвѣтственность. Неизвѣстно, что скажутъ подрядчики, но, навѣрное, они будутъ кивать на марганцепромышленниковъ.

Въ Чіатурахъ нѣтъ ни одной столовой для рабочихъ, и трудно было бы сказать, чѣмъ и какъ они питаются; вмѣсто столовыхъ есть гибель духановъ, съ дешевымъ виномъ и скверной пищей. Здѣсь, какъ и повсюду, народъ чтитъ день субботній и посвящаетъ его богу разгула; поэтому духаны торгуютъ бойко; они служатъ для рабочаго люда мѣстомъ отдыха и сбора. Еще ощутительнѣе даетъ себя знать отсутствіе бань въ Чіатурахъ; правда, такое названіе здѣсь носитъ какой-то старый сарай, но это, очевидно, недоразумѣніе; по крайней мѣрѣ, при мнѣ въ этомъ сараѣ стирала бѣлье чуть ли не единственная на всѣ Чіатуры прачка, но чтобы когда либо въ немъ мылись, объ этомъ никто не слыхалъ. Марганцепромышленники съ цѣлью помыться нарочно ѣздятъ въ Кутаисъ; что же касается возчиковъ, то по здѣшнимъ понятіямъ для нихъ совершенно достаточно рѣки Квирилы, которая и предоставлена въ ихъ полное распоряженіе. Эта рѣка въ общемъ похожа на всѣ остальныя горныя рѣчки, но протекая черезъ Чіатуры, она пріобрѣтаетъ совершенно исключительныя свойства; дѣло въ томъ, что на ея днѣ покоится изрядное количество лошадиныхъ и ослиныхъ костей, а если пройти внизъ по ея теченію саженей триста-четыреста, то непремѣнно увидишь въ ней двѣ-три полускрытыя водой, разлагающіяся туши: въ Чіатурахъ отъ изнурительной работы падаетъ масса вьючныхъ животныхъ; вывозить ихъ за черту мѣстечка и закапывать—слишкомъ длинная и хлопотливая процедура, и жители частенько практикуютъ болѣе простой способъ—прямо стаскиваютъ трупы въ Квирилу; здѣсь они застреваютъ въ камняхъ и медленно разрушаются. Въ этой то рѣкѣ чалвадары моются и купаютъ своихъ лошадей.

Свѣжему человѣку все это воротитъ душу, но чіатурцы, тѣ ничего, пообтерпѣлись.

До поры до времени все шло по хорошему: конюшни заполнялись навозомъ, чалвадары спали въ конюшняхъ, туши лошадей и ословъ гнили въ Квирилѣ, и ничто не смущало совѣсти гг. марганцепромышленниковъ. Неизвѣстно, долго ли бы продолжался такой порядокъ вещей, не случись обстоятельства, напугавшаго чіатурцевъ и обратившаго на мѣстечко вниманіе правительства.

Это досадное обстоятельство заключалось въ томъ, что чалвадары стали умирать, какъ сговорившись и съ необычайной поспѣшностью: сегодня захворалъ, а завтра умеръ. Сначала не обращали вниманія, но потомъ стали бояться заразы. Возникла мысль о чумѣ и на почвѣ страха скоро выросла въ убѣжденіе.

Чіатурскій врачъ, съ которымъ я говорилъ на эту тему, объяснялъ загадку повышенной и быстрой смертности иначе.

— Скажите, пожалуйста, это, конечно, не чума?—спросилъ я его.

— Конечно, нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Если бы чума забралась

ь эти конюшни, то здѣсь такъ бы стали умирать, что скоро ни дной души не осталось бы.

— Такъ что же это такое?

— Воспаленіе легкихъ.

— Но почему же,—удивился я,—люди умираютъ такъ быстро? Вѣдь, кажется, воспаленіе легкихъ тянется самое меньшее дней 5—7?

— Да, видите ли,—пояснилъ докторъ,—чалвадаръ работаетъ до послѣдней возможности, пока его держатъ ноги; въ больницу онъ является съ 40° температуры и черезъ день-два отдаетъ Богу душу. И ничего не подѣлаешь при такихъ условіяхъ!

Борьбу съ эпидеміей затрудняло также обычное въ такихъ случаяхъ недовѣріе массы къ медицинской помощи; впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что чіатурское общество сдѣлало все отъ него зависящее, чтобы заставить чалвадаръ сомнѣваться въ его гуманности; поэтому они предпочитаютъ болѣть и умирать безъ посторонней помощи, у себя въ конюшняхъ или просто гдѣ-нибудь въ кустахъ. Очень хорошо помню такой случай: какъ то разъ, совершенно случайно я попалъ на вскрытіе. Въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги, на рогожѣ лежало тѣло возчика; два фельдшера въ черныхъ перчаткахъ копошились надъ нимъ съ инструментами, тутъ же былъ докторъ; поодаль стояли полицейскіе чиновники и стражники. Я подошелъ къ доктору и спросилъ его, что обнаруживаетъ вскрытіе.

— Воспаленіе легкихъ!—отвѣтилъ онъ.

— Гдѣ же нашли тѣло?

— А вонъ тамъ, въ кустахъ; не меньше мѣсяца пролежало въ нихъ!

Дѣйствительно, разложеніе было настолько сильное, что черепная кость уже обнажилась; запахъ былъ до такой степени невыносимъ, что всѣ, даже привычный докторъ, стояли, зажавъ носъ. Я не могъ выдержать больше двухъ минутъ и ушелъ. Въ этомъ, весьма обыкновенномъ для Чіатуръ случаѣ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что тѣло пролежало въ кустахъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ проѣзжей дороги, на которой съ утра до вечера толкутся люди, пять—шесть недѣль! Чіатурцы проходили мимо, не стараясь отыскивать причину сквернаго запаха, такъ какъ навѣрное думали, что это гніетъ оселъ или лошадь.

Стоустая молва подхватила слухъ о чумѣ и донесла его до Петербурга.

Такимъ образомъ случилось, что на Чіатуры, гдѣ люди безпрепятственно копошились по горло въ грязи, обратила вниманіе столица.

Было произведено спеціальное медицинское изслѣдованіе чіатурской эпидеміи. Мѣстный врачъ не ошибся: чума оказалась эпидеміей воспаленія легкихъ съ добавленіемъ тифа.

Чіатурцы не сразу повѣрили. Дѣйствительно, надо считать счастливой случайностью, что эпидемія явилась въ Чіатуры въ формѣ воспаленія легкихъ, а не чумы или какого-нибудь другого опаснаго инфекціоннаго заболѣванія.

Первое предостереженіе было очень милостиво.

Въ общемъ итогѣ всѣхъ волненій, порожденныхъ мнимой чумой, была вполнѣ реальная польза: стоило только разъ копнуть навозную кучу, и всѣ долго скрытыя прелести Чіатуръ стали выплывать наружу.

Изъ Петербурга былъ командированъ въ Чіатуры полковникъ А. съ порученіемъ привести ихъ въ надлежащій видъ и порядокъ; онъ принялся за дѣло энергично. Немедленно была уничтожена значительная часть конюшенъ, при чемъ новыя запрещено было строить въ чертѣ Чіатуръ. Первымъ слѣдствіемъ этой мѣры было то, что много возчиковъ ушло изъ Чіатуръ къ величайшему негодованію марганцепромышленниковъ. Полковникъ А обратилъ вниманіе на падающій скотъ: при немъ перестали бросать его въ Квирилу и начали вывозить изъ Чіатуръ и закапывать. Онъ принялъ рядъ другихъ мѣръ и затѣмъ уѣхалъ.

Полковникъ А. успѣлъ положить только начало упорядоченію Чіатуръ; но они загрязнены до такой степени, что для ихъ очистки и передѣлки нужна не мѣсячная, а долгая и большая работа. Я уѣхалъ изъ Чіатуръ вскорѣ послѣ описанныхъ событій и не знаю, насколько успѣла измѣниться ихъ физіономія; думается, однако, что не лишнимъ былъ бы и второй визитъ полковника А.

Чіатуры одинъ изъ такихъ центровъ, которые только при самомъ бдительномъ и неустанномъ надзорѣ могутъ не представлять опасности распространенія заразы и эпидемій. Ужъ очень мало довѣрія внушаютъ къ своей чистоплотности гг. марганцепромышленники.

Полковникъ А., уѣзжая, долженъ былъ благодарить одного помощника въ своей дѣятельности по очисткѣ Чіатуръ: таковымъ явился пожаръ.

Однажды ночью меня разбудили, чтобы посмотрѣть на горѣвшія Чіатуры. Я вышелъ на террасу и увидѣлъ великолѣпное зрѣлище. Внизу, въ ущельи, было разлито море пламени. Огонь бросалъ фантастическій отблескъ на окружающія ущелье черныя горы и отражался огромнымъ заревомъ въ небѣ; дальше тьма смыкалась еще гуще и непрогляднѣе. На верхъ доносились крики, шумъ, трескъ... отчетливо виднѣлись силуэты суетившихся безполезно людей. Освѣщенная пожаромъ рѣка текла, какъ расплавленный металлъ; на небольшомъ островкѣ видны были тѣсно столпившіяся въ кучу животныя: огонь выгналъ ихъ изъ конюшенъ, и они спаслись посреди рѣки. Пожаръ длился всю ночь. На утро Чіатуры имѣли другой видъ: на значительной площади

огонь истребилъ конюшни, на мѣстѣ которыхъ теперь была груда тлѣвшихся развалинъ.

Въ дни большой пріемки руды мнѣ часто приходилось дежурить „на вѣсахъ“, гдѣ ее взвѣшивали и грузили на платформу.

Главнымъ дѣятелемъ здѣсь являлся вѣсовщикъ Ноэ Месхи, высокій рыжій грузинъ, слывшій въ Чіатурахъ за большого храбреца; благодаря такой репутаціи, подрядчики опасались съ нимъ ссориться, и на нашихъ вѣсахъ время проходило сравнительно мирно.

Только что пришла партія лошадей. Черный, какъ трубочистъ, чалвадаръ устанавливаетъ ихъ на площадкѣ вѣсовъ.

— Ракъ квіа? *)—задаетъ Месхи обычный вопросъ.

— Джафаръ,—хрипитъ возчикъ.

Секунда-двѣ, и лошади взвѣшаны.

— Цади! **)—коротко командуетъ Месхи.

Лошади прямо съ вѣсовъ съ трудомъ взбираются на крутую груду марганца. Чалвадаръ при помощи плеча и рукъ опрокидываетъ вьюки и вытряхиваетъ изъ нихъ руду; затѣмъ онъ кладетъ ихъ на спину лошадямъ, садится на одну изъ нихъ и снова отправляется на рудники.

На поворотѣ дороги, изъ-за груды марганца показывается передовой оселъ, а за нимъ выдвигается, какъ какое-то войско, цѣлое стадо и медленно подвигается къ вѣсамъ. Месхи смотритъ на нихъ неодобрительно: онъ не любитъ ословъ, такъ какъ установить ихъ на площадку вѣсовъ гораздо хлопотливѣе, чѣмъ лошадей; чалвадары тянутъ ихъ за уши, кричатъ и усердно награждаютъ пинками. Но вотъ, они установлены, и Месхи, пользуясь моментомъ, быстро переводитъ пальцемъ гирку вѣсовъ.

— Цади!—кидаетъ онъ чалвадару, и тотъ гонитъ ословъ на платформу.

На грудѣ марганца царствуетъ грузинъ Матэ; его дѣло заключается въ надзорѣ за правильной свалкой руды и въ ея браковании въ случаѣ недоброкачественности. Этотъ Матэ—забавная личность. Когда пріемки мало, онъ понуро стоитъ на вершинѣ груды; дѣлать ему нечего, и отъ скуки физіономія его съ длиннымъ носомъ принимаетъ убитое выраженіе. Но нужно его видѣть, когда подвозъ великъ и когда груды марганца непрерывно штурмуются подъ предводительствомъ черныхъ чалвадаръ цѣлыми войсками ословъ и лошадей. Тогда Матэ приходитъ въ необычайное движеніе; безъ шапки, съ краснымъ и потнымъ лицомъ, онъ, какъ духъ, носится надъ марганцемъ, простирая палку, ру-

---

*) По русски: какъ зовутъ?

**) Ступай!

гаясь и крича до полнаго изнеможенія; къ концу такого дня онъ теряетъ голосъ и можетъ говорить лишь хриплымъ шопотомъ, но за то доволенъ.

Послѣ достаточнаго количества ругани и толкотни принесенный партіей марганецъ выгруженъ, и ослы въ безпорядкѣ сползаютъ съ груды внизъ, оглашая воздухъ своимъ непріятнымъ крикомъ. Чіатурскіе ослы имѣютъ крайне жалкій видъ: малорослые, худые, съ вытертой шерстью, нерѣдко окровавленные. Къ этимъ безобиднымъ и полезнымъ животнымъ мѣстное населеніе относится съ какой-то странной нелюбовью и брезгливостью; обращаются съ ними жестоко; чалвадары, въ видѣ понуканія, колютъ ихъ шиломъ или чѣмъ нибудь острымъ, норовя попасть въ самыя чувствительныя мѣста: въ голову, животъ, шею. Грузину доставляетъ удовльствіе рѣзать имъ уши и бить палкой. Въ противоположность осламъ, лошади здѣсь въ большомъ почетѣ; чалвадары любятъ ихъ и, насколько позволяетъ нужда, берегутъ и ухаживаютъ за ними; эта любовь къ лошадямъ нерѣдко облекается у нихъ въ наивныя и трогательныя формы: часто можно видѣть, какъ грязный, оборванный чалвадаръ ведетъ лошадь, украшенную цвѣтами,—обыкновенно, вплетеннымъ въ гриву краснымъ макомъ; иногда вмѣсто цвѣтовъ лошади увѣшаны множествомъ бубенчиковъ, бусами и тому подобными украшеніями, тѣшащими незатѣйливый вкусъ чалвадара; но стоитъ снять съ этихъ лошадей вьюки, и подъ ними обыкновенно обнаруживается стертая въ кровь спина: это является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ вьючнаго способа перевозки.

Большая партія ословъ уходитъ. Настаетъ перерывъ. Месхи откладываетъ въ сторону счеты и записную книжку, достаетъ грузинскій романъ и принимается за чтеніе. Я отъ нечего дѣлать наблюдаю жизнь сосѣднихъ платформъ; тамъ то же самое, что и у насъ; около одной изъ нихъ копошатся два чалвадара: они заняты переноской на платформу сваленнаго около вѣсовъ марганца; одинъ изъ нихъ маленькій и коренастый, другой—высокій, тощій старикъ; насыпавъ мѣшокъ рудой, онъ обхватываетъ его длинными, костлявыми руками, напрягается изо всѣхъ силъ и взваливаетъ его на спину товарищу; каждый разъ послѣ этой операціи, онъ долго не можетъ отдышаться. Это, очевидно, больной человѣкъ; выраженіе лица типично для чалвадара: черное отъ марганца, съ запекшимися губами и воспаленными красными глазами; на немъ трудно что-нибудь прочесть, кромѣ страданія. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нашей платформы кипитъ желѣзнодорожная жизнь: безпрерывно маневрируютъ товарные поѣзда, нагруженные марганцемъ, извергая клубы чернаго, вонючаго дыма.

Полдень. Невыносимо жарко и душно. Громадныя кучи чернаго металлическаго марганца, накаленныя солнцемъ, усиливаютъ жару. Воздухъ насыщенъ ѣдкимъ запахомъ навоза и мазута, ко-

торымъ здѣсь отапливаются паровозы. Иногда по ущелью проходитъ вѣтеръ и поднимаетъ облака марганцовой пыли; она проникаетъ и въ будку при вѣсахъ, спеціально выстроенную для защиты отъ нея, лѣзетъ въ глаза, носъ, уши; отъ нея непріятно тянетъ кожу лица и сохнетъ во рту.

Около вѣсовъ лежатъ и бродятъ подрядчики съ сонными, скучающими физіономіями; они всецѣло отдаются лѣни, такъ какъ занятія у нихъ нѣтъ никакого, развѣ иногда представится случай пнуть ногой подвернувшагося осла или съ размаху ударить его палкой; когда приходитъ ихъ партія, они нѣсколько оживляются; это заставляетъ ихъ встать и подойти къ Месхи, чтобы слѣдить за процедурой взвѣшиванія руды; затѣмъ, поставивъ въ неимовѣрно грязную записную книжку нужныя цифры, они снова погружаются въ бездѣйствіе.

Около пяти часовъ пополудни дѣятельность на вѣсахъ затихаетъ. Приходятъ послѣднія три лошади; ихъ привелъ чалвадаръ Хамза; этого возчика я отлично знаю и выдѣлилъ изъ среды всѣхъ остальныхъ, какъ пріятное и рѣдкое исключеніе: онъ здоровъ и веселъ; и лошади у него, какъ и онъ самъ, крѣпкія и сильныя; Хамза разукрасилъ ихъ на славу, а одной изъ нихъ онъ повѣсилъ на грудь совсѣмъ особенное украшеніе — блестящій и искрящійся подъ яркими лучами солнца осколокъ зеркала.

— Здравствуй, Хамза!—говорю я ему.

Чалвадаръ широко улыбается. Хамза, Хамза,—отвѣчаеттъ онъ, не понявъ русскаго привѣтствія и думая, что ему задаютъ обычный вопросъ объ имени.

Но вотъ и лошади Хамзы взвѣшаны; Месхи выходитъ изъ будки и закрываетъ вѣсы. Пріемка кончена, и я спѣшу домой.

Съ террасы дома чрезвычайно удобно слѣдить за всей жизнью Чіатуръ. Между пятью и шестью часами рабочій день затихаетъ. По набережной двигаются лишь отдѣльныя, запоздалыя партіи съ послѣднимъ грузомъ; сплошной гулъ прекращается, теперь отчетливо слышны отдѣльные звуки: съ противоположной стороны доносятся рѣзкіе свистки локомотивовъ, слѣва грохочетъ труба Панасье, спуская внизъ руду. Въ рѣкѣ плещутся, моя своихъ лошадей, чалвадары. Вдали показывается пассажирскій поѣздъ; это часъ сбора на вокзалѣ всего чіатурскаго общества; сюда рискуютъ выдти даже мѣстныя дамы—жены желѣзнодорожныхъ служащихъ, которыя днемъ прячутся отъ пыли по домамъ.

Южная ночь надвигается быстро, но она не приноситъ здѣсь прохлады: жаръ спалъ, но воздухъ тяжелъ и душенъ: скученная масса конюшенъ съ громаднымъ количествомъ гніющаго навоза—неистощимый источникъ зловонія. Съ наступленіемъ темноты въ ущельѣ повсюду зажигаются огни: мѣстами видны пылающіе костры; духаны наполняются пошабашившими рабочими; начи-

нается ночная жизнь; не смотря на усталость дня, Чіатуры засыпаютъ поздно.

Всякій, кто пріѣзжаетъ въ Чіатуры, но не дѣлается самъ марганцепромышленникомъ и не окунается съ головой въ интересы марганцоваго дѣла, непремѣнно долженъ испытать чувство одиночества. Причину этого явленія надо искать въ особенномъ складѣ мѣстнаго общества; это общество очень смѣшанное: верхи его составляютъ крупные промышленники, короли марганцоваго дѣла, ворочающіе сотнями тысячъ; низы состоятъ изъ личностей, подчасъ темныхъ, родъ занятій которыхъ трудно поддается опредѣленію; они стеклись сюда съ разныхъ концовъ въ надеждѣ ловить рыбу въ мутной водѣ широкой промысловой жизни. Но не смотря на эту смѣшанность, чіатурское общество, въ сущности, чрезвычайно однородно; отдѣльныя единицы его, взятыя вмѣстѣ, представляютъ нѣчто очень цѣльное и характерное; онѣ связаны между собою замѣчательно прочнымъ цементомъ — полною общностью интересовъ. Основа, сущность жизни всѣхъ безъ исключенія чіатурцевъ заключается въ марганцовомъ дѣлѣ; они сосредоточили на немъ всѣ свои силы безъ остатка, оно — ихъ idée fixe, и весь остальной міръ, поэтому, для нихъ одно пустое мѣсто. Проходя по Чіатурамъ, видишь только марганецъ и слышишь разговоры исключительно о немъ. Когда пытаешься самъ заговорить съ чіатурцемъ о чемъ-нибудь постороннемъ, то непремѣнно ловишь на себѣ его разсѣянный и отчужденный взглядъ, и вамъ становится ясно, что онъ слушаетъ только изъ вѣжливости и вотъ-вотъ переведетъ рѣчь на обычную тему о цѣнѣ на пудъ, о платформахъ и тому подобныхъ вещахъ, близкихъ сердцу каждаго марганцепромышленника.

Чіатуры похожи на какое-то заколдованное мѣсто; вокругъ нихъ какъ будто очерченъ волшебный кругъ, въ предѣлы котораго не имѣютъ доступа никакіе отголоски окружающей жизни. А между тѣмъ, какъ разъ въ то время, когда я былъ тамъ, весь міръ волновали событія громадной важности. Трансваальская война была въ разгарѣ; она не приняла еще хроническаго характера и не успѣла потерять интереса новизны; за ней повсюду слѣдили лихорадочно; интересъ газетныхъ сообщеній выросъ вдвое; поэтому немудрено, что, пріѣхавъ въ Чіатуры прямо изъ Петербурга, гдѣ про эту войну зналъ и толковалъ всякій лавочникъ и извозчикъ, я былъ крайне пораженъ тѣмъ полнымъ равнодушіемъ, съ какимъ къ ней относилось мѣстное общество; чтеніе газетъ не входитъ въ привычки чіатурцевъ; въ мѣстныхъ органахъ печати они прочитываютъ только то, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ состоянію рынка и марганцовому дѣлу, и потому смѣло можно сказать, что они знаютъ о бурахъ развѣ немного болѣе, чѣмъ о жителяхъ на Марсѣ. За два мѣсяца всего однажды мнѣ

удалось слышать сужденіе о нихъ: богатый марганцепромышленникъ жаловался мнѣ на трудности марганцоваго дѣла.

— Всѣ думаютъ,—говорилъ онъ,—что мы здѣсь загребаемъ золото лопатами, а между тѣмъ, положа руку на сердце, я затруднился бы отвѣтить, выгодно наше дѣло или нѣтъ; напримѣръ, въ этомъ году оно положительно невыгодно.

— Какія же причины?—спросилъ я.

— Причинъ много, да вотъ, эти буры еще стали намъ поперекъ горла! Вы удивляетесь?—замѣтилъ онъ мое недоумѣніе,—тутъ дѣло очень просто: почти всѣ англійскія суда заняты теперь этой войной, и фрахтъ непомѣрно вздорожалъ.

Не удивительно ли, что и на эту войну марганцепромышленникъ умудрился посмотрѣть исключительно съ точки зрѣнія марганца? И такое отношеніе встрѣчаешь въ Чіатурахъ ко всему.

Къ тому же времени относится начало извѣстныхъ событій въ Китаѣ; и эти событія, которыя тревожили всю Европу, оказались не въ силахъ поколебать устойчивый индифферентизмъ чіатурскаго общества. Война на Дальнемъ Востокѣ не вызвала въ Чіатурахъ не только никакого обмѣна мнѣній, но даже не сдѣлалась предметомъ нареканій, а это очень важный симптомъ, такъ какъ марганцепромышленники любятъ приписывать всѣ свои неудачи дѣйствію независящихъ отъ нихъ обстоятельствъ, и если они не бранили китайцевъ, какъ бранили буровъ, то, значитъ, о первыхъ они думали еще меньше, чѣмъ о вторыхъ.

Вліяніе марганцовой промышленности на населеніе Чіатуръ, дѣлающее его духовную жизнь такой исключительной и убогой, можно отнести къ явленіямъ гипноза. Сила этого своеобразнаго марганцоваго гипноза особенно печально сказывается на немногихъ интеллигентныхъ представителяхъ мѣстнаго общества; они присасываются всѣмъ своимъ существомъ къ грубому марганцовому дѣлу и вскорѣ измѣняются до неузнаваемости, отстаютъ отъ лучшихъ привычекъ образованныхъ людей, не дотрогиваются ни до одной книги и газеты, дѣлаются чужды всякой идейной работѣ, такъ что отъ всей ихъ образованности въ концѣ концовъ остается одинъ дипломъ. Жаль видѣть, что даже люди высокой культуры, попадая въ марганцовое царство, бываютъ не въ силахъ внести въ чужой монастырь свой уставъ, а напротивъ, принимаютъ мѣстный цѣликомъ и почти безъ всякой критики. Таковы лучшіе люди въ Чіатурахъ, остальные, составляющіе большинство, стоятъ еще гораздо ниже. Чіатурцы большіе хищники; въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ имѣютъ силу исключительно соображенія личной выгоды, желаніе построить свою удачу на неудачѣ другого; это—спекулянты, боящіеся „пропустить моментъ“, у которыхъ дѣловитость перешла въ сухость, осторожность—въ подозрительность; послѣдняя, впрочемъ, имѣетъ

свой raison d'être; всякій новичокъ въ марганцовомъ дѣлѣ неизбѣжно, употребляя мѣстную терминологію, „поступаетъ въ науку", которая зачастую обходится очень дорого, и никто не можетъ похвастаться, что самъ училъ, но ученъ не былъ. Кратко говоря, въ Чіатурахъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, homo homini lupus.

Двухъ мѣсяцевъ жизни въ Чіатурахъ оказалось совершенно довольно, чтобы детально познакомиться съ марганцовымъ промысломъ и его представителями. Когда, наконецъ, я сѣлъ въ тотъ же вагончикъ чіатурскаго поѣзда, въ которомъ пріѣхалъ сюда, но съ тѣмъ уже, чтобы сдѣлать какъ разъ обратное, т. е. оставить Чіатуры, я испыталъ чувство громаднаго облегченія, точь-въ-точь, какъ человѣкъ, долго пробывшій въ удушливой атмосферѣ и, наконецъ, вырвавшійся на свѣжій воздухъ. Выйдя на открытую площадку вагона, я смотрѣлъ, какъ постепенно Чіатуры отодвигались вдаль; вскорѣ онѣ совершенно потонули въ темнотѣ быстро надвигавшейся ночи, и маленькій поѣздъ, скрипя и качаясь на заворотахъ, бѣжалъ по ущелью, сжатому въ громоздкихъ горахъ, слившихся съ хаотической массой ночныхъ облаковъ. Наслаждаясь, какъ роскошью, чистымъ воздухомъ, о которомъ въ Чіатурахъ можно было только мечтать, я перебиралъ въ умѣ вынесенныя изъ марганцоваго царства впечатлѣнія и невольно сравнивалъ первое и конечное изъ нихъ. Сначала, неустанное движеніе, кипучая дѣятельность Чіатуръ поразили мое воображеніе, и я увидѣлъ въ нихъ избытокъ жизни; но позднѣе мнѣ пришлось убѣдиться, что если физическаго напряженія и энергіи здѣсь больше, чѣмъ нужно, то, наоборотъ, съ духовной стороны эта жизнь поразительно монотонна и убога; она заставляетъ вспоминать слова великаго русскаго писателя, утверждающаго, что истинная жизнь не тамъ, гдѣ много видимости, гдѣ движутся и сталкиваются большія массы, „а тамъ, гдѣ совершаются чуть-чуточныя дифференціальныя измѣненія сознанія".

При оцѣнкѣ Чіатуръ, ихъ темныя стороны порождаютъ вопросъ: оправдываетъ-ли цѣль, преслѣдуемая этимъ промышленнымъ центромъ, тѣ средства, какими она достигается? Не слишкомъ-ли дорого обходится людямъ улучшеніе качества стали? Если поговорить съ марганцепромышленниками, то отъ нихъ услышишь много утѣшительнаго: „Мы,—непремѣнно скажутъ они,—способствуемъ развитію горнаго дѣла, ростимъ русскіе капиталы и являемся поборниками интересовъ отечественной промышленности; мы ея столпы". Не будемъ спорить, господа, съ вами, согласимся даже, что вы столпы... и, всетаки, это не устраняетъ нѣкоторыхъ сомнѣній. Было бы нелѣпо, если бы золотоносные пески разрабатывались не на мѣстѣ, а увозились съ этой цѣлью за три-девять земель; между тѣмъ это самое мы видимъ въ марганцовомъ дѣлѣ: тамъ, гдѣ марганца много, его не умѣютъ утилизировать—въ Россіи нѣтъ ферромарганцовыхъ заводовъ—и сы-

рую руду, содержащую въ среднемъ 50% этого металла, тащатъ за тысячи верстъ, платя за провозъ и остальныхъ 50% земли и другихъ никуда негодныхъ примѣсей. Заграничные заводчики, заплативъ за руду втридорога, раскладываютъ издержки въ цѣнѣ продукта; послѣдній поступаетъ на рынки, между прочимъ и на нашъ, и потребитель съ лиховой отдаетъ то, что взяли марганцепромышленники. Въ конечномъ результатѣ въ выгодѣ оказываются марганцепромышленники, заграничные заводчики и еще казенная желѣзная дорога, но отнюдь не русскій потребитель.— Въ данномъ случаѣ можно воспользоваться и другимъ критеріемъ. Пышная культура нашихъ дней требуетъ громаднаго количества черновой работы, и съ этой точки зрѣнія Чіатуры вполнѣ отвѣчаютъ требованіямъ времени; нельзя отвертываться отъ нихъ только потому, что жизнь не выливается здѣсь въ красивыя, чистыя формы; это удѣлъ крупныхъ центровъ, а не тѣхъ, гдѣ культуру вырабатываютъ вчернѣ и гдѣ она имѣетъ еще видъ замарашки. Но если приходится мириться съ грубостью и неприглядностью чіатурской жизни, то ни въ какомъ случаѣ нельзя оправдывать ея безобразій, не вызванныхъ необходимостью. Марганцепромышленники слишкомъ широко примѣняютъ къ своей дѣятельности правило: цѣль оправдываетъ средства. Никакой благой цѣлью нельзя извинить, что Чіатуры превратили въ конюшни и что жизнь законныхъ обитателей этихъ послѣднихъ и жизнь чіатурцевъ имѣютъ много общаго. Борьба съ этимъ зломъ—весьма не легкая задача: сами чіатурцы едва-ли способны измѣниться къ лучшему, захолустность же мѣстечка дѣлаетъ крайне затруднительнымъ контроль надъ нимъ правительства и общественнаго мнѣнія. Все это заставляетъ опасаться, что Чіатуры еще не малое время будутъ „во злѣ лежать“, а гг. марганцепромышленники такъ же долго будутъ обнаруживать удивительное смѣшеніе понятій, принимая за одно и тоже ословъ и чалвадаръ, себя и поборниковъ отечественной промышленности.

А. Спасо-Кукоцкій.

Изъ Англіи.

I.

Въ февральской книжкѣ „Русскаго Богатства",—въ письмѣ изъ Англіи, я говорилъ о любопытной книгѣ Уэльса „Предсказанія". Авторъ пытается набросать, путемъ научнаго вывода, картину, которую будутъ представлять культурныя общества къ концу двадцатаго вѣка. Онъ показываетъ, какимъ образомъ измѣненіе способовъ сообщенія отразится на характерѣ будущихъ городовъ, и выясняетъ причины, которыя, по его мнѣнію, поведутъ къ „раствореніе" стараго общества. Послѣдствіемъ этого прогресса будетъ новая группировка общественныхъ классовъ. Процессы „центробѣжный и центростремительный", о которыхъ я говорилъ уже, отбросятъ, съ одной стороны, въ „пропасть" всѣхъ неудачниковъ, всѣхъ слабыхъ умственно и физически; съ другой стороны, выдвинутъ громадный классъ даровитыхъ, настойчивыхъ, трудолюбивыхъ и образованныхъ людей. Тутъ будутъ технически образованные работники, инженеры, технологи, врачи и пр. Они захватятъ „бразды правленія", которыя выпадутъ изъ неискусныхъ, нетвердыхъ рукъ профессіональныхъ политиковъ.

Если читатель припомнитъ, я не досказалъ объ общемъ синтезѣ, къ которому приходитъ остроумный авторъ предсказаній. Съ тѣхъ поръ книга Уэльса имѣла еще большій успѣхъ, чѣмъ прежде. Она выдержала цѣлый рядъ изданій въ Англіи и въ Америкѣ, переведена на нѣсколько иностранныхъ языковъ.

Теперь Уэльсъ издалъ новую книгу „Открытіе Будущаго" (The Discovery of the future), составленную изъ лекцій, прочитанныхъ въ „Имперскомъ институтѣ". Она является теоретическимъ вступленіемъ къ „Предсказаніямъ": авторъ обосновываетъ положенія, изъ которыхъ дѣлаетъ тѣ выводы, о которыхъ было сказано въ прошломъ письмѣ. Въ „Открытіи Будущаго" авторъ стремится доказать, что прогнозъ не только возможенъ, но, въ сущности, является даже единственной цѣлью всякаго научнаго изысканія. Прежде, чѣмъ сказать объ „общемъ синтезѣ" автора,—я познакомлю читателей съ основными чертами новой книги.

Уэльсъ предлагаетъ свою классификацію человѣческаго ума, который бываетъ, по его словамъ, двоякаго типа. Одни люди, составляющіе большинство, никогда не задумываются о будущемъ; другіе—думаютъ объ этомъ постоянно. Ихъ мысль занята тѣми

формами, въ которыя должно еще отлиться общество, и только съ этой цѣлью изучаютъ настоящее. Умъ первой категоріи людей исключительно ретроспективный. Онъ истолковываетъ настоящее на основаніи фактовъ прошлаго и, исходя изъ нихъ, относится то отрицательно, то одобрительно къ явленіямъ дѣйствительной жизни. Умъ второй категоріи людей, по преимуществу, созидательный. Онъ истолковываетъ настоящее и придаетъ ему то или другое значеніе постольку, поскольку оно можетъ содѣйствовать или препятствовать явленіямъ будущаго, которое созидательный умъ предвидитъ.

Первый типъ ума авторъ называетъ *узаконеннымъ*, или смиреннымъ, такъ какъ профессія и воспитаніе судейскаго человѣка больше всего склонны развить именно эту форму. Адвокатъ, нотаріусъ, прокуроръ и т. д., по мнѣнію автора, должны постоянно ссылаться на существующій уже законъ, на утвержденное право, на прецедентъ. Въ большинствѣ случаевъ, они не признаютъ или даже осуждаютъ явленія, которыя только что еще нарождаются.

Второй типъ ума—авторъ, для контраста, называетъ *законодательнымъ*, творческимъ, *повелительнымъ*, такъ какъ умъ этотъ постоянно критикуетъ дѣйствительность, пытается измѣнить ее и абсолютно не признаетъ прецедентовъ прошлаго за нѣчто неопровержимое и незыблемое. Для законодательнаго ума весь міръ,—громадная мастерская, а настоящее представляетъ лишь матеріалъ для выработки будущаго. Умъ *узаконенный* — пассивенъ; умъ законодательный — вѣчно активенъ. То умъ юности. Чаще всего онъ наблюдается у западно-европейскихъ націй. *Узаконенный* умъ свойственъ пожилому возрасту и чаще всего наблюдается на востокѣ.

— Такъ какъ были такіе-то прецеденты, говоритъ умъ узаконенный, — поэтому мы должны находиться здѣсь.

— Мы находимся здѣсь,—говоритъ умъ законодательный,—потому что такія-то явленія должны еще свершиться.

Древній философъ дѣлилъ человѣческій умъ на аналитическій и синтетическій. Бываетъ, тѣмъ не менѣе, безчисленное множество людей, умъ которыхъ не проявляетъ ни синтетическихъ, ни аналитическихъ способностей. Уэльсъ тоже въ свою очередь спѣшитъ прибавить, что большинство современнаго общества нельзя отнести ни къ одной изъ намѣченныхъ имъ категорій; оно занимаетъ среднее мѣсто между указанными полосами.

Триста лѣтъ тому назадъ люди, задумывавшіеся надъ вопросами о добрѣ и злѣ, строили свои выводы и теоріи исключительно только на основаніи прошлаго. Они исходили изъ нѣсколькихъ догматическихъ правилъ и предписаній. Большинство поступаетъ такъ до сихъ поръ. „Даже и теперь,—говоритъ Уэльсъ,—многіе не желаютъ допустить, что существуетъ какое-нибудь соотношеніе

между дѣйствительными послѣдствіями поступковъ и императивами права и беззаконія. Такъ, напримѣръ, на вопросъ, почему нельзя красть? Большинство отвѣтитъ: „потому что сказано—„не укради“! Установленная нравственность выставляетъ, какъ незыблемое правило, положеніе: „Fiat justitia ruat coelum“. „Но теперь являются люди,—говоритъ Уэльсъ,—которые отказываются признавать правосудіемъ то, что должно вызвать такое рѣшительное послѣдствіе. И число этихъ людей растетъ“. Всегда, во всѣ вѣка, люди робко дерзали преступить суровость установленнаго догмата, если это, по ихъ мнѣнію, могло повести къ благу для всѣхъ. Теперь, при оцѣнкѣ нравственныхъ поступковъ, нѣкоторые принимаютъ во вниманіе не то, насколько они согласны съ установленнымъ догматомъ, а ихъ отношеніе къ будущему. „Появилось небольшое число людей,—говоритъ авторъ,—которые оцѣниваютъ поступокъ по результатамъ его въ будущемъ; они рѣшительно не признаютъ догматическаго кодекса, установленнаго на вѣковѣчныя времена“. Большинство, конечно, не порываетъ съ такою опредѣленностью съ прошлымъ; но все же думаетъ, что необходимъ какой-нибудь компромиссъ между прошлымъ и будущимъ. Такое большинство говоритъ о незыблемости догматовъ прошлаго и, въ то же время, нерѣшительно допускаетъ высшія цѣли, которыя оправдываютъ отступленія. Только крайніе полюсы, т. е. представители ума *узаконеннаго* и ума *законодательнаго* не знаютъ никакихъ колебаній въ подобномъ положеніи, какое указано выше. Узаконенный умъ неукоснительно подчинится догмату прошлаго; умъ законодательный рѣшительно порветъ съ прошлымъ и предоставитъ мертвымъ хоронить мертвыхъ.

Въ сферѣ общественныхъ дѣлъ двойная точка зрѣнія тоже ведетъ къ противоположнымъ результатамъ. „Умъ узаконенный,—говоритъ Уэльсъ,—ссылается на трактаты, договоры, хартіи, конституціи. Умъ законодательный подвергаетъ ихъ рѣзкой критикѣ. Особенно выпукло выступаетъ разница между обоими типами ума, когда общество находится въ переходномъ періодѣ. Умы узаконенные тогда пріобрѣтаютъ славу своею лояльностью; умы законодательные стоятъ за полную перестройку общественнаго зданія“. Эту же черту можно подмѣтить во многихъ войнахъ, которыя, по мнѣнію Уэльса, имѣли рѣшительно созидательный характеръ. „Въ нынѣшней войнѣ, напримѣръ, совершенно упускается изъ вида, что она можетъ имѣть послѣдствіемъ мощную, объединенную Южную Африку. Люди диспутируютъ и крючкотворствуютъ о мелочахъ: по поводу того, кто первый началъ войну, что было написано или чего не стояло въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ трактатѣ, составленномъ лѣтъ двадцать тому назадъ“.

Не смотря на то, что мысль о будущемъ все больше начинаетъ имѣть вліяніе на частные и общественные поступки людей,—жизнью ихъ все еще управляетъ прошлое. „Но почему? Почему

мы такъ привязаны къ нему? — говоритъ Уэльсъ. — Мы приближаемся къ будущему. Для насъ важное значеніе должно имѣть предстоящее... Между тѣмъ, мы группируемся въ классы, созданные прошлымъ. Понятіе о томъ, что такое постыдное и почетное, мы извлекаемъ опять же на основаніи прошлаго. Оно намъ служитъ указаніемъ, что такое право и безправіе. Будущее, фактически, не имѣетъ никакого вліянія на наши поступки. Наши писатели, главнымъ образомъ, занимаются исторіей или предметами, которые, такъ или иначе, имѣютъ соотношеніе съ ней. Что такое, наконецъ, культура, какъ не старая форма, въ которую насильно хотятъ отлить будущее. Культура—родъ Прокустова ложа, на которомъ желаютъ вытянуть человѣчество. Наши приличія, какъ и наши мысли, всѣ ретроспективны... Прошлое заполняетъ для насъ весь міръ". Причина вполнѣ понятна. Прошлое кажется людямъ такимъ яснымъ, понятнымъ и опредѣленнымъ, что невольно является искушеніе слѣдовать ему. „Люди не вѣрятъ, что можно научнымъ путемъ предвидѣть будущее". Они сообразуются съ прошлымъ, потому что умъ ихъ привыкъ идти въ сторону наименьшаго сопротивленія.

Въ то время, какъ извѣстная часть прошлаго кажется доступной для всѣхъ, будущее совершенно закрыто для людей, не выработавшихъ себѣ научнаго мышленія. Большинство не можетъ устоять предъ искушеніемъ совершить экскурсію въ область прошлаго, чтобы извлечь оттуда для подтвержденія нашихъ взглядовъ тотъ или другой фактъ. Намъ кажется, что въ прошломъ мы чувствуемъ себя, „какъ дома"; тогда какъ въ области будущаго воображеніе теряется, какъ заблудившееся дитя въ темнотѣ.

Многіе, поэтому, утверждаютъ,—говоритъ Уэльсъ,—что относительно будущаго нельзя строить такихъ предположеній и невозможно предвидѣть событій предстоящихъ, — говорятъ обыкновенно,—какъ нельзя предсказать, глядя на играющаго котенка, куда онъ прыгнетъ сейчасъ; но господство такихъ взглядовъ объясняется только упорнымъ невѣжествомъ. Законопричинность существуетъ во всѣхъ явленіяхъ, поэтому, будущее, по мнѣнію Уэльса, такъ же допускаетъ вѣрныя толкованія, какъ и прошедшее. Наша личная память даетъ намъ представленіе о совершившихся фактахъ, какъ о чемъ-то единственно реальномъ; но чѣмъ больше мы вырабатываемъ въ себѣ научное мышленіе, тѣмъ яснѣе понимаемъ, что это представленіе только субъективно и не имѣетъ ничего общаго съ абсолютной истиной. Явленія, свершившіяся за 4000 лѣтъ, напримѣръ, до Р. Х., такъ же реальны, какъ и тѣ, которыя произошли въ 1600 г. нашей эры; но вторыя подтверждаются нѣкоторыми данными, тогда какъ первыя—фактически, никакими.

Насколько же наше незнаніе будущаго является неизбѣжнымъ и насколько возможно, пользуясь научнымъ методомъ, поднять

занавѣсъ, отдѣляющій насъ отъ явленій, долженствующихъ еще наступить?

II.

Въ сущности говоря, наше знаніе прошлаго крайне ограничено. Мы слишкомъ переоцѣниваемъ ту достовѣрность, съ которой мы можемъ судить о явленіяхъ былого. И если въ послѣднее время наука съ увѣренностью дѣлаетъ это, то на основаніи чего-то другого, а не человѣческой памяти. Что знаетъ современный образованный человѣкъ о прошломъ? Прежде всего то, что даетъ ему личный опытъ и собственная память. Необразованные люди безусловно довѣряютъ своей памяти; то же, но съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, дѣлаютъ наиболѣе развитые. Нѣкоторые относятся критически даже къ личнымъ воспоминаніямъ, такъ какъ знаютъ, что не только событія забываются, но съ теченіемъ времени, порой, совершенно призрачное, созданное нашимъ воображеніемъ, начинаетъ казаться намъ дѣйствительно свершившимся фактомъ. Это объясняется своего рода самовнушеніемъ. Не смотря на это, всетаки личныя воспоминанія кажутся намъ наиболѣе неопровержимыми фактами прошлаго. Но предѣлъ такихъ воспоминаній крайне ограниченъ. За нимъ лежитъ рядъ другихъ фактовъ, или такъ называемыхъ фактовъ, о которыхъ мы знаемъ отъ другихъ по разсказамъ и изъ жизни. Это—область слуховъ, отчетовъ, преданій и исторіи. Чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ факты эти яснѣе, достовѣрнѣе, подробнѣе, и наоборотъ: чѣмъ дальше, тѣмъ сообщенія становятся неопредѣленнѣе, потомъ принимаютъ характеръ краткихъ, неясныхъ надписей, загадочныхъ преданій и, наконецъ, совершенно исчезаютъ. Прошлое это такъ же неизвѣстно, какъ и будущее. Триста лѣтъ тому назадъ всѣ знанія прошлаго ограничивались второй зоной, т. е. областью слуховъ, преданій и исторіи. Такъ продолжалось почти до начала XIX вѣка. Дѣйствительныя событія прошлаго были перемѣшаны и переплетены рядомъ установившихся легендъ. Получалась, поэтому, совершенно неточная картина. Таковы были познанія всеобщей исторіи, покуда не пришла эпоха *научнаго* изслѣдованія. Для людей XVII вѣка ничего не существовало за 60 вѣковъ до нихъ, какъ для насъ ничего не существуетъ въ будущемъ. Современная наука, т. е. систематическая критика явленій, разрушила то представленіе, которое имѣли люди о далекомъ прошломъ на основаніи традицій. Знаніе этого неизвѣстнаго прошлаго явилось тогда, когда были примѣнены совершенно новые методы. И о самомъ отдаленномъ мы знаемъ теперь гораздо больше, чѣмъ о событіяхъ, которыя значительно ближе къ намъ. Въ самомъ дѣлѣ. Мы имѣемъ только нѣкоторое представленіе о какомъ-нибудь царѣ Саргонѣ, жившемъ за 28 вѣ-

ковъ до Р. Х.; но хорошо знаемъ про животныхъ, населявшихъ землю тогда, когда ни одно человѣческое существо не могло еще ихъ видѣть. Мы знаемъ точно, каковъ былъ характеръ ландшафта тогда. Мы представляемъ себѣ лабиринтодонта, поднимающаго неуклюжую голову надъ насыщеннымъ углекислотой болотомъ, въ которомъ онъ жилъ; рисуемъ себѣ громадную, крылатую ящерицу птерадоктиля, когда онъ летаетъ надъ лѣсомъ мезозоическаго вѣка. Представляемъ себѣ мы ихъ съ такою же отчетливостью, какъ носорога или коршуна. Относительно внѣшности ихъ у насъ также не можетъ быть сомнѣнія; не можемъ ошибиться. Мы вѣримъ, что въ далекомъ прошломъ существовалъ мегатеріумъ, котораго никто не видѣлъ, какъ увѣрены въ томъ, что есть гиппопотамы, которыхъ нѣкоторые изъ насъ кормили булками въ зоологическомъ саду. Въ послѣднее время многія подробности картины доисторическаго міра выяснены съ такою подробностью, что не можетъ быть никакого сомнѣнія. Цѣлый рядъ ученыхъ систематически работаетъ надъ тѣмъ, чтобы все больше и больше удалить изъ прошлаго неизвѣстность. Мракъ доисторическаго періода разсѣянъ знаніемъ. Человѣчество пріобрѣло такую исторію земли, существованія которой (исторіи) не подозрѣвали лучшіе историки XVIII вѣка. Всемірная исторія явилась только заключительной главой вновь открытой исторіи. На придачу, даже заключительную главу пришлось написать заново послѣ работъ, построенныхъ на научномъ методѣ, т. е. на сравненіи и анализѣ фактовъ.

Такимъ образомъ, примѣняя научный методъ, мы узнали о далекомъ прошломъ, которое не подозрѣвалось даже. Внимательное изученіе обломковъ камней, разрѣзовъ земли, скалъ, костей,—словомъ, вещей, которыя раньше считались совершенно „нѣмыми", раскрыло предъ нами величественныя перспективы. Изъ нихъ засіялъ свѣтъ, озарившій мракъ.

Если люди могли сдѣлать это и освѣтить прошлое, хотя для этого пришлось бороться съ твердо установившейся традиціей, то почему тотъ же методъ не примѣнимъ для будущаго? Вмѣсто ископаемыхъ,—говоритъ Уэльсъ,—нужно разыскать только общественные моторы, изслѣдовать ихъ и выяснить послѣдствія ихъ дѣятельности. Это должно дать такіе же благодарные результаты, какъ изученіе, напримѣръ, слоевъ земли въ геологіи. Для общества,—по мнѣнію Уэльса,—подобный прогнозъ абсолютно необходимъ. „Я твердо убѣжденъ въ томъ, — говоритъ онъ, — что изученіе будущаго является въ предѣлахъ возможности человѣческаго знанія"...

Авторъ полагаетъ, что наступаетъ время, когда попытки изученія будущаго примутъ систематическій характеръ. До сихъ поръ ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи. Ни одинъ великій умъ не сосредоточилъ на этомъ всего своего вниманія. Какой результатъ могъ бы получиться, если бы этотъ вопросъ

поглотилъ столько же вниманія людей, способныхъ критически мыслить, какъ и изученіе законовъ химическихъ соединеній?— спрашиваетъ авторъ.

Человѣкъ, однако, не химическій элементъ, общество—не химическая формула и, въ данномъ случаѣ, опытъ, этотъ великій пособникъ современной науки,—не всегда возможенъ, скажемъ мы отъ себя.

„Среднему человѣку кажется невѣроятнымъ мое предположеніе,—говоритъ Уэльсъ,—между тѣмъ, фактически, предсказаніе неразрывно связано съ идеей о научномъ изслѣдованіи". Послѣднее отнюдь не выражается въ одномъ коллектированіи маленькихъ фактовъ съ такимъ усердіемъ, съ какимъ птица переемѣшникъ собираетъ раковинки и мелкіе камешки. Не заключается также научное изслѣдованіе въ томъ только, чтобы группировать и классифицировать факты. Большинство представляетъ себѣ, что великія научныя открытія являются какъ-то нечаянно, результатомъ случая. Между тѣмъ, самое существенное въ научномъ изслѣдованіи не собираніе фактовъ, а анализъ ихъ. Факты составляютъ только сырой матеріалъ науки, а не сущность ея. Все систематизированное знаніе было результатомъ анализа. Цѣлью научнаго процесса является предсказаніе. Такъ, медицина стремилась и стремится имѣть возможность ставить діагнозъ. Метеорологія желаетъ предсказывать погоду и только тогда займетъ почетное мѣсто въ наукѣ, когда достигнетъ этого. Химикъ предсказываетъ новые элементы, прежде чѣмъ найдетъ ихъ. Клэркъ-Максуэль предсказалъ явленія, которыя теперь Маркони матеріализировалъ (безпроволочный телеграфъ). То же явленіе мы замѣчаемъ и въ астрономіи. „Даже въ такой ненаучной наукѣ, какъ политическая экономія,—говоритъ Уэльсъ,—были попытки дѣлать предсказанія". Почему же нельзя изслѣдовать будущее и, путемъ анализа явленій, создать картину, столь же реальную какъ и та, которая дана, напр., геологіей. Далеко-ли мы можемъ отважиться уйти въ этомъ направленіи впередъ, оставаясь, въ то же время, на почвѣ реальности и вѣроятности?

По мнѣнію Уэльса, мы склонны уменьшать возможность предвидѣть будущее, точно такъ, какъ преувеличиваемъ нашу возможность судить о прошломъ. Живость нашей памяти набрасываетъ тѣнь правдоподобности на все, касающееся былого. Такъ какъ мы не знаемъ и не можемъ знать нашего *личнаго* будущаго, то поэтому намъ кажется, что вообще предвидѣть что нибудь совершенно невозможно. Такъ какъ мы не можемъ сказать съ увѣренностью, какъ мы сами поступимъ и что будемъ чувствовать черезъ нѣсколько лѣтъ, то поэтому склонны заключить, что еще меньше можемъ предвидѣть судьбы государства или общества.

Но это разсужденіе, кажущееся намъ столь неопровержимымъ,

въ сущности неправильно. Предсказаніе относительно людей, взятыхъ въ масссѣ, облегчается, а не затрудняется. По мѣрѣ того, какъ индивидуумы увеличиваются численно, масса ихъ больше приближается къ одному среднему. Это положеніе нашъ авторъ поясняетъ такимъ примѣромъ. Отдѣльныя песчинки имѣютъ крайне разнообразную форму. Подъ микроскопомъ мы увидимъ, что однѣ угловаты, другіе почти круглы, третьи напоминаютъ брилліантъ, отшлифованный „розой“ и т. д. Прежде, чѣмъ вы взглянете въ микроскопъ, вы не можете угадать, какой формы будетъ песчинка. Если мы опрокинемъ тачку песку на землю, то не можемъ сказать, гдѣ лягутъ песчинки извѣстной формы; но мы съ большой вѣроятностью можемъ предсказать, какую форму приметъ вся куча. Если мы просѣемъ песокъ черезъ нѣсколько рѣшотъ и потомъ отбросимъ его лопатой въ сторону, то сможемъ предсказать, гдѣ упадутъ песчинки извѣстнаго размѣра. Въ данномъ случаѣ мы видимъ, что цѣлое можетъ быть проще его составныхъ частей. То же самое, по мнѣнію Уэльса, примѣнимо и относительно человѣческаго общества. Если нельзя предсказать будущее отдѣльнаго индивидуума, то это отнюдь не значитъ, что невозможно сдѣлать вполнѣ достовѣрный прогнозъ относительно цѣлаго общества. Но есть, конечно, значительная разница между тачкой песку и массой человѣческихъ индивидуумовъ. Человѣческія мысли и эмоціи дѣйствуютъ заразительнымъ образомъ. Воля одного можетъ оказать давленіе на все окружающее. Песчинка, какъ бы она ни была велика, не имѣетъ въ кучѣ никакого дѣйствія на меньшія песчинки; но великій человѣкъ, говорятъ намъ, какъ Цезарь, Наполеонъ или Петръ Пустынникъ можетъ убѣдить и увлечь за собою всю кучу, т. е. все общество. Онъ можетъ измѣнить судьбу послѣдняго, направить на новый путь. А если это такъ, то какъ же мы можемъ дѣлать какія нибудь предсказанія? Предвидѣть рожденіе генія—внѣ предѣловъ возможности человѣка. Но нашъ авторъ абсолютно не принадлежитъ къ числу поклонниковъ героическаго культа. „Не всѣ вѣрятъ въ важное значеніе „вождя“,—говоритъ онъ.—Есть люди, которые думаютъ, что весь міръ измѣнился отъ того, что явился Наполеонъ; но есть и другіе, полагающіе, что, не явись Наполеонъ, міръ былъ бы такой же, какъ и теперь. Одни вѣрятъ всецѣло въ индивидуальное вліяніе человѣка, другіе—всецѣло въ силы, стоящія за этими людьми“. И авторъ прибавляетъ, что самъ онъ—крайній сторонникъ послѣдняго взгляда. Великіе люди являются только образами и символами; они случайныя орудія безпрерывныхъ созидающихъ силъ, дѣйствующихъ силъ. Великіе люди, по выраженію Уэльса,—„это перья, которыми пишутъ силы; они—осколки алмазовъ, вставляемыхъ въ коловоротъ, чтобы сверлить камень“. И чѣмъ больше мы будемъ изучать дѣйствія этихъ силъ, тѣмъ съ большей достовѣрностью сможемъ

поставить прогнозъ для явленій политическихъ, соціальныхъ и т. д.

Прогнозъ, какъ было сказано уже, будетъ относиться только къ массамъ, а не индивидуумамъ. Установленіе его отнюдь не означаетъ, что упраздняется значеніе нашего личнаго *я* или отмѣняется отвѣтственность за личные поступки.

III.

Какъ отдаленно то время, которое можно предсказать? Въ серединѣ XIX вѣка явилось философское ученіе, которое обратилось къ будущему для объясненія настоящаго. То былъ позитивизмъ. Представленіе позитивистовъ о будущемъ было ограничено. Контъ не зналъ еще того отдаленнаго прошлаго, которое лежитъ за предѣлами исторіи, во всякомъ случаѣ, не придавалъ ему значенія въ исторіи человѣчества. Онъ принималъ, что въ прошломъ люди были всегда только людьми и что въ будущемъ люди останутся только таковыми, какъ и въ настоящемъ. Контъ видѣлъ, что старый общественный строй рушится и, подвергнувъ анализу силы, подтачивающія ветхое общество, задумалъ самъ статику общественнаго порядка, долженствующаго замѣнить прежній. „Читая Конта или ученика его Фредерика Гаррисона,—говоритъ Уэльсъ,—мы постоянно можемъ натолкнуться на одну мысль: Было нѣкогда общество, находившееся въ устойчивомъ состояніи. Человѣчество, такъ сказать, сидѣло спокойно. Потомъ человѣчество пришло въ движеніе; но когда оно обрѣтетъ новый порядокъ, намѣченный позитивистами, оно опять осядетъ и будетъ счастливо и довольно. Этотъ идеалъ,—продолжаетъ Уэльсъ,—былъ вполнѣ понятенъ въ первой половинѣ XIX вѣка; но люди XX вѣка, родившіеся послѣ появленія „Происхожденія видовъ“,—не могутъ уже довольствоваться взглядами стараго позитивизма. Мы знаемъ теперь, что человѣчество и весь міръ являются только однимъ фазисомъ безконечной эволюціи. Мы можемъ оглянуться теперь на нѣсколько милліоновъ лѣтъ. Мы знаемъ, какія безконечныя формы развились изъ первобытной клѣточки. Высшее проявленіе эволюціи выразилось теперь въ трудахъ ученыхъ, въ звукахъ музыки, въ краскахъ художниковъ... Смотря на будущее, мы можемъ предсказать такую же безконечную цѣпь эволюціи. Человѣкъ—не конечная форма ея. Что будетъ *послѣ* человѣка? Этотъ вопросъ представляетъ захватывающій интересъ, но его мы не можемъ покуда предвидѣть. Отвѣта еще нѣтъ; но за то можно дать его для болѣе близкаго будущаго, когда человѣкъ останется еще таковымъ... Не трудно доказать, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, черезъ два вѣка или черезъ десять, все человѣчество образуетъ одно громадное общество. ко-

торое сбросить съ себя все, что есть въ людяхъ низкаго и бестіальнаго; общество это уничтожитъ все, что дѣлаетъ теперь жизнь мрачной, сѣрой и несчастной. Этотъ міръ, населенный энергичными, счастливыми и разумными людьми, уже, такъ сказать, предъ нами, на вершинѣ холма. Что находится за послѣдними, мы еще не можемъ видѣть; но воображеніе угадываетъ въ туманѣ вѣковъ проспекты еще болѣе блестящіе... „Почему все должно кончиться человѣкомъ? Почему поднимающаяся кривая эволюціи не можетъ взойти еще выше?“ Все доказываетъ, что мы находимся теперь въ фазисѣ быстраго, безпримѣрнаго развитія. Условія, при которыхъ люди живутъ, измѣняются съ поразительной и все возрастающей быстротой. А мы знаемъ, что не было еще вида, который не измѣнился бы съ перемѣной окружающихъ условій. Въ XIX вѣкѣ окружающія человѣка условія измѣнились больше, чѣмъ раньше въ теченіе тысячи лѣтъ. Сто лѣтъ тому назадъ изслѣдователей и изобрѣтателей было мало. Теперь надъ изобрѣтеніями работаетъ цѣлая организованная армія. Двадцатый вѣкъ,—говоритъ Уэльсъ,—увидитъ изобрѣтенія и открытія, предъ которыми все, сдѣланное въ девятнадцатомъ вѣкѣ, покажется ничтожнымъ. Человѣчество никогда не дойдетъ до культуры, которую сможетъ назвать окончательной. Общество никогда не находилось въ абсолютно-статическомъ состояніи и никогда не станетъ пытаться перейти въ него. Человѣчество идетъ впередъ. Оно собрало разъ навсегда свои походные шатры и тронулось въ путь. „Мы—наканунѣ величайшихъ перемѣнъ, которыя когда либо переживало человѣчество. Мы не видимъ поразительныхъ инцидентовъ; но наступленіе утра, когда небо заволочено тучами, тоже не ознаменовывается никакими рѣзкими явленіями. Мы не можемъ сказать тогда, въ какой именно моментъ кончилась тьма и наступилъ свѣтъ. Но день наступаетъ незамѣтно... Мы видимъ всюду накопленіе знанія, а дерзающему разуму нѣтъ предѣловъ. Ничто ему не заказано.

Все, что видѣло до сихъ поръ человѣчество, это только первыя сумерки разсвѣта. Все, что разумъ свершилъ до сихъ поръ—ничтожно передъ тѣмъ, что предстоитъ ему еще свершить. Мы не можемъ еще сказать, чѣмъ будетъ человѣчество, когда наступитъ день. Мы лишь люди, выросшіе въ утреннихъ сумеркахъ...“

Такова мощная картина, набросанная нашимъ авторомъ. Научный прогнозъ утомлялъ его, и онъ нѣсколько разъ, на крыльяхъ фантазіи, пытался перелетѣть черезъ тотъ гребень холма, о которомъ было упомянуто выше. Уэльсъ до сихъ поръ писалъ беллетристику и, по преимуществу, фантастическую. Теперь посмотримъ, что предвидитъ онъ въ ближайшемъ будущемъ. Возвратимся къ книгѣ, о которой была рѣчь въ прошломъ письмѣ. Къ сожалѣнію, мы тутъ не всегда видимъ картины, которыя захватывали бы насъ. „Слава сильнымъ, умнымъ и энергичнымъ! Горе

слабымъ, ограниченнымъ и безвольнымъ! Первымъ уготованъ красный уголъ; вторыхъ ждетъ пропасть, и чѣмъ скорѣе они бросятся туда, тѣмъ лучше". Такова суть книги „Предсказанія".

IV.

Наиболѣе характернымъ послѣдствіемъ прогресса науки, механической техники, а, въ особенности, развитія новыхъ способовъ сообщенія явится „раствореніе" стараго общества и возникновеніе новыхъ классовъ. Результатомъ „растворенія" и процесса новаго синтеза могутъ быть большія и правовыя войны; но, въ концѣ концовъ, по мнѣнію автора, должно создаться „міровое государство", задачей котораго будетъ мирное развитіе. Въ экономическомъ смыслѣ,—говоритъ Уэльсъ,—такое „міровое государство" уже существуетъ. Даже и теперь народы покупаютъ и продаютъ на однихъ и тѣхъ же рынкахъ, „хотя обладатели нѣкоторыхъ старинныхъ правъ взимаютъ еще пошлину тамъ и сямъ, и индусъ умираетъ отъ голода, а итальянецъ терпитъ крайнюю нищету, прежде чѣмъ германецъ или англичанинъ станутъ нуждаться въ хлѣбѣ". Теперь ни одна нація не можетъ предъявить абсолютное и исключительное право на извѣстную территорію. Нынѣшнія границы означаютъ лишь требованія на извѣстные уголки міровыхъ рынковъ. „Эти требованія имѣютъ важное значеніе въ глазахъ людей, взоръ которыхъ обращенъ къ прошлому; но лишены всякаго смысла въ глазахъ людей, ищущихъ въ будущемъ разрѣшенія многихъ осложненій". По мнѣнію автора, стремленіе къ національной обособленности можно сравнить съ желаніемъ человѣка жить въ извѣстномъ округѣ, не наблюдая санитарныхъ требованій и не платя городскихъ налоговъ на томъ основаніи, что его дѣдушка былъ очень хорошій человѣкъ. Силы механическаго и научнаго прогресса борются противъ такой національной обособленности и противъ партикуляризма. Чѣмъ это сознаніе станетъ яснѣе; чѣмъ человѣчество лучше пойметъ неумолимость механическихъ законовъ развитія, тѣмъ, по мнѣнію Уэльса, меньшимъ кровопролитіемъ будетъ сопровождаться новый общественный синтезъ. Авторъ настаиваетъ на томъ, что какъ процессъ растворенія общества, такъ и синтезъ совершенно внѣ воли и контроля человѣка. Процессъ этотъ свершается медленно, но также неукоснительно, какъ всякое движеніе въ природѣ, напр., поднятіе континента и разрушеніе горной цѣпи. „Процессъ можно еще сравнить съ громадной сѣтью, которою обвили людей и концы которой все больше и больше стягиваются. Люди могутъ враждовать между собою или дружить, могутъ начинать войны и кричать о желаніи „драться до послѣдняго",—сѣть все больше и больше стягивается".

Детерменизмъ Уэльса не признаетъ никакихъ исключеній. Предъ нами „историческій матеріализмъ“, но только еще болѣе прямолинейный, еще болѣе непреклонный, сведенный къ еще болѣе элементарной формѣ.

Процессъ синтеза уже начался. Человѣчество уже давно испытываетъ настоятельную необходимость группироваться не такъ, какъ указываютъ нынѣшнія географическія границы. Въ настоящее время существуетъ не меньше пяти мощныхъ движеній народнаго объединенія. Мы имѣемъ, прежде всего, англо-саксонское движеніе, затѣмъ—британскій имперіализмъ, пангерманизмъ, панславизмъ и зарожденіе латинскаго союза. Подъ вліяніемъ жестокаго обращенія бѣлыхъ съ цвѣтнокожими, кромѣ того, зарождается теперь союзъ „желтыхъ“ расъ, который, по мнѣнію Уэльса, неминуемо осуществится черезъ нѣсколько лѣтъ. Всѣ эти союзы имѣютъ цѣлью, прежде всего, самооборону; они стремятся отстоять свои обычаи, языкъ, законы отъ какого бы то ни было посягательства. Они силою вещей вынуждены будутъ бороться за преобладаніе. Нормальное дѣйствіе естественныхъ силъ не допускаетъ *отдѣльнаго* существованія мѣстныхъ соціальныхъ системъ.

Пангерманизмъ, панлатинизмъ и прочіе „паны“ создадутъ особую культуру, характерныя черты которой могутъ пережить раствореніе старыхъ обществъ и разсѣяться по всему міру, какъ пережила греческая культура уничтоженіе Эллады. „Единство ни въ коемъ случаѣ не означаетъ однородности. Чѣмъ больше соціальный организмъ, тѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе части его, тѣмъ многообразнѣе вліяніе въ немъ таланта, характера и образованія“. Какова ближайшая судьба упомянутыхъ національныхъ движеній? (панлатинизма, пангерманизма и пр.). Сомнительно, по мнѣнію автора, чтобы панлатинская или панславянская идея имѣли большой успѣхъ и могли бы вызвать сліяніе различныхъ народностей. Латинскія народности, или, по терминологіи Уэльса, „элементы латинскаго синтеза“ такъ разсѣяны по южной и центральной Америкѣ и по берегамъ Средиземнаго моря, что на экономическій союзъ между ними нѣтъ никакой надежды. Скорѣе всего вѣроятно, что при будущемъ „синтезѣ“ наиболѣе даровитая часть Франціи войдетъ въ составъ „рейнско-нидерландскаго союза“. Интересы сѣверной части Италіи влекутъ ее не къ Риму и къ югу, а къ Швейцаріи и южной Германіи. Что же касается южно-американскихъ республикъ, то имъ прежде всего предстоитъ слиться, а затѣмъ подпасть подъ политическое опекунство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, которое уже и теперь сказывается. Кромѣ этого, только во Франціи и въ сѣверной Италіи есть надежда на интеллектуальную эволюцію, которая неизбѣжно должна предшествовать всякому движенію къ широкому политическому синтезу.

Гораздо болѣе мрачно смотритъ Уэльсъ на панславизмъ. Проще говоря, онъ ставитъ крестъ надъ всѣмъ славянскимъ міромъ. Сліяніе славянскихъ народностей, по мнѣнію автора, затруднено тѣмъ, что на русскомъ, чешскомъ и польскомъ языкахъ существуютъ отдѣльныя литературы, одинаково почти богатыя; но ни одна изъ нихъ не можетъ взять верхъ во всемъ славянскимъ мірѣ. Россія, которая должна бы составить центръ синтеза,—до невѣроятности отстала отъ западно-европейскихъ обществъ. „Въ ней нѣтъ того мощнаго своимъ развитіемъ средняго класса, которому суждено играть такую важную роль". Уэльсъ даже и теперь не усматриваетъ нарожденія этого класса. Такъ какъ даже въ войнахъ простое численное преобладаніе начинаетъ терять значеніе, то, по мнѣнію автора, вооруженныя столкновенія Россіи съ ея западными сосѣдями не могутъ клониться къ выгодѣ ея. Западные славяне сольются съ центрально-европейскимъ обществомъ, предсказываетъ нашъ пророкъ. Что же касается Россіи, то она „будетъ состоять изъ двухъ элементовъ: изъ грубыхъ помѣщиковъ или дворянъ абсентеистовъ да изъ полудикой, вѣчно голодной, безпомощной и несчастной крестьянской массы".

Суровость приговора объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что Уэльсъ, хотя много читалъ о Россіи, но знаетъ ее изъ вторыхъ источниковъ, по переводнымъ сочиненіямъ. Во-вторыхъ, многія явленія, къ которымъ мы, русскіе, почти привыкли, поражаютъ иностранцевъ, подавляютъ ихъ и закрываютъ имъ весь горизонтъ. Если можно такъ выразиться, иностранные наблюдатели, какъ Уэльсъ, читаютъ чужія культуры, примѣняя ту азбуку гражданственности, которая существуетъ въ ихъ странѣ.

По мнѣнію нашего пророка, Россія будетъ своего рода Ирландія, но только безъ эмиграціи, т. е. страной хроническихъ голодовокъ. „Я не вижу ни одного мѣста въ Россіи,—говоритъ онъ,—гдѣ могло бы возникнуть такое густое городское населеніе, какъ, напр., по Рейну. Желѣзнодорожныя линіи проведены такъ, что отрываютъ Россію отъ западно-европейской жизни". Съ развитіемъ новыхъ путей сообщенія, когда море утратитъ нѣсколько свой характеръ большой дороги, торговое значеніе Петербурга, предсказываетъ Уэльсъ, должно упасть. „Своими широкими улицами, великолѣпными зданіями, значеніемъ, какъ политическій центръ страны,—Петербургъ будетъ тогда напоминать Дублинъ". Сходство увеличится тѣмъ, что городъ опустѣетъ въ промышленномъ отношеніи, и тѣмъ, что за нимъ будетъ разстилаться „безконечная, печальная страна, населенная нищими-крестьянами".

Въ настоящее время центръ политическаго тяготѣнія Россіи замѣтно переносится на востокъ. Въ силу этого, Уэльсъ предвидитъ, что въ ближайшемъ будущемъ Россія, очень возможно,

станетъ твердой ногой въ Китаѣ. Послѣдствіемъ будетъ то, что она тогда станетъ совершенно въ сторонѣ отъ дѣйствія процесса европейскаго „синтеза". На крайнемъ Востокѣ русская литература и русскій языкъ не могутъ одержать полную побѣду надъ туземными языками и литературами. Другими словами, не можетъ быть полной амальгамаціи народностей, не можетъ произойти то „раствореніе" и то возсозданіе общественныхъ элементовъ, о которыхъ была рѣчь въ прошломъ письмѣ.

На основаніи всего этого, Уэльсъ приходитъ къ выводу, что въ двадцать первомъ вѣкѣ трудно предвидѣть существованіе мощнаго культурнаго славянскаго общества. Намъ, русскимъ, позволительно усомниться въ мрачныхъ выводахъ пророка. И не только потому, что наше національное самолюбіе страдаетъ отъ этого. Мы, лучше иностранца понимая родину, видимъ, что ошибка Уэльса состояла въ слѣдующемъ. Условія, неблагопріятныя для культурнаго развитія страны, Уэльсъ принялъ за нѣчто перманентное. Какъ иностранецъ, примѣняющій для разшифровки чужой культуры свою азбуку гражданственности, Уэльсъ поставилъ крестъ надъ населеніемъ; авторъ думаетъ, что населеніе, мирящееся съ неблагопріятными условіями и приспособляющееся къ нимъ, неспособно къ прогрессу. Мы, русскіе, знаемъ, что это не вѣрно. Намъ извѣстно, какой громадный запасъ непочатыхъ общественныхъ силъ есть у насъ; запасъ, который ходомъ вещей, рано или поздно, неминуемо будетъ выдвинутъ впередъ. Уэльсъ, естественникъ по образованію, питаетъ слабость къ химическимъ терминамъ. Быть можетъ, позволительно будетъ и намъ употребить такой терминъ: въ настоящее время происходитъ процессъ *сатураціи* болѣе широкаго круга читателей, чѣмъ это было десять-двадцать лѣтъ тому назадъ. Явился теперь читатель, о которомъ и помина не было прежде. Мы, русскіе, знаемъ, что наше общество не только состоитъ изъ тѣхъ двухъ классовъ, о которыхъ говоритъ Уэльсъ. Сознательные и критически относящіеся къ дѣйствительности элементы отроились давно уже. Мы, русскіе, поэтому, имѣемъ больше права повторять не слова отходной, какъ совѣтуетъ пророкъ, а стихи Шиллера „Колумбъ":

«Далѣе, смѣлый пловецъ!..
Пусть, утомившись, руль выпуститъ кормчій изъ рукъ—
Далѣе, далѣе къ западу! Долженъ тамъ берегъ явиться;
Ясно видится онъ мысли твоей вдалекѣ!
Вѣруй вожатаго разуму! Бодро плыви океаномъ».

V.

На первый взглядъ кажется, что всѣ условія благопріятствуютъ тому, чтобы возникъ мощный пангерманскій союзъ, стремящійся къ захвату власти въ центральной Европѣ, въ западной Азіи и

въ разгромленныхъ западно-славянскихъ государствахъ. Не подлежитъ сомнѣнію,—говоритъ Уэльсъ,—что въ настоящее время нигдѣ нѣтъ такого богато одареннаго, энергичнаго средняго класса, какъ въ Германіи. Быстрый экономическій успѣхъ ея въ значительной степени является результатомъ умственнаго развитія, затѣмъ политической и военной силы. Но традиція о побѣдахъ, которою проникнуты теперь нѣмцы,—явится сомнительнымъ благодѣяніемъ не только для Европы, но и для самой Германіи, — полагаетъ авторъ. Безъ сомнѣнія, географическія очертанія, дѣйствія экономическихъ силъ, мощность культуры,— продолжаетъ онъ, — говорятъ за то, что Германія сольется съ центральной Европой; но не за то, что послѣдняя будетъ германизирована. Есть одна сила, которая помѣшаетъ даже полному синтезу германскихъ элементовъ, а именно прусскій монархизмъ. Умственное развитіе Германіи въ нѣкоторой степени, по мнѣнію Уэльса, намѣчается прусской властью. „Безъ сомнѣнія, преобладаніе воли императора придаетъ извѣстное единство германской политикѣ и усиливаетъ значеніе ея. Но страна впослѣдствіи должна дорого заплатить за это. Энергичные и способные германскіе императоры проявляютъ нетерпимость къ воззрѣніямъ, которыя не симпатичны имъ, и склонны насильно навязать свои взгляды. При такой системѣ самобытное и крупно-оригинальное не можетъ развиться. Извѣстныя ограниченія, наложенныя на германскую мысль императорской властью, должны, въ концѣ концовъ, неблагопріятно отозваться на интеллектуальной атмосферѣ, составляющей главную силу Германіи.

И въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, оцѣнка нашего пророка не вѣрна. Если меценатство, съ одной стороны, не создаетъ ничего, кромѣ сервилизма (это примѣнимо даже къ талантамъ первой величины: лучшія произведенія Шиллера и Гете написаны не при веймарскомъ дворѣ; „Опытъ о нравахъ“, „Защита Калласа“, „Кандидъ“ и „Философскій словарь“ внушены Вольтеру не атмосферой двора Фридриха II и пр.), то, съ другой, къ счастью, никакая сила не можетъ сковать мысль. Вильгельмъ II авторитетно выступаетъ художественнымъ и литературнымъ критикомъ; но взгляды его, по всей вѣроятности, не помѣшаютъ оригинальному художнику или романисту создать произведеніе согласно собственнымъ идеаламъ. Уэльсъ же полагаетъ, что вліяніе продиктованныхъ, напр., Вильгельмомъ II художественныхъ взглядовъ скажется къ невыгодѣ Германіи. „Въ концѣ концовъ,— продолжаетъ пророкъ, — я не думаю, чтобы Германія занимала теперь болѣе прочную позицію, чѣмъ Франція въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Во многихъ отношеніяхъ вліяніе ея такое же, какъ французской имперіи... При жизни Вильгельма II Германія привыкнетъ къ вмѣшательству короны во все. Затѣмъ могутъ явиться правители съ бо́льшимъ честолюбіемъ. Тогда энергичные

элементы (о нихъ см. прошлое письмо въ № 2 „Р. Б“.) будутъ или въ тюрьмѣ за lèse majesté, или въ изгнаніи, или вынуждены будутъ бороться за каждый шагъ“.

Явится еще одна причина, которая помѣшаетъ синтезу германскихъ народностей. Германская имперія по натурѣ монархическая и аристократическая. Голландія же и Швейцарія, которыя по всѣмъ даннымъ должны слиться съ Германіей, — насыщены идеями личной свободы. „Можно еще себѣ представить швейцарца бернскаго или урійскаго кантоновъ, присоединившагося къ пангерманской республикѣ, но рѣшительно невозможно допустить, чтобы онъ преклонилъ колѣна предъ Вильгельмомъ II“,—говоритъ авторъ. Кромѣ того,—продолжаетъ онъ,—Германіи, чтобы выполнить процессъ синтеза,—пришлось бы вести войну съ Россіей (за Балтійскія провинціи), съ Франціей и, можетъ быть, съ Англіей. Очень вѣроятно, войну со всѣми тремя государствами разомъ.

Къ силамъ Франціи теперь принято относиться пренебрежительно, какъ въ Германіи, такъ и въ Англіи. Не смотря на страшный разгромъ 1870 г., не смотря на то, что Франціи не удались попытки завести такой же флотъ, какъ у Англіи,—это, по мнѣнію Уэльса, не уменьшаетъ значенія республики въ будущемъ. Пораженіе принесло пользу французамъ; оно разсѣяло въ умахъ французовъ иллюзіи имперіализма, которыя теперь прельщаютъ нѣкоторыхъ въ Англіи и въ Америкѣ. Французы добились такой полной свободы слова и мысли, которая совершенно невозможна въ Англіи или въ Америкѣ, хотя послѣднее обстоятельство, изъ національнаго тщеславія, отрицаютъ газеты англо-саксонскаго міра. Французы теперь гораздо сильнѣе, чѣмъ въ 1870 г., и, въ случаѣ столкновенія съ Германіей, послѣдней, а не Франціи, придется искать поддержки Англіи. Въ борьбѣ „за синтезъ“ Франція, какъ предвидитъ авторъ, будетъ сражаться не одна. Она будетъ бороться за Швейцарію, за Люксенбургъ, за устья Рейна. Въ тылу у Германіи будутъ пробудившіяся славянскія народности. Противъ нея, очень вѣроятно, будетъ англо-саксонскій міръ.

Германія, во многомъ, повторяетъ историческую ошибку Голландіи, сосредоточившей нѣкогда всѣ усилія, чтобы завести громадный флотъ для борьбы съ Англіей, которая (борьба) могла дать Нидерландамъ только бо̀льшую торговлю. Въ то же время Голландія упустила возможность „великаго синтеза“ (т. е. объединенія) всѣхъ народностей, говорящихъ на нижне-нѣмецкомъ языкѣ. Въ то время на этомъ языкѣ говорили до Дуэ (французскій городъ на границѣ Бельгіи) и даже нѣсколько дальше на западъ (до Арра), Голландія сдѣлала тогда Англію своимъ врагомъ. Теперь Германія стремится завладѣть океаномъ, что поведетъ къ увеличенію американскаго флота и къ радикальной пе-

ремѣнѣ англійской политики. Та же причина вызоветъ, очень вѣроятно, скорѣйшее объединеніе англо-саксонскаго міра.

На основаніи этихъ соображеній авторъ приходитъ къ заключенію, что врядъ ли „германскій синтезъ“ возьметъ верхъ въ томъ тѣсномъ экономическомъ союзѣ городовъ, который возникнетъ въ Западной Европѣ. Германская имперія, т. е. сплоченное выраженіе современной нѣмецкой агрессивной политики, будетъ до того расшатана рядомъ войнъ на сушѣ и на морѣ, что она охотно согласится на всякіе компромиссы. Она вынуждена будетъ дать мѣсто на первомъ планѣ своимъ энергичнымъ среднимъ классамъ (какъ ихъ понимаетъ Уэльсъ). Въ концѣ концовъ, восторжествуютъ идеи не германскаго имперіализма, а центрально-европейскія. То будутъ идеи гражданской „федеративной республики по образцу швейцарской“, выраженныя на двухъ государственныхъ языкахъ, французскомъ и нѣмецкомъ, которые восторжествуютъ во всей запад. Европѣ и по прибрежью Средиземнаго моря. Девятнадцатый вѣкъ открылся планомъ федеративной Европы, намѣченнымъ конвентомъ. Этотъ планъ, въ значительной части, будетъ, по мнѣнію Уэльса, осуществленъ къ началу двадцать перваго вѣка. Продолжительность переходного времени и трудность его будетъ зависѣть всецѣло отъ умственнаго пробужденія Европы. Невѣжественный народъ, нація, состоящая только изъ практическихъ людей безъ образованія или изъ образованныхъ людей безъ практической сноровки—не поймутъ неизбѣжныхъ законовъ сліянія и станутъ раздувать старую вражду къ такому-то народу или къ такому-то племени, что поведетъ къ ожесточеннымъ войнамъ. „Европа будетъ имѣть свои Ирландіи и свои Шотландіи, — говоритъ Уэльсъ.—Въ этихъ Ирландіяхъ будетъ вѣчный вопль, безпрерывное обличеніе, борьба, крики „караулъ!“ и пр. Въ этихъ углахъ будетъ большой просторъ для диллетантовъ-политиковъ и для газетчиковъ поднимать „національныя“ движенія, создавать „лиги“ для возрожденія языка, придумывать „народные“ костюмы. Изъ глухихъ уголковъ будутъ подниматься вопли маленькихъ народностей, доказывающихъ свое неотъемлемое право сидѣть неподвижно на большой дорогѣ, какъ разъ посерединѣ и играть любимыми игрушками, когда дорога нужна всѣмъ для международныхъ сношеній“.

Презрѣніе къ слабымъ очень сильно въ нашемъ философѣ. Онъ выбираетъ образцомъ безцѣльно шумящей маленькой народности, усѣвшейся у всѣхъ на пути—Ирландію. Она была когда-то болѣе культурна, чѣмъ Англія. Она имѣла свои фабрики, свой флотъ. Чтобы развить свою промышленность, Англія убила ирландскія фабрики, воспретила строить корабли, вырубила и свезла всѣ лѣса. Сотни фабрикъ для обработки волокнистыхъ веществъ прекратили работу. Десятки верфей замерли. Тысячи рабочихъ

остались безъ хлѣба и, чтобы не умереть отъ голода, взялись за землю; но побѣдитель отобралъ ее и роздалъ нѣсколькимъ помѣщикамъ. Если мы прибавимъ, что побѣдитель воспретилъ подъ страхомъ каторжныхъ работъ побѣжденному говорить на своемъ языкѣ и вѣшалъ учителей,—то мы получимъ вкратцѣ представленіе о тѣхъ причинахъ, которыя вызвали „вопли“ въ современной Ирландіи. И если маленькія народности *такимъ* образомъ будутъ пріобщаться къ „всеобщему синтезу“, то защитниками ихъ явятся не только „дилетанты политики и газетчики“. Къ сожалѣнію, „большая дорога культуры“ есть нѣчто отвлеченное, а соблазнъ, представляемый достояніемъ слабыхъ—нѣчто вполнѣ реальное. Въ послѣднее время, напр., вышла въ Берлинѣ книга нѣмецкаго профессора, доказывающаго, что по законамъ исторіи, культуры и пр. Германія обязана захватить Голландію. Одна изъ причинъ—тоже „сидѣніе на большой дорогѣ“. Германія не можетъ допустить, чтобы устье ея большой рѣки находилось въ рукахъ маленькаго народа,—говоритъ профессоръ.—Не можетъ она также допустить, чтобы слабая нація владѣла такими богатыми колоніями. Онѣ могутъ возбудить зависть великой державы, которая пожелаетъ овладѣть ими. Въ такомъ случаѣ, это повело бы къ европейской войнѣ. И вотъ логика ученаго автора: „такъ какъ захватъ голландскихъ колоній европейской державой поведетъ къ великой войнѣ, то, *слѣдовательно*, для сохраненія мира, Германія должна завладѣть Зондскими островами...“

Уэльсъ, въ концѣ концовъ, желаетъ всеобщаго мира, но изъ глубокаго презрѣнія къ слабымъ (хотя очень развитымъ) національностямъ, думаетъ, что всеобщее благоденствіе можетъ явиться результатомъ только всемірнаго грабежа...

VI.

Болѣе всего вѣроятенъ прогнозъ нашего пророка относительно англо-саксонскаго міра.

Въ то время, какъ на континентѣ падутъ преграды, какъ языкъ и національныя традиціи, раздѣляющія народы, процессъ синтеза будетъ происходить между странами, гдѣ говорятъ по англійски. Центръ новаго англо-саксонскаго міра, по мнѣнію Уэльса, будетъ находиться гдѣ нибудь между Чикаго и Атлантическимъ океаномъ, въ группѣ новыхъ (точнѣе, преобразованныхъ) городовъ, которые возникнутъ тамъ. Въ этомъ мѣстѣ будетъ лежать умственный, политическій и промышленный центръ говорящихъ по-англійски народностей (бѣлыхъ). Къ нему будетъ тяготѣть могучая федерація, къ которой, кромѣ сѣверной Америки, Англіи и колоній ея, пристанетъ, по соображеніямъ Уэльса, и Скандинавія. „Федеральное правительство будетъ содержать общій флотъ для защиты колоній съ цвѣтнымъ населеніемъ и

для господства надъ ними". Колоніальная имперія этой федераціи, по разсчетамъ Уэльса, будетъ состоять изъ всѣхъ колоній, которыя Англія имѣетъ теперь, изъ всей Полинезіи и Меланезіи, Зондскихъ и Молукскихъ острововъ (теперь принадлежатъ Голландіи), Южной Америки и большей части Африки. Такимъ образомъ, пророкъ дозволяетъ Голландіи присоединиться къ „среднеевропейскому синтезу"; но предварительно она должна отдать свои колоніи англо-саксонскому „синтезу", который „къ концу двадцатаго вѣка будетъ состоять изъ ста милліоновъ образованныхъ, здоровыхъ и способныхъ людей", стоящихъ во главѣ „подчиненныхъ цвѣтнокожихъ народностей". „Англо-саксонскій синтезъ будетъ находиться во главѣ трехъ міровыхъ союзовъ. Онъ будетъ симпатизировать другимъ синтезамъ, которые станутъ возникать въ Европѣ и въ Восточной Азіи". Къ началу двадцать перваго вѣка, по мнѣнію Уэльса, всѣ „полноправные граждане" англо-саксонскаго союза, черезъ посредство распространенія французскаго языка, смогутъ слѣдить за умственной жизнью континента. Англійскій языкъ, въ свою очередь, распространится по всему міру. Почва для международнаго сближенія къ этому времени будетъ на столько подготовлена, что англо-саксонскій „синтезъ" вступитъ въ переговоры съ континетальнымъ и, можетъ быть, даже съ союзомъ желтыхъ расъ, о сліяніи, объ уничтоженіи таможенъ, объединеніи законовъ и монетной системы, о смягченіи монополій, словомъ, можно будетъ начать переговоры объ установленіи всеобщаго мира. Синтезъ англо-саксонскихъ народностей свершится раньше всего, потому что хотя на пути много препятствій, но они ничтожны въ сравненіи съ тѣми, которыя мѣшаютъ континентальнымъ странамъ слиться. Самое главное препятствіе, по мнѣнію Уэльса, отрицательнаго характера: нѣтъ побуждающей причины, которая бы заставила Англію и Америку стремиться къ союзу. Но эта причина явится въ видѣ возрожденія Восточной Азіи или въ тревожномъ ростѣ германскаго флота.

Такимъ образомъ, три великихъ „синтеза" явятся внѣшнимъ, видимымъ проявленіемъ внутреннихъ преобразованій, которыя свершатся какъ результатъ развитія машинъ. „Я стремился доказать,—говоритъ авторъ,—что какъ въ мирное время, такъ и въ военное—дѣйствуетъ процессъ, непреложный, какъ сила природы. Подъ вліяніемъ его современный неуклюжій, безформенный, гипертрофичный общественный организмъ долженъ выдѣлить однообразный классъ образованныхъ людей, которые составятъ основу общества преображеннаго міра". Не министерство поможетъ въ Англіи этому процессу совершиться, а классъ образованныхъ людей *). Онъ явится тѣмъ Геркулесомъ, кото-

*) Въ первомъ письмѣ было указано, что этотъ классъ, по мнѣнію Уэльса, будетъ состоять изъ инженеровъ, развитыхъ работниковъ, врачей, механиковъ и пр.

рый задушитъ въ колыбели змѣй войны и національной вражды.

Въ прошломъ письмѣ мы видѣли, какъ во время крупнаго народнаго бѣдствія, напр., во время большой неудачной войны,— выдвигается впередъ этотъ классъ. Въ мирное время въ Англіи, по мнѣнію Уэльса, процессъ можетъ быть ускоренъ частными лигами и обществами, которыя и теперь уже возникаютъ въ значительномъ количествѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ лигъ пользуются значительнымъ вліяніемъ, напр., общество, имѣющее цѣлью агитировать въ пользу громаднаго флота. Подобныя лиги, мало-по-малу, пріобрѣтаютъ такое вліяніе, что могутъ оказать давленіе и на министерство.

И теперь ужъ возникаютъ лиги, имѣющія задачей сблизить англичанъ съ американцами. Уэльсъ могъ бы указать на трэдъюніоны и на другія организаціи работниковъ, но онъ предпочитаетъ лучше цитировать такія комическія лиги, созданныя тщеславіемъ американскихъ милліонеровъ, какъ „общество для содѣйствія знакомства американскихъ путешественниковъ съ англійскими аристократами". „Снобъ иногда лучше серьезнаго человѣка угадываетъ, откуда тянетъ вѣтеръ". На почвѣ этихъ „лигъ пресмыкающихся" авторъ предсказываетъ возникновеніе серьезныхъ обществъ съ серьезными задачами сближенія англо-саксонскихъ народностей. Чтобы процессъ этотъ совершился успѣшно, „придется отложить въ сторону и дѣйствующую американскую конституцію, и прерогативы британской короны",—говоритъ Уэльсъ. Нѣкоторыя явленія экономической жизни Англіи и Соединенныхъ Штатовъ ускорятъ процессъ сліянія. Америка взяла уже верхъ надъ Англіей въ области изготовленія машинъ и въ электрической техникѣ. Высшее и техническое образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ неизмѣримо лучше поставлено, чѣмъ въ Англіи. Черезъ два—три десятка лѣтъ, по всей вѣроятности, во многихъ производствахъ она станетъ промышленнымъ вассаломъ Америки. Когда это наступитъ,—говоритъ Уэльсъ,—то мы воочію убѣдимся, что лояльность колоній зависитъ не отъ посѣщенія наслѣдника престола и не отъ возведенія того или другого австралійскаго дѣятеля въ дворянское достоинство. Лояльность зависитъ отъ сильнаго флота и отъ капиталовъ метрополіи. Когда Америка одержитъ побѣду надъ Англіей на всѣхъ рынкахъ и станетъ промышленнымъ сюзереномъ ея, тогда всѣ колоніи начнутъ тяготѣть къ побѣдителю. Англія найдетъ необходимымъ вступить въ союзъ".

Правительство, состоящее изъ представителей богатыхъ и родовитыхъ классовъ, создало въ Англіи въ послѣднее столѣтіе двѣ зіяющія раны—Ирландію и Южную Африку. По мнѣнію автора, только „новая англійская республика" можетъ залѣчить ихъ.

Личная инициатива новыхъ классовъ въ Англіи проявится, въ особенности, въ дѣлѣ образованія. Нынѣшнее правительство, по мнѣнію Уэльса, совершенно не въ состояніи дать такое образованіе массамъ, какое требуется духомъ времени... Школы совершенно безполезны, университеты превращаются въ мастерскія, въ которыхъ юношей начиняютъ обрывками знанія,—если только учителя, профессора и преподаваніе не находятся подъ бдительнымъ контролемъ развитого и умственно зрѣлаго общества. „Въ настоящее время люди, которымъ довѣрено воспитаніе будущихъ дѣятелей, большею частью, посредственности, безцвѣтныя личности, выращенныя въ парникахъ, густо унавоженныхъ классицизмомъ". Необходимъ новый типъ школы, въ которой юноши пріобрѣтутъ познанія въ математикѣ, новыхъ языкахъ и естественныхъ наукахъ. Въ то же время школа не должна поглощать все время воспитанника и не должна уничтожать его индивидуальность. Въ такой же степени, по мнѣнію Уэльса, необходимъ новый типъ университета. Новая школа не можетъ быть введена „правительствомъ безцвѣтныхъ людей". Это дѣло будетъ осуществлено, полагаетъ авторъ, новымъ классомъ, который выдвинется впередъ при раствореніи стараго общества. Онъ создастъ новый типъ университета. Въ старомъ только *учатъ* молодыхъ людей *). Новый университетъ дастъ возможность имъ критически относиться къ дѣйствительности и производить самостоятельныя научныя изысканія. Вмѣстѣ съ пришествіемъ новаго класса народится новая литература, бодрая, здоровая, смѣлая.

VII.

„Литература—это дыханіе культурнаго общества, цвѣтъ и соль его".

Пережевывать прошлое и повторять классиковъ, какъ бы ни были они хороши,—признакъ старческой немощи. „Новая республика", поэтому, будетъ поддерживать своихъ авторовъ. Въ старину авторы сообразовались съ мнѣніями ихъ покровителей и писали только то, что не могло задѣть послѣднихъ. Въ настоящее время писателямъ приходится приноравливаться къ бѣдственному требованію литературнаго рынка **). Прежде чѣмъ учить публику

*) Характеристика, главнымъ образомъ, относится къ Оксфордскому и Кэмбриджскому университетамъ.

**) Уэльсъ исключительно имѣетъ въ виду англійскій и американскій книжный рынокъ. Быть можетъ, читатели *Русскаго Богатства* вспомнятъ факты, которые я когда-то приводилъ въ статьѣ о Грэнтъ Аллэнѣ. Сколько-нибудь нарушающая шаблонъ книга не найдетъ издателя, и авторъ долженъ ее выпустить на собственный счетъ. Издатели, порой, диктуютъ романистамъ, какія измѣненія нужно сдѣлать сообразно съ господствующимъ шаблономъ. Издатели же—простые, порой, невѣжественные «дѣльцы».

и доказывать ей,—онъ долженъ „угодить“, понравиться издателю. Книгоиздательство стало простой торговлей и отличается отъ торговли свининой и свѣчами только тѣмъ, что предприниматели небрежно ведутъ отчетность (съ цѣлью, скрыть отъ авторовъ, сколько именно экземпляровъ продано). Такъ какъ изданіе книги имѣетъ огромное значеніе для общества, то этимъ займется оно само. При нынѣшнихъ условіяхъ такая система принесла бы громадный вредъ: правительство стало бы издавать только такія книги, въ которыхъ оно восхваляется. Люди, принадлежащіе къ новому классу, будутъ, напротивъ, высоко цѣнить критическій умъ. Они будутъ настолько умны и настолько развиты, что не станутъ страшиться издать книгу, съ какой бы точки зрѣнія авторъ ни разсматривалъ вопросъ. Возникнутъ громадныя издательскія ассоціаціи, которыя такъ же будутъ относиться къ нынѣшнему издателю, какъ медицинская ассоціація къ продавцу патентованныхъ лѣкарствъ. Дѣятельность издательскихъ ассоціацій вытѣснитъ совершенно невѣжественныхъ, грубыхъ предпринимателей. Тогда не будетъ опасности, что издательскія ассоціаціи превратятся въ „союзы мастодонтовъ“: параллельно съ нарожденіемъ новыхъ умственныхъ теченій будутъ возникать и новыя издательскія товарищества.

Отношеніе автора къ трестамъ, къ этимъ колоссальнымъ спрутамъ, которые зародились въ Америкѣ и теперь перекинули свои гигантскіе щупальцы черезъ океанъ,—нѣсколько иное, чѣмъ многихъ его соотечественниковъ. „Возникновеніе трестовъ имѣетъ громадное значеніе,—говоритъ онъ.—Ясно, что мысль о нихъ возникла вслѣдствіе желанія стать внѣ конкурренціи и экономизировать расходы по производству. Но даже въ первомъ фазисѣ процесса сліянія тресты вышли изъ сферы исключительно торговаго вліянія и стали крупнымъ общественнымъ явленіемъ. Энергичные и талантливые люди организовали нѣчто цѣлое—одну отрасль промышленности. Трестъ сталъ мощнымъ факторомъ общественной жизни, гораздо болѣе сильнымъ, чѣмъ существующее правительство. Въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ пути сообщенія, которые являются такимъ важнымъ факторомъ въ вырабатываніи характера будущаго,—переходятъ изъ рукъ „неорганизованныхъ бездарностей“ подъ контроль треста. Это явленіе кажется Уэльсу крайне желательнымъ. Другой трестъ завладѣлъ всѣмъ производствомъ стали и чугуна въ Америкѣ; это—первый шагъ, за которымъ должно послѣдовать завладѣніе всѣми средствами сообщенія моремъ. Организація трестовъ является дѣломъ, по выраженію автора,—„не дураковъ, гоняющихся только за дивидентами, но людей, смотрящихъ на богатство, какъ на средство, какъ на орудія, которыми можно добиться болѣе далекихъ цѣлей“. Авторъ не прибавляетъ, что результатомъ трестовъ былъ чудовищный подкупъ. Трестъ съ такою же легкостью можетъ мутить цѣлую

политическую партію, какъ и какую-нибудь отрасль промышленности. Трестъ устанавливаетъ промышленную деспотію, гораздо больше суровую, чѣмъ политическая. Съ послѣдней можно бороться явной и тайной агитаціей, прессой, наконецъ, силой. Трестъ самъ овладѣваетъ всѣми средствами оппозиціи: печатью, словомъ, физической силой...

По мнѣнію нашего автора, въ концѣ концовъ, тресты, новые университеты и преобразованная армія и флотъ откроютъ общность своихъ интересовъ и составятъ родъ новаго государства. „Въ англо-саксонскомъ мірѣ преобразованіе наступитъ всего скорѣе. Черезъ нѣсколько лѣтъ идеалы „новой республики" найдутъ здѣсь все большее и большее число послѣдователей. Въ школахъ, въ газетахъ, на фабрикахъ и заводахъ, въ университетахъ и въ лабораторіяхъ, въ городскихъ совѣтахъ люди будутъ работать, чтобы ускорить наступленіе новаго порядка"...

Читатели могли видѣть, что, хотя соображенія автора всегда остроумны,—съ ними далеко не всегда можно согласиться. Признавая анализъ автора во многихъ случаяхъ, мы вѣримъ, однако, что при „раствореніи" надобности въ „пропасти" не представится, наоборотъ, мѣсто на землѣ найдется для всѣхъ.

Діонео.

Новыя книги.

М. Горькій. Мѣщане. Сцены въ домѣ Безсѣменова. Драматическій эскизъ въ 4 актахъ. Спб. 1902.

Подзаглавіе этого перваго драматическаго опыта г. Горькаго—„Сцены въ домѣ Безсѣменова"—гораздо болѣе соотвѣтствуетъ и формѣ, и содержанію пьесы, чѣмъ заглавіе—„Мѣщане". По формѣ это именно „сцены", разбитыя на четыре акта, но онѣ могли бы занять и пять, и шесть актовъ, а могли бы и въ двухъ уложиться. Въ этомъ „драматическомъ эскизѣ", какъ называетъ авторъ свою пьесу, характеры, положенія, отношенія опредѣляются сразу, въ первомъ же актѣ, и остальные три представляютъ собою только варьяціи все на ту же тему. Недаромъ всѣ четыре акта происходятъ, безъ перемѣны декорацій, въ одной и той же комнатѣ дома старшины малярнаго цеха Безсѣменова, и недаромъ почти всѣ дѣйствующія лица тутъ же въ этомъ домѣ и живутъ: хозяинъ, его жена, его дѣти, пріемышъ, нахлѣбники, квартирантка, поденная швея, прислуга. Въ этомъ гнѣздѣ драма не развертывается, а повторяетъ себя изо дня въ день, изъ акта въ актъ. Что касается со-

держанія, которое должно резюмироваться заглавіемъ „Мѣщане“, то тутъ авторъ допустилъ нѣкоторую двусмысленность каламбурнаго характера. Безсѣменовы—мѣщане по происхожденію и сословному положенію. Но одно изъ дѣйствующихъ лицъ, философствующій пьяный пѣвчій Тетеревъ, придаетъ, очевидно, съ одобренія или согласія автора, слову „мѣщане“ гораздо болѣе широкое значеніе. Онъ говоритъ, обращаясь къ старику Безсѣменову: „Вся жизнь—твой домъ, твое строеніе. И оттого мнѣ негдѣ жить, мѣщанинъ!“ И далѣе: „Жизнь испорчена! Она—скверно сшита... не по росту порядочныхъ людей сдѣлана жизнь, говорю я. Мѣщане сузили, окоротили ее, сдѣлали тѣсной... и вотъ, я есмь вещественное доказательство того, что человѣку негдѣ, нечѣмъ, незачѣмъ жить“... Кто бы подумалъ, что „мѣщане“, хотя бы и „зажиточные“ вродѣ старшины малярнаго цеха Безсѣменова, мѣщане, эти низшіе слои „средняго рода людей“, имѣютъ такое громадное вліяніе на „всю жизнь“! Но Тетеревъ каламбуритъ или пользуется каламбуромъ автора, смѣшивая людей мѣщанскаго званія съ людьми мѣщанскихъ или такъ называемыхъ буржуазныхъ принциповъ, каковыхъ могутъ держаться, и дѣйствительно держатся, представители самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, вплоть до „высшаго свѣта“. Въ одномъ мѣстѣ Тетеревъ какъ бы противопоставляетъ мѣщанину „испанскаго дворянина“ дона Сезара де Базана, который, по мнѣнію женскаго персонала пьесы, „настоящій герой“, и нравится тѣмъ, что „красиво одѣтъ“, а, по его мнѣнію, „здоровый и веселый человѣкъ“, а „веселый человѣкъ—всегда славный человѣкъ“. Въ другомъ мѣстѣ, онъ называетъ сына Безсѣменова, студента, исключеннаго изъ университета за безпорядки и теперь сожалѣющаго о томъ, что онъ принималъ въ нихъ участіе,—„мѣщаниномъ, который былъ гражданиномъ полчаса“. Мѣщанству, какъ принципу, могутъ быть съ разныхъ сторонъ противопоставлены очень разныя вещи, не имѣющія между собою ничего общаго,—и „героизмъ“ во вкусѣ „испанскаго дворянина“, и всякій другой героизмъ, и „гражданскія“ чувства и подвиги, и очень скромные молодые порывы сердца, и всякія уродства отъ декадентства до садизма и лесбосской любви, и религіозный энтузіазмъ, и излюбленное г. Горькимъ пьяное босячество, и безумства Герострата или Нерона, и просто свободная жизнь артиста и проч., проч.,—словомъ все, что не укладывается въ традиціонныя рамки обыденной плоскости и сѣрости. Съ другой стороны, однако, не мѣшаетъ вспомнить, что если мы нынѣ презрительно говоримъ о мѣщанствѣ, мѣщанскомъ вкусѣ, мѣщанскомъ образѣ мыслей, и т. п., то когда-то „мѣщанская драма“ была протестомъ правды противъ ложно-классическихъ ходуль. Сведя мѣщанскіе принципы къ мѣщанскому сословію, г. Горькій предоставилъ Тетереву поприще для каламбуровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сузилъ и затемнилъ свою тему.

Тетеревъ — самая эффектная и вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли не единственная вполнѣ оригинальная, „горьковская“ фигура въ пьесѣ. Все остальное навѣяно Островскимъ, а частію даже прямо повторяетъ его. Это не упрекъ автору: вліяніе крупнѣйшаго изъ нашихъ драматурговъ, во всякомъ случаѣ, не повредило первому драматическому опыту г. Горькаго,—это произведеніе яркое, далеко выдѣляющееся изъ современнаго скуднаго драматическаго репертуара, не смотря на многія слабыя стороны.

Домъ Безсѣменова есть одинъ изъ уголковъ „темнаго царства“ Островскаго, и происходятъ въ немъ тѣ же самыя „сцены“, что и въ томъ темномъ царствѣ: старики родители, свыкшіеся съ извѣстнымъ „мѣщанскимъ“ порядкомъ, съ извѣстной мѣщанской „правдой“, не могутъ помириться съ инымъ порядкомъ, съ иной правдой, которой представителями является молодое поколѣніе. Разница въ томъ, что у Островскаго борьба не всегда оканчивается пораженіемъ старой правды, какъ у г. Горькаго, и что читатель или зритель Островскаго ясно видитъ источникъ и весь ходъ борьбы, чего нельзя сказать о пьесѣ г. Горькаго. Надо замѣтить, что хотя въ основѣ драматическаго эскиза г. Горькаго лежитъ протестъ противъ мѣщанства, но дѣйствующія лица расположены въ немъ совершенно такъ, какъ разставляется мебель и развѣшиваются картины въ мѣщанскихъ домахъ, — вполнѣ симетрично. Мы имѣемъ пару вполнѣ единомыслящихъ стариковъ Безсѣменовыхъ, пару ихъ дѣтей—сына, исключеннаго студента Петра, недовольнаго тѣмъ, что онъ довелъ себя до исключенія, и дочь учительницу Татьяну, недовольную своимъ положеніемъ учительницы; имъ противопоставлена пара жизнерадостныхъ и довольныхъ своимъ положеніемъ студента же Шишкина и учительницы же Цвѣтаевой; затѣмъ слѣдуетъ еще пара бодрыхъ людей—машинистъ Нилъ и швейка Поля, вполнѣ другъ къ другу подходящіе и благополучно вступающіе въ бракъ; есть еще пара бродягъ, или склонныхъ къ бродячей жизни и мечтающихъ о ней: пьянствующій пѣвчій Тетеревъ и пьянствующій же продавецъ пѣвчихъ птицъ Перчихинъ. (Мимоходомъ сказать, если Тетеревъ вполнѣ оригиналенъ, то Перчихинъ очень напоминаетъ Кулигина въ „Грозѣ“). Особо стоитъ только молодая, разбитная вдова смотрителя тюрьмы Кривцова. И всѣ эти симетрично расположенныя дѣйствующія лица съ перваго же выхода обнаруживаютъ всѣ свои свойства и всѣ свои взаимныя отношенія: молодые Безсѣменовы сразу высказываютъ свою неудовлетворенность, старикъ Безсѣменовъ по первому абцугу рычитъ на всѣхъ, Нилъ при первомъ же своемъ появленіи ему грубитъ, при чемъ остается совершенно неяснымъ, какъ выработалось въ немъ это отношеніе къ пріемному отцу, равно какъ въ туманѣ остается разногласіе стариковъ и молодыхъ Безсѣменовыхъ на счетъ „правды“: въ сущности это тѣ яблоки, которыя

не падаютъ далеко отъ яблони, на что справедливо и Тетеревъ указываетъ; читатель сразу видитъ, что Татьяна безнадежно любитъ Нила, а Нилъ любитъ Полю и т. д. Эти художественные изъяны—симетричность и отсутствіе всякаго развитія дѣйствія—дѣлаютъ пьесу утомительно однообразною, не смотря на ея небольшіе размѣры и—прибавимъ, не смотря на отдѣльные счастливые и яркіе моменты. Моменты эти чисто словеснаго характера (дѣйствующія лица вообще больше говорятъ, разсуждаютъ, чѣмъ дѣйствуютъ) и выпадаютъ главнымъ образомъ на долю Перчихина и Тетерева, особенно послѣдняго. Какъ уже сказано, это оригинальная „горьковская“ фигура. Онъ не босякъ, но по натурѣ бродяга и, какъ большинство босяковъ г. Горькаго, человѣкъ остроумный и краснорѣчивый, что даетъ ему возможность пространно философствовать въ пессимистическомъ духѣ. Жизни во во всей ея обширности и сложности онъ собственно не знаетъ, онъ знаетъ только уголокъ ея, но при его остроуміи и краснорѣчіи этого для него вполнѣ достаточно, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, „только философствуя, человѣкъ не лжетъ, ибо, философствуя, онъ просто выдумываетъ“. Онъ и выдумываетъ. И часто занимательно выдумываетъ...

Слѣдуетъ замѣтить, что излюбленный г. Горькимъ образъ философствующаго бродяги является на этотъ разъ въ новомъ освѣщеніи. Во-первыхъ, Тетеревъ „учился, и хорошо учился“ (въ семинаріи). Это дѣлаетъ фигуру Тетерева болѣе жизненною, чѣмъ многіе прежніе бродяги г. Горькаго, философствовавшіе, никогда ни чему не учась и даже не зная грамоты. Во-вторыхъ, Тетеревъ уже не представляется ни самому себѣ, ни автору солью земли, какъ многіе изъ прежнихъ босяковъ. Старикъ Безсѣменовъ не безъ основанія говоритъ о немъ, что онъ только на видъ страшенъ. Онъ, напримѣръ, очень гордо заявляетъ тому же старику Безсѣменову: „Мнѣ благороднѣе пьянствовать и погибать, чѣмъ жить и работать на тебя и подобныхъ тебѣ“. Въ дѣйствительности же онъ живетъ работой въ качествѣ пѣвчаго на свадьбахъ и похоронахъ, не разбирая, кто женится или умираетъ—Безсѣменовы ли, или „испанскіе дворяне“, или „граждане“. Тетеревъ и самъ признаетъ, что онъ только физически силенъ, а душой слабъ. Онъ, по его собственнымъ словамъ, и пьянствуетъ потому, что у насъ „удобнѣе, спокойнѣе быть пьяницей, бродягой, чѣмъ трезвымъ, честнымъ, дѣльнымъ человѣкомъ“. Будущее принадлежитъ не такимъ праздно, хотя и красноглаголящимъ бродягамъ, а „людямъ безжалостнымъ, прямымъ и твердымъ, какъ мечи“. Представителемъ этихъ послѣднихъ является машинистъ Нилъ, — фигура не новая въ нашей литературѣ, но новая для г. Горькаго. Нилъ не пьянствуетъ, не бродяжитъ, не ораторствуетъ на пессимистическія темы, не отлыниваетъ отъ работы. Онъ бодръ, силенъ, хочетъ работать и имѣетъ вполнѣ опредѣ-

ленную положительную программу жизни. Онъ говоритъ: „Я знаю, что я не богатырь, а просто честный и здоровый человѣкъ, и все-таки говорю: ничего! Наша возьметъ! И на всѣ средства души моей, удовлетворю мое желаніе вмѣшаться въ самую гущу жизни... мѣсить ее и такъ, и этакъ, тому—помѣшать, этому—помочь... вотъ въ чемъ радость жизни“! Жаль только, что Нилъ говоритъ слишкомъ книжнымъ языкомъ. Жаль также, что онъ безъ всякой нужды грубитъ отживающему старику Безсѣменову и даже дразнитъ его, показывая ему языкъ! Меченосцамъ это не пристало.

Во всякомъ случаѣ, какъ первый драматическій опытъ г. Горькаго, „Мѣщане“ очень интересная вещь.

И. С. Чехъ. Разсказы. 3 тома. Спб.

Первые два тома этого изданія посвящены описанію различныхъ эпизодовъ, не столько боевого, сколько романическаго характера, изъ временъ покоренія Кавказа и носятъ поэтому названіе „разсказовъ изъ старо-кавказской жизни“. Третій томъ — просто „разсказы“. Въ эпиграфѣ къ первымъ двумъ томамъ помѣщена строфа изъ Лермонтова, которая должна свидѣтельствовать о томъ, что г. Чехъ очень любитъ Кавказъ. Кромѣ этой любви къ красивой странѣ, у автора не было никакого руководящаго намѣренія при фабрикаціи его разсказовъ. Всѣ они относятся къ категоріи тѣхъ военныхъ анекдотовъ, въ которыхъ быль перемѣшана съ небылицей, чертовщина съ божественнымъ и сентиментализмъ съ пошлостью. Но военные разсказы бываютъ остроумные и неостроумные, занимательные и скучные. Г. Чехъ написалъ три тома незанимательныхъ и неостроумныхъ разсказовъ, которые могутъ доставить удовольствіе развѣ только полковымъ барынямъ въ глухой провинціи. Авторъ, самъ ли испытавшій не мало военно-романическихъ анекдотовъ, или бывшій свидѣтелемъ ихъ, выложилъ въ этихъ трехъ томахъ все, что могъ припомнить, и преподнесъ это публикѣ. Если мы заключаемъ, однако, что матеріаломъ къ этимъ разсказамъ послужили въ значительной степени личныя наблюденія и впечатлѣнія, то отнюдь не потому, чтобы разсказы эти были сами по себѣ похожи на правду. Послѣдней въ нихъ столько, сколько обыкновенно остается ея послѣ хорошей перетирки въ салонныхъ разговорахъ эпизодовъ давно минувшаго. На предположеніе о личномъ элементѣ въ разсказахъ г. Чеха наводитъ бѣдность и монотонность фантазіи автора, обнаруживающіяся вездѣ, гдѣ сколько-нибудь работала творческая мысль. Что же касается описанія природы Кавказа и историческихъ эпизодовъ, служащихъ фономъ повѣствованій, то они носятъ характеръ отрывочныхъ воспоминаній стараго человѣка, принимавшаго личное участіе въ событіяхъ. Прибавимъ, что всѣ эти воспоминанія пропущены черезъ узкую щель барабаннаго патріо-

тизма, выдохшагося нѣсколько отъ времени, но все еще застилающаго глаза автора.

Въ третьемъ томѣ о Кавказѣ не упоминается и вообще военный элементъ почти не фигурируетъ; за то имѣются два живыхъ покойника, двѣ вдовы-дѣвственницы и нѣсколько помѣшанныхъ. Герои автора или добродѣтельны, или порочны, или просто добрые малые—но все по обычной мѣщанской мѣркѣ, выше которой авторъ и самъ, повидимому, безсиленъ подняться.

Книга снабжена довольно многочисленными и недурно исполненными рисунками.

М. А. Цейнеръ. Семья Цыгановыхъ. Картинки заводской жизни, въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Томскъ, 1902.

Фонъ заводской обстановки является въ этихъ „картинкахъ" совершенно случайнымъ. Главное дѣйствующее лицо — молодой хозяинъ завода — несносный человѣкъ, ко всѣмъ придирающійся и всѣхъ заставляющій страдать вокругъ себя—рабочихъ, служащихъ, членовъ своей семьи. Не будь у него такого тяжелаго характера — все было бы чудесно. Введенъ и положительный типъ—конторщикъ, поступившій на заводъ для борьбы со зломъ; но никакой борьбы въ дѣйствительности нѣтъ, и конторщикъ преспокойно уходитъ, какъ только портятся его отношенія съ хозяиномъ. Сколько-нибудь общая, соціальная или экономическая сторона заводскихъ отношеній настолько отсутствуетъ, что представляется непонятнымъ, почему книжечка названа „картинками заводской жизни". Личной драмы тоже никакой нѣтъ, — просто разговорная канитель между персонажемъ, которая могла бы происходить и въ любомъ другомъ мѣстѣ, а не только на заводѣ. Дѣйствующія лица отличаются другъ отъ друга, главнымъ образомъ, тѣмъ, что одинъ черезъ два слова говоритъ: „замѣчательно", другой „понимаете", третій „какъ говорится" и т. под. Такое уснащеніе само по себѣ врядъ-ли вноситъ много колорита въ драматическое произведеніе; въ данномъ же случаѣ оно представляетъ собою просто наивный пріемъ, бросающійся въ глаза своею искусственностью.

Станиславъ Пшибышевскій. Homo sapiens на распутьи. Спб. 1902.

Пшибышевскій — одинъ изъ крайнихъ представителей, такъ называемаго, декаданса въ польской литературѣ. Большинство его произведеній значительно выше пониманія трезвыхъ людей. Чтобы повыситься до разумѣнія ихъ, нужно быть делирикомъ, морфиноманомъ и читать книгу въ состояніи экстаза. „Homo sapiens" тоже въ этомъ родѣ, но несовсѣмъ; поэтому слѣдуетъ

предположить, что этотъ разсказъ по своему декадентскому достоинству ниже другихъ произведеній Пшибышевскаго.

Два друга—уродъ художникъ и красавецъ философъ—съѣзжаются послѣ продолжительной разлуки. У перваго блистательная невѣста, которую онъ безъ ума любитъ, но которая увлечена болѣе его живописью, а не лицомъ. Философъ моментально влюбляется въ дѣвушку и, послѣ нѣкоторой борьбы съ самимъ собою, отбиваетъ ее у друга. Тотъ пускаетъ себѣ отъ огорченія пулю въ ротъ. Все это бывало, конечно, не разъ канвою для разсказовъ и повѣстей; но тамъ дѣйствовали люди, а у Пшибышевскаго орудуютъ сверхъ-люди, геніи, морфиноманы. У него и деревья—не деревья, а сверхъ-деревья, потому что растутъ корнями къ небу, а макушкою зарываются въ землю. Вотъ этому доказательство:

. . . Онъ видѣлъ могучіе корни, точно суковатыя спицы въ оси колеса—странно развѣтвленныя, связанныя и перепутанныя въ сѣти... И видѣлъ сплетенія корней, вырисованныхъ на фонѣ неба: громадную сѣть паутины, которая окутала небо, это волшебное, святое лоно свѣта и благословенія.

Такъ какъ видѣвшій это стоялъ вертикально головою вверхъ, то необходимо предположить, что деревья измѣнили свое естественное положеніе на обратное. Такихъ картинъ не давали даже живописцы.

Въ основу разсказа положена ничшеанская идея: благу генія приносится въ жертву счастье другихъ людей. Философское и психологическое развитіе этой идеи таково: первобытные интересы человѣка имѣютъ объектомъ его физическую личность, благополучіе которой является главнымъ стимуломъ дѣятельности и въ жертву которой приносится все окружающее. Далѣе, слѣдующая стадія моральнаго прогресса—семья, физически близкіе люди; затѣмъ—родъ, наконецъ,—все человѣчество. До этого предѣла моральная культура доведена греческими философами; отдѣльные люди, высшіе представители человѣческой породы, усвоили идею человѣческаго блага и умѣли тысячи лѣтъ назадъ приносить ей въ жертву себя, семью и родъ. Теперь человѣкъ стоитъ передъ новою задачей—найти новую, болѣе высокую идею морали, въ жертву которой стоило бы принести все человѣчество. Одни говорятъ:—Это Богъ внутри тебя; Ему въ жертву принеси и свое физическое существо, и семью, и родъ и, если нужно, все человѣчество. Твое духовное благо есть духовное благо всего человѣчества: между ними нѣтъ и не можетъ быть антагонизма.

Другіе говорятъ:—Это ты самъ, твой умъ, твой геній. Принеси ему въ жертву духовное и физическое счастье всѣхъ твоихъ ближнихъ, возвысься надо всѣмъ человѣческимъ и тогда ты достигнешь сверхчеловѣческаго счастья, и деревья будутъ покры-

вать сѣтью своихъ корней сверкающее небо, и ты будешь блаженствовать.

По существу какъ та, такъ и другая идея являются результатомъ одного стремленія — найти высшую форму морали. Разница въ томъ, что въ первомъ случаѣ эта высшая мораль имѣетъ въ виду духовное благо человѣчества, а во второмъ — духовное благо генія. Литература—и особенно русская литература — дала не мало иллюстрацій служенія первой идеѣ. Разсказъ Пшибышевскаго пытается иллюстрировать вторую.

Герой „Homo sapiens“ поступаетъ совершенно по рецепту, преподанному Ничше; но онъ самъ вовсе не геній, стоящій выше человѣчества; его благо—не благо иного порядка, его страсти—страсти многихъ равныхъ ему. Онъ влюбляется въ дѣвушку — и кромѣ деревьевъ вверхъ ногами эта любовь не даетъ ему ничего новаго, чего не давала бы сотнямъ и тысячамъ другихъ людей. Ради чего же онъ разбиваетъ чужое счастье? Этого мы не видимъ и этого не даетъ авторъ. Идею блага генія авторъ прицѣпляетъ къ обыкновенному человѣку, къ обыкновеннымъ отношеніямъ. Это производитъ такое же впечатлѣніе, какъ электрическая лампочка, придѣланная къ резервуару для керосина: выдумали люди новый свѣточъ, но не могутъ отрѣшиться отъ стараго способа пользованія имъ.

Гете. Фаустъ. I часть. Переводъ Анатолія Мамонтова. Москва, 1902.

Мы не нашли на книжкѣ указанія, что это не новый переводъ, а передѣлка стараго, изданнаго лѣтъ пять тому назадъ. Многочисленныя измѣненія не сдѣлали его лучше, такъ какъ коренного его недостатка — безвкусія — не устранить никакими частичными измѣненіями. Переводчикъ гнался за дословной точностью и настолько преуспѣлъ въ этомъ отношеніи, что смѣло напечаталъ нѣмецкій подлинникъ рядомъ съ русскимъ переводомъ. Стихъ за стихомъ можно слѣдить, какъ педантически буквально воспроизводилъ переводчикъ драгоцѣнныя строки поэмы. Но, конечно, это механическое дословное копированіе лишь рѣзче оттѣняетъ безконечное различіе между поэзіей оригинала и безнадежной прозой перевода. Въ концѣ текущаго года мы будемъ имѣть два прозаическихъ перевода „Фауста“, сдѣланныхъ нашими заслуженными переводчиками А. Л. Соколовскимъ и П. И. Вейнбергомъ. Въ такомъ переводѣ, освобожденномъ отъ трудностей стихотворной рѣчи и жертвующемъ ея выразительностью ради возможности поглубже захватить внутренній смыслъ оригинала, наша переводная литература нуждается давно; лишенный своего лучшаго украшенія, это будетъ, надѣемся, все же настоящій „Фаустъ“, меньше дающій тѣмъ, кто хочетъ его перечувствовать, но болѣе содержательный для тѣхъ, кто долженъ

его продумать. Въ его прозаической оболочкѣ сохранится поэзія; въ переводѣ г. Мамонтова какъ разъ наоборотъ: снаружи какъ-будто поэзія, потому что стихи, а внутри — проза; достаточно раскрыть любую страницу и начать читать эти стихи, чтобы сразу замѣтить, что поэтическій, эмоціональный элементъ вытравленъ изъ нихъ совершенно; и они могутъ только раздражать того, кто знакомъ съ подлиннымъ „Фаустомъ“ или хоть съ сносными русскими переводами его вродѣ Холодковскаго или Струговщикова. Для невѣдомыхъ цѣлей г. Мамонтовъ изобрѣлъ особый стихъ—многостопный ямбъ; стихи въ семь, восемь, девять стопъ—сплошь и рядомъ; мы нашли даже одиннадцати-стопный. Надо, однако, отдать справедливость г. Мамонтову—онъ внемлетъ указаніямъ критики и сообразуется съ ними при исправленіи своей работы: въ первомъ изданіи этотъ стихъ имѣлъ двѣнадцать стопъ; надо надѣяться, что при такой системѣ въ седьмомъ изданіи „Фауста“ въ переводѣ г. Мамонтова, этотъ длинный стихъ сократится до законнаго минимума, опредѣленнаго природой русскаго стихосложенія, въ шесть стопъ. Особенной точности этими героическими усиліями и мѣрами, можно сказать, противоестественными, г. Мамонтовъ тоже не достигъ. Переводъ попрежнему блистаетъ такими словечками, какъ „спокой“, „потайныя страсти“, „доміровыя времена“, „поодурманить“ и т. п. „Поясненія“, взятыя у разныхъ нѣмецкихъ комментаторовъ, имѣли еще слабое значеніе при первомъ изданіи, когда еще не былъ переведенъ комментарій Бойезена. Но съ тѣхъ поръ онъ появился въ двухъ переводахъ.

Эдуардъ Дауденъ. Исторія французской литературы. Переводъ съ англійскаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1902.

Въ книгѣ Даудена русскіе читатели получаютъ уже вторую общедоступную исторію французской литературы, написанную англичаниномъ. Но трудъ Даудена, конечно, неизмѣримо значительнѣе книжки Сентесбери. Имя автора достаточно извѣстно, чтобы новая работа его возбудила надежды, и она осуществляетъ ихъ въ полной мѣрѣ. Это не значитъ, конечно, что она обогащаетъ науку; она ставитъ себѣ иныя задачи. Когда выдающійся научный работникъ, какъ Дауденъ, извѣстный самостоятельными трудами въ другой области историко-литературныхъ изысканій, берется изложить въ общедоступной формѣ полную исторію чужой литературы,—поскольку для англичанина можетъ быть чужда старая французская литература, — которою онъ спеціально не занимался, наши требованія пріобрѣтаютъ особый характеръ. Мы откажемся отъ надеждъ встрѣтить въ его книгѣ новые взгляды и опыты перерѣшенія общепринятыхъ положеній, но мы можемъ разсчитывать встрѣтить здѣсь исчерпывающее знакомство съ лучшими пособіями, умѣніе разобраться въ нихъ и самостоятель-

ность въ выборѣ матеріала. Это мы и имѣемъ въ книгѣ Даудена. Онъ самъ въ предисловіи настаиваетъ на компилятивномъ характерѣ своей работы и, пожалуй, извѣстная книга Лансона отразилась на его работѣ даже въ большей степени, чѣмъ это допустимо для писателя съ именемъ Даудена. Но онъ отлично сдѣлалъ свою компиляцію, изложилъ весь матеріалъ живо, полно и интересно, и мы затруднились бы указать русскому читателю лучшее пособіе для начальнаго знакомства съ исторіей французской литературы. Рѣчь могла бы идти лишь о трудѣ Лансона, но онъ слишкомъ обширенъ и предъявляетъ уже повышенныя требованія къ читателю. Къ тому же въ книгѣ Даудена мы найдемъ какъ разъ то, недостатокъ чего, быть можетъ, болѣе отвѣчаетъ научнымъ требованіямъ, но слишкомъ расходится съ привычками и требованіями средняго читателя, а именно біографическій элементъ. Дауденъ пользуется имъ очень умѣло, оживляя изложеніе, связывая его съ психологической оцѣнкой литературнаго достоянія писателя и въ то же время не злоупотребляя имъ, въ ущербъ исторіи литературныхъ движеній, не обращая исторію словесности въ серію скрѣпленныхъ между собою писательскихъ жизнеописаній и характеристикъ. Остается пожалѣть, что у автора не хватило, по его признанію, смѣлости довести свою работу до нашего времени; онъ ограничилъ ее концомъ прошлаго вѣка—эпохой упадка романтизма, полагая, что литература недавнихъ лѣтъ есть скорѣе предметъ современной критики, чѣмъ историческаго изученія. Спорить съ этимъ трудно, но трудно отказаться отъ желанія видѣть въ заключеніи цѣльнаго обзора обширной и плодотворной исторіи, если не тѣ результаты, къ которымъ она привела, то хоть тѣ ступени развитія, которыя она проходила за послѣднее время.

Юрій Веселовскій. Армянскій поэтъ Сибатъ Шахъ-Азисъ. Москва. 1902.

Посвященная одному лишь представителю армянской поэзіи, работа г. Веселовскаго хорошо рисуетъ то значеніе, которое имѣло идейное пробужденіе шестидесятыхъ годовъ также для тѣхъ питомцевъ русской культуры, которыхъ теперь принято отстранять отъ нея. Поворотъ къ народу былъ столь же естественнымъ движеніемъ армянской интеллигенціи, какъ и русской, подъ вліяніемъ этой могучей эмансипаціи духа. Общечеловѣческое по конечнымъ цѣлямъ, это движеніе въ своеобразномъ инородческомъ мірѣ естественно принимаетъ національныя формы. Создается художественная литература, публицистика и повременная печать; „впервые выступаютъ на литературное поприще талантливые и энергичные писатели, въ русскихъ университетахъ возрастаетъ число слушателей-армянъ, которые прежде считались

единицами,—а въ семейномъ быту невольно обостряется борьба между отцами и дѣтьми, которая была прежде всего борьбою двухъ міросозерцаній". Въ этомъ идейномъ пробужденіи выросло дарованіе поэта, съ которымъ стремится познакомить русскихъ читателей книжка, лежащая предъ нами. Страстный поборникъ возрожденія родного народа, онъ является столь же страстнымъ обличителемъ его пороковъ. Онъ говоритъ обо всемъ томъ, что ставятъ его соплеменникамъ въ вину тѣ, которые сдѣлали изъ національной травли хлѣбное дѣло,—и онъ дѣлаетъ это съ смѣлостью самобичеванія, превосходящей по силѣ враждебныя нападенія. „Армянинъ—матеріалистъ,—говоритъ герой Шахъ-Азиса,—онъ холоденъ, какъ ледъ; онъ погрязъ и умеръ духовно въ атмосферѣ своихъ разсчетовъ... когда онъ видитъ деньги, ему кажется, что солнце засіяло; глаза его горятъ, онъ становится оживленнымъ, подвижнымъ... Кто бы ты ни былъ,—злой, порочный человѣкъ, гнусный плутъ или благородная душа,—онъ всегда предложитъ тебѣ одинъ вопросъ: скажи, богатъ ли ты?.."

Но, конечно, пропасть отдѣляетъ эти самоотверженныя обличенія сатирика-друга отъ злобныхъ клеветъ спеціалистовъ этого дѣла. И русскому читателю надо знать, что говорятъ о своихъ и къ своимъ лучшіе представители тѣхъ народностей, съ которыми исторія сковала его узами одной государственности,—народностей, которыя принято обличать лишь для того, чтобы оправдать и закрѣпить ненормальность ихъ положенія. „Знать,—говорилъ великій русскій сатирикъ,—вотъ что нужно прежде всего, а знаніе несомнѣнно приводитъ за собою и чувство человѣчности. Въ этомъ чувствѣ, какъ въ гармоническомъ цѣломъ, сливаются тѣ качества, благодаря которымъ отношенія между людьми являются прочными и доброкачественными. А именно: справедливость, сознаніе братства и любовь".

А. В. Мезіеръ. Русская словесность съ XI по XIX столѣтія включительно. Часть II. Русская словесность XVIII и XIX ст. Съ предисловіемъ Н. А. Рубакина. Спб. 1902.

Съ полнымъ правомъ указываетъ составительница тотъ преимущественный интересъ, который должно представить для читателя обширное продолженіе ея труда, лежащее предъ нами—вторая часть объемистаго „Библіографическаго указателя произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой". Литература новаго времени, разумѣется, живѣе и ближе читателю, и лишь пересмотрѣвъ книгу г-жи Мезіеръ, онъ увидитъ, сколь многаго онъ не знаетъ въ этой литературѣ, хотя знать было совсѣмъ не трудно. „Мы лѣнивы и не любопытны"—и намъ не разъ указывали, съ какой легкомысленной расточительностью мы забываемъ не только заслуженныхъ дѣятелей доб-

раго стараго времени, но и весьма почтенныхъ представителей недавняго прошлаго нашей литературы и общественности. По работѣ г-жи Мезіеръ видно, какъ часты у насъ литературныя справки съ избитымъ заглавіемъ „Забытый писатель", „Забытая писательница". Это заглавіе служитъ показателемъ. И критика вѣдь напоминаетъ читателямъ лишь о томъ, что сама вспомнила, а она у насъ также забывчива, какъ и читатель. Есть, разумѣется, и на Западѣ разные „Les oubliés et les dedaignés", — но тамъ они относятся къ болѣе далекому прошлому, къ писателямъ, дѣйствительно, отошедшимъ въ глубь исторіи. Мы же уже забыли то, что у насъ за плечами, и жадно бросаемся на новое, потому что вѣчно рвемъ традицію и совершенно лишены возможности сознательно оцѣнить, что же въ самомъ дѣлѣ ново въ томъ, что намъ кажется новымъ. Благо запрещеннымъ произведеніямъ вродѣ пресловутыхъ „Знаменій времени", которыя читаются пока находятся подъ запретомъ; разъ онъ снятъ, они также разсыпаются въ прахъ — подобно нѣкоторымъ замурованнымъ древностямъ, когда ихъ выносятъ на свѣжій воздухъ. А вотъ, напримѣръ, „Болѣзни воли" Ѳеофилакта Толстого или „Русскія ночи" кн. Вл. Одоевскаго: пусть, кто знаетъ, сопоставитъ ихъ значительность съ ихъ распространенностью; онъ едва ли придетъ къ утѣшительному выводу. Здѣсь, разумѣется, играютъ роль болѣе важныя причины, чѣмъ простое незнаніе; но и незнаніе имѣетъ очевидное значеніе.

Этому незнанію, невозможности безъ соотвѣтственныхъ пособій оріентироваться въ отечественной литературѣ, поможетъ трудъ г-жи Мезіеръ. Одинъ поверхностный просмотръ его уже приноситъ пользу; онъ оживляетъ въ нашей памяти забытыя впечатлѣнія; эти сухія названія книгъ и статей даютъ картину историческаго развитія, не смотря на видимую бѣдность такого матеріала. Мы думаемъ, что и спеціалисты, отказавъ указателю въ научномъ значеніи исчерпывающаго пособія и отмѣтивъ его недостатки — что очень не трудно, — все же будутъ имъ пользоваться: лучшаго вѣдь нѣтъ.

Не смотря на чрезвычайно важное ихъ значеніе, книги вродѣ труда г-жи Мезіеръ расходятся очень медленно; удешевить ихъ почти невозможно, а пріучить нашего средняго читателя пользоваться ими очень трудно. Но можно надѣяться, что новая работа, обращенная не къ спеціалистамъ, которыхъ она раздразнитъ своими погрѣшностями, а именно къ этому непритязательному среднему читателю, воспитаетъ въ немъ потребность осмотрѣться въ родной литературѣ, познакомиться съ тѣми ея сокровищами, которыя погребены въ тайникахъ старыхъ книгъ, умирающихъ въ забвеніи, потому что о нихъ никто не напоминаетъ. Курсы исторіи литературы становятся все менѣе пригодными для руководительства въ такомъ литературномъ путешествіи; исторія ли-

тературы все больше становится исторіей широкихъ движеній и перестаетъ быть исторіей книгъ, о которыхъ упоминаетъ между прочимъ, снося библіографію и біографію въ примѣчанія, не могущія похвалиться чрезмѣрнымъ вниманіемъ читателей. Связь между новымъ читателемъ, захваченнымъ злобой текущаго дня, и старыми книгами рушится. Быть можетъ, возстановленію этой связи будетъ способствовать книга г-жи Мезіеръ—и тогда станетъ возможнымъ ея новое изданіе, исправленное и дополненное,—весьма исправленное и весьма дополненное, такъ какъ въ такихъ исправленіяхъ и дополненіяхъ книга очень нуждается. Кой-что въ этомъ отношеніи укажетъ критика—и здѣсь ей предстоитъ легкая и благодарная задача, такъ какъ — сколько мы можемъ судить по поправкамъ къ первой части, сдѣланнымъ въ новомъ выпускѣ указателя, составительница относится съ полнымъ вниманіемъ къ указаніямъ критики. Но необходимо имѣть въ виду, что эти указаніи могутъ имѣть лишь характеръ примѣровъ: немыслимо загромождать общій журналъ, напримѣръ, заглавіями книгъ, пропущенныхъ въ указателѣ, или входить въ детальную критику его системы; возможно лишь намѣтить нѣкоторыя общія точки зрѣнія, могущія служить руководствомъ при пересмотрѣ книги для новаго изданія.

Предисловіе говоритъ нѣсколько разъ о раціональномъ указателѣ. Такая раціональность предполагала бы въ составѣ матеріала или исчерпывающую полноту, или систематическій выборъ, основанный на ясно опредѣленной точкѣ зрѣнія. Если въ самомъ дѣлѣ „чуждый всякихъ тенденцій каталогъ беллетристическаго отдѣла указываетъ не одно какое-либо теченіе, а всѣ по принципу *audiatur et altera pars*“, если онъ „долженъ лишь предоставить возможность судить и выбирать“, то вѣдь надо предоставить эту возможность во всей полнотѣ. А этого нѣтъ. „Мы можемъ, — говоритъ составительница,— отчасти утѣшать себя лишь тѣмъ, что неполнотой грѣшатъ даже наиболѣе полные каталоги и указатели, вышедшіе до сего времени“. Чужіе недостатки— быть можетъ и утѣшеніе, правда слишкомъ слабое. Но надо сказать, что есть неполнота и неполнота, и въ этомъ отношеніи слишкомъ ужъ велика разница между указателемъ г-жи Мезіеръ и нѣкоторыми изъ „указателей, вышедшихъ до сего времени“ иногда болѣе спеціальныхъ, но и болѣе полныхъ. „Во всякомъ случаѣ, все, что можно было извлечь изъ этихъ послѣднихъ, введено въ эту книгу“. Вотъ это совершенно невѣрно. Если бы въ эту книгу было введено все, что можно было извлечь изъ существующихъ указателей, даже названныхъ въ ея особомъ отдѣлѣ, она была бы навѣрное вдвое толще. Достаточно взять любой полный каталогъ большого книжнаго магазина, чтобы видѣть какъ много въ указателѣ пропусковъ, ничѣмъ не объясненныхъ и не объяснимыхъ. Мы пробовали это сдѣлать и, сказать правду, были

непріятно удивлены. Пропущена, правда, мелочь, но этой мелочи такая масса и она такъ однородна съ массой такой же мелочи, введенной въ указатель, что пренебреженіе къ ней ничѣмъ оправдано быть не можетъ. Но и болѣе значительныя — во всякомъ случаѣ достойныя упоминанія—литературныя явленія представлены безъ достаточной полноты. Путь, по которому шла составительница, былъ въ общемъ вѣрный; въ основаніе ея работы положенъ списокъ русскихъ беллетристовъ, составленный по цѣлому ряду наиболѣе полныхъ курсовъ исторіи литературы. Но нельзя забывать, что разница между составомъ этихъ курсовъ и библіографическимъ спискомъ писателей слишкомъ велика, чтобы ограничиться ими въ составленіи такого списка. Можетъ быть, историки литературы пропустятъ такого поэта, какъ С. Ѳ. Дуровъ—библіографическій указатель его, конечно, пропускать не долженъ, какъ не долженъ пропускать и такихъ писателей, какъ, напримѣръ, Симборскій или Щиглевъ. Изъ современной поэтизирующей молодежи пропущены Гербановскій, Мазуркевичъ, Вл. Жуковскій, Д. Шестаковъ, Тулубъ и даже пресловутый Валерій Брюсовъ. Но это только случайные примѣры; мы могли бы привести ихъ груды, но не станемъ на нихъ останавливаться, потому что не хотѣли бы, чтобы указанія на недостатки скрыли то основное впечатлѣніе, которое долженъ вынести всякій при знакомствѣ съ книгой: она въ высшей степени своевременна и полезна. Исправить ее возможно, а лучшее почти всегда врагъ просто хорошаго.

Хорошо будетъ нашимъ внукамъ, когда они дождутся окончанія исчерпывающихъ работъ С. А. Венгерова. Мы же, пока что, едва ли сумѣемъ обойтись безъ указателя г-жи Мезіеръ.

Николай Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX ст., томъ I, 1800—1850 г.г. Спб., 1902.

Гдѣ-то Салтыковъ-Щедринъ, говоря о современной ему русской литературѣ, выразился такимъ образомъ: „Въ настоящее время это дѣло упрощено до того, что стоитъ только поплевать на перо, чтобы вышла прелюбопытнѣйшая передовая статья“. Трудно, конечно, сказать примѣнима-ли вполнѣ эта цитата къ современной газетной работѣ, но въ доказательство, что такой „упрощенный“ взглядъ на литратуру существуетъ и до-днесь, можно было бы привести не одинъ примѣръ.

Передъ нами книга г. Н. Энгельгардта, носящая отвѣтственное названіе „Исторіи русской литературы XIX ст.“ и снабженная предисловіемъ автора. Посмотримъ сперва, что говоритъ г. Н. Энгельгардтъ въ этомъ предисловіи, т. е. какія задачи онъ себѣ ставитъ и, слѣдовательно, чего мы въ правѣ отъ него требовать.

Г. Н. Энгельгардтъ говоритъ, что „чувствуется осязательная

необходимость подвести общій литературный итогъ“ минувшему столѣтію; вѣроятно для того, чтобы удовлетворить этой потребности, онъ и предлагаетъ свое изслѣдованіе, которое, по его словамъ, „представляетъ законченное цѣлое“, даетъ „наглядное представленіе о литературной эволюціи и преемствѣ писателей нашего столѣтія“ и служитъ „справочной книгой для всѣхъ интересующихся литературой“. Изслѣдованіе это стоило г. Н. Энгельгардту большого труда и потребовало серьезной научной подготовки. По крайней мѣрѣ, въ этомъ увѣряетъ насъ самъ авторъ: „Не скроемъ,—говоритъ онъ,—что послѣдовательное примѣненіе избраннаго нами точнаго метода изслѣдованія потребовало отъ насъ долгой и тяжкой работы. Причиной тому недостаточность подготовительныхъ и вспомогательныхъ трудовъ. Прежде всего отсутствіе библіографическаго, полнаго указателя по всѣмъ четыремъ областямъ литературы, расположеннаго въ хронологическомъ порядкѣ. Намъ приходилось, по многимъ отрывочнымъ и недостаточнымъ трудамъ нашихъ библіографовъ, составлять библіографическіе указатели по десятилѣтіямъ критики, прозы, поэзіи и драмы. А всякій, занимавшійся библіографіей, знаетъ всю копотливость подобнаго труда“. Прочитавъ эти строки, невольно выносишь впечатлѣніе, что г. Н. Энгельгардтъ ради точнаго метода изслѣдованія трудился чуть-ли не денно и нощно, собирая разбросанный библіографическій матеріалъ и, какъ онъ жалуется дальше, просматривая, за неимѣніемъ сводныхъ трудовъ по отдѣльнымъ отраслямъ литературы, множество „мемуаровъ, записокъ, сборниковъ писемъ“. Жалобы г. Н. Энгельгардта на неразработанность матеріаловъ по исторіи русской литературы, его рѣшительное утвержденіе, что принадлежащее ему изслѣдованіе „даетъ возможность едва-ли не впервые наглядно обозрѣть литературную эволюцію XIX столѣтія“, наконецъ, новинка метода изложенія, т. е. описаніе въ хронологическомъ порядкѣ по десятилѣтіямъ исторіи критики, прозы, поэзіи и драмы, — все это вмѣстѣ взятое даетъ полное основаніе предъявлять къ труду г. Н. Энгельгардта самыя высокія требованія и ужъ никакъ не позволяетъ думать, что мы имѣемъ дѣло съ работой, исполненной по Щедринскому рецепту „плеванія на перо“. Только послѣднія фразы предисловія вызываютъ нѣкоторое недоумѣніе и, какъ мы ниже увидимъ, „da liegt der Hund begraben“. Г. Н. Энгельгардтъ заключаетъ свое введеніе словами: „Мы воздерживались отъ напрасныхъ разглагольствованій и изложеній „своими словами“. Мы старались характеризовать писателей яркими цитатами изъ ихъ произведеній и приводили оцѣнки ихъ изъ нашихъ выдающихся критиковъ“.

Дѣйствительно, г. Н. Энгельгардтъ воздержался отъ „напрасныхъ разглагольствованій“, если подъ этимъ словомъ понимать текстъ, принадлежащій автору, ибо болѣе трехъ четвертей его

книги падаетъ на „яркія цитаты“ и „оцѣнки“, но что представляетъ изъ себя остальная четверть и умѣстно-ли говорить о воздержаніи отъ изложенія „своими словами“, — пусть судитъ самъ читатель.

Беремъ на удачу отрывокъ изъ V-й главы („Сороковые годы“) „изслѣдованія“ г. Н. Энгельгардта. Отрывокъ этотъ принадлежитъ, повидимому, самому автору: нѣтъ кавычекъ, нѣтъ и ссылокъ на „подготовительные“ и „вспомогательные“ труды; сравнимъ его съ соотвѣтствующими мѣстами книги А. Н. Пыпина „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“ (Спб., 1876); быть можетъ, это сравненіе дастъ намъ ключъ къ уразумѣнію, о какомъ „долгомъ и тяжкомъ трудѣ“ говоритъ г. Н. Энгельгардтъ въ своемъ предисловіи и насколько его „изслѣдованіе“ чуждо рецепту сатирика

Н. Энгельгардтъ (стр. 528).	А. Н. Пыпинъ, томъ 2-й, стр. 97, 98, 99 и сл.
«Отечественныя Записки» поглощали теперь всю дѣятельность Бѣлинскаго. Отдѣлъ критики и библіографіи держался на Бѣлинскомъ. Редакція еще до участія Бѣлинскаго доставила журналу нѣкоторыя литературныя связи. Явились имена Лермонтова, кн. Одоевскаго, гр. Соллогуба и пр. Печатались посмертныя стихотворенія Пушкина. Но въ отношеніи направленія, журналъ унаслѣдовалъ только отъ Пушкинскаго круга неясное уваженіе къ «искусству», вражду къ Булгарину и Гречу и легкій душокъ особаго руссизма. Самостоятельная физіономія дана была журналу всецѣло Бѣлинскимъ и его друзьями. Прежній кружокъ, родоначальникомъ котораго былъ Станкевичъ, сложился въ гораздо болѣе обширный кругъ людей, который стали называть «западнымъ» и т. д.	«Отечественныя Записки» поглощали теперь всю дѣятельность Бѣлинскаго... Отдѣлъ критики и библіографіи держался на Бѣлинскомъ... Редакція еще до участія Бѣлинскаго доставила журналу и другую выгоду: нѣкоторыя... литературныя связи... Явились имена Лермонтова, кн. Одоевскаго, гр. Соллогуба и пр., печатались иногда стихотворенія, оставшіяся послѣ Пушкина... Журналъ унаслѣдовалъ отъ Пушкинскаго круга неясное уваженіе къ «искусству» и вражду къ Булгарину и Гречу... Самостоятельное значеніе дано было журналу исключительно Бѣлинскимъ и его друзьями... Прежній кружокъ, котораго родоначальникомъ былъ Станкевичъ, сложился въ гораздо болѣе обширный кругъ людей, который, въ противоположность тогда же возникшему славянофильству, стали теперь называть «западнымъ» и т. д.

Для окончательнаго выясненія общаго характера „изслѣдованія“ г. Н. Энгельгардта сравнимъ еще два отрывка, замѣтивъ, между прочимъ, что эти отрывки являются почти единственными строками, принадлежащими перу автора на всемъ протяженіи стр. 545, 546, 547 и половины 548-й его книги; все остальное на этихъ страницахъ—„яркія цитаты“ и „оцѣнки“.

Н. Энгельгардтъ.	Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, Спб.
...Надо принять во вниманіе, что не смотря на то, что книгу Гоголя пропускалъ Никитенко, она вышла въ свѣтъ въ изуродованномъ цензурою видѣ... (стр. 545).	...Надо замѣтить, что, не смотря на то, что книгу Гоголя цензуровалъ А. В. Никитенко, она вышла въ свѣтъ въ изуродованномъ цензурою видѣ и это очень огорчило Гоголя... (т. VIII, стр. 582).

...Гоголь отвѣчалъ 10 августа 1847 г. изъ Остенде совершенно безцвѣтнымъ письмомъ. Между тѣмъ, имъ было первоначально, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ, написано другое, но не послано, разорвано. Въ бумагахъ Гоголя П. А. Кулѣшъ нашелъ двѣ тетрадки, разорванныя поэтомъ въ клочки; Кулѣшъ сложилъ лоскутки, списалъ и спасъ этотъ высоко интересный документъ... (стр. 547).

...Между тѣмъ, Гоголемъ былъ написанъ другой отвѣтъ Бѣлинскому, далеко не столь безцвѣтный, который, къ сожалѣнію, былъ разорванъ писавшимъ, но по счастью, въ бумагахъ Гоголя П. А. Кулѣшъ нашелъ двѣ тетрадки, разорванныя Гоголемъ въ клочки; Кулѣшъ сложилъ лоскутки, списалъ и такимъ образомъ спасъ для потомства этотъ драгоцѣнный документъ... (т. VIII, стр. 608).

Да не подумаетъ читатель, что только что приведенныя цитаты изъ „труда“ г. Энгельгардта чѣмъ-нибудь серьезно отличаются отъ остального текста книги. Отнюдь нѣтъ. Мы пересмотрѣли всю 14-ю часть упомянутой V-ой главы и вотъ, что мы нашли: стр. 525 почти цѣликомъ составлена изъ отдѣльныхъ предложеній и фразъ, взятыхъ и не взятыхъ въ кавычки и почерпнутыхъ со стр. 16, 17, 6, 70, 71, 52, 53, VI-го тома названнаго выше сочиненія Н. Барсукова; стр. 526 заимствована изъ отдѣльныхъ мѣстъ, разбросанныхъ на стр. 45, 48, 139 того же тома той же книги; далѣе стр. 527 соотвѣтствуетъ стр. 139, 141, 144, 145 т. VI-го, соч. Н. Барсукова; стр. 528—стр. 97, 98, 99 II-го тома указаннаго сочиненія Пыпина; стр. 529—стр. 107, 119, 167, 169, 117, 115 II-го тома того же сочиненія; стр. 530—стр. 115, 117, 124, 125 II-го т. того же сочиненія и стр. 76, 77 VI-го т. книги Н. Барсукова; стр. 531—Н. Барсуковъ, т. VI, стр. 254, 258, 269, 270, 282, 283, Пыпинъ „Бѣлинскій“ т. 2, стр. 136; стр. 532—Н. Барсуковъ, т. VI, стр. 283, 280, 287, т. VII, стр. 98; и т. д. и т. д.

Положимъ, что на нѣкоторыя, весьма, впрочемъ, немногія изъ указанныхъ мѣстъ статей Н. Барсукова и А. Пыпина, г. Н. Энгельгардъ ссылается выносками внизу страницы; но дѣло въ томъ, что даже принимая это во вниманіе, всетаки ясно, какъ писалъ свою книгу авторъ. И невольно начинаешь думать, не шутитъ ли г. Н. Энгельгардтъ, говоря о трудности работы безъ подготовительныхъ матерьяловъ, о необходимости просматривать „мемуары, записки, сборники писемъ“, о „копотливости“ составленія библіографическаго указателя, если, излагая исторію литературы 40-хъ годовъ, онъ познакомился лишь съ такими общеизвѣстными трудами, какъ изслѣдованія Н. Барсукова и А. Пыпина.

Читатель видитъ, что при такомъ характерѣ „изслѣдованія“ г. Н. Энгельгардта не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы это „изслѣдованіе“ могло „дать наглядное представленіе о литературной эволюціи“ прошлаго вѣка. „Трудъ“ г-на Н. Энгельгардта просто на просто сводъ выписокъ въ кавычкахъ и безъ нихъ изъ нѣсколькихъ прочитанныхъ авторомъ работъ по русской исторіи и исторіи русской литературы. Такъ I-ая часть V-й главы, какъ

мы уже говорили, составлена по Н. Барсукову и А. Пыпину, I-ая часть I-ой главы—по капитальному труду Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ I-ый“ и по изслѣдованію А. Пыпина „Общественное движеніе при Императорѣ Александрѣ I-омъ“, II-ая часть той же главы—по „Біографіи Батюшкова“, составленной Л. Майковымъ, и по книгѣ Н. Бѣлозерской „В. Т. Нарѣжный“ и т. д., и т. д.

Г. Н. Энгельгардтъ обѣщалъ дать въ предисловіи „справочную книгу для всѣхъ интересующихся литературой“. Онъ не исполнилъ даже этого обѣщанія. Уже не говоря о множествѣ мелкихъ библіографическихъ недочетовъ, какъ, напр., отсутствіе указаній на статьи г. Сухомлинова и г. Мякотина о Радищевѣ или г. Котляревскаго о В. К. Кюхельбекерѣ и А. И. Одоевскомъ, укажемъ лишь крайнюю неполноту библіографіи о А. И. Герценѣ, не смотря на то, что въ I-мъ томѣ „Словаря русскихъ писателей“ С. А. Венгерова, г. Н. Энгельгардтъ могъ бы найти исчерпывающую библіографію предмета.

Проф. Евгеній Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Матерьялы, изслѣдованія и замѣтки. Томъ III-й. Казань. 1902.

Въ III-мъ томѣ своихъ „Матерьяловъ“ проф. Е. Бобровъ сообщаетъ трагичную страницу изъ исторіи Спб. медико-хирургической академіи. 10-го сентября 1838 года студентъ фармаціи 3-го класса Иванъ Сочинскій, войдя въ конференцъ-залу, замахнулся ножомъ на профессора химіи Нечаева, систематически преслѣдовавшаго его за „неспособность“. Нечаева онъ не ранилъ, но отбиваясь отъ схватившихъ его профессора Каменскаго, швейцара Сухомутова и унтеръ-офицера Токарева, нанесъ имъ всѣмъ троимъ раны, за что и былъ приговоренъ генералъ-аудиторіатомъ къ наказанію шпицрутенами. Вотъ какъ описываетъ экзекуцію одинъ изъ товарищей Сочинскаго: „...Студентовъ заставили дать письменное обязательство *присутствовать* при варварской экзекуціи; въ противномъ случаѣ угрожали исключеніемъ изъ академіи съ лишеніемъ права поступить въ какое либо учебное заведеніе въ предѣлахъ Россіи... Наступилъ роковой день экзекуціи. Это было въ послѣднихъ числахъ октября 1838 года... Чтобы быть на мѣстѣ къ назначеннымъ 9 часамъ утра, мы поднялись до свѣту, и терзаемые самыми горькими, самыми безотрадными, до мозга костей одуряющими ощущеніями, поплелись съ Выборской стороны къ аракчеевскимъ казармамъ у Таврическаго сада. Шли пѣшкомъ: объ извозчикахъ при нашемъ поголовномъ безденежьи нечего было и думать. Въ казармахъ, куда намъ велѣно было собраться, встрѣтилъ насъ инспекторъ со спискомъ въ рукахъ и съ своей сквернѣйшей и подлѣйшей улыбкой на лицѣ. Онъ сдѣлалъ намъ самую тщательную перекличку и аккуратно отмѣтилъ тѣхъ, кого

не оказалось. По окончаніи повѣрки насъ вывели на большой дворъ, гдѣ увидали мы два ряда гарнизонныхъ солдатъ съ барабанщиками на каждомъ концѣ. Черезъ нѣсколько минутъ изъ другого отдѣленія казармъ вывели подъ конвоемъ Сочинскаго, одѣтаго въ сѣрый арестанскій халатъ. Проходя мимо насъ, онъ снялъ арестантскую шапку и поклонился намъ,—мы молча поклонились ему...

... Несчастнаго Сочинскаго обнажили до пояса, руки привязали къ прикладу ружья, которое несли передъ нимъ два солдата, надъ шеренгами высоко поднялись шпицрутены, раздался барабанный бой—и страдальца повели. Послышался крикъ терзаемой жертвы. Я не выдержалъ: душившія меня слезы сдавили мнѣ грудь и горло, я истерически зарыдалъ и бросился къ дверямъ казармъ, откуда мы вышли, — чтобы не слыхать воплей, раздиравшихъ душу, но увидѣлъ двухъ солдатъ, преградившихъ мнѣ путь скрещенными ружьями. Оказалось, что начальство наше и тутъ выказало свою предусмотрительность. Предвидя, что студенты не будутъ въ состояніи вынести сцены истязанія и, явясь на мѣсто казни по приказанію, всетаки, попытаются уклониться отъ вида ея, они распорядились такъ, что начальникомъ экзекуціи въ дверяхъ казармъ были поставлены часовые съ приказаніемъ никого не пропускать со двора. Видя невозможность укрыться, я крѣпко зажалъ себѣ уши и обернулся лицомъ къ стѣнѣ: криковъ я не слыхалъ болѣе, но рокотъ барабановъ, чуть доходившій до слуха, давалъ мнѣ знать, что истязаніе еще продолжается. Долго я стоялъ такъ и ждалъ конца, но барабанный бой не прерывался; наконецъ, въ нетерпѣніи и въ какомъ-то отчаяніи я обернулся и увидѣлъ, что несчастнаго Сочинскаго возятъ уже въ двухколесной телѣжкѣ и все еще продолжаютъ бить,—вопли умолкли, и только слышится свистъ шпицрутеновъ...“ (стр. 44, 45, 46). Сочинскій не вынесъ шпицрутеновъ и умеръ. Проф. Нечаевъ получилъ орденъ св. Анны II-й ст., а медико-хирургическая академія изъ министерства внутреннихъ дѣлъ была перечислена въ военное вѣдомство.

Въ той же книгѣ проф. Е. Боброва, въ воспоминаніяхъ объ инспекторѣ студентовъ московскаго университета П. С. Нахимовѣ, читаемъ о совершенно иномъ отношеніи инспекціи къ студентамъ, чѣмъ то, которое мы видѣли при экзекуціи несчастнаго Сочинскаго. „Во время революціи 1848 г.,—пишетъ профессоръ Е. Бобровъ,—университетъ былъ сильно возбужденъ. Это было первое начало, когда въ эпоху 40-хъ годовъ въ массѣ студентовъ зародился интересъ къ соціальнымъ вопросамъ. Устроился студенческій клубъ. Нанята была особая квартира, гдѣ и собиралось до 400 человѣкъ, доставали всѣ запрещенныя газеты и брошюры, шли оживленные толки“ (стр. 80). П. С. Нахимовъ,

узнавъ о существованіи „клуба“, призвалъ къ себѣ студентовъ-учредителей его.

— У васъ тамъ клубъ, господа?

— Да, есть, Платонъ Степановичъ.

— И, конечно, есть всякаго рода запрещенныя изданія?

— Есть, Платонъ Степановичъ.

— Ну, такъ вотъ что я вамъ скажу, господа! Все это дошло до жандармскаго начальства; не сегодня—завтра у васъ сдѣлаютъ обыскъ; такъ вы клубъ этотъ немедленно закройте, все, что есть запрещеннаго пришлите ко мнѣ, да не забудьте въ каждое такое сочиненіе вложить закладку, кому оно принадлежитъ: уляжется все,—стану раздавать, такъ, пожалуй, перемѣшаю“ (стр. 80, 81).

Клубъ былъ своевременно закрытъ самими студентами, П. С. Нахимовъ вернулъ имъ „изданія съ закладками“ и никто изъ молодежи не былъ привлеченъ къ отвѣтственности.

Кромѣ сообщенія о дѣлѣ Сочинскаго и воспоминаній о П. С. Нахимовѣ, въ книгѣ проф. Е. Боброва находимъ еще письма извѣстнаго казанскаго поэта Г. П. Каменева къ массону С. А. Москотильникову, 4 напечатанныя первоначально въ „Драматическихъ Прибавленіяхъ къ Московскому Вѣстнику“ за 1828 г. театральныя рецензіи С. Т. Аксакова, не вошедшія въ новое изданіе (1896 г.) его сочиненій, и нѣсколько историческихъ и историко-литературныхъ замѣтокъ („Къ исторіи русскаго массонства“, „Сказаніе о корыстолюбцѣ въ козлиной шкурѣ“, „О С. Я. Нечаевѣ“, „О тѣлесныхъ наказаніяхъ“, „О Каменевѣ“). Интересна замѣтка о поэмѣ Полежаева „Иманъ-Козелъ“: г. Бобровъ полагаетъ, что эта поэма послужила одной изъ причинъ разжалованія Полежаева въ солдаты. „Не найдено-ли было въ „Иманѣ“ насмѣшки надъ духовенствомъ, — вина, еще болѣе усугублявшая „развратность“ образа жизни и воззрѣній поэта?.. Но, если Полежаевъ пострадалъ точно за одного лишь „Сашку“, то почему же именно *онъ* палъ очистительною жертвою за весь московскій университетъ, навлекшій на себя гнѣвъ? Кто, чья рука позаботилась представить императору именно Полежаевскаго „Сашку“, и какъ видно, съ нужными комментаріями?.. Не было-ли тутъ мести за „Имана-Козла?“ (стр. 175).

Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Переводъ съ французскаго подъ редакціею Э. Л. Радлова. Томъ III. Спб. 1902.

Ванъ-Мюйденъ считается теперь однимъ изъ наиболѣе обстоятельныхъ исторіографовъ Швейцаріи, вѣрнѣе—политическаго ея прошлаго, ибо о соціальномъ бытѣ швейцарскаго народа онъ почти не упоминаетъ, а немногія главы (въ III-мъ томѣ одна), посвященныя умственному движенію, носятъ, по преимуществу, номенклатурный характеръ. Сказать, что эта книга будитъ мысль, наводитъ на размышленія, что она интересно написана, даетъ

цѣльную и выпуклую историческую картину, — значитъ сильно погрѣшить противъ истины. Нельзя пожелать лучшей справочной книги по исторіи Швейцаріи, нежели эти три тома (снабженные, къ тому же, превосходнымъ алфавитнымъ указателемъ),—но читать ихъ систематически есть трудъ столь же непривлекательный и невознаграждающійся, какъ чтеніе нѣкоторыхъ другихъ общихъ исторій—напр., сочиненія Чезаре Канту объ Италіи или Лафуентеса объ Испаніи; французскій Анри Мартэнъ и нашъ Соловьевъ читаются уже гораздо легче, ибо у нихъ есть проработанныя общія мысли, т. е. та аріаднина нить, которая совершенно отсутствуетъ у Ванъ-Мюйдена. Не то, чтобы онъ, напримѣръ, слишкомъ пряталъ за излагаемыми фактами свою индивидуальность; напротивъ, убѣжденія свои онъ высказываетъ кстати и некстати, но, во-первыхъ, эти убѣжденія имѣютъ чрезвычайно сбивчивый видъ, а во-вторыхъ—они излагаются какъ-то à part отъ общаго фактическаго разсказа; мѣста, посвященныя имъ, механически вставлены въ изложеніе и не освѣщаютъ его. Приведемъ примѣръ. Ванъ-Мюйденъ, внѣ всякой непосредственной связи съ своею темою, размышляетъ на нѣсколькихъ первыхъ страницахъ (III-го тома) о дѣятеляхъ первой французской революціи: „это были теоретики, убѣжденные a priori въ возможности осуществленія своихъ гуманитарныхъ мечтаній. Когда выступили трудности, которыхъ не ожидали, они были поражены и, такъ какъ это затрогивало ихъ самолюбіе, они, подобно своимъ предшественникамъ, прибѣгли къ силѣ для проведенія своихъ идей. Лишенные религіознаго чувства, а до нѣкоторой степени и нравственнаго, они совершили — одни съ наивнымъ чистосердечіемъ, другіе съ непростительнымъ легкомысліемъ или возмутительнымъ цинизмомъ—самыя вопіющія несправедливости“. Уже эти фразы сбивчивы, огульны и безъ оговорокъ чрезвычайно далеки отъ истины. Но дальнѣйшій приговоръ швейцарскаго историка еще общѣе и еще курьезнѣе: „революція—скороспѣлое дѣло рукъ неопытныхъ и незрѣлыхъ политикановъ—заявила себя исполнительницей идей философовъ, дискредитировавшихъ старый режимъ. Но поколѣніе 1793 года, лихорадочное, впечатлительное, подозрительное и жестокое, не обладало нравственными качествами, необходимыми для созданія новаго порядка вещей; оно возбудило скоропреходящіе энтузіазмы и, не сумѣвъ довести до конца предполагаемыя реформы, оставило за собою много развалинъ“. Уже давно не тайна (а послѣ капитальнаго труда Олара станетъ, окончательно, трюизмомъ), что рѣдко какое собраніе во всемірной исторіи проявило за короткій промежутокъ существованія такую организаторскую силу, такую зрѣлость государственной мысли, такое богатство иниціативы, какъ именно первыя революціонныя палаты—конституанта, легислатива и конвентъ, и послѣдній даже по преимуществу. Реформы административнаго и гражданскаго права,

учебнаго дѣла и т. д., и т. д. оказались прочнымъ даромъ того времени и эти голословныя выходки не только лишены всякаго содержанія, но и совершенно неумѣстны въ „Исторіи швейцарскаго народа". — „Когда оказалось",—пишетъ авторъ „что ихъ теоріи пусты и суетны, пороки дѣйствующихъ лицъ драмы вызвали отвращеніе; народъ отвернулся отъ нихъ съ ужасомъ, а счастливый солдатъ, явившійся для освобожденія его отъ тираніи этихъ послѣднихъ, былъ принятъ, какъ освободитель". Такое словесное переливаніе изъ пустого въ порожнее длится еще нѣкоторое время,—и потомъ авторъ, какъ ни въ чемъ не бывало, переходитъ къ своему обычному спокойному и монотонному пересказу въ хронологическомъ порядкѣ всего важнаго и неважнаго, случившагося въ политической исторіи Швейцаріи за послѣдній вѣкъ. Въ сущности, за вычетомъ немногихъ моментовъ политическая борьба въ Швейцаріи (между реформатами и католиками, либералами и реакціонерами), обыкновенно, не достигала слишкомъ большихъ размѣровъ. Иногда броженіе охватывало отдѣльные кантоны, но рѣдко всю страну. Борьба между членами и противниками Зондербунда — самый выдающійся фактъ этого рода, но и эта борьба окончилась безъ вреда для единства республики. Принципъ почти полнаго самоуправленія, царившій въ странѣ, сдѣлалъ то, что каждый кантонъ имѣетъ свою исторію, кое въ чемъ отличающуюся отъ исторіи сосѣднихъ кантоновъ. Всѣ эти части исторіи Швейцаріи трудолюбиво и детально изложены Ванъ-Мюйденомъ. Его патріотизмъ обладаетъ чрезвычайно высокой температурою, но заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя черты, способныя подкупить даже иностраннаго читателя и, пожалуй, еще больше, нежели аборигена. На стр. 249 читаемъ: „въ годы, послѣдовавшіе за 1830 г., на территорію Швейцаріи стали стекаться обломки революцій, которыя только что потрясали материкъ Стараго Свѣта. Гостепріимная почва, пристанище несчастныхъ всякаго рода, безвѣстныхъ политиковъ, смиренныхъ послѣдователей гонимой вѣры, монарховъ, низверженныхъ съ престола и бѣжавшихъ изъ своей родины,—для всѣхъ Швейцарскій союзъ служилъ уже цѣлые вѣка убѣжищемъ, подобно тому, какъ въ древности храмы были мѣстомъ, гдѣ опальный могъ выжидать наступленія лучшей поры въ полной безопасности отъ преслѣдованія своихъ противниковъ. Но у самыхъ выходовъ изъ этого храма сторожили подозрительные властелины, царившіе въ Европѣ". За то Швейцарія, говоритъ авторъ, заслуживаетъ неувядаемой славы, что она, не смотря на угрозы и затрудненія, — за вычетомъ исключительныхъ случаевъ не выгоняла и не выдавала изгнанниковъ. Ванъ-Мюйденъ смотритъ съ нѣкоторымъ (впрочемъ, кроткимъ) неодобреніемъ и сожалѣніемъ на этихъ „международныхъ смутьяновъ", какъ онъ называетъ ихъ, хотя и тутъ его воззрѣнія нѣсколько сбивчивы, ибо

изъ многихъ выраженій явствуетъ, что онъ отнюдь не сочувствуетъ и тому, противъ чего „смутьяны“ боролись.

Факты, приводимые въ изобиліи Ванъ-Мюйденомъ, подтверждаютъ весьма убѣдительно его мысль, что въ Швейцаріи и въ XIX вѣкѣ (мы бы сказали: по преимуществу въ 1-ой его половинѣ) существовала тѣсная связь между вопросами политическими и религіозными, конфессіональными. Извѣстная исторія съ профессурою Штрауса разсказана тутъ весьма детально. Въ 1836 году освободилась въ Цюрихскомъ университетѣ каѳедра, на которую, послѣ долгой борьбы и полемики между радикалами и духовенствомъ, правительство Цюриха пригласило Давида Штрауса, автора „Жизни Іисуса Христа“. Въ началѣ 1839 года государственный совѣтъ утвердилъ назначеніе Штрауса. Началось броженіе въ народѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ рѣшенія государственнаго совѣта произошла большая манифестація противъ правительства, вскорѣ образовалась цѣлая евангелическая ассоціація, собравшая 39 тысячъ подписей противъ утвержденія Штрауса, заволновались деревни; правительство рѣшило пригласить федеральныя войска для сохраненія порядка, но волненіе съ каждымъ днемъ усиливалось,—и черезъ шесть недѣль послѣ утвержденія Штрауса тотъ же государственный совѣтъ далъ ему отставку съ пенсіей (въ 1500 франковъ въ годъ), хотя Штраусъ, конечно, еще и не начиналъ своей службы. Но этимъ не кончилось. Волненія продолжались, ибо большія массы кантональнаго населенія требовали отставки правительства, осмѣлившагося пригласить Штрауса. Произошло вооруженное столкновеніе народа съ войсками, при чемъ съ обѣихъ сторонъ были жертвы (изъ народа было убито 13 человѣкъ). Инсургенты добились своего. Правительство уступило свое мѣсто другому, временному, а вскорѣ послѣдовали выборы, доказавшіе глубокую непопулярность радикальной партіи.

Исторія Швейцаріи во второй половинѣ носитъ болѣе тусклый характеръ. Если вѣрить афоризму, что „счастлива страна, имѣющая скучную исторію“, то относительно послѣднихъ десятилѣтій исторической жизни швейцарскаго народа можно придти къ весьма оптимистическимъ выводамъ. Къ непріятному удивленію читателя, обстоятельный, иногда даже утомительно детальный Ванъ-Мюйденъ до нельзя бѣгло, совсѣмъ въ размѣрахъ учебника говоритъ о самой важной чертѣ новѣйшей швейцарской исторіи: окончательной демократизаціи строя. Вспоминая сколько мѣста посвящаютъ государствовѣды (вродѣ Лавелэ) хотя бы такому оригинальному явленію, какъ новѣйшіе швейцарскіе „референдумы“, мы не можемъ не поставить Ванъ-Мюйдену въ большой пассивъ отсутствіе интереса къ этому и къ другимъ признакамъ демократизаціи, отмѣчающей болѣе и болѣе весь государственный бытъ современной Швейцаріи. Книга Ванъ-Мюйдена нуждалась, скорѣе, въ популяризаціи и сокращеніи, нежели въ переводѣ. Въ настоя-

щемъ своемъ видѣ, повторяемъ, она годна для справокъ, а не для самообразовательнаго чтенія.

Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стасюлевича. I. Періодъ первый. Отъ паденія западной римской имперіи до Карла Великаго. 476—771. Третье изданіе. Спб. 1902.

Хрестоматія М. М. Стасюлевича печатается безъ всякихъ измѣненій со второго изданія, вышедшаго въ 1885 году. Первое появилось въ 1863 г. и вызвало тогда даже весьма оживленную полемику между составителемъ и тѣми учеными педагогами, которые были противъ попытки поставить учащихся лицомъ къ лицу съ первоисточниками исторіи. Ни въ Европѣ, ни у насъ теперь уже это воззрѣніе относительно нецѣлесообразности чтенія первоисточниковъ учащимися—не имѣетъ сколько-нибудь авторитетныхъ защитниковъ. Къ сожалѣнію, въ русской учебно-исторической литературѣ нѣтъ ни для древней, ни для новой, ни для русской исторіи во всемъ ея объемѣ, ни одной столь же обстоятельной хрестоматіи, какъ та, которую составилъ М. М. Стасюлевичъ для среднихъ вѣковъ. Если при преподаваніи исторіи всегда нужно стремиться къ тому, чтобы учащійся почувствовалъ и понялъ дыханіе жизни въ усваиваемыхъ историческихъ фактахъ, чтобы ни на минуту реальность не показалась ему сказкою,—то для этого знакомство съ показаніями очевидцевъ служитъ однимъ изъ надежнѣйшихъ и незамѣнимыхъ вспомогательныхъ средствъ. Книга г. Стасюлевича составлена изъ переводовъ важнѣйшихъ и характернѣйшихъ отрывковъ, взятыхъ изъ сочиненій Сидонія Аполлинарія, Амміана Марцеллина, Григорія Турскаго, Тертулліана, Павла Діакона, Эйнгарда (котораго авторъ называетъ его меньше употребительнымъ именемъ Эгингарда), св. Ремигія и т. д. Этотъ тщательный и планомѣрный подборъ, дѣйствительно, весьма выпукло изображаетъ послѣдніе годы римской имперіи, эпоху переселенія народовъ и первую, самую темную треть средневѣковья, т. е. то время, которое по преимуществу (и съ полнымъ, во всевозможныхъ смыслахъ, правомъ) англійскіе историки называютъ „the dark ages"—„темные вѣка". Кромѣ перевода этихъ отрывковъ, составитель далъ переводъ многихъ статей и этюдовъ Гердера, Бокля, Мишле, Гизо, Тьерри и др. Этотъ элементъ хрестоматіи, конечно, менѣе важенъ: историки XVIII—XIX в.в. гораздо болѣе доступны, нежели средневѣковые и, по существу предмета, въ подобномъ сборникѣ не такъ нужны и интересны, хотя, разумѣется, ихъ взгляды могутъ имѣть поясняющее, иллюстрирующее значеніе при чтеніи источниковъ. Жаль только, что составитель не дополнилъ этотъ отдѣлъ хрестоматіи произведеніями новѣйшей исторіографіи:

авторы послѣдняго тридцатипятилѣтія совсѣмъ отсутствуютъ,— а именно за это время исторія средневѣковыхъ учрежденій и соціально-экономическаго быта значительно освѣтилась сравнительно съ предшествующимъ періодомъ исторіографіи.

Общественная борьба съ туберкулезомъ, какъ народною болѣзнью, въ Западной Европѣ и Америкѣ. **Ф. М. Блюменталя.** Часть I (Бельгія, Франція, Англія, Германія). М. 1901.

Во Франціи ежегодно умираетъ отъ чахотки 150,000 человѣкъ, въ Германіи—160,000. Уже однѣхъ этихъ цифръ достаточно, чтобы понять, какое огромное общественное значеніе имѣетъ борьба съ туберкулезомъ. Нельзя разсчитывать на полное уничтоженіе туберкулезныхъ бациллъ, которыя, слѣдовательно, всегда будутъ угрожать нашему существованію. Однако, простое присутствіе этихъ бациллъ отнюдь еще не является такимъ роковымъ обстоятельствомъ: для развитія болѣзни нужны еще особыя неблагопріятныя обстоятельства. Самымъ обыденнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствомъ, обусловливающимъ развитіе чахотки, является ослабленіе организма, ослабленіе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе чрезмѣрной работы, плохого питанія и дурныхъ гигіеническихъ условій существованія. Слѣдовательно, подъемъ общественнаго благосостоянія есть первое условіе для успѣшной борьбы съ туберкулезомъ. Вторымъ, почти столь же важнымъ условіемъ успѣшности этой борьбы является подъемъ общественной образованности: для ограниченія распространенія туберкулеза нужно такое сознательное отношеніе народа къ гигіеническимъ условіямъ существованія, которое немыслимо тамъ, гдѣ хорошо поставленная школа не сдѣлалась обыденнымъ явленіемъ. Вотъ почему Россія, самая бѣдная и самая невѣжественная страна Европы, и пользуется печальною привилегіей стоять на первомъ мѣстѣ по количеству (не только абсолютному, но и относительному, т. е. сравнительно съ числомъ жителей) больныхъ чахоткою и, вообще, туберкулезомъ.

Но западно-европейскія страны, хотя и менѣе нашего страдающія отъ чахотки, всетаки, приступили къ энергической борьбѣ съ этимъ народнымъ бѣдствіемъ. Мѣры, необходимыя для борьбы съ туберкулезомъ, вытекаютъ изъ вышеуказанныхъ обстоятельствъ, благопріятствующихъ распространенію туберкулеза. Хотя всѣ разсматриваемыя теперь страны (Бельгія, Франція, Англія, Германія) начали борьбу по всей линіи, однако, вслѣдствіе многихъ причинъ, въ каждой изъ нихъ выступилъ на первый планъ какой-либо одинъ пріемъ борьбы. Такъ, во Франціи и въ Бельгіи „крестовый походъ противъ туберкулеза въ главныхъ своихъ чертахъ основанъ на *пропагандѣ* противотуберкулезныхъ идей и на воздѣйствіи на общественное мнѣніе съ цѣлью вызвать актив-

ное вмѣшательство въ эту борьбу общественныхъ организацій и правительственной власти. Въ Англіи удалось добиться сокращенія прогрессивнаго распространенія туберкулеза профилактическими мѣропріятіями въ связи съ общимъ улучшеніемъ гигіеническихъ условій жизни народа. Въ Германіи же борьба эта выражается въ стремленіи *лѣчить* тѣхъ, кто уже находится во власти неумолимой болѣзни" (стр. 105). Франко-бельгійскій способъ, между прочимъ, характеризуется развитіемъ амбулаторій и поликлиникъ, которыя преслѣдуютъ „слѣдующія три задачи: воспитаніе самого больного въ духѣ *гигіены*; принятіе *профилактическихъ* мѣръ для предупрежденія зараженія окружающихъ лицъ и семьи больного; оказаніе матеріальной *помощи* какъ самому больному, такъ и семьѣ его" (стр. 11). Поликлиника, напримѣръ, „даетъ каждому чахоточному карманную плевательницу, литръ чистаго лизоля, антисептическій зубной порошокъ и зубную щетку; научаетъ, какъ надо подметать полъ, не поднимая пыли, и какъ дезинфецировать и стирать бѣлье; предписываетъ усиленно вентилировать жилище и соблюдать безукоризненную чистоплотность; запрещаетъ употребленіе алкоголя и т. д... Однимъ словомъ... Каждая семья, въ которой есть чахоточный, получаетъ полное профилактическое воспитаніе, которое постоянно и настойчиво повторяется" (стр. 12). Сверхъ того, общества читаютъ лекціи, разсылаютъ брошюры, пропагандирующія въ прессѣ и т. д.

Въ Англіи „расцвѣтъ трэдъ-уніоновъ (рабочихъ союзовъ) въ связи съ поднятіемъ умственнаго и нравственнаго развитія англійскаго рабочаго, повышеніе заработной платы, улучшеніе чисто матеріальныхъ условій жизни, законодательная охрана труда и уменьшеніе рабочаго времени—вотъ тѣ вспомогательныя условія, благодаря которымъ санитарно-гигіеническія мѣры получили широкое примѣненіе и увѣнчались полнымъ успѣхомъ" (стр. 90). Оздоровленіе Англіи ведется на широкую ногу. Такъ, напримѣръ, „Лондонское городское управленіе сорвало цѣлый приходъ въ 17 десятинъ (Bethnal green) и застроило его вполнѣ гигіеничными домами" (стр. 93).

Въ Германіи, какъ мы говорили, обращено главное вниманіе на лѣченіе больныхъ, что выражается значительнымъ развитіемъ здравницъ (санаторій). „Къ веснѣ 1901 года... въ Германіи состояло 43 народныхъ санаторій для необезпеченныхъ и мало обезпеченныхъ чахоточныхъ, а 16 санаторій были предназначены туберкулезнымъ больнымъ за значительно пониженную, противъ обычной нормы, плату. Въ 1901 г. должны были открыться еще 19 народныхъ санаторій и 16 санаторій имѣлись въ проектѣ. Принимая продолжительность пребыванія каждаго паціента въ санаторіи въ среднемъ въ 3 мѣсяца, Pannwitz опредѣляетъ годовое число чахоточныхъ, которое въ самомъ близкомъ будущемъ (отчасти уже и теперь) будутъ вмѣщать всѣ нѣмецкія са-

наторіи, въ 20,000. Затраченный пока на это дѣло капиталъ достигаетъ 40.000,000 марокъ“ (стр. 126). Трехмѣсячный срокъ пребыванія можетъ показаться слишкомъ короткимъ людямъ, незнакомымъ съ положеніемъ дѣла. Но продолжительный опытъ показалъ, что, въ среднемъ, трехмѣсячнаго пребыванія въ санаторіи совершенно достаточно, чтобы возстановить трудоспособность больныхъ, которые не запустили своей болѣзни. Въ томъ-то и вся важность вопроса о борьбѣ съ туберкулезомъ, что при современномъ состояніи науки чахотка перестала быть болѣзнью „неизлѣчимою“: нужна только широкая и быстрая помощь, а для этого нужно, конечно, чтобы общество жило бодрою, энергическою жизнью, чтобы общество было пріучено къ самопомощи, чтобы общественная иниціатива не встрѣчала никакихъ препятствій. Было бы жестокимъ заблужденіемъ вообразить, будто въ этой общественной борьбѣ съ туберкулезомъ людей добровольно берущихъ на себя иниціативу, людей всей душой преданныхъ этому дѣлу, можно замѣнить назначенными чиновниками, обязанными пещись о здоровьи общества. Въ то время, какъ санаторіи, возникшія по общественной иниціативѣ, процвѣтаютъ, относительно санаторій правительственныхъ имѣются самыя неутѣшительныя свѣдѣнія. Такъ, „санаторія въ Анжикурѣ принадлежитъ вѣдомству общественнаго призрѣнія въ Парижѣ, и этого совершенно достаточно, чтобы отнять у нея все ея общественное и народное значеніе. Всѣмъ хорошо извѣстно незавидное положеніе нашихъ (авторъ этихъ строкъ парижскій докторъ) госпиталей, подвѣдомственныхъ настоящей администраціи, чтобы не довѣрять результатамъ, какіе можетъ дать анжикурская санаторія, начавшаяся постройкой много лѣтъ тому назадъ, разсчитанная на 200 кроватей и давшая въ 1900 г. пріютъ 14 чахоточнымъ“ (стр. 61). Въ концѣ концовъ, объ этой богатой анжикурской санаторіи самъ д-ръ Plicque (врачъ санаторіи) говорилъ: „въ ней очень много болѣе или менѣе существенныхъ недостатковъ, но еще больше непріятностей доставляетъ совершенная непригодность администраціи — и все это наблюдается послѣ семи лѣтъ непрерывной постройки и при относительномъ изобиліи денежныхъ средствъ“ (стр. 62).

„Наше отечество,—говоритъ авторъ,—еще не успѣвшее примкнуть къ союзной антитуберкулезной арміи, имѣетъ то преимущество, что можетъ наверстать потерянное, воспользовавшись богатымъ опытомъ западно-европейскихъ собратьевъ, примѣняя и разнообразя пріемы борьбы соотвѣтственно условіямъ русской дѣйствительности“ (стр. VI). Къ сожалѣнію, это — одна голая возможность: упадокъ благосостоянія, отчасти даже оффиціально признанный, застой въ народномъ образованіи и отсутствіе общественной иниціативы не предвѣщаютъ того, чтобы наше отечество дѣйствительно попробовало „наверстать потерянное“.

Ч. О. Петерсонъ. Наша пища. Какъ надо питаться, чтобы быть здоровымъ. Пер. съ нѣм. Изданіе «Посредника». М. 1901.

Издатели говорятъ намъ: „Выпуская настоящее сочиненіе Петерсона, мы надѣемся дать читателямъ изложеніе научныхъ основъ питанія... такъ какъ въ русской литераурѣ не имѣется подобныхъ сочиненій, то выпускъ его въ свѣтъ кажется намъ своевременнымъ“ (стр. 6). Совершенно напрасно. Начать съ того, что въ русской литературѣ имѣются хорошія сочиненія по вопросу о питаніи. Прекрасное сочиненіе Морица „основы питанія больныхъ“, вышедшее въ 1900 г., даетъ гораздо болѣе, чѣмъ можно думать по заглавію, ибо „питанію больныхъ“ посвящена лишь вторая (меньшая) часть книги, а первая (большая) даетъ полный обзоръ пищевыхъ и вкусовыхъ средствъ, при чемъ первый отдѣлъ (первой части) разрабатываетъ „общія понятія“ питанія, а второй отдѣлъ (первой части) занятъ „спеціальнымъ описаніемъ пищевыхъ и вкусовыхъ средствъ“. Правда, книга Морица есть университетскія лекціи, но она написана такъ удобопонятно, что совершенно доступна пониманію всякаго образованнаго человѣка. Такимъ образомъ утвержденіе издателей книги Петерсона, будто до сихъ поръ не было доступной публикѣ книги, научно-трактующей о питаніи, ошибочно. Столь же ошибочно и другое ихъ утвержденіе, будто книга Петерсона трактуетъ вопросъ „научно“. Авторъ подкупилъ издательскую фирму своимъ вегетаріанствомъ и своимъ походомъ противъ бѣлковой пищи. Что наши достаточные классы употребляютъ пищи вообще, а бѣлковой въ особенности, болѣе, чѣмъ это нужно для сохраненія равновѣсія,—это давно всѣми гигіенистами признанная истина. Нашъ авторъ формулируетъ свой взглядъ такъ: „чѣмъ меньше бѣлка содержится въ нашей пищѣ, тѣмъ пища эта полезнѣе для здоровья“ (стр. 46). Это не случайно оброненная фраза, а „нашъ выводъ“, напечатанный даже жирнымъ шрифтомъ. Казалось бы, изъ этого слѣдовало, что нуль бѣлковъ въ пищѣ здоровѣе всего. Однако, авторъ сейчасъ же говоритъ: „Такимъ образомъ мы можемъ пока указать на 22 грамма бѣлка на день въ пищѣ, какъ на крайній минимумъ. Идти еще дальше этого предѣла мы не сочли бы себя въ правѣ. Но такъ или иначе мы всетаки считаемъ себя обязанными предупредить всѣхъ и каждаго, что считать, будто еще большее уменьшеніе этого количества было бы равносильно самоубійству, значило бы впасть въ ошибку“ (стр. 46). Такимъ образомъ авторъ своею формулою, „нашимъ выводомъ“, доказалъ, что онъ не умѣетъ точно выражаться, а своими дальнѣйшими разъясненіями совершенно запуталъ читателя. Къ этому нужно прибавить, что и самый этотъ „нашъ выводъ“ достигнутъ при содѣйствіи такихъ же путанныхъ соображеній и произвольныхъ утвержденій.

Авторъ не ограничивается гигіеною питанія, но касается и

терапіи. Такъ на стр. 153 читаемъ: „Что касается современнаго лѣченія хроническихъ болѣзней, то употребленіе медикаментовъ стало при этомъ дѣломъ заурядным. Но если при острыхъ заболѣваніяхъ такой пріемъ имѣетъ еще какое-нибудь, и то лишь видимое оправданіе, то при болѣзняхъ хроническихъ онъ составляетъ вѣрнѣйшее средство еще больше осложнить борьбу организма со вторгнувшимся въ него врагомъ". Къ сожалѣнію, авторъ не показываетъ, какимъ образомъ желѣзо при хлорозѣ или ртуть при сифилисѣ „осложняютъ борьбу организма".

Нашъ авторъ не ограничивается даже областью всей медицины, но касается и „китайскаго вопроса"!! И здѣсь опять мы встрѣчаемъ слѣдующій „нашъ выводъ": „степень развитія, нѣкогда достигнутая Китаемъ, соотвѣтствовала требованіямъ природы значитъ—была естественная, а потому и застой, въ которомъ онъ теперь находится, тоже дѣло естественное". (138; здѣсь опять курсивъ и жирный шрифтъ, соотвѣтственно важности вывода). Положеніе Европы, повидимому, противоестественное, и поэтому мы должны искать спасенія. „Но въ чемъ же намъ искать спасенія? Мы должны сдѣлаться китайцами (жирный шрифтъ) въ обратномъ смыслѣ этого слова. Это не значитъ, чтобы мы должны были отпустить косички, приняться за куреніе опіума и вообще усвоить всѣ недостатки китайцевъ, но намъ необходимо пріобрѣсти ихъ трудолюбіе, ихъ разумность, умѣренность и умѣнье довольствоваться малымъ" (стр. 139).

Къ нашему великому счастію, „въ Европѣ несомнѣнно существуетъ нѣсколько китаевъ" (стр. 140). Изъ нихъ автору достовѣрно извѣстно существованіе лишь одного: это—„округъ Циттау въ Саксоніи". По описанію автора (стр. 140—145), люди тамъ работаютъ очень много, ѣдятъ очень мало и вполнѣ своею судьбою довольны. Авторъ восклицаетъ: „Развѣ пища, дающая рабочему силу проводить изъ года въ годъ по 15 часовъ въ день за ткацкимъ станкомъ въ плохо вентилируемой комнатѣ, есть дурная пища?" (стр. 145).

Таковы всѣ разсужденія Петерсона; это не научное изслѣдованіе, а болтовня на научную тему.

А. Кирхенгеймъ. Вѣчная утопія. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1902.

Въ сужденіяхъ своихъ объ общественныхъ порядкахъ и строѣ общественныхъ отношеній человѣческая мысль всегда находится подъ давленіемъ окружающей дѣйствительности. И вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда, съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ сталъ задумываться надъ общественными проблемами, его мысли свойственно стремленіе сбросить съ себя этотъ гнетъ существующихъ фактовъ, подняться надъ непосредственными условіями окружающей обще

ственной среды. Любопытную страницу въ этой вѣчной борьбѣ человѣческой мысли за независимость представляетъ исторія такъ называемыхъ „Утопій“. Этимъ именемъ—которое далъ въ XVI вѣкѣ своему произведенію Томасъ Моръ—принято называть всѣ вообще попытки изображенія идеальнаго общественнаго строя, отрѣшенныя отъ условій даннаго мѣста и даннаго времени. Отрѣшенныя, впрочемъ, только въ очень условномъ смыслѣ. Въ утопіяхъ на помощь критической мысли приходитъ творческая фантазія, но и эта фантазія также крѣпко связана непосредственно окружающею человѣка дѣйствительностью, какъ и общественная мысль—и даже быть можетъ еще болѣе. Поэтому создать дѣйствительную „утопію“ или „ухронію“ она безсильна, и во всѣхъ этихъ „внѣ пространственныхъ“, „внѣ временныхъ“ построеніяхъ очень явственно выступаютъ наружу черты даннаго историческаго момента и данной среды. Если теоретическою мыслью человѣкъ и можетъ представить себѣ, такъ сказать, абстрактную схему будущихъ отношеній, рѣзко отличающихся отъ современныхъ, то при пополненіи этой схемы конкретными подробностями (а всякая утопія и задается именно цѣлью нарисовать картину идеальнаго общественнаго строя въ его конкретныхъ формахъ) творческая фантазія оказывается далеко не состоятельною. Повидимому, всего труднѣе вообразить себѣ не отличныя отъ настоящихъ внѣшнія рамки человѣческой дѣятельности, а новаго человѣка, живущаго въ этихъ рамкахъ. На этотъ именно подводный камень и натыкаются всего чаще всякія „утопіи“ и „ухроніи“,—глубокія и поверхностныя, и поэтическія и плоскія.

Не смотря, однако, на всѣ эти присущіе утопическимъ фантазіямъ недостатки и несовершенства, произведенія этого рода невольно привлекаютъ къ себѣ живой интересъ. Смѣлый полетъ человѣческой мысли уже самъ по себѣ имѣетъ извѣстное обаяніе. А затѣмъ нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, утопіи представляютъ собою несомнѣнно выдающіяся произведенія человѣческаго ума и фантазіи. Помимо этого непосредственнаго интереса,—„утопіи“ имѣютъ и немалое научное значеніе, какъ историческій матеріалъ. И это значеніе, быть можетъ, еще усиливается отмѣченною выше, до извѣстной степени присущею всѣмъ утопіямъ, ихъ анахронистичностью. Эта анахронистичность заключается именно въ перенесеніи чертъ данной исторической эпохи на построенія, имѣющія въ виду совсѣмъ иныя историческія условія. Но для изученія не этихъ воображаемыхъ, а реальныхъ историческихъ условій, современныхъ положенію той или иной утопіи, такіе анахронизмы не составляютъ дефекта. Если каждая утопія, въ сущности, гораздо болѣе критика настоящаго, чѣмъ картина будущаго,—то это только увеличиваетъ ея интересъ для историка.

Въ силу всего этого нельзя не признать очень удачною мысль проф. Кирхенгейма познакомить читателя въ сжатомъ очеркѣ съ

характеромъ „политико-экономическихъ романовъ“,—отъ Платонова „Государства“ до послѣднихъ утопическихъ произведеній нашихъ дней. Переводъ этой книжки Кирхенгейма, изданный (съ нѣкоторыми пропусками и съ приложеніемъ одной главы изъ книги Клейнвехтера „Государственные романы“) фирмою Ф. Павленкова, и лежитъ теперь предъ нами.

Къ сожалѣнію, нельзя не сказать, что выполненіе работы Кирхенгейма много ниже ея заданія. Самъ авторъ склоненъ придавать своей книгѣ большое значеніе. По его мнѣнію, она цѣнна и для ученаго, и для обыкновеннаго читателя. „Профессоръ литературы, исторіи, религіи, политической экономіи, конституціоннаго права, философіи и т. д. или только докторъ философіи, посвятившій себя научнымъ изслѣдованіямъ, или даже просто любитель, будутъ въ качествѣ ученыхъ удовлетворены, благодаря библіографическимъ указаніямъ, приводимымъ въ этомъ сочиненіи, изъ которыхъ они увидятъ, что Сюдръ (!), Рейбо, Моль и многіе другіе не менѣе извѣстные писатели вполнѣ тщательно изучены“. „Но,—прибавляетъ авторъ,—и читатель, не принадлежащій ни къ одной изъ этихъ категорій, также найдетъ для себя въ нашей книгѣ занимательное чтеніе; въ этомъ сочиненіи авторъ имѣетъ въ виду интересы всѣхъ, и нѣтъ такого человѣка, который не могъ бы быть заинтересованъ тѣмъ, что здѣсь говорится“ (стр. 2). Эту рекомендацію книги можно, однако, принять только съ большими оговорками. Дѣйствительно, библіографическій указатель, приложенный въ концѣ книжки, имѣетъ извѣстную цѣну; но претендовать на „научное значеніе“ эта книжка,—не смотря на тщательное изученіе авторомъ Сюдра и другихъ равноцѣнныхъ источниковъ (въ произведеніи ученаго нѣмца даже какъ-то странно читать такія наивныя указанія на „научную“ литературу) никакъ не можетъ. И историческая, и критическая ея части одинаково слабы и поверхностны. Поверхностно и самое изложеніе изучаемыхъ утопій. И если авторъ не совсѣмъ не правъ, говоря, что нѣтъ такого человѣка, который не могъ бы быть заинтересованъ тѣмъ, что излагается въ его книжкѣ,—то заслугу эту онъ менѣе всего можетъ приписывать себѣ. Напротивъ, онъ сдѣлалъ все отъ него зависимое, чтобы уменьшить этотъ интересъ. И только живая завлекательность самого предмета его „научной обработки“ помѣшала стараніямъ ученаго автора достигнуть вполнѣ своего результата. Въ виду этого мы все-таки позволяемъ себѣ рекомендовать книжку Кирхенгейма вниманію читателя,—не смотря на всю ея поверхностность и несносный филистерскій тонъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Полное собраніе сочиненій ***Н. В. Гоголя***. Съ его біографіей и примѣчаніями. Подъ редакціей проф. А. И. Кирпичникова. Съ рис. Въ 3-хъ томахъ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1902. Ц. 3 р. 50 к.

Собраніе сочиненій ***Н. В. Гоголя***. Съ біографіей писателя и примѣчаніями. Подъ ред. проф. А. И. Кирпичникова. Съ рис. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1902. Ц. 80 к.

Н. В. Гоголь. Избранныя мѣста изъ его сочиненій, для окончившихъ курсъ ученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ города С.-Петербурга 30 мая 1902 г. Составилъ Викторъ Острогорскій. Изданіе С.-Петербургской Городской Думы. Съ портретомъ и иллюстраціями. Спб. 1902.

Сочиненія ***Н. В. Гоголя***. Полное собраніе въ одномъ томѣ. Съ біографич. очеркомъ, составленнымъ В. И. Яковенко, портретомъ автора и матери его, 4 фотографіями и 180 иллюстраціями. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Дешевая библіотека. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1902. ***Н. В. Гоголь***. Похожденія Чичикова или Мертвыя души. 2 тома. Ц. 40 к.—Тарасъ Бульба. Ц. 15 к.—Повѣсти. Ц. 15 к.—Вечера на хуторѣ близь Диканьки. Ц. 15 к.—Миргородъ. Ц. 10 к.—Ревизоръ. Ц. 10 к.—Женитьба и драматическіе отрывки. Ц. 15 к.

Сочиненія ***Ф. П. Купчанскаго***. Стихотворенія и проза. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій ***К. Головина (Н. Орловскаго)***. Въ 12 томахъ. Т. I и II. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к. за томъ, 10 р. за всѣ 12.

Лирическія Стихотворенія ***Квинта Горація Фланка***. Переводъ П. Ф. Порфирова. Изданіе 2-е. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Пѣсни любви и печали ***Д. Ратгауза***. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Художникъ ***П. А. Ѳедотовъ*** и его стихотворенія. Съ біографіей, портретомъ и снимкомъ съ его картины «Сватовство маіора». Изданіе А. С. Суворина («Дешевая библіотека»). Спб. Ц. 15 к.

А. Рославлевъ. Мелкія стихотворенія. «Видѣнья». Вып. I. М. 1902. Ц. 20 к.

Антонъ Чеховъ. Изданія А. Ф. Маркса. Спб. 1902. Три сестры. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Ц. 60 к.—Дядя Ваня. Сцена изъ деревенской жизни. Въ 4-хъ дѣйствіяхъ Ц. 50 к.—Свадьба. Юбилей. Три сестры. Пьесы. Ц. 75 к.

И. Тенеромо. Разводъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. (Изъ еврейской жизни). Кіевъ. 1902. Ц. 1 р.

М. Горькій. Мѣщане. Сцены въ домѣ Безсѣменова. Драматическій эскизъ въ 4-хъ актахъ. Изданіе т-ва «Знаніе». Спб. 1902. Ц. 60 к.

Василій Немировичъ-Данченко. Стихи. Изданіе 2-е. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Вас. Немировичъ-Данченко. Облетѣвшіе листья. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Вас. Немировичъ-Данченко. Два дневника. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Изданіе П. П. Сойкина. Ц. 1 р 50 к.

Леонидъ Андреевъ. Разсказы. Т. I. Изданіе 2-е т-ва «Знаніе». Спб. 1902. Ц. 1 р.

К. Пружанскій. Разсказы. Т. I. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

А. Вербицкая. Сны жизни. Изданіе 3-е. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Маркъ Басанинъ. Записки эмигранта въ Южной Америкѣ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. Край Маріи пречистой. (Очерки Андалузіи). Съ 600 рис. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1902.

Ив. Бунинъ. Разсказы. Т. I. Изданіе т-ва «Знаніе». Спб. 1902. Ц. 1 р.

К. А. Ковальскій. Вечернія пѣсни. Разсказы, очерки, наброски. М. 1902. Ц. 1 р.

Г. А. Мачтетъ. Послѣдніе разсказы и письма изъ Гонолулу. Изданіе кн. маг. «Трудъ». Житомиръ. 1902. Ц. 40 к.

Разсказы *А. Н. Будищева*., Спб. 1902. Ц. 50 к.

Е. Тиханова. Разсказы и повѣсть. Спб. 1902. Ц. 1 р.

С. Р. Минцловъ. Кладъ. Повѣсть. 2-е изданіе Ц. Крайзъ. Спб. 1902. Ц. 60 к.

І. Колышко. Волки и овцы. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Данте Алигіери. Божественная комедія. І. Адъ. Перевелъ съ итал. размѣромъ подлинника Дмитрій Минъ. Съ приложеніемъ комментарія, портрета и двухъ рис. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1902. Ц. 3 р.

Фаустъ. Трагедія *Гёте*. Часть І. Переводъ А. Мамонтова. М. 1902. Ц. 80 к.

Артуръ Шницлеръ. Часы жизни. Четыре одноактныхъ пьесы. Переводъ съ нѣм. и изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1902. Ц. 1 р.

М. Метерлинкъ. Слѣпые. Переводъ и предисловіе Н. М. Минскаго. Спб. 1902. Ц. 20 к.

Она. Романъ *Райдера Хаггарда*. Переводъ съ англ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Шиллеръ. Два Пикколомини. Смерть Валленштейна. Покрытый идолъ въ Саисѣ. Переводъ П. А. Каленова, съ приложеніемъ его статьи «Ученіе Шиллера о красотѣ и эстетическомъ наслажденіи» и предисловіемъ П. Н. Милюкова. Посмертное изданіе. М. 1902. Ц. 1 р. 75 к.

П. А. Каленовъ. Будда. Поэма. Философскія статьи. Посмертное изданіе. Съ портретомъ и біографіей. М. 1902. Ц. 1 р. 60 к.

Морицъ Метерлинкъ. Жизнь пчелъ. Переводъ съ франц. подъ ред. Н. К. Невзорова. Изданіе т-ва «Общественная польза». Спб. Ц. 1 р. 25 к.

П. Таннери. Первые шаги древнегреческой науки. Переводъ Н. Н. Полыновой, С. И. Церетели, проф.-въ Э Л. Радлова и Г. Ф. Церетели съ предисловіемъ проф. А. И. Введенскаго. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Планъ жизни. Характеръ и поведеніе. *Вильяма Лекни*. Переводъ съ англ. Л. Лакіера. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Т. Липпсъ. Основы логики. Переводъ съ нѣм. Н. О. Лосскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Новые парадоксы *Макса Нордау*. Перевела Э. Ф. Зауеръ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1902. Ц. 75 к.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Вып. IV. Съ 5 портретами и 73 чертежами. 2-е изданіе. М. 1901. Ц. 1 р. 20 к.

В. В. Битнеръ. На рубежѣ столѣтій. Томъ первый. І. Исповѣдь земли. Очеркъ успѣховъ геологіи и палеонтологіи. II. Сѣдая древность человѣка. Очеркъ успѣховъ археологіи. Съ 24 картинами и таблицами, 2 хромолитографіями и 453 рис. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1902.

Проф. *К. А. Тимирязевъ*. Столѣтніе итоги физіологіи растеній. М. 1901. Ц. 20 к.

Начальный учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *В. Н. Львовъ*. Ч. І. Позвоночныя. Съ 222 рис. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1902. Ц. 1 р.

В. Лункевичъ. Научно-популярная библіотека для народа. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1902. № 1. Земля. Съ 27 рис. 2-е изданіе. Ц. 14 к.—№ 2. Небо и звѣзды. Съ 34 рис. 2-е изданіе. Ц. 14 к.—Жизнь въ каплѣ воды. Съ 14 рис. 2-е изданіе. Ц. 8 к.—№ 3. Громъ и молнія. Съ 24 рис. 2-е изданіе. Ц. 13 к.—№ 5. Невидимые друзья и враги людей. Съ 28 рис. 2-е изданіе. Ц. 16 к.—№ 11. Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ? Съ 33 рис. 2-е изданіе. Ц. 16 к.—№ 30. Законъ жизни среди животныхъ и растеній. Съ 50 рис. 2-е изданіе. Ц. 24 к.—№ 32. Подземное царство. Съ 84 рис. Ц. 32 к.—№ 33. Исторія земли. Съ 62 рис. Ц. 28 к.—№ 34. Каменный уголь. Съ 39 рис. Ц. 20 к.

М. М. Ивановъ. Очерки современной итальянской литературы. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Левъ Толстой въ критической оцѣнкѣ Мережковскаго. *А. Рождествина*. Казань. 1902. Ц. 20 к.

А. Рождествинъ. Жизнь и поэзія Никитина. Казань. 1902. Ц. 35 к.

Михаилъ Москалъ. Оправданіе зла. Паѳосъ М. Горькаго. М. 1902. Ц. 30 к.

Н. Софистъ. Проектъ мѣръ для болѣе точнаго опредѣленія степени убѣжденности современныхъ писателей. Спб. 1902. Ц. 50 к.

Г. Качерецъ. Чеховъ. Опытъ. М. 1902. Ц. 50 к.

Ю. Битовтъ. Руководство къ библіографическому описанію книгъ. Изданіе магазина древностей и рѣдкостей М. Я. Парадѣлова. М. 1902. Ц. 2 р.

И. В. Мушкетовъ. Его жизнь и дѣятельность. Съ портретомъ и иллюстраціями въ текстѣ. Составилъ *Е. И. Та-*

расовъ. Изданіе «Вѣстника казачьихъ войскъ». Спб. 1902. Ц. 20 к.

Памяти М. И. Арустамова. Астрахань. 1902.

Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя. Записки его современника д-ра ***А. Тарасенкова***. 2-е изданіе. М. 1902. Ц. 30 к.

Н. Н. Баженовъ. Болѣзнь и смерть Гоголя. М. 1902.

В. Гюго. Маленькій Наполеонъ. Переводъ Г. М. Марморштейнъ. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1902. Ц. 50 к.

Е. Булгакова. Изъ жизни средневѣкового ремесленника. Съ 23 рис. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1902. Ц. 50 к.

Сеймы Литовско-русскаго государства въ Люблинской уніи 1569 г. ***Н. А. Максименко***. Харьковъ. 1902.

Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ. П. Изслѣдованіе ***В. Н. Дебольскаго***. Спб. 1902.

А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ. Судъ и раскольники-сектанты. Спб. 1902. Ц. 1 р. 35 к.

Руководство для посѣтителей тюремъ. Донны ***Консепсіонъ Арениалъ***. Переводъ съ французскаго перевода. (Изъ «Тюремнаго Вѣстника»). Спб. 1901.

Узаконеніе и усыновленіе дѣтей. Законъ 12 марта 1901 г. Съ законодательными мотивами, разъясненіями Сената и образцами бумагъ. Составилъ ***Н. Мартыновъ***. Изданіе 4-е. Спб. 1902. Ц. 50 к.

М. Винаверъ. Очерки объ адвокатурѣ. Спб. 1902.

М. В. Кечеджи-Шаповаловъ. Женское движеніе въ Россіи и заграницей. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Женщины и дѣти. Женщины-врача ***М. И. Покровской***. Спб. 1902. Ц. 30 к.

Записки о сельской школѣ ***Александра Новикова***. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Е. Смирновъ. Цѣна и трудовая стоимость. (Этюдъ по теоріи цѣнности). Спб. 1902. Ц. 50 к.

По вопросу о нормировкѣ рабочаго времени примѣнительно къ особенно вреднымъ производствамъ. ***Л. Б. Бертенсона***. (Оттискъ изъ газеты «Русскій Врачъ»). Спб. 1902.

В. Г. Виленцъ. Задачи и дѣятельность центральнаго бюро учрежденій содѣйствія труду въ Германіи. М. 1902. Ц. 10 к.

М. Кроль. Роль желѣзныхъ дорогъ и водныхъ путей сообщенія въ грузовомъ транспортѣ Волжскаго края. Спб. 1902. Ц. 7о к.

П. Задерацкій. Наши недуги. (Изъ журнала «Жел. дор. Дѣло»). Спб. 1901.

Испольщина и крестьянскіе заработки. ***А. П. Мещерскаго***. Спб. 1902. Ц. 50 к.

Общее обозрѣніе Якутской области. 1892—1902 гг. Изданіе Якутскаго областного статистическаго комитета. Якутскъ. 1902.

Сельскій трудъ. Изданіе Петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ. Спб. 1902. № 1. ***А. Люстъ***. Клеверъ и тимофеевка. Съ 6 рис. Ц. 5 к.—№ 2. ***Ив. Поповъ***. Выборъ молочной коровы, кормленіе и уходъ за нею. Съ 4 рис. Ц. 4 к.—№ 3. ***А. Ячевскій***. Грибныя болѣзни хлѣбовъ, картофеля, капусты и яблони. Съ 6 рис. Ц. 8 к.—№ 4. ***С. Дремцовъ***. Бесѣды о вредныхъ насѣкомыхъ. Съ 8 рис. Ц. 8 к.

М. А. Дерновъ. Устройство улья Дадана. Съ 4 таблицами рис. въ краскахъ и 27 рис. въ текстѣ. Изданіе 2-е. Спб. 1902. Ц. 35 к.

Эльпе. Обиходная рецептура. 6-я серія. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Березинъ. Спб. 1901. Приключеніе въ пустынѣ. Ц. 40 к.—Въ когтяхъ халифа. Ц. 50 к.—Три мѣсяца среди людоѣдовъ. Ц. 60 к.

Разсказы о звѣряхъ. Съ 24 рис. Переводъ съ англ. О. Н. Бутеневой. Изданіе Н. Березина. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Отчетъ Государственнаго дворянскаго земельнаго банка за 1900 годъ. Спб. 1901.

Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1900 годъ. Спб. 1901.

Отчетъ особаго отдѣла государственнаго дворянскаго земельнаго банка за 1900 годъ. Спб. 1901.

Отчетъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка по ликвидаціи саратовско-симбирскаго земельнаго банка за 1900 годъ. Спб. 1901.

Moje Vzpominky. Vypravujc ***Fr. Ad. Subert***. V. Praze. 1902.

La question sociale, sa solution pacifique. Par ***Iohannès C. Barolin***. Paris. 1902.

Договоритѣ на правительството и дѣлата на народната партия. Писмо отъ централния клубъ на народнита партия до избирателитѣ. София. 1902. Ц. 30 ст.

Наша текущая жизнь.

(«Міръ Божій», «Вѣстникъ Европы» и «Русская Мысль» за январь, февраль и мартъ).

„На поворотѣ"—таково заглавіе новой повѣсти г. Вересаева, напечатанной въ трехъ первыхъ книжкахъ—„Міра Божія" за текущій годъ. Повѣсть эта обладаетъ страннымъ свойствомъ: чѣмъ дальше читаешь ее, тѣмъ съ большимъ недоумѣніемъ спрашиваешь себя, къ чему же собственно относится заглавіе. То, что было, напр., напечатано въ январской и февральской книжкахъ, говорило, повидимому, о „поворотѣ" въ настроеніи и идеяхъ современной интеллигентной молодежи. Окончаніе же повѣсти заставляетъ думать, что весь „поворотъ" касается лишь личнаго кризиса одного изъ героевъ, т. е. сводится къ тому, что французы, смѣясь надъ своими романтиками, назвали „бурей подъ сводами черепа". И невольно задаешься вопросомъ, дѣлая мысленный обзоръ всей повѣсти, достаточно-ли самъ авторъ выяснилъ для себя, въ чемъ должна лежать основная идея его произведенія. Эта раздвоенность фабулы и вообще какая-то взъерошенность содержанія отнимаетъ немало интереса и у той стороны повѣсти, которая могла бы возбуждать любопытство читателя просто какъ историческій документъ, какъ отраженіе новыхъ вѣяній въ русскомъ марксизмѣ, перелома въ міровоззрѣніи его послѣдователей и борьбы различныхъ направленій среди нашихъ „учениковъ".

Мнѣ бы хотѣлось въ самомъ началѣ поставить автору лишь слѣдующій вопросъ: разъ онъ задумалъ серьезную вещь, а не горбуновскій разсказъ, что это ему пришло въ голову сдѣлать въ сторону „Русскаго Богатства" неожиданный полемическій выпадъ, который производитъ самое курьезное впечатлѣніе и вызываетъ у любого непредубѣжденнаго читателя очень простой и почти инстинктивный, но дѣйствительный рипостъ. Въ самомъ дѣлѣ, рисуя либеральнаго земца и его заплывшую жиромъ довольства супругу, г. Вересаевъ въ числѣ особыхъ примѣтъ этой четы отмѣчаетъ чтеніе „Русскаго Богатства", и при томъ чтеніе, процессъ котораго совершается согласно нѣкоему, изображаемому авторомъ въ комическомъ свѣтѣ, ритуалу: жена читаетъ, а мужъ „слушаетъ и рисуетъ лошадиныя головки", что, по словамъ чтицы, „очень помогаетъ слушать и сосредоточиваться" (январь, стр. 45).

Но, вѣдь, нѣтъ ничего легче, какъ въ pendant этой четѣ изобразить другую чету, которая будетъ восторгаться чтеніемъ „Міра Божія", а прояснять свои мозги рисованіемъ вотъ хоть

бы... Я великодушно предоставляю г. Вересаеву право примѣрить для своихъ кліентовъ и подходящую головку...

Содержаніе повѣсти можно представить въ немногихъ словахъ. Нѣсколько молодыхъ интеллигентныхъ людей обоего пола встрѣчаются на каникулахъ въ провинціи, ѣздятъ другъ къ другу въ гости, купаются, гуляютъ и въ продолженіе большей части повѣсти проводятъ время въ чаепитіяхъ и разговорахъ. А къ концу, словно сообразивши, что нельзя же героямъ беллетристическаго произведенія только говорить, а надо и дѣйствовать, вдругъ принимаются за дѣйствія, но, вѣроятно, по поспѣшности совершаютъ лишь рядъ странныхъ поступковъ: одни бьютъ стекла и катаются въ истерическомъ припадкѣ; другіе умышленно заражаются лошадинымъ сапомъ; третьи лѣзутъ въ петлю, но во время выскакиваютъ изъ нея и идутъ „въ темноту, не зная куда", а авторъ благополучно ставитъ точку—и занавѣсъ падаетъ. Въ связи съ такой архитектурой повѣсти, которая въ первой половинѣ построена главнымъ образомъ на разсужденіяхъ, а во второй на диковинныхъ приключеніяхъ, и большинство дѣйствующихъ лицъ словно подломано и сложено изъ двухъ различныхъ кусковъ: начальнаго характера, болѣе или менѣе индивидуализированнаго для каждаго разсуждающаго героя; и характера окончательнаго, расплывающагося въ одинъ общій типъ ненормальнаго человѣка, который выкидываетъ удивительныя колѣнца.

Такъ, главный герой повѣсти, Токаревъ, въ началѣ рисуется если и пережившимъ крушеніе первыхъ наиболѣе прямолинейныхъ идеаловъ молодости, то все же въ общемъ человѣкомъ разсудительнымъ и уравновѣшеннымъ. А въ концѣ, послѣ смерти фельдшерицы Изворовой, его старинной привязанности, тотъ же самый Токаревъ бредитъ въ разговорѣ уже крайне туманными несообразностями на „страшныя" психологическія темы и чуть-чуть не вѣшается на шелковомъ поясѣ. Точно также сама Варвара Васильевна Изворова представлена въ первой половинѣ не особенно избалованною личнымъ счастіемъ, но живою и дѣятельною дѣвушкою, которая проявляетъ много энергіи, самоотверженія, профессіональнаго безстрашія на скромномъ поприщѣ, отмежеванномъ ей судьбой. Въ финальныхъ же главахъ Варвара Васильевна вдругъ принимается за странные пессимистическіе разговоры съ Токаревымъ, съ которымъ ей вновь не удался вторично начинавшійся романъ,—не удался, мимоходомъ будь сказано, не извѣстно почему, ибо съ обѣихъ сторонъ готовность была полная,—и рѣшаетъ покончить съ собой, нарочно заразивъ себя отъ больного сапомъ. Теперь приходится уже иначе истолковывать заднимъ числомъ нѣкоторыя черты ея характера. И напр. ея простую и скромную готовность жертвовать жизнію при исполненіи обязанностей фельдшерицы (сцена съ мужикомъ, страдающимъ водобоязнію) читатель вынужденъ теперь отнести на

счетъ ея болѣзненной склонности къ самоубійству, такъ что отъ цѣльнаго типа помятаго жизнію, но хорошаго нормальнаго человѣка не остается ничего. Подобную же операцію разрушенія только-что начавшаго вырисовываться типа г. Вересаевъ продѣлываетъ и надъ братомъ Варвары Васильевны, Сергѣемъ, который вначалѣ привлекаетъ читателя страстностью своей натуры и прямолинейностью своихъ взглядовъ и отъ котораго ждешь и соотвѣтствующихъ поступковъ, но который въ концѣ концовъ занимается лишь тѣмъ, что высаживаетъ рамы въ родительскомъ домѣ и вызываетъ переполохъ въ семьѣ ночными истериками.

Словомъ, когда г. Вересаевъ заставляетъ приступать своихъ героевъ къ дѣйствію, онъ расправляется съ ними, не какъ авторъ-отецъ, а какъ Иродъ, безжалостно избивающій чужихъ младенцевъ, или, выражаясь менѣе возвышенно, какъ горшечникъ, которому не понравилась сдѣланная его же рукой посуда и который дробитъ ее въ черепки. Этими осколками характеровъ, головъ, рукъ и ногъ героевъ усѣянъ весь финалъ „На поворотѣ“; и такой участи избѣгаютъ отчасти лишь тѣ фигуры, которыя авторъ убралъ изъ заключительныхъ главъ или оставилъ на заднемъ планѣ, подальше отъ своей руки-владыки. Къ этой категоріи можно отнести Таню Токареву, кипящую въ противоположность своему брату нетерпимостью и фанатизмомъ молодости; студента „Митрыча“, здоровеннаго бурсака съ крѣпкими нервами и запасомъ идейной злости; и еще нѣсколько второстепенныхъ лицъ.

Итакъ, „дѣйствію“, какъ видите, не посчастливилось въ повѣсти г. Вересаева. Перейдемъ же къ разговорамъ, представляющимъ болѣе интересную сторону ея. Но и тутъ надо отличать двѣ категоріи разговоровъ: разговоры, въ которыхъ люди, когда-то вѣровавшіе въ общественные идеалы, а нынѣ разочаровавшіеся въ нихъ, стараются оправдать свое теперешнее стремленіе жить личною жизнію и отдѣлаться отъ неудобоносимыхъ для ихъ слабыхъ плечъ бременъ широкой дѣятельности; и разговоры, въ которыхъ отражается современное броженіе умовъ среди марксистской молодежи и выработка болѣе жизненнаго и активнаго міровоззрѣнія путемъ столкновеній между людьми, еще недавно загипнотизированными единоспасающей формулой. Грѣшный человѣкъ, но я умѣренно интересуюсь личной психологіей, хотя бы Токарева, стоящаго „На поворотѣ“, тѣмъ паче, что разсужденій этихъ поворотчиковъ мы вдосталь наслушались въ жизни и начитались въ романахъ „лишнихъ людей“, и новаго въ нихъ мало, какимъ бы беллетристическимъ галантиромъ они ни пріукрашались. Старая это исторія, столь старая, что, напримѣръ, въ нижеслѣдующихъ думахъ Токарева вы не найдете ничего особенно современнаго, ничего спеціально характеризующаго страданія нашихъ молодыхъ Вертеровъ начала XX-го вѣка:

...Онъ, Токаревъ, съ глухою враждою слѣдилъ за ними съ берега.

И все прошлое, и эти люди были для него теперь страшно чужды. Что-то совершилось въ душѣ, что-то надломилось, и возврата нѣтъ. Исчезла смѣлость и презрѣніе къ опасностямъ, исчезло недуманье о завтрашнемъ днѣ. Впереди было пусто, холодно и мутно. Токареву вспомнились его недавнія мечты объ усадьбѣ, объ уютной жизни, и имъ овладѣло отвращеніе. Для чего?.. Жить, какъ всѣ живутъ, — безъ захватывающей цѣли впереди, безъ всего, что наполняетъ жизнь, что даетъ ей смыслъ и цѣну. И все яснѣе для него становилось одно: невозможно жить безъ цѣли и безъ смысла, а кто хочетъ смысла въ жизни, тотъ,—каковъ бы этотъ смыслъ ни былъ,— прежде всего долженъ быть смѣлъ, долженъ былъ готовъ отдать за него все. Кто же съ вопросомъ о смыслѣ и цѣляхъ жизни сплетаетъ вопросы своего бюджета и карьеры, пусть лучше не думаетъ о смыслѣ и цѣляхъ жизни... И Токареву стало стыдно за себя.

Но когда онъ почувствовалъ стыдъ, онъ возмутился. Что ему стыдиться? Что онъ сдѣлалъ плохого и какъ же ему жить? Вѣдь все, случившееся съ Варварою Васильевною, до безобразія болѣзненно и ненормально, люди остаются людьми, и нужно примириться съ этимъ. Онъ—обыкновенный сѣренькій человѣкъ и, въ качествѣ таковаго, всетаки имѣетъ право на жизнь, счастье и на маленькую, невидную и неопасную работу.

«Что подѣлаешь? Такъ складывается жизнь, — вспомнились ему жесткія слова Сергѣя: — либо безбоязненность полная, либо банкротъ, и иди на смарку».

Эта мысль тоже возмутила его, и онъ опять почувствовалъ ужасъ передъ тѣмъ непонятнымъ ему теперь и чуждымъ, что сдѣлало возможнымъ смерть Вари. Токаревъ отталкивалъ и не хотѣлъ признать этого непонятнаго, но оно властно стояло передъ нимъ и предъявляло требованія, которымъ удовлетворить онъ былъ не въ силахъ (мартъ, стр. 60).

Если вы отбросите ту психопатическую ноту, которая тянется чрезъ всѣ эти разсужденія и свидѣтельствуетъ о желаніи еще недавно уравновѣшеннаго Токарева послѣдовать за Варварой Васильевной, то думы эти напомнятъ вамъ безчисленное множество думъ предшественниковъ Токарева, всѣхъ этихъ неблагополучныхъ россіянъ, которые вмѣсто того, чтобы бороться съ внѣшними условіями, борются со своей собственной думой, проводятъ время въ попыткахъ примирить противорѣчія слабой воли и сознанія высшаго идеала и, въ концѣ концовъ, словно скорпіонъ, убиваютъ себя же своимъ собственнымъ жаломъ самоуглубленія, самоанализа и вѣчнаго копанья въ своихъ внутренностяхъ. Г. Вересаевъ не прибавилъ ничего новаго, ничего интереснаго къ психологіи нашихъ Гамлетовъ на двугривенный. Перейдемъ же къ единственной сторонѣ повѣсти, которая заслуживаетъ того, чтобы нѣсколько остановиться на ней: это—изображеніе идейнаго броженія среди современной молодежи. Но и тутъ, какъ уже было сказано, читателю придется ограничиться разсужденіями героевъ; дѣйствіе же цѣликомъ растворяется въ намекахъ и аллегоріяхъ. Я не ставлю этого въ особую вину г. Вересаеву, потому что именно для надлежащаго и откровеннаго изображенія нашихъ общественныхъ теченій у насъ не хватаетъ благопріятныхъ для художника „независящихъ условій“. Во всякомъ случаѣ, послѣд-

няя повѣсть г. Вересаева нуждается, чтобы быть понятой большою публикою, въ нѣкоторыхъ комментаріяхъ: безъ нихъ эта сторона „На поворотѣ"—и сторона наименѣе неудачная — ясна лишь тѣмъ, кто съ жадностью и интересомъ слѣдитъ за эволюціею мысли среди активной молодежи.

Вотъ, напримѣръ, по части замѣны дѣйствія намекомъ. Компанія нашихъ молодыхъ людей, возвращаясь изъ гостей по желѣзной дорогѣ, знакомится, благодаря столкновенію между пассажирами, съ рабочимъ, токаремъ по металлу, который по своему отстаиваетъ свое человѣческое достоинство и не выноситъ, когда съ нимъ „поступаютъ неправильно", жертвуя даже своими непосредственными интересами,—„плюя на копѣйку", какъ выражается самъ заводскій. Таню въ такой степени восхищаетъ этотъ человѣкъ, что она сейчасъ же по пріѣздѣ на станцію отправляется поближе познакомиться съ нимъ въ рабочій кварталъ, несмотря на негодованіе своего брата, и возвращается лишь

къ двѣнадцати часамъ ночи,—оживленная, радостная, съ блестящими глазами. Токаревъ былъ такъ возмущенъ, что даже не сталъ ей ничего говорить, и сидѣлъ молча, насупившійся и грустный. Таня не обращала на него вниманія (февраль, стр. 29).

Этотъ поступокъ, по мнѣнію автора, долженъ, очевидно, достаточно рисовать горячую и активную натуру Тани, которую Сергѣй характеризуетъ въ ея отсутствіе такими словами:

— Нѣтъ, ей-Богу, люблю Татьяну Николаевну. Это такой пролетарій—до мозга костей! Никакія условности для нея не писаны, ничѣмъ она не связана, ничего ей не нужно (ibid.).

Но вѣдь читатель не авторъ и не Сергѣй: ему мало узнать, что Таня вернулась „радостная". Ему хотѣлось бы знать причину ея радости: какіе разговоры вела она съ новымъ знакомцемъ? Какъ реагировалъ на ея рѣчь этотъ мастеровой, ставящій свое достоинство выше копѣйки? Это—вопросы, которые могутъ показаться праздными близкимъ товарищамъ Тани, хорошо знакомымъ съ нею, но которые очень интересуютъ читателя, остающагося подъ впечатлѣніемъ неудовлетворяющихъ его намековъ.

Или вотъ по части аллегоріи. Молодые люди гуляютъ въ деревнѣ. Собирается гроза. Начинается разговоръ по поводу ея и переходитъ въ общественную аллегорію:

— Эхъ, славная вещь гроза! Люблю ее,—заговорила Варвара Васильевна.— Странное она на меня производитъ впечатлѣніе: она такъ поднимаетъ, въ ней есть что-то такое увѣренное, несомнѣнное и творческое... Кажется, — здѣсь, подъ грозой, не можетъ быть никакихъ раздумій и колебаній; все, что будешь дѣлать, будетъ хорошо, нужно, и будетъ какъ разъ то, что и слѣдовало дѣлать. А какъ это хорошо,—дѣйствовать, не раздумывая, когда тебя подхватитъ и понесетъ впередъ большая, могучая сила!..

— Оно такъ теперь и есть, —сказала Таня.

Варвара Васильевна помолчала.

— Гдѣ-жъ оно есть? — возразила она. — Такъ, на минуту, намъ показалось было, что что-то есть. Но это оказалось миражемъ. Опять все замутилось, опять темно; все по обычному мелко, вяло и слабо. И нѣтъ, нѣтъ того прилива, который бы подхватилъ людей цѣликомъ, нѣтъ бодрящаго воздуха, въ которомъ бы и слабые крѣпли, и падали бы сомнѣнія, и росъ бы духъ. Дорога была найдена, но она оказалась книжною.

— Господи, «книжною»!—воскликнула Таня.—Варя, вы значитъ, совсѣмъ слѣпы, вы ничего не видите кругомъ!

— Я все, мнѣ кажется, вижу. Робкіе, слабые намеки на что-то... Помнится, Достоевскій говоритъ о вѣчномъ русскомъ «скитальцѣ»—интеллигентѣ и его драмѣ. Недавно казалось, что вопросъ, наконецъ, рѣшенъ, и скиталецъ перестаетъ быть скитальцемъ. Но развѣ это такъ? Конечно, сравнительно съ прежнимъ, есть разница, но разница очень небольшая: мы попрежнему остаемся царями въ области идеаловъ и безпріютными скитальцами въ жизни (январь, стр. 61—62)...

Остановимся пока здѣсь, оставляя за собою право вернуться, если нужно будетъ, къ продолженію этого разговора. Внимательный и ознакомленный съ идейными теченіями читатель схватываетъ въ концѣ концовъ смыслъ предгрозовыхъ разсужденій. Но для большой публики эта аллегорія, несмотря на естественное въ данномъ случаѣ сближеніе бездушнаго явленія природы и міра человѣческихъ страстей, останется на половину непонятой.

Наконецъ, временами намеки и недоговоренность достигаютъ такихъ размѣровъ, что и слѣдящій за эволюціей нашихъ общественныхъ идей читатель не всегда можетъ быть увѣренъ въ точномъ истолкованіи смысла рѣчей, вкладываемыхъ г. Вересаевымъ въ уста дѣйствующихъ лицъ. Вотъ, напр., споръ или, если хотите, пріятельскій диспутъ между нѣсколькими молодыми интеллигентами и слесаремъ Тимофеемъ Балуевымъ:

Рѣчь зашла объ одномъ изъ вопросовъ, горячо обсуждавшихся въ послѣднее время въ кружкахъ и дѣлившихъ единомысленныхъ недавно людей на два рѣзко-враждебныхъ лагеря. Токаревъ спросилъ Балуева, слышалъ-ли онъ объ этомъ вопросѣ и какъ къ нему относится.

— Какъ же, слышалъ,—отвѣтилъ Балуевъ.—Книжки тоже кой-какія читалъ объ этомъ... — Онъ помолчалъ. — Думается мнѣ, не съ того конца вы подходите къ дѣлу. Оно гладко пишется въ книжкахъ, логически, а только книжка, знаете, она больше по верхамъ крутится, больно много сразу захватить хочетъ. Оно то, да не то выходитъ. Смотришь въ книжку,—вотъ какіе вопросы; и въ волосы изъ-за нихъ вцѣпиться радъ всякому. А кругомъ поглядишь, — что такое? И вопросы другіе, и совсѣмъ изъ-за другого ссориться надо.

— Но, позвольте, вѣдь книжки основываются на той же жизни, на тѣхъ же жизненныхъ фактахъ, — возразилъ Сергѣй какимъ-то необычно для него тихимъ и смирнымъ голосомъ.

— Вѣрно! «Факты»... Что такое факты? Я вотъ гляжу въ окошко, вижу, лошадь упала, и говорю: «тутъ дорога склизкая, — пожалуйста, не спорьте со мною; самъ видалъ, какъ лошадь упала». А на дорогѣ этой, можетъ, пыли по щиколку, а лошадь потому упала, что нога подвернулась. Оно, видите ли, коли на факты въ окошко смотрѣть, то и факты-то оказываются фальшивыми. А изъ этихъ фактовъ здоровеннѣйшій гвоздь дѣлаютъ, да въ голову его тебѣ и вгоняютъ... Намедни встрѣтился я въ Петербургѣ съ

однимъ пріятелемъ старымъ. — Ты, спрашиваетъ, кто? — Я? (подъ густыми усами Балуева мелькнула улыбка). Али не узналъ? Слесарь Тимофей! — Нѣ-ѣтъ, я не о томъ. Ты человѣкъ какихъ взглядовъ? — Я, говорю... рабочій!

Всѣ поспѣшили громко и дружно разсмѣяться (февраль, стр. 30—31).

Что же, пожалуй, и читатель согласится присоединиться къ этому громкому и дружному смѣху. Но только изъ этихъ—да и послѣдующихъ—разсужденій слесаря Тимофея онъ врядъ-ли въ точности сообразитъ, о какомъ собственно изъ спорныхъ между марксистами вопросовъ идетъ рѣчь. Догадываться, конечно, можно, но ручаться за вѣрность догадки нельзя. По всей вѣроятности, слесарь Тимофей является дѣтищемъ еще столь недавно царившаго у насъ „экономическаго матеріализма", сторонники котораго съ жаромъ внушали всѣмъ и каждому мысль, что единственная историческая задача современнаго періода состоитъ у насъ въ рѣшеніи рабочаго вопроса въ его узкомъ профессіональномъ смыслѣ и путемъ исключительно экономической борьбы за мелкія повседневныя требованія трудящихся массъ. На всѣ остальныя историческія задачи „экономическій матеріализмъ" взиралъ съ презрѣніемъ, заушая, между прочимъ, интеллигенцію именно за ея претензію предъявлять къ исторіи болѣе широкія требованія. И вотъ, когда сама жизнь заставила, наконецъ, спохватиться заднимъ числомъ „русскихъ учениковъ" и, расколовъ ихъ на нѣсколько фракцій, сдѣлала изъ крайней лѣвой русскаго марксизма рѣшительнаго врага не только понятія, но и самаго слова „экономизмъ", часть слесарей Тимофеевъ продолжаетъ повторять прежній урокъ (не говоримъ о другой части, у которой „экономистамъ" не мѣшало бы поучиться болѣе широкому и активному отношенію къ общественности). Изображаемый г. Вересаевымъ слесарь именно и есть такой экономистъ, который съ удовольствіемъ подчеркиваетъ „рабочій", профессіональный характеръ своего міровоззрѣнія и въ спорѣ съ активными марксистами бросаетъ имъ обвиненіе въ томъ, что они думаютъ слишкомъ „логически" да по „книжкѣ", которая, молъ, „больше по верхамъ крутится", — подобно тому, какъ марксисты еще недавно клеймили людей, скептически относившихся къ ихъ взглядамъ, за „идеологію" да за то, что они недостаточно смотрятъ въ экономическій корень вещей... Таковъ, надо полагать, смыслъ торжествующаго заявленія Тимофея: „ты человѣкъ какихъ взглядовъ?— Я, говорю, рабочій!.."

Попробуемъ, однако, не смотря на неясности новой повѣсти г. Вересаева, извлечь изъ нея указанія на упомянутый уже процессъ броженія, происходящій нынѣ среди молодежи, и привести художественное отраженіе этого процесса въ связь съ дѣйствительной исторіей идейнаго „поворота".

Г. Вересаевъ не могъ, конечно, пройти молчаніемъ въ совре-

менномъ „кризисѣ марксизма“, какъ принято теперь выражаться, бернштейніанское теченіе. Съ перваго, можно сказать, абцуга, когда авторъ устраиваетъ начальную встрѣчу своихъ героевъ, Бернштейнъ и его „критика“ являются предметомъ спора между ними. Обнаруживаются, какъ это и можно было ожидать, два лагеря, сторонники и противники новаго теченія, но съ большимъ разнообразіемъ взглядовъ въ томъ и другомъ враждующемъ станѣ. Художнику угодно было такъ распредѣлить роли, что болѣе молодые, горячіе и активные люди оказались безусловно противъ Бернштейна и его „филистерства“, тогда какъ люди, уже познакомившіеся съ жизнію и отчасти помятые ею, пытались въ этомъ спорѣ указать на перевѣсъ у Бернштейна „настоящаго, реалистическаго марксизма“ сравнительно съ ученіемъ „правовѣрнаго марксизма“. Такъ, Токаревъ и Варвара Васильевна, слабо защищая Бернштейна отъ упрековъ въ „филистерствѣ“, выдвигали не столько нравственную, сколько фактическую необходимость этого болѣе „оппортунистскаго“ и „практическаго“ направленія, разъ первоначальное ученіе утрачиваетъ свою „непримиримую чистоту“, распространяясь среди милліоновъ. Таня же дала волю своей натурѣ страстнаго фанатика, смотря на всѣхъ, кто заикался въ пользу Бернштейна, съ „суровою и негодующею враждою“, не останавливаясь передъ рѣзкостями, насмѣшками, даже „софизмами и переиначиваніемъ словъ противниковъ“,—какъ это обыкновенно и бываетъ съ горячими и убѣжденными, но не особенно убѣдительными адептами какого-нибудь ученія. Молодой студентикъ Вегнеръ развивалъ тоже съ точки зрѣнія ортодокса свой взглядъ на доктрину соціальнаго оппортунизма, представляя ее результатомъ умышленнаго „фальсифицированія идеологіи враговъ“ со стороны защитниковъ современнаго строя, испугавшихся, молъ, роста его заклятыхъ противниковъ и старающихся поправками разрушить цѣльность ихъ міровоззрѣнія. Изъ изображенія г. Вересаева какъ бы выходитъ, что молодежь тянетъ теперь рѣшительно въ сторону, противоположную Бернштейну. Но, мнѣ кажется, авторъ въ данномъ случаѣ черезчуръ упростилъ картину „поворота“. Отъ него ускользнуло одно очень характерное обстоятельство, входящее составнымъ элементомъ въ идейное броженіе послѣднихъ лѣтъ.

Сама по себѣ второстепенная книга Бернштейна о „Предпосылкахъ“ *) сыграла, благодаря извѣстнымъ условіямъ, роль очень энергичнаго бродила, произведшаго сильную работу мысли среди марксистовъ всѣхъ странъ. И въ этомъ ея историческое значеніе, далеко превосходящее ея внутреннія достоинства. Въ ней,

*) Герои г. Вересаева говорятъ, очевидно, только о ней: послѣдуемъ и мы ихъ примѣру, хотя Бернштейнъ успѣлъ за это время издать еще новую книгу, сборникъ своихъ статей, какъ прежнихъ ортодоксальныхъ, такъ и послѣдующихъ полуортодоксальныхъ и наконецъ «критическихъ».

дѣйствительно, есть сторона, представляющая собой болѣе или менѣе прямой плагіатъ буржуазныхъ банальностей и общихъ мѣстъ; и это-то, кстати сказать, и придаетъ ей столь сильный „филистерскій“ привкусъ *). Но въ ней есть и сторона, воспроизводящая критику, уже давно обращаемую далеко не буржуазными мыслителями противъ преувеличеній „экономическаго матеріализма“, или того ученія, которое исторически развилось изъ кой-какихъ общихъ положеній Маркса и Энгельса и вынудило перваго говорить: „нѣтъ, я то ужъ не марксистъ“, а второго укоризненно качать головою надъ „странными вещами“, измышлявшимися „нѣкоторыми недавними марксистами“. Есть, наконецъ, въ книжкѣ Бернштейна еще и третья сторона; и эта сторона состоитъ уже не въ критикѣ, а, наоборотъ, въ усиленномъ подчеркиваніи нѣкоторыхъ другихъ односторонностей марксизма, которыя, будучи оторваны отъ общаго ансамбля ученія, позволяютъ Бернштейну истолковывать ихъ исключительно въ желательномъ ему умѣренномъ и аккуратномъ смыслѣ.

И вотъ эта-то амальгама различныхъ элементовъ, заключенныхъ въ „Предпосылкахъ“, и объясняетъ тотъ процессъ броженія, который книжка бывшаго редактора „Соціаль-демократа“ произвела среди заграничныхъ и россійскихъ марксистовъ. Однихъ эта вещь крайне обрадовала и заставила съ необыкновеннымъ рвеніемъ проявить глубоко мѣщанскій характеръ своихъ взглядовъ и чувствованій, еще недавно скрывавшихся подъ формальною покрышкою „научнаго соціализма“. И теорія „притупленія“ (Abstumpfung) соціальныхъ противорѣчій, „выдалбливанія“ (Aushölung) капиталистическаго строя медленной и постепенной работою организующагося пролетаріата, вступающаго въ постоянный союзъ съ буржуазными партіями,—эта теорія пришлась какъ нельзя болѣе по вкусу людямъ, отказывающимся отъ активной дѣятельности. Другихъ, болѣе живыхъ, болѣе прямолинейныхъ, но слишкомъ склонныхъ къ доктринерству „учениковъ“ книжка заставила задуматься надъ черезчуръ одностороннимъ характеромъ марксистской философіи исторіи и признать, болѣе чѣмъ это допускалось обычно ими, значеніе коллективной психологіи, дотолѣ черезчуръ отодвигавшейся у нихъ на задній планъ передъ процессомъ экономическаго производства. Третьихъ, наконецъ, составлявшихъ большинство въ марксистскомъ лагерѣ и занимавшихъ промежуточное положеніе между тайными буржуа и наиболѣе активными натурами, этихъ третьихъ Бернштейнъ заставилъ встрях-

*) Даже наши волки реакціи, у которыхъ, какъ у заправскаго волка, была лишь одна пѣсня, подновили теперь свой репертуаръ при помощи «извѣстнаго соціолога» Бернштейна и справляютъ теперь, опираясь на его авторитетъ, побѣду надъ «свергнутымъ культомъ» (Марксомъ) въ безконечныхъ статьяхъ гг. Вороновыхъ, Знаменскихъ и прочихъ столповъ «Московскихъ Вѣдомостей».

нуться и къ ужасу своему найти, что на практикѣ они слишкомъ часто шли по пути той самой умѣренной и аккуратной дѣятельности, которую авторъ „Предпосылокъ“ стремился теперь возвести въ принципъ. Бернштейнъ послужилъ имъ зеркаломъ, въ которомъ они увидѣли свою настоящую физіономію и вмѣстѣ свою будущую судьбу; и они, вступивъ въ борьбу съ авторомъ „Предпосылокъ“, въ сущности съ ожесточеніемъ возставали противъ самихъ себя, каковыми они были еще въ недавнемъ прошломъ, и, бичуя „оппортунизмъ“ Бернштейна, осуждали свою же недавнюю дѣятельность. Стоитъ только вспомнить, съ какою, напр., запальчивостью „бланкизмъ“ подвергался осужденію въ лагерѣ учениковъ во имя естественной эволюціи; и надо было Бернштейну преусердно заняться въ своей книгѣ вытравленіемъ изъ ученія Маркса „бланкистскихъ предразсудковъ“, чтобы сторонники „естественнаго хода вещей“ возстали противъ этого оскопленія человѣческой исторіи ad usum Delphini и провозгласили,—и теоретически принялись оправдывать,—необходимость активнаго вмѣшательства въ общественный процессъ.

Не слѣдуетъ, кромѣ того, забывать, что книга Бернштейна была еще болѣе симптомомъ, чѣмъ агентомъ броженія въ лагерѣ учениковъ, и что къ книжнымъ урокамъ здѣсь присоединила свои вѣскіе аргументы сама жизнь. Недаромъ въ опубликованной недавно перепискѣ Лассаля съ Марксомъ—будущій крупнѣйшій дѣятель Германіи замѣчаетъ: „еще никогда апатія не побѣждалась чисто теоретическимъ путемъ“. Насъ, русскихъ, въ частности научилъ болѣе живому, менѣе доктринерскому отношенію къ дѣйствительности тотъ самый „естественный ходъ вещей“, который еще такъ недавно,—но, къ сожалѣнію, лишь на словахъ и исключительно подъ марксистскимъ угломъ зрѣнія—являлся высшею инстанціею при обсужденіи вопросовъ о тактикѣ участія въ исторической жизни. Самъ этотъ „ходъ вещей“, говорю я, встрѣтилъ прогрессивную интеллигенцію нашу такими, выражаясь фигурально, дрекольями, что поневолѣ здоровый организмъ сталъ реагировать на эти жизненные сюрпризы, и могучій аффектъ разбилъ скорлупу догматизма. Еще недавно было бы немыслимо быть свидѣтелемъ вотъ хоть слѣдующаго спора, который герои г. Вересаева ведутъ въ упомянутой уже сценѣ ожиданія грозы. Говоритъ Варвара Васильевна:

И вотъ возникаютъ вопросы: идти на два или на десять шаговъ впередъ? Сами эти вопросы подлы, подлы до самой сути, они оскорбительны для меня и ставятъ меня въ фальшивое положеніе: я не могу отрекаться отъ самой себя. Но то,—могучее, стихійное—оно меня не признаетъ, а во мнѣ нѣтъ силы, я — ничто, если не захочу признать этого стихійнаго и его стихійности.

— Чортъ знаетъ, что такое!—возмутилась Таня.—Вотъ такъ вопросы! На два, на десять шаговъ впередъ? Что мнѣ за дѣло до этого? Я хочу идти полнымъ шагомъ, и плевать мнѣ на все и на всѣхъ! Кто отстанетъ,—догоняй, а

эдакъ какъ начнутъ всѣ одинъ къ другому приноравливаться, то всѣ и будутъ топтаться на мѣстѣ!

— Браво, Татьяна Николаевна! — въ восторгѣ воскликнулъ Сергѣй. — Вотъ! Вотъ это самое и есть! Все стихійность, стихійность... Еще новый богъ какой-то, передъ которымъ извольте преклоняться! На себя нужно разсчитывать, а не на стихійность! Стану я себя отрицать, какъ же! Чорта съ два!.. Смѣлѣе нужно быть, нужно идти на свой собственный рискъ и полагаться на свои собственныя силы, — только! Будь она проклята, эта стихійность!

— Вѣрно, вѣрно! — согласился и Борисоглѣбскій. — Что она мнѣ за указъ, стихійность эта? Злость у меня есть тутъ здоровенная (онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь),—ну и ладно! Больше мнѣ ничего не нужно!

— Ну, и тѣшьтесь въ такомъ случаѣ бирюльками, гарцуйте съ своею злостью въ безвоздушномъ пространствѣ!—ворчливо произнесъ Шеметовъ.— А я не понимаю и не признаю, что подлаго въ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ говоритъ Варвара Васильевна. Да, весь вопросъ именно въ томъ, — на два или на десять шаговъ впередъ! Для меня стихійность только и дорога, самый важный, самый главный вопросъ,—какъ къ ней примкнуть. А вы, кучка гарцующихъ, и будете себѣ гарцовать, пока, совершенно независимо отъ васъ, къ вамъ подойдутъ тѣ... Вы сколько ужъ времени,— тридцать, сорокъ лѣтъ гарцуете (январь, стр. 62—63).

Вы видите, что между „учениками“, связанными, повидимому, еще недавно единствомъ формулы, идутъ теперь такіе споры, которые ясно указываютъ, что возрождается міровоззрѣніе рубежа 70-хъ и 80-хъ годовъ, міровоззрѣніе, еще недавно осмѣивавшееся нашими марксистами въ стихахъ и прозѣ. Потому что, согласитесь, приглашеніе „на себя разсчитывать, а не на стихійность“, „смѣлѣе быть“, „идти на свой собственный рискъ и полагаться на свои собственныя силы“; проклятіе „стихійности“ и насмѣшки надъ этимъ „новымъ богомъ какимъ-то, передъ которымъ извольте преклоняться“; апеллированіе къ „злости“, которой стихійность „не указъ“ и кромѣ которой „больше ничего не нужно“ по нынѣшнимъ временамъ,—какъ восклицаетъ одинъ изъ молодыхъ людей,—все это крайне непохоже на недавнее прославленіе „учениками“ чудодѣйственныхъ свойствъ фатальнаго хода вещей и фификанье надъ „критическою личностью“. Но все это напоминаетъ—и, если хотите, напоминаетъ даже съ нѣкоторымъ наивнымъ преувеличеніемъ, которое свойственно пылкимъ и очень молодымъ натурамъ вродѣ Тани или Сергѣя—активное отношеніе къ прогрессу „семидесятниковъ“. Говорю „нѣкоторымъ наивнымъ преувеличеніемъ“ потому, что люди 70-хъ годовъ нисколько, въ сущности, не отрицали „стихійности“, какъ основной почвы своей дѣятельности, но, наоборотъ, глубоко вѣрили въ то, что они являются сознательными истолкователями и упредителями процесса общественнаго развитія. Человѣкъ и организація личностей черпали свою силу именно въ сознаніи своей кровной связи съ родною „стихійностью“ и своей исторической роли выразителей общенародныхъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ, активный марксистъ въ значительной степени, какъ мы видимъ,

...сжегъ то, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигалъ;— и является еще вопросъ, можетъ-ли онъ, разъ ступивъ на путь этой эволюціи, сохранить вообще типичныя черты русскихъ „учениковъ“ и самое названіе марксиста.

Но не заходя даже въ будущее, прислушиваясь къ спорамъ, которые ведутся марксистами, не отказывающимися отъ признанія крупнаго значенія за „стихійностью“,—а въ работѣ среди „стихійности“ и заключается единственная заслуга русскаго марксизма,— мы находимъ и здѣсь рѣзкія противоположности во взглядахъ, именно по вопросу о характерѣ воздѣйствія на „стихійность“. „Идти на два или на десять шаговъ впередъ“ ея является не столько простой психологической дилеммой, которую ставитъ себѣ каждый отдѣльный „ученикъ“ нашихъ дней, сколько предметомъ ожесточенныхъ распрей, которыя передѣлили весь лагерь русскихъ марксистовъ на двѣ враждующія фракціи.

Но упомянутыя нѣсколько выше дреколья „естественнаго хода вещей“ все болѣе и болѣе вносятъ свою вѣскую аргументацію, свои argumenta baculina, въ распрю между сторонниками „двухъ шаговъ“ и сторонниками „десяти шаговъ“ и заставляютъ „экономистовъ“ подтягиваться и съ жаромъ отбрасывать отъ себя обвиненіе въ бернштейніанствѣ и тихоходствѣ, такъ что со стороны эта междоусобная война представляется все болѣе и болѣе лишенною внутреннаго смысла и выражающею лишь общее возвращеніе интеллигенціи къ міровоззрѣнію 70-хъ годовъ...

Поблагодаримъ же г. Вересаева за то, что его не особенно удавшаяся экскурсія въ область художественности дала намъ возможность констатировать этотъ утѣшительный общественный фактъ.

Не замѣчаемъ-ли мы слѣдовъ тоже какого-нибудь „поворота“ въ міровоззрѣніи русскихъ людей подъ перомъ г. Боборыкина? Извѣстно, что даже тѣ читатели, которые умѣренно восхищаются художественными достоинствами нашего плодовитаго беллетриста, слѣдятъ не безъ любопытства за попытками этого автора „улавливать вѣянія“, „схватывать моментъ“ и воспроизводить идейныя и даже чисто внѣшнія новинки въ своихъ произведеніяхъ. На сей разъ г. Боборыкинъ даетъ намъ сразу двѣ вещи: повѣсть „Все прилично“ въ январьской и февральской книжкахъ „Русской Мысли“ и повѣсть же „Исповѣдники“, еще не конченную въ трехъ первыхъ номерахъ „Вѣстника Европы“. Понятно, съ какимъ любопытствомъ принимаешься за г. Боборыкина въ настоящій моментъ, когда различныя теченія начинаютъ проявляться въ Россіи съ гораздо большею напряженностью, чѣмъ то было всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но читателемъ, къ сожалѣнію, скоро овладѣваетъ разочарованіе, такъ какъ оба послѣднія произведенія—въ особенности же „Исповѣдники“—не отличаются особою

живостью и интересомъ. И при этомъ „Все прилично“ лучше въ художественномъ отношеніи, но довольно неглубоко по содержанію; „Исповѣдники“ же затрогиваютъ болѣе серьезный сюжетъ, но по обработкѣ типовъ и положеній уступаютъ обычнымъ вещамъ г. Боборыкина, которому, какъ извѣстно, нельзя отказать въ искусной литературной техникѣ.

„Все прилично“ изображаетъ чисто личную драму въ одной изъ фешіонебельныхъ московскихъ семей, состоящей изъ тройственнаго и давнишняго союза мужа, жены и друга дома и двухъ взрослыхъ дѣтей: сына отъ этого друга, и дочери отъ законнаго мужа. Завязка состоитъ въ томъ, что сынъ, порядочный и довольно серьезный молодой человѣкъ, которому, порою, бывало душно въ своей „приличной“ семьѣ,—цѣлыми годами держащейся на упомянутомъ тройственномъ сожительствѣ, извѣстномъ не только членамъ самой семьи, но и „всей Москвѣ“,—что этотъ молодой человѣкъ слышитъ обидный отзывъ о своей матери отъ одного подвыпившаго юнкера, вызываетъ его на дуэль и раненъ. Нравственныя мученія пострадавшаго усиливаются еще его безпрестанными думами о своемъ положеніи и преслѣдующей его, словно кошмаръ, мыслію, ужъ не сынъ-ли онъ антипатичнаго ему друга дома. Его физическое сходство съ послѣднимъ, страстное безпокойство этого нелюбимаго имъ человѣка у изголовья раненаго, безпокойство, контрастирующее съ „корректнымъ“ участіемъ отца,—все это подтверждаетъ истинность мучительной для сознанія юноши гипотезы. А между законнымъ отцомъ и отцомъ фактическимъ происходитъ даже по этому поводу разговоръ, изъ котораго еще рѣзче обрисовывается двусмысленная роль главы семейства, который уже давно не только смотритъ сквозь пальцы на отношенія между женой и своимъ другомъ, но даже очень доволенъ этой комбинаціей, лишь бы супруга въ свою очередь закрывала глаза на его любовныя низменныя исторіи, а другъ помогалъ бы благополучію дома своимъ крупнѣйшимъ состояніемъ. И все это происходитъ какъ нельзя болѣе „прилично“; и все это принимается за нѣчто должное, почти рутинно-обязательное и самою матерью, сохранившеюся красавицею, до сихъ поръ безраздѣльно владѣющею сердцемъ своего и мужняго друга, и даже дочерью, изъ молодыхъ да ранней и практичной дѣвицею.

Что касается до развязки, — которая интереснѣе завязки и значительно скрашиваетъ повѣсть, являющуюся въ началѣ очень банальнымъ трактованіемъ стараго-престараго сюжета о мужѣ, женѣ и любовникѣ,—то мнѣ нравится, что авторъ привелъ разыгравшуюся семейную драму не къ театральному трагическому концу съ громкимъ скандаломъ, револьверомъ и прочими полагающимися въ этомъ случаѣ ужасами и смертями, а къ концу болѣе простому, житейскому, почти, если можно такъ выразиться, нѣтовому. Изъ пяти участвующихъ въ этой коллизіи лицъ трое—

мужъ, жена и дочь—употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы дѣло кончилось мирно, и трехатомная семейная молекула, составляющая ядро хозяйственной устойчивости всего союза, обладала попрежнему достаточнымъ химическимъ сродствомъ душъ, аппетитовъ и матеріальныхъ благъ. Двое остальныхъ — другъ дома и его незаконный сынъ—хотѣли бы, наоборотъ, разрушить прежнюю комбинацію, и разрушить каждый по своему, но съ тою одинаковою цѣлію, чтобы замѣнить условную ложь правдой и внѣшнее приличіе искренностью отношеній. Послѣ борьбы и всевозможныхъ попытокъ устроить жизнь иначе, наиболѣе центробѣжный, наиболѣе протестующій элементъ—сынъ — какъ и подобаетъ, вытѣсненъ изъ сочетанія.

Другъ дома хотѣлъ было предложить искренно любимой имъ женщинѣ и своему сыну основать на сторонѣ настоящую семью. Но, встрѣтившись съ рѣшительнымъ сопротивленіемъ участниковъ стараго фамильнаго союза и видя, какую массу огорченій, непріятностей, неудобствъ причинитъ большинству заинтересованныхъ новая комбинація, онъ отказывается отъ такого для него слишкомъ героическаго плана. И вотъ, запутанный узелъ отношеній разрубленъ сыномъ, который уходитъ изъ легальной семьи, гдѣ „все прилично“, но не желаетъ жить и на счетъ все болѣе и болѣе страстно любящаго его отца, а рѣшается существовать своимъ собственнымъ трудомъ и ѣсть свой собственный хлѣбъ, прося отца дать ему пока лишь незначительную сумму денегъ, чтобы кончить курсъ и перестать быть паразитомъ. Авторъ кончаетъ на этомъ свое повѣствованіе, предоставляя самому читателю угадать, какая жизнь пойдетъ отнынѣ въ семьѣ, освободившейся отъ неспокойнаго члена. Не трудно, впрочемъ, угадать, что наиболѣе счастливыми и лучше спѣвшимися окажутся уже упомянутые выше три консервативные элемента, отецъ, мать и законная дочь, такъ какъ друга дома будетъ, вѣроятно, тянуть къ ушедшему сыну...

Уже въ предѣлахъ повѣсти г. Боборыкинъ не безъ искусства обрисовалъ трагикомическую роль и страданія фактическаго отца, котораго всѣ эти трое прекрасно уживающіяся лица увѣщеваютъ каждое по своему не дѣлать скандала, не затѣвать ломки установившихся отношеній, а, главное, не проявлять чрезмѣрной и романтически-смѣшной любви къ сыну, которому, молъ, это только вредитъ при его выздоровленіи. Обречь на наибольшія мученія человѣка, представляющаго, согласно классической формулѣ адюльтера, какъ разъ „наиболѣе счастливаго изъ трехъ“— идея если не совершенно новая, то и не совсѣмъ захватанная. Заставить, же его страдать изъ-за любви къ сыну, котораго, наоборотъ коробитъ эта ложь отношеній и который лишь подъ самый конецъ смѣняетъ чувство антипатіи на расположеніе къ

своему отцу, это еще болѣе подчеркиваетъ смѣшную и въ то же время глубоко печальную роль этого „третьяго“.

Недурно также изображенъ г. Боборыкинымъ тотъ мучительный душевный процессъ, путемъ котораго сынъ приходитъ отъ нежеланія пользоваться комфортомъ въ построенной на лжи и чужой помощи семьѣ къ отвращенію отъ жизни паразита вообще. Въ этомъ смыслѣ сцена, въ которой нашъ юноша изливаетъ нахлынувшія на него новыя чувства своему знакомому, не лишена нѣкотораго искренняго патетизма. Я приведу лишь одно мѣсто изъ этого разговора (въ этой цитатѣ начинаетъ знакомый нашего молодого человѣка):

— ...Одно изъ двухъ, Павликъ: или ты признаешь науку и ея мѣсто, или ты отвергаешь ее...

— При чемъ тутъ наука?—остановилъ Павелъ.

— Какъ при чемъ? Она установляетъ законы развитія общества. Это — соціологія. Надѣюсь, ты ее не отрицаешь? Въ развитіи общества намѣчаются законы. Былъ когда-то матріархатъ, была поліандрія... было рабство, были средневѣковые цехи, и такъ далѣе, и такъ далѣе. И теперь общество не топчется на одномъ мѣстѣ, оно эволюціонируетъ... Въ немъ есть разные пережитки. Собственность, право наслѣдства — еще не отжившіе принципы. Можетъ быть, они падутъ; но ничего нельзя сдѣлать однимъ протестомъ, однимъ призывомъ къ уничтоженію всего, что не аскетическій идеалъ!

Павелъ прослушалъ эту тираду съ полузакрытыми глазами.

— Извини. Я все это знаю. Не отвергаю я и выводовъ науки. Но развѣ то, что во мнѣ, и въ сотнѣ, и въ тысячѣ личностей, на Западѣ и у насъ, возмущено режимомъ жизни на даровщину, на чужой трудъ, или хищничествомъ, жаждой барышей, безстыдными спекуляціями, наслѣдственными правами, которыя плодятъ шелопаевъ и прохвостовъ, развѣ все это возмущеніе само по себѣ тоже не моментъ эволюціи общества, а?

— Надо знать какой! Преходящій или дѣйствительно двигательный?

— Ты этого одинъ не рѣшишь, Ѣздоковъ, но я знаю, что мое возмущеніе основано не на вздорномъ чувствѣ, а на признаніи основного закона всякаго общества: коли не поработаешь, то и не поѣшь. Разъ ты одинъ проѣдаешь и проигрываешь трудовыя сотни тысячъ, ты презрѣнный паразитъ! Это элементарно, но вотъ видишь: это «буки-азъ-ба» стало и меня гвоздить только въ недавнее время, не больше года назадъ... когда выводъ уже перешелъ въ потребность души. И я буду презрѣннѣе послѣдняго игрочишки на Ходынскомъ скаковомъ ипподромѣ, если я удовольствуюсь только одними словесными протестами!

Ѣздоковъ ничего не возразилъ. Онъ закуривалъ новую папиросу.

— Нужды нѣтъ,—продолжалъ Павелъ,—что это, какъ ты назвалъ «une palissade» (une lapalissade, г. Боборыкинъ? В. П.), избитое общее мѣсто. Но прежде я мирился съ такимъ торжествомъ бездѣльничества!

— Слишкомъ ужъ сильно, братецъ!

— Извини! Я не буду употреблять сильныхъ словъ! Пускай живутъ, какъ хотятъ, но потакать такой жизни я не буду. Я не толстовецъ! Непротивленія не признаю. Напротивъ, вѣрю, что безъ противленія ничто не рухнетъ изъ того, чему слѣдуетъ рухнуть (февраль, стр. 41—42).

Подводя итоги общему впечатлѣнію отъ повѣсти, нельзя не сказать, что самая банальность сюжета, самая всеобщность его сильно затрудняла возможность вполнѣ удовлетворительнаго вы-

полненія задуманнаго авторомъ плана. Вѣдь, мы имѣемъ здѣсь дѣло ни много ни мало какъ съ классической задачей семейной механики о „взаимодѣйствіи трехъ тѣлъ“. Сколько уже разъ, дѣйствительно, разсматривался во всевозможныхъ комбинаціяхъ вопросъ о мужѣ, женѣ и любовникѣ! И сколько можно было бы найти литературныхъ прецедентовъ даже для нѣкоторыхъ усложненій, которыя г. Боборыкинъ вводитъ въ свое трактованье упомянутой задачи! Развѣ, напр., мучительныя исканія сыномъ своего кровнаго родства не напоминаютъ темы, развитой Гюи-де-Мопассаномъ въ его „Пьерѣ и Жанѣ“? Съ другой стороны, г. Боборыкинъ, конечно, не Шекспиръ, чтобы превратить волшебствомъ геніальнаго творчества частный случай въ типичный общечеловѣческій или, какъ принято говорить, „вѣчный“ конфликтъ и такимъ образомъ избѣжать неудобствъ новой обработки чрезвычайно избитаго сюжета. Во всякомъ разѣ г. Боборыкинъ довольно искусной обрисовкой дѣйствующихъ лицъ своей драмы и кой-какими не совсѣмъ заѣзженными пріемами, на которые мы указали раньше, достигъ того, что его повѣсть прочтется безъ скуки, хотя и не возбудитъ въ читателѣ значительнаго интереса.

„Исповѣдники“, сказалъ я, затрогиваютъ болѣе интересную тему: въ этомъ произведеніи г. Боборыкинъ пытается изобразить одно изъ современныхъ теченій, а именно потребность живого религіознаго убѣжденія, отвращающагося отъ богословскаго формализма и жадно ищущаго свободы совѣсти. Дѣйствительно, затрогивая мимоходомъ адептовъ эстетическаго декадентства, а отчасти и сторонниковъ „феминистскаго“ движенія, г. Боборыкинъ главнымъ образомъ рисуетъ различные типы ищущихъ вѣры, вербующихся не только среди интеллигенціи, но и среди народа. Не мѣшаетъ при этомъ отмѣтить, что въ изображеніи нашего автора „исповѣдники“ этой послѣдней категоріи поражаютъ своимъ крайне серьезнымъ отношеніемъ къ вопросамъ религіознаго міровоззрѣнія, тогда какъ лишь немногіе изъ интеллигентовъ равняются съ ними по напряженности этого исканія вѣры, а нѣкоторые изъ наиболѣе симпатичныхъ представителей интеллигенціи, выводимыхъ г. Боборыкинымъ, берутъ на себя роль лишь защитниковъ преслѣдуемаго стана ревнителей духовной истины изъ народа.

Было бы интересно, впрочемъ, знать, насколько подмѣченное г. Боборыкинымъ усиленіе религіознаго элемента можетъ считаться достаточно типичнымъ явленіемъ современной эпохи. У насъ въ народѣ не было никогда недостатка въ религіозномъ правдоискательствѣ. Но въ большинствѣ случаевъ отказъ отъ одной традиціи сопровождался прилѣпленіемъ къ другой,—правда, гонимой,—традиціи. Лишь въ немногихъ раціоналистическихъ теченіяхъ „поклоненіе въ духѣ и истинѣ“ отодвигало на задній

планъ рутинныя формы религіознаго убѣжденія. Что касается до настоящаго времени, то à priori можно, конечно, предположить, что общій культурный прогрессъ страны, не смотря на всю его мучительную медленность, успѣлъ усилить въ народѣ пропорцію народной же интеллигенціи и, значитъ, предрасположилъ населеніе къ болѣе живому занятію вопросами вѣры, которая на низшихъ ступеняхъ развитія является подготовленіемъ философской и научной мысли. Но именно желательно было бы знать, насколько факты нашей жизни оправдываютъ такое общее заключеніе.

Наша общественная хроника указываетъ, правда, на кой-какія явленія, свидѣтельствующія какъ будто объ усиленіи процесса религіознаго исканія. Было бы хорошо, однако, провѣрить распространенность этого процесса; и дѣло чуткаго беллетриста схватить его по возможности въ настоящемъ значеніи, не преувеличивая и не преуменьшая его силы. Вамъ, дѣйствительно, невольно приходитъ въ голову мысль, что если Прудонъ считалъ французскій народъ „глубоко практичнымъ“ (éminemment pratique), то такая оцѣнка можетъ быть сдѣлана русскимъ наблюдателемъ по отношенію къ русскому народу. Недаромъ Бѣлинскій въ столь часто цитируемомъ теперь письмѣ къ Гоголю приводитъ народную поговорку: годится—молиться, не годится—горшки накрывать; и вотъ задаешься вопросомъ, не избѣгнетъ-ли нашъ народъ,—именно благодаря практичности и трезвости своего мышленія,—черезчуръ сильнаго увлеченія промежуточнымъ метафизическимъ міровоззрѣніемъ, и не переходитъ-ли уже онъ отъ традиціонныхъ, чисто формальныхъ представленій къ реальному взгляду на жизнь и жизненныя задачи.

Остается другой элементъ, занятый религіознымъ правдоискательствомъ; это—нѣкоторая часть нашей интеллигенціи. Но и здѣсь возникаетъ вопросъ, какъ долго можетъ продлиться сидѣнье ея, выражаясь словами философской эпиграммы Фейербаха, „въ клѣткѣ теологіи“, въ которой лишь и могутъ возникать всевозможныя „загадки“, исчезающія тотчасъ же, какъ только люди выходятъ на просторъ широкаго міра божія. Помните:

Räthsel findest Du nur im Käfig der Gottesgelahrtheit;
Geh in die offene Welt; dann sind Dir alle gelöst.

Съ одной стороны, наше интеллигентное сектантство,—скажемъ, хоть бы толстовство, — является отголоскомъ прежней общественной реакціи, и съ пробужденіемъ живыхъ прогрессивныхъ силъ должно быстро отмереть. Съ другой стороны, оно въ близкомъ родствѣ съ недавнимъ метафизическимъ увлеченіемъ, которое захватило, между прочимъ, часть „русскихъ учениковъ“ изъ лагеря „критиковъ“. Но и тутъ, кажется, дни искренней формы—не говорю, модной—этого увлеченія сочтены. Всѣ эти „интеллигибельности“ и прочія „гибельности“ навѣяны, подобно

декадентству, западной Европой, которая можетъ заниматься разными утонченностями пресыщенной многовѣковой цивилизаціи, тогда какъ насъ обступаетъ теперь цѣлая чаща крайне существенныхъ нерѣшенныхъ вопросовъ, надъ которыми предстоитъ не мало работы нашей „критикѣ практическаго разума“.

Процессъ живого общественнаго творчества положитъ скоро конецъ супранатуралистическому правдоискательству вмѣстѣ съ неокантіанской метафизикой романтическихъ юношей во вкусѣ г. Бердяева: намъ стоитъ только подождать, чтобы они выспались и оставили область философическихъ сновъ ради міра дѣйствительности. Не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь кстати слѣдующихъ соображеній самого Канта, который словно провидѣлъ своихъ метафизическихъ продолжателей, съ чувствомъ распространяющихся о „вѣчности“ и „безсмертномъ Добрѣ“, и „неувядающей Красотѣ“, и „трансцендентальной Истинѣ“:

Аристотель говоритъ гдѣ-то: когда мы бодрствуемъ, то у насъ есть общій всѣмъ намъ міръ; а когда спимъ, то у каждаго свой. Мнѣ думается, что слѣдовало бы перевернуть послѣднее положеніе и сказать: если у каждаго изъ различныхъ людей существуетъ свой собственный міръ, то должно предполагать, что всѣ они грезятъ во снѣ. Такимъ образомъ, если мы наблюдаемъ воздушныхъ строителей (Luftbaumeister) различныхъ мысленныхъ міровъ, изъ которыхъ каждый преспокойно обитаетъ лишь въ своемъ собственномъ мірѣ, за выключеніемъ другихъ... то при такомъ противорѣчіи ихъ видѣній мы потерпимъ, пока эти господа очнутся отъ своихъ сновъ. Ибо разъ они, дастъ Богъ, придутъ въ совершенно бодрствующее состояніе, т. е. откроютъ глаза для взора, не противорѣчащаго разсудку другихъ людей, то и никто изъ нихъ не будетъ видѣть чего-нибудь, что не являлось бы съ очевидностью и достовѣрностью и всѣмъ другимъ, а въ то же самое время философы станутъ обитать уже въ общемъ мірѣ...

Итакъ, значитъ, терпѣніе: пока доброй ночи и пріятнаго сна, гг. мистическіе и метафизическіе мечтатели! Наступающій разсвѣтъ прогонитъ ваши призраки, а дню, какъ извѣстно, довлѣетъ своя реальная, а не мистическая „злоба“. Во всякомъ случаѣ послѣдняя повѣсть г. Боборыкина осталась бы интереснымъ памятникомъ извѣстныхъ стремленій въ интеллигенціи и самомъ народѣ, если бы „Исповѣдники“ не грѣшили большою тусклостью изображенія. Г. Боборыкина уже нѣсколько разъ упрекали въ томъ, что, „ловя моментъ“, онъ часто ловитъ его не столько непосредственно въ самой жизни, сколько сквозь призму уже разъ уловленныхъ прессою явленій въ формѣ газетныхъ новостей, судебныхъ отчетовъ и т. п. Этотъ упрекъ критика можетъ во всякомъ случаѣ сдѣлать по отношенію къ „Исповѣдникамъ“, гдѣ большинство дѣйствующихъ лицъ гораздо менѣе наблюдено, чѣмъ вычитано авторомъ, даже просто внушено ему всѣмъ извѣстными фактами нашей жизни, отмѣченными газетной и журнальной хроникой за послѣдніе мѣсяцы. Книжному, вычитанному изъ печати и навѣянному печатью характеру героевъ не въ силахъ по

мочь и обычная конкретизирующая манера писанія г. Боборыкина, съ любовью и тщательностію выписывающаго внѣшнія черты своихъ персонажей и ихъ обстановки: всѣ эти „пушистыя рѣсницы“ и „бархатистые волосы“ съ „ондуляціей“ и безъ оной, „свѣжіе кители“ и „бирюзовые околыши“, „грудные голоса съ контральтовыми нотами“ и голоса „картавые и вздрагивающіе“, галстухи, трости, зонтики, „стильную“ и старомодную мебель, и т. д. и до безконечности и т. д.

Да, въ сущности, и сама книжная подготовка автора къ своему сюжету была, очевидно, сдѣлана кое-какъ, на скорую руку, скользила лишь по поверхности и удовлетворялась простыми словами вродѣ „баптисты“, „молоканы“. Пусть, напр., читатель попробуетъ хотя бы составить себѣ понятіе о разницѣ идейныхъ и психологическихъ типовъ какъ разъ этихъ двухъ сектъ по изображенію нашего „уловителя“. Авторъ словно нарочно подвергъ себя такому нелегкому экзамену, заставивъ своихъ интеллигентовъ побывать на двухъ моленіяхъ сейчасъ же слѣдомъ и сопоставивъ такимъ образомъ на какой-нибудь полдюжинѣ страницъ (февраль, стр. 540—545) двѣ различныя сектантскія общины. Смѣю увѣрить, что и самый внимательный читатель не разберется путемъ въ разницѣ двухъ правдоискательствъ. И, говоря такъ, я не ученаго трактата отъ автора требую, но указываю именно на отсутствіе художественно схваченной особенности двухъ типовъ религіозной мысли. А между тѣмъ авторъ нѣсколько разъ подходитъ къ установленію этого различія, да такъ и остается при подходахъ: „Библіи въ дорогомъ сафьянномъ переплетѣ“, „частые переливы“ духовныхъ гимновъ и даже „чистопѣсенный пошибъ“ ихъ, „молитвы своими словами“, „рыжеватыя бороды“, „серьги въ ухѣ“,—всѣ эти детали, касающіяся и того, и другого собранія, ускользаютъ, конечно, изъ памяти читателя. А по части „души“, внутренней стороны двухъ родственныхъ, но все же различныхъ теченій г. Боборыкинъ дѣлится съ нами вотъ какими наблюденіями. Впечатлѣніе отъ одного собранія:

Костровинъ слушалъ, полузакрывъ глаза. Его слишкомъ чуткіе нервы эта непрерывная мелодія захватила. Въ ней не было ничего умышленно-мистическаго, говорящаго объ извѣстномъ служеніи, о ритуалѣ и культѣ. Это была настоящая народная пѣсня, въ которой запросы души то скорбной, то чающей умиротворенія, проявлялись въ переливахъ колеблющихся звуковъ (стр. 541).

А вотъ впечатлѣніе отъ другого:

Этотъ возгласъ «Господи» раздавался среди большой тишины и видимо дѣйствовалъ на слушателей. Въ него Наумъ вкладывалъ всю свою тихую страсть и трепетное упованіе въ заступничество Того, кто умиралъ на крестѣ. И не было тутъ того упиранія въ одну точку, въ ученіе о благодати, которое Костровинъ слышалъ въ Петербургѣ. Потребность добра, дѣятельной любви, *дѣлъ* слышалась въ этихъ молитвенныхъ призывахъ. Тутъ опять-таки сказы-

вался народный духъ проповѣди подвиговъ милосердія и всепрощенія ближнему—нужды нѣтъ, что самый ритуалъ собранія былъ не русскаго происхожденія (стр. 545).

Я думаю, эти характеристики можно перемѣстить, и за исключеніемъ одного-двухъ словъ все, чѣмъ отмѣчаетъ г. Боборыкинъ молоканъ, можетъ быть въ его повѣсти пріурочено къ баптистамъ, и обратно. А между тѣмъ изъ-за чего же нибудь изображаемый имъ Наумъ отдѣлился отъ молоканской общины и сталъ „старѣйшимъ" въ общинѣ баптистовъ. Очевидно, знанія г. Боборыкина по части современнаго сектантства не превосходятъ знаній хотя бы почтеннаго Д. Л. Мордовцева, которому недавно г-жа Ясевичъ принуждена была прочитать коротенькую лекцію насчетъ южно-русскаго раскола въ видѣ письма въ „Новое Время". Скажутъ: г. Боборыкину важно было подчеркнуть не столько разницу, сколько сходство различныхъ видовъ народнаго правдоискательства. Тогда къ чему это кропотливое выискиваніе чисто внѣшнихъ деталей для различенія направленій, сливающихся подъ перомъ г. Боборыкина въ одно?

Но „Исповѣдники", повторю, не удовлетворятъ читателя и художественною обработкою лицъ. Блѣдные, чуть-чуть очерченные, переходящіе одинъ въ другого, всѣ эти типы правдоискателей ничуть не больше говорятъ читателю, чѣмъ первый попавшійся газетный отчетъ о процессѣ какихъ-нибудь сектантовъ. Лучше обрисованы какъ разъ лица, не принадлежащія къ категоріи „Исповѣдниковъ", напр., „ломака"-эстетка, жена состоятельнаго и „чудаковатаго" Костровина, и дѣвица-феминистка, графиня Бунина. Точно также и наиболѣе удавшимися до сихъ поръ мѣстами повѣсти являются страницы, прямо не относящіяся къ ея темѣ. Назову хотя бы старую, но вѣчно юную исторію мученій любви и ревности, приключившуюся съ Костровинымъ, случайно видѣвшимъ поцѣлуй, которымъ обмѣнялись уже упомянутая „ломака" и претенціозный поэтъ-декадентъ. Подождемъ, впрочемъ, конца!..

Въ январьской книжкѣ „Русской Мысли" мнѣ приглянулись двѣ недурныя, довольно удачно пополняющія одна другую вещи: я говорю о совсѣмъ коротенькомъ разсказцѣ—или если, хотите, жизненной сценкѣ—г. Бунина „Новый годъ" и о небольшой повѣсти г. Чирикова „Романъ въ клѣткѣ". Обѣ онѣ посвящены столь часто эксплуатируемой теперь—въ подражаніе г. Чехову—темѣ: изображенію сѣрой томительно-будничной жизни большинства людей. Но эта жизнь и въ этюдѣ г. Бунина, и въ повѣсти г. Чирикова рисуется въ такомъ безотрадномъ свѣтѣ, что вызываетъ у читателя нравственную реакцію и желаніе послать ко всѣмъ чертямъ тѣ прелести существованія, которыми удовлетворяется большинство. И за эту вольную или невольную тенден-

цію разсказовъ мы должны поблагодарить авторовъ. Дѣйствительно, какъ у Гете магическое зеркало показываетъ Фаусту образъ прекраснѣйшей женщины, чтобы усилить въ немъ жажду ожидающей его въ близкомъ будущемъ любви—

Was seh'ich? Welch ein himmlisch Bild
Zeigt sich in diesem Zauberspiegel!—
O Liebe, leihe mir den schnellsten deiner Flügel
Und führe mich in ihr Gefild!—

такъ среднему порядочному человѣку, начинающему свою жизнь, литература должна показывать, наоборотъ, ужасающе-пошлую картину его грядущаго, чтобы отбить у него всякую охоту участвовать въ небокоптительствѣ, именуемомъ „карьерой“ и составляющемъ предметъ сладкихъ пожеланій дѣтямъ со стороны уже опошлившихся отцовъ. Это въ особенности необходимо теперь, когда весь охранительный (и умѣренно-либеральный?) лагерь приглашаетъ взапуски современную молодежь отбросить всякія широкія и безкорыстныя стремленія и заняться исключительно попеченіемъ о своемъ собственномъ благополучіи.

Г. Бунинъ рисуетъ намъ идиллическую картину одного изъ счастливѣйшихъ моментовъ нашей жизни. Герой его, средній служащій на желѣзной дорогѣ — отъ его лица и ведется разсказъ, — случайно встрѣчаетъ новый годъ вдвоемъ съ женой на одномъ изъ своихъ хуторовъ, куда онъ заѣхалъ по пути въ Петербургъ съ юга... Сцена представляетъ „большую старинную кровать“, а вокругъ царитъ „мертвое молчаніе русской зимней ночи“. Дѣйствующія лица, какъ уже было сказано, законные „онъ“ и „она“. „Она“ прижимается къ „нему“, и прижимается „съ необычною нѣжностью“. А „онъ“ настроенъ тоже въ соотвѣствующемъ тонѣ: поцѣлуи и діалогъ, а затѣмъ размышленія:

Я нѣсколько разъ поцѣловалъ ее въ глаза и волосы съ той спокойной и сердечной любовью, которая бываетъ только въ рѣдкія минуты, и она внезапно отвѣтила мнѣ порывистыми поцѣлуями влюбленной дѣвушки. Потомъ долго прижимала мою руку къ своей загорѣвшейся щекѣ.

— Какъ хорошо!—проговорила она со вздохомъ и убѣжденно. И, помолчавъ, прибавила вдумчиво:—Да, всетаки ты единственный близкій мнѣ человѣкъ!.. Ты чувствуешь, что я люблю тебя?

Я молча пожалъ ей руку.

— Какъ это случилось?—спросила она, открывая глаза.—Выходила я не любя, живемъ мы съ тобой дурно, ты самъ говоришь, что изъ-за меня ты ведешь пошлое и тяжелое существованіе... И, однако, все чаще мы чувствуемъ, что мы нужны другъ другу. Откуда это приходитъ и почему только въ нѣкоторыя минуты?.. Съ новымъ годомъ, Костя! — сказала она, стараясь улыбнуться, и нѣсколько теплыхъ слезъ упало на мою рубашку.

...Я медленно гладилъ ея волосы, давая понять, что я цѣню и помню эти слезы. Я вспомнилъ прошлый новый годъ, который мы, по обыкновенію, встрѣчали въ Петербургѣ въ кружкѣ моихъ сослуживцевъ-желѣзнодорожниковъ, хотѣлъ вспомнить позапрошлый и не могъ и опять подумалъ то, что часто приходитъ мнѣ въ голову: годы сливаются въ одинъ безпорядочный и

однообразный годъ, полный сѣрыхъ служебныхъ дней и скучныхъ журъфиксовъ, умственныя и душевныя способности слабѣютъ, мелочная, подневольная жизнь все болѣе входитъ въ свои права... Я вспомнилъ, какъ ровно годъ тому назадъ жена съ притворною любезностью заботилась и хлопотала о каждомъ, кто, считаясь нашимъ другомъ, встрѣчалъ съ нами новогоднюю ночь, —какъ она улыбалась нѣкоторымъ изъ молодыхъ гостей и предлагала загадочно-меланхолическіе тосты и какъ чужда и непріятна была мнѣ она, эта нарядная дама въ тѣсной петербургской квартиркѣ (стр. 109—110).

Потомъ супруги вздумали даже пройтись ночью и, возвращаясь, попрежнему настроены идиллически. Новый діалогъ и новыя размышленія:

Наконецъ, жена спросила:

— А если бы мы остались здѣсь?

Я подумалъ и отвѣтилъ:

— А ты бы не соскучилась?

И какъ только я сказалъ, мы оба почувствовали, что не могли бы выжить здѣсь и года. Уйти отъ людей, отъ жизни, никогда не видать ничего дальше этого снѣжнаго поля, по цѣлымъ днямъ ѣсть и спать отъ скуки... Возможно ли это?..

— Но какъ же здѣсь жили твой отецъ, мать, братья?—спросила жена.

— То были, Оля, люди другого склада,—сказалъ я тихо.—Да и не было здѣсь такой глуши и запустѣнія. Мы вѣдь, въ сущности, живемъ въ полудикой снѣжной пустынѣ, гдѣ только есть оазисы... И если я нищій, и притомъ нищій, слабый духомъ, какъ и полагается русскому человѣку,—какъ не стремиться мнѣ къ этимъ всетаки людномъ оазисамъ? А тамъ, среди этого оазиса, въ темнотѣ и тѣснотѣ Петербурга, чѣмъ я могу быть, какъ не чиновникомъ, отдающимъ всю свою жизнь нелюбимой службѣ и не знающимъ, для чего онъ существуетъ?

— Но какъ же быть, Костя?

— Не думать,—отвѣтилъ я.—Мы люди маленькіе, имя же намъ—легіонъ... (стр. 104).

Идиллія кончается тѣмъ, что поутру размякшіе было супруги берутъ ямщика и ѣдутъ на станцію, чтобы катить во-свояси, въ питерскій „оазисъ“:

— Погоняй, Степанъ, потрогивай! Опоздаемъ!

А далеко впереди уже бѣжали туманные силуэты телеграфныхъ столбовъ вдоль желѣзной дороги, и мелкій лепетъ бубенчиковъ такъ шелъ къ моимъ думамъ о безсвязной и безсмысленной жизни, которая ждала меня впереди (стр. 105).

И вотъ Степанъ привозитъ насъ отъ идилліи прямехонько къ нашей обычной жизни, въ тотъ самый „оазисъ“ будничной хлопотни, который вмѣстѣ и тянетъ насъ такъ къ себѣ, и наполняетъ нашу душу ощущеніемъ чего-то „безсвязнаго и безсмысленнаго“. Мы въ „клѣткѣ“, а въ клѣткѣ происходитъ „романъ“, такой романъ, какой только и можетъ происходить въ „клѣткѣ“. Пусть мы теперь въ художественныхъ владѣніяхъ уже не г. Бунина, а г. Чирикова; пусть дѣйствіе происходитъ не въ Петербургѣ, куда мы ѣхали на слѣдующій день „Новаго года“, а въ другомъ—провинціальномъ, повидимому—„оазисѣ“; пусть теперь

и разсказъ ведется не отъ лица героя, а героини; пусть законный „онъ“ назывался тамъ Костею, а здѣсь просто „мужемъ“ даже безъ особаго имени, законная же „она“ зовется уже не Олею, а Женею. Все остальное идетъ попрежнему; между существованіемъ первой четы и существованіемъ второй нѣтъ никакой разницы, какъ нѣтъ между двумя дѣйствіями и художественнаго перерыва: мы всецѣло погружены, какъ и прежде, въ „безсвязную и безсмысленную жизнь“. Но мы лишь больше осточертѣли другъ другу, или, точнѣе говоря, мужъ уже старается примириться съ пустотою существованія, жена же просто начинаетъ не выносить своего спутника жизни, и въ этомъ „романъ“. Прислушайтесь къ нашимъ разговорамъ (въ приведенной цитатѣ діалогъ начинаетъ мужъ):

— Ты хочешь сказать, что больше не любишь меня?

— Мнѣ кажется...

— Почему?... Или, я хотѣлъ сказать...

— Нечѣмъ тебя любить...

— Ты любишь кого-нибудь другого?

— Нѣтъ... И это еще хуже для насъ обоихъ...

— Не забудь, что нашу жизнь мы строили вмѣстѣ. Слишкомъ жестоко взваливать на меня одного все бремя нашихъ ошибокъ... Я... да, я самый обыкновенный человѣкъ, мои крылья были тѣми крыльями, которыя временно, во дни юности, даются каждому человѣку и потомъ отнимаются... Счастливъ тотъ, кто сумѣлъ не отдать этихъ крыльевъ... Я не сохранилъ ихъ: оказался обыкновеннѣйшимъ шаблоннымъ человѣкомъ, но ты? Развѣ ты считаешь себя выше? Развѣ у тебя есть эти крылья?

— Не знаю. Но у меня не умерло желаніе имѣть эти крылья, и я не могу привыкнуть къ той клѣткѣ, которая называется нашей жизнью. Понимаешь: я никогда не забываю, что я — въ клѣткѣ, и во мнѣ никогда не умирало желаніе вырваться изъ нея. А ты—прости мою жестокость—ты чувствуешь себя не дурно и все больше становишься похожимъ на ученаго скворца...

— Не надо оскорблять...

— И мнѣ кажется, что и ты меня не любишь, а такъ... привыкъ сидѣть въ клѣткѣ вдвоемъ, потому что это удобнѣе... Помнишь, когда я сказала, что мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что мы еще любимъ другъ друга, ты мнѣ отвѣтилъ на это: «должно быть, ты беременна»?... Такъ ты объяснилъ мою грусть по утраченному...

Мужъ тихо отошелъ и, опустивъ голову, началъ ходить изъ комнаты въ комнату, большими необычными шагами... Мое сердце заныло тоской, мнѣ стало жаль этого человѣка, жаль себя и жаль того, что́ когда-то было такъ дорого намъ обоимъ и что теперь исчезло (январь, стр. 192—193).

И вотъ „романъ въ клѣткѣ“ ускоряетъ темпъ своего развитія. Жена, чтобы избавиться отъ опостылѣвшаго ей мужа и невольнаго участія въ принятіи гостей—такихъ же сѣрыхъ небокоптителей, какъ и чета въ „клѣткѣ“—и хожденія въ гости, рѣшается порвать съ товарищемъ по заключенію, а для этого налыгаетъ на себя, что она любитъ кого-то. Мужъ, какъ и подобаетъ обитателю сѣраго будничнаго царства, замыкается въ „корректное“ негодованіе, соглашается, пожалуй, отпустить жену, но ужъ ни за что не хочетъ отдать ей маленькую дочь. А тѣмъ временемъ

онъ попрежнему принимаетъ такихъ же, какъ самъ, скучающихъ гостей, играетъ съ ними для развлеченія въ карты и закусываетъ, извиняется за систематическое отсутствіе жены и объясняетъ ея поведеніе болѣзнію, наконецъ, ухитряется въ пьяномъ видѣ законно изнасиловать возненавидѣвшую его жену, которая вскорѣ уходитъ, чтобы умереть—нѣсколько мелодраматично—отъ чахотки, „прислушиваясь къ шопоту дождя и думая, что это подлая скука жизни разсказываетъ людямъ мой сѣренькій и унылый романъ безъ любви и героевъ“ (стр. 222). Но, и оставляя въ сторонѣ и на отвѣтственности автора эту заключительную мелодраму, какъ всетаки не воскликнуть: что за славное существованіе средняго россіянина! Что за радужныя перспективы развертываются передъ тѣми молодыми людьми, которые не хотятъ увлекаться разными „широкими мечтаніями“ и благоразумно готовятся къ тихимъ радостямъ средней жизни!..

Пятидесятилѣтіе смерти Гоголя вызвало, кромѣ многочисленныхъ празднованій его памяти,—исходящихъ зачастую отъ законныхъ дѣтей имъ же осмѣянныхъ Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Ноздревыхъ и Чичиковыхъ,—рядъ изданій его сочиненій и массу журнальныхъ и газетныхъ статей. Въ лежащихъ предо мною книжкахъ журналовъ наиболѣе интересною мнѣ показалась далеко еще не конченная статья г. Н. Котляревскаго „Николай Васильевичъ Гоголь“ (1829—1842 гг.), которая занимаетъ уже три первые номера „Міра Божія“ за этотъ годъ и ставитъ себѣ двоякую цѣль:

Во-первыхъ, возстановить съ возможной полнотой исторію психическихъ движеній этой загадочной души художника и, во-вторыхъ, изслѣдовать болѣе подробно то соотношеніе, какое существуетъ между произведеніями Гоголя и современной ему дѣйствительностью, а также и ту взаимную связь, которая объединяетъ его творчество съ творчествомъ предшествовавшихъ и современныхъ ему писателей (январь, стр. 2).

Г. Котляревскій заключилъ свое изслѣдованіе въ рамки 1829—1842 годовъ, какъ періода собственно-художественнаго творчества Гоголя, заранѣе устраняя изъ своей статьи разсмотрѣніе Гоголя—моралиста и писателя по общественнымъ вопросамъ. Пока г. Котляревскій успѣлъ перебрать различныя вліянія природы и среды на юнаго Гоголя, заканчивая этотъ психологически-общественный обзоръ моментомъ появленія въ свѣтъ „Вечеровъ на хуторѣ Диканьки“, когда „ученическіе годы“ художественнаго генія, по его мнѣнію, завершились (январь). Затѣмъ далъ намъ картину состоянія литературы и критики наканунѣ выступленія Гоголя на писательское поприще съ цѣлью надлежащимъ образомъ оцѣнить первое художественное произведеніе новаго таланта (февраль и мартъ). Эта вторая часть еще не кончена; за то предваритель-

ная, такъ сказать, психологія Гоголя уже обрисована г. Котляревскимъ, и по поводу ея можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Прежде всего, конечно, въ ней ищешь отвѣта на столько уже разъ поднимавшійся вопросъ о выведеніи художественной индивидуальности Гоголя—и индивидуальности геніальной—изъ свойствъ его характера, изъ склада его натуры, изъ первыхъ впечатлѣній его дѣтства и юности. Г. Котляревскій добросовѣстно и умѣло хотя, можетъ быть, и не безъ длинноть и повтореній — собралъ воедино различныя черты умственной физіономіи Гоголя. Но, присматриваясь къ этому возсозданному г. Котляревскимъ образу, вы не можете не поражаться несоотвѣтствіемъ между его не очень крупными особенностями (я говорю о внѣшнемъ впечатлѣніи) и удивительной грандіозностью лучшихъ твореній Гоголя. Это несоотвѣтствіе автора и его произведеній, работника и продукта, создателя и созданія не перестаетъ глубоко занимать васъ, съ какою бы тщательностью вы ни перебирали одну за другою и ни комбинировали группами черты гоголевской индивидуальности въ изображеніи г. Котляревскаго.

Я, конечно, не ставлю этого въ упрекъ автору, старавшемуся, какъ уже сказано, съ большою добросовѣстностью утилизировать имѣющійся матеріалъ. Но нельзя не констатировать упомянутаго ощущенія несоотвѣтствія, а, констатировавъ, не задаться вопросомъ, чѣмъ объясняется эта непропорціональность между самимъ Гоголемъ и твореніями Г. Котляревскій говоритъ, напр., что Гоголь уже съ самаго ранняго возраста долженъ былъ обладать „сложною психическою организаціею". Этому легко повѣрить даже à priori, зная, какимъ несравненнымъ художникомъ былъ творецъ „Мертвыхъ душъ" и „Ревизора". Въ чемъ, однако, выражалась эта „сложность"? И вотъ, когда начинаешь приглядываться къ элементамъ этой сложности, предполагаемое умственное величіе личности Гоголя разсыпается на отдѣльныя особенности, право же, не представляющія ничего крайне экстраординарнаго.

Прежде всего, черта „искателя правды", которую г. Котляревскій выдвигаетъ на очень видное мѣсто въ характеристикѣ Гоголя, не особенно индивидуальна, не особенно характеризуетъ этого геніальнаго художника уже потому, что, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ самъ г. Котляревскій, въ этомъ отношеніи Гоголь лишь „членъ той у насъ довольно распространенной семьи моралистовъ отъ рожденія, для которыхъ жизнь—рядъ поводовъ терзать свою душу разными трудными вопросами" (январь, стр. 8). А, кромѣ того, по моему мнѣнію, Гоголь очень часто является—хотя бы въ своей школьной перепискѣ, которою занимается здѣсь г. Котляревскій, — именно не искателемъ, а риторомъ правды, нескладно-напыщенно развивающимъ разныя нравственныя тривіальности, съ тѣмъ, чтобы къ этой ходульной реторикѣ вдругъ придѣлать самый прозаическій и практическій конецъ: просьбу

къ адресату насчетъ денегъ, вещей или какое-нибудь другое житейское порученіе далеко не изъ возвышенныхъ. Эта черта, какъ мы знаемъ, порою очень раздражала нѣкоторыхъ біографовъ и критиковъ Гоголя, заставляя ихъ обвинять его въ формальномъ притворствѣ. Тогда какъ другіе извиняли или, по крайней мѣрѣ, объясняли ту же черту глубокою скрытностью его характера, его нежеланіемъ дѣлиться съ людьми своими задушевными мыслями. Это и заставляло, молъ, Гоголя начинать свои по существу дѣловыя письма никчемными разглагольствованіями на общія темы такъ чтобы корреспондентамъ его не очень шибалъ въ носъ узко-утилитарный смыслъ такихъ посланій. Но притворство или симуляція, какъ сказалъ бы современный спеціалистъ по душевнымъ болѣзнямъ, вообще замѣчалось у Гоголя; и выдумываніе ложныхъ мотивовъ дѣйствія ради затушевыванія настоящихъ практиковалось имъ даже по отношенію къ дѣйствительно дорогимъ ему людямъ: припомните лишь сочиненную имъ въ письмѣ къ матери любовную исторію, которою онъ хочетъ объяснить свою странную и для него самого почти непонятную первую экскурсію, чуть не бѣгство за границу. Вообще мнѣ думается, что характеристика Гоголя, какъ „искателя правды", нуждалась бы, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторомъ пересмотрѣ, если не ограниченіи *).

Не мѣшаетъ, можетъ быть, прибавить, что симуляція, характеризующая писателя, какъ человѣка, не препятствуетъ художественной правдѣ въ его произведеніяхъ, а порою даже наоборотъ. Ибо если есть писатели, для которыхъ вполнѣ приложимо изреченіе поэта:

Нѣтъ, сердце тѣмъ не убѣдится,
Что не отъ сердца говорится,

то, съ другой стороны, есть писатели, которые тѣмъ лучше и тоньше могутъ описать чувство, чѣмъ болѣе оно чуждо имъ самимъ, чѣмъ на большемъ разстояніи они стоятъ отъ него, черпая элементы эстетической правды не изъ своего сердца, а изъ наблюденія и истолкованія аффектовъ постороннихъ лицъ. Это, я думаю, вещь, настолько извѣстная въ области художественнаго творчества, что особенно на ней останавливаться нечего. Дѣлаю это замѣчаніе потому, что высокій реализмъ гоголевскихъ произведеній совмѣстимъ какъ съ личной психологіей искателя правды, такъ и съ психологіей ея ритора. И для меня еще вопросъ, точно-ли вдохновляющей музой Гоголя въ лучшій пе-

*) И второй, болѣзненный, періодъ жизни Гоголя врядъ-ли можетъ служить доказательствомъ преобладанія въ духовномъ складѣ Гоголя такого «исканія»: тутъ простая религіозность молодого Гоголя превратилась, на почвѣ надломанной душевной организаціи, въ мучительный процессъ самобичеванія, въ которомъ, однако, въ сущности столь же мало нравственнаго содержанія, какъ въ любой неврастенической idée fixe, преслѣдующей больного меланхолика.

ріодъ его дѣятельности, когда писательство, по его же словамъ, было для него „высшимъ блаженствомъ“, была моральная истина, а не эстетическая правда,—что далеко не одно и то же.

И позднѣйшія истолкованія самого Гоголя, когда изсякъ грандіозный источникъ его творчества, ничуть не могутъ быть для насъ убѣдительны: мало-ли чего Гоголь въ послѣдствіи не столько истолковывалъ, сколько перетолковывалъ! Такъ въ одномъ изъ своихъ писемъ по поводу „Мертвыхъ душъ“, онъ, приведя восклицаніе Пушкина, прослушавшаго чтеніе первыхъ главъ этого великаго произведенія: „Боже, какъ грустна наша Россія“, пускается заднимъ числомъ въ объясненіе, что то была не дѣйствительная Россія, а лишь „каррикатура и моя собственная выдумка“; а что выдумывалъ онъ потому, видите-ли, что „надѣлялъ своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью“, бичуя свои же пороки въ образѣ создаваемыхъ имъ типовъ. Но это странное исканіе нравственнаго самобичеванія путемъ „выдумки“ и „каррикатуры“, вносимой въ типы, было, по всей вѣроятности, измышлено позже болѣзненно настроеннымъ Гоголемъ: кто припомнитъ, съ какою страстію великій художникъ въ лучшую пору своей дѣятельности знакомился съ людьми въ разныхъ положеніяхъ, какъ онъ собиралъ со всѣхъ сторонъ не только устныя, но и письменныя свѣдѣнія всевозможнаго рода, копилъ такимъ образомъ цѣлые вороха фактическаго матеріала, которымъ позавидовалъ бы любой французскій „натуралистъ“ и любитель „человѣческихъ документовъ“, тотъ, вѣроятно, согласится, что „грустная Россія“ была и Россіей дѣйствительной, и что Гоголемъ при писаніи „Мертвыхъ душъ“ руководила не моральная истина самобичеванія, а художественная правда.

Конечно, не надо понимать сказанное такъ, что у Гоголя не было никакихъ нравственныхъ идеаловъ въ то время, когда онъ писалъ „Мертвыя души“ или „Ревизора“. Его міровоззрѣніе, вѣроятно, было то же самое, что выразилось въ „Перепискѣ“ или „Авторской Исповѣди“, лишь безъ тѣхъ болѣзненныхъ преувеличеній, которыя поражаютъ читателя этихъ вещей. Его религіозныя, политическія, соціальныя идеи лишь, такъ сказать, безобразно изогнулись, вытянулись, скривились, а по существу не перемѣнились. Но, во всякомъ случаѣ, эти идеи, бывшія въ своей умѣренной формѣ принадлежностью тогдашнихъ среднихъ умѣренно образованныхъ и даже не особенно развитыхъ русскихъ, эти идеи не были настолько сильны, чтобы побѣдить своею тенденціею неизмѣримо болѣе могучій художественный талантъ автора. И тутъ рѣчь идетъ не столько о захватанной теперь всѣми мысли о противоположеніи художника и мыслителя, сколько о мирномъ сожительствѣ въ творящей душѣ Гоголя этихъ двухъ параллельныхъ, не пересѣкавшихся сторонъ его индивидуальности. Повидимому, процессъ художественнаго творчества, приводившій

автора въ состояніе эстетическаго экстаза („высшаго блаженства"), производилъ на душевный міръ Гоголя дѣйствіе, похожее на операцію, какую знаменитый естествоиспытатель Фарадей, бывшій въ то же время ревностнымъ послѣдователемъ одной изъ самыхъ странныхъ сектъ Англіи, продѣлывалъ съ своими теологическими воззрѣніями, когда принимался за свои великолѣпные опыты и научныя обобщенія. Онъ не фигурально только, но и въ дѣйствительности захлопывалъ дверь своей молельни, входя въ сосѣднюю лабораторію. Такъ и нашъ Гоголь очень мало, вѣроятно, думалъ о своихъ религіозно-соціально-политическихъ взглядахъ, когда развертывалъ передъ читателями грандіозную эпопею Россіи на рубежѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Что бы ни утверждали наши охранители насчетъ сокровенной великой истины, уже, молъ, проглядывающей сквозь сознанныя послѣ и самимъ Гоголемъ несовершенства „Ревизора" и „Мертвыхъ душъ" и подъ конецъ его жизни лишь расцвѣтшей дивнымъ цвѣтомъ въ письмахъ и „Исповѣди", эту истину вы тщетно будете искать въ безсмертныхъ произведеніяхъ гоголевской общественной сатиры. За то вы найдете тамъ правду художественную, и эта правда—„грустная Россія".

Лишь позже, когда въ силу плохо выясненныхъ до сихъ поръ причинъ творческій аппаратъ Гоголя оказался разбитымъ, общее міровоззрѣніе бывшаго геніальнаго художника могло выразиться въ литературѣ, и выразиться даже въ болѣзненно-преувеличенной формѣ. Но Гоголь, какъ создатель безсмертныхъ произведеній, тогда уже умеръ, или, какъ наивно выражается г. Е. Поселянинъ въ № 57 „Московскихъ Вѣдомостей", „пусть погибъ томъ „Мертвыхъ душъ": спасена его душа"... Вотъ-вотъ!.. *)

Есть другая черта психологіи Гоголя, которую подчеркиваетъ г. Котляревскій: это постоянная мысль, сопровождавшая Гоголя съ очень раннихъ поръ и до могилы, о томъ, что онъ человѣкъ особенный, не какъ всѣ; что онъ—„загадочная натура", которая и должна искать себѣ особаго пути, которой предстоитъ нѣчто необычное, но которая должна за то платиться и необычными страданіями, должна переносить отъ людей массу несправедливостей, презрѣнія и т. д. Однако, когда присматриваешься ближе къ этимъ романическимъ планамъ о будущемъ, то самымъ опредѣленнымъ изъ этихъ мечтаній оказывается желаніе „вступить въ

*) Мы должны неустанно повторять, что, если отбросить патологическую форму идей Гоголя во второмъ періодѣ, то въ этихъ взглядахъ нѣтъ, въ сущности, ничего, возвышающагося надъ уровнемъ обыкновеннаго міровоззрѣнія русскихъ реакціонеровъ. Если послѣдніе съ паѳосомъ распространяются о «вѣчномъ», «проникновенномъ» значеніи мыслей «Переписки», то дѣлаютъ это, какъ разъ наоборотъ, лишь ради непосредственныхъ политическихъ соображеній, ради рекламы своей разваливающейся лавочки. Стоитъ измѣниться современнымъ русскимъ условіямъ—и вы увидите, какъ обновленная страна будетъ мало говорить о «вѣчности» этихъ Гоголевскихъ разсужденій.

службу государственную“, и такимъ путемъ „поднять трудъ, важный для счастія гражданъ“. Но интересно, что если Гоголь отожествляетъ теоретически государственную службу и служеніе обществу, и будетъ отожествлять въ самой „Перепискѣ“, приглашая на этотъ административный подвигъ всѣхъ и каждаго, на практикѣ онъ уже въ самомъ началѣ своей служебной дѣятельности въ Петербургѣ смотритъ на свои занятія гораздо проще и прозаичнѣе, съ „чисто-матеріальной“ точки зрѣнія. Особаго размаха въ этихъ планахъ величія, какъ видите, не было.

Очень любопытно еще слѣдующее обстоятельство, показывающее, что у Гоголя не было вначалѣ даже того страстнаго стремленія къ литературѣ, которое такъ часто характеризуетъ будущихъ художниковъ слова: въ числѣ плановъ величія у молодого Гоголя, дѣйствительно, совершенно отсутствовало желаніе составить себѣ извѣстность на писательскомъ поприщѣ. Писалъ онъ еще въ лицеѣ, писалъ много и охотно, сочинивъ тамъ даже своего неудачнаго „Ганса Кюхельгартена“, котораго онъ издалъ подъ чужимъ именемъ по пріѣздѣ въ Питеръ и скоро изъялъ изъ обращенія, подъ вліяніемъ недружелюбной критики. Но онъ не придавалъ серьезнаго значенія этимъ попыткамъ; и даже, когда писалъ уже „Вечера на хуторѣ“, смотрѣлъ больше на нихъ съ точки зрѣнія „матеріальной пользы“: самъ онъ и не подозрѣвалъ внутреннихъ достоинствъ своего произведенія. И литературные, какъ и служебные планы Гоголя, сводились, какъ видите, на практикѣ къ соображеніямъ не особенно высокаго разряда.

Можетъ быть, нѣсколько больше говоритъ о будущей художественной силѣ Гоголя его противорѣчивая и неуравновѣшенная натура, но и то лишь постольку, поскольку вообще вѣрна гипотеза о близости или, по крайней мѣрѣ, объ извѣстномъ соотношеніи между геніемъ и ненормальностью. Гоголь, дѣйствительно, рисуется намъ крайне впечатлительнымъ существомъ, въ которомъ одновременно функціонируютъ болѣе или менѣе исключающіе другъ друга психическіе факторы, напр., очень живая фантазія и проницательный умъ; въ которомъ замѣчается чрезвычайно быстрая смѣна настроеній: веселья и „глубокой меланхоліи съ перевѣсомъ послѣдней“; въ которомъ, наконецъ, уживаются романтическій порывъ и трезвая наблюдательность, неясныя, но могучія стремленія къ какому-то идеалу и почти врожденная, можно сказать, практичность, самолюбіе, граничащее съ непріятнымъ самомнѣніемъ, и уничиженіе послѣ неуспѣха, увѣренность въ силахъ и легко наступающее отчаяніе. Даже нѣкоторыя изъ свойствъ гоголевскаго художественнаго темперамента, которыя г. Котляревскій разсматриваетъ какъ основныя и неразложимыя, сводя ихъ даже къ расѣ, — напр., юморъ,—представляются мнѣ производными и легко объяснимыми именно изъ сосуществованія въ душѣ Гоголя довольно противоположныхъ

элементовъ. Такъ, гоголевскій юморъ есть, по моему, особая форма настроенія, которою пылкая фантазія защищается отъ разлагающаго анализа тонкаго ума: воображеніе какъ бы извиняется въ своихъ капризахъ передъ трезвымъ разсудкомъ и забѣгаетъ впередъ его возраженій, принося покаянную въ видѣ юмористическаго отношенія къ только-что продѣланному сальтомортале.

Итакъ, вотъ все, что мы могли извлечь въ смыслѣ характеристики юнаго Гоголя изъ добросовѣстнаго этюда г. Котляревскаго. Спрашивается теперь, въ какой степени совокупность разсмотрѣнныхъ нами чертъ можетъ объяснить колоссальную художественную дѣятельность отца русскаго реализма и ея внезапное и раннее прекращеніе. Я думаю, что читатель согласится теперь не только въ трудности, но въ прямой невозможности установить пропорціональность—какъ было сказано выше—между творцомъ и его великими твореніями. Въ настоящее время у насъ осталось слишкомъ мало строго провѣренныхъ документовъ для пересмотра этого въ высшей степени интереснаго литературно-критическаго процесса: въ чемъ состояла психическая геніальность Гоголя? и почему она такъ скоро изсякла, уступивъ мѣсто заурядному реторическому резонерству, съ большимъ самомнѣніемъ развивающему взгляды, которые были не только не оригинальными въ 40-хъ годахъ, но показались бы отсталыми даже для Россіи екатерининской эпохи? А между тѣмъ исторія литературной дѣятельности Гоголя является однимъ изъ самыхъ любопытныхъ проблемъ психологіи великихъ людей.

Извѣстный психіатръ г. Н. Баженовъ пытается, правда, въ своей статьѣ въ январьской и февральской книжкахъ „Русской Мысли“ освѣтить съ научной точки зрѣнія „Болѣзнь и смерть Гоголя“, стремясь поставить душевный діагнозъ писателя на основаніи чисто литературнаго матеріала. Но, не говоря уже о томъ, какъ трудно подставить точные научные термины въ неопредѣленныя выраженія обычнаго языка,—и по документамъ, насчитывающимъ уже полвѣка, а кромѣ того, неполнымъ и противорѣчивымъ,—мы въ данномъ случаѣ получили бы даже при успѣшномъ результатѣ изслѣдованія лишь отвѣтъ на вопросъ о болѣзненномъ состояніи Гоголя, но не на вопросъ о психическихъ особенностяхъ его художественнаго творчества.

И вотъ, перечитывая это время массу немало различныхъ, большею частію умѣренно интересныхъ статей о Гоголѣ, я сожалѣлъ, что у насъ не нашлось человѣка, столь же свѣдущаго въ естественныхъ наукахъ, сколько литературно образованнаго, чтобы на частномъ, но поразительномъ примѣрѣ Гоголя поработать надъ вопросомъ о физіологическихъ условіяхъ расцвѣта и упадка художественной геніальности. И у меня не выходитъ изъ головы попытка мало извѣстнаго, но самостоятельнаго русскаго мыслителя, Ѳ. Вешнякова (его цѣнилъ, однако, покойный П. Л. Лавровъ),

поставить на научномъ основаніи „сравнительную біологію и патологію ученыхъ, мыслителей и артистовъ“. Таково, дѣйствительно, названіе его послѣдняго (посмертнаго), вышедшаго на французскомъ языкѣ (въ 1899 г.) труда, въ которомъ этотъ авторъ пользуется біографіями нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ ученыхъ и литераторовъ, чтобы опредѣлить нормальныя и болѣзненныя условія умственной работы и установить характеристику и жизненную эволюцію разныхъ типовъ мыслителей. Когда, напр., читаешь у Вешнякова о патологическомъ состояніи и преждевременномъ біологическомъ упадкѣ нѣкоторыхъ оригинальныхъ, — синтетическихъ и философски-обобщающихъ—умовъ, то невольно приходитъ на умъ нашъ Гоголь, который, если и не былъ философомъ, то совершилъ величайшій художественный синтезъ, какой только когда-либо существовалъ въ русской литературѣ. И когда тотъ же Вешняковъ рельефно подчеркиваетъ фактъ, что упадокъ творческой дѣятельности геніевъ сопровождается зачастую періодомъ незначительныхъ совершенно заурядныхъ работъ, мало напоминающихъ первоначальные великіе труды, то какъ таки снова не вспомнить нашего Гоголя, который въ 1842 г., т. е. на тридцать третьемъ году своей жизни, завершилъ циклъ своего великаго художественнаго творчества и послѣдніе десять лѣтъ ничего не могъ дать Россіи (не говоря о неизвѣстномъ намъ въ сущности второмъ томѣ „Мертвыхъ душъ“), кромѣ „Переписки“ и „Исповѣди“, способныхъ восхищать лишь разныхъ Говорухъ-Отроковъ и гг. Волынскихъ? Будемъ надѣяться, что отливъ метафизическихъ тенденцій и пробужденіе интереса къ положительной наукѣ будутъ имѣть своимъ результатомъ, между прочимъ, и появленіе строго научной и вмѣстѣ высоко художественной біографіи нашего великаго реалиста.

Упомяну еще о кой какихъ вещахъ въ лежащихъ предо мною журналахъ. Въ февральской книжкѣ „Русской Мысли“ г. Маминъ-Сибирякъ даетъ подъ заглавіемъ „Старая реформа“ небольшой, но характерный разсказъ изъ жизни бѣдныхъ бурсаковъ, настоящихъ босяковъ нашего духовнаго сословія, застигнутыхъ преобразовательнымъ шкваломъ, который пронесся во время оно по семинаріямъ всей Россіи, докатился до отдаленной Сибири и оставилъ повсюду массу жертвъ, полегшихъ костями на полѣ брани съ новыми требованіями при старой подготовкѣ. Въ мартовскомъ номерѣ „Русской Мысли“ можно отмѣтить начало повѣсти г-жи А. Ф Дохтуровой „По теченію“, — исторію флирта одной изящной барышни одновременно съ мягкимъ и женолюбивымъ писателемъ и съ бравымъ студентомъ; и начало же романа г. В. Я. Свѣтлова, задавшагося, повидимому, цѣлью изобразить современный адвокатскій и театральный міръ, хотя нѣсколько

загадочное заглавіе „Темный блескъ“ не позволяетъ еще сказать рѣшительно, ограничится ли авторъ затронутой пока сферой дѣльцовъ и бонвивановъ, или попробуетъ расширить свой сюжетъ. Объ этихъ двухъ вещахъ,—и о повѣсти, и о романѣ,—мы поговоримъ, когда онѣ будутъ кончены или, по крайней мѣрѣ, достаточно опредѣлятся.

Въ мартовскомъ номерѣ „Міра Божія“ г. Танъ набрасываетъ рядъ недурныхъ сценокъ изъ своихъ путевыхъ очерковъ „По Японіи“. Существованіе бокъ-о-бокъ и уже начавшееся взаимное проникновеніе двухъ культуръ, восточной и западной, изображены авторомъ легкими, но, какъ мнѣ кажется, вѣрными штрихами. Останавливаетъ на себѣ вниманіе и та сторона Японіи, въ которой авторъ находитъ аналогію съ веселой и граціозной жизнію древняго міра. Было бы, дѣйствительно, интересно прослѣдить, насколько современная „Имперія восходящаго солнца“ (одно изъ оффиціальныхъ названій Японіи) дѣйствительнымъ, а не внѣшнимъ только образомъ оправдываетъ впечатлѣнія нашего туриста, который говоритъ объ

идилліи Θеокрита, внезапно претворенной въ дѣйствительность въ этой замѣчательной странѣ, гдѣ крайній востокъ Азіи соприкасается съ крайнимъ западомъ Америки и кирпичные фасады заводовъ возникаютъ рядомъ со статуями Будды среди древнихъ рощъ, посвященныхъ тишинѣ, дремотѣ и красотѣ (стр. 12);

и который характеризуетъ кварталъ столичнаго города, какъ

уголъ античной эпохи, одинаково чуждый нашимъ тяжелымъ цивилизованнымъ порокамъ и колючимъ сѣвернымъ рефлексамъ совѣсти. Специфическій хмѣльный и блудливый угаръ, окутывающій по ночамъ грѣшныя стогны европейскихъ столицъ, здѣсь не существовалъ. Небо было слишкомъ ясно, яркія краски сплетались изящно, лица смотрѣли беззаботно, смѣхъ звенѣлъ слишкомъ заразительно (Ibid.).

Перечитывая эти строки русскаго путешественника, я невольно припоминалъ блестящее обобщающее изображеніе характера японцевъ такимъ извѣстнымъ ученымъ, какъ Элизе Реклю. Я позволю себѣ привести слѣдующую цитату изъ знаменитаго географа:

Своею воздержностью, личнымъ достоинствомъ, чувствомъ чести, взаимнымъ уваженіемъ и симпатіей, масса японскаго народа несомнѣнно превосходитъ нравственный уровень большинства западнаго населенія: она превосходитъ послѣднее и пониманіемъ красоты природы. У самаго послѣдняго крестьянина Ниппона глаза открыты на прелесть или величіе пейзажей; когда онъ строитъ свою деревянную хижину, онъ старается поставить ее на берегу текучей воды, по сосѣдству съ рощею, въ виду великолѣпнаго горизонта, и почти всегда онъ украшаетъ ее цвѣтами, расположенными съ большимъ вкусомъ. Даже запрещено портить ландшафтъ, строя гостиницы на неподходящемъ мѣстѣ. Въ лучшее время года повсюду встрѣчаешь группы людей изъ народа, не столько паломниковъ, сколько туристовъ, которые посѣщаютъ мѣста, наиболѣе славящіяся своею живописностью.

Въ мартовскомъ же номерѣ „Міра Божія“ мнѣ приглянулся,— приглянулся не столько по выполненію, носящему слѣды неопытности и мелодраматичной наивности, сколько по замыслу, — небольшой разсказъ г-жи Крандіевской „Только на часъ“. Это— исторія начинающей писательницы, которая пріѣхала осматривать рудникъ съ цѣлью запастись матеріаломъ для писанія и для большей добросовѣстности провела часъ—„только часъ“—на днѣ шахты, вдали отъ солнца и обычной суетни, среди почернѣлыхъ, истомленныхъ людей, работающихъ при слабомъ мерцаніи лампочекъ, среди грязи, вони и тѣсноты, въ самыхъ ужасныхъ нечеловѣческихъ позахъ. Писательница не выдерживаетъ, еле-еле добирается до поверхности и всю слѣдующую ночь проводитъ въ мучительномъ кошмарѣ, сближая впечатлѣнія своего часа со всей безконечной, монотонной жизнію илотовъ современной цивилизаціи и тщетно спрашивая себя, „что же дѣлать? что?“ и какъ освободить массу чувствующихъ и страдающихъ существъ отъ ихъ каторжной доли.

В Г. Подарскій.

Литература и жизнь.

Еще матеріалы для біографіи Г. И. Успенскаго.

Слишкомъ десять лѣтъ тому назадъ Успенскій умеръ, какъ писатель и общественный дѣятель, и для него настала долгая, мучительная, полная страшныхъ видѣній духовная ночь, съ короткими промежутками просвѣтленія, въ своемъ родѣ не менѣе страшными и мучительными. Теперь навѣки закрылись эти прекрасные скорбные глаза. Не жалѣть бы объ этомъ надо, а радоваться,— человѣкъ упокоился. Но, вѣдь, именно „упокоился“, а не успокоился; цѣною жизни куплено прекращеніе страданій. И какъ ни свыклись мы съ мыслью, что онъ конченный человѣкъ, его смерть не могла не ударить больно по сердцамъ знавшихъ его лично или даже только по его писаніямъ,—это вѣдь былъ „властитель думъ“ своего времени, къ слову котораго прислушивались съ трепетнымъ вниманіемъ. Затянутые въ водоворотъ текущихъ дѣлъ, мы стали даже забывать или уже забыли этого давно конченнаго, хотя еще живого человѣка. Смерть воскрешаетъ его, и, можетъ быть, только теперь настало время полнаго подсчета того, что онъ намъ далъ и что мы въ немъ еще десять лѣтъ тому назадъ потеряли.

Какъ будто и начинается этотъ подсчетъ...

Успенскій отказался отъ публичнаго празднованія двадцатипятилѣтняго юбилея своей литературной дѣятельности на томъ основаніи, что слово „юбилей“ риѳмуетъ съ непріятнымъ словомъ „мавзолей“. Въ послѣднее время мы были очень богаты юбилеями и, если не мавзолеями, то похоронами. Въ этихъ торжественныхъ случаяхъ, искренно или лицемѣрно, умно или глупо, правдиво или лживо, говорятся похвальныя рѣчи; вспоминаются или выдумываются достойныя хвалы черты жизни и дѣятельности покойника или юбиляра. Бываютъ, однако, исключенія. Относительно юбилеевъ исключеніе составляетъ г. Андреевскій, который всегда ухитряется сказать юбиляру какую-нибудь непріятность, а относительно похоронъ . . . Говорились рѣчи и на могилѣ Успенскаго. Я не слыхалъ ихъ. Какъ это ни страннымъ покажется кому-нибудь, я былъ къ нему такъ близокъ въ жизни, что мнѣ жутко было близко подойти къ той ямѣ, въ которую его свалила смерть. Я не слыхалъ, но мнѣ разсказывали. Одинъ ораторъ говорилъ, что покойникъ былъ грѣшникъ и болѣзнь ему была послана свыше во искупленіе грѣховъ или въ наказаніе за нихъ... О! всѣ вѣдь мы грѣшники; полагаю, ораторъ, такъ смѣло распоряжающійся высшими велѣніями, не безъ грѣха тоже, и благо ему, если на его душѣ даже вдвое больше грѣховъ, чѣмъ на душѣ Успенскаго... Другой ораторъ сказалъ приблизительно слѣдующее: талантъ Успенскаго былъ не выше средняго, но его искренность и чуткость и т. д. Этотъ другой ораторъ былъ извѣстный библіографъ Д. П. Сильчевскій. Очень почтенный библіографъ, но ему не мѣшаетъ иногда вспомнить слова, сказанныя великимъ художникомъ хорошему сапожнику: ne sutor supra crepidam. Нѣсколько болѣе понимающій въ этихъ вещахъ В. Г. Короленко въ краткой рѣчи, сказанной въ засѣданіи полтавскаго музыкально-драматическаго кружка, выразился такъ: „Въ могилу сошелъ крупный, — по моему мнѣнію, — великій талантъ“. Да, это былъ великій талантъ, и даже г. Сильчевскій понималъ бы это, если бы не несчастныя условія всей жизни Успенскаго, благодаря которымъ этотъ великій талантъ являлся въ истерзанномъ видѣ...

Въ газетахъ, столичныхъ и провинціальныхъ, появилось множество некрологовъ, статей, замѣтокъ, воспоминаній о покойномъ. Все это пока очень бѣгло и отрывочно, но, надо надѣяться, будетъ обработано, дополнено, приведено въ порядокъ. Только я совѣтовалъ бы тому, кто возьметъ на себя эту обработку, не очень довѣрять этому газетному матеріалу. Въ составѣ его есть вещи очень интересныя и цѣнныя, но есть и много вздора, даже до странности пошлаго и несотвѣтствующаго ни простой фактической истинѣ, ни достоинству только что зарытаго въ землю писателя. Напримѣръ, въ одной газетѣ разсказанъ такой анекдотъ. Крамской написалъ портретъ Успенскаго. Выставку, на которой появился

этотъ портретъ, посѣтилъ и Глѣбъ Ивановичъ. Здѣсь къ нему подошелъ какой-то водочный заводчикъ С. и, отрекомендовавшись большимъ почитателемъ его произведеній, заявилъ, что онъ только что купилъ его портретъ. Когда Успенскій узналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, онъ спросилъ заводчика-мецената, гдѣ онъ въ свою очередь можетъ купить его портретъ, хотя бы фотографическій. Тотъ удивился: „что это вамъ вздумалось?“ — „Да я тоже большой почитатель вашихъ произведеній“, — отвѣчалъ Успенскій. Соль этого анекдота заключается въ намекѣ на злоупотребленіе покойнаго писателя спиртными напитками, о которомъ я уже говорилъ въ прошлый разъ. Но сочинитель анекдота очевидно не имѣетъ понятія о духовномъ обликѣ Успенскаго, если предполагаетъ возможнымъ для него такое пошлое остроуміе, да еще въ бесѣдѣ съ незнакомымъ человѣкомъ. При томъ же обстановка анекдота сплошной вздоръ: единственный портретъ Успенскаго, бывшій на выставкѣ, писанъ не Крамскимъ, а Ярошенкомъ, и не водочный заводчикъ С. купилъ его, а извѣстная харьковская дѣятельница по народному образованію Х. Д Алчевская.

Но подобные анекдоты еще съ пола-горя, — въ нихъ разобраться не трудно. Гораздо хуже проскальзывающія въ газетахъ нареканія на редакціи періодическихъ изданій, въ которыхъ работалъ Успенскій, на литературный фондъ, на друзей покойнаго, отчасти на семью, которые будто бы были, мягко выражаясь, недостаточно внимательны къ нему. Хуже эти нареканія въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, они затушевываютъ ту атмосферу глубокаго уваженія и искреннѣйшей любви, которую Успенскій умѣлъ, вовсе, впрочемъ, объ этомъ не думая, создавать около себя и какъ писатель, и какъ человѣкъ (мы, его пріятели, часто шутили на тему о „глѣбъ-гвардіи“). Во-вторыхъ, не трудно провѣрить, былъ-ли когда-нибудь на выставкѣ портретъ Успенскаго работы Крамского и былъ-ли онъ купленъ водочнымъ заводчикомъ С.; но вовсе не такъ легко говорить о денежной или какой другой помощи знаменитому писателю. Я вынужденъ, однако, сказать объ этомъ нѣсколько словъ.

Я не знаю условій, на которыхъ Успенскій продалъ изданіе своихъ сочиненій И. М. Сибирякову и потомъ Ф. Ф. Павленкову (а также и прежнимъ издателямъ, Базунову и др.). Т. е. я, пожалуй, и знаю ихъ, много разъ слышалъ отъ него самого, но никогда не могъ уразумѣть. Вообще, мудрено было уразумѣть его финансовые планы. Не смотря на неустанную работу и хорошій гонораръ (въ „Отечественныхъ Запискахъ“ высшій, какой только платился журналомъ, равный гонорару Салтыкова), онъ, какъ я уже говорилъ въ прошлый разъ, всегда нуждался въ деньгахъ, нуждался всегда сейчасъ, сію минуту, не думая о будущемъ. Этимъ, конечно, пользовались ловкіе люди, какъ ни старались

оберечь его близкіе къ нему. Вотъ, напримѣръ, сохранившаяся въ его бумагахъ записка Некрасова:

„Глѣбъ Ивановичъ, по документамъ вашимъ я убѣдился, что ваши сочиненія могутъ быть выручены отъ Базунова; тоже думаетъ Унковскій. Мы уговорились съ нимъ пересмотрѣть еще вмѣстѣ эти документы, позвать Базунова, устыдить его и взять отъ него записку. Но вотъ въ чемъ дѣло: вы не такъ поняли ту роль, которую я могу взять на себя въ качествѣ издателя: я не желаю *покупать* у васъ ваши сочиненія, я думалъ издать ихъ на свой счетъ, выручить свои деньги и затѣмъ остальной доходъ предоставить автору. Если вамъ это неудобно и вы можете найти для себя условія болѣе подходящія, то не стѣсняйтесь. Деньгами наличными я въ сіе время бѣденъ“.

Очевидно планъ практическаго, но доброжелательнаго Некрасова былъ выгоденъ для Успенскаго, но результатовъ этого плана пришлось бы ждать, а деньги нужны сію минуту; и Успенскій предпочелъ остаться въ тискахъ Базунова, можетъ быть прибавившаго, благодаря настояніямъ Некрасова и Унковскаго, грошъ къ тѣмъ двумъ грошамъ, за которые онъ купилъ изданіе. Не таковы были, разумѣется, мотивы Сибирякова и Павленкова. Напротивъ, въ ихъ дѣйствіяхъ видна даже какая-то излишняя опека и заботливость о будущемъ Успенскаго и его семьи, но, повторяю, я никогда не могъ понять этихъ сдѣлокъ и объ издателяхъ сочиненій Успенскаго вообще не намѣренъ распространяться.

Что касается литературнаго фонда, то я могу лишь заявить, что онъ не разъ выручалъ Успенскаго въ трудную минуту, а во время его болѣзни высылалъ на его надобности въ больницы, гдѣ онъ содержался, извѣстную сумму ежемѣсячно. Правда, эта сумма была очень не велика, но она шла исключительно на нѣкоторыя мелкія личныя нужды покойнаго, на табакъ и т. п. Матеріальныхъ заботъ не онъ, главнымъ образомъ, требовалъ, а его семья (жена и шестеро малолѣтнихъ дѣтей), оставшаяся съ его болѣзнью безъ всякихъ средствъ. Честь поддержки этой семьи до того момента, когда дѣти станутъ на ноги, взялъ на себя кружокъ друзей. Съ этою цѣлью собранъ былъ изъ единовременныхъ и періодическихъ взносовъ особый „капиталъ семьи Успенскаго“, хранившійся въ литературномъ фондѣ, но совершенно отъ него независимый, при помощи котораго задача и была благополучно выполнена. Первоначально планъ поддержки былъ разсчитанъ на шесть лѣтъ, но приливъ данниковъ любви и уваженія къ Успенскому оказался достаточнымъ для расширенія задачи до восьми лѣтъ; и трогательно было видѣть въ спискѣ этихъ добровольныхъ данниковъ рядомъ съ тысячными вкладчиками—вкладчиковъ грошовыхъ.

Наконецъ, врачи. Успенскій былъ въ трехъ больницахъ:

очень не долго у д-ра Фрея въ Петербургѣ, затѣмъ въ Новгородской Колмовской больницѣ, которою завѣдывалъ д-ръ Синани, и, наконецъ, въ Новознаменской больницѣ, находившейся подъ управленіемъ д-ра Реформатскаго. Какъ относился къ Успенскому знавшій его еще до болѣзни Б. Н. Синани, мы отчасти увидимъ изъ дневника послѣдняго, предоставленнаго имъ въ мое пользованіе. А д-ръ Реформатскій, перешедшій изъ Новознаменской больницы на другое мѣсто не задолго до смерти Успенскаго, говорилъ мнѣ, что ему было особенно тяжело разставаться съ Глѣбомъ Ивановичемъ, хотя и трудно приходилось иногда съ нимъ. И я это понимаю. Тѣ злоязычные люди, которые въ свое время палецъ о палецъ не ударили, чтобы какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь скрасить тяжкую жизнь Успенскаго, а теперь, когда онъ переселился въ невѣдомую страну, „идѣ же нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе“ и когда ему уже ничего не нужно, клевещутъ на близкихъ къ нему,—эти люди не имѣютъ понятія о томъ, какъ неотразимо обаятельна была личность покойнаго; какъ никто, приближавшійся къ нему, не могъ не испытывать на себѣ этого обаянія...

Когда я въ прошлый разъ писалъ объ Успенскомъ, я былъ далекъ отъ мысли, что какъ разъ ко дню выхода мартовской книжки нашего журнала онъ будетъ уже мертвъ. Не то, чтобы я этого боялся или ждалъ, просто не думалъ. Случайно скопились у меня три собранія его писемъ, и я ими воспользовался, чтобы напомнить читающей публикѣ о заживо-умершемъ писателѣ. Теперь въ моихъ рукахъ есть новые біографическіе матеріалы, но біографіи Успенскаго я всетаки не берусь написать, пусть они такъ и остаются матеріалами.

На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ собственная автобіографическая записка, составленная имъ для Ф. Ф. Павленкова, послѣдняго издателя его сочиненій, желавшаго издать и его біографію. Отдѣльныя мѣста изъ этой записки не разъ цитировались, но цѣликомъ она не была до сихъ поръ напечатана. Вотъ она.

„Ф. Ф.! Вы хотите имѣть отъ меня біографическія свѣдѣнія обо мнѣ самомъ. Не разъ уже я получалъ предложенія отъ составителей разныхъ біографическихъ словарей, иногда даже съ приложеніемъ таблицъ, разграфленныхъ какъ участковые листки: „Лѣта. Гдѣ родился. Званіе. Мѣсто ученія. Давно-ли почувствовалъ стремленіе“ и т. д. И при всемъ моемъ желаніи, я никогда не могъ удовлетворить желаній господъ составителей словарей. Не знаю, могу-ли исполнить и ваше желаніе, такъ какъ никакихъ мало-мальски опредѣленныхъ и кратко выраженныхъ подробностей моей нравственной жизни—никакимъ образомъ невозможно изложить въ краткой замѣткѣ; надобно перебрать все, что я написалъ, указать каждую страницу, объяснить отчего она написана такъ, а не иначе—чтобы видѣть, какія условія жизни

заставили меня и жить, и думать именно такъ, какъ я думалъ и какъ писалъ. Личныя подробности моей біографіи вродѣ того, что родился я 14 ноября 1840 г. въ Тулѣ и тамъ учился въ гимназіи до 56 года, послѣ чего переѣхалъ и поступилъ въ Черниговскую гимназію, оттуда въ 61 году поступилъ въ с.-петербургскій унив., откуда перешелъ въ московскій, гдѣ благополучно курса и не окончилъ,—такія подробности, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о моей жизни въ семьѣ, въ семейной обстановкѣ, все это разсказанное во всѣхъ подробностяхъ рѣшительно не имѣетъ въ себѣ даже и зародыша того, изъ чего сложилась моя литературная жизнь. Вся моя личная жизнь, вся обстановка моей личной жизни лѣтъ до 20-ти, обрекала меня на полное затмѣніе ума, полную погибель, глубочайшую дикость понятій, неразвитость и вообще отдаляла отъ жизни бѣлаго свѣта на неизмѣримое разстояніе. Я помню, что я плакалъ безпрестанно, но не зналъ, отчего это происходитъ. Не помню, чтобы до 20 лѣтъ сердце у меня было когда-нибудь на мѣстѣ. Вотъ почему, когда „насталъ 61 годъ", взять съ собою „въ дальнюю дорогу" что-нибудь впередъ изъ *моего личнаго прошлаго* было рѣшительно невозможно—ровно ничего, ни капельки; напротивъ, для того, чтобы *жить* хоть какъ-нибудь, надобно было непремѣнно до послѣдней капли *забыть все* это прошлое, истребить въ себѣ всѣ внѣдренныя имъ качеетва. Нужно было еще перетерпѣть все то разореніе невольной неправды, среди которой пришлось жить мнѣ годы дѣтскіе и юношескіе, надо было потратить годы на эти непрестанные похороны людей, среди которыхъ я выросъ, которые исчезали со свѣта безропотно, какъ погибающіе среди моря, зная, что никто не можетъ имъ помочь и спасти, что „не тѣ времена". Самая безропотность погибавшихъ людей, явное сознаніе, что все, что въ нихъ есть и чѣмъ они жили—неправда и ложь, и безпомощность ихъ, уже одно это прямо убѣждало людей моего возраста и обстановки жизни, что изъ *прошлаго* нельзя и не надо, и невозможно оставить въ себѣ даже самомалѣйшаго воспоминанія; ничѣмъ изъ этого прошлаго нельзя было и думать руководиться въ томъ новомъ, которое „будетъ", но которое рѣшительно еще неизвѣстно. Слѣдовательно, начало моей жизни началось только *послѣ забвенія моей собственной біографіи*, а затѣмъ и личная жизнь, и жизнь литературная стали созидаться во мнѣ одновременно *собственными средствами*; въ опустошенную отъ личной біографіи душу я пускалъ только то, что во всѣхъ смыслахъ противорѣчило неправдѣ; каждая „малость", которая радовала душу, гдѣ бы я ее ни нашелъ—попадала теперь непремѣнно въ мою новую душевную родословную. Лицо, котораго я могъ не видѣть никогда, но обликъ и сущность котораго я чувствовалъ всѣмъ сердцемъ—мой родной, родственникъ, другъ. Что-бы ни случилось, я знаю, что „*онъ*" есть, а

стало-быть не надо и робѣть. Личная душевная жизнь и неразрывная съ ней литературная работа поддерживались во мнѣ и подкрѣплялись долгіе годы безъ всякой личной или нравственной съ чьей-нибудь стороны поддержки, и такъ было до 68 года, когда я уже сталъ ощущать и нравственную поддержку добрыхъ и симпатичныхъ мнѣ людей. Но лѣтъ семь—съ 62-го по 68-ой—во мнѣ было упорное желаніе не ослабѣть въ неотразимомъ сознаніи, что у меня никакой прошлой біографіи нѣтъ... Одиночество въ этомъ отношеніи было полное. Съ крупными писателями я не имѣлъ никакихъ связей, а мои товарищи—люди старшіе меня лѣтъ на десять—почти всѣ безъ исключенія погибали на моихъ глазахъ, такъ какъ пьянство было почти чѣмъ-то неизбѣжнымъ для тогдашняго талантливаго человѣка. Всѣ эти подверженные сивушной гибели люди были уже извѣстны въ литературѣ, и живи они въ наше время, когда можно на полной свободѣ „плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ"—они бы написали много изящныхъ произведеній; но захватила ихъ новая жизнь, такая, что завтрашній день не могъ быть даже и предвидѣнъ—и талантливые люди почувствовали, что имъ не угнаться за толпой, начинающей жизнь безъ всякихъ литературныхъ традицій, должны были чувствовать въ этой оживавшей толпѣ свое полное одиночество... Сколько ни проявляй искусства въ поэмѣ, романѣ—„*они*" даже и не почувствуютъ... Спивавшихся съ кругу талантливѣйшихъ людей было множество, начиная съ такой потрясающей въ этомъ отношеніи фигуры, какъ П. И. Якушкинъ. Въ такомъ видѣ въ пору было „опохмѣлиться", „очухаться", очувствоваться—и какая ужъ тутъ „литературная школа"! Похвальбы въ пьяномъ видѣ было много; посуловъ—еще больше, анекдотовъ—видимо невидимо, а такъ чтобы отъ всего этого повеселѣть—нѣтъ, этого не скажу. Даже малѣйшихъ опредѣленныхъ взглядовъ на общество, на народъ, на цѣли русской интеллигенціи ни у кого рѣшительно не было. Немудрено, что ясно сознаваемое горе заливалось сивухой самыми талантливыми людьми.

„Созиданіе собственной своей новой духовной жизни привело меня къ мысли, что мнѣ нечего дѣлать среди этихъ талантливыхъ страдальцевъ. Положимъ, что я хлопочу около какого-нибудь дѣйствительно талантливаго человѣка, провожая его домой и усаживая „со шкандаломъ" на извозчикѣ, или обороняя отъ „грубаго дворника" и уговаривая не дѣлать мордобитія; но вѣдь это уже въ двадцатый разъ и можетъ надоѣсть, наконецъ... Положимъ, что вотъ и этотъ знакомый писатель тоже человѣкъ огромнаго дарованія; но что же мнѣ-то дѣлать, если я, придя къ нему поговорить, вижу, что онъ „не въ себѣ".

— Слышишь,—спрашиваетъ талантливый другъ,—какъ меня такой-то редакторъ ругаетъ?

Редакторъ, который ругаетъ, живетъ на Сергіевской; а тотъ, кто слышитъ его ругательства—въ Дмитровскомъ переулкѣ...

— Ишь лаетъ! А небось, до сихъ поръ восьми рублей не отдаетъ... Ухъ, какъ зашумѣлъ!..

Еще двѣ-три фразы, и вы видите, что человѣкъ въ бѣлой горячкѣ. Надобно идти къ доктору, тащить его въ больницу и лѣчить... А вылѣчится — жена не пускаетъ пріятелей къ мужу. Да и онъ боится ихъ, какъ огня, и самъ не идетъ никуда, боясь запить.

„Несомнѣнно, народъ этотъ былъ душевный, добрый и глубоко талантливый; но питейная драма, питейная болѣзнь, похмѣлье и вообще разслабленное состояніе, извѣстное подъ названіемъ „послѣ вчерашняго", занимало въ ихъ жизни слишкомъ большое мѣсто. Не было у нихъ читателя, они писали неизвѣстно для кого и хвалили только другъ друга... Одиночество талантливыхъ людей вело ихъ къ трактирному оживленію и шуму. Ко всему этому надобно прибавить, что въ годы 1863—1868 все въ журнальномъ мірѣ падало, разрушалось и валилось. „Современникъ" сталъ тусклъ и упалъ во мнѣніи живыхъ людей, отводя по полкниги на безплодныя литературныя распри, а потомъ и былъ закрытъ. Закрыто и „Русское Слово", и вообще мало-мальски видные дѣятели разбрелись, *исчезли*. Начали появляться какія-то темныя изданія съ темными издателями... Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, когда пришли описывать его за долги, сталъ на глазахъ пристава ѣсть овесъ, прикинувшись помѣшаннымъ (Артоболевскій). Когда, наконецъ, въ 1868 г. основались новыя „Отечественныя Записки", первые годы въ нихъ тоже было мало уюта... Все, что собралось, было значительно поломано нравственно и физически, пока, наконецъ, дѣло не стало на широкую дорогу. Пока оно складывалось, жить въ неустановившемся и неуютномъ обществѣ большей частью до послѣдней степени изломанныхъ писателей (съ новыми я едва встрѣчался еще), не было никакой возможности, и я уѣхалъ за границу. За границей я былъ два раза въ 1871 г., послѣ коммуны, при чемъ видѣлъ избитый и прусскими, и коммунарскими бомбами и пулями городъ, видѣлъ, какъ приговариваютъ къ смерти сапожниковъ и башмачниковъ; въ другой разъ я прожилъ тамъ подрядъ два года, по временамъ только пріѣзжая въ Россію. Въ это время я былъ въ Лондонѣ. Я мало писалъ объ этомъ, но многому научился, много записалъ добраго въ мою душевную родословную книгу навсегда... Затѣмъ прямо изъ Парижа я поѣхалъ въ Сербію и въ Пештѣ встрѣтилъ *нашихъ*. И объ этомъ я *мало* писалъ, но много передумалъ и навѣки много опять-таки взялъ въ свою душевную родословную. Затѣмъ подлинная правда жизни повлекла меня къ *источнику*, т. е. къ мужику. По несчастью, я попалъ въ такія мѣста, гдѣ *источника* видно не было... Деньга привалила въ эти

мѣста, и я видѣлъ только, до чего можетъ дойти бездушный мужикъ при деньгахъ. Я здѣсь, въ теченіе $1^1/_2$ года, не зналъ ни дня, ни ночи покоя. Тогда меня ругали за то, что я не люблю народъ. Я писалъ о томъ, какая онъ свинья, потому что онъ дѣйствительно творилъ преподлѣйшія вещи. Но мнѣ нужно было знать *источникъ* всей этой хитроумной механики народной жизни, о которой я не могъ доискаться никакого простого слова и нигдѣ. И вотъ я изъ шумной, полупьяной, развратной деревни забрался въ лѣса Новгородской губерніи, въ усадьбу, гдѣ жила только одна крестьянская семья. На моихъ глазахъ дикое мѣсто стало оживать подъ сохой пахаря, и вотъ я тогда въ первый разъ въ жизни увидѣлъ дѣйствительно *одну подлинную важную черту въ основахъ жизни русскаго народа* — именно, власть земли.

„Такимъ образомъ, вся моя личная біографія, примѣрно до 1871 г., рѣшительно должна быть оставлена безъ всякаго вниманія; вся она была сплошнымъ затрудненіемъ „жить и думать“ и поглощала множество силъ и времени на ея окончательное забвеніе. Все же, что накоплено мною „собственными средствами“ въ опустошенную забвеніемъ прошлаго совѣсть, все это пересказано въ моихъ книгахъ, пересказано поспѣшно, какъ пришлось, но пересказано все, чѣмъ я *жилъ* лично. *Такимъ образомъ, вся моя новая біографія, послѣ забвенія старой, пересказана почти изо дня въ день въ моихъ книгахъ. Больше у меня ничего въ жизни личной не было и нѣтъ.* Много это или мало—судить не мнѣ“.

Отмѣтимъ, прежде всего, одно фактическое недоразумѣніе. Успенскій пишетъ, что онъ родился 14 ноября 1840 года; такъ значится и въ исторіи новѣйшей русской литературы А. М. Скабичевскаго, очевидно со словъ приведенной автобіографической записки, которая была ему извѣстна. Но въ іюньской книжкѣ „Русскаго Богатства“ 1894 г. была напечатана статья близкаго родственника и товарища дѣтства Успенскаго, озаглавленная „Глѣбъ Ивановичъ Успенскій“ и подписанная псевдонимомъ „Дм. Васинъ“. Въ ней находимъ слѣдующую поправку: „Г. И. Успенскій родился въ г. Тулѣ, 13 октября 1843 г. (а не 14 ноября 1840 г., какъ сказано въ Исторіи новѣйшей литературы А. М. Скабичевскаго)“. А въ упомянутомъ дневникѣ Б. Н. Синани подъ 5 іюля 1894 г., между прочимъ, записано: „Читалъ (Успенскій) „Русское Богатство“, которое выпросилъ у меня нѣсколько дней тому назадъ, узнавъ, что тамъ (въ 6-мъ номерѣ) есть о немъ біографическая замѣтка. До того онъ ничего не читалъ. (Кстати: до сихъ поръ онъ продолжаетъ не писать ничего, даже своей

семьѣ) *). Подали завтракъ, не отказался. (NB. Относительно дня его рожденія, которое, по словамъ его двоюроднаго брата, автора замѣтки, не вѣрно показано у Скабичевскаго, Гл. Ив. далъ слѣдующее объясненіе. Родился онъ, дѣйствительно, не 14 ноября, а 13 октября. Скабичевскій введенъ въ ошибку тѣмъ, что Гл. Ив. празднуетъ день своего рожденія 14 ноября. Сталъ онъ это дѣлать въ виду того, что 15 ноября день рожденія Михайловскаго. Онъ выбралъ для себя 14 ноября, чтобы праздновать его вмѣстѣ съ Михайловскимъ, чтобы празднество шло два дня подъ рядъ, какъ бы безъ перерыва, слитно. Годъ рожденія 1840, а не 1843)".

Исторія съ переносомъ самимъ Успенскимъ *дня* его рожденія совершенно вѣрна, но относительно *года* правъ, кажется, авторъ замѣтки, напечатанной въ „Русскомъ Богатствѣ": Глѣбъ Ивановичъ, вопреки его собственному показанію въ автобіографической запискѣ и въ разговорѣ съ Б. Н. Синани, родился, кажется, въ 1843, а не 1840 г. Это, впрочемъ, подробность, не имѣвшая въ глазахъ Успенскаго никакого значенія, какъ это видно и изъ автобіографической записки, и изъ самаго факта свободнаго распоряженія днемъ рожденія. Да это и не важно вообще для біографіи, столь бѣдной внѣшними событіями и столь богатой внутреннимъ содержаніемъ. Къ сожалѣнію, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи автобіографическая записка даетъ немного, да и то, что она даетъ, нѣсколько смутно. Попробуемъ, однако, установить еще нѣкоторыя хронологическія данныя, хоть приблизительно.

Примѣрно до 20-ти лѣтъ, до поступленія въ 1861 г. въ университетъ, жизнь обрекала Успенскаго, „на полное затменіе ума, полную погибель, глубочайшую дикость понятій", онъ „не помнитъ, чтобы до 20-ти лѣтъ сердце у него было когда-нибудь на мѣстѣ". Въ чемъ состоялъ ужасъ этого существованія,—не видно изъ автобіографической записки, и объясненія надо искать въ раннихъ произведеніяхъ Успенскаго. По свидѣтельству упомянутаго родственника его, г. Дм. Васина, многія отдѣльныя мѣста „Нравовъ Растеряевой улицы", „Разоренья", „Новыхъ временъ, новыхъ заботъ"—представляютъ собою художественную переработку подлинныхъ фактовъ семейной хроники. Общій выводъ, къ которому приходитъ г. Васинъ, таковъ: „Со стороны отца Гл. И—ча являются люди науки, и, напротивъ, родные матери были поклонниками искусства. Эти наука и искусство послужили какъ бы элементами для возсозданія такого писателя, который, на самомъ дѣлѣ, представляетъ изъ себя и художника, и глубокаго

*) Это относится, разумѣется, только къ данному моменту, къ серединѣ іюля 1894 г. Раньше (какъ и позже) онъ и читалъ, и писалъ письма.
Н. М.

мыслителя“ („Русское Богатство“ 1894, іюнь, стр. 59). Для самого Успенскаго, какъ мы сейчасъ увидимъ, его генеалогія освѣщалась нѣсколько иначе, да и въ замѣткѣ г. Васина проскальзываетъ много мрачнаго, не имѣющаго ничего общаго ни съ наукой (ограничивавшейся, впрочемъ, семинаріей и, самое большое, духовной академіей), ни съ искусствомъ. Сопоставляя автобіографическую записку Успенскаго съ отдѣльными мѣстами „Нравовъ Растеряевой улицы“ и проч., имѣющими характеръ художественной обработки подлинныхъ фактовъ, мы можемъ видѣть, въ чемъ состоялъ тотъ ужасъ существованія въ дѣтствѣ и ранней молодости нашего писателя, о которой онъ самъ говоритъ. Среда, въ которой росъ нервный, впечатлительный мальчикъ, въ которой онъ „плакалъ безпрестанно“, въ которой онъ „не помнитъ, чтобы сердце у него когда-нибудь было на мѣстѣ“, была типичною средою дореформеннаго канцелярско-семинарскаго быта. Когда такъ называемые шестидесятые годы пошатнули устои этого быта, и Успенскій поступилъ, какъ разъ въ годъ освобожденія крестьянъ, въ университетъ, его первою задачею стало, какъ онъ выражается, „забвеніе своей собственной біографіи“. Увы! это ему не вполнѣ удалось даже до конца жизни... Когда въ 1889 г. покончилъ самоубійствомъ его двоюродный братъ, очень талантливый, но нравственно заживо погибшій Н. В. Успенскій, Глѣбъ Ивановичъ писалъ мнѣ: „Сегодня я положительно не могъ сомкнуть глазъ всю ночь подъ вліяніемъ самыхъ мрачныхъ воспоминаній о Николаѣ Успенскомъ. Сейчасъ (10 часовъ) меня одолѣваетъ сонъ, и если я засну и просплю панихиду,—вы на меня не сердитесь. Писать я ничего о немъ не буду. Это значило бы вспомнить всю подлость прошлаго, которое я всячески боялся вспоминать. Зачѣмъ это теперь возобновлять? Я и такъ едва живъ“.

Надо, однако, замѣтить, что Николай Успенскій напоминалъ ему не только ужасы дѣтства и ранней гимназической молодости. Въ томъ новомъ періодѣ его жизни, который начался со вступленія въ университетъ, тоже не все радость была. Первое время онъ пробавлялся корректурной и мелкой, болѣе или менѣе случайной литературной работой, и только разставшись съ университетомъ, отдался литературѣ вполнѣ. Къ этому времени и относятся его воспоминанія о пьяныхъ талантахъ, среди которыхъ онъ былъ одинокъ и безпомощенъ. Изъ этихъ погибшихъ талантовъ онъ поминаетъ одного Якушкина. Но самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ былъ, уже просто по родственнымъ отношеніямъ, Николай Успенскій. Я познакомился съ Глѣбомъ Ивановичемъ въ 1868 г., когда, съ переходомъ „Отечественныхъ Записокъ“ въ руки Некрасова, начался третій періодъ его жизни и не помню, чтобы встрѣчался у него съ Николаемъ Успенскимъ. Но онъ не разъ прямо съ дрожью говорилъ мнѣ о своей

былой близости съ этимъ утопленнымъ въ водкѣ талантомъ. Впослѣдствіи, оглядываясь на 1862—1868 годы, Успенскій далъ чудныя страницы, характеризующія это время, какъ время „болѣзни совѣсти". Старые устои разваливались и развалились, „гармонія свиного элемента" дала множество трещинъ, и совѣсть настойчиво заговорила о неправой жизни, и этотъ настойчивый голосъ больно отзывался въ душахъ. Не всѣ и не съ разу находили путь жизни, сколько нибудь удовлетворяющій требованіямъ разбуженной совѣсти, не всѣ даже понимали, что творится въ ихъ головахъ и сердцахъ; въ числѣ ихъ были и пьянствующіе таланты, съ которыми судьба свела Успенскаго,—съ верхами литературы и общественной жизни, гдѣ процессъ обновленія происходилъ сознательно, онъ былъ мало знакомъ. Да и въ обновленныхъ въ 1868 г. „Отечественныхъ Запискахъ" для него „первые годы тоже было мало уюта"...

Возвращаюсь къ „генеалогіи" Глѣба Ивановича, какъ она освѣщалась для него самого. Приведу выписку изъ вышеупомянутаго дневника Б. Н. Синани. 22 сентября 1892 г., на другой же день послѣ поступленія Успенскаго въ Колмовскую больницу, въ дневникѣ записано:

... „утромъ, сейчасъ послѣ завтрака, онъ самымъ простымъ и толковымъ образомъ по собственной иниціативѣ сообщилъ мнѣ о своемъ происхожденіи. Отецъ его изъ духовнаго званія, мать изъ рода Соколовыхъ. Семья отца обилуетъ сумасшедшими. Одинъ братъ отца былъ архимандритомъ и умеръ сумасшедшимъ. Другой братъ отца кончилъ жизнь самоубійствомъ. Вообще съ отцовской стороны много ненормальностей (и, повидимому, больному несимпатичнаго). Со стороны матери родные все народъ даровитый: одинъ былъ живописцемъ, другой музыкантомъ, многіе писателями и сотрудничали въ „Современникѣ". Повидимому, симпатіи его лежатъ всецѣло на сторонѣ материнской линіи.

„Теперь перейду къ разговору вечернему. Изложить его слова въ томъ порядкѣ и въ томъ безсвязномъ видѣ, какъ онъ ихъ говорилъ, я не могу. Я позволю себѣ систематизировать ихъ. Нужно еще отмѣтить то обстоятельство, что его нужно считать личностью совершенно отличною отъ людей нашего типа, привыкшихъ думать мыслями. Онъ производитъ впечатлѣніе такого человѣка, который только и можетъ мыслить (если можно такъ выразиться) образами. Эта особенность развита у него въ такой степени, что для насъ она можетъ казаться почти непонятною и въ нормальномъ его состоянія. Тѣмъ болѣе она кажется таковою въ теперешнемъ его состояніи. Итакъ, его языкъ образовъ я долженъ буду излагать языкомъ понятій.

„Съ самаго его заболѣванія и до сихъ поръ въ его сознаніи идетъ борьба между двумя началами: началомъ справедливости и началомъ, не ясно выражаемымъ, но противоположнымъ пер-

вому. Ему кажется, что его *я* раздвоенное, состоящее изъ двухъ личностей, борющихся другъ съ другомъ. Первая личность есть *Глѣбъ* (Успенскій), вторая личность есть Глѣбъ *Ивановичъ* Успенскій, и даже проще и выразительнѣе *Ивановичъ*. (*NB*. Отецъ матери назывался Глѣбомъ, Ивановичъ отъ Ивана, значитъ отца его). Какъ ни борется Глѣбъ, но ему очень трудно не только уничтожить, убить Ивановича, но даже устоять противъ власти его. Со времени его болѣзни борьба между ними идетъ ожесточенная. Случалось, что Глѣбъ, какъ будто, отвоевывалъ свое существованіе, пріобрѣталъ свою половину, но это оставалось не долго. Ивановичъ снова вторгался въ его область, пренебрегая всякими уговорами, всякими условными компромиссами, часто разрушалъ ихъ и заполонялъ Глѣба. При полномъ его торжествѣ больной не только казался себѣ, но и въ дѣйствительности являлся въ самыхъ несимпатичныхъ, безобразныхъ, отвратительныхъ видахъ, до буквальнаго образа свиньи включительно съ ея и черепомъ, и мордою, и хребтомъ, и ребрами, и даже перестановкою верхнихъ конечностей снаружи внутрь. Такъ какъ превращеніе въ свинью является наиболѣе крайнею формою выраженія побѣды Ивановича, то я объ этомъ и буду говорить главнымъ образомъ. Повидимому, всякій разъ, какъ настроеніе его ухудшалось и соотвѣтственно съ этимъ въ сознаніи его начинали преобладать представленія мрачнаго характера, въ его самознаніи и самоопредѣленіи все болѣе и болѣе преобладала личность Ивановича. Однажды ночью онъ, наконецъ, отрекся отъ самого себя, отъ Глѣба въ пользу Ивановича. Какъ только онъ подписалъ это отреченіе „отъ самого себя въ свою же пользу", съ нимъ началось превращеніе въ отрицательномъ направленіи. Утромъ слѣдующаго дня онъ ощущалъ, какъ хребетъ его и ребра стали твердые, крѣпкіе, окостенѣвшіе (оскотинился?) и т. д. Какъ онъ ни боролся, но руки его такъ и тянулись къ тому, чтобы сростись съ грудью и направиться впередъ. Онъ употреблялъ неимовѣрныя усилія вернуть ихъ въ нормальное положеніе, хоть сколько-нибудь перетянуть ихъ назадъ, но когда это ему не удавалось, онъ тогда то, повидимому, и совершалъ свои насилія надъ самимъ собою: старался разбить себѣ голову, перерѣзывалъ себя пополамъ вдоль всего тѣла, перерѣзывалъ себѣ горло, огнемъ жегъ себя, чувствовалъ, какъ онъ горитъ. Иногда ему казалось, что онъ въ большей или меньшей степени достигаетъ цѣли, что если не внутри, то хотя снаружи слѣзаетъ съ него его отрицательное я. Бывали случаи, когда сквозь мракъ заполняющей и заполнившей его отрицательной его личности пробивался свѣтлый лучъ въ образѣ то дѣйствительныхъ лицъ, какъ Короленко, Вольфсонъ *), то фантастическихъ образовъ, какъ ангелъ, какъ

*) Женщина-врачъ, очень уважаемая Успенскимъ.

монахиня Маргарита. Бывало, они отстоятъ Глѣба, но потомъ опять все это рухнетъ, и Ивановичъ вступаетъ въ полное владѣніе. Торжество Ивановича не ограничивалось однимъ отрицательнымъ превращеніемъ его личности въ смыслѣ его самооцѣнки, самопониманія, самоопредѣленія. Онъ совершалъ чудовищныя преступленія. Онъ, напримѣръ, убилъ своихъ дѣтей, свою семью, перетравилъ ихъ всѣхъ до единаго стрихниномъ. Больной прибавляетъ, что потомъ каждый разъ удивлялся, какимъ образомъ онъ все еще оказывается въ живыхъ. При этомъ припоминаетъ случай, какъ онъ у Фрея, при мнѣ (кажется 1 іюля) отнесся къ своему сыну, явившемуся къ нему на свиданіе для опроверженія его бреда о томъ, что вся его семья отравлена стрихниномъ. Онъ помнитъ, какъ онъ встрѣтилъ его угрюмо и съ неудовольствіемъ по поводу того, что онъ живъ. Вообще замѣчательно, что въ памяти его сохранились всѣ, даже малѣйшія впечатлѣнія изъ внѣшняго міра, дошедшія тогда до его сознанія. Мало этого, онъ довольно хорошо помнитъ свое поведеніе и даже слова во время самыхъ острыхъ періодовъ своей болѣзни. Не совсѣмъ ясно припоминаетъ онъ только детали бредовъ, отличавшихся крайнею сложностью и быстрою смѣною представленій, хотя въ то время представленія эти отличались такой яркою образностью, что при его разсказѣ они кажутся похожими на сложныя галлюцинаціи, т. е. образы эти имъ объективировались во внѣ его. Повидимому, каждое представленіе у него имѣетъ склонность сопровождаться галлюцинаціями (или псевдогаллюцинаціями) тѣхъ органовъ чувствъ, которыя играютъ роль въ образованіи этихъ представленій. Этимъ должно, я думаю, объяснить одновременное существованіе въ его бредахъ галлюцинацій и зрѣнія, и слуха, и чувствительности, и общаго чувства. Онъ воочію видитъ какую-нибудь личность, слышитъ ея слова и въ то же время получаетъ и ощущенія осязательныя и мышечныя, какъ напримѣръ, въ слѣдующемъ случаѣ: стоитъ передъ нимъ кто-то (кажется, монахиня Маргарита), приказываетъ ему вытянуть руки ладонями вверхъ и дать ихъ оплевать. Больной и видитъ, и чувствуетъ, какъ ладони его сплошь покрыты толстымъ слоемъ плевковъ. Ему приказываютъ поднести руки къ лицу и обмазать его этой гадостью. Онъ это исполняетъ. Подобными путями ему случалось на время воскресить въ себѣ Глѣба или совѣсть, но ненадолго. Вскорѣ опять вступалъ въ свои права Ивановичъ".

Позже, когда бредъ Глѣба Ивановича принялъ мистическій характеръ, у д-ра Синани находимъ такую запись:

„Бредъ его относительно людей, если его осмыслить, можно изложить слѣдующимъ образомъ. Когда говорятъ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій, Александра Васильевна Успенская, Александръ Глѣбовичъ Успенскій и т. п., то эти лица являются самыми ординарными субъектами, лицами, ничего не значущими, ничего

почти не стоющими, обладающими всевозможными несовершенствами. Назвавши ихъ обычными ихъ именами, отчествами и фамиліями, ихъ лишаютъ всякихъ высшихъ духовныхъ качествъ. Если же ихъ называть только именами, то они освобождаются отъ всякихъ качествъ, присущихъ отдѣльнымъ индивидуумамъ, свойственнымъ обыкновеннымъ человѣческимъ существамъ; тогда они являются носителями высокихъ духовныхъ качествъ, характеризующихъ тѣхъ святыхъ, которые носятъ эти имена, и не только одного какого-нибудь святого, но и всѣхъ вообще великихъ людей подъ тѣми же именами".

Къ мистическому бреду Успенскаго мы еще вернемся. Теперь для насъ важно подчеркнуть его отдѣленіе личнаго имени отъ отчества и его отрицательное отношеніе къ послѣднему, доходившее до упорной борьбы между свѣтлымъ Глѣбомъ и представителемъ мрака и зла—Ивановичемъ. Читатель видитъ, что весь ужасъ „генеалогіи" или первыхъ главъ біографіи Успенскаго, отъ котораго у него до 20 лѣтъ „сердце было не на мѣстѣ" и который онъ старался съ корнемъ вырвать изъ своей памяти, всплылъ таки въ немъ въ мучительныхъ формахъ бреда. Но я думаю, что и раньше онъ былъ мученикомъ больной совѣсти, принявшей въ бреду форму борьбы Глѣба съ Ивановичемъ, лично ему принадлежащаго духовнаго начала и полученнаго по наслѣдству. Какъ ни фантастична мысль Успенскаго, но въ ней есть зерно истины. Критико-біографическій пріемъ, обращающій писателя въ какую-то безплотную математическую точку—центръ перекрещивающихся вліяній наслѣдственности и среды, выкуриваетъ изъ него весь личный ароматъ, все, чѣмъ онъ отличается отъ людей, находящихся подъ тѣми же вліяніями и что онъ часто сознательно враждебно противопоставляетъ этимъ вліяніямъ. Можно, пожалуй, возразить, что условія среды и особенно наслѣдственности лишь въ очень рѣдкихъ, даже исключительныхъ случаяхъ тождественны для разныхъ людей. Уже одна разница въ возрастѣ родителей старшихъ и младшихъ дѣтей создаетъ различныя условія зачатія и утробной жизни, а, слѣдовательно, и различную наслѣдственность. Но мы никогда не будемъ въ состояніи проникнуть въ эти таинственные узлы сложныхъ комбинацій и свести къ нимъ индивидуальныя особенности даннаго лица. Какъ бы ни углублялся нашъ анализъ вліяній наслѣдственности и среды, всегда останется нѣчто такое, что мы должны признать личной красотой или безобразіемъ, личной заслугой или грѣхомъ человѣка. Памятуя освѣщеніе, данное самимъ Успенскимъ своей „генеалогіи", надо признать, что по наслѣдству онъ получилъ, вмѣстѣ съ художественнымъ талантомъ, зачатки психической неуравновѣшенности и „свиного элемента", какъ выражается дьяконъ въ разсказѣ „Неизлѣчимый"; лично же ему, Глѣбу, принадлежитъ борьба съ этимъ свинымъ элементомъ

и страстная жажда душевнаго равновѣсія, гармоніи, какъ въ себѣ самомъ, такъ и въ окружающей жизни... Въ этихъ страстныхъ поискахъ равновѣсія и въ этой борьбѣ — будемъ говорить: съ „Ивановичемъ"—заключается вся біографія Успенскаго, начиная съ дѣтскаго или ранняго юношескаго возраста, когда онъ „безпрестанно плакалъ, не зная, отчего это происходитъ", продолжая всею его литературною дѣятельностью и кончая тяжелымъ временемъ помраченія сознанія.

Чтобы оцѣнить, во что обходилась Успенскому эта его внутренняя жизнь, надо принять въ соображеніе его „обнаженные нервы",—я не знаю никого, къ кому это, изобрѣтенное кѣмъ-то изъ нашихъ ломающихся декадентовъ выраженіе такъ подходило бы. Одно изъ самыхъ раннихъ его писемъ къ женѣ (1868 г.) содержитъ въ себѣ, въ перемежку съ разными ласковыми словами, такія сообщенія и восклицанія: „Вдругъ сію минуту (11 часовъ ночи) хлынулъ страшный дождь, до ужаса страшный, просто ужасъ, ужасъ. Я боюсь тушить свѣчу... Молнія! Смерть моя, и громъ. Ужасъ. Ей Богу, я умру!" Онъ боялся собакъ, лошадей, крутыхъ спусковъ съ горъ, во время купанья кричалъ, входя въ воду, и т. п. Обобщить все это простымъ словомъ „трусость", однако, нельзя. Во-первыхъ, онъ боялся не только за себя. Ѣздить съ нимъ на извозчикѣ бывало иногда истиннымъ мученьемъ, пополамъ со смѣхомъ. Опасности чудились ему постоянно, и не только для себя, но и для другихъ: ѣдущій впереди сѣдокъ, пересѣкающій конку въ добрыхъ трехъ саженяхъ отъ нея, приводилъ его въ волненіе: сейчасъ попадетъ подъ конку! Затѣмъ, въ немъ проявлялись иногда черты, которыя уже никакъ не мирятся съ трусостью. Одинъ нашъ общій пріятель разсказывалъ мнѣ, какъ однажды въ Парижѣ, на его глазахъ и отчасти изъ-за него, разгнѣванный грубостью полицейскаго сержанта, Глѣбъ Ивановичъ схватилъ его за шиворотъ и уже замахнулся палкой; исторія кончилась благополучно, благодаря вмѣшательству стоявшихъ поблизости французовъ, узнавшихъ, что сержантъ имѣетъ дѣло съ иностранцами. Обыкновенно деликатный и кроткій („зачѣмъ я буду будить въ человѣкѣ свинью?"— говорилъ онъ въ объясненіе своей, даже чрезмѣрной деликатности),—онъ иногда способенъ былъ на рѣзкія вспышки, въ которыхъ потомъ всегда каялся. Однажды онъ буквально выгналъ отъ себя нѣкоего г. Z, въ которомъ свинья проснулась уже слишкомъ явственно. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ писалъ мнѣ: „Кажется, я окончательно скоро исчезну съ лица земли. Цѣлые дни не могу встать съ постели. Оттого и къ вамъ не иду. Z прислалъ мнѣ письмо, но я его не читалъ. Я такъ боленъ, что боюсь, если онъ меня огорчитъ,—совсѣмъ не буду въ состояніи „работать". Рѣшившись, наконецъ, распечатать письмо, онъ остался доволенъ его содержаніемъ, и дѣло кончи-

лось миромъ. Вообще въ примѣненіи къ нему мудрено говорить о трусости или смѣлости. Все дѣло было въ обнаженныхъ нервахъ, которые разно, въ ту или другую сторону, но всегда сильно реагировали на впечатлѣнія.

И вотъ представьте себѣ такого человѣка, переживающимъ бредъ избіенія всей семьи и всѣхъ друзей или собственнаго превращенія въ свинью. А между тѣмъ, всѣ эти ужасы, и еще большіе, представляли собою только фантастически комбинированныя и преувеличенныя волненія, переживаемыя Успенскимъ и въ здоровомъ состояніи. Въ корнѣ Глѣбъ Ивановичъ оставался и больнымъ все тѣмъ же Глѣбомъ Ивановичемъ, какимъ мы его знали здоровымъ,—все такъ же возвышенно настроеннымъ, все такъ же занятымъ борьбою со зломъ и мракомъ, которая теперь только вся обратилась внутрь его собственной души, наконецъ даже все такъ же талантливымъ, потому что нѣкоторыя изъ его безумныхъ фантазій поражаютъ своею оригинальной красотой.

Въ прошлый разъ я приводилъ отрывокъ изъ его письма къ г-жѣ N, въ которомъ онъ кается, что былъ у нея „въ пьяномъ видѣ". Но что же онъ дурнаго или унизительнаго сдѣлалъ въ этомъ пьяномъ видѣ? Ничего подобнаго. Изъ того же письма видно, что онъ „прорицалъ о литературѣ и о дамахъ, которыхъ надо удержать въ предѣлахъ серьезнаго интереса". Такъ и больной онъ устремлялъ свое вниманіе исключительно на высокія темы. Дневникъ д-ра Синани переполненъ медицинскими подробностями, между которыми есть и физически нечистоплотныя, и въ другихъ отношеніяхъ неудобоназываемыя. И, не смотря на это, читая дневникъ, вы все время находитесь въ нѣкоторой возвышенной сферѣ, обволакивающей, проникающей собою и преобразующей грязныя подробности, — онѣ растворяются въ ея чистотѣ.

Читатель обратилъ, можетъ быть, вниманіе на поминающуюся въ дневникѣ монахиню Маргариту, которая помогала несчастному въ борьбѣ съ „Ивановичемъ". Эта монахиня Маргарита играла вообще большую роль въ его бредовыхъ идеяхъ. Въ дневникъ занесена, между прочимъ, слѣдующая его запись: „Выходъ. Всѣ колокола (сегодня воскресенье) прозвонили мнѣ: Во время оно Глѣбъ Ивановичъ Успенскій былъ вознесенъ на небеса во вселенную и былъ онъ здѣсь въ образѣ монахини Маргариты въ братскомъ союзѣ съ инокомъ рабомъ божіимъ Глѣбомъ. Вселенная въ небесахъ я видѣлъ (дальше не разборчиво). А теперь онъ сидитъ за столомъ совсѣмъ"... На этомъ запись обрывается. Объ этой монахинѣ Маргаритѣ онъ и мнѣ много разъ разсказывалъ, очень картинно описывая ея появленіе. Она посѣщала его еще въ больницѣ д-ра Фрея, принося съ собой утѣшеніе и ободреніе. Никакой монахини Маргариты онъ, кажется, не зналъ, по крайней мѣрѣ, я раньше никогда не слыхалъ отъ него этого имени.

Это было чистѣйшее созданіе его больной фантазіи. Не смотря на живописное изображеніе ея появленія, наружности ея я такъ и не знаю; знаю только, что въ ней были собраны и какъ-то спаяны всѣ лучшія стороны всѣхъ лучшихъ извѣстныхъ ему женщинъ, при чемъ онъ перечислялъ ихъ поименно.

Надо замѣтить, что въ здоровомъ состояніи Успенскій былъ совершенно равнодушенъ къ религіознымъ вопросамъ. Не то, чтобы онъ не вѣрилъ въ бытіе божіе или въ истинность христіанскихъ догматовъ, или сомнѣвался въ нихъ,—просто онъ не останавливался на этихъ предметахъ. Нѣкоторыхъ св. русскихъ угодниковъ онъ высоко чтилъ за то, что они „зоологическую правду“ народной жизни старались поднять до высоты христіанской морали. Особенно ему нравилась народная легенда о св. Николаѣ Чудотворцѣ и св. Касьянѣ: первый явился къ Богу въ грязной и изорванной одеждѣ, потому что проводилъ время въ трудѣ, и за это Богъ предоставилъ ему много праздниковъ въ году; Касьянъ же предсталъ въ новомъ и блестящемъ нарядѣ, и за это ему данъ только одинъ праздникъ въ четыре года. Все это не имѣло никакого отношенія къ религіознымъ догматамъ и обрядамъ. Но въ больницѣ (въ Колмовской уже) его охватило мистически религіозное настроеніе, а затѣмъ онъ сталъ исполнять и церковные обряды. Дѣло началось на почвѣ все той же внутренней борьбы съ „Ивановичемъ“.

Но здѣсь намъ нужно сдѣлать довольно большое отступленіе.

Временами Глѣбу Ивановичу становилась лучше. Въ дневникѣ д-ра Синани встрѣчается, напримѣръ, такая запись: „Продолжаетъ писать. Читаетъ, повидимому, очень толково. Отзывы о писателяхъ и т. п. отличаются обстоятельностью, увѣренностью, знаніемъ дѣла. Вообще производитъ впечатлѣніе крайне отрадное. Что то будетъ? Неужели Глѣбъ Ивановичъ поразитъ насъ и поправится настолько, что будетъ даже писать попрежнему? Я боюсь даже мечтать объ этомъ“. Но, очевидно, докторъ мечталъ, и оптимистическій взглядъ, хотя и очень рѣдко, подсказывался не только объективными данными, а и любовнымъ отношеніемъ врача къ больному. Какъ-бы то ни было, но больному становилось временами настолько лучше, что онъ ѣздилъ, съ провожатыми, конечно, въ Новгородъ, посѣщалъ тамъ знакомыхъ, бывалъ на земскихъ собраніяхъ, отпускался къ себѣ въ Чудово, откуда дѣлалъ довольно большія экскурсіи, ѣздилъ и въ Петербургъ. Въ большинствѣ случаевъ дальнія поѣздки оканчивались худо. Вотъ нѣсколько записей д-ра Синани:

„*24/IV* (1893). Глѣбъ Ивановичъ сегодня отправился пѣшкомъ въ Чудово въ сопровожденія Степанова.

„*29/IV*. Вернулся со мной обратно.

„*5/V*. Выписался въ Чудово. Сопровождаетъ его Степановъ.

„*9/VI*. Сегодня пришлось привести его обратно въ Колмово.

Жизнь въ семьѣ оказалась для него крайне неблагопріятною. Съ первыхъ же дней совмѣстной жизни съ женою онъ разочаровался въ одномъ изъ сильно занимавшихъ его желаній... Подъ вліяніемъ отчаянія онъ 11 мая сильно разможжилъ себѣ мягкія части темени камнемъ. Когда я пріѣхалъ къ нему, онъ сожалѣлъ, что онъ такъ поступилъ, объяснилъ свой поступокъ кратковременнымъ сумасшествіемъ и при этомъ, какъ-бы въ объясненіе мотивовъ, приведшихъ его въ это состояніе, проговорилъ слѣдующую фразу: „что-же? Писатель я не писатель, отецъ я не отецъ —семью мою содержатъ другіе, а не я, мужъ я не мужъ; никому я не нуженъ, а только въ тягость". Чѣмъ дальше, тѣмъ больше было поводовъ для разочарованій. Появились угрюмость, молчаливость, неудовлетворенность, досада на себя и на окружающихъ, раздражительность. Появились дерганье себя за бороду, бормотанье про себя фразъ вродѣ слѣдующихъ: „3000 въ годъ", „Сашечка пріѣдетъ", „пошелъ вонъ" и т. п., шушуканье, выдыханіе вродѣ свиста, встряхиваніе головой и т. п. насильственныя движенія, царапанье раны. Наконецъ, сталъ себѣ наносить сильные удары по головѣ, по вискамъ, стремленіе разможжить себѣ голову палкою. Нѣсколько дней тому назадъ еще можно было слышать такія фразы въ его бормотаньи: „Сашечка пріѣдетъ", „надо жить", рядомъ со словами: „пошелъ вонъ". Раздражительность дошла до того, что онъ сталъ покрикивать на окружающихъ, гнать вонъ жену и дѣтей. Аффекты гнѣва все усиливались, билъ себя, угрожалъ убить себя, убить наиболѣе близкихъ ему членовъ семьи, разъ они чѣмъ-нибудь ему противорѣчили. Сонъ сталъ плохъ, все требовалъ Sulfonal'a, который, однако, мало ему помогалъ. То и дѣло угощалъ себя пощечинами. Уже онъ не слушался и меня. При мнѣ сдѣлалъ страшную сцену своей семьѣ, гналъ жену вонъ за то, что она вызвала меня, нагналъ ужасъ на домашнихъ; когда я объявилъ ему, что я его возьму обратно въ Колмово, то онъ закричалъ и на меня и, наконецъ, сталъ гнать вонъ и меня, угрожая убить и меня, и дѣтей, и себя. Само собою разумѣется, что себѣ онъ наносилъ при этомъ отчаянныя пощечины. Состояніе его дома можно характеризовать въ краткихъ словахъ такимъ образомъ: сознаніе ясное, бредовыхъ идей незамѣтно, насильственныя представленія, насильственныя дѣйствія, крайняя раздражительность, наклонность къ аффектамъ гнѣва, переходящимъ сейчасъ же въ нѣжность, ласку, самообвиненіе, но на очень короткое время; стремленіе къ самоувѣченію, самобичеванію, недовольство собою, не исключающее досады на другихъ, не исключающее протеста противъ другихъ за неисполненіе его желаній, угрозы имъ и даже готовность оскорбить ихъ не только словами, но и дѣйствіемъ. Замѣчательная память!"

Однако, въ эту же іюньскую поѣздку, а именно послѣ прогулки изъ Чудова въ Грузино, у него былъ моментъ необыкно-

веннаго блаженства, который онъ потомъ часто вспоминалъ. Б. Н. Синани записываетъ:

„Воскресаютъ воспоминанія преимущественно тѣхъ сценъ, которыя доставляли ему чувство блаженства, восторга, напр. Маргарита, но особенно состояніе того вечера послѣ Грузина. Вернулся онъ тогда изъ Грузина съ мрачными мыслями. Но вотъ ночью онъ сталъ испытывать удивительное явленіе превращенія во всемъ тѣлѣ. По всему тѣлу стало разливаться, начиная съ ногъ, какъ электрическій токъ, что-то хорошее, теплое. Онъ весь преобразился, онъ чувствовалъ себя счастливымъ, онъ воскресъ, онъ чувствовалъ себя такъ, какъ никогда за всѣ свои 50 лѣтъ. Онъ былъ совершенно чистъ, безъ пятнышка, совсѣмъ святой. Онъ долженъ былъ сохранить это состояніе навсегда, *на вѣки*. Онъ долженъ былъ встать и пойти къ женѣ, но онъ этого почему-то не сдѣлалъ. Продолжалъ лежать, и вотъ онъ сталъ чувствовать, какъ у него то тамъ, то здѣсь потрескиваетъ черепъ, настроеніе ухудшается, въ голову забираются мрачныя мысли. Трещалъ, трещалъ черепъ и дотрещался до того, что на слѣдующее утро онъ сталъ разбивать его. Онъ не долженъ былъ этого дѣлать, не долженъ былъ предаваться отчаянію по случаю прохожденія того удивительнаго состоянія. Онъ ошибочно думалъ, что это состояніе исчезло совсѣмъ. Оно не исчезло. Оно осталось въ немъ. Доказательство хоть то, что онъ вспоминаетъ и воспоминаніе вызываетъ въ немъ теперь то же состояніе. Онъ вѣритъ, что будетъ испытывать это состояніе все чаще и больше, и что въ концѣ концовъ онъ въ немъ укрѣпится, и онъ окажется окончательно и навсегда *воскресшимъ* и какъ человѣкъ, и какъ писатель. И будетъ онъ *чистымъ, святымъ*, будетъ писать“.

Кромѣ постояннаго, упорнаго сосредоточенія мысли на необходимости и обязанности „окончательно воскреснуть“, Глѣбъ Ивановичъ употреблялъ и нѣкоторые механическіе пріемы для достиженія этой цѣли. Между прочимъ, за время болѣзни у него развилась странная привычка постоянно что-то шептать про тебя. Д-ру Синани онъ однажды объяснилъ, что при этомъ онъ „ведетъ борьбу съ тьмою, не совсѣмъ еще исчезнувшею изъ его головы“. „Въ тѣ моменты, когда онъ кажется окружающимъ страннымъ, онъ ведетъ борьбу, онъ содѣйствуетъ упроченію своего воскресенія, счастія. Когда другимъ кажется, что онъ свиститъ, дуетъ и т. п., онъ дѣлаетъ свое дѣло въ пользу искорененія дурного, мрачнаго, темнаго (точно опредѣлить не можетъ) тѣмъ, что шепчетъ: „честью и совѣстью“. А когда онъ вскидываетъ голову, онъ какъ бы отмахивается отъ мрачнаго и шепчетъ: „счастіе“. „Теперь онъ убѣжденъ, что хорошее въ немъ не погибло, что оно восторжествуетъ окончательно. „Добросовѣстность, — говоритъ, — никогда не исчезала у меня окончательно“. Будетъ такъ, что въ немъ останутся только честь, совѣсть, любовь, сча-

стіе и т. п. и онъ будетъ писать. Повидимому, онъ какъ бы то и дѣло производитъ надъ собою эксперименты самовнушенія". Однако, иногда онъ прибѣгалъ и къ болѣе грубымъ средствамъ: колотилъ себя по головѣ съ цѣлью выбить оттуда дурныя мысли...

А затѣмъ его бредовыя идеи окрасились мистическимъ цвѣтомъ. Вотъ одно изъ его писемъ къ женѣ: „Увѣряю тебя, дорогая моя, горячая любовь къ Богу съ каждой минутой охватываетъ меня все больше и больше. Величайшее счастье жить на бѣломъ свѣтѣ, свѣтлое далекое будущее обрадуетъ всѣхъ, кто меня любитъ, кто возлагаетъ на меня большія надежды. А я люблю всѣхъ и воскресаю въ любви ко всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ". И т. д. Д-ру Синани онъ говорилъ въ это время, что „воскресъ въ любви къ Богу. Бога,—читаемъ далѣе въ дневникѣ,—понимаетъ въ пантеистическомъ смыслѣ и примѣшиваетъ къ нему любовь и безконечность, не то какъ атрибуты, не то какъ синонимы. Выходитъ поэтическое, довольно стройное міросозерцаніе, мало похожее на величавый слабоумный бредъ паралитика. Говоря о безконечности, о мірахъ и т. п., прибавляетъ, что все это у него въ головѣ, въ головѣ его вселенная со звѣздами и т. п.". Еще далѣе онъ сталъ „ангеломъ Господнимъ всемогущимъ", стали ангелами и святыми всѣ близкіе къ нему, и, даже пылая негодованіемъ на Б. Н. Синани, онъ писалъ ему въ такой формѣ: „Ангелу Господню Борису. Позвольте просить васъ написать мнѣ, какая власть руководитъ вами надо мной, всемогущимъ ангеломъ-хранителемъ,—по власти Господа Бога или по вашему своеволію? Ангелъ Господень Глѣбъ".

Надо, однако, имѣть въ виду слѣдующую оговорку дневника: „Слова геній, ангелъ, даже Богъ и т. п. эпитеты, приписываемые имъ себѣ и близкимъ ему лицамъ вовсе не должны быть понимаемы, какъ грубый бредъ, вообще, и какъ бредъ величія въ частности. Сегодня, между прочимъ, онъ употребилъ слово Богъ въ примѣненіи къ крестьянину, при чемъ, по обыкновенію, не могъ обойтись безъ того, чтобы не назвать крестьянина по фамиліи (Углановъ). Общій смыслъ его фантазій слѣдующій: люди сотворены такъ, что въ нихъ заложены всѣ основанія къ всестороннему совершенствованію, къ высокому развитію ихъ духовныхъ (умственныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ) способностей до такой степени, что они могутъ подняться до степени ангеловъ и даже выше. Когда люди свободны отъ вліянія насилія, порока, земного, они способны быстро развиваться духовно, подниматься все выше и выше къ небесамъ, все больше и больше уподобляться высшимъ небеснымъ существамъ, принимать (духовно) все высшіе и высшіе размѣры. Въ то же время организація ихъ (духовная) становится все сложнѣе, утонченнѣе, нѣжнѣе, чувствительнѣе. Для того, чтобы удержаться на достигнутой высотѣ, необходимо, чтобы ничѣмъ не нарушалась полнѣйшая гармонія въ ихъ

организаціи, необходимо, чтобы ихъ нисколько не касалось вліяніе земного, порочнаго, насильственнаго. Чуть ихъ коснулось что-нибудь низменное, они сразу начинаютъ быстро терять свои небесныя качества и принимаютъ грубыя формы и размѣры земныхъ существъ, обыкновенныхъ людей. Называя тѣ или другія лица, приписывая имъ тѣ или другіе эпитеты, онъ, какъ видно, имѣетъ въ виду не конкретное ихъ состояніе въ данную минуту, а ихъ потенціальную способность".

Въ этой мистически расцвѣченной фантазіи нетрудно усмотрѣть тотъ идеалъ, который манилъ къ себѣ Глѣба Ивановича и въ здравомъ состояніи, приближеніе къ которому онъ видѣлъ въ укладѣ мужицкой жизни, въ Венерѣ Милосской, въ „дѣвушкѣ почти монашескаго типа" и осуществленія котораго въ самомъ себѣ онъ такъ страстно желалъ. Оно наступило, наконецъ, это осуществленіе, но уже въ безумной фантазіи. Да и то фантазія эта не разъ разбивалась о страшныя видѣнія, въ которыхъ всѣ близкіе являлись или злодѣями, разбойниками, развратниками, преступниками или жертвами злодѣйствъ и преступленій; и самъ онъ оказывался злодѣемъ, разбойникомъ (подъ нѣкоторыми записками онъ такъ и подписывался: „Разбойникъ"), который убилъ или погубилъ, ограбилъ и т. п. всю свою семью, „зарѣзалъ свой умъ, свою душу"...

Но да идутъ мимо насъ эти ужасы, доводившіе страдальца до послѣднихъ предѣловъ отчаянія. Мнѣ хочется вспомнить, въ заключеніе, Успенскаго счастливымъ,—насколько можетъ быть счастливъ несчастный, то есть въ красивой, поднимающей больной духъ фантазіи.

Это было въ одинъ изъ его пріѣздовъ изъ Колмова въ Петербургъ. Онъ заѣзжалъ ко мнѣ почти каждый день, а кромѣ того, я въ этотъ же пріѣздъ видѣлъ его дважды въ большихъ собраніяхъ, гдѣ онъ непремѣнно хотѣлъ быть, не смотря на убѣжденія не ѣздить,—на одномъ студенческомъ вечерѣ въ дворянскомъ собраніи и на большомъ обѣдѣ въ ресторанѣ (боюсь ошибиться, но, помнится, это былъ юбилей А. М. Скабичевскаго). На вечерѣ молодежь, давно не видавшая своего любимца или даже только по писаніямъ знавшая его, окружила его густой стѣной. Всегда застѣнчивый, тутъ онъ былъ особенно смущенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно взволнованъ, взволнованъ такъ сильно, что его пришлось скоро увести. На обѣдѣ или, точнѣе, послѣ обѣда, когда встали изъ за стола и разбились по кучкамъ, волненіе его достигло высшей степени, сначала онъ что-то шепталъ, а потомъ сталъ громко и возбужденно говорить о томъ, что всѣ присутствующіе—ангелы; и опять пришлось увести его. Ко мнѣ онъ пріѣзжалъ обыкновенно вечеромъ и долго разсказывалъ о томъ, что съ нимъ происходитъ и что еще будетъ происходить. Говорилъ, напримѣръ, что видитъ на потолкѣ или сквозь потолокъ звѣзды, и когда я спрашивалъ,—отчего

же я то ихъ не вижу, да и никто, кромѣ него, не видитъ, онъ отвѣчалъ: „мнѣ это дано“.—„Почему же, Глѣбъ Ивановичъ, вамъ дано, а мнѣ не дано, и такому-то, и такому-то не дано?“—„Потому что я много пережилъ, чего никто не переживалъ, вѣдь вы знаете, я сумасшедшимъ былъ“. И затѣмъ шелъ художественный разсказъ о монахинѣ Маргаритѣ, которая являлась къ нему съ утѣшеніемъ и поддержкой. Иногда разговоръ начинался съ какой-нибудь текущей житейской темы, или съ воспоминанія о комъ-нибудь или о чемъ-нибудь, но быстро переходилъ къ тѣмъ же звѣздамъ, видимымъ сквозь потолокъ, или къ другимъ предметамъ, которые ему „дано“ видѣть или ощущать. Такъ онъ много разъ возвращался къ своей способности летать. Онъ утверждалъ, что ему „дано“ дышать не такъ, какъ дышемъ всѣ мы, легкими: онъ дышетъ всѣмъ тѣломъ, у него и ноги наполнены воздухомъ, и ему ничего не стоитъ подняться за облака и „быстро-быстро“ долетѣть до любой звѣзды. На выраженіе сомнѣнія, онъ отвѣчалъ все тѣмъ же: „мнѣ дано“, и дано именно за пережитыя имъ страданія. Свою способность летать онъ намѣренъ былъ пустить въ ходъ на благо всего человѣчества и, говоря объ этомъ, онъ рисовалъ грандіозную картину: когда настанетъ время, онъ видимо для всѣхъ поднимется на воздухъ и облетитъ вокругъ земного шара, и этотъ подвигъ такъ поразитъ людей, что всѣ насильники и злодѣи устыдятся, а всѣ униженные и оскорбленные воспрянутъ духомъ, и на землѣ наступитъ царствіе Божіе... Въ промежуткахъ разговора онъ что-то шепталъ, но я не могъ разобрать ни одного слова. Прощаясь, онъ всегда обѣщалъ скоро опять пріѣхать, потому что ему еще много надо мнѣ разсказать, но разсказывалъ опять то же самое съ легкими варьяціями. У него я избѣгалъ бывать, чтобы не попасть какъ-нибудь не во-время, а когда случалось, то слышалъ тѣ же рѣчи или, напримѣръ, такія: возьметъ, бывало, на руки своего младшаго сына и предлагаетъ мнѣ убѣдиться, что въ немъ нѣтъ вѣса, потому что онъ—ангелъ... Ничто земное, низменное для него не существовало, онъ былъ весь въ высшихъ слояхъ духовной атмосферы и былъ счастливъ—не надолго...

Ник. Михайловскій.

Хроника внутренней жизни.

I. Памяти Г. И. Успенскаго. — II. Продовольственная кампанія и вѣсти изъ неурожайныхъ мѣстностей.—По поводу извѣстій о безработицѣ.—III. Смерть В. П. Острогорскаго, Н. К. Шильдера и А. М. Лазаревскаго. — IV. Административныя мѣры относительно печати.—Обязательное постановленіе кутаисскаго губернатора.—Правительственныя сообщенія.

I.

24 марта умеръ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій. Русская литература понесла въ его лицѣ большую, невознаградимую потерю и горечь этой потери мало уменьшается тѣмъ, что она совершилась въ сущности задолго до смерти писателя. Еще десять лѣтъ тому назадъ роковая болѣзнь оторвала Успенскаго отъ литературы и для него лично смерть явилась лишь избавленіемъ отъ мукъ и страданій жизни. Но, пока онъ былъ живъ, все еще трудно вѣрилось въ безвозвратность этой потери и, вопреки очевидности, хотѣлось надѣяться, что померкшій свѣтъ могучаго таланта вновь разгорится яркимъ пламенемъ, что голосъ любимаго писателя снова зазвучитъ въ литературѣ. Теперь всѣмъ надеждамъ положенъ конецъ...

Надъ свѣжей могилой трудно говорить о дорогомъ покойникѣ, но трудно и пройти мимо нея молча, не вспомнивъ о томъ, кто въ ней лежитъ и кому мы такъ многимъ обязаны. Русское общество похоронило въ Успенскомъ не только огромный художественный талантъ, но и одного изъ лучшихъ своихъ учителей, одного изъ наиболѣе чистыхъ и беззавѣтныхъ друзей народа. Успенскій писалъ не для народа,—народъ и теперь еще, къ сожалѣнію, слишкомъ мало знаетъ его, — но мысль о народѣ, объ его нуждахъ и интересахъ занимала центральное мѣсто въ міросозерцаніи покойнаго писателя и мало кто изъ нашихъ писателей-художниковъ сдѣлалъ такъ много для проведенія этой мысли въ сознаніе русскаго общества, какъ Успенскій. Его литературная дѣятельность началась въ эпоху, непосредственно послѣдовавшую за пробужденіемъ Россіи отъ вѣкового сна, въ эпоху тѣхъ „великихъ реформъ“, которыя въ свою очередь явились отраженіемъ, хотя и неполнымъ, великихъ идей, взволновавшихъ русскую жизнь. Рушился старый, крѣпостной и крѣпостническій, строй, не знавшій человѣческихъ правъ, рушился, казалось, безповоротно,—и сама собою выростала задача созданія новыхъ формъ жизни, въ которыя могла бы умѣститься сознавшая себя человѣческая личность. Лучшіе умы и лучшія сердца эпохи отдавали

свои силы на рѣшеніе этой задачи. „У всего тогдашняго молодого поколѣнія,—вспоминалъ впослѣдствіи Успенскій,— было большое и дѣйствительно общее дѣло“, и такого дѣла „было много какъ для маленькаго человѣка, такъ и для большого“. Съ освобожденіемъ крестьянъ на арену исторіи вышли народныя массы и въ виду этого всѣмъ, кто цѣлью своей дѣятельности ставилъ общее счастье, „надобно было много думать объ общемъ строѣ народной жизни“. Особенно много надо было думать объ немъ тѣмъ, кто мечталъ объ „обновленіи жизни, обезличенной бурмистрами, самостоятельнымъ стараніемъ народныхъ массъ о собственномъ и взаимномъ благополучіи“, кто стремился перестроить эту жизнь на началахъ свободы и самостоятельности личности и человѣческой солидарности. Самъ Успенскій всецѣло отдался этимъ думамъ и первымъ его вкладомъ въ литературу было изображеніе обезличивавшихъ народную массу порядковъ стараго строя и „разоренія“ этого строя при вѣяніи новыхъ идей.

Съ этого момента и до конца своей литературной дѣятельности Успенскій съ неослабнымъ интересомъ, съ напряженнымъ и страстнымъ вниманіемъ вглядывался въ жизнь народныхъ массъ, отдавая изслѣдованію этой жизни весь свой блестящій умъ, весь свой художественный талантъ. „Упорствуя, волнуясь и спѣша“, велъ онъ это изслѣдованіе и, такъ же „волнуясь и спѣша“, нервно и горячо дѣлился результатами своей работы съ читателемъ, заражая его своимъ повышеннымъ настроеніемъ, своею любовью и ненавистью и увлекая за собою на тотъ путь, по которому шелъ самъ. Этотъ путь уже очень скоро оказался гораздо болѣе длиннымъ и тернистымъ, чѣмъ можно было думать сначала. „Разореніе“ стараго строя не было еще полнымъ его разрушеніемъ. Идея, легшая въ основаніе прогрессивнаго движенія 60-хъ и 70-хъ годовъ, „не успѣла даже и начать осуществляться на дѣлѣ, какъ угрюмая, сердитая старина стала ему поперекъ“. Говоря опять-таки словами Успенскаго, „эта старина, съ первыхъ же дней реформы, направила всю свою стихійную силу на то, чтобы не дать ходу молодымъ побѣгамъ жизни“. Между тѣмъ, хотя такіе побѣги и были сильны, они не были многочисленны. Историческое прошлое подготовило на русской почвѣ слишкомъ мало людей, способныхъ къ добровольному и сознательному несенію бремени новыхъ идей, къ „дѣйствительному опыту переработки собственной личности практическимъ, свободнымъ дѣломъ во имя общаго, массоваго счастья“. Благодаря этому новое дѣло, выдвинутое условіями историческаго момента, въ значительной своей части попало въ старыя руки и потерпѣло въ нихъ соотвѣтственныя превращенія. Конфликтъ между новыми идеями, легшими въ основу „великихъ реформъ“, и старымъ строемъ, стихійно возстававшимъ противъ этихъ реформъ, затянулся въ такой обстановкѣ надолго и породилъ въ русской жизни множество тя-

желыхъ и разнообразныхъ драмъ. Одна изъ этихъ драмъ особенно часто привлекала къ себѣ вниманіе Успенскаго и особенно ярко изображалась имъ. Это была драма, вытекавшая изъ „болѣзни совѣсти“, болѣзни, которая лишала русскаго интеллигентнаго человѣка возможности „настоящей“, „подлинной“ жизни внѣ связи съ народною массой, а въ высшихъ своихъ проявленіяхъ толкала его на дорогу дѣятельной работы для общаго счастья, основаннаго на гармоничномъ, цѣлостномъ развитіи личности.

Въ извѣстной мѣрѣ такое гармоническое развитіе человѣческой личности Успенскій находилъ въ жизни крестьянства. Но та горячая, кровная любовь къ народу, какая жила въ душѣ Успенскаго, не ослѣпляла его глазъ и не вела его на путь идолопоклоннической идеализаціи народной жизни. Указывая на „правду“ трудовой жизни крестьянства, онъ вмѣстѣ указывалъ и на то, что эта правда далеко не тожественна съ „справедливостью“. Говоря о гармоніи крестьянскаго быта, онъ настойчиво подчеркивалъ, что эта гармонія создана не страданіями человѣческаго сердца и усиліями человѣческой мысли, а стихійною „властью земли“, и не только можетъ, но и должна рушиться, какъ только такая власть будетъ поколеблена новыми условіями быта. Сохраненіе гармоніи народной жизни и возведеніе этой гармоніи отъ простой правды на степень правды, освѣщенной человѣческимъ сознаніемъ и человѣческой совѣстью, „правды-справедливости“, представлялось ему возможнымъ лишь при условіи внесенія интеллигенціей въ народную среду „науки о высшей правдѣ“, науки, какая должна бы была „прямо, смѣло и широко касаться самыхъ жгучихъ общественныхъ вопросовъ,— тѣхъ самыхъ вопросовъ, до которыхъ додумалась и дошла человѣческая всескорбящая мысль въ ту самую минуту, которую мы переживаемъ“. И дѣятельность Успенскаго въ значительной своей части являлась горячимъ призывомъ, обращеннымъ къ русской интеллигенціи,—нести въ народъ эту „науку о высшей правдѣ“ и тѣмъ самымъ освободить народную жизнь отъ засариванія ея „старымъ національнымъ и европейскимъ хламомъ“, отъ подчиненія всѣмъ роковымъ перипетіямъ капиталистическаго процесса. Этотъ призывъ не остался безъ отклика, но самоотверженные люди, послѣдовавшіе за нимъ, встрѣтили на своемъ пути слишкомъ многочисленныя и серьезныя препятствія, масса общества, мало затронутая работою пробуждавшейся совѣсти, оставалась слишкомъ инертною, — и грандіозная задача, которая была поставлена поколѣніемъ Успенскаго и которой онъ самъ отдалъ свои силы, осталась невыполненной.

„Господинъ Купонъ“ безпрепятственно ворвался въ народную жизнь, и правдивому лѣтописцу этой жизни пришлось изображать жестокія опустошенія, производившіяся въ ней хозяйничаньемъ рокового пришельца, рисовать картины новаго „разоренія“, на

этотъ разъ — разоренія едва сложившагося самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства, и задаваться вопросомъ: „что будетъ?“ „Не „что дѣлать?“, не „какъ жить на свѣтѣ?“ — этому ужъ не время!“—прибавлялъ Успенскій *). Его произведенія становились все мрачнѣе по мѣрѣ того, какъ рѣдѣли ряды благородныхъ борцовъ за массовое счастье и сгущались тучи „ястребовъ“, рѣявшихъ надъ русской деревней. Все съ большею горечью изображалъ въ эту пору Успенскій результаты „пустопорожней суеты нашей внутренней жизни и нашей бездѣйствующей совѣсти“, съ все возраставшею скорбью звалъ „изъ тоски, тьмы и смерти выбираться на бѣлый свѣтъ, къ живой заботѣ о живомъ“. „Наисущественнѣйшій признакъ нашего времени,—писалъ онъ въ этотъ періодъ своей жизни,— настойчивое, грубое стремленіе оберечь только свою личность, свои ничтожныя личныя надобности и желанія и освободиться отъ малѣйшей личной тяготы, налагаемой взаимными отношеніями человѣка къ человѣку“. Самъ Успенскій и въ эту мрачную эпоху 80-хъ и начала 90-хъ годовъ съ прежнимъ вниманіемъ слѣдилъ за народною жизнью, съ прежней настойчивостью будилъ общественную совѣсть и голосъ его не утратилъ своей силы. Но эта работа въ конецъ надорвала нервный и уже сильно изломанный жизнью организмъ. Измученный умъ не выдержалъ великой скорби чуткаго сердца и „тьма и смерть“, надвинувшіяся на общественную жизнь, поглотили и свѣтлый талантъ Успенскаго...

Теперь изстрадавшійся писатель умеръ, но его произведенія живутъ и трудно предвидѣть то время, когда они могли бы отойти въ область забвенія. „Переходное время“, на несообразную продолжительность котораго такъ часто и такъ горько жаловался Успенскій, все еще тянется въ нашей жизни, великая тяжба между новыми идеями и старымъ строемъ все еще остается нерѣшенной и незаконченной. Голосъ писателя, сумѣвшаго соединить въ своемъ міросозерцаніи отстаиваніе интересовъ труда съ защитою цѣлостнаго развитія человѣческой личности и защиту самостоятельности личности съ проповѣдью человѣческой солидарности, сохраняетъ въ этихъ условіяхъ все свое значеніе. Если даже справедливы встрѣчающіяся въ печати утвержденія о наблюдаемомъ за послѣдніе годы ослабленіи интереса читающей публики къ произведеніямъ Успенскаго, то, несомнѣнно, такое ослабленіе можетъ быть только временнымъ и скоропреходящимъ и вмѣстѣ съ начинающимся оживленіемъ общественной жизни долженъ возрасти интересъ и къ произведеніямъ одного изъ самыхъ убѣжденныхъ и чистыхъ проповѣдниковъ обновленія этой жизни. Спеціальныя условія современнаго состоянія русской

*) См. письмо Успенскаго къ В. М. Соболевскому, приведенное Н. К. Михайловскимъ въ мартовской книжкѣ «Р. Богатства».

жизни, придающія произведеніямъ Успенскаго особенно жгучій интересъ, возводящія ихъ на степень необходимой настольной книги русскаго читателя, рано или поздно, конечно, минуютъ, но вмѣстѣ съ ними еще не исчезнетъ значеніе этихъ произведеній. Рѣдкое художественное дарованіе, блещущее въ нихъ, необыкновенная глубина ихъ содержанія и близкое знакомство ихъ автора съ народной жизнью и психологіей, въ связи съ его горячей любовью къ народу и искреннимъ уваженіемъ къ человѣческой личности, — все это надолго обезпечиваетъ Успенскому одно изъ наиболѣе почетныхъ мѣстъ не только въ исторіи русской литературы, но и въ памяти русскаго читателя. Поколѣнія, идущія намъ на смѣну, найдутъ въ его произведеніяхъ не только яркую и правдивую, хотя и не совсѣмъ полную, исторію одной изъ самыхъ многозначительныхъ эпохъ въ развитіи русскаго общества и народа, но и животворный источникъ большого эстетическаго наслажденія и высокихъ нравственныхъ эмоцій. Для насъ же, еще не изжившихъ наслѣдія той эпохи, лѣтописцемъ которой явился Успенскій, онъ и послѣ своей смерти остается не только обаятельнымъ художникомъ, влекущимъ къ себѣ силою глубоко выстраданнаго слова, но и надежнымъ учителемъ въ дѣлѣ „живой заботы о живомъ“.

II.

Текущій годъ для массы русскихъ деревень явился чернымъ годомъ. „Предстоящая осень и зима—писали мы въ сентябрьской хроникѣ „Р. Богатства“—обѣщаютъ быть крайне тяжелыми для весьма значительной части земледѣльческаго населенія имперіи“. Къ сожалѣнію, это предвидѣніе оправдалось въ полной мѣрѣ. Въ рядѣ губерній и областей Европейской Россіи и Сибири населеніе должно было бороться съ послѣдствіями грандіознаго неурожая, уступавшаго въ своей силѣ развѣ лишь неурожаю 1891 года, и испытывать тяжелыя муки голодовки. Съ наступленіемъ весны бѣдствія пострадавшаго отъ неурожая населенія, какъ всегда, значительно обострились. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступленіе весеннихъ мѣсяцевъ, являющихся у насъ обыкновенно послѣднимъ моментомъ продовольственной кампаніи, даетъ возможность сдѣлать и нѣкоторые общіе выводы относительно хода этой кампаніи въ текущемъ году. Благодаря новымъ условіямъ, въ которыя поставлено продовольственное дѣло, въ печати долгое время не было сколько-нибудь обстоятельныхъ и точныхъ свѣдѣній о положеніи населенія въ неурожайныхъ губерніяхъ. За послѣдніе мѣсяцы количество такихъ свѣдѣній, однако, сильно увеличилось и, если они все еще остаются недостаточно полными, то во всякомъ случаѣ на основаніи ихъ возможно уже подвести, по край-

ней мѣрѣ, нѣкоторые, наиболѣе существенные итоги результатовъ неурожая и направленной на борьбу съ нимъ продовольственной кампаніи. Раньше, однако, чѣмъ обратиться къ этимъ частнымъ свѣдѣніямъ и къ вырисовывающейся изъ нихъ картинѣ того положенія, какое переживаютъ въ настоящее время голодающіе крестьяне, напомнимъ общій характеръ мѣръ, вызванныхъ неурожаемъ минувшаго года.

Въ виду серьезныхъ размѣровъ этого неурожая новая организація продовольственнаго дѣла, созданная временными правилами 12 іюня 1900 г., которыя передали это дѣло изъ рукъ земства въ вѣдѣніе губернской и уѣздной администраціи, уже въ началѣ осени была признана недостаточной. Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 17 августа значительно видоизмѣнилъ эту организацію, при чемъ, однако же, то сословно-бюрократическое начало, которое было положено въ ея основу, осталось въ этихъ измѣненіяхъ незатронутымъ и даже было еще болѣе усилено. Временныя правила 12 іюня 1900 года отдавали продовольственное дѣло въ уѣздахъ въ вѣдѣніе земскихъ начальниковъ, предполагая вмѣстѣ съ тѣмъ возможность образованія подъ ихъ руководствомъ продовольственныхъ попечительствъ въ волостяхъ. „Само собою разумѣется, — говорилось по этому поводу въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ отъ 1 января 1901 г.,—что раздѣленіе волости на продовольственные участки будетъ на практикѣ зависѣть отъ того, имѣются ли въ данной мѣстности, помимо волостныхъ старшинъ, лица, могущія исполнять обязанность упомянутыхъ попечителей. Въ этомъ отношеніи желательно прежде всего воспользоваться участіемъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, которые, проживая въ самомъ селеніи и зная всѣхъ входящихъ въ составъ общества крестьянъ, стоятъ въ наилучшихъ условіяхъ для надзора за исправнымъ состояніемъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ и правильною выдачею продовольственныхъ ссудъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что до отмѣны крѣпостного права забота о продовольствіи крестьянъ лежала всецѣло на помѣщикахъ. Предоставленіе послѣднимъ доступа къ наблюденію за продовольственнымъ дѣломъ можетъ и въ настоящее время привести только къ самымъ благодѣтельнымъ результатамъ, содѣйствуя возстановленію той нравственной связи, которая существовала и должна существовать между помѣщичьею усадьбою и крестьянскимъ дворомъ, составляя залогъ правильнаго развитія сельскаго населенія Россіи“. Лишь „въ случаѣ отсутствія въ средѣ землевладѣльцевъ лицъ, которыя пожелали бы принять на себя обязанности попечителей продовольственныхъ участковъ“, для исправленія обязанностей такихъ попечителей рекомендовалось назначать „внушающихъ довѣріе лицъ крестьянскаго населенія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ циркулярѣ выражалась увѣренность

въ томъ, что „помѣстное дворянство, искони ознаменовавшее себя полезною службою государству, не откажется и въ этомъ случаѣ оказать существенную посильную помощь, содѣйствуя правильной организаціи продовольственнаго дѣла въ такой мѣрѣ, чтобы оно было залогомъ благополучія сельскаго населенія“ *). Какъ извѣстно, эта увѣренность не оправдалась на практикѣ и продовольственныя попечительства, по позднѣйшему признанію самого министерства внутреннихъ дѣлъ, не имѣли успѣха. Тѣмъ не менѣе циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 17 августа 1901 г., создавая на-ново организацію продовольственнаго дѣла въ наиболѣе пострадавшихъ уѣздахъ, главную роль въ завѣдываніи имъ отводилъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства. Одновременно съ этимъ всѣ виды помощи пострадавшему отъ неурожая населенію, исходящей какъ отъ правительства, такъ и отъ общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, были поставлены циркуляромъ 17 августа подъ прямое и непосредственное руководство мѣстныхъ губернаторовъ.

Не обошлось безъ неожиданностей и самое веденіе продовольственной кампаніи. Въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 17 августа перечислялось 12 губерній и областей, населеніе которыхъ было признано нуждающимся въ помощи для своего пропитанія и для обсѣмененія полей. Но уже опубликованное въ половинѣ сентября сообщеніе земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ прибавило къ этому перечню еще двѣ губерніи Европейской Россіи—Тамбовскую и Орловскую—и 5 губерній и областей Азіатской Россіи: Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Акмолинскую и Семипалатинскую. Такимъ образомъ районъ, въ которомъ оказывалась правительственная помощь населенію на основаніи временныхъ правилъ 12 іюня 1900 г., опредѣлился въ 19 губерній и областей, заключающихъ въ себѣ 40 милл. жителей. Согласно опубликованнымъ позднѣе свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета о сборѣ озимыхъ хлѣбовъ, неурожай ржи и озимой пшеницы охватилъ въ 1901 г. 33 губерніи и области съ населеніемъ въ 54 милл. человѣкъ. Нѣкоторыя изъ вошедшихъ въ списокъ статистическаго комитета и не вошедшихъ въ списокъ земскаго отдѣла мѣстностей, какъ область Войска Донского и губерніи Царства Польскаго, управляются на особыхъ основаніяхъ, почему на нихъ и не распространяются продовольственныя операціи земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ. Что касается до остальныхъ такихъ мѣстностей, то онѣ были признаны не нуждающимися въ продовольственной помощи,—потому ли, что неурожай озимыхъ хлѣбовъ былъ въ нихъ уравновѣшенъ хорошимъ урожаемъ яровыхъ, или потому, что результаты урожая были вообще сочтены

*) «Спб. Вѣдомости», 24 февр. 1901 г.

не имѣющими большого значенія для ихъ населенія, какъ занятаго по преимуществу промышленнымъ трудомъ.

Размѣръ правительственной помощи, необходимой для указанныхъ 19 губерній и областей, въ половинѣ сентября былъ опредѣленъ въ слѣдующихъ цифрахъ: въ дополненіе къ мѣстнымъ средствамъ этихъ губерній предполагалось выдать изъ общаго продовольственнаго капитала 10.925,000 п. ржи и 3.347,000 р. деньгами, при чемъ послѣдняя сумма въ большей своей части должна была быть обращена на закупку хлѣба на мѣстахъ, а въ меньшей—на гужевую доставку его. Но такъ какъ наличность обще-имперскаго продовольственнаго капитала уже къ 15 августу составляла всего 530.000 р., то въ началѣ осени онъ былъ усиленъ отпускомъ изъ казны 14 милл. рублей. Скоро однако оказалось, что первоначальныя свѣдѣнія губернскихъ властей, на которыхъ основывало свои разсчеты министерство внутреннихъ дѣлъ, были еще слишкомъ оптимистичны. Порою этотъ оптимизмъ велъ къ весьма крупнымъ ошибкамъ. Такъ, сильно пострадавшая отъ неурожая Пермская губернія, по заявленію мѣстнаго губернатора, сдѣланному въ половинѣ октября, могла обойтись „безъ всякой правительственной помощи". Позднѣе эта надежда не оправдалась и въ опубликованномъ въ ноябрѣ сообщеніи земскаго отдѣла мы читаемъ относительно Пермской губерніи: „по полученному 1 ноября отъ губернатора заявленію, для помощи населенію пяти уѣздовъ въ названной губерніи (шадринскаго, ирбитскаго, осинскаго, верхотурскаго и камышловскаго) потребуется значительная правительственная ссуда частью на продовольствіе, частью на обсѣмененіе яровыхъ полей". Въ Томской губерніи первоначально серьезно пострадавшими отъ неурожая были признаны три уѣзда и потребность въ правительственной ссудѣ была опредѣлена въ $1^1/_2$ милл. п. ржи и 300 тыс. рублей на организацію гужевой доставки. Къ ноябрю выяснилось, что въ помощи нуждаются шесть уѣздовъ Томской губерніи и ихъ потребность въ ссудѣ изъ обще-имперскихъ средствъ была вычислена уже въ размѣрѣ 3,7 милл. п. ржи на продовольствіе и $2^1/_2$ милл. пудовъ ярового хлѣба на сѣмена. И вообще, по словамъ ноябрьскаго сообщенія земскаго отдѣла, „по губерніямъ восточнаго края и въ Азіатской Россіи предварительные разсчеты измѣнились въ смыслѣ значительнаго увеличенія необходимыхъ на продовольственную помощь ассигнованій" и лишь въ южныхъ и центральныхъ губерніяхъ Европейской Россіи оказалось возможнымъ нѣсколько уменьшить первоначально предположенный размѣръ правительственной помощи населенію. Повторилась, словомъ, съ нѣкоторыми лишь, вызванными обстоятельствами, варіаціями, обычная, давно знакомая исторія продовольственнаго дѣла. Въ прежніе голодные годы губернскія власти обыкновенно старались ослабить представленія земствъ

о переживаемомъ населеніемъ бѣдствіи и уменьшить размѣры испрашиваемой отъ правительства помощи. Теперь онѣ сами опредѣляли эти размѣры и, будучи предупреждены относительно неудобствъ „неумѣстнаго преувеличенія бѣдствія", проявляли тѣмъ болѣе склонности къ умаленію его дѣйствительнаго значенія и къ испрашиванію чрезмѣрно скудныхъ ассигновокъ. Съ развитіемъ нужды добавки къ такимъ ассигновкамъ все-таки оказывались необходимыми, но онѣ нерѣдко являлись слишкомъ поздно для того, чтобы съ ихъ помощью возможно было предотвратить дальнѣйшее обостреніе бѣдствія. Какъ бы то ни было, обще-имперскій продовольственный капиталъ уже къ 1 ноября оказался вновь исчерпаннымъ. Къ этому времени изъ него было израсходовано 14.213,258 р., а между тѣмъ продовольственная операція еще не во всѣхъ нуждающихся губерніяхъ была закончена, а въ нѣкоторыхъ не была даже и начата.

До 15 февраля текущаго года изъ усиленнаго новымъ отпускомъ средствъ продовольственнаго капитала было израсходовано еще 11,7 милл. руб. и общая сумма расходовъ казны на нужды продовольственнаго дѣла въ названныхъ губерніяхъ достигла 25.961.698 р. По отдѣльнымъ статьямъ эти расходы, согласно опубликованному 17 февраля сообщенію земскаго отдѣла, распредѣлились слѣдующимъ образомъ: „1) переведено временному при министерствѣ финансовъ управленію по правительственной закупкѣ хлѣба на заготовку около $23^1/_2$ милл. пудовъ зерна впредь до разсчета $15^1/_2$ милл. р.; 2) предоставлено въ распоряженіе губернаторовъ на закупку около $6^1/_2$ милл. пудовъ хлѣба—6.641.465 р.; 3) на расходъ по гужевой развозкѣ хлѣба въ предѣлахъ отдѣльныхъ губерній и покупкѣ мѣшковъ, по храненію зерна и страхованію—1.657.968 р.; 4) на производство мѣстныхъ общественныхъ работъ распоряженіемъ крестьянскихъ или земскихъ учрежденій—746.657 р. (безвозвратное пособіе); 5) на безпроцентныя ссуды земствамъ и городамъ для организаціи продажи хлѣба по заготовительной стоимости, на мѣры къ облегченію населенію сохраненія рабочаго скота и на устройство нѣкоторыми городскими управленіями общественныхъ работъ по замощенію улицъ—1.169.716 р.; 6) на усиленіе личнаго состава и канцелярскихъ средствъ мѣстныхъ учрежденій въ пострадавшихъ мѣстностяхъ—68.914 р.; 7) на расходы, связанные съ передвиженіемъ рабочихъ изъ неурожайныхъ мѣстностей на государственныя работы по сооруженію и эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ линій—176.988 р.". Такимъ образомъ собственно на продовольственную помощь населенію и на пособія въ обсѣмененіи полей затрачено было за полгода около 22 милліоновъ рублей, а всего хлѣбныхъ ссудъ за это время было выдано немногимъ болѣе $29^1/_2$ милліоновъ пудовъ. Двадцать два милліона рублей, конечно, большая сумма. Но ея размѣры не представятся особенно значи-

тельными, если вспомнить, что она была затрачена въ теченіе полугода на территорію съ 40 милліонами населенія и что русская деревня, по разсчету министра финансовъ въ его объясненіяхъ къ государственной росписи, благодаря неурожаю 1901 года недовыручила, по крайней мѣрѣ, 100 милліоновъ рублей, а, по сравненію съ годами благопріятныхъ жатвъ, даже не менѣе 250 милл. р. Потери крестьянскаго бюджета, очевидно, остались непокрытыми путемъ продовольственныхъ и сѣменныхъ ссудъ.

Между тѣмъ всѣ другіе виды помощи пострадавшему отъ неурожая населенію получили въ настоящемъ году очень малое развитіе. Министерство внутреннихъ дѣлъ разсчитывало на широкое распространеніе въ неурожайныхъ губерніяхъ земскихъ дорожныхъ работъ за счетъ наличныхъ дорожныхъ капиталовъ изъ предложеннаго земствамъ, на основаніи закона 8 февраля 1899 г., кредита подъ обезпеченіе будущихъ поступленій въ этотъ капиталъ, но воспользоваться такимъ кредитомъ на установленныхъ условіяхъ нашли возможнымъ лишь саратовское губернское и богучарское уѣздное земства въ суммѣ 365,000 р. Въ свою очередь ходатайства земствъ другихъ губерній о безвозвратномъ или безпроцентномъ правительственномъ пособіи на устройство дорожныхъ работъ признаны были со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ неподлежащими удовлетворенію. Мелкія общественныя работы въ селеніяхъ подъ наблюденіемъ земскихъ начальниковъ, по свидѣтельству земскаго отдѣла, получили почти повсемѣстно широкое развитіе и были встрѣчены населеніемъ съ особеннымъ сочувствіемъ, но небольшая сумма, затраченная на эти работы — менѣе 750 тыс. р., указываетъ, что путемъ ихъ населеніе могло получить лишь ничтожный въ сравненіи съ своей нуждою заработокъ. Болѣе значенія имѣли устроенныя лѣснымъ департаментомъ на отпущенные заимообразно министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 12.000,000 р. работы въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ, но и эти работы давали, по приблизительному разсчету, занятіе лишь 40 тыс. человѣкъ и къ тому же по временамъ пріостанавливались. Сверхъ того, въ текущемъ году былъ устроенъ для нуждающагося населенія особый видъ работъ на основаніи временныхъ правилъ 15 сентября 1901 г., о которыхъ мы въ свое время сообщали *). Такія работы были именно организованы по сооруженію Сѣверной желѣзной дороги отъ Петербурга до Вятки и для нихъ были образованы въ губерніяхъ Казанской, Самарской, Симбирской, Харьковской и Воронежской подъ наблюденіемъ земскихъ начальниковъ артели рабочихъ, перевезенныя затѣмъ на счетъ казны къ мѣстамъ работъ. Но на эти работы было принято всего 10,720 человѣкъ и едва-ли онѣ доставили населенію серьезный заработокъ.

*) «Р. Богатство», 1901, № 10, «Хроника внутренней жизни».

Рабочій получалъ на нихъ 35 коп. въ день на казенномъ продовольствіи и отъ 40 до 55 коп. при продовольствіи на собственный счетъ. Передвиженіе рабочихъ на мѣста работъ началось 7 ноября и окончено было 16 января. „Позднее прибытіе нѣкоторыхъ партій на работы,—говорится въ февральскомъ сообщеніи земскаго отдѣла, — въ связи съ необходимостью обратнаго возвращенія ко времени весеннихъ посѣвовъ, уменьшая заработокъ рабочихъ, умаляетъ для нихъ полезное значеніе этихъ мѣропріятій". Дѣйствительно, считая даже три мѣсяца работы безъ прогульныхъ дней, рабочій могъ здѣсь выработать не болѣе 25 р., изъ которыхъ ему предстояло еще обзавестись теплой одеждой, у большинства, если не у всѣхъ, принятыхъ на работы, видимо, отсутствовавшей. „Недостаточность ихъ заработка при условіи оплаты изъ полученныхъ денегъ необходимой для работы на Сѣверной дорогѣ теплой одежды, побудила—говоритъ сообщеніе земскаго отдѣла — новгородскаго губернатора ходатайствовать о снабженіи этой одеждой нѣкоторыхъ рабочихъ отъ Общества Краснаго Креста. Ходатайство это удовлетворено". Наконецъ, послѣдній видъ правительственной помощи голодающимъ—ссуды земствамъ и городамъ на организацію продажи хлѣба по заготовительной цѣнѣ и на сохраненіе крестьянскаго рабочаго скота—также не получилъ широкаго развитія и къ тому же первая изъ этихъ мѣръ могла получить серьезное значеніе лишь тамъ, гдѣ крестьяне, не имѣя хлѣба, имѣли, по крайней мѣрѣ, достаточный заработокъ, тогда какъ подобныя условія были въ текущемъ году скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ видовъ правительственной помощи населенію наибольшее значеніе принадлежало хлѣбнымъ ссудамъ, имѣвшимъ своею цѣлью не столько поддержаніе крестьянскаго хозяйства, сколько прокормленіе голодающаго населенія. Ссуды эти выдавались исключительно нерабочему населенію, при томъ по самому скромному разсчету числа нуждающихся и ихъ продовольственной потребности. На практикѣ полученныя ссуды, конечно, распредѣлялись между не-рабочимъ и рабочимъ, но не имѣющимъ работы, населеніемъ и тѣмъ самымъ ихъ скромный размѣръ еще болѣе уменьшался. Что касается частной благотворительности, то она въ текущемъ году не могла получить сколько-нибудь замѣтнаго развитія, благодаря особымъ условіямъ, созданнымъ для нея. Помимо правительственныхъ учрежденій, въ голодающихъ губерніяхъ дѣйствовали въ этомъ году лишь попечительство о домахъ трудолюбія и общество Краснаго Креста, не располагавшія, однако, значительными средствами. Помощь, заключенная въ такія рамки, естественно, не могла предупредить и устранить всѣ серьезныя послѣдствія неурожая.

Не такъ давно берлинскій корреспондентъ „Р. Вѣдомостей"

сообщилъ въ этой газетѣ любопытныя свѣдѣнія о представленномъ прусскимъ правительствомъ отчетѣ о распредѣленіи средствъ между крестьянами трехъ восточныхъ провинцій Пруссіи, пострадавшими въ прошломъ году отъ неурожая. Согласно этому отчету, „сумма пособій, выданныхъ государствомъ, достигла $9^1/_2$ милліоновъ, кромѣ того, мѣстнымъ самоуправленіемъ было выдано не менѣе милліона изъ собственныхъ средствъ и значительные кредиты были предоставлены потерпѣвшимъ отъ неурожая сберегательными кассами и товариществами. Въ сумму государственнаго пособія не вошли скидки съ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, пособія въ видѣ корма для скота и дровъ изъ государственныхъ лѣсовъ и тому подобныя услуги натурой". Всѣхъ пострадавшихъ крестьянскихъ хозяйствъ „было только 71,000 и на такой сравнительно небольшой контингентъ нуждающихся затрачено было изъ общественныхъ средствъ до 12-ти милліоновъ. За то,—прибавляетъ корреспондентъ,—мы здѣсь не слыхали ни о голодномъ тифѣ, ни о „голодномъ хлѣбѣ" изъ желудей и соломы, ни о переселеніяхъ. Люди продолжали жить, какъ привыкли жить прежде, хозяйство не пострадало, скотъ не пришлось продавать за безцѣнокъ, продажъ крестьянскихъ дворовъ было не больше, чѣмъ въ нормальные годы" *).

Иное зрѣлище представляютъ наши неурожайныя губерніи. Уже въ началѣ ноября общество Краснаго Креста сообщало, что имъ командированы отряды сестеръ милосердія на эпидемію тифа въ Аккерманскій уѣздъ Бессарабской губерніи и въ Шацкій и Кирсановскій уѣзды Тамбовской губерніи **). Въ февральскомъ сообщеніи земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ было заявлено, что заболѣванія брюшнымъ тифомъ, хотя и въ небольшомъ числѣ, обнаружены въ Симбирской губерніи, въ Бузулукскомъ, Бугурусланскомъ и Ставропольскомъ уѣздахъ Самарской губерніи и въ Мензелинскомъ и Белебеевскомъ уѣздахъ—Уфимской. Такія же заболѣванія цынгою были обнаружены въ Симбирской губерніи, въ Новомосковскомъ и Маріупольскомъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи, въ Тетюшскомъ и Чистопольскомъ—Казанской, въ Хвалынскомъ—Саратовской, въ Мензелинскомъ и Белебеевскомъ—Уфимской и въ Глазовскомъ—Вятской губерніи. Неблагополучною въ санитарномъ отношеніи оказалась и Акмолинская область. Согласно болѣе позднему сообщенію земскаго отдѣла, опубликованному въ концѣ марта, тифъ появился еще въ губерніяхъ Тамбовской и Оренбургской, въ Богучарскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи и въ Бирскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи, при чемъ въ этомъ послѣднемъ уѣздѣ была обнаружена и сильная эпидемія цынги. Сильныя заболѣванія цынгою были,

*) «Р. Вѣд.», 11 марта 1902 г.
**) «Россія», 11 ноября, 1901 г.

кромѣ того, обнаружены вновь еще въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Валуйскомъ и Острогожскомъ уѣздахъ Воронежской губерніи, въ Купянскомъ и Волчанскомъ уѣздахъ Харьковской губерніи, въ Самарскомъ, Ставропольскомъ, Бугульминскомъ, Бугурусланскомъ, Николаевскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ губерніи Самарской и въ Тетюшскомъ, Чистопольскомъ, Спасскомъ, Мамадышскомъ, Лаишевскомъ, Свіяжскомъ и Чебоксарскомъ уѣздахъ Казанской губерніи. Наконецъ, въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи среди населенія появилась эпидемія куриной слѣпоты, подобно тифу и цынгѣ возникшая на почвѣ недостаточнаго питанія. Такимъ образомъ, изъ 19-ти губерній и областей, составившихъ районъ продовольственныхъ операцій земскаго отдѣла, въ 11 губерніяхъ и одной области развились разнообразныя эпидемическія заболѣванія, обязанныя своимъ происхожденіемъ недостаточному питанію.

Помѣщавшіяся время отъ времени въ газетахъ частныя свѣдѣнія о положеніи отдѣльныхъ неурожайныхъ мѣстностей, не отличаясь большою обстоятельностью, позволяютъ все же дополнить эту общую картину нѣкоторыми характерными деталями. Славяносербское уѣздное земское собраніе постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о проложеніи въ предѣлахъ уѣзда новаго желѣзнодорожнаго пути для доставленія заработка населенію и мотивировало это постановленіе слѣдующимъ образомъ: въ уѣздѣ „неурожай полный, — нѣтъ ни хлѣба, ни корма для скота“, и „если настоящее положеніе вещей предоставить естественному теченію и не протянуть руки помощи крестьянскому населенію, его благосостояніе будетъ подорвано въ корень“ *). Не менѣе печально положеніе нѣкоторыхъ мѣстностей Пермской губерніи. Въ Шадринскомъ уѣздѣ, сообщалъ „Пермскій Край“ еще въ началѣ декабря, „многіе изъ пострадавшихъ находятся въ самомъ безвыходномъ положеніи: живой инвентарь, какой имѣлся, распроданъ, скудные запасы съѣдены, доѣдается и нынѣшняго сбора недозрѣвшій хлѣбъ, да у нѣкоторыхъ уже и такового нѣтъ. Мысли несчастныхъ заняты лишь завтрашнимъ днемъ и кускомъ хлѣба, о горячей пищѣ не помышляется... Нищіе всюду бродятъ массами, одѣтые въ невозможныя рубища, полунагіе и полубосые. Дѣти-школьники, приспособивъ свои школьныя сумы въ нищенскіе кошели и идя въ школу или изъ школы домой, обходятъ дворы селеній, прося милостыню. Но на унылые напѣвы нищихъ—„подайте Христа-ради“—слышится въ отвѣтъ грустное, робкое—„Богъ дастъ“. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ среди голодающихъ свирѣпствуютъ эпидемическія болѣзни. Здѣсь картина людскихъ страданій достигаетъ своего апогея. Въ нетопленыхъ избахъ, среди грязи и всевоз-

*) «Р. Вѣд.», 13 февр. 1902 г.

можныхъ лохмотьевъ, несчастные больные, питаясь однимъ хлѣбомъ, и при томъ недоброкачественнымъ, борются въ страшныхъ мученіяхъ за жизнь" *). За послѣднія недѣли появились извѣстія и о новыхъ очагахъ эпидемическихъ заболѣваній въ предѣлахъ той же Пермской губерніи: въ Ирбитскомъ уѣздѣ цынга получила широкое распространеніе, появилась она и въ Верхотурскомъ уѣздѣ **). Въ Екатеринославской губерніи, по сообщеніямъ газетъ, свирѣпствуетъ въ послѣднее время жестокая эпидемія сыпного тифа, достигающая особенной силы въ Екатеринославскомъ и Александровскомъ уѣздахъ ***). Между тѣмъ только что названныя губерніи не относятся еще къ числу наиболѣе пострадавшихъ. Въ другихъ мѣстахъ положеніе вынесшихъ неурожай селеній является еще болѣе тяжелымъ.

Относительно Казанской губерніи, въ которой заболѣванія цынгою и сыпнымъ тифомъ начались мѣстами уже съ декабря, мѣстное отдѣленіе общества Краснаго Креста въ отчетѣ о своей дѣятельности по 1-е февраля заявляло: „помощь населенію крайне необходима; нуждающихся настолько много, что Красному Кресту будетъ трудно бороться, если общество не откликнется своимъ посильнымъ пожертвованіемъ". „Но разсчитывать на этотъ откликъ,—прибавляли „Р. Вѣдомости", сообщивъ приведенныя слова отчета,—также трудно, потому что мѣстное общество не можетъ теперь принимать активное участіе въ дѣлѣ помощи пострадавшему отъ неурожая населенію, да оно къ тому же лишено возможности и знать, гдѣ эта помощь требуется, такъ какъ въ мѣстныхъ газетахъ никакихъ свѣдѣній по этому поводу не появляется" ****). Съ другой стороны, дѣйствительность скоро выяснила, какъ преувеличены были надежды, которыя возлагались на организуемыя, согласно временнымъ правиламъ 12 іюня 1900 г., волостныя попечительства и, въ частности, на участіе въ этихъ попечительствахъ мѣстнаго землевладѣльческаго элемента. Изъ 22 попечительствъ, открытыхъ до 1 февраля въ Мамадышскомъ и Чистопольскомъ уѣздахъ, лишь пять состояли подъ предсѣдательствомъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, главный же контингентъ предсѣдателей попечительствъ составили земскіе начальники и священники. Такъ, изъ 12 попечительствъ Мамадышскаго уѣзда въ пяти былъ одинъ и тотъ же предсѣдатель—земскій начальникъ, въ одномъ—становой приставъ, а въ остальныхъ шести—священники *****). Между тѣмъ населеніе Мамадышскаго уѣзда состоитъ по преимуществу изъ татаръ. Постановка продовольствен-

*) Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 10 дек. 1901 г.
**) «Н. Время», 4 апр. 1902 г.
***) «Спб. Вѣд.», 27 и 30 марта; «Н. Время», 23 марта, 1902 г.
****) «Р. Вѣд.», 6 февр. 1902 г.
*****) «Р. Вѣд.», 6 февр. 1902 г.

наго дѣла въ Казанской губерніи заключала, впрочемъ, въ себѣ и нѣкоторыя другія, не менѣе серьезныя, неудобства. Такъ, по словамъ газетъ, при перевозкѣ овса для неблагополучныхъ уѣздовъ этой губерніи оказалось, что его заготовочная цѣна гораздо выше мѣстныхъ рыночныхъ цѣнъ на овесъ при одинаковомъ качествѣ продукта. Благодаря этому, крестьянамъ, получившимъ ссуды овсомъ, придется на каждомъ пудѣ его переплачивать отъ 5 до 10 и болѣе копѣекъ *). Но, конечно, крестьянамъ, не имѣвшимъ ни своего овса, ни другого источника помощи, трудно было бы отказаться отъ этихъ ссудъ.

Казанская губернія вынесла за послѣдніе годы рядъ послѣдовательныхъ и очень сильныхъ неурожаевъ. Неудивительно поэтому, что ея населеніе, хозяйственныя средства котораго были уже въ корень подорваны, не смогло справиться съ новой бѣдой и быстро дошло до крайнихъ степеней нужды. Но и по мѣрѣ развитія въ названной губерніи продовольственной кампаніи наиболѣе грозный показатель бѣдствія, выражающійся въ цифрѣ эпидемическихъ заболѣваній, не только не уменьшался, но прогрессировалъ съ все возрастающею быстротою. Въ началѣ марта губернская управа затруднялась уже удовлетворять всѣ требованія изъ уѣздовъ о командированіи врачебныхъ отрядовъ въ мѣста распространенія цынги и особымъ циркуляромъ дала знать уѣзднымъ управамъ, что въ ея распоряженіи нѣтъ даже никакого низшаго медицинскаго персонала. Цынга, дѣйствительно, разросталась съ поразительною силой. Согласно отчетамъ медицинской коммиссіи мѣстнаго управленія общества Краснаго Креста, за время съ 15 ноября прошлаго года по 9 февраля текущаго года было зарегистрировано 254 случая цынги на 3.499 заболѣваній вообще, за время же съ 9 февраля по 9 марта— 1.542 случая цынги на 3.827 заболѣваній вообще. Иначе говоря, въ первомъ періодѣ цынга составляла лишь около 7% общаго числа заболѣваній, а во второмъ уже около 41%. По отдѣльнымъ уѣздамъ это отношеніе представлялось въ еще болѣе внушительныхъ цифрахъ. Въ Тетюшскомъ уѣздѣ за время съ 9 февраля по 9 марта изъ 1.363 заболѣваній къ цынгѣ относились 1.103 случая или 80%, въ Спасскомъ уѣздѣ за то же время цынга составила 70% общаго числа заболѣваній. Уже въ февралѣ эта грозная спутница голода пробралась и въ тѣ уѣзды губерніи, которые не включены въ число „неблагополучныхъ по урожаю“. За это же время, по словамъ названной коммиссіи, наблюдались и другія заболѣванія, зависящія отъ недостаточнаго и плохого питанія: куриная слѣпота, желудочно-кишечные катарры, кровавый поносъ, брюшной и сыпной тифы, при чемъ эти болѣзни опять-таки охватывали и уѣзды, признанные благополучными. Свидѣтельствуя о

*) «Спб. Вѣд.», 14 февр. 1902 г.

недостаточности врачебной и продовольственной помощи, оказываемой населенію, медицинская коммиссія въ заключеніе своего мартовскаго отчета выражала свое глубокое сожалѣніе по поводу того, что волостныя попечительства Краснаго Креста не были открыты своевременно во всѣхъ уѣздахъ, пораженныхъ недородомъ *).

Тотъ же быстрый ростъ связанныхъ съ голодовкою эпидемій наблюдается и въ Уфимской губерніи. Къ началу февраля сообщеніе земскаго отдѣла насчитывало въ Мензелинскомъ уѣздѣ 687 цынготныхъ больныхъ. Къ 22 февраля ихъ было зарегистрировано здѣсь уже 2.001 чел., иначе говоря, за три недѣли число цынготныхъ увеличилось на 1.314 чел. или на 191%. Въ февральскомъ засѣданіи врачебнаго совѣта мензелинскаго земства большинствомъ врачей были констатированы плохое питаніе населенія, недостаточность выдаваемыхъ пайковъ и неудовлетворительное состояніе медицинской помощи въ уѣздѣ. Подобныя же вѣсти идутъ изъ Белебеевскаго, Уфимскаго и Стерлитамакскаго уѣздовъ, изъ которыхъ два послѣдніе не отнесены въ число неблагополучныхъ **). Въ Саратовѣ и въ Самарѣ за послѣднее время тифозныя заболѣванія приняли эпидемическій характеръ, при чемъ главными очагами болѣзни являются ночлежные дома ***). Въ общемъ въ Самарской губерніи эпидемическія заболѣванія носятъ не столь интенсивный характеръ, какъ въ названныхъ выше, но въ остальномъ судьба пострадавшихъ отъ неурожая крестьянъ является и здѣсь крайне тяжелой. Мѣсяцъ назадъ изъ Бугульминскаго уѣзда сообщали, что мѣстный городской ломбардъ заваленъ разными крестьянскими пожитками. Выдаваемая подъ нихъ ссуда колебалась между 1—3 р. и рѣдко достигала 10 р. Тѣмъ не менѣе весь денежный запасъ ломбарда, простиравшійся до 2.000 р., былъ къ этой порѣ уже исчерпанъ, не смотря на то, что ломбардъ бралъ по 12%, и на дальнѣйшее время къ услугамъ крестьянъ остался лишь частный, еще болѣе дорогой кредитъ ****). Крестьяне Самарскаго уѣзда, писалъ около этого же времени корреспондентъ одной изъ столичныхъ газетъ, „въ большинствѣ случаевъ находятся въ бѣдственномъ положеніи: продаютъ за половинную цѣну иногда послѣднюю скотину, проѣдаютъ хлѣбъ, оставленный на сѣмена, берутъ впередъ хлѣбъ и деньги подъ весеннія и лѣтнія работы, а нѣкоторые, исчерпавъ всѣ рессурсы, идутъ побираться, такъ что приливъ нищихъ въ селахъ—значительный“. Хлѣбныя ссуды „получаютъ только самые нуждающіеся“, а, занимая деньги и хлѣбъ у частныхъ лицъ подъ

*) «Р. Вѣд.», 16 и 20 марта 1902 г.

**) «Спб. Вѣд.», 19 марта и 4 апр.; «Н. Время», 23 марта 1902 г.

***) «Нижег. Листокъ», 11 марта; «Р. Вѣд.», 3 апр. 1902 г.

****) «Нижег. Листокъ», 11 марта 1902 г.

работу, крестьяне вынуждены запродавать свой трудъ по дешевой цѣнѣ, часто вдвое меньшей противъ нормальной. Крестьянскій скотъ пропадаетъ отъ безкормицы. „У коровъ молоко почти пропало, а лошади у бѣдняковъ обезсилѣли до того, что не годятся на работу". Мѣстами изъ-за недостатка корма скотъ продаютъ на шкуры, мѣстами начался уже и сильный падежъ скота. Не обильно питаніе и самихъ крестьянъ. „Бѣдняки большею частью ѣдятъ только ржаной хлѣбъ съ водою или съ пустыми щами, сваренными изъ воды и капусты. Квасъ и картофель рѣдко можно встрѣтить". При всемъ томъ „взысканіе податей идетъ большею частью обычнымъ порядкомъ, какъ и во время вполнѣ благополучныхъ годовъ" *). Но въ Самарскомъ уѣздѣ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, было, по крайней мѣрѣ, во-время обезпечено обсѣмененіе полей для тѣхъ крестьянъ, которые успѣли сохранить хоть часть своего живого и мертваго инвентаря. Въ Николаевскомъ же уѣздѣ еще въ первыхъ числахъ марта не только не была закончена выдача сѣмянъ, но для многихъ мѣстъ было „совершенно неизвѣстно, гдѣ получать сѣмена, а кое-гдѣ не были еще утверждены и самые сѣменные списки" **).

Невеселыя вѣсти доносятся и изъ Сибири. Въ Минусинскомъ уѣздѣ Енисейской губерніи зимою вслѣдствіе безкормицы была перерѣзана масса проданнаго за безцѣнокъ скота. Изъ Красноярскаго уѣзда, какъ пишутъ „Спб. Вѣдомостямъ", „жители разбредаются по разнымъ мѣстамъ, ища заработковъ. Одни идутъ въ Красноярскъ, но здѣсь мало находится дѣла для приложенія рукъ, другіе отправляются въ Иркутскъ, а иные въ Забайкалье на строющуюся желѣзную дорогу и даже въ Манчжурію". На покупку хлѣба для неурожайныхъ мѣстностей губерніи, при чемъ главнымъ образомъ имѣется въ виду заготовка сѣмянъ для весенняго посѣва, отпущенъ кредитъ въ суммѣ 213.000 р., но эта сумма является еще слишкомъ малою въ сравненіи съ размѣрами нужды. Въ пострадавшихъ уѣздахъ Томской губерніи появились заболѣванія цынгою и, въ еще бо̀льшихъ размѣрахъ, оспою и брюшнымъ тифомъ, который ранѣе въ Сибири былъ почти неизвѣстенъ и многими считался даже несвойственной ей болѣзнью ***).

Всѣ приведенныя свѣдѣнія являются, конечно, не болѣе, какъ частными примѣрами. Но эти частные примѣры въ извѣстной степени даютъ все же возможность вложить живое содержаніе въ рамки указанной выше общей картины положенія неурожайныхъ губерній. Распродажа крестьянами своего имущества и скота, доходящая до полнаго истощенія средствъ крестьянскаго хозяйства, тяжелая кабала, налагаемая на себя крестьянами въ

*) «Спб. Вѣд.», 13 марта 1902 г.
**) «Спб. Вѣд.», 11 марта 1902 г.
***) «Спб. Вѣд.», 25 марта; «Р. Вѣд.», 3 апр. 1902 г.

ближайшемъ будущемъ ради сохраненія возможности жалкаго существованія въ настоящемъ, серьезное ослабленіе силъ населенія тяжкими болѣзнями и, наконецъ, значительное количество человѣческихъ жертвъ,—всѣ эти послѣдствія крайней нужды въ большей или меньшей степени составляютъ, можно думать, общее достояніе всего пораженнаго неурожаемъ района. Пока нельзя еще даже приблизительно подсчитать количество потерь, понесенныхъ страною благодаря этому неурожаю. Возможность такого подсчета явится лишь современемъ. Но и теперь уже всѣ имѣющіяся свѣдѣнія позволяютъ утверждать, что текущій годъ сыгралъ громадную и роковую роль въ процессѣ экономической эволюціи, переживаемой современной русской деревней. Массу среднихъ крестьянскихъ хозяйствъ онъ вывелъ изъ состоянія неустойчиваго равновѣсія и довелъ до полнаго крушенія, массу зажиточныхъ хозяйствъ лишилъ прежнихъ средствъ и поставилъ на наклонную плоскость обѣдненія. Крестьянское разореніе сдѣлало за этотъ годъ большіе и серьезные успѣхи и число самостоятельныхъ хозяйствъ въ русской деревнѣ значительно сократилось.

Съ наступленіемъ весны приближается развязка продовольственной кампаніи. „Невеселая это будетъ развязка,—замѣчаетъ самарскій корреспондентъ „Спб. Вѣдомостей",—и врядъ-ли почерпнутъ изъ нея аргументы въ свою пользу защитники недавней реформы продовольственнаго дѣла" *). Нельзя во всякомъ случаѣ забывать, что именно весенніе и лѣтніе мѣсяцы, отъ которыхъ зависитъ весь будущій годъ земледѣльческаго населенія, являются тѣмъ временемъ, когда результаты прошлогодняго неурожая, благодаря исчезновенію послѣднихъ запасовъ, сказываются съ особенною остротою. Хозяйства, которымъ въ это время не будетъ оказана достаточная помощь, едва-ли уже когда-нибудь станутъ на ноги. Всевозможныя болѣзни именно въ эту пору съ наибольшею силою распространяются среди ослабѣвшаго и надрывающагося на работѣ населенія. Въ прежніе годы весна и лѣто служили, по крайней мѣрѣ, временемъ разгара частной и общественной благотворительности въ дѣлѣ помощи голодающимъ и этимъ путемъ хоть отчасти уменьшалась тяжесть критической для населенія поры. Теперь такая благотворительность почти устранена. При этихъ условіяхъ слишкомъ раннее прекращеніе продовольственной кампаніи могло бы повлечь за собою чрезмѣрно тяжелыя послѣдствія и было бы, напротивъ, крайне желательно, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ предстоящіе послѣдніе мѣсяцы продовольственной кампаніи она была поведена на болѣе широкихъ основаніяхъ и съ большею энергіей. Лишь въ этомъ случаѣ возможно было бы разсчитывать если не на возмѣще-

*) «Спб. Вѣд.», 11 марта 1902 г.

ніе понесенныхъ народнымъ хозяйствомъ ущербовъ, то хотя бы на предотвращеніе дальнѣйшаго ихъ развитія.

Тягостные результаты перенесеннаго страною неурожая были въ текущемъ году осложнены наличностью другого неблагопріятнаго явленія въ экономической жизни страны. Ростущее изъ года въ годъ разстройство крестьянскаго хозяйства, сокративъ покупательную силу сельскаго населенія, въ концѣ концовъ отразилось и на положеніи промышленности. Быстрый ростъ крупной промышленности, одно время радовавшій сердца нашихъ протекціонистовъ, въ послѣдніе годы смѣнился серьезнымъ и все увеличивающимся промышленнымъ кризисомъ. Въ текущемъ году на почвѣ этого кризиса произошло крушеніе многихъ крупныхъ предпріятій и сокращеніе размѣровъ многихъ другихъ, благодаря чему въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи создалась массовая безработица. Промышленность не только не могла поглотить массу рабочихъ силъ, выброшенныхъ голодающей деревней, но стремилась часто освободиться и отъ значительной части тѣхъ рабочихъ, которые уже ранѣе были заняты въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Такое явленіе равно наблюдалось въ южномъ, центральномъ и сѣверо-западномъ промышленныхъ районахъ.

Въ Баку и Астрахани уже съ весны прошлаго года накопилась масса искавшихъ, но не находившихъ труда рабочихъ. По распоряженію мѣстныхъ властей полиція высылала отсюда безработныхъ на родину на средства общества Краснаго Креста. Согласно сообщеннымъ въ газетѣ „Каспій“ свѣдѣніямъ, изъ Баку съ мая 1901 г. до закрытія навигаціи было такимъ порядкомъ отправлено водою до 6000 человѣкъ, а за послѣдовавшіе полтора мѣсяца по желѣзной дорогѣ—2.000 чел., не считая 500 человѣкъ, выѣхавшихъ въ Ташкентъ. Въ началѣ текущаго года ожидалась отправка изъ Баку еще тысячи человѣкъ *). Серьезныхъ размѣровъ достигла въ этомъ году безработица и въ промышленномъ районѣ Екатеринославской губерніи, равно какъ въ губерніяхъ юго-западныхъ. Между прочимъ, въ Кіевѣ благодаря застою промышленности къ началу текущаго года скопилась масса рабочаго люда, живущаго поденнымъ трудомъ, но не находившаго себѣ заработка и нуждавшагося въ насущномъ пропитаніи. Въ виду этого одинъ изъ кіевскихъ гласныхъ вошелъ въ мѣстную думу съ предложеніемъ оказать рабочему населенію города временную поддержку путемъ ассигнованія 5.000 р. на ежедневную выдачу тысячи безплатныхъ обѣдовъ и хлѣба изъ дешевыхъ и народныхъ столовыхъ вплоть до открытія навигаціи **). Замѣтное уве-

*) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 22 февр. 1902 г.

**) «Кіевлянинъ», 15 февр. 1902 г.

личеніе числа безработныхъ произошло и въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ Ревелѣ съ началомъ настоящаго года нѣкоторыя фабрики распустили массу рабочихъ, а другія стали обходиться съ половиннымъ числомъ ихъ, при чемъ и заработная плата была сильно понижена *). Въ слѣдующіе мѣсяцы сокращеніе числа занятыхъ рабочихъ все продолжалось. „На заводѣ „Двигатель",—сообщала одна изъ мѣстныхъ газетъ въ мартѣ,—рабочіе занимаются уже не ежедневно, а черезъ день, т.-е., три дня въ недѣлю. Многіе другіе заводы и фабрики совсѣмъ распустили своихъ рабочихъ, которые голодаютъ и выселяются изъ Ревеля" **). Въ Ригѣ также произошло значительное сокращеніе работъ на фабрикахъ, въ результатѣ котораго съ нихъ было уволено до 8.000 рабочихъ. Въ виду этого рижскій биржевой комитетъ обратился къ министру финансовъ съ ходатайствомъ о предоставленіи мѣстнымъ фабрикамъ казенныхъ заказовъ. Въ отвѣтъ на это ходатайство было получено извѣщеніе желѣзнодорожнаго департамента, что рижскіе заводы будутъ по возможности приняты во вниманіе при распредѣленіи правительственныхъ заказовъ въ 1902 г. между металлургическими фабриками ***). Безработица сказывается съ большою силою и въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. За послѣднее время приходятъ извѣстія о сокращеніи производства на кожевенныхъ заводахъ и канатно-прядильныхъ фабрикахъ Горбатовскаго уѣзда ****). Въ Саратовѣ, по сообщеніямъ газетъ, многія крупныя промышленныя заведенія за истекшую зиму сократили число занятыхъ въ нихъ рабочихъ на четверть, на треть и даже на половину противъ нормальнаго состава *****).

Особенно замѣтнымъ явился наплывъ безработныхъ въ центрахъ неурожайныхъ районовъ, гдѣ соединялись не находящія себѣ приложенія рабочія силы деревни и города. Здѣсь скорѣе сказались и послѣдствія такого наплыва. Въ приволжскихъ городахъ число босяковъ увеличилось до поразительныхъ размѣровъ. Въ Самарѣ, по сообщенію мѣстной газеты, 18 марта въ одномъ ночлежномъ домѣ ночевало 1200 босяковъ ******). Значительное переполненіе ночлежныхъ домовъ наблюдалось за истекшую зиму и въ Саратовѣ. Въ обоихъ названныхъ городахъ, какъ мы уже упоминали, вспыхнула сильная эпидемія тифа. Саратовская городская управа въ половинѣ марта обратилась къ думѣ съ предложеніемъ ассигновать на борьбу съ тифомъ 6285 р., при чемъ

---

*) «Прибалтійскій Край». Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 16 февр. 1902 г.

**) Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ«, 19 марта 1902 г.

***) «Р. Вѣд.», 25 марта 1902 г.

****) «Сар. Дневникъ», 8 марта 1902 г.

*****) «Нижег. Листокъ», 10 апр. 1902 г.

******) Цитируемъ по «Сар. Дневнику», 26 марта 1902 г.

думѣ было доложено полученное управой отъ городского санитарнаго врача Соколова письмо слѣдующаго содержанія:

„Имѣю честь довести до свѣдѣнія управы, что возвратный тифъ обнаруживаетъ наклонность все къ большему и большему усиленію. Съ цѣлью выясненія причинъ этого усиленнаго развитія я произвелъ поголовный опросъ всѣхъ больныхъ, лежащихъ въ городской больницѣ, а также разспрашивалъ неоднократно ночлежниковъ въ ночлежномъ домѣ № 3. Оказалось, что громадная масса чернорабочихъ, проживающихъ въ настоящее время въ Саратовѣ, совершенно не имѣетъ заработка; другая часть хотя и имѣетъ таковой, но онъ настолько ничтоженъ (10—15 коп. въ день при работѣ на погребахъ, на Волгѣ и пр. и 10—15 к. при работѣ на масленкахъ), что совершенно не даетъ возможности удовлетворить минимальныя человѣческія потребности. Въ силу всего этого рабочіе или совершенно голодаютъ цѣлыми днями, или же живутъ впроголодь и легко поэтому заболѣваютъ. Немаловажное условіе въ развитіи заболѣваній тифомъ, повидимому, играетъ и малярія, которою болѣетъ громадный процентъ рабочаго люда и которая ихъ окончательно изнуряетъ. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ я считаю своимъ долгомъ предложить городскому управленію, какъ крайне необходимую мѣру,—безплатное или, по крайней мѣрѣ, возможно удешевленное кормленіе рабочаго люда, ради чего необходимо открыть въ нѣсколькихъ мѣстахъ безплатныя или возможно дешевыя столовыя. Затѣмъ второе, на что необходимо немедленно же обратить вниманіе, это—отсутствіе свободныхъ мѣстъ въ больницѣ. Сейчасъ въ Александровской земской больницѣ 17 больныхъ тифомъ, въ городской—52, болѣе мѣстъ нѣтъ, а изъ ночлежнаго дома № 3 ежедневно приходится отправлять 2—3 больныхъ тифомъ; такимъ образомъ необходимо временно открыть больничное отдѣленіе“...

Управа предполагала употребить испрашивавшуюся ею ассигновку исключительно на усиленіе штата городской больницы и на временное открытіе амбулаторіи, больничнаго отдѣленія для тифозныхъ и двухъ ночлежныхъ домовъ, но нѣсколькими гласными было внесено предложеніе объ открытіи сверхъ того и столовыхъ. Въ думѣ нашлось нѣсколько ораторовъ, говорившихъ противъ этого предложенія и старавшихся доказать, что въ Саратовѣ нѣтъ ни безработицы, ни такихъ цѣнъ на рабочія руки, на существованіе которыхъ указывалъ д-ръ Соколовъ. Нѣкоторые ораторы пошли еще дальше и утверждали, что кормить голодающихъ и не нужно, и опасно. „Кормленіе—заявлялъ гласный Дыбовъ—обоюдоострая вещь. Правительство тоже кормило прежде даромъ во время голода, а теперь совершенно отказалось отъ этого и организуетъ общественныя работы... Даровое кормленіе не принесетъ пользы ни обществу, ни самимъ рабочимъ. Бездонныхъ пьяницъ и всякихъ охотниковъ дарового кормленія всегда

найдется много и безъ неурожая; если вы станете кормить ихъ даромъ въ нынѣшнемъ году, они въ будущемъ году будутъ уже не просить, а требовать дарового кормленія". Еще рѣшительнѣе выражался другой гласный, гр. Уваровъ. По его словамъ, въ Саратовѣ не имѣютъ работы только искатели легкаго труда. Но „этотъ классъ людей существуетъ при всякомъ урожаѣ и отъ него и столовыми не отдѣлаться. Они-то и наполняютъ ночлежные дома, больницу, психіатрическую лѣчебницу. Накормите ихъ даромъ разъ, они въ другой разъ схватятъ васъ за горло, требуя дальнѣйшаго дарового кормленія". Эти рѣчи встрѣтили, впрочемъ, отпоръ въ самой думѣ. „У меня у самого есть заводъ,—говорилъ гл. Медвѣдевъ,—и я постоянно имѣю сношенія съ рабочими. Масса ихъ приходитъ теперь чуть не ежедневно и проситъ принять хоть за какую угодно дешевую плату. Но все переполнено и поневолѣ отказываешь, хотя, не желая пользоваться нуждой, платы за трудъ я не понижаю. Изъ трехъ тысячъ босяковъ едва-ли четверть имѣетъ заработокъ". Гр. Нессельроде, состоящій предсѣдателемъ мѣстнаго общества пособія бѣднымъ, въ свою очередь подтвердилъ фактъ существованія массовой безработицы. „Если нехорошо—говорилъ онъ — давать нуждающимся хлѣбъ даромъ, такъ дайте имъ работу; но не давать ни хлѣба, ни работы во всякомъ случаѣ еще хуже, прямо безнравственно, особенно, когда въ результатѣ получается тифъ". Въ концѣ концовъ дума постановила принять испрашиваемую управой ассигновку 6,285 руб. на борьбу съ тифомъ на счетъ запасного капитала и сверхъ того ассигновать изъ того же капитала еще 2,000 руб. на устройство дешевыхъ столовыхъ, предоставивъ однако завѣдующимъ ими право совсѣмъ освобождать отъ платы особенно нуждающихся посѣтителей. Что касается сомнѣній нѣкоторыхъ гласныхъ на счетъ сообщенныхъ д-ромъ Соколовымъ цифръ заработной платы, то эти сомнѣнія скоро были разсѣяны. Городскою санитарною коммиссіей былъ произведенъ при участіи полиціи осмотръ 15-ти масленокъ. При этомъ осмотрѣ оказалось, что большинство рабочихъ на нихъ работаетъ за жалованье по 3 руб. въ мѣсяцъ, т. е., по 10 коп. въ день, исполняющіе же болѣе отвѣтственныя обязанности вознаграждаются щедрѣе—по 13 коп. въ день *).

Нѣтъ сомнѣнія, саратовская дума могла бы сдѣлать для безработныхъ нѣсколько больше того, что она сдѣлала. Несомнѣнно и то, что вообще городскимъ управленіямъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ мѣстностей, которыя уже познакомились съ безработицей, слѣдовало бы обратить серьезное вниманіе на это явленіе. За истекшую зиму такого вниманія было проявлено слишкомъ мало и даже тамъ, гдѣ оно было на-лицо, все дѣло помощи ограни-

*) «Сар. Дневникъ», 14 и 15 марта; «Спб. Вѣдомости», 30 марта 1902 г.

чилось лишь ничтожными палліативами. Положимъ, наступленіе весны во многихъ мѣстностяхъ значительно смягчитъ остроту безработицы, но, не говоря уже о томъ, что для очень многихъ категорій рабочихъ весенніе и лѣтніе мѣсяцы въ смыслѣ условій труда ничѣмъ не отличаются отъ зимнихъ, нѣтъ и гарантій, что съ началомъ зимы рабочая масса не столкнется вновь съ бѣдствіями безработицы. Если предупреждать эти бѣдствія не легко, то залѣчивать ихъ результаты еще труднѣе. Само собою разумѣется, города не могутъ принять на себя всю задачу активной борьбы съ массовой безработицей. Такая задача въ полномъ ея объемѣ далеко превышаетъ скромныя силы органовъ нашего городского самоуправленія, но послѣдніе во всякомъ случаѣ могутъ сдѣлать многое на пути разслѣдованія настоящаго положенія рабочаго класса и указанія тѣхъ улучшеній, въ какихъ оно нуждается. Кое-какія улучшенія, конечно, могли бы быть достигнуты и средствами самихъ городовъ, но помимо того усилія городского самоуправленія помогли бы выяснить и желательный характеръ тѣхъ государственныхъ мѣропріятій, которыя слѣдовало бы направить на помощь безработной массѣ. До сихъ поръ въ этомъ направленіи ничего не было сдѣлано. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать сколько-нибудь серьезною мѣрою высылку изъ промышленныхъ центровъ безработныхъ на родину, откуда они и ушли потому, что не нашли себѣ труда на мѣстѣ. Въ свою очередь предоставленіе казенныхъ заказовъ фабрикантамъ, обѣщая послѣднимъ большія выгоды, едва-ли однако является вполнѣ правильнымъ средствомъ для уменьшенія безработицы. Въ данномъ случаѣ необходимы мѣры, ведущія къ цѣли болѣе непосредственнымъ путемъ, и такая необходимость представляется тѣмъ болѣе настоятельною, что самый кризисъ, переживаемый нашею промышленностью, трудно считать случайнымъ и скоропреходящимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что за вопросомъ о положеніи рабочихъ, не находящихъ себѣ занятія въ данный моментъ, стоитъ еще другой, болѣе общій и тревожный вопросъ. Совпаденіе такихъ явленій, какъ голодъ въ деревнѣ и безработица въ городѣ, какъ нельзя болѣе ясно указываетъ на существованіе глубокаго разстройства въ экономической жизни страны, требующаго быстраго и радикальнаго лѣченія.

III.

Смертью Г. И. Успенскаго не ограничились потери, понесенныя русскою литературою въ теченіе послѣдняго мѣсяца. Съ жизненной арены за этотъ мѣсяцъ сошло еще нѣсколько писателей, оставившихъ по себѣ болѣе или менѣе глубокій слѣдъ.

31 марта въ г. Валдаѣ умеръ В. П. Острогорскій, пользо-

вавшійся большею извѣстностью въ петербургскомъ педагогическомъ мірѣ. Свою педагогическую дѣятельность онъ началъ въ 1860 г., когда, будучи еще студентомъ, участвовалъ въ устройствѣ первой воскресной школы въ Петербургѣ. Послѣ того онъ до конца жизни посвящалъ свои силы главнымъ образомъ преподаванію русской словесности въ различныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга. Горячій поклонникъ идей лучшихъ педагоговъ 60-хъ годовъ, В. П. Острогорскій въ своихъ сношеніяхъ съ учащеюся молодежью всегда проявлялъ чуткую отзывчивость къ ея умственнымъ интересамъ и искреннюю сердечность и эти качества прочно приковывали къ нему симпатіи его многочисленныхъ учениковъ и ученицъ. Въ литературѣ онъ былъ извѣстенъ по преимуществу какъ авторъ нѣсколькихъ педагогическихъ сочиненій. Послѣднія десять лѣтъ онъ занималъ мѣсто редактора журнала „Міръ Божій“ и не мало потрудился въ этомъ журналѣ.

6 апрѣля въ Петербургѣ умеръ Н. К. Шильдеръ, въ теченіе многихъ лѣтъ занимавшійся спеціальнымъ изученіемъ русской исторіи XVIII—XIX вв. и давшій въ этой области рядъ цѣнныхъ изысканій. Недавно выпущенныя имъ книги: „Имп. Александръ I“ и „Имп. Павелъ I“ сдѣлали его имя популярнымъ и въ широкихъ кругахъ читающей публики. Въ послѣднее время онъ занимался исторіей царствованія имп. Николая I, но внезапная смерть прервала этотъ трудъ.

Смерть унесла и еще одного изъ нашихъ историковъ. 31 марта въ Кіевѣ скончался А. М. Лазаревскій. Большая публика мало знала его, но среди спеціалистовъ-историковъ онъ пользовался большою и вполнѣ заслуженною извѣстностью. Онъ не былъ цеховымъ ученымъ и въ теченіе большей части жизни дѣлилъ свое время между государственной службой и научными занятіями. Начавъ свою службу въ крестьянскихъ учрежденіяхъ Черниговской губерніи въ моментъ осуществленія крестьянской реформы въ 1861 году, онъ затѣмъ перешелъ въ судебныя учрежденія и умеръ, занимая мѣсто члена кіевской судебной палаты. Но все свободное отъ служебныхъ обязанностей время онъ отдавалъ изученію исторіи своей родины—Малороссіи. Страстно увлекаясь этимъ изученіемъ, онъ умѣлъ вести его съ упорной энергіей, безъ устали перерывая общественные и частные архивы, непрестанно расширяя запасъ своихъ фактическихъ знаній и поле своихъ наблюденій. Пріобрѣтенное такимъ путемъ знакомство съ громаднымъ архивнымъ матеріаломъ позволило ему, въ связи съ общими его взглядами, поставить все дѣло изслѣдованія малорусской исторіи за XVII—XVIII столѣтія на новый путь и перенести центръ тяжести этого изслѣдованія съ внѣшнихъ политическихъ событій, составлявшихъ главный предметъ трудовъ Н. И. Костомарова, на

внутреннюю жизнь малорусскаго народа. Первый большой его трудъ: „Малороссійскіе посполитые крестьяне“ вышелъ въ свѣтъ въ 1866 г. и сразу обратилъ на себя общее вниманіе въ литературѣ. Рядъ послѣдовавшихъ затѣмъ спеціальныхъ изслѣдованій и изданій А. М. Лазаревскаго окончательно укрѣпилъ за нимъ репутацію лучшаго знатока исторіи лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв., и въ частности ея соціальныхъ отношеній, и эта репутація неизмѣнно оставалась за нимъ до конца его жизни. Не переставая самъ упорно работать, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не отказывалъ въ своихъ совѣтахъ и указаніяхъ другимъ изслѣдователямъ, особенно начинающимъ, и охотно предоставлялъ имъ пользоваться своимъ богатымъ и цѣннымъ собраніемъ рѣдкихъ книгъ и рукописей. Незадолго до смерти онъ завѣщалъ это собраніе кіевскому университету. Въ послѣдніе годы А. М. Лазаревскій задумалъ грандіозное изданіе подъ названіемъ „Описаніе старой Малороссіи“, которое должно было объединить въ себѣ результаты всѣхъ его работъ и было разсчитано на десять томовъ, по числу полковъ, на какіе дѣлилась гетманская Малороссія. Недавно вышелъ третій томъ этого „Описанія“, но вслѣдъ за нимъ пришла и вѣсть о смерти его автора. Онъ умеръ 68 лѣтъ отъ роду, но мнѣ, видѣвшему его въ послѣдній разъ года четыре тому назадъ, странно и дико было читать въ газетахъ телеграмму объ его смерти: такимъ бодрымъ и крѣпкимъ рисуется онъ въ моихъ воспоминаніяхъ, такъ много неиспользованныхъ знаній и силъ унесъ онъ съ собою въ могилу... Во всякомъ случаѣ не одному поколѣнію историковъ предстоитъ еще пользоваться результатами его трудовъ и имя его останется надолго вписаннымъ въ русской исторіографіи.

IV.

30 марта состоялось слѣдующее распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ: „На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 года, министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты „Приднѣпровскій Край“ на восемь мѣсяцевъ“.

Какъ сообщаетъ „Казбекъ“, кутаисскимъ военнымъ губернаторомъ въ истекшемъ мартѣ издано, на основаніи ст. 421 общаго губернскаго учрежденія, обязательное постановленіе о запрещеніи сходбищъ и собраній народа на улицахъ, площадяхъ и пр. для жителей городовъ: Кутаиса, Батума, Поти, Сухума, Озургеты, Зугдиды и Ново-Сенаки и мѣстечекъ: Чіатуры и Они *).

*) Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 25 марта 1902 г.

За мѣсяцъ, истекшій со времени послѣдней нашей хроники, состоялся рядъ важныхъ правительственныхъ сообщеній, которыя мы воспроизводимъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ „Кавказѣ“ напечатано слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

„По полученнымъ изъ Батума извѣстіямъ, 4-го марта сего года рабочіе завода Ротшильда прекратили работу, вслѣдствіе отказа въ удовлетвореніи предъявленныхъ ими требованій, не имѣющихъ за собою никакихъ законныхъ основаній, почему заводъ этотъ и былъ закрытъ. Затѣмъ, 8-го марта, толпа рабочихъ этого завода, приблизительно 300 человѣкъ, собралась у батумскаго полицейскаго управленія и предъявила требованіе освободить задержанныхъ наканунѣ зачинщиковъ прекращенія работы на заводѣ съ 4-го марта. На предложеніе мѣстной администраціи разойтись рабочіе отвѣтили отказомъ, вслѣдствіе чего и были препровождены въ помѣщеніе пересыльной части. На другой день, 9-го марта, собравшаяся уличная толпа сдѣлала попытку освободить задержанныхъ въ пересыльномъ помѣщеніи рабочихъ и, не слушая увѣщаній, бросилась на роту солдатъ мѣстнаго гарнизона, находившуюся у этого помѣщенія для предупрежденія могущихъ возникнуть безпорядковъ. На роту посыпался со стороны толпы цѣлый градъ камней и были произведены выстрѣлы. Вынужденная необходимостью, рота отвѣтила выстрѣлами въ толпу. Изъ нижнихъ чиновъ роты раненъ одинъ, изъ толпы убито тринадцать человѣкъ“ *).

19-го марта въ московскихъ газетахъ было напечатано слѣдующее сообщеніе: „18-го марта, во второмъ часу дня, во время пріема московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ генералъ-майоромъ Д. Ѳ. Треповымъ просителей, собравшихся въ нижнемъ этажѣ дома, занимаемаго имъ, присутствовавшая въ числѣ посѣтителей женщина, направивъ въ принимавшаго прошенія генерала Трепова револьверъ, два раза покушалась произвести выстрѣлъ, но, по счастію, оба раза револьверъ сдѣлалъ осѣчку. Оберъ-полицеймейстеръ, сохраняя присутствіе духа, успѣлъ схватить преступницу за руку, послѣ чего она была задержана находившимися при пріемѣ около оберъ-полицеймейстера чиновниками. Преступница оказалась домашней учительницей дѣвицею Аллартъ“.

27 марта въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ было напечатано: „Большая часть лицъ, виновныхъ въ подготовленіи безпорядковъ 9 и 17 февраля сего года въ Москвѣ и въ участіи въ оныхъ, подвергнута, по Высочайшему повелѣнію, тюремному заключенію, для отбытія коего была предназначена архангельская временная тюрьма. До отправленія въ Архангельскъ задержанные содержатся въ московской пересыльной тюрьмѣ и поведеніе

*) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 17 марта 1902 г.

ихъ, выражающееся въ буйствѣ, неповиновеніи тюремнымъ правиламъ и нарушеніи дисциплины, приводитъ къ заключенію, что скопленіе такого количества лицъ на продолжительное сравнительно время въ одной тюрьмѣ можетъ имѣть крайне нежелательныя послѣдстія, которыя, въ свою очередь, могутъ привести къ необходимости принятія чрезвычайныхъ мѣръ. Вслѣдствіе сего и въ видахъ огражденія какъ отдѣльныхъ заключенныхъ отъ возможнаго дурного вліянія на нихъ товарищей, такъ и вообще тюремнаго порядка, Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть, чтобы первоначальное предположеніе о сосредоточеніи приговоренныхъ къ тюремному заключенію вышеупомянутыхъ лицъ въ архангельской тюрьмѣ было замѣнено распредѣленіемъ ихъ, для отбытія наказанія, небольшими группами по мѣстамъ заключенія разныхъ городовъ Имперіи".

Въ той же газетѣ 3 апрѣля появилось слѣдующее сообщеніе: „2-го апрѣля, около 1 часа дня, при входѣ министра внутреннихъ дѣлъ въ помѣщеніе комитета министровъ, въ Маріинскомъ Дворцѣ, пріѣхавшій за нѣсколько минутъ до этого въ каретѣ и ожидавшій министра въ швейцарской неизвѣстный человѣкъ въ военной офицерской формѣ, подавая запечатанный конвертъ, произвелъ въ министра четыре выстрѣла, при чемъ двумя пулями тяжко ранилъ егермейстера Сипягина. Раненому, по перенесеніи его въ Максимиліановскую лѣчебницу, была немедленно подана медицинская помощь докторами Вельяминовымъ и Трояновымъ, но, не смотря на это, егермейстеръ Сипягинъ черезъ часъ скончался. Слѣдствіе производится и установлено, что задержанный преступникъ, не будучи военнымъ, надѣлъ адъютантскую форму для облегченія себѣ доступа къ министру".

Вслѣдъ затѣмъ 4 апрѣля состоялся Именной Высочайшій указъ правительствующему сенату слѣдующаго содержанія: „Нашему статсъ-секретарю, государственному секретарю, министру статсъ-секретарю Великаго Княжества Финляндскаго, сенатору, дѣйствительному тайному совѣтнику фонъ-Плеве,—всемилостивѣйше повелѣваемъ быть министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ его въ званіяхъ статсъ-секретаря и сенатора".

11 апрѣля въ газетахъ было опубликовано слѣдующее правительственное сообщеніе: „министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи п. 1-го ст. 17 высочайше утвержденнаго положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, призналъ необходимымъ дѣло объ убійствѣ 2-го сего апрѣля бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ егермейстера Сипягина, передать на разсмотрѣніе военнаго суда, съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени".

11-го же апрѣля состоялись слѣдующіе Именные Высочайшіе указы, данные Правительствующему Сенату: „Нашего генералъ-адъютанта, члена Государственнаго Совѣта, министра народнаго

просвѣщенія, генерала-отъ-инфантеріи Ванновскаго—всемилостивѣйше увольняемъ, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, отъ должности министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и членомъ Государственнаго Совѣта."

„Товарища министра народнаго просвѣщенія, сенатора, тайнаго совѣтника Мѣщанинова—всемилостивѣйше увольняемъ, согласно прошенію его, отъ должности товарища министра, съ оставленіемъ въ званіи сенатора."

„Товарищу министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительному статскому совѣтнику Зенгеру — всемилостивѣйше повелѣваемъ быть управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія."

Приказъ министра народнаго просвѣщенія. 12-го апрѣля 1902 года № 1. По Именному Высочайшему Указу, данному 24-го марта 1901 года, послѣдовало назначеніе меня на должность министра народнаго просвѣщенія.

Вступивъ въ управленіе министерствомъ, я, въ приказѣ отъ 2-го апрѣля 1901 года за № 2 высказалъ увѣренность, что ближайшіе мои сотрудники и всѣ служащіе во ввѣренномъ мнѣ министерствѣ окажутъ мнѣ полное содѣйствіе въ исполненіи возложеннаго на меня Высочайшею волею порученія и приглашалъ ихъ къ совмѣстной, трудной и неустанной работѣ по пути осуществленія данной мнѣ Государемъ Императоромъ программы, изложенной въ милостивомъ рескриптѣ Его Императорскаго Величества отъ 25-го марта того же года.

Нынѣ Именнымъ Высочайшимъ указомъ, воспослѣдовавшимъ въ 11-й день сего апрѣля, я увольняюсь отъ должности министра народнаго просвѣщенія.

Оставляя свой постъ и прощаясь съ сослуживцами, въ священную обязанность себѣ вмѣняю засвидѣтельствовать, что всѣ они, по мѣрѣ возможности, старались исполнить пожеланія мои, выраженныя въ упомянутомъ приказѣ за № 2. Не щадя силъ, они неустанно работали подъ ближайшимъ моимъ руководствомъ, въ точности исполняя данныя имъ мною указанія; по первому моему призыву они охотно брались за непосильную иногда работу, на нихъ мною возлагаемую помимо исполненія прямыхъ по должности каждаго изъ нихъ служебныхъ обязанностей, а такой работы было много, и почти вся она была неотложно спѣшная.

Особенно же благодарю я товарища моего сенатора Мѣщанинова, значительно облегчившаго мнѣ детальную работу по управленію министерствомъ.

Выражаю глубокую благодарность предсѣдателю ученаго комитета, тайному совѣтнику Сонину за его энергичную дѣятельность по дѣламъ комитета.

Благодарю бывшаго попечителя варшавскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Зенгера и попечителей округовъ: с.-петербургскаго тайнаго совѣтника Анрепа, рижскаго тайнаго совѣтника Шварца, западно-сибирскаго тайнаго совѣтника Лаврентьева, московскаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Некрасова, казанскаго тайнаго совѣтника Спѣшкова, одесскаго тайнаго совѣтника Сольскаго, оренбургскаго тайнаго совѣтника Ростовцева, виленскаго тайнаго совѣтника Попова, харьковскаго тайнаго совѣтника Алексѣенко и кавказскаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Завадскаго, а также ректоровъ университетовъ и начальниковъ высшихъ учебныхъ заведеній за ихъ усиленные труды и понесенныя заботы къ тому, чтобы дать возможность желавшимъ студентамъ продолжать ихъ занятія. Въ семъ послѣднемъ отношеніи я съ особымъ чувствомъ глубокой благодарности отношусь къ многотрудной дѣятельности начальства и профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній города С.-Петербурга.

Тайнаго совѣтника Анрепа прошу принять мою особливую признательность за мощное содѣйствіе, оказанное имъ при выполненіи особо порученной ему работы; такую же признательность объявляю я всѣмъ г.г. предсѣдателямъ и членамъ подкоммиссій по той же работѣ, исполнившихъ быстро, глубоко обдуманно и вполнѣ основательно возложенную на нихъ мною задачу, а въ особенности тайныхъ совѣтниковъ: Баранова и Мамантова; дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: Фохта, Гуревича, В. А. Латышева, Смирнова и коллежскаго совѣтника Готлиба.

Сердечно благодарю директора департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Рахманова, управляющаго отдѣленіемъ промышленныхъ училищъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Тавилдарова, г.г. вице-директоровъ и всѣхъ чиновъ центральнаго управленія за понесенные ими труды и безсонныя ночи, проведенныя въ кропотливой работѣ.

Съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаю я и то отзывчивое отношеніе, которое было проявлено къ моимъ требованіямъ и ходатайствамъ со стороны лицъ, мнѣ неподвѣдомственныхъ, принявшихъ участіе въ моихъ работахъ и несшихъ труды, наравнѣ съ подвѣдомственными мнѣ чинами.

Уповаю, что вопросы, разработанные въ мое управленіе, принесутъ хотя нѣкоторую пользу учебнымъ заведеніямъ и разовьютъ въ учащихся чувства глубокой любви къ Россіи и ея Монарху.

Генералъ-адъютантъ *Ванновскій.*

Въ оффиціальной „Финляндской Газетѣ“ также появилось за истекшій мѣсяцъ нѣсколько правительственныхъ сообщеній.

„4 (17) апрѣля, въ 10 часовъ утра,—говорится въ первомъ

изъ нихъ,—въ присутствіи нюландскаго губернатора, призывное по воинской повинности присутствіе открыло въ гельсингфорскомъ гарнизонномъ манежѣ засѣданіе для провѣрки по призывнымъ спискамъ явившихся къ призыву лицъ. Толпа въ количествѣ около 500 человѣкъ громкимъ кашлемъ и шумомъ заглушала сначала чтеніе статей закона, а затѣмъ выкликаніе фамилій. Еще большими безпорядками сопровождались выходы выкликаемыхъ лицъ. Въ началѣ двѣнадцатаго часа былъ сдѣланъ перерывъ засѣданія. Выходившаго изъ манежа полицейскаго коммиссара Кайтокангаса толпа сопровождала криками и бросаньемъ камнями и кусками льда, коими нанесла серьезныя пораненія головы. Благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ и. д. помощника полиціймейстера штабсъ-капитана Максимова, названнаго коммиссара удалось посадить на извозчика и привезти на центральную полицейскую станцію. При этомъ толпа избила нѣсколькихъ констаблей. На возобновленномъ въ 12 часовъ того же дня засѣданіи призывного по воинской повинности присутствія, толпа, нѣсколько болѣе многочисленная, чѣмъ утромъ, среди которой были: протокольный секретарь Императорскаго Финляндскаго сената Фуругельмъ, баронъ фонъ-Борнъ, Аксель Лилле, городскіе фискалы и другіе интеллигенты, позволила себѣ еще большія безчинства. Всего изъ 857 призываемыхъ явилось въ манежъ 57 человѣкъ и 2 явилось непосредственно къ губернатору, доложивъ, что въ манежѣ толпа силою не допустила ихъ подойти къ кригсъ-коммиссару и шумомъ заглушила ихъ откликъ. Около 4 часовъ пополудни того же дня толпа начала собираться на Южной Эспланадной улицѣ, противъ магазина портного Зелигсона, въ который вошелъ коммиссаръ Кайтокангасъ. Подъ прикрытіемъ вызваннаго наряда конной и пѣшей полиціи упомянутому коммиссару удалось уѣхать на извозчикѣ, за которымъ бросилась толпа, но, потерявъ изъ виду, направилась на Сенатскую площадь, къ зданію полиціи, гдѣ и была разогнана констаблями. 5 апрѣля, въ 10 часовъ утра, призывное по воинской повинности присутствіе открыло засѣданіе въ казармахъ лейбъ-гвардіи 3-го финскаго баталіона для производства медицинскаго осмотра явившихся къ призыву. Толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, не смотря на просьбы полиціи разойтись, запрудила Казарменную площадь и крикомъ, свистомъ, ругательствами встрѣчала каждаго призывного, выходившаго изъ присутствія. Около 11 часовъ толпа набросилась на спокойно стоявшаго на углу Южной Магазинной и Фабіанской улицъ жандармскаго унтеръ-офицера, который хотѣлъ укрыться отъ нея въ аукціонный залъ, но былъ оттуда вытолкнутъ и для самообороны выхватилъ шашку. Видѣвшій это и. д. помощника полиціймейстера штабсъ-капитанъ Максимовъ съ обнаженной шашкой бросился на толпу, которая разбѣжалась, но въ это время штабсъ-капитанъ Максимовъ былъ серьезно раненъ въ голову кускомъ

льда. Кинувшійся на выручку его констабль Гедманъ сбитъ толпою съ ногъ и избитъ. Около 12 часовъ къ присутствовавшему все время на площади полиціймейстеру подошелъ „депутатъ" отъ толпы съ просьбою убрать усиленный нарядъ полиціи, ручаясь, что толпа разойдется и уличный порядокъ города Гельсингфорса будетъ возстановленъ. Полиціймейстеръ подполковникъ Карлстедтъ рѣшилъ испробовать это послѣднее средство для возстановленія уличнаго порядка. Дѣйствительно, нѣкоторые начали уходить, но замѣтно толпа не уменьшилась. Вскорѣ, съ окончаніемъ дѣйствій призывного присутствія, толпа перешла на Сенатскую площадь. Около двухъ часовъ дня вся площадь и прилегающія улицы были запружены народомъ и вызванная вся имѣвшаяся налицо полиція, какъ пѣшая, такъ и конная оказалась безсильною для удержанія порядка въ присутствіи возбужденной массы, угрожавшей полиціи и нѣкоторымъ изъ сенаторовъ, а потому была вызвана сотня оренбургскаго казачьяго дивизіона, при появленіи которой на площади толпа разсѣялась въ ближайшіе дворы, на лѣстницы Николаевскаго собора, сената, университета и въ боковыя улицы, но вскорѣ начала опять запружать площадь. Посланныя отдѣленія казаковъ для разсѣянія толпы были встрѣчены камнями, кусками льда, изъ оконъ бросали полѣнья и пузырьки съ какою-то жидкостью. Нѣсколько казаковъ были ушиблены и одинъ тяжело раненъ въ голову; не смотря на это, было рѣшено еще обождать примѣнять оружіе, но пришлось разгонять сопротивляющуюся толпу нагайками. Въ это время были вызваны двѣ роты 1 финляндскаго стрѣлковаго полка. Было ранено еще трое констаблей и казакъ, сильно ушиблены коммиссаръ Левингъ, трое констаблей и многіе легко. Въ виду обѣщанія нѣсколькихъ лицъ изъ публики и городскихъ уполномоченныхъ, что они уговорятъ толпу разойтись, дѣйствіе войскъ пріостановлено и казачья сотня введена во дворъ полицейскаго управленія. Пасторъ Муренъ обратился къ народу съ рѣчью на финскомъ и шведскомъ языкахъ, уговаривая разойтись, не доводя до кровопролитія. Въ виду приближенія времени окончанія работъ на фабрикахъ и возможности увеличенія толпы рабочими, вызваны были еще двѣ роты 1-го финляндского стрѣлковаго полка и двѣ роты л.-гв. 3-го стрѣлковаго финскаго батальона. До прихода послѣднихъ толпа начала расходиться, а затѣмъ были отправлены домой вызванныя части и поддержаніе порядка всецѣло вновь перешло въ руки полиціи. Казачья сотня на обратномъ пути была осыпана камнями, которыми сильно ушиблены офицеръ и урядникъ, раздроблено ложе винтовки и поранено нѣсколько лошадей. Мѣстами сотня пробивалась силою. Около десяти часовъ народъ кучками вновь началъ прибывать на Сенатскую площадь, откуда образовавшаяся толпа, съ пѣніемъ Бьернеборгскаго марша, съ крикомъ и свистомъ двинулась по Але-

ксандровской улицѣ. У студенческаго дома она остановилась и затѣмъ мало по малу стала расходиться. На слѣдующее утро во всѣхъ гельсингфорскихъ газетахъ было напечатано обращеніе городскихъ уполномоченныхъ къ гражданамъ, призывающее ихъ къ сохраненію порядка. Таковыя же воззванія были расклеены по всѣмъ улицамъ, а такъ какъ они вскорѣ оказались порванными, то были расклеены вторично. Повидимому, все это возымѣло дѣйствіе; день этотъ прошелъ покойно."

8 апрѣля было обнародовано,—по словамъ „Финл. Г.",—слѣдующее объявленіе нюландскаго губернатора: „Въ послѣдніе дни въ городѣ происходили уличные безпорядки, потребовавшіе вызова войскъ, имѣющихъ въ такихъ случаяхъ по закону право дѣйствовать оружіемъ, сила огнестрѣльнаго боя котораго нынѣ ужасна. Въ предупрежденіе напрасныхъ жертвъ, призываю гражданъ не нарушать общественнаго порядка, а въ особенности не допускать женщинъ и дѣтей примыкать къ толпѣ. Участіе въ недозволенныхъ сборищахъ, составляя нарушеніе закона, само по себѣ преступно. Уличная смута не можетъ поколебать правительственныхъ требованій и поэтому дерзкое своеволіе толпы, будучи совершенно безцѣльнымъ, можетъ лишь повлечь за собою весьма тяжкія послѣдствія. Законъ: § 6 главы 16 уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго; Высочайшее объявленіе отъ 20 января 1896 года относительно требованія содѣйствія военной силы".

Вслѣдъ затѣмъ въ „Финляндской Газетѣ" былъ обнародованъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ на имя финляндскаго генералъ-губернатора: „Въ послѣднее время въ Финляндіи распространились ложные слухи о намѣреніи Нашемъ отмѣнить въ настоящемъ году призывъ новобранцевъ. Слухи эти, смутивъ многихъ призываемыхъ, поселили въ ихъ средѣ сомнѣніе, слѣдуетъ ли имъ являться къ исполненію воинской повинности. Нашъ Финляндскій сенатъ, опасаясь, что при такомъ положеніи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ могутъ встрѣтиться затрудненія къ своевременному исполненію призыва, вошелъ къ намъ съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о продленіи установленнаго срока призыва, дабы дать населенію время убѣдиться въ неосновательности разсѣеваемыхъ по поводу воинской повинности слуховъ. Признавъ за благо снизойти къ этому ходатайству, предоставляемъ вамъ, по заявленію сената, продлить время производства призыва долѣе назначеннаго въ законѣ срока (24 іюня). Ожидаемъ, что освѣдомленные относительно истинныхъ Нашихъ намѣреній финляндскіе граждане не преминутъ безпрекословно исполнить требованіе закона. Уклоненіе отъ призыва приведетъ Насъ къ убѣжденію, что установившійся въ теченіе истекшаго столѣтія порядокъ управленія Финляндіею не обезпечиваетъ спокойнаго теченія государственной жизни и повиновенія властямъ".

Въ той же газетѣ было напечатано слѣдующее оффиціальное сообщеніе о новыхъ безпорядкахъ въ Гельсингфорсѣ, Выборгѣ, Таммерфорсѣ, Або, Бьерниборгѣ и др. городахъ:

„Въ теченіе дня 6-го апрѣля порядокъ на улицахъ г. Гельсингфорса не нарушался; замѣчено было лишь усиленное движеніе лицъ, извѣстныхъ полиціи своимъ участіемъ въ пропагандѣ. Однако, съ наступленіемъ темноты, толпа, собравшаяся на Уніонской улицѣ и Сенатской площади, нѣсколько разъ тушила уличные фонари и съ пѣніемъ бьернеборгскаго марша и криками „ура“ двинулась къ студенческому дому. Во второмъ часу ночи толпа, руководимая интеллигентными лицами, направилась къ 3-му полицейскому участку, который и разгромила въ конецъ, ранивъ камнями полицейскаго коммиссара Пеконена и одного констабля. Намѣреніе толпы повторить то же и въ центральномъ полицейскомъ управленіи было предотвращено прибытіемъ къ нему войскового наряда. 7-го апрѣля, около 6 часовъ вечера, толпа, собравшаяся на Фабіанской улицѣ, съ пѣніемъ бьернеборгскаго марша двинулась къ Сенатской площади, а оттуда на Сѣверную Эспланадную улицу мимо шведскаго театра, и далѣе къ Абоскому шоссе, гдѣ постепенно и разсѣялась. Въ слѣдующіе затѣмъ дни безпорядки не возобновлялись. 9-го апрѣля было расклеено по улицамъ и помѣщено во всѣхъ газетахъ объявленіе нюландскаго губернатора, призывающее обывателей уклоняться отъ недозволенныхъ сборищъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и усиленъ гарнизонъ города. Такого же рода уличные безпорядки, которымъ клика агитаторовъ желаетъ придать значеніе народнаго движенія, были допущены въ Таммерфорсѣ, Або, Бьернеборгѣ, Выборгѣ и другихъ городахъ. Всѣ эти безпорядки, столь несоотвѣтствующіе мнимой финляндской лойальности, составляли демонстративный протестъ противъ перваго примѣненія къ дѣлу Высочайшаго манифеста отъ 3-го февраля 1899 года. Смутьяны подстрекали легковѣрныхъ къ проявленію такого преступнаго противодѣйствія даже и противъ примѣненія стараго устава о воинской повинности 1878 года, внушая, что люди могутъ подпасть подъ силу новаго закона, будучи зачислены въ то ополченіе, которое когда-нибудь впослѣдствіи можетъ быть собрано, осуществляя въ этомъ отношеніи требованія Высочайшаго манифеста 29-го іюня 1901 г. Такое дерзкое противодѣйствіе въ сущности милостивому военному закону было во многихъ мѣстахъ проявлено агитаторами созданіемъ затрудненій въ общинахъ по выбору депутатовъ въ составъ уѣздныхъ по воинской повинности присутствій, въ назначеніи секретарей и врачей, затрудненіями въ отводѣ для освидѣтельствованія и жеребьеметанія помѣщеній и т. п“.

Какъ сообщаетъ „Финл. Газ.“, вновь назначенному министру внутреннихъ дѣлъ В. К. фонъ-Плеве 7-го (20-го) апрѣля высо-

чайше повелѣно впредь до дальнѣйшихъ Его Императорскаго Величества указаній оставаться министромъ статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго.

6-го апрѣля состоялся слѣдующій Высочайшій указъ: „Помощнику финляндскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками финляндскаго военнаго округа, генералъ-лейтенанту Шипову — всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ военнаго совѣта“.

В. Мякотинъ.

Письмо въ редакцію.

Милостивые Государи гг. Редакторы! Не считая возможнымъ и умѣстнымъ полемизировать въ настоящемъ письмѣ съ авторомъ „Хроники внутренней жизни“, напечатанной въ № 3 „Русскаго Богатства“, въ которой идетъ, между прочимъ, рѣчь о двухъ дѣлахъ, въ которыхъ я выступалъ въ судѣ (дѣло Рыхлицкаго съ удѣльнымъ вѣдомствомъ объ убыткахъ за потраву зубрами, и дѣло г. Пастухова, обвиненнаго въ неосторожномъ убійствѣ) по поводу его весьма опредѣленной точки зрѣнія на сферу дѣлъ, могущихъ быть объектомъ защиты для блюдущаго свое нравственное достоинство адвоката, а также его оцѣнки умѣстности тѣхъ или иныхъ пріемовъ защиты, такъ какъ это значило бы, въ виду содержанія „Хроники“, оправдываться самому, между тѣмъ какъ оправдываться мнѣ, по моему убѣжденію, рѣшительно не въ чемъ, я позволяю себѣ просить разрѣшить мнѣ указать на страницахъ же „Русскаго Богатства“ фактическія неточности, допущенныя г. хроникеромъ, очевидно, не по своей винѣ, а вслѣдствіе ошибокъ или умолчаній, вкравшихся въ газетныя корреспонденціи, изъ которыхъ онъ черпалъ свои свѣдѣнія.

По дѣлу Рыхлицкаго (кстати—Рыхлицкій не „крестьянинъ“ съ экономической точки зрѣнія, а арендаторъ чужихъ земель) съ удѣльнымъ вѣдомствомъ, приписывая мнѣ „разные доводы“ въ томъ числѣ и защиту „личности зубровъ“ (это, конечно, уже „остроуміе“—не мое!), корреспонденція умалчиваетъ о самомъ главномъ и основномъ юридическомъ положеніи, выдвигавшемся

въ защиту удѣльнаго вѣдомства, на которомъ собственно и основано рѣшеніе Виленской Судебной Палаты, отказавшей Рыхлицкому въ искѣ.

Зубры водятся не только въ лѣсахъ удѣльнаго вѣдомства, но и въ лѣсахъ частныхъ владѣльцевъ данной мѣстности. За „своихъ" зубровъ (т. е. прикармливаемыхъ и даже содержимыхъ въ особомъ „Звѣринцѣ") Удѣлы безусловно должны отвѣчать. По дѣлу было доказано, что зубры, потравившіе сѣно Рыхлицкаго, „вышли не изъ Бѣловѣжской пущи" (выписка изъ рѣшенія Судебной Палаты).

Правило (законъ) о „неприкосновенности" зубра (его нельзя убивать, но гнать и пугать можно) установлено не удѣлами, а государственною властью, почему я въ своихъ объясненіяхъ между прочимъ рекомендовалъ страдающимъ отъ зубровъ предъявлять иски къ казнѣ, а не къ удѣламъ. Съ точки зрѣнія г. хроникера это, конечно,—„юридическія тонкости". Но не мѣшаетъ знать и ихъ тому, кто авторитетно берется разсуждать о судебномъ дѣлѣ. Мы, юристы, призваны не только руководиться своими симпатіями, но и дѣйствующими законами.

Затѣмъ позволяю себѣ думать, что одно уже то обстоятельство, что искъ былъ предъявленъ зажиточнымъ арендаторомъ чужихъ земель—г. Рыхлицкимъ, не давало мнѣ даже внѣшняго повода полагать, что въ этомъ гражданскомъ дѣлѣ я призванъ считаться съ „личностью крестьянина" какъ таковою, а тѣмъ болѣе—„личность зубра" противопоставлять „личности крестьянина". Если зубры дѣйствительно столь вредны для интересовъ мѣстнаго крестьянина, какъ утверждаетъ г. хроникеръ, то, разумѣется, слѣдовало бы отмѣнить вовсе законъ о ихъ „неприкосновенности" и перебить ихъ до одного. Противъ этого я рѣшительно ничего не имѣю. Но вѣдь г. хроникеръ хорошо понимаетъ, что это не отъ меня зависитъ, и какія бы я ни питалъ особенныя (хотя бы даже такія, какъ и самъ г. хроникеръ) чувства къ „личности крестьянина", ей отъ нихъ, увы!—ни тепло, ни холодно.

Относительно дѣла г. Пастухова настаиваю лишь на одномъ. Условія и обстоятельства, при которыхъ „со страху" (а не по иному побужденію) выстрѣлилъ Пастуховъ и по поводу которыхъ г. хроникеръ говоритъ о „чудесномъ превращеніи" фактовъ, я возсоздавалъ на основаніи точныхъ данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ. Въ моихъ рукахъ былъ фотографическій снимокъ, на которомъ была воспроизведена мѣстность, гдѣ находилась лодка Пастухова. Судъ коронный, обязанный мотивировать свой приговоръ, судилъ на основаніи тѣхъ же точныхъ, фактически установленныхъ данныхъ и, очевидно, раздѣлилъ всѣ мои доводы объ условіяхъ, при которыхъ произошелъ выстрѣлъ. Г. хроникеръ довольствуется сообщеніемъ „Нижегородскаго Листка". По-

слѣдній, воспроизводя судебное разбирательство по дѣлу Пастухова, врядъ-ли могъ отрѣшиться отъ предвзятаго специфическаго его освѣщенія: еще до разбора дѣла газета эта трубила о виновности Пастухова въ *умышленномъ* убійствѣ. Это оказалось явнымъ вздоромъ: даже и прокуратура не нашла никакихъ основаній для постановки подобнаго обвиненія.

Г. хроникеръ „не огорченъ" тѣмъ, что Пастуховъ, вмѣсто четырехъ мѣсяцевъ тюрьмы, получилъ двѣ недѣли ареста. Но въ работѣ защиты, которая привела къ этому результату, онъ усматриваетъ „некорректность пріемовъ" и отсутствіе „цѣломудрія въ словахъ". Мнѣ, двадцать лѣтъ занятому задачами защиты, трудно стоять на точкѣ зрѣнія обвинителя, да еще какъ разъ въ ту минуту, когда я призванъ высказать доводы въ пользу того, что подсудимый заслуживаетъ (а онъ этого всегда заслуживаетъ) защиты и снисхожденія. Защитнику, вѣрящему въ непреложность суроваго возмездія, едва-ли не проще перемѣнить профессію. При томъ же обвинитель въ нашемъ уголовномъ процессѣ и безъ того достаточно силенъ и положеніе его въ достаточной степени привилегировано, чтобы ужъ защитѣ не приходилось, по крайней мѣрѣ, заботиться о поддержаніи доводовъ обвиненія. Г. хроникеру пріятны конечные результаты гуманнаго характера. Пусть же онъ предоставитъ защитѣ нѣкоторую свободу бороться съ обвиненіемъ.

Намеки относительно „умаленія человѣческой личности" убитаго путемъ защиты г. Пастухова для меня уже совершенно непонятны. Защищать невольнаго убійцу—никакъ не можетъ значитъ попирать личность несчастной жертвы. Если бы своимъ отказомъ защищать г. Пастухова я могъ совершить чудо—воскресить несчастнаго—я бы, конечно, г. Пастухова не защищалъ.

Н. Карабчевскій.

По поводу письма г. Карабчевскаго.

Письмо г. Карабчевскаго вынуждаетъ меня вернуться къ нѣкоторымъ эпизодамъ, изложеннымъ въ предыдущей моей хроникѣ. Правда, авторъ письма „не считаетъ возможнымъ и умѣстнымъ полемизировать“ со мной, такъ какъ „это значило бы оправдываться“, а ему „оправдываться рѣшительно не въ чемъ“, и желаетъ лишь указать допущенныя мною „фактическія неточности“. Но, не считая возможнымъ полемизировать, г. Карабчевскій въ дѣйствительности вступаетъ въ полемику, опровергая то, что было въ моей хроникѣ, попутно опровергаетъ и то, чего въ ней не было, и, не желая оправдываться, обвиняетъ другихъ. Все это заставляетъ меня снабдить его письмо нѣкоторыми разъясненіями.

По словамъ самого г. Карабчевскаго, „фактическія неточности допущены хроникеромъ „Р. Богатства“, очевидно, не по своей винѣ, а вслѣдствіе ошибокъ или умолчаній, вкравшихся въ газетныя корреспонденціи, изъ которыхъ онъ черпалъ свои свѣдѣнія“. Мнѣ приходится сказать по этому поводу нѣсколько больше. Говоря о фактической сторонѣ дѣла Рыхлицкаго съ удѣльнымъ вѣдомствомъ, я лишь перепечаталъ, безъ всякихъ добавленій отъ себя, но съ яснымъ и полнымъ указаніемъ на источникъ, замѣтку „Русскихъ Вѣдомостей“, появившуюся за полтора мѣсяца до того и не вызвавшую возраженій ни съ чьей стороны, въ томъ числѣ и со стороны г. Карабчевскаго. Такой матеріалъ довольно естественно было считать достовѣрнымъ. Теперь г. Карабчевскій рѣшительно опровергаетъ названную замѣтку, всецѣло основанную на утвержденіи, что въ дѣлѣ Рыхлицкаго фигурировали зубры Бѣловѣжской пущи, приносящіе значительный вредъ мѣстному крестьянству *). Если мнѣ, дѣйствительно, пришлось воспользоваться невѣрными свѣдѣніями, я очень жалѣю объ этомъ и охотно готовъ извиниться передъ г. Карабчевскимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ

*) Зачѣмъ-то г. Карабчевскій дважды повторяетъ, что Рыхлицкій — не крестьянинъ. Ни въ корреспонденціи «Р. Вѣдомостей», ни въ моей хроникѣ Рыхлицкій не названъ крестьяниномъ. Тамъ и здѣсь онъ именуется «обывателемъ». Но корреспондентъ «Р. Вѣдомостей» утверждалъ, что дѣло Рыхлицкаго носило принципіальный характеръ и что съ нимъ были тѣсно связаны интересы значительной части мѣстныхъ крестьянъ, находящихся въ такомъ же положеніи, какъ Рыхлицкій. Корреспондентъ, очевидно, руководился тѣмъ взглядомъ, что адвокатъ, добровольно принимая на себя защиту какого-либо дѣла, взвѣшиваетъ всю его общественную обстановку и связанныя съ нимъ послѣдствія. Изъ этого-же взгляда исходилъ и я въ своихъ комментаріяхъ. Но есть, конечно, и другая точка зрѣнія, согласно которой «юристы призваны не только руководиться своими симпатіями, но и дѣйствующими законами».

не могу не замѣтить, что доля отвѣтственности за происшедшее лежитъ на немъ самомъ и что онъ и въ настоящее время выбралъ не совсѣмъ правильный путь для возстановленія истиннаго характера интересующаго его факта. Если бы онъ послалъ свое опроверженіе въ редакцію „Р. Вѣдомостей", имѣющую возможность провѣрить сообщеніе своего корреспондента, мнѣ не пришлось бы пользоваться невѣрными свѣдѣніями, а если бы это, къ несчастью, уже случилось, я поспѣшилъ бы, конечно, самъ исправить свою ошибку. Но, обращаясь непосредственно въ „Р. Богатство", не имѣющее сношеній съ корреспондентомъ „Р. Вѣдомостей", г. Карабчевскій лишь противопоставляетъ изложенію послѣдняго свое собственное.

Что касается меня, я охотно готовъ принять свидѣтельство г. Карабчевскаго. Нѣсколько смущаетъ меня лишь то обстоятельство, что онъ, рѣшительно обвиняя корреспондента въ замалчиваніи фактовъ, самъ съ неменьшею рѣшительностью излагаетъ и оцѣниваетъ факты, завѣдомо для него не существовавшіе. Сказавъ, что потравившіе сѣно Рыхлицкаго зубры не принадлежатъ удѣльному вѣдомству и что поэтому отвѣтственность за нихъ ложится не на послѣднее, а на казну, г. Карабчевскій прибавляетъ: „съ точки зрѣнія г. хроникера это, конечно, „юридическія тонкости". Но не мѣшаетъ знать и ихъ тому, кто авторитетно берется разсуждать о судебномъ дѣлѣ". Несомнѣнно, не мѣшаетъ. Точно также не мѣшаетъ, разсуждая о дѣлѣ, не измѣнять его истиннаго характера. Быть можетъ, съ моей точки зрѣнія указанныя обстоятельства, дѣйствительно,—„юридическія тонкости". Быть можетъ, однако, это и не такъ. Вѣрно во всякомъ случаѣ одно, что я своей точки зрѣнія на нихъ не высказывалъ, и читатель напрасно сталъ бы искать въ моей хроникѣ поставленныя г. Карабчевскимъ въ кавычкахъ слова. Ихъ нѣтъ въ ней и не могло быть, такъ какъ въ своемъ изложеніи я основывался лишь на замѣткѣ „Р. Вѣдомостей", ничего не говорившей объ этихъ обстоятельствахъ.

Во второй части своего письма г. Карабчевскій опровергаетъ данное мною изложеніе его роли въ дѣлѣ г. Пастухова. Признаться, для меня несовсѣмъ понятно, что собственно желаетъ опровергнуть въ этомъ случаѣ г. Карабчевскій, такъ какъ онъ не отрицаетъ ни одного изъ сообщенныхъ мною фактовъ и не прибавляетъ къ нимъ ничего новаго. Взамѣнъ этого онъ бросаетъ лишь голословное обвиненіе по адресу „Нижегородскаго Листка", на судебный отчетъ котораго о дѣлѣ Пастухова была сдѣлана ссылка въ моей хроникѣ, говоря, что названная газета, „воспроизводя судебное разбирательство по дѣлу Пастухова, врядъ-ли могла отрѣшиться отъ предвзятаго специфическаго его освѣщенія". Я не стану разбирать это обвиненіе, тяжесть котораго г. Карабчевскому, какъ юристу и писателю, должна быть хорошо понятна, — не стану именно въ виду полной его голословности.

Замѣчу лишь, что другая нижегородская газета „Волгарь", до суда излагавшая дѣло г. Пастухова значительно иначе, чѣмъ „Нижегородскій Листокъ", о судебномъ разбирательствѣ этого дѣла дала отчетъ, въ общемъ совпадающій съ отчетомъ послѣдней газеты.

Г. Карабчевскій недоволенъ еще моимъ упрекомъ по поводу отсутствія корректности пріемовъ и цѣломудрія выраженій въ его защитительной рѣчи по дѣлу г. Пастухова. И такъ какъ я оговорился, что меня интересуютъ лишь пріемы защиты, пущенные въ ходъ адвокатомъ г. Пастухова, а не мѣра наказанія, наложенная судомъ на послѣдняго *), г. Карабчевскій иронически приглашаетъ меня ради достиженія „результатовъ гуманнаго характера" „предоставить защитѣ нѣкоторую свободу бороться съ обвиненіемъ". Я боюсь, что самъ г. Карабчевскій едва-ли серьезно считаетъ меня противникомъ свободы защиты. Но во всякомъ случаѣ, если двадцать лѣтъ защиты не научили г. Карабчевскаго, что между свободою защиты и не-корректностью ея пріемовъ нѣтъ ничего общаго, то, конечно, не моимъ слабымъ силамъ достигнуть этого. Ограничусь поэтому лишь немногими словами.

Г. Карабчевскій какъ будто отожествляетъ интересы гуманности съ интересами адвокатуры. Мое представленіе о современномъ судѣ нѣсколько иное и не допускаетъ столь простого критерія. Защита не всегда кажется мнѣ гуманной только потому, что она—защита, обвиненіе не всегда представляется противнымъ гуманности только потому, что оно—обвиненіе. Я знаю, что въ практикѣ современной адвокатуры нѣтъ какой-либо непереходимой границы между защитой и обвиненіемъ, что адвокаты нерѣдко дѣйствуютъ въ интересахъ послѣдняго, выступая, напримѣръ, въ роли гражданскихъ истцовъ въ уголовномъ процессѣ и стоя въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, „на точкѣ зрѣнія обвинителя". Съ другой стороны мнѣ слишкомъ хорошо извѣстно и то, что современный судъ далекъ отъ идеала не въ одномъ лишь отношеніи,—что онъ знаетъ права, которыя трудно защищать, но знаетъ и правонарушенія, которыя трудно обвинять. Уже одни эти соображенія не позволяютъ мнѣ считать всякую защиту ведущею къ торжеству интересовъ гуманности и всякіе пріемы защиты признавать правильными, разъ ими достигается смягченіе уголовной репрессіи. Приведенными соображеніями, конечно, не исчерпывается еще вопросъ, но развивать ихъ далѣе едва-ли стоитъ въ виду нежеланія г. Карабчевскаго перейти въ

---

*) Маленькая подробность. Въ письмѣ г. Карабчевскаго говорится: «г. хроникеръ «не огорченъ» тѣмъ, что Пастуховъ вмѣсто четырехъ мѣсяцевъ тюрьмы, получилъ двѣ недѣли ареста». Словъ, поставленныхъ г. Карабчевскимъ въ кавычки, опять-таки нѣтъ въ моей хроникѣ и они принадлежатъ самому автору письма.

своихъ возраженіяхъ на принципіальную почву. Съ своей стороны я готовъ искренно пожалѣть объ этомъ нежеланіи. При всемъ очевидномъ несходствѣ нашихъ взглядовъ принципіальный споръ могъ бы, мнѣ кажется, имѣть нѣкоторое значеніе, способствуя выясненію общаго и далеко не празднаго вопроса. Путемъ же фактическаго опроверженія г. Карабчевскій, боюсь, опровергъ слишкомъ немногое изъ того, что хотѣлъ опровергнуть. Но объ этомъ пусть судитъ читатель.

В. Мякотинъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ мартовской книжкѣ, въ статьѣ **„Теорія трудовой стоимости“**, слѣдуетъ сдѣлать исправленія:

				Напечатано	*Надо*
На 38	стр.	16	строка св.	суммѣ стоимости	суммѣ потребительной стоимости
„ 40	„	10	„	установленные размѣры	установленіе размѣра
„ 42	„	1	сн. въ тек.	поступательной силѣ	поступательномъ ходѣ
„ 47	„	8	сн. „	приводитъ его	приводитъ
„ 61	„	21	сн. „	собственная	субъективная

НОВАЯ КНИГА:

Литературное Дѣло.

СБОРНИКЪ.

Евг. Чириковъ. На дворѣ во флигелѣ. *Бытовыя картины.*—**Скиталецъ.** Пѣсни скитальца. *Стихотворенія.*—**Евг. Тарле** Изъ исторіи обществовѣдѣнія въ Россіи.—**Танъ.** На красномъ камнѣ. *Повѣсть.*—**А. М. Вербовъ.** *Стихотворенія.*—**В. Богучарскій.** Декабристъ-литераторъ Александръ Осиповичъ Корниловичъ.—**В. Вересаевъ.** На эстрадѣ. *Эскизъ.*—**С. Булгаковъ.** Васнецовъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ и Толстой. *Параллели.*—**А. Лукьяновъ.** *Стихотворенія.*—**В. І. Дмитріева.** Волки. *Разсказъ.*—**Николай Бердяевъ.** Къ философіи трагедіи. *Морисъ Метерлинкъ.*—**Вас. Брусянинъ.** Пѣвучая гитара. *Разсказъ.*—**Галина.** *Стихотворенія.*—**Скиталецъ.** Атаманъ. *Разсказъ.*—**З. К.** Максимъ Горькій въ иностранной критикѣ.—**Танъ.** *Стихотвореніе.*—**Иванъ Новиковъ.** *Два очерка:* 1) Къ жизни, 2) Ландыши.—**Иванъ Странникъ.** Изъ настроеній современной французской литературы.—**Вл. Муриновъ.** Скандалъ. *Разсказъ.* **Проф. Евг. Аничковъ.** Вильямъ Моррисъ и его утопическій романъ.

С.-Петербургъ, 1902 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Складъ изданія при типографіи ***А. Е. Колпинскаго.*** Спб., Конная ул., д. 3—5.

Портретная Галлерея Европейскихъ писателей.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу портреты (фототипіи на картонѣ, размѣра 25×35 сант.) слѣдующихъ писателей и музыкантовъ: В. Бѣлинскаго, **Н. Гоголя**, А. Герцена, М. Горькаго, Н. Добролюбова, Ѳ. Достоевскаго, В. Короленко, Мельшина (П. Я.), П. Милюкова, Н. Михайловскаго, С. Надсона, Н. Некрасова, М. Салтыкова (Щедр.), Вл. Соловьева, Л. Толстого, Г. Успенскаго, Н. Чернышевскаго, А. Чехова, Т. Шевченко, А. Бебеля, Г. Ибсена, Ф. Лассаля, К. Маркса, Гюи де Мопассана, Ф. Ницше, П. Чайковскаго.

Цѣна портрета 35 к. Кромѣ названныхъ выше, поступилъ въ продажу юбилейный портретъ Н. В. Гоголя большого формата (35×51 сант.). **Цѣна 50 к.**

Примѣчаніе: При выпискѣ портретовъ Н. В. Гоголя просятъ указывать размѣръ ихъ или цѣну, при отсутствіи таковыхъ указаній будутъ высылаться портреты обычнаго формата въ 35 к.

Готовятся къ печати: 1) портреты (формата 25×35 сант., въ 35 к.) **Жуковскаго**, Ал. Толстого, Горькаго, и Шаляпина вмѣстѣ, Бернштейна, Каутскаго, Писарева и мн. др. и 2) портреты большого формата (35×51 сант., цѣна 50 к.) Л. Толстого, Лермонтова, Пушкина.

Всѣ портреты исполнены въ типографіи и фототипіи С. В. Кульженко.

Выписывающіе сразу не менѣе 50 портретовъ получаютъ уступку въ 20% съ цѣны и сверхъ того не платятъ за пересылку.

Продажа производится исключительно за наличный разсчетъ.

Выписка съ наложеніемъ платежа допускается.

Пересылка 1—3 портретовъ **обычнаго формата** въ предохранительной папкѣ заказной бандеролью стоитъ 21 к., 4—5 портретовъ 23 к., 6—7—25 к.; **большого формата** 1 портрета 23 к., 2—25 к., 3—29 к., 4—31 к.

При небольшихъ заказахъ стоимость ихъ можно высылать почтовыми марками.

Имѣются изящныя папки съ надписью золотомъ: «Портретная Галлерея Европейскихъ писателей». Цѣна коленкоровыхъ—1 руб. 20 коп., бумажныхъ—60 коп. Уступка 20%.

Лица, выписывающія не менѣе 4 папокъ по 1 р. 20 к., или не менѣе 6 по 60 к., или выписывающія ихъ вмѣстѣ съ портретами (не менѣе 50 экз.) за пересылку не платятъ.

Съ заказами просятъ **обращаться къ издательницѣ Вѣрѣ Петровнѣ Водовозовой (Кіевъ, Львовская, 29)** или въ складъ изданій въ книжный магазинъ Всеволода Попова,—Кіевъ, Фундуклеевская улица, 4.

НОВАЯ КНИГА:

Л. МЕЛЬШИНЪ

„ПАСЫНКИ ЖИЗНИ". Разсказы.

Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство".

Цѣна 1 руб.

Энциклопедическій Словарь.

(начатый проф. И. Е. АНДРЕЕСКИМЪ).

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора **Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО**

при соучастіи редакторовъ отдѣловъ

Проф. А. Н. Бекетовъ (біологич. науки), С. А. Венгеровъ (исторія литературы), проф. А. И. Воейковъ (географія), проф. Н. И. Карѣевъ (исторія), А. И. Сомовъ (изящн. искусства), проф. Д. И. Менделѣевъ (химико-технич. и фабрично-завод.), проф. В. Т. Собичевскій (сельско-хозяйственый и лѣсоводство) Э. Л. Радловъ (философія), проф. Н. Ѳ. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждые два мѣсяца полутомами, въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышли 67 полутомовъ. Цѣна за каждый полутомъ (въ переплетѣ) 3 руб., за доставку 40 коп.

Словарь обнимаетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ. литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помѣщаемыхъ въ словарѣ статей составляется самостоятельно русскими учеными и спеціалистами, при чемъ все касающееся Россіи обработывается наиболѣе полно и тщательно.

Заявленія о подпискѣ принимаются: въ конторѣ журнала „**Русское Богатство**" — Петербургъ, *уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Допускается разсрочка на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 руб., послѣ чего выдаются имѣющіеся на-лицо полутомы; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ ШЕСТИ рублей, независимо отъ платежей, производимыхъ за остальные полутомы.

Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ).

Редакторы-Издатели: { *Вл. Г. Короленко.* *Н. Е. Михайловскій.*

Дозв. ценз. Спб., 25 апрѣля 1902 г. Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, 3.

3 2044 015 517 543

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

STALL-STUDY
CHARGE